

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

А. И. АНДРЕЕВ

О Ч Е Р К И
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
С И Б И Р И

*

ВЫПУСК ВТОРОЙ

XVII

БЕК

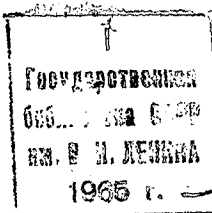
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

Ответственный редактор
В. К. ЯЦУНСКИЙ

Александр Игнатьевич Андреев

ОЧЕРКИ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ СИБИРИ, в 2 кн.

Утверждено к печати Ленинградским отделением Института
истории Академии наук СССР

Редактор-издательства В. Н. Кривош. Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Г. П. Арефьева

Корректоры И. С. Дементьева, Э. В. Коваленко и Л. Э. Фрадкина

Сдано в набор 7/IV 1964 г. Подписано к печати 23/II 1965 г. РИСО АН СССР № 49-131В.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 11³/₈. Печ. л. 22³/₄ = 22.75 усл. печ. л. Уч.-пед. л. 25.79.
Изд. № 2163. Тип. зав. № 715. М-28017. Тираж 1300. ТП № 2 1964 г. Цена 1 р. 68 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука».

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. изд. «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОТ РЕДАКЦИИ

Второй выпуск «Очерков по источниковедению Сибири» (первая половина XVIII в.) был написан А. И. Андреевым в течение 1935—1940 гг. В 1940 г. «Очерки» были сданы в набор. Чистые листы книги были подписаны к печати 16 июля 1941 г., однако книга вследствие начавшейся войны не увидела света.

В архиве А. И. Андреева сохранился единственный полный экземпляр чистых листов книги, над которыми А. И. Андреев на протяжении почти 20 лет, до момента своей смерти в июне 1959 г., непрерывно работал, готовя книгу к печати. Эта работа коснулась текста и примечаний весьма неравномерно: по одним главам дополнения автора насчитываются лишь единицами, а по другим — десятками; в отдельных случаях менялись даже целые абзацы старого текста. Эти дополнения вносились как в виде приписок на полях книги, так и на отдельных листочках, хранившихся в специальной папке, озаглавленной «Дополнения ко второму выпуску очерков». Отдельные дополнения и особенно ссылки на источники и литературу, сделанные автором для себя, иногда было очень трудно расшифровать.

В течение тех же 20 лет отдельные очерки полностью или частично были опубликованы А. И. Андреевым в виде статей в различных центральных и местных изданиях,¹ иногда мало-доступных, некоторые в сокращенном виде или без аппарата.

¹ Труды о Сибири В. Н. Татищева (Советская этнография, 1936, № 6, стр. 93—103); Г. Ф. Миллер. История Сибири, I. М.—Л., 1937, а также Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции (Известия ВГО, 1959, вып. 1); Жизнь и труды С. П. Крашенинникова (Советский Север, 1939, № 2, стр. 5—64); Экспедиции В. Беринга (Известия ВГО, 1943, вып. 2, стр. 3—44); Экспедиции на восток до Беринга (Труды Историко-архивного института, т. 2, М., 1946, стр. 181—202); Труды Ломоносова по географии России (Ломоносов. Сборник статей и материалов. II. М.—Л., 1946, стр. 130—143). Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (обзор источников и литературы) в кн.: Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948, стр. 5—76.

Текст второго выпуска «Очерков» дает цельное и последовательное представление о той огромной работе по изучению Сибири, которая велась в первой половине XVIII в.; она являлась продолжением изучения Сибири, начатого еще в XVII в. и явившегося предметом специального исследования А. И. Андреева в первом выпуске «Очерков», второе издание которых вышло в 1960 г.

Перед издателями второго выпуска «Очерков» стояла трудная и сложная задача по выбору текста, ибо книга была написана, как отмечалось выше, в 1935—1940 гг., а отдельные очерки в виде статей значительно позже — они печатались вплоть до 1959 г.² Поэтому редакция сочла возможным заменить текст некоторых очерков книги текстом опубликованных статей.³

Кроме того, сохранилось новое, переработанное А. И. Андреевым в марте 1959 г., оглавление, которое предусматривало включение в книгу некоторых статей, заново написанных и опубликованных им в период времени с 1939 по 1959 г.,⁴ они введены редакцией в книгу.

Новое оглавление было составлено не только к первому и второму выпуску «Очерков», но и ко всей работе, задуманной А. И. Андреевым в четырех выпусках, в которых изучение источников по истории, географии и этнографии Сибири должно было быть доведено до середины XIX в. Это оглавление дается в виде приложения к настоящему выпуску «Очерков» с тем, чтобы дать представление обо всем труде в целом, как он был задуман А. И. Андреевым.

Кроме нового оглавления, в архиве А. И. Андреева была найдена записка, в которой он отметил необходимость внесения

² Труды Г. Ф. Миллера о Второй Камчатской экспедиции (Известия ВГО, 1959, вып. 1).

³ Отдельные параграфы очерка о Миллере заменены упомянутой выше статьей «Труды Миллера о Второй Камчатской экспедиции» (Известия ВГО, 1959, вып. 1), очерк о Ломоносове — статьей, опубликованной в 1946 г. В очерк «Обзор материалов Первой и Второй Камчатских экспедиций» сделаны вставки из статьи «Сибирские зарисовки первой половины XVIII в.» (Летопись Севера, I. М.—Л., 1949, стр. 126—128); в очерк о Миллере — вставка из статьи «Изучение Якутии в XVIII в.» (Уч. зап. Якутского фил. АН СССР, Инст. языка, лит. и истории, вып. IV, Якутск, 1956, стр. 18). В очерке о Татищеве сделаны вставки из вводной статьи к книге: В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950. Также сделаны вставки в очерк «Экспедиции на Восток до Беринга. И. Евреинов, Ф. Лужин, П. Меллер и др.», из статей А. И. Андреева «Первая русская экспедиция XVIII в. в Северном Ледовитом океане» (Известия ВГО, 1943, вып. 2, стр. 57—58) и «Изучение Якутии в XVIII в.» (Уч. зап. Якутского фил. АН СССР, Инст. языка, лит. и истории, вып. IV, стр. 3—4, 9—10).

⁴ Жизнь и научные труды С. П. Крашенинникова (Советский Север, 1939, № 2, стр. 5—64); Экспедиции на восток до Беринга (Труды Историко-архивного института, т. 2, М., 1946, стр. 181—202, со значительными дополнениями и переработкой автора, сделанной в 1959 г.).

в текст второго выпуска «Очерков» еще двух опубликованных им статей: «Сибирские зарисовки первой половины XVIII в.»⁵ и «Изучение Якутии в XVIII в.»⁶ Отдельные части этих статей включены (как отмечено выше — подстр. прим. 3) в текст «Очерков». Эти вставки в тексте очерков выделены квадратными скобками, а ссылки на подстрочные примечания, в которых указываются названия работ и использованные страницы, отмечены буквами.

Скоропостижная смерть А. И. Андреева оборвала его работу над книгой, поэтому не весь текст книги, как отмечалось уже выше, оказался в одинаковой степени выверенным, дополненным и отредактированным самим автором. Кроме того, осталось неосуществленным его намерение написать очерк о путешествиях через Сибирь в Китай и очерк об И. Г. Гмелине.

Считая необходимым сохранить неприкосновенным авторский текст, редакция не сочла себя вправе изменить структуру книги, а ограничилась в отдельных, совершенно необходимых случаях устранением повторений и введением перекрестных ссылок, а также ссылок на опубликованные после 1940 г. работы самого А. И. Андреева, относящиеся к содержанию данной книги. Наибольшему сокращению подвергся очерк, посвященный Г. Ф. Миллеру: купюры сделаны во всем тексте очерка, целиком опущено изложение истории текста «Истории Сибири» (полностью напечатанное во введении к этому труду Миллера).⁷ Как и в первом выпуске «Очерков», сохранены названия племен и народов Сибири, населявших ее в первой половине XVIII в., взятые А. И. Андреевым из источников этого периода. Редакции пришлось проделать большую работу по проверке текста и аппарата книги. Эта работа была выполнена Р. И. Козинцевой, принимавшей участие также в редактировании текста «Очерков».

Редакция книги принадлежит К. Н. Сербиной. Ответственный редактор В. К. Ядунский.

Редакция считает своим долгом принести благодарность А. Я. Андреевой, взявшей на себя труд по выявлению в архиве А. И. Андреева неопубликованных очерков и дополнений, а также принимавшей участие в сверке текста, и М. Г. Новлянской и Н. С. Давыдовой, помогавшим в работе над книгой.

⁵ Летопись Севера, I, 1949, стр. 123—135.

⁶ Уч. зап. Якутского фил. АН СССР, Инст. языка, лит. и истории, вып. IV, стр. 3—32.

⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири, I, стр. 134—139.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- Записки РГО — Записки Русского географического общества.
- Известия ВГО — Известия Всесоюзного географического общества.
- Известия РГО — Известия Русского географического общества.
- С. П. Крашенинников. Описание. . ., 1949 — С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.—Л., 1949.
- ЛОИИ — (Архив) Ленинградского отделения Института истории АН СССР.
- Материалы, I—X — Материалы для истории Академии наук, тт. I—X. СПб., 1885—1900.
- Отд. рук. кн. БАН — Отдел рукописной (редкой) книги Библиотеки Академии наук СССР.
- Пекарский, I—II — П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, тт. I—II. СПб., 1870—1873.
- Пекарский. Архивные разыскания — П. Пекарский. Архивные разыскания об изображении ныне несуществующего животного *Rhytina borealis*. Записки Академии наук, т. XV, прил. № 1, СПб., 1869.
- Протоколы Конференции, I—IV — Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г., тт. I—IV. СПб., 1897—1911.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, первое издание.
- М. П. Пуцилло. Указатель — М. П. Пуцилло. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащих Московскому архиву Министерства иностранных дел. М., 1879.
- Реестр географическим атласам — Реестр географическим атласам, картам, планам и феатрам войны, составленный в 1816 году, исправленный в 1828 году и дополненный по 1877 год. Библиотеки Московского главного архива Министер-

- Рук. отд. ГПБ
- Сб. РИО
- ЦГАВМФ
- ЦГАДА
- ЦГВИА
- ЦГИАЛ
- ЧОИДР
- Bering's Voyages, I, II
- SRG, I—IX
- ства иностранных дел. СПб., 1877.
- Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
- Сборник имп. Русского исторического общества. СПб.
- Центральный государственный архив Военно-морского флота.
- Центральный государственный архив древних актов.
- Центральный государственный военно-исторический архив.
- Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- F. A. Golder. Bering's Voyages. An Account of the Effort of the Russians to determine the relation of Asia and America. New York, American geographical Society, 1922—1925, 2 v.
- Sammlung Russischer Geschichte. SPb., B. I—IX, 1732—1764.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Архивные материалы о Сибири XVIII в. малоизвестны. Местные сибирские архивы XVIII в., за немногими исключениями, не сохранились. Фонд Сибирского приказа — центрального учреждения, ведавшего Сибирью с перерывами до 1765 г., остается до сих пор не разобранным в большей своей части. Архивы других центральных учреждений — Сената, Кабинета и др. — хотя и более доступны, но все же не настолько, чтобы их богатое содержание легко могло быть использовано историком. При таком положении, исходя из реальных возможностей, приходится начинать изучение не с тех архивных материалов, которые являются наиболее важными для историка Сибири XVIII в., а использовать в первую очередь те, которые более доступны и уже могут быть подвергнуты научной обработке.

Учитывая потребности исторической науки нашего времени, когда впервые создается история отдельных народов СССР, до сих пор ее не имевших, нельзя было не остановиться на том собрании архивных материалов первой половины XVIII в., которое для историка и этнографа Сибири дает очень много. Имею в виду те материалы, которые отложились в наших центральных хранилищах в результате работ Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг.; они давно уже привлекали внимание исследователей, но последние изучали материалы преимущественно по частям этого громадного собрания, находящимся в том или ином хранилище Ленинграда и Москвы, нередко без ясного представления о происхождении данных материалов. Между тем в зависимости от того, имеем ли мы дело с источниками первоначальными, являющимися непосредственным отражением изучаемых явлений, или с источниками производными, так сказать, источниками второй или третьей категории, наши представления об явлениях прошлого получатся разными.

Канцелярская переписка XVIII в., так утомительно действующая на исследователя своими бесконечными повторениями,

требует, прежде всего, строгого различения источников первоначальных от производных. С учетом этого обстоятельства я еще в 1935 г. приступил к изучению материалов, обязанных своим происхождением деятельности академической группы Второй Камчатской экспедиции.

Очень скоро пришлось убедиться, однако, что многие из этих материалов могут быть надлежащим образом оценены лишь при ознакомлении с биографиями их авторов — виднейших участников академической группы экспедиции, от которых остались и наиболее ценные материалы и наиболее важные опыты обработки их. Так составились очерки о Г. Ф. Миллере, С. П. Крашенинникове, Г. В. Стеллере, И. Э. Фйшере и Я. И. Линденау. Среди них отсутствует пока очерк об И. Г. Гмелине, одном из крупнейших деятелей той же академической группы; думаю, что пробел этот удастся заполнить, когда станут доступны те рукописные материалы Гмелина, которые находятся, по-видимому, в одном из хранилищ Германии; имеющихся в нашем распоряжении материалов о Гмелине пока недостаточно для составления очерка о нем в том плане, по которому построены указанные выше очерки.

Научный интерес к Сибири, к ее прошлому и настоящему появился еще до того, как Г. Ф. Миллер и его спутники отправились в свое сибирское путешествие. Среди прочего имущества, которое они везли с собою, была также небольшая коллекция книг — по географии, этнографии, истории и пр., касавшихся целиком или отчасти Сибири. Об этих своих предшественниках по изучению Сибири Миллер и Гмелин оставили в своих трудах отзывы, не всегда, впрочем, правильные с точки зрения современного историка науки. Необходимо было хотя бы кратко остановиться на этих почтенных работниках первой четверти XVIII в. в области географии, этнографии и истории Сибири, труды которых не потеряли своего значения до сих пор. Дополнением к статье о шведах и их деятельности служит статья о В. Н. Татищеве, материалы которого в полной мере заслуживают того, чтобы они были изучены специально.

М. В. Ломоносов оставил большой след в изучении освоения Северного морского пути. Обзор работ М. В. Ломоносова по географии России и, в частности, историю создания его основного труда в этой области — «Краткого описания разных путешествий по северным морям...» — казалось желательным дать в настоящих очерках, особенно ввиду того, что освоение Северного морского пути являлось одной из задач Второй Камчатской экспедиции.

Помимо научных материалов, оставшихся от участников академической группы Второй Камчатской экспедиции и использованных в очерках о Миллере и других, сохранилась большая

переписка об экспедиции, представляющая также интерес для историка.

Мне казалось желательным, в меру имеющихся возможностей, дать хотя бы краткое представление об этой переписке, касающейся экспедиции. Этой теме посвящен очерк, который является всего лишь опытом по затронутому в нем вопросу; этот опыт, несомненно, будет дополнен в ближайшее же время нашими архивистами, работающими в московских и ленинградских архивохранилищах.

Архивные материалы, использованные мною в настоящих очерках, хранятся главным образом в Архиве Академии наук СССР. Во время моих работ в нем в 1935—1940 гг. я встречал постоянную и деятельную помощь со стороны всех научных работников Архива и особенно директора Архива Г. А. Князева и старшего архивиста М. В. Крутиковой, — всем им приношу большую благодарность.

1. ИЗУЧЕНИЕ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

1. ЭКСПЕДИЦИИ НА ВОСТОК ДО БЕРИНГА.

И. ЕВРЕИНОВ, Ф. ЛУЖИЦ, П. МЕЛЛЕР И ДР.

В последние годы в распоряжение историка русской географической науки поступило много ценных исследований по картографии XVIII в., в том числе и Сибири первых десятилетий XVIII в.,¹ но даже лучшие из них заставляют сделать заключение: авторы исследований хорошо знают печатные материалы, иногда блестяще их используют для своей цели, но не делают следующего необходимого шага: при явной недостаточности печатных материалов они не идут в архивы, где хранятся драгоценные источники, не только дополняющие печатные сведения

---

¹ Л. С. Берг. Первые русские карты Каспийского моря. Известия АН СССР, сер. геогр. и геофиз., 1940, № 2, стр. 159—180; Л. С. Берг. Первые карты Камчатки. Известия ВГО, 1943, вып. 4, стр. 3—7; Л. С. Барров. Ivan Kirilov. Compiler of the first Russian Atlas. 1689—1737. *Imago Mundi*, II, 1937, стр. 78—82 — являются ценным вкладом в области русской картографии начального периода. В той же связи следует упомянуть еще о трех работах: я имею в виду труды А. В. Бородин и В. А. Бриллианта о картах В. О. Киприанова (А. В. Бородин. Московская гражданская типография и библиотекарни Киприановы. Труды Института книги, документа, письма, V, М.—Л., 1936, стр. 53—111; В. А. Бриллиант. В. Киприанов — первый русский картограф. Доклад, прочитанный 14 декабря 1940 г. в Отделении истории географических знаний ВГО — см. Известия ВГО, 1941, вып. 3, стр. 454) и труд В. Ф. Гнучевой (Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1940), в котором уделено большое внимание первым десятилетиям XVIII в., когда работами В. О. Киприанов, И. К. Кириллов и многочисленным геодезисты — составители первых русских карт XVIII в. Карты этого времени в наибольшем количестве сохраняются в Отделе рукописной книги БАН (см. Б. В. Александров. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР. Приложение II к кн. В. Ф. Гнучевой «Географический департамент Академии наук XVIII в.». М.—Л., 1946).

о XVIII в., но и дающие о нем совершенно новые и исключительно интересные данные.

[К началу XVIII в. присоединение северо-восточной Сибири русскими было уже закончено, остался не присоединенным к Русскому государству лишь Чукотский полуостров. Усилия промышленных и служилых людей в начале XVIII в. стали направляться на освоение островов, лежащих у берегов Якутии в Северном Ледовитом и Тихом океанах, и, в частности, к югу от Камчатки — Курильских. Описания походов служилых и промышленных людей на прибрежные острова Северного Ледовитого и Тихого океанов и составленные тогда чертежи в большинстве своем до нас не дошли, но сохранившиеся карты: И. Львова — 1710 г., Ф. Бейтона — 1710—1711 гг., Я. Елчина — 1719 г. и др. — составляют ценные источники по истории северо-восточной Сибири и Якутии тех лет.]²

Личность и деятельность И. К. Кирилова давно уже привлекали внимание исследователей. Л. С. Багров сделал сводку всех известных данных о нем.³ Он правильно указывает, что Кирилов родился в 1689 г. и в 1702 г. поступил в Навигацкую школу, которая находилась тогда в Москве, в ведении Оружейной палаты. Сохранился подлинный указ ее, найденный мною случайно наряду с некоторыми другими материалами о Навигацкой школе в Москве в одном из сборников документов, принадлежавшем И. В. Помяловскому, а когда-то входившем в состав архива Навигацкой школы.⁴ В этом указе читаем: «По указу великого государя послан из Полаты Оружейные в школу наук математических во ученики Иван Кирилов, которого принять учителю Андрею Фархварсону с товарищи нынешнего 1702-го мая в 23 день». В списках учеников школы Иван Кирилов упоминается еще в 1708 г., причем в списке конца 1706 г. отмечено, что Иван Кирилов находится «в посылках в Питербурхе». В 1712 г. Кирилов попал в Москву подьячим сначала в Поместный приказ, а затем в Сенат. В феврале 1719 г. подьячий канцелярии Сената И. Кирилов был назначен канцеляристом приказного стола Сената. В 1720 г. марта 15-го канцелярист Сената Иван Кирилов был определен регистратором; ему, совместно с Ф. Нероновым, поручено было также «управлять и приказным столом» Сената. С конца 1712 г. и до самого отъезда

² Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. Сб. «Якутия». Л., 1927, стр. 17—28; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII—первая половина XVIII в. М., 1950, стр. 102—115.

³ См. также: М. Г. Новлянская. Иван Кирилович Кирилов географ XVIII в. М.—Л., 1964. — Прим. ред.

⁴ Рук. отд. ГПБ, собрание Помяловского, № 55.

^а Изучение Якутии в XVIII в. Уч. зап. Якутского фил. АН СССР, Инст. языка, лит. и истории, вып. IV. Якутск, 1956, стр. 3—4.

в 1734 г. в Оренбург Кирилов неизменно оставался на службе в Сенате, занимая должности от подьячего до обер-секретаря Сената включительно.⁵

Этот «сенатский период» деятельности Кирилова оказался особенно плодотворным для русской картографии. Еще до издания сенатского указа 9 декабря 1720 г. о рассылке геодезистов Морского академии во все губернии для составления ландкарт⁶ в стране начались геодезические работы: навигаторы и геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин были отправлены на Камчатку в январе 1719 г., а геодезисты П. Чичагов и Захаров были назначены в отряд майора И. Лихарева, направленный в верховья Иртыша также в январе 1719 г., за год до издания общего указа о геодезических работах в стране. Сочиненные геодезистами ландкарты должны были присылаться ими в Сенат,⁷ который становился таким образом центром картографических работ в стране. В самом Сенате всеми делами, связанными с работами по картографии, руководил сначала Г. Г. Скорняков-Писарев, а затем, после 1726 г., — И. К. Кирилов, к которому с самого начала стекались все картографические известия и материалы с мест. Переписка Сената о геодезистах за 1720—1733 гг., собранная в одной из книг Сената,⁸ составляет драгоценный источник по истории составления самых ранних карт России. К этому источнику пока еще не прикасались исследователи. О деятельности геодезистов и И. К. Кирилова нельзя даже писать, не использовав те сведения, которые заключены в этой книге.

Я останавлиюсь лишь на некоторых моментах этой деятельности, которые могут иметь общее значение для истории русской географической науки.

Уже в 1718 г., когда впервые после долгих лет войны Петр I мог уделить большее внимание внутренним делам, он решал также вопросы о посылке нескольких экспедиций в Сибирь: одной большой, с целью длительного изучения Сибири, и двух других, перед которыми ставились как будто не связанные между собою задачи: 1) соединяется ли Азия с Америкой и 2) нельзя ли из верховьев Иртыша пройти в Индию, где, как думали, имеются большие россыпи нужного стране золота. [Обычно принято думать, что интерес Петра к вопросам,

⁵ ЦГАДА, ф. Сената, № 654, лл. 49—49 об.; № 660, л. 51; К. Ф. Свенские. Материалы для истории составления атласа Российской империи, изданного Академией наук в 1745 г. СПб., 1866, стр. 112. Документ, напечатанный там же на стр. 113—114 и цитируемый Л. С. Багровым (ук. соч., стр. 79, прим. 3), относится не к 1731 г., как полагает Л. С. Багров, а к 1735 г., как видно из письма от 20 апреля 1735 г.

⁶ ПСЗ, т. VI, № 3682.

⁷ ПСЗ, т. VI, № 3695.

⁸ ЦГАДА, ф. Сената, № 1201.

связанным с поисками северо-восточного прохода, в значительной мере был вызван перепиской с Лейбницем и беседами в Парижской Академии наук в 1717 г. Не отрицая значения этих фактов, не следует все же забывать, что в руках царя был и документ русского происхождения, где, между прочим, говорилось о том же северо-восточном проходе и о необходимости его разведать. Этим документом были хорошо известные «Пропозиции» 1713 г. и «Изъявления прибыточныя государству» 1714 г. одного из деятелей петровского времени Федора Степановича Салтыкова, неоднократно посылавшегося за границу, преимущественно в Англию, где он и умер в 1715 г.⁹

В своих «Пропозициях» 1713 г. Салтыков, между прочим, советовал Петру построить корабли в устье Енисея и «теми кораблями кругом Сибирского берега проведать, не возможно ли найти таких островов, которыми б можно овладеть; а ежели таких островов и не сыщется, можно на таких кораблях там купечествовать в Китай и в другие острова». Среди прочих «пропозиций» и эта привлекла внимание Петра, и адмиралу гр. Ф. М. Апраксину было поручено царем обдумать вопрос об экспедиции на восток из устьев Енисея.

Но еще до того или иного решения по этому делу Ф. С. Салтыков в 1714 г. выступил с проектом «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китая».¹⁰ На этот раз Салтыков предлагал построить небольшие суда в устьях Двины, Оби, Лены и «около Святого Носа» и на тех судах отправить «несколько морских людей из иноземцев и русских» для описания морского побережья от Двины до Оби, от Оби до Енисея, от Енисея до Лены и до «последнего речного устья, которое обыщется удобное близ Амурыреки и по устье Амурское и вдоль между Епоном и Китаем».

Таким образом, тот план описания побережья Северного Ледовитого океана, который был осуществлен в 1734—1741 гг., появился еще в 1714 г. и автором его был русский человек — Ф. С. Салтыков. Он составил подробную программу описания каждой части побережья; все пункты этой программы вошел позднее в инструкцию С. Г. Малыгину, Д. Л. Овцыну, Х. П. Лаптеву, Д. Я. Лаптеву и другим исследователям северного побережья в годы Второй Камчатской экспедиции.

Ф. С. Салтыков привел немало доказательств выгоды открытия этого северо-восточного пути из Европы в Азию;

⁹ Пропозиции Федора Салтыкова. Приложение V к отчетам о заседаниях Общества любителей древней письменности, СПб., [1892]; Н. П. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897, Приложения, стр. 1—46.

¹⁰ Н. П. Павлов-Сильванский, ук. соч., Приложения, стр. 32—34.

вслед за ним их будут повторять все русские сторонники возможности открытия этого прохода: И. К. Кирилов, М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев и др. «И ежели оный проход до китайских и до японского берегов сыщется свободный, — писал Салтыков, — в том будет вашему государству великое богатство и прибыль, потому изо всех государств, как из Англии, Голландии и из иных, посылают в Ост-Индию корабли, которые переходят линею дважды, как они ходят вперед и назад обращаются, в которых местах от жаров множество у них людей помирает и от скудости провиантов, ежели они продолжают долго в пути. И по обретении оного станут желать ходить тем проходом».

Предлагая построить крепости «на проливах Вайгате, в Новой Земле... и на матерой земле, что лежит против Новой Земли», для сбора там проезжих пошлин с кораблей, направляющихся в Ост-Индию, автор проекта предвидит от этого сбора большую прибыль для государства. Вопреки мнению «многих», он лично не сомневался в существовании северо-восточного прохода: «что же многие содержат, что невозможно проходить за льдами сквозь некоторые места там, но из вашего государства мочно по вышеописанным опробовать чрез весь год в самых холодных местах, мочно, чаю, что в вешние и в летние месяцы то чинить плавание, о чем пробу невозможно никому иному так удобно чинить, как вашему величеству из вашего государства». Настаивая на поисках этого пути, Салтыков вместе с тем предлагал, чтобы местные сибирские власти послали «провеждать и описать — далеко ли за Святым Носом вашего величества берег и по которую реку, и от той последней реки — какие люди живут там и кому они подлежат... понеже на той ширине градусов как в Елоне и на острове Гетео (?) лутчее серебро находится». Салтыков прекрасно понимал, что выполнить его предложение очень трудно, но он все же считал, что «хотя в том искании какая и трудность обыщется, без чего никакое дело не происходит, — англичане и голландцы ищут новых земель для своих прибытков и повсягдно того пробуют».

Таким образом, еще до предложения Лейбница и ранее Парижской Академии наук Салтыков поставил вопрос об изыскании морского пути из устьев Северной Двины до Китая и Ост-Индии. Какие отметки сделал на проекте Салтыкова 1714 г. Петр, издатель проекта не указывает, но все последующие мероприятия Петра по вопросу о северо-восточном проходе стоят в тесной связи именно с проектом Салтыкова: экспедиция Евреинова—Лужина 1719—1722 гг. и Обская 1720 г. являются частичным выполнением того плана, который был так подробно разработан Ф. С. Салтыковым, а его осуществление в значи-

тельной мере принадлежит уже Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг.]⁶

В тесной связи с указанными тремя экспедициями стояла четвертая экспедиция тех лет, направленная для продолжения всестороннего изучения Каспийского моря, начатого еще в 1715 г.; она должна была собрать материалы, которые пригодились бы в будущем при овладении прилегающими к Каспийскому морю районами.

Большая экспедиция Д. Г. Мессершмидта, отправленная в Сибирь в 1719 г., собрала богатые материалы, о которых в 1940 г. напомнила В. Ф. Гнучева.¹¹

У того же автора и у А. С. Берга находим ценные известия о результатах работ экспедиции К. П. фон Вердена и Ф. И. Соимонова 1719—1720 гг. на Каспийском море.¹² Менее известны результаты двух других экспедиций — экспедиции 1719—1722 гг. геодезистов Евреинова и Лужина на Камчатку¹³ и экспедиции в верховья Иртыша.¹⁴

На основании погибших в 1879 г. материалов Иркутского губернского архива А. С. Сгибнев дал историю экспедиции Евреинова—Лужина. Он пишет, что еще в 1716 г. два торговых дома в Петербурге подали в Сенат просьбу о дозволении им производить торговлю с Японией и Ост-Индией; они полагали вести ее водным путем из Архангельска в Обскую губу, а затем Обью и другими реками до Байкала и оттуда Селенгою, Ингодою, Шилкою и Амуром в Восточный океан. Просьба была передана Я. В. Брюсу, который отнесся весьма сочувственно к задуманному предприятию. Запрошенные по этому поводу сибирские власти не могли высказаться определенно о возможности намеченного плавания, и тогда Брюс сделал представление Петру о необходимости посылки для описания отдаленных мест Сибири и водного пути в Японию людей, сведущих в геодезии. После доклада Брюса состоялось решение о посылке геодези-

¹¹ В. Ф. Гнучева. Материалы для экспедиций Академии наук в XVIII—XIX вв., стр. 25—30; копия карты Мессершмидта 1720 г. в ЦГАДА: Карты Тобольской губ., № 186/75.

¹² В. Ф. Гнучева, ук. соч., стр. 23—25; А. С. Берг. Первые русские карты Каспийского моря. Известия АН СССР, сер. геогр. и геофиз., 1940, № 2, стр. 159—180.

¹³ Решение о посылке их состоялось 31 мая 1718 г., но указ (инструкция) подписан 2 января 1719 г. (ЦГАДА, ф. Сената, № 1201, л. 185 об.; Кабинет Петра Великого, I, № 56, л. 40).

¹⁴ Черновик правленного Петром указа о посылке Лихарева в верховья Иртыша от января 1719 г. находится в той же книге № 56, что и упомянутый выше указ о посылке Евреинова и Лужина; см. там же исправленный Петром черновик письма Лихареву от 20 февраля 1720 г. (лл. 41, 47).

⁶ Первая русская экспедиция XVIII в. в Северном Ледовитом океане. Известия ВГО, 1943, вып. 2, стр. 57—58.

стов Ивана Евреинова и Федора Лужина для исследования Курильских островов и собирания подробных сведений об Японии; об этом геодезистам была дана собственноручно писанная Петром секретная инструкция, которая А. С. Сгибневым не приведена и которая пока не отыскана. В найденной же инструкции — указе Петра от 2 января 1719 г. — геодезистам поручалось решить вопрос: сходится ли Азия с Америкой. Геодезисты, как мы ниже увидим, не делали даже попыток к решению этого вопроса. На основании тех же иркутских материалов А. С. Сгибнев описал путь экспедиции: летом 1720 г. геодезисты прибыли в Охотск, где нашли «лодью», на которой в 1716 г. мореход Треска совершил первое морское путешествие из Охотска на Камчатку. Исправив «лодью», они вышли на ней в море под управлением морехода Мошкова. В сентябре месяце, через 9 дней, пришли на Камчатку, к р. Иче, где за поздним временем года остались зимовать. Ранней весной 1721 г. они прибыли в Большерецк, откуда 22 мая отправились прямо для «проведывания» Курильских островов. В пути к островам они испытали много трудностей, пока, наконец, не добрались до пятого острова. Сильно потрепанная «лодья» вернулась отсюда к устью Большой реки в конце июня месяца. Здесь Мошков сделал деревянные якоря и через три дня отправился в Охотск, куда и привел благополучно «лодью» через несколько дней. «Так как экспедиция эта держалась в секрете, то и донесение геодезистов как об этом путешествии, так и о собранных ими сведениях о Японии остались неизвестными... Эти геодезисты первые нанесли на карту Курильские острова».¹⁵

Лишь немногие сведения о той же экспедиции были опубликованы после статьи А. С. Сгибнева в «Памятниках Сибирской истории»; они взяты были в 1736 г. из якутского воеводского архива и сохранились в «Якутских копияных книгах», хранящихся ныне в Архиве АН.¹⁶

Экспедиция Евреинова—Лужина была отправлена еще до того, как Сенат был поставлен во главе подобных дел, а потому сведения о ней приходится искать в другом архивном фонде — в фонде Кабинета, который по воле Петра и отправлял эту экспедицию. В делах Кабинета хранится не только черновик указа Петра об экспедиции с его собственноручными исправлениями,¹⁷ но и донесение Евреинова «О Камчатском обхожде-

¹⁵ А. Сгибнев. Попытки русских к заведению торговых сношений с Япониею в XVIII и начале XIX столетия. Морской сборник, 1869, № 1, стр. 40—42.

¹⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, №№ 30—34.

¹⁷ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, I, № 56, л. 40. Этот документ воспроизведен в моей статье «Экспедиция Беринга» (Известия ВГО, 1943, вып. 2, стр. 5); указ подписан 2 января 1719 г., см. ПСЗ, т. VI,

нии».¹⁸ В том же фонде находится составленная Евреиновым карта Сибири, Камчатки и Курильских островов с приложенным к ней отчетом, считающимся утерянным.¹⁹

В свое время, в 1732 г., копия карты Евреинова (подлинник ее отыскан в ЦГАДА В. Н. Шумиловым в 1945 г.) была в распоряжении астронома Академии наук И. Н. Делиля;²⁰ копия с карты была также в Сенате, где она стала хорошо известна И. К. Кирилову.

По возвращении из экспедиции Евреинов вручил свою карту лично Петру в Казани, когда тот направлялся в 1722 г. в персидский поход. В 1723 г. «... декабря 18-го дня, будучи у генерала-маэора и обер-сарваэра Головина на ассамблеи (Петр, — А. А.) указал: прибывшего из Сибирской губернии, с Камчатки, геодезиста Евреинова, которой послан был на оную реку Камчатку из Академии (Морской, — А. А.) в прошлом 1718-м году, сыскать и представить его величеству». Несмотря на то что Адмиралтейств-коллегия посылала «множкратно» искать Евреинова, «но токмо сыскать его не могли». Позднее выяснилось, что после встречи с Петром в Казани Евреинов был назначен описывать Вятскую провинцию, где работал в 1723—1724 гг., «а февраля 3 дня (1724 г., — А. А.) оной Евреинов умре».²¹

К концу 1723 г., когда Петр заинтересовался вновь экспедицией Евреинова и им самим, выяснились результаты еще двух экспедиций в Сибирь. Одна из них была та, которая, казалось, ничего общего не имела с экспедицией Евреинова на Камчатку (имею в виду экспедицию майора Лихарева в верховья Иртыша, для поисков так называемого «иркетского золота»). Она не была первой в этом направлении: уже с 1715 г. делались безуспешные попытки пробраться в верховья Иртыша и завязать этим путем непосредственные сношения с Индией.

История экспедиций в верховья Иртыша — Бухгольца 1715—1717 гг. и Лихарева 1719 г. — была довольно подробно рассказана еще в 1760 г. Г. Ф. Миллером в его работе «О пешном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше».²² Документальные

№ 3266. 6 февраля 1719 г. французский резидент в Петербурге Лави уже сообщал своему правительству об экспедиции Евреинова—Лужина. (Сб. РИО, т. 40, стр. 17—18).

¹⁸ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, II, № 59, лл. 1137—1138.

¹⁹ Там же, I, № 66, табл. 21.

²⁰ Материалы, VI, стр. 260.

²¹ ЦГАДА, ф. Сената, № 1201, лл. 105—106.

²² Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1760, январь, стр. 3—54; февраль, стр. 99—136. Перепечатано в кн.: М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции..., т. III, кн. 1. М., 1785, стр. 410—478.

материалы, на основании которых писал Миллер, собраны им в одной из копийных книг документов, хранившихся в 1733—1740 гг. в Тобольске.²³

- Но, помимо этих материалов, в фонде Кабинета Петра Великого и в переписке Сената с Военной коллегией²⁴ также сохранилась переписка об этих двух экспедициях, часть ее осталась неизвестна Миллеру; она дает немало ценных подробностей об экспедиции Бухгольца и Лихарева.

После первой экспедиции в верховья Иртыша (экспедиции И. Д. Бухгольца) была составлена карта этих мест, которую Петр I показывал в Париже в июне 1717 г. знаменитому географу Гильому Делилю; на карте было между прочим отмечено то место в «Татарии, где построена новая крепость».²⁵

Сопровождавший Лихарева геодезист Петр Чичагов на основании расспросов и личных наблюдений составил карты верховьев Иртыша, которые и являются самыми ранними русскими картами этих мест.²⁶

Экспедиция Лихарева не дала определенных результатов, путь к Нор-Зайсану и к рекам, впадающим в Сыр-Дарью и в Аральское море, как требовалось инструкцией, не был найден, а вместе с тем и путь в Персию и богатую Индию пришлось искать в другом месте.

По окончании этой экспедиции состоявший при Лихареве геодезист П. Чичагов был послан в 1721 г. в Тобольск и в течение следующих 4—5 лет работал по описанию северной части Тобольской, а затем Енисейской провинции и, наконец, южной части Западной Сибири. Составленные им еще четыре карты поступили сначала, в 1725 — 1726 гг., в Сенат, а затем, в 1726 г. были переданы в Академию наук.²⁷

В настоящее время этих карт Чичагова в Академии нет, нет их и в других русских хранилищах, но они неожиданно оказались в Национальной библиотеке в Париже в собрании бывших

²³ ДАН, ф. 21, оп. 4, № 14. Некоторые из этих материалов напечатаны в кн.: Памятники Сибирской истории XVIII в., II. СПб., 1885, №№ 39, 53, 62.

²⁴ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, I, № 56; ф. Сената, № 373.

²⁵ П. П. Пекарский. Наука и культура в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 43.

²⁶ Во время экспедиции майора Лихарева были составлены: «Чертеж Сибири и контайшиной земли в бытность в Сибири лейб-гвардии майора Лихарева, соч. по рассказам разных людей» и «Чертеж течения реки Иртыша мимо Тобольска и через Норзайсанское озеро, с изображением рек, впадающих в него. Соч. в бытность в Сибири майора Лихарева геодезистом Чичаговым». (Реестр географическим атласам, стр. 52, №№ 34, 37). В Отделе рукописной книги БАН хранится копия второй карты (№ 3543/232).

²⁷ ЦГАДА, ф. Сената, № 1201, лл. 594, 660, 684—687. Реестр ландкартам, чертежам и планам, находящимся в Географическом департаменте при имп. Академии наук. СПб., 1748, стр. 39, 47.

академиков Петербургской академии И. Н. Делиля и Ю. Клапрота.²⁸ Если карты из коллекции Делиля — копии, то в коллекции Клапрота хранятся подлинники карт Чичагова; это значит, что Клапрот при отъезде своем увез их из России, а позднее, в 1832 г., продал древнейшие карты Западной Сибири Национальной библиотеке.

Описание Чичагова было начато тогда, когда на север Тобольской провинции направлялась специальная экспедиция, которой Петр поставил определенную задачу — попытаться из устьев Оби пройти насколько возможно далеко на восток.

Об этой экспедиции имеем сообщение французского полномочного министра при русском дворе в Петербурге Кампредона. В докладной записке о французской торговле, помеченной декабрем 1721 г., Кампредон, между прочим, сообщал, что «теперь, когда царь заключил мир со Швецией, он посвятил все свои заботы установлению прочных торговых сношений с Персией и с восточной Индией». По его мнению, «торговлю с Персией очень легко повести через царства Казанское и Астраханское и через укрепленные города, которыми царь владеет на Каспийском море, в особенности устроив сообщение между большими реками, которые он с этой стороны соединяет каналами». Как известно, именно в эти годы действительно происходили работы по проведению канала между Волгой и Доном. Переходя к торговле с Индией, Кампредон указывал, что «торговля с Восточной Индией может представить выгоду лишь тогда, если найден будет морской путь в Индию, без необходимости совершать кругосветное плавание». Весьма осведомленный в русских делах Кампредон далее сообщал, что «этот путь (в Индию, — А. А.) надеются отыскать из устья реки Оби, протекающей через Тартарию и принадлежащую царю провинцию Сибирь, где Обь принимает название Тобола и Иртыша и впадает в Ледовитое море под 68° широты».

Кампредон узнал, что «недавно царь послал туда людей, сведущих в мореплавании, географии и астрономии для исследования: судходно ли с этой стороны Ледовитое море в известное время года, и есть ли там порты, и нельзя ли их устроить. В последнем случае царь велит построить корабли, приспособленные к плаванью по этому морю, по которому, если оно судходно, можно не более как в два месяца доплыть до берегов Японии, тогда как англичане и голландцы, вынужден-

²⁸ G. Cahen. Les Cartes de la Sibirie au XVIIIe siècle. Paris, 1911 (Nouvelles Archives des missions scientifiques et littéraires, nouvelle série, I), стр. 174—175 (№ 67), 176 (№ 69). Ср. в «Реестре ландкартам... Георг. департамента», стр. 39. A. Isnard. Joseph-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale. Paris, 1915, стр. 112—115 (№№ 153, 155, 156).

ные совершать для этого кругосветное плавание, употребляют полтора года. Из порта, устроенного в устье Оби, можно вполне безопасно, легко и недорого перевозить товары в Москву, в Архангельск и в Петербург морем или сушею, зимою в санях».²⁹

Эти сообщения весьма осведомленного француза остались неизвестными историкам Северного морского пути так же, как сообщение о той же, несомненно, экспедиции другого француза — автора одного из первых жизнеописаний Петра — Руссе, писавшего под псевдонимом В. Iwan Nestesuranoi.³⁰

О том, что экспедиция из устьев Оби была предпринята, при отсутствии пока прямых свидетельств русских источников сохранилось, однако, достаточно косвенных указаний.

Автор специального исследования, посвященного картам Сибири XVIII в. — Каан, изучив карты Сибири, обращал внимание на карту 1726 г.,³¹ приложенную к «Histoire généalogique des Tatars»,³² на которой впервые представлен к югу от Новой Земли большой залив — губа Тазовская и на северо-востоке ее пролив; на карте читаем надпись: «Ce détroit est tousjours couvert de glace, à moins qu'un Ouragean du Nort-Est ne la brise»; берег идет затем прямо до Святого Носа, северной оконечности материка; недалеко от этого мыса находятся несколько островов, из которых самый большой имеет надписи: «Cette isle paye tribut aux Russes» и «Les batimens russes passent par icy pour aller à Kamtzhatskoy».

На восточном берегу Сибири на той же карте, пишет Каан, можно видеть полуостров «le Kamtzhatk», который тянется к юго-востоку между Японским морем на севере и Камчатским морем на юге. В Японском море показан остров, расположенный с запада на восток, с надписью: «Cette isle ne paye point tribut aux Russes». Небольшие острова и Японский пролив отделяют Камчатку от Японских островов. На карте русские названия: guba, osero, monastyr. Можно отметить, что Тазовской губе и Камчатке даны соответственные размеры, довольно точные, правильные формы и направление указаны также Байкалу; к востоку от Оби показаны рр. Пур и Таз, обе вытекают из Пурского озера; на Тазу стоит Старая Мангазея. Отрицательно отзываясь о картах Сибири его времени, по поводу этой карты Филипп Страленберг, однако, писал: «Ich nehme diejenige aus welche letztens 1726 in Leyden gestochen worden, so in etwas accurater mit welcher es aber nicht besser ergangen wäre, wenn nicht meinem Kalbe wäre gepflüget worden, das

²⁹ Сб. РИО, т. 40, стр. 422—423.

³⁰ Mémoires du règne de Pierre le Grand, t. IV. 1726, стр. 548.

³¹ G. Саһен, ук. соч., стр. 151—153.

³² См. ниже, стр. 34—36.

ist, wenn man sich nicht meiner ersten Charten die ich von diesem Welttheile 1715 u. 1718 gemacht, aber in Russland zurück lassen müssen, dabey bedinet hätte».³³

Из этих слов следует, что для карты 1726 г. Страленбергом были использованы, между прочим, карты Сибири, составленные им в бытность в Тобольске; по его словам, эти карты остались в России.

Из письма брата Страленберга Мартина Страленберга к академику Байеру от 8 января 1724 г.³⁴ известно, что Филипп Страленберг ввиду запрещения ему сибирского губернатора М. П. Гагарина заниматься картографией должен был расстаться с составленной им картой, которая была переслана в Москву, где куплена за 100 дукатов одним немецким купцом по фамилии Меллер.

Мне приходилось уже отмечать,³⁵ что для своих карт Страленберг использовал русские чертежи и карты; в частности, часть карты 1726 г., касающаяся Обской и Тазовской губ, в которой он нашел сходство со своей картой 1718 г., им самим, несомненно, заимствована из русских карт, вероятно тех, которые составлены были геодезистом П. Чичаговым.

Об упоминаемом в письме Мартина Страленберга купце Меллере сохранилось довольно много известий. Петр Вахрамеевич Меллер (или Миллер) был сыном голландского купца Вахрамея (Вернера) Меллера, переселившегося в Россию во второй половине XVII в.; Вахрамеем Меллер вел крупную торговлю поташом и лесом, а в 80-х годах XVII в. основал Угодский и Истенский железоделательные заводы. В 1696 г. Петр I осматривал Истенский завод и отковал на нем 18 пудов прутowego железа, а приехав в Москву, побывал в гостях у Вахрамея Меллера, причем требовал от него заработанное по алтыну с пуда.³⁶ Петр I и после того не раз посещал «Вахрамеевы» заводы, с которых получалось большое количество железных припасов — бомб, ядер и др. — еще со времен осады Азова и потом во все годы Северной войны. Петр Меллер был царским крестником и был назван по его имени. После смерти Вахрамея Меллера в 1704 г. заводы перешли сначала к его жене Анне, Елизарьевой дочери, с детьми, а позднее, в 1712 г., после

³³ Ph. J. Strahlenberg. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia... Stockholm. 1730, Vorrede, между сигн. с3 и d.

³⁴ ААН, ф. 1, оп. 3, № 8, лл. 292—292 об.

³⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век. Л., 1960, стр. 147—149.

³⁶ И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом отношении. М., 1826, стр. 24—25; Н. В. Чарыков. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637—1694). СПб., 1906, стр. 493; Крепостная мануфактура в России, т. 1, Л., 1930, стр. 303—304, 307.

смерти матери, стали собственностью братьев Меллеров — Вахрамея и Петра.³⁷

Петра Меллера, уже как составителя сибирской карты, встречаем в источниках впервые в 1724 г. В «Журнале Академическом» 1724 г. в исходящей переписке под 20 апреля отмечено письмо секретаря Академии И. Д. Шумахера «к господину лейб-медику» (т. е. Л. Л. Блюментросту, будущему первому президенту Петербургской Академии наук) о «Миллеровской сибирской карте».³⁸

В июне 1726 г. Блюментрост, обращаясь к кабинет-секретарю А. В. Макарову, пишет, что приехавший недавно «господин профессор Делиль списывает эфемериды, а потом хочет и маппу Российской империи приложить, сколько возможно обновя и исправя»; ввиду этого Блюментрост просит прислать в Академию все карты «как партикулярные, так и универсальные Российской империи и с теми провинциями, которые подлежат к морю Каспийскому, и подлинное описание губерний, которые ныне расположены, как в Камор-коллегии имеются, а именно: карта Сибирская Петра Меллера, чтоб в Академию прислано было, понеже из сих наипаче вышеупомянутая карта может исправиться». Эта просьба Академии была выполнена: в конце того же 1726 г. были получены «ландкарты провинциальные» в количестве 30 номеров, а по поводу трех в «рестре» отмечено, что они остаются в Кабинете; среди неприсланных была и одна карта Сибирской губернии — «Карта Тобольской провинции с уездом», но была получена другая сибирская карта — «Карта Иртыша реки от Тобольска до Ямышевой крепости и до вершины».³⁹

Были ли получены Академией в конце 1726 г. сибирские карты Петра Меллера, остается неясным, но профессор И. Н. Делиль эти карты тогда или позднее все же получил; по словам Делиля, Меллер «изъездил всю Азию»; он сообщил ему генеральную карту, на которой было показано расселение народов Северной Азии. Эта карта в оригинале и в копии хранится с середины XVIII в. в собрании карт И. Н. Делиля в Национальной библиотеке в Париже, причем на копии по черком Делиля написано: «Copiée d'une carte grétée par le marchand Pierre Müller».

³⁷ Подлинные анекдоты Петра Великого... изданные в свет Яковом фон Штелином, изд. 2. М., 1787, стр. 569—571; Письма и бумаги имп. Петра Великого, II. СПб., 1889, стр. 651; III, 1893, стр. 738; IV, вып. 2, 1900, стр. 979; И. Г. Спасский. Очерки по истории русской нумизматики. Нумизматический сборник, ч. 1, под ред. А. А. Сиверса, М., 1955, стр. 46—47.

³⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 582, л. 17 об. Текст письма Шумахера не сохранился.

³⁹ Материалы, I, стр. 191, 213—215.

В 1726 г. Петра Меллера, как знатока географии Яика, вызывали в Сенат, и для карты Яика Меллер дал обильные материалы. О той же карте Яика сним вел сношения И. Н. Делль — профессор Петербургской Академии наук.⁴⁰

Петра Меллера хорошо знали в эти годы в Петербургской Академии наук. В протоколе Академии от 15 января 1728 г. после записи суждений профессоров Академии о намечаемых изданиях отмечено: «Post haec Petrus Muller Moscuensis vir in historia, geographia et antiquetatibus Russicis indagandis solertissimus, Academiam ingressus, exhibuit opus suum quod lingua Ruthenica de nummis Russicis, tartaricis etc. omnis aevi composuit et rogatus a Cl. Shumachero et ... Academiae membris promisit, se quam primum Moscuam reversus fuerit, dissertationem aliquam speciminis loco ex illo opere Academiae communicationatum esse».

Свое обещание Петр Меллер выполнил: в бумагах переводчика Академии магистра И. Паузе оказался латинский перевод труда Меллера «Herrn Petri Mulleri Tractatus de monetis ex Russico conversus».⁴¹ Тот же труд П. Меллера на русском и латинском языках находился в библиотеке Адама Селлия, состоявшего в 30-х годах при Академии наук.⁴² Но самый труд П. Меллера о монетах, по-видимому, ныне утерян, о нем ничего не говорит последний историк русской нумизматики И. Г. Спасский.⁴³

Как о крупнейшем русском нумизмате, о Петре Меллере («Муллере») писал в одном из своих писем в Академию наук в 1732 г. В. Н. Татищев.⁴⁴

Петр Меллер, несомненно, незаурядная личность, если Академия называет его «мужем искуснейшим в исследованиях по географии, истории и древностям российским». С его именем связаны не только известные современникам работы по географии (в частности, упомянутая выше карта Сибири), но и его участие в экспедиции в устье Оби и в Тазовскую губу, которая совершена была им, во всяком случае, ранее того, как известия об устьях Оби, Тазовской губе и прочие попали на карту, приложенную к французскому переводу труда Абулгази «Histoire génealogique des Tatars», изданному в 1726 г.

Об участии Петра Меллера в исследовании устьев Оби и побережья Тазовской губы сохранилось известие в ответах

⁴⁰ А. Isnard, ук. соч., стр. 76, 110, 112, 113, 131, 142. На стр. 76 А. Инар ошибочно отождествляет Петра Меллера с Герардом Фридрихом Миллером.

⁴¹ Протоколы Конференции, I, стр. 11, 177.

⁴² ААН, р. III, оп. 1, № 186 (в каталоге под № 95 отмечен «Pet. Müller. De Nummis lat. et Ross. MSC»).

⁴³ Нумизматический сборник, ч. 1, стр. 46—47.

⁴⁴ Материалы, II, стр. 180.

профессора Петербургской Академии наук Х. Винсгейма на замечания Г. Ф. Миллера об ошибках и неправильностях, допущенных в отношении Сибири в изданном Х. Винсгеймом географическом описании России.⁴⁵ Среди замечаний Миллера одно (№ 40) касалось именно Тазовской губы, которую Винсгейм, по мнению Миллера, описал неправильно. Признавая свою ошибку, Винсгейм 16 января 1747 г. писал: «Wegen der Tassowskaia Guba hat man den seel[igen] obercommissair Muller als einem Augenzeugen in Ermangelung besseren Nachrichten getrauet und würde nunmehr können geändert werden».⁴⁶

«Покойный обер-комиссар Миллер» — это, несомненно, все тот же «географ» и «историк» России, о котором было сказано ранее; об его путешествиях по Азии говорит И. Н. Делиль, лично его знавший; кроме того, переданная П. В. Меллером Делилю карта определенно показывает его особый интерес к географии и картографии Сибири, в отношении которой, в частности Тазовской губы, он, Меллер, как видно из известия Х. Винсгейма, выступал как «очевидец» (Augenzeuge).

Об экспедиции в устье Оби 1720—1721 гг. мне уже пришлось говорить и приводить достаточное число данных, которые и показывают, что в ней участвовал Петр Меллер.⁴⁷ Экспедиция в устье Оби цели своей не достигла: пройти на восток, даже до Енисея, ей не удалось, но плавание по Оби и Тазовской губе все же дало некоторые новые географические и этнографические известия, которые один из участников этой экспедиции — П. Меллер — не только отобразил на своей карте Сибири, но и охотно делился ими со всеми, кто был заинтересован в получении этих новых данных.

Вполне возможно, что именно от него, как участника экспедиции в устье Оби, новые данные были получены составителем примечаний к «Histoire généalogique des Tatars»; к этому труду не только приложена карта Сибири, по своим интересным и новым подробностям весьма отличающаяся от всех предыдущих карт, но в самом труде, в примечаниях к нему, имеются многочисленные сведения о народах Сибири, которые поражают своей новизной и во многих случаях полнотой;⁴⁸

⁴⁵ Краткая политическая география, служащая к изъяснению изданного на российском языке небольшого атласа. СПб., 1745 («Небольшой атлас» — Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг. СПб., 1737).

⁴⁶ Материалы, VIII, стр. 354.

⁴⁷ Об этой «полярной экспедиции» 1720—1721 гг. писал М. И. Белов: М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I, М., 1956, стр. 239—240.

⁴⁸ См. историко-этнографические сведения о татарах, калмыках, монголах в примечаниях к стр. 7—9, 36—37, 40 (см. выше о труде П. Меллера о татарских монетах и об интересе его к прошлому татар), 61, 65—

источником этих примечаний не могут быть известные до 1726 г. труды о Сибири Витсена, Избранда Идеса и др. Более или менее удовлетворительных известий об устьях Оби и Тазовской губе в этой предшествующей литературе также не было. Между тем в примечаниях к «Histoire généalogique des Tatars» мы находим такие сведения, которые в дальнейшем оставалось только исправлять и дополнять.⁴⁹

Совершенно очевидно, что источником этих новых сведений о Сибири и, в частности, о народах Сибири был человек, который живо интересовался Сибирью и ее народами, довольно точно зная их расселение. В той же «Histoire généalogique des Tatars», кроме большого количества новых известий о Сибири, обращает на себя внимание обилие сведений об Яике и большая точность их;⁵⁰ как отмечено выше, именно Петра Меллера в 1726 г. вызывали в Сенат, как знатока географии Яика; эта подробность опять-таки дает основание полагать, что автор примечаний к «Histoire généalogique des Tatars» сведения об Яике получил из надежного источника, каким для того времени был все тот же «vir in geographia et antiquitatibus Russicis indagandis solertissimus» — Петр Меллер.⁵¹

Карта Сибири из «Histoire généalogique des Tatars» послужила одним из источников карты, приложенной к французскому переводу описания путешествия Избранда Идеса.⁵² Эта карта имеет легенду: «La Russie asiatique tirée de la carte dressée par ordre du feu Czar»; она сходна с изданной в 1726 г. в Лейдене в приложении к «Histoire généalogique des Tatars», но большего масштаба, дает больше названий рек и других географических объектов и т. п. На обеих картах встречаем русские названия: «губа», «озеро», «монастырь» и др., а также «яицкие казаки», «Казачья орда», «калмыки», «чулымские татары», «вогуличи», «остяки», «самоеды» и др.⁵³

67, 79, 80—83 (о калмыках), 83—86 и др.; о путях сообщения в Сибири — к стр. 30—32, о казаках — к стр. 47—48, о каракалпаках — к стр. 49—51, о тунгусах, остяках, самоедах — к стр. 67, 96—97; подробное описание сибирских рек: Иртыша — к стр. 93—95; Селенги (к стр. 101), Енисея (к стр. 105—107), Оби и Тазовской губы (к стр. 107—111, 115—116), о плавании по Северному Ледовитому океану (к стр. 108—109), о Камчатке (к стр. 109—111) и др.

⁴⁹ См. те же примечания к стр. 107—111, 115, 116.

⁵⁰ См. те же примечания к стр. 46—47. При подробном описании богатств Яика автор примечаний, между прочим, ссылается на «des gens dignes de...».

⁵¹ Петра Меллера не следует смешивать с капитаном Иоганом Бернгардом Мюллером — шведским военнопленным (о нем см. ниже, стр. 34).

⁵² Recueil de voyages au Nord, VIII. Amsterdam, 1727.

⁵³ G. S a h e n, ук. соч., стр. 157.

Кроме этих двух карт, русский источник был использован и для карты, приложенной к лондонскому изданию 1727 г. труда Кемпфера «История Японии».⁵⁴ Эта карта имеет легенду: «*Kamtschatka quae Japonum Oku Jeso. Ex recentissima Russici Imperij Marra.*»

Вопрос о русском источнике всех этих карт был поставлен уже давно: еще Г. Ф. Миллер полагал, что этот русский источник — «карта, составленная в Голландии бывшими шведскими пленными в России».⁵⁵ Но ввиду приведенных выше известий о Петре Меллере как географе петровского времени, составившем, между прочим, «генеральную карту» России, которую он передал Делилю, вопрос об источнике карт 1726—1727 гг. следует оставить открытым, пока не будет изучена эта «генеральная карта», хранящаяся в настоящее время в Париже. Вполне возможно, что именно она-то и лежит в основе всех последующих карт Сибири, вышедших в 1726 и следующих годах, до появления карты Страленберга 1730 г., одним из источников которой она, несомненно, также явилась.

Из свидетельств современников Петра ясно, что вопросы, касавшиеся сношений со странами Средней Азии, Индией и т. п., обсуждались в кругу лиц, близких к Петру, и находили у него самого и у его приближенных (Брюс, Волинский, Соимонов и др.) живой отклик.

В круге тех же интересов стояла и намечавшаяся Петром в конце 1723 г. экспедиция на Мадагаскар, который, конечно, «нужен был Петру не сам по себе, а как удобная промежуточная станция в торговых сношениях между Петербургом и манившей своим богатством весь тогдашний европейский мир Индией».⁵⁶ Экспедиция через Мадагаскар в Индию не состоялась, а между тем текущие потребности государства по-прежнему требовали иметь хотя бы более или менее точные карты Сибири, как области, лежащей на пути в Индию, Китай и другие страны богатого Востока.

Экспедиции 1718—1722 гг. к 1724 г. дали только одну карту Сибири и Камчатки — И. Евреинова, прочие же остава-

⁵⁴ E. Kampher. The History of Japan, I. London, 1727, tab. VIII.

⁵⁵ SRG, III, ч. 1—3, стр. 122—123.

⁵⁶ А. И. Заозерский. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом. Россия и Запад. Исторический сборник под редакцией проф. А. И. Заозерского. 1923, стр. 96; И. Зейдель. Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 г. Морской сборник, 1867, № 9, стр. 65—83. (напечатаны все основные документы Мадагаскарской экспедиции, без ссылок); С. Елагин. Необходимое замечание по поводу статьи г. Зейделя. Морской сборник, 1867, № 11, крит. и библиогр., стр. 1—11; И. И. Голиков. Деяния Петра Великого... изд. 2, т. IX. М., 1838, стр. 538 и сл.

лись на местах и в Тобольске,⁵⁷ или в частных руках (Петр Меллер), или еще не были составлены.⁵⁸

В декабре 1724 г. секретарь Сената Иван Кириллович Кирилов донес Петру I, что Генеральная сибирская карта еще не составлена, а имеется несколько карт отдельных частей Сибири. Получив это сообщение И. К. Кирилова Петр I велел незамедлительно соединить имеющиеся карты отдельных частей Сибири на один лист и объявить, «что то воля его величества». «Через одну ночь» Кирилов «своеручно нарисовал» сводную карту и представил ее Петру, который ее «изволил к себе взять»; позднее Кирилов, будучи в Москве, видел свою карту у Я. В. Брюса, который сообщил, что получил карту от самого Петра «для скопирования».⁵⁹

Эта карта Кирилова сохранилась.⁶⁰ Именно она была издана по заказу Я. В. Брюса. Когда в 1747 г. Нюрнбергское картографическое общество, связанное с известной издательской фирмой наследников Гомана, запрашивало Петербургскую Академию наук о русских картах, изданных до 1745 г., профессор Винсгейм, отвечая на запрос, между прочими печатными картами назвал изданную Брюсом карту, на которой изображены Каспийское море и Камчатка.⁶¹ Это известная карта, имеющая легенду: «Geographica nova ex oriente gratiosissima duabus tabulis specialissimis contenta, quarum una mare Caspium altera Kamtzadaliam seu terram Jedso, curiose exhibet. Editore Io. Bapt. Homann s. c. m. Geogr. Norimbergae».

Существует позднейшая редакция этой карты с дополнениями, сделанными Кириловым в 1726 г. на основании бесед с А. Ф. Шестаковым.

⁵⁷ О посылке из Тобольска в Москву карты Евреинова 30 апреля 1722 г. см. ЦГАДА, ф. Сената, № 1201, л. 594. Карты Чичагова, как уже отмечено выше, были отправлены из Тобольска 1 февраля 1725 г.

⁵⁸ Описание уездов Восточной Сибири — Иркутского, Селенгинского, Нерчинского, Илимского — производили геодезисты Петр Скобельцын «с товарищами» Дмитрием Баскаковым, Василием Шетилковым и Иваном Свистуновым, посланными туда в начале 1724 г. (ЦГАДА, ф. Сената, № 1201, л. 124), но составленные ими карты относятся уже ко второй половине 20-х годов XVIII в.

⁵⁹ Известия ВГО, 1943, вып. 2, стр. 35—37. Записка И. К. Кирилова о Камчатских экспедициях 1733 г.

⁶⁰ Отд. рук. кн. БАН, № 342/117/3634.

⁶¹ ААН, ф. 1, оп. 3, № 82, л. 110. Г. Ф. Миллер. Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1761, декабрь, стр. 485. Реестр географическим атласам, стр. 71, № 4; G. Sahnep, ук. соч., стр. 150, № 54. Карта Кирилова воспроизведена в берлинском издании — Iamato, 3, Berlin, 1931, стр. 84—85, в статье Л. С. Баргова «Die priorität der Entdeckung des Amur, des Tatarischen Golfes und der Insel Sachalin» по копии из собрания Делиля в Парижской Национальной библиотеке. Часть карты № 88 из Атласа Гомана

[Якутский казачий голова А. Ф. Шестаков прибыл в Петербург в начале 1726 г., и здесь он показывал карты (очевидно, составленные кем-либо другим, так как сам Шестаков был человеком неграмотным), на которых в соседстве с крайним северо-востоком Сибири был обозначен берег Большой Земли. Сохранилось несколько экземпляров этой карты, на одном из них имеется надпись: «Сию карту сочинил иакутский житель Афанасий Феодотович Шестаков»; этот экземпляр карты находится в собрании Л. С. Багрова в Стокгольме.⁶² И. Н. Делиль имел другую копию этой карты, переведенную для него на французский язык.⁶³

Карта Шестакова примечательна во многих отношениях: так, на ней в Северном Ледовитом океане против устья Колымы изображен остров, на котором живут «на своей области шелаги, их князь Копай называется». Известия о Копае и об острове против Колымы действительно были доставлены в Якутск в 1723 г. сыном боярским Федотом Амосовым и промышленным человеком Иваном Вилегинным; последний рассказывал, что в 1720 г. он по льду ездил с устья р. Чукочьей, что к западу от Колымы, на остров, который в ясные дни виден в устье р. Чукочьей. По догадке Л. С. Берга, это, конечно, первый Медвежий или Крестовый остров. К северу от о. Копая, в расстоянии менее двух суток езды от него, на карте обозначен берег Большой Земли, относительно которой сообщается, будто она открыта шелагским князем, т. е. тем же Копаем, в 1723 г. На Большой Земле, согласно карте Шестакова, «людей множество, соболей, лисиц, бобров, куниц, лесу много». По мнению Л. С. Берга, все это подходит к Большой Земле, т. е. к Аляске. Против устья р. Анадыри на карте Шестакова обозначен большой остров, расположенный значительно дальше от материка, чем остров Копая, с надписью: «На сем острову против Анадырского устья живут людей множество, а у них свой князь. Соболей, лисиц и всякого зверя много». Этот остров, несомненно, вторичное изображение той же Аляски. На крайнем северо-востоке, на месте Чукотки, изображен мыс Святой Нос, на котором надпись: «В Носу чукчи

(Камчатка) напечатана в приложении к статье Л. С. Берга «Первые карты Камчатки» (Известия ВГО, 1943, вып. 4, прил. к стр. 6; описание карты там же, стр. 5), но автору осталась неизвестна история этой карты.

⁶² *Imago Mundi*, III, 1939, между стр. 90—91.

⁶³ Напечатана в кн.: F. Golder. *Russian Expansion on the Pacific 1641—1850*. Cleveland, 1914, стр. 111. Отсюда она перепечатана в статье Л. С. Берга «Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука» (Записки по гидрографии, т. II (XLIII), вып. 2, изд. Гл. гидрограф. упр., 1920, между стр. 122—123).

немирные, бой имеют каменьем из шибалок. Лисиц красных много».

Из расспросов А. Ф. Шестакова и на основании его карты И. К. Кирилов внес в свою карту северо-восточной Сибири 1724 г., упомянутую выше, некоторые дополнения и исправления. Русская копия этой карты Кирилова 1726 г., несомненно находившаяся прежде в России, теперь находится за границей, в Стокгольме, в собрании Л. С. Багрова.⁶⁴ Кроме того, известна копия той же карты с надписями профессоров Петербургской Академии наук П. Леруа и И. Делиля на французском и латинском языках; она хранится в собрании карт Географического департамента Академии наук.^{65]}

Но карта Кирилова, по-видимому, мало удовлетворила Петра, который именно в декабре 1724 г. решил отправить на Камчатку новую экспедицию.

Первоначальный текст записки об этом был, несомненно, написан Петром и послан в Адмиралтейств-коллегию; оттуда, с замечаниями Коллегии, он быстро вернулся назад, и на нем Петр сделал три собственноручные отметки; документ с этими отметками Петра относится к 23 декабря 1724 г.⁶⁶ «В начале... 725 году, по кончине государевой, по его собственноручному указу,⁶⁷ отправлен капитан Беринг, коему ни о чем ином, точно о проведывании... писано».⁶⁸

⁶⁴ *Imago Mundi*, XII, 1955, между стр. 130—131.

⁶⁵ Отд. рук. кн. БАН, № 118/350/3636; в последний раз напечатана в книге Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» (М.—Л., 1946, стр. 96) под ошибочным названием «Карта Шестакова».

Точка зрения А. И. Андреева на соотношение карт Кирилова и Шестакова на протяжении ряда лет менялась. Эти изменения отражены в его работах: 1) «Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в.» (Известия ВГО, 1943, вып. 3). 2) «Изучение Якутии в XVIII в.» (Уч. зап. Якутского фил. АН СССР, Инст. языка, лит. и истории, вып. IV, Якутск, 1956) и, наконец, в дополнениях к тексту «Очерков», сделанных в 1959 г. С. Е. Фель (Картография России XVIII в. М., 1960, стр. 151) полемизирует с выводами А. И. Андреева, относящимися к 1943 г.—Прим. ред.

⁶⁶ Он был напечатан несколько раз; см. В. Вахтин. Русские трудники моря, СПб., 1890; фотоснимок с части документа см. *Bering's Voyages*, I, прил. к стр. 7.

⁶⁷ Этот указ печатается обычно по копии его, находящейся в отчете Беринга 1730 г. (В. Вахтин, ук. соч., стр. 1 и 86), но дата этого указа, приведенная там же, на стр. 86,—6 января 1725 г., вероятно, более правильна, чем дата того же указа на стр. 1—23 декабря 1724 г.

⁶⁸ ЦГАДА, портф. Миллера, № 512, лл. 1 об.—2.

«Изучение Якутии в XVIII в.»—Уч. зап. Якутского фил. АН СССР, Инст. языка, лит. и истории, вып. IV, стр. 9—10.

Задачи первой экспедиции Беринга были указаны Петром: на боте или двух ботах, сделанных на Камчатке или в другом месте, «возле земли, которая идет на nord и, по чаянию (по-неже оной конца не знают), кажется, что та земля часть Америки; и для того изкать, где она сошлась с Америкою; и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной куст⁶⁹ называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды».

В вводной статье к сборнику документов об экспедициях Беринга⁷⁰ А. А. Покровский весьма убедительно доказал, что, помимо чисто научных целей, первая экспедиция Беринга преследовала и торговые цели — установление связей с испанской Мексикой, откуда шло драгоценное для страны золото.

В связи с поисками в 1718—1723 гг. путей в страны, богатые золотом, о которых шла речь выше, следует признать, что в первой экспедиции Беринга могла быть поставлена задача установления непосредственных отношений с одной из таких стран. Такое предположение в полной мере подтверждают все отмеченные выше экспедиции 1718—1723 гг.; все они преследовали цели не только чисто географические, но при благоприятных обстоятельствах должны были привести к установлению торговых сношений с теми странами, куда они направлялись.

Но на следующий день после подписания указа о «Сибирской экспедиции», 24 декабря 1724 г., Петр подписал указ об отправке летом 1725 г. целой эскадры в Испанию для непосредственных торговых сношений с нею. Этому указу предшествовали два других: 8 ноября 1723 г. об установлении официальных сношений с Испанией и 4 августа 1724 г. об учреждении компании для торговли с Испанией. В основе всех трех указов лежал интерес Петра к Вест-Индии и Америке вообще, откуда Испания получала американские товары, под которыми разумелись прежде всего драгоценные металлы, монопольно вывозившиеся тогда Испанией из Средней и Южной Америки. В указе от 24 декабря 1724 г. Петр «изволил подтвердить, дабы оную коммерцию распространить, невзирая хотя, у которых товаров и наклад будет, точию б, единым словом, чтоб коммерцию зачать и продолжать всяким образом, а потом помалу и компанию собрать».⁷¹ Несомненно, что отправление

⁶⁹ Куст, кюст — берег.

⁷⁰ Экспедиция Беринга. Сб. докум. Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941. Мой отзыв об этом издании см. Известия ВГО, 1943, вып. 2, стр. 60—64.

⁷¹ С. Елагин. Необходимое замечание по поводу статьи г. Зейделя. Морской сборник, 1867, № 11, стр. 8—9; Т. К. Крылова. Сношения

эскадры в Испанию обсуждалось в том же декабре 1724 г., когда Петр решил приступить, наконец, не только к действительному выяснению вопроса о том, сошлась ли Азия с Америкой, но и к установлению непосредственных сношений с Северной Америкой; и между двумя экспедициями — Сибирской и Испанской — была несомненная связь; Испанская экспедиция вообще не состоялась, а Сибирская была последней, которую задумал Петр, выработавший для поставленного во главе ее Витуса Беринга инструкцию; но инструкция эта проводилась в жизнь уже после смерти Петра. Сибирская, или Первая Камчатская, экспедиция не разрешила тот вопрос, который был ей поставлен: сходится ли Азия с Америкой? Вопреки обычному мнению она не была, однако, первой экспедицией петровского времени, которая пыталась разрешить этот вопрос.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИБИРИ ПЛЕННЫХ ШВЕДОВ. МЕССЕРШМИДТ И СТРАЛЕНБЕРГ

В XVIII в. собирание материалов о Сибири началось с первых же лет и оно в значительной мере связано с пребыванием в разных местах Сибири, преимущественно Западной, пленных шведов, которых в большом количестве с 1711 г. стали расселять по разным городам Сибири. Общее количество этих пленных шведов точно не установлено, но имеются известия, что оно доходило до 800.¹ Среди них было много образованных людей разных специальностей, которые в месте своего невольного поселения до 1722 г., когда им было разрешено вернуться на родину, не теряли времени даром и собирали о Сибири разные сведения.²

Эти сведения довольно рано стали проникать в Западную Европу в письмах, которые пленным удавалось пересылать на родину. Еще в годы пребывания шведов в Сибири некоторые из

России с Испанией в первой четверти XVIII века. В сб. Культура Испании. М.—Л., 1940, стр. 344—352 (указ о посылке кораблей в Испанию отнесен здесь к 4 декабря 1724 г.).

¹ Я. К. Грот. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом (Труды Я. К. Грота, т. IV, СПб., 1904, стр. 122—156); ЦГАДА, портф. Миллера, № 483, Книги именные шведским полонникам (№ 37). О жизни шведских пленных в Сибири см. также «Записки» Вебера (Русский архив, 1872, стр. 1070—1071, 1397—1402); здесь, между прочим, имеются сведения о Шенстреме, который «провел время плена своего в Сибири в интересных наблюдениях и изучении страны и ее обитателей» (стр. 1400); он явился родоначальником теории о финляндской прародине вогулов и остяков.

² Основной труд о пленных шведах: В. А. Ennes. Biografiska minnes af konung Carl XII Krigare... fångne i Russland. Stockholm, 1818.—1819, 2 части. Эннес — внук одного из пленных шведов, корнета Эннеса,

этих писем были напечатаны,³ значительное число их появилось позднее, по возвращении пленных из Сибири, в частности в одной из ранних работ, посвященных пребыванию шведов в Сибири, — труде Курта Вреха, который выдержал два издания.⁴ В этом труде,⁵ как и в ранее изданных письмах, можно найти много известий по этнографии тех народов, с которыми преимущественно соприкасались шведы, — остяков, остяко-самоедов и татар.

Некоторые из сведений, попавших за границу еще во время пребывания шведов в Сибири, были использованы для сочинений, посвященных ей. В 1720 г. в Нюрнберге появилась книжка неизвестного автора с весьма длинным заглавием (в 1725 г. она вышла повторным изданием⁶).

Неизвестный автор этой книжки⁷ справедливо указывает в предисловии, что, в сущности, о Сибири нет еще специального историко-географического описания, если не считать труда Витсена, недоступного тем, которые не знают голландского языка. С своей стороны он делает попытку составить такое описание; в главах 14—21 он дает историко-этнографические известия об якутах, самоедах, вогулах, остяках, тунгусах, бурятах, монголах и киргизах. Несомненный интерес представляют его известия об остяках (стр. 157—161), полученные от

---

13 лет прожившего в Тобольске. Его сочинение основано на дневнике деда, который последний вел в Сибири, а также на шведских сочинениях той же эпохи. Дневники некоторых шведов напечатаны в кн.: Karolinska Krigares Dagböcker, utgifet af Aug. Quennerstedt, B. I—XII, Lund, 1901—1918.

³ Alethophilo. Die zweite Nachricht vom innern und äussern Zustande derer schwedischen Gefangenen in Russland... Frankfurt u. Leipzig, 1718.

⁴ C. F. Wreech. Wahrhaffte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien... Sorau, 1725, 1728. Об авторе этого труда см. Д. Гинцбург. Начало просвещения в Сибири (ЖМНП, 1905, сент., отд. нар. образов., стр. 58—61).

⁵ C. F. Wreech, ук. соч., стр. 178—186, 594—596.

⁶ Der allerneueste Staat von Siberien, einer grossen u. zuvor wenig bekannten Moscovitischen Provinz in Asien, entdeckend nicht nur die ehemalige und gegenwärtige Beschaffenheit des Landes, nach seiner Regierung, nach der Gegend, Frucht- u. Unfruchtbarkeit, Cebürgen, Thieren, Flüssen, Städten u. d. g. Sondern auch die Sitten u. Gebräuche der Samojuden, Wagullen, Calmücken, Ostiaken, Tungusen, Buratten, Mongalen u. anderer Tartarischen Völker, nebst einer Historischen Nachricht, von den merkwürdigen Begebenheiten derer in diesem Lande gefangenen Schweden, von der Schule zu Tobolsky u. vom wunderbaren Anfang zur Bekehrung der Unglaubigen. Nürnberg, 1725.

⁷ Нет оснований считать автором этой книги каких-то «пленных шведов», как это полагает М. П. Алексеев (Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 382); помимо прочего, рассказ везде ведется от первого лица, которым, несомненно, был немец.

одного шведа, жившего в Томске в 1714 г.; в конце сообщения этого шведа, напечатанного в книге целиком, указано, что один из шведских капитанов составил подробное описание остяков. В этом последнем легко узнать упоминаемого далее капитана Мюллера, труд которого был готов к 1720 г., но, как отмечает автор книги, в Германии еще не появился. В книге использованы также другие письма шведов об остяках (стр. 161—163), об их крещении и пр.

Некоторые из шведов, находясь в Сибири, имели возможность обработать собранные ими материалы. Так, капитан Иоган-Бернгард Мюллер, сопровождавший «просветителя» остяков и вогулов сибирского митрополита Филофея Лещинского во время его поездок по Оби, написал труд, который был издан впервые в Берлине в 1720 г.⁸ и несколько раз затем переиздавался. Только в последней четверти XIX в., когда был напечатан труд Григория Новицкого «Краткое описание о народе остячком», стало ясно, что сведения об остяках и вогулах были заимствованы Мюллером у Новицкого.⁹ Но труд Новицкого остался неизвестен на Западе, а потому основным источником об остяках и вогулах XVIII и XIX вв. для западноевропейских этнографов остается по-прежнему труд И. Б. Мюллера.

Во время пребывания шведов в Сибири ими был найден там исторический труд, без которого со времен Г. Ф. Миллера не обходится ни один историк Сибири; я имею в виду сочинение Абулгази. Перевод этого труда был выполнен группой шведских пленных (Шенстремом и др.). Табберт фон Страленберг приписывает себе открытие подлинника Абулгази.¹⁰ Найденный в рукописи на татарском языке, труд Абулгази был переведен одним тобольским ахуном на русский язык; с русского текста шведами был сделан немецкий перевод,¹¹ который вскоре по возвращении шведов в Западную Европу оказался в Голландии, где с него был сделан французский пере-

⁸ J. B. Müller, Königl. Schwedischen drag. Capitain. Leben und Gewohnheiten der Ostiaken, eines Volcks, das dis unter dem Polo Arctico wohnet... Berlin, 1720. Французский перевод см. Recueil de voyages au Nord, VIII. Amsterdam, 1727, стр. 373—429. Этот труд включен в первое издание книги Вебера: Ch. F. Weber. Das veränderte Russland... Francfurth, 1721, стр. 169—213, и в последующие переиздания. Посвящение автора царице Екатерине Алексеевне датировано 1716 г.

⁹ Известия РГО, XI, 1875, стр. 7—9; A. Härmäläinen. Nachrichten der nach Sibirien verschickten officiere Karls XII über die finnisch-ugrischen Völker. Journal de la Société finno-ougrienne, XLIX, v. 4. Helsinki, 1938, стр. 5—27; ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 94—127.

¹⁰ Ph. J. Strahlenberg. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730, стр. 113 и сл.

¹¹ Материалы, VI, стр. 346.

вод, вышедший в Лейдене в 1725 г.¹² Автор этого французского перевода скрылся под инициалом D***, и в XVIII в. имя его было неизвестно даже такому специалисту, как Г. Ф. Миллер.¹³ Позднее у Брюне¹⁴ и в других подобных изданиях¹⁵ появились указания, что D*** — это Бентинк, в котором, по всем данным, следует видеть младшего сына Вильяма Бентинка — первого графа Портландского, вместе с Вильгельмом Оранским переселившегося в Голландию; ¹⁶ этот младший сын назывался также Вильямом и, кажется, был автором нескольких литературных произведений на латинском языке.¹⁷

Впрочем, ни Брюне, ни другие не приводят никаких объяснений, почему они считают D*** псевдонимом Бентинка.

Но кто бы он ни был, D*** использовал для своих примечаний к французскому переводу Абулгази различные материалы по географии, этнографии и истории, которые, несомненно, были получены им из того же источника, что и немецкий перевод Абулгази; во всяком случае, в этих примечаниях к французскому переводу Абулгази имеется немало известий по истории и этнографии народов Сибири, которые автор примечаний не мог заимствовать из имевшейся в то время литературы о Сибири. Можно думать, что они были получены им из Москвы от одного из живших там купцов — Петра Меллера, большого знатока истории, географии и этнографии Сибири.

Этот французский перевод Абулгази в 1734 г. В. К. Третьяковский по поручению Академии перевел на русский язык. К тому времени в Академии наук уже имелась рукопись Абулгази на татарском языке, с которой проф. Кер сделал перевод на немецкий язык. Но перевод Кера оказался неудовлетворительным в литературном отношении; исправить перевод поручено было И. Э. Фишеру, который, следуя французскому переводу, внес в немецкий перевод Кера много новых ошибок и не-правильностей.

---

¹² Histoire généalogique des Tatars. Traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan et enrichée d'un grand nombre de remarques authentiques et très-curieuses sur le véritable estat présent de l'Asie Septentrionale. Avec les cartes géographiques nécessaires. Par D. A. Leyde, 1726.

¹³ Письмо Миллера Бюшингу от ... июля 1753 г., см. ААН, ф. 1, оп. 3, № 42, лл. 245—248 (копия).

¹⁴ J. Ch. Brunet. Manuel du libraire et de l'amateur livres... I. Paris, 1860, стр. 19.

¹⁵ Например, Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale, X. Paris, 1924, стр. 1046.

¹⁶ Dictionary of National Biography, II. Oxford, 1921—1922, стр. 285 и сл.; Nouveau Larousse illustré, стр. 13.

¹⁷ Catalogue générale... X, стр. 1047.

В 1737 г. в Академию наук в составе рукописей Брюса поступил еще один немецкий перевод Абулгази, но ни один из этих немецких переводов не был издан, и только в 1768 г. Академия напечатала перевод Тредиаковского, сделанный с французского перевода 1726 г.¹⁸

Впоследствии, в 1780 г., был издан и немецкий перевод Абулгази, сделанный группой пленных шведов. Татарский же оригинал был издан в Казани в 1825 г. с предисловием Френа. В 1874 г. появились новое издание подлинника и затем русский перевод Саблукова с этого подлинника,¹⁹ которые вполне заменили неудачные французские и немецкие переводы. Но примечания к французскому переводу 1726 г. до сих пор сохраняют историко-этнографический интерес.

Собранные шведами географические известия о Сибири были использованы в западноевропейской картографии для издания более точных карт Сибири. Географические известия о ней рассеяны в переписке шведов, но, несомненно, кое-кто из них занимался также картографией Сибири, о чем, по авторитетному свидетельству историка сибирской картографии XVIII в. Каана, говорят некоторые карты, появившиеся ранее или независимо от карты Страленберга, о которой говорю далее.

Так, им приписывают изданную в Голландии вскоре после смерти Петра I «Carte nouvelle de tout l'Empire de la Grande Russie dans l'Etat où il s'est trouvé à la mort de Pierre le Grand, dressée sur les Observations toutes nouvelles et dédiée à l'immortelle memoire de ce grand Monarque».²⁰ Г. Ф. Миллер²¹ считал шведов авторами карты Сибири («La Russie asiatique tirée de la carte donnée par ordre du feu Czar»), приложенной к дневнику путешествия в Китай (в 1721—1722 гг.) Лоренца Ланга;²² с по-

¹⁸ Материалы, VI, стр. 319—320, 346. Русский перевод вышел под следующим заглавием: «Родословная Истории о Татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книги, сочинения Абулгачи-Баядур-Хана, и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук, 2 тома, [1768].

¹⁹ Histoire des mogols et des tatares par Aboul-Chazi-Behadour khan. Publ., trad. et annotée par le baron Desmaisons. 2 tomes. SPb., 1871—1874; Родословное древо тюрков. Сочинение Абулгази, хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1914. Об издании переводов и оригиналов сочинения Абулгази см. Библиографические записки, 1864, № 12, стр. 360—361.

²⁰ G. Ca hen. Les cartes de la Sibérie au XVIIIe siècle. Paris, 1911 (Nouvelles Archives des missions scientifiques et littéraires, nouvelle série, I), стр. 150, № 55. Каан только упоминает эту карту, но сам ее не видел.

²¹ SRG, III, стр. 122.

²² Recueil des voyages au Nord, VIII. Amsterdam, 1727, перед стр. 224; G. Ca hen, ук. соч., стр. 154—157.

следней сходна карта Сибири, которая имеется в «Histoire gé- néalogique des Tatars».

Страленберг считает последнюю лучшей из всех, хотя и ей не дает положительной оценки, но об авторе карты ничего не говорит.²³

В 1727 г. вышла карта Камчатки.²⁴ Как и в карте, прило- женной к изданию Абулгази, здесь имеется ссылка на русский оригинал, но остается невыясненным, что следует разуметь под последним: ту ли карту, которая издана в Голландии и припи- сывается Миллером шведам, или какую-то русскую карту.²⁵

Следует напомнить, что шведские пленные были использо- ваны неоднократно для различных поручений, которые шли от сибирского губернатора Гагарина. Так, в первом плавании рус- ских на Камчатку Охотским морем (в 1716 г.) приняли участие некоторые сведущие в мореплавании шведские пленные — Иван Буш и Андрей Буш.²⁶ В мае 1717 г. был отправлен из Якутска в Охотск пленный шведского флота лейтенант Молик для по- стройки четырех судов²⁷ и др.

Весьма вероятно, что именно от других шведов, выполнявших поручения русских в Сибири, Страленберг получил некоторые сведения об ее северо-востоке.²⁸

Собранные шведами историко-географические известия о Си- бири довольно долго служили источником для западноевропей- ской науки о Сибири. Из многочисленных книг, появившихся в Европе во второй четверти XVIII в. и основанных на материа- лах бывших шведских пленных в Сибири, отмечу две, представ- ляющие интерес и ценность до сих пор.

Это прежде всего «Relation de la Grande Tartarie dressée sur les mémoires originaux des suédois prisonniers en Sibérie pendant la guerre de la Suède avec la Russie. A Amsterdam, 1737». Неизвест- ный автор этой книжки использует, между прочим, сведения тех шведов, которые сопровождали Мессершмидта во время его пу- тешествия по Западной Сибири в 1721 г., и дает много сведений по географии, этнографии и истории, главным образом погранич- ных с Сибирью народов, но уделяет также много внимания мон- голам, татарам, калмыкам и другим народам южной Сибири.

²³ Страленберг (Ph. J. Strahlenberg, ук. соч., стр. 10) считает как эту карту, так и изданную Гоманом (Grosser Atlas, Nürnberg, 1725) в большей своей части копейкой его двух карт 1715 и 1718 гг.

²⁴ См. стр. 27, прим. 54.

²⁵ G. Sahen, ук. соч., стр. 158.

²⁶ А. Сгибнев. Охотский порт с 1649 по 1852 г. Морской сбор- ник, 1869, № 11, неоф. часть, стр. 7—9; Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758, апрель, стр. 317.

²⁷ Морской сборник, 1869, № 11, неоф. часть, стр. 9.

²⁸ Ph. J. Strahlenberg, ук. соч., стр. 17, 58.

В 1744 г. в Стокгольме появилась брошюра шведского капитана Иоганна Христиана Шнитшера (Schnitscher) «Berättelse om Ajustkinska Calmuckiet»; автор сопровождал китайское посольство Тулишена 1712—1714 гг. к калмыкам и дал не только описание посольства, но и сообщил ценные сведения о калмыках. Работа Шнитшера вышла с примечаниями другого шведа — Рената, которому картография обязана появлением в научном обороте калмыцкой карты Джунгарии;²⁹ на основе этой карты Шнитшером составлена собственная карта той же страны.

В 1764 г. работа Шнитшера была переведена на русский язык и издана с примечаниями Г. Ф. Миллера,³⁰ интересовавшегося калмыками уже с первых лет своей научной деятельности и не раз уступавшего исследователям XVIII в. свои богатые собрания материалов о них.

Нет надобности преувеличивать роль пленных шведов в собирании и изучении материалов о Сибири, однако все же не следует забывать о сделанном ими, в особенности о трудах самого крупного из них — Филиппа Иоганна Табберта фон Страленберга, работы которого получили широкую известность на Западе и отчасти у нас.

Около десяти лет прожил Страленберг в Тобольске; в эти годы (1711—1721) он завязал сношения с местными людьми, занимавшимися географией, этнографией и тому подобными науками. Страленберг преимущественно интересовался географией Сибири и к 1715 г. приготовил свою первую карту Сибири, которая была украдена во время бывшего в этом году в его доме пожара. В другом месте³¹ я указывал, что именно к этому периоду следует относить личное знакомство Страленберга с С. У. Ремезовым, от которого он получил не только много географических известий о Сибири, но и его чертежи, использованные, вероятно, Страленбергом уже для первой его карты.

Поощряемый приятелями из Москвы, Страленберг после кражи первой карты принялся за составление новой, но в 1718 г. она была отобрана от него кн. Гагариным, сибирским губернатором, запретившим ему, под угрозой ссылки на Ледовитое море, заниматься картографией. Страленберг вернулся к этим занятиям уже после увольнения Гагарина.

²⁹ А. Макшеев. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. Записки РГО по общей географии, т. XI, 1888, стр. 105—145; В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Известия Российской Академии наук, 1919, № 12—15, стр. 797—799.

³⁰ Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, 1764, ноябрь, стр. 428—440.

³¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, XVII век. М.—Л., 1960, стр. 148.

Как его первая карта, так и особенно вторая оказались в копиях в руках приятелей Страленберга, а через них попали затем за границу, где, как уже отмечено выше, были использованы при составлении карт Сибири. Копия карты 1718 г. после смерти одного московского приятеля Страленберга попала в руки царя Петра, который приказал, если явится за нею неизвестный сочинитель карты, представить его себе. Об этом поведении стало известно Страленбергу; по его словам, он старался еще более усовершенствовать свою новую карту Сибири, за составление которой принялся вскоре после 1718 г. Прибыв в Москву в 1722 г., он поднес царю новую карту Сибири, которая так понравилась Петру I, что Страленбергу было предложено начальство над землемерной частью, от чего он, однако, отказался.

Для своей третьей карты Сибири, которую он увез с собою в Швецию, Страленберг использовал те чертежи Сибири, которые были получены им от С. У. Ремезова или от его сыновей; в них он внес некоторые исправления, сделанные на основании известий, собранных им во время путешествия по Сибири в 1721—1722 гг. в качестве сотрудника доктора Даниила Готлиба Мессершмидта, отправленного туда в 1718 г. по приказанию царя Петра.

Мессершмидт (1685—1735), получивший в Галле степень доктора медицины, обязался ехать в Сибирь для занятия: «а) географией страны, б) натуральной историей, с) медициной, лекарственными растениями и эпидемическими болезнями, d) описанием сибирских народов и филологией, e) памятниками древности и f) вообще всем достопримечательным». За исключением небольшого периода (1721—1722 гг.), когда ему помогал Страленберг, Мессершмидт один выполнил громадную работу. За время пребывания в Сибири в 1720—1726 гг. он собрал большие коллекции по всем разделам его наказа и написал многочисленные труды, главным образом по естественным наукам (ботанике, зоологии, минералогии и пр.), но среди них имеются и материалы по географии, этнографии, «древностям» и языкам народов Сибири. В рапортах Мессершмидта, которые он посылал из Сибири в Главную медицинскую контору в Петербург (их всего 22), и в дневниках, которые он писал со времени отъезда из Тобольска в марте 1721 г. и до конца путешествия, а также в его переписке имеется много известий по географии, этнографии, истории и лингвистике народов Сибири, собранных этим неутомимым исследователем. К сожалению, все они остаются до сих пор не выявленными, так как рассеяны среди весьма большого количества сообщений, важных и интересных для ботаников, зоологов и представителей

других естественных наук.³² Лишь незначительные извлечения из дневников Мессершмидта к настоящему времени изданы.³³ Почти все его ученые труды, бóльшая часть дневников, а также собранные материалы и составленные им карты остаются в рукописях и почти не привлекали к себе внимания историков и этнографов Сибири.

По просьбе Мессершмидта сибирский губернатор кн. А. М. Черкасский разрешил ему взять с собой при отъезде из Тобольска «шведского пленника обер-офицера» Филиппа Страленберга и его племянника Карла Густава Шульмана, который был художником. Оба эти лица находились при Мессершмидте до мая 1722 г., когда их пришлось отпустить на родину. Расставаясь со Страленбергом, Мессершмидт записал в своем дневнике 28 мая: «28 Mai 1722. Abends umb 5 Uhr ging Herr Kapt. Philipp Joon Tabbert von Strahlenberg mit Karl Gustav Schulman von Terechtjulust, mit einem Floss oder Plot den Kemčug-Strom hinunter, nachdem ich ihn zuwor völlige Instruction schriftlich erteilet und mit Briefen an alle meine Korrespondenten versehen, welchen ich denn umb seiner redlichen Frömmigkeit und treufleissigen Assistenz nicht anders als mit vielen Tränen dimitierte».³⁴

При таких отношениях с Мессершмидтом неудивительно, что все материалы, полученные последним в Тобольске и в других местах, оказались в полном распоряжении Страленберга. Вместе с Мессершмидтом он проехал по Иртышу до Тары и оттуда через Барабинскую степь в Томск.

В феврале 1722 г. Страленберг прибыл в Красноярск, откуда был послан в Енисейск; по возвращении в Красноярск он уехал в европейскую Россию, а затем на родину. Во время этих путешествий он собрал новые материалы, которые явились

³² Труды и материалы Мессершмидта хранятся в Архиве АН, ф. 98, оп. 1. Описание путешествия Мессершмидта на основании некоторых рукописей этого фонда, см. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 350—362; Д. И. Литвинов. Библиография флоры Сибири. СПб., 1909, стр. 177—181.

³³ Neue Nordische Beyträge, III, 1782, стр. 105—158; В. В. Радлов. Сибирские древности, I, вып. 1. СПб., 1888, прил., стр. 9—19. Подготавливаемое с 1935 г. Институтом этнографии АН СССР издание дневников Мессершмидта приостановилось на первом томе, который уже несколько лет лежит в рукописи.

Переводы журналов Мессершмидта хранятся в архиве Института этнографии АН СССР (колл. III, оп. 1, №№ 4—9). О них см. М. Г. Нольдская. Д. Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири (Известия ВГО, 1962, вып. 3, стр. 231—239). Труды Мессершмидта издаются Немецкой Академией наук в Берлине совместно с Академией наук СССР (Институт истории естествознания и техники), см. D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien (1720—1727), Theil I. Berlin, 1962. — *Прим. ред.*

³⁴ ААН, ф. 98, оп. 1, № 1, л. 144.

важным дополнением к полученным им в Тобольске, Томске и Красноярске. В пути Страленберг вел дневник, который был при нем, когда он вернулся на родину и занялся описанием «северной и восточной части Европы и Азии».

Обработка вывезенных из России материалов заняла у Страленберга довольно много времени. Вероятно, к этому периоду следует отнести его большое письмо академику Байеру;³⁵ в письме много филологических рассуждений об языках сибирских народов.

В 1724 г. В. Н. Татищев, посланный в Швецию с разными поручениями, сообщил, что Страленберг свое сочинение о северо-восточной части России и о Сибири хотел посвятить Петру Великому.³⁶ В 1726 г. Страленберг напечатал «Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werckes von der Grossen Tartarey u. dem Königreiche Siberien, mit einem Anhang von Gross-Russland worinen von dem Autore die Einrichtung u. vornehmsten Contenta desselben vorgetragen werden». Самый труд появился только в 1730 г. в Стокгольме.³⁷ По-видимому, в том же 1730 г., но с иным названием сочинение Страленберга вышло в Лейпциге; оно ничем, кроме заглавия, не отличается от стокгольмского издания.

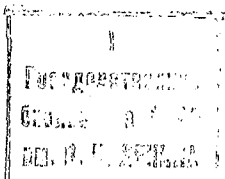
Труд Страленберга был переведен на многие языки: на английский в 1738 г., французский в 1757 г., испанский в 1780 г.; русского же перевода, несмотря на то что книга касается преимущественно России, не появилось.³⁸

³⁵ ААН, ф. 784, оп. 2, № 2, лл. 61—67 об., без даты, подписано Страленбергом.

³⁶ П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, стр. 16.

³⁷ Ph. J. von Strahlenberg. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia insoweit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der Grossen Tartarey in sich begreiffet, in einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer noch niemals ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwey u. dreyssigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen u. einem Kalmückischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charte von denn benannten Ländern u. andern verschiedenen Kupferstichen, so die Asiatisch-Scytische Antiquität betreffen... Stockholm, 1730.

³⁸ G. Cahen (Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand. Paris, 1912, bibliographie, стр. CLXXIX), а за ним другие иностранные авторы указывают, что был русский перевод, напечатанный в Петербурге в 1797 г. под заглавием «Историческое и географическое описание полуночно-восточной части Европы и Азии», но такого издания нет в библиотеках Ленинграда. Сообщение о существовании издания русского перевода основано, видимо, на том, что в 1879—1882 гг. в Отделении рукописей Московского публичного и Румянцевского музея (ныне Библиотека СССР им. В. И. Ленина) поступила из библиотеки Сулокадзева рукопись № 2641: Штраленберг. Историческое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночно-восточной части Европы и Азии, наче же империи Российской. Перевод с стокгольм-

По словам Аделунга,³⁹ указанная на титульном листе труда Страленберга карта «находится при немногих экземплярах» и вообще очень редка, некоторые экземпляры ее были иллюминированы.⁴⁰ Подробное описание карты Страленберга дано в труде Г. Каана, посвященном картам Сибири XVIII в.⁴¹

Особенно тщательно отмечены Страленбергом на его карте народы Сибири. По Уралу показаны вогулы, в истоках Иртыша и Оби — «ropuli Kankaragai», на Оби — телеуты, мрасы, затем татары, которых он делит на татар абинцев на Томи, чатских татар, чулымских татар с ачинцами и gaustinzi — по течению Чулыма. Остияки делятся на нарымских, сургутских, обских, иртышских, казымских, ляпинских, обдорских и надымских. В верховьях Енисея находится земля Honkoroï с народом Modur Mungalorum genus, далее тулес, тубинцы, Jesertz татары, качинские татары. По течению Селенги — монголы, по берегам Байкала — буряты. Прибайкалье и верховья Амура составляют Даурию. Часть Енисея принадлежит тунгусам и оленным тунгусам. Самоеды занимают весь север до Хатанги. По течению Лены — тунгусы, собачьи тунгусы и в нижней части — якуты. По берегам Ледовитого океана к востоку от Лены находим

ского издания 1730 г. Вятка, 1797 г., скороп. в 4°. Там же имеются еще два перевода Страленберга — рукописи №№ 56 и 1119. (Отчет Московского публичного и Румянцевского музея за 1879—1882 гг. М., 1884, стр. 23). Кроме того, имеется еще несколько рукописных переводов, относящихся к XVIII в.: 1) перевод 1738 г., выполненный в Самаре под редакцией В. Н. Татищева (о нем см. ниже, стр. 315), 2) перевод В. Томилевского (ЦГАДА, портф. Миллера, № 510, лл. 1—102) и 3) в собрании Общества истории и древностей российских под заглавием: «Описание северо-востока Европы» (П. Строев, Библиотека Общества истории и древностей российских. М., 1845, стр. 52, № 151). В. В. Радлов (Сибирские древности, т. I, вып. 2, прил., стр. 24 и сл.) напечатал отрывки из труда Страленберга в русском переводе; такие же отрывки об отдельных народах Сибири изданы в переводе в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», XI, вып. 3, 1893, стр. 241—251, и в приложении к книге Н. А. Попова «Татищев и его время», СПб., 1861, стр. 709—716 (отрывки из упомянутого выше перевода 1738 г.).

³⁹ F. Adelung. Gatherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. SPb., 1815, стр. 7.

⁴⁰ Ph. J. Strahlenberg, ук. соч., между сигн. c₂—d. Иллюминированный экземпляр имеется в б. Московском главном архиве Министерства иностранных дел.

⁴¹ G. Cahen. Les cartes de la Sibirie..., стр. 180—190. Карта воспроизведена в кн.: A. E. Nordenskiöld. Samling af Gamla Kartor öfver Ryska Riket. 1892, № 122; A. E. Nordenskiöld. Periplus. Stockholm, 1897, № 38; А. С. Багров. Карты Азиатской России. Пгр., 1914, стр. 17; А. С. Багров. История географической карты. Вестник археологии и истории, Пгр., вып. XXIII, 1918, стр. 49; А. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М., 1935, стр. 53.

Terra Jukairia, T. Tzuckza, T. Olutorskaia, T. Koreikorum, T. Lamskaia, T. Giliakorum и пр.

Несмотря на обилие деталей на карте, большая часть географических названий, по мнению Каана, является «фантазией»; во всяком случае, они не встречаются в «Атласе Российском» 1745 г.

Мне уже приходилось указывать⁴² на неосновательность такого мнения Каана: вопреки ему, следует считать карту Страленберга одной из лучших иностранных карт Сибири XVIII в.; для нее использованы такие ценные русские источники, как чертежи С. У. Ремезова, исправленные и дополненные во время путешествия Страленберга по Сибири вместе с Д. Г. Мессершмидтом. Впервые на карте Страленберга показана против Чукотки часть Америки, правда как остров.

В труде Страленберга воспроизведены некоторые рисунки, находящиеся среди бумаг Мессершмидта и С. У. Ремезова, о чем мне приходилось уже говорить.⁴³ Представляют интерес карта Енисея, камни с древнетюркскими надписями, изображения шаманских бубнов и божков-покровителей и др.⁴⁴

Сам труд Страленберга заключает в себе много новых и ценных сведений о России и Сибири, которые впервые были опубликованы в книге. Основной недостаток труда состоит в том, что автор, не зная хорошо языков русского и других народов России и Сибири, пускается часто в филологические рассуждения, за что справедливо укоряют его критики, например Миллер и Гмелин. Но, считая критику их совершенно основательной, следует все же признать достойной внимания попытку Страленберга выяснить на основании главным образом языковых данных этнические отношения сибирских и восточнорусских народов, а встречающиеся в труде материалы — ценным научным источником.

В своем труде Страленберг сообщает много сведений о сибирских народах: барабинских татарах (стр. 321—322), даурах (стр. 340), якутах, юкагирах (стр. 381), камасинцах (стр. 384), канских татарах (стр. 385), коряках (стр. 388—389), остяках (стр. 413), тунгусах (стр. 423—425) и др. На карте показаны места их обитания.

Следует отметить, что именно у Страленберга впервые собраны известия о плаваниях русских к востоку от Лены; соответствующее место в его труде, где он говорит об этом, заслу-

⁴² А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, XVII век. М.—Л., 1960, стр. 149.

⁴³ А. И. Андреев, ук. соч., стр. 132.

⁴⁴ Некоторые из них воспроизведены В. В. Радловым в «Сибирских древностях».

живаает внимания тех, кто интересуется историей плавания в Северном океане.⁴⁵

Для лингвистов в книге Страленберга представляет интерес таблица «*Gentium boreo-orientalium vulgo tatarogum harmonia linguū*»; здесь 60 обыденных слов переведены на языки: чекменцев, финнов (финляндцев), вогулов, мордвы, черемисов, пермяков, вотяков, остяков, тобольских, тюменских и тарских татар, якутов, чувашей, самоедов, коттов, калмыков, маньчжур, тангутов, камасинцев, аринцев, тунгусов, коряков, курильцев, аваров, кумыков, кубачинцев, черкесов и куринцев. По этой таблице можно получить представление о языках некоторых народов Сибири (коттов, камасинцев, аринцев), слившихся с другими народами. Языковые записи Страленберга, несомненно, имеют и в данное время интерес.

Несмотря на широкую известность труда Страленберга в XVIII в., его научное значение остается мало выясненным. Ни на родине Страленберга (в Швеции), ни в других местах его научная биография не изучена основательно.⁴⁶ Последний автор, писавший о Страленберге, Альберт Хэмэляйнен,⁴⁷ также не дает в этом отношении чего-либо нового, устанавливая, впрочем, более правильный взгляд на Страленберга, чем это делалось до сих пор, преимущественно русскими авторами, повторявшими суждения Миллера и Гмелина.

---

⁴⁵ A. E. Nordenskiöld. Reply to criticisms upon «The Voyages of the Vega around Asia and Europe». Journal of the American Geographical Society of New York, 1885, v. XVII, стр. 295—296.

⁴⁶ В шведской литературе я мог найти только одну специальную статью, посвященную Страленбергу: A. Strindberg. Journal of the Svenska Sällskapet for Antihorology, I, 1879, № 6. В русской литературе следует указать на небольшое исследование Н. Ф. Катанова «Швед Филипп Иоганн Страленберг и труд его о России и Сибири (начала XVIII века)». Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XIX, вып. 2, 1903, стр. 170—174 (доклад автора в заседании Общества 30 апреля 1902 г.); В. Cordt. Ein Brief Ph. Joh. von Strahlenberg ... Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, Bd. XIII, Dorpat, 1888, стр. 409—421.

⁴⁷ A. Hämäläinen. Nachrichten der nach Sibirien verschikten Offiziere Karls XII über die finnisch-ugrischen Völker. Journal de la Société finno-ougrienne, XLIX, v. 4, Helsinki, 1938, стр. 1—55. Страленбергу посвящены стр. 27—55.

II. ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ КАМЧАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Первая и Вторая Камчатские экспедиции (1725—1743 гг.) привлекли к себе внимание советских историков и историков географических открытий. Можно назвать несколько исследований, посвященных обеим Камчатским экспедициям, — имею в виду труды Л. С. Берга, А. И. Андреева, А. А. Покровского, А. В. Ефимова, Д. М. Лебедева, В. А. Дивина, Г. В. Яникова, М. И. Белова и др.¹ Основным недостатком многих из этих трудов было то, что архивные источники по истории экспедиций были недостаточно известны исследователям, хотя некоторые сведения о них можно было получить еще в дореволюционной литературе. Архивные источники о деятельности академического отряда Второй Камчатской экспедиции были выявлены и описаны Н. А. Баклановой и мною еще в конце 30-х годов. Часть этой работы опубликована,² другая,

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946; сборник документов «Экспедиция Беринга» (М., 1941); А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII—первая половина XVIII в. М., 1950; Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России XVIII в. М., 1957; Д. М. Лебедев. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки, с приложением судового журнала за 1741 г. М., 1951; В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953; Г. В. Яников. Великая Северная экспедиция. М., 1949; М. И. Белов. О составлении генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г. Географический сборник, III, 1954; М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956; С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Перевод с немецкого Ю. И. Бронштейна под ред. и с предисл. А. И. Андреева. Л., 1940; А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в. Известия ВГО, 1943, вып. 3; А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы), вступительная статья к сб. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.». М., 1948.

² Н. А. Бакланова и А. И. Андреев. Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Си-

большая, ее часть хранится в рукописи и будет напечатана в приложении к третьему тому «Истории Сибири». В 1939—1940 гг. было составлено мною обозрение материалов, которые обязаны своим происхождением трудам моряков — участников обеих Камчатских экспедиций. В последующие годы в это обозрение было внесено несколько изменений, вызванных отчасти тем, что мне стали известны некоторые новые материалы об этих экспедициях, хранящиеся в Москве, в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА).

На первое место среди источников, обязанных своим происхождением трудам моряков, следует поставить шканечные или судовые журналы плавания судов, принимавших участие в Первой и Второй Камчатских экспедициях.³

Ввиду предполагавшегося на основании указа Сената от 28 декабря 1753 г. возобновления Камчатской экспедиции подлинные судовые журналы были отосланы в 1754 г. из Адмиралтейств-коллегии, где они хранились, в Тобольск, сибирскому губернатору В. А. Мятлеву. Всего в Тобольск было переслано тогда 37 книг.

Журналы оставались в Тобольске до 1787 г., когда в большой пожар они, по всей вероятности, погибли, производившиеся не раз поиски их не дали никаких результатов.

Копии, снятые в 1754 г. воспитанниками Морского корпуса и штурманскими учениками, за их скрепсами, оставшиеся в Петербурге, в Адмиралтейств-коллегии, писаны довольно чисто, с небольшими ошибками и пропусками; некоторые журналы, относящиеся к какой-нибудь одной части берега Ледовитого океана, переплетены вместе, другие хранятся порознь. Ныне все они находятся в ЦГАВМФ, в Коллекции архива гидрографии.⁴

бири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках — в кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, I. М.—Л., 1937, стр. 541—570.

³ ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 73, лл. 15, 16, 21, 27, 110—112 об., 146; реестр журналов на лл. 15—16 и 111—112.

⁴ Записки Гидрографического департамента Морского министерства, IX, СПб., 1851, стр. 196; Опись шканечным журналам с 1719 по 1853 г. и реестр клеркским протоколам и журналам канцелярий флагманов с 1723 по 1826 г., вып. 1 и 2, №№ 1—6888, СПб., 1856. Часть журналов отмечена в работе проф. Гольдера (F. Golder, Guide to Materials for American History in Russian Archives. Washington, 1917, стр. 134—135). См. также Б. Эвальд. Указатель картографических материалов Северного Ледовитого океана (от Норд-Капа до мыса Дежнева) с 1734 по 1914 г., хранящихся в Депо морских карт и книг Главного гидрографического управления. Пгр., 1917, стр. 73—76 (список журналов северных отрядов экспедиции), ЦГАВМФ, колл. 913, оп. 1, 1724—1885 гг. О судовых журналах, сохранившихся в делах «фонда Беринга» (ф. 216), см. далее.

Копии журналов плавания «Св. Петра» и «Св. Павла» к берегам Америки и обратно хранятся в Архиве АН (ф. 21, оп. 5, № 58); они поступили в Академию, вероятно, в связи с работами Г. Ф. Миллера в 1753—1758 гг. Из журналов «Св. Петра» и «Св. Павла» Миллер сделал экстракты, которые хранятся в одном из его «портфелей» в ЦГАДА.⁵ С некоторых других журналов Первой и Второй Камчатских экспедиций Миллер имел копии.⁶

Судовой журнал, который вел на «Св. Петре» мастер Софрон Федорович Хитрово, сохранился в двух копиях: одна из них находится в Архиве Академии наук (ф. 21, оп. 5, № 58, лл. 17—104), другая в разр. XXI б. Государственного архива (ЦГАДА).⁷

Из судовых журналов, которые на «Св. Петре» вели несколько человек, Ваксель, принявший после смерти Беринга командование экипажем «Св. Петра», в 1756—1758 гг. сделал «извлечение», к которому присоединил сведения, полученные от М. П. Шпанберга, А. И. Чирикова и других участников экспедиции; так составилось, в сущности, первое описание работ, главным образом морской части Второй Камчатской экспедиции. Это «извлечение» было известно Г. Ф. Миллеру, и он заимствовал из него для своего «Описания морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны учиненных» сведения о плавании Беринга к берегам Америки; копию с этого труда Вакселя Миллер сохранил в своем архиве.⁸

⁵ № 533, тетр. 10—13. Судовой журнал пакетбота «Св. Павел» по рукописи, хранящейся в ААН, опубликован: Д. М. Лебедев. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. С приложением судового журнала 1741 г. М.—Л., 1951. — Прим. ред.

⁶ В портф. Миллера № 533 имеются в копиях следующие журналы: сокращенный журнал первой экспедиции Беринга (тетр. 1), лейтенанта Прончищева 1735 г. (тетр. 4) и лейтенанта Лассингуса 1735 г. (тетр. 5, два экземпляра); в портф. № 535 — журналы Шпанберга 1738—1739 гг.; в портф. № 536 — журналы пакетбота «Св. Иоани», на котором Шпанберг в 1741—1742 гг. пытался плавать к берегам Японии (ЦГАВМФ, колл. 913, оп. 1, №№ 34—39, 58; 62 — Ртищева; 11—13 — Прончищева).

⁷ Отрывок из журнала С. Ф. Хитрово «Описание острова Беринга» по копии б. Государственного архива напечатан в работе П. П. Пекарского «Архивные разыскания», стр. 28—31. «Выписки из судового журнала, веденного на пакетботе „Св. Петр“ С. Хитрово» напечатаны по рукописи ААН в сборнике «Экспедиция Беринга», М., 1941, стр. 339—360, 403—408 (примечания). Кроме С. Ф. Хитрово, судовой журнал на «Св. Петре» вел подштурман Харлам Юшин; журнал его в копии сохраняется в ЦГАВМФ, колл. 913, №№ 50, 51. В переводе на английский язык он был издан проф. Ф. Гольдером в его «Berling's Voyages», I, стр. 36—269.

⁸ ЦГАДА, портф. Миллера, № 531; рукопись труда Вакселя, хранящаяся до 1917 г. в б. Царскосельской дворцовой библиотеке, в начале 1939 г. поступила в ГПБ (Рук. отд., № 2/39) и издана, см. С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л., 1940. В предисловии

Судовые журналы обеих Камчатских экспедиций не были ни разу изданы по-русски целиком. В печатном виде имеются лишь извлечения из них. Так, из журнала Первой Камчатской экспедиции, который вел мичман Петр Чаплин, весьма обширные выдержки приводятся в книге В. Вахтина; в ней же напечатаны выписки из путевого журнала, который вел лейтенант А. И. Чириков.⁹

Выше уже отмечалось, что судовыми журналами Второй Камчатской экспедиции пользовались впервые для научных целей Г. Ф. Миллер и М. В. Ломоносов еще в середине XVIII в. Позднее краткие и местами неверные извлечения из описаний берега между Обью и Оленеком, выполненных во Вторую Камчатскую экспедицию, были даны в «Записках Государственного адмиралтейского департамента».¹⁰

Извлечения из журналов описаний от Белого моря до Оби были сделаны с большой полнотой Ф. П. Литке в его «Четырехкратном путешествии в Северный Ледовитый океан». Описанием берегов от Оленека до Колымы пользовался Ф. П. Врангель в «Путешествии по северным берегам Сибири».¹¹ Судовые журналы северных отрядов Второй Камчатской экспедиции и журналы Шпанберга и Вальтона были использованы в работах А. П. Соколова,¹² но в целом виде они не были изданы. Извлечения из журналов Х. Лаптева и С. Челюскина напечатаны А. Ф. Миддендорфом.¹³

Судовые журналы являются драгоценным источником для географического изучения края, но в них почти отсутствуют данные этнографические, исторические и т. п. С этой стороны

к труду Вакселя я даю подробные сведения об использовании этого труда Миллером.

⁹ В. Вахтин. Русские труженики моря. СПб., 1890, стр. 4—73. Выписки из того же журнала напечатаны В. Н. Берхом: Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи, соединяется ли Азия с Америкой?.. СПб., 1823, между стр. 84 и 85.

¹⁰ Записки Государственного адмиралтейского департамента, СПб., 1820, ч. IV, стр. 306—378.

¹¹ Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 гг. СПб., 1828 (переиздано Географизмом в 1948 г.); Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. СПб., 1841 (переиздано издательством Главсевморпути в 1948 г.).

¹² Записки Гидрографического департамента Морского министерства, IX, 1851, стр. 3, 11, 12, 14, 18, 24, 25, 59—64, 65—67, 68—72 и др.

¹³ А. Ф. Миддендорф. Путешествия на север и восток Сибири. СПб., 1860, приб. 1, стр. I—IX (от р. Хатанги через тундру до р. Таймуры и устья ее около морского берега и к западу на нартах до устья р. Енисея — май—июнь 1741 г.), стр. XIII—XXI (от города Мангазейска Енисеем и прочими реками и около морского берега до возврата в Мангазейск — апрель—май 1742 г.).

большое значение имеют те записки, которые были составлены некоторыми из участников экспедиции в добавление к представленным ими судовым журналам. Хотя по инструкциям участники экспедиции должны были только описать места и составить карты, но моряки, посланные на север Азии, считали своим долгом по возвращении из экспедиции выступить с некоторыми предложениями об улучшении управления краем и вместе с тем положения местного населения.

Хорошо известны «предложения» Беринга, которые он подал в Сенат в декабре 1730 г.¹⁴ От участников Второй Камчатской экспедиции сохранилось несколько записок такого же характера.

Давно уже опубликована А. П. Соколовым¹⁵ записка Х. П. Лаптева, которая была представлена им в Адмиралтейств-коллегию 13 сентября 1743 г. «Записка» представляет исключительно ценный источник; в ней автор, в дополнение к судовому журналу,¹⁶ дал не только первое географическое, но и первое этнографическое описание края между нижней Леной и нижним Енисеем. Сведения Х. П. Лаптева основаны не только на его личных наблюдениях, но и на рассказах лиц, бывавших в тех частях этого края, которые сам он посетить не мог. Эта записка почти неизвестна нашим этнографам.

Другой характер имеет записка, поданная в Адмиралтейств-коллегию 2 февраля 1744 г. Д. Я. Лаптевым. Автор ее пишет, что, по его мнению, к «поправлению во всем том крае (от Лены до Колымы чрез Анадырской острог до Тихого океана и Охотского моря и Камчатки) как русским, так и ясашиным народом... к вечной пользе всем им совершенно нужно».¹⁷ В записке идет речь о дополнительном устройстве пяти церквей (имелась только одна в Зашиверском остроге); о борьбе с пожарами, устраиваемыми кочующими якутами и юкагирами; о переводе ясака соболями и лисицами, где этих зверей нет, на деньги; о разрешении верхоленским крестьянам ездить с хлебом и прочим до Колымы и Анадыря; о держании аманатов сразу от нескольких родов и по выбору князцов, а не ясаши-

¹⁴ Записки Гидрографического департамента, IX, стр. 427—436; о дате «предложений» см. ЦГАДА, ф. Сената, № 666, л. 77.

¹⁵ Записки Гидрографического департамента, IX, стр. 8—58; «а) Описание... в каком состоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние...; б) описание и состояние рек и мест по ландкарте...; в) ...о кочующих народах, у северных мест лежащих...», см. А. С. Берг, ук. соч., стр. 318—337; Г. В. Яников, ук. соч., стр. 76—103.

¹⁶ ЦГАВМФ, колл. 913, оп. 1, № 41 (по старой описи № 13490) — Журнал дубельшлюпки «Якуцк» 1739, 1740, 1741, 1742 гг. Ср. там же, ф. Беринга, № 52, лл. 423—443.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 60, лл. 113—116.

ных сборщиков, и о запрещении брать аманатов с принявших христианство.

Кроме отмеченных двух записок, представляют несомненный интерес и те, которые были составлены в 1745—1746 гг. Шпанбергом, Д. Лаптевым, Чириковым и Хметевским по распоряжению Адмиралтейств-коллегии, ввиду просьбы Сибирского приказа дать сведения о посещенных ими местах, в которых дотоле «российские люди не бывали», и о том, «каким наилучшим способом и без большого затруднения можно ими овладеть, ясак в казну получить или звериной промысл учредить», и о наиболее удобной перевозке припасов из Якутска в Охотск, в дальние остроги и на Камчатку.¹⁸

К упомянутым запискам можно присоединить многочисленные донесения Беринга 1733—1741 гг., в которых он предлагал те или иные мероприятия, по его мнению способствовавшие улучшению состояния края и его населения.¹⁹ К сожалению, они до сих пор не выявлены в собрании рапортов и донесений Беринга, о котором будет речь далее. От спутника Беринга и его помощника А. И. Чирикова сохранилось также несколько аналогичных предложений 1742—1746 гг., из которых напечатано только одно.²⁰

Записки и донесения подобного рода следует иметь в виду при изучении прошлого северо-восточной Сибири наряду с записками невольных обитателей этого края (Г. Скорнякова-Писарева, Г. Фика и др.).²¹ Они многое разъясняют в истории народов северо-восточной Сибири в первой половине XVIII в. Некоторые из подобных записок легли в основу правительственных мероприятий тех лет, которые должны были способствовать улучшению положения северо-восточной Сибири.²²

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 48, лл. 717—721 об., 723—724 об., 725—728, 737—748, 761—761 об.

¹⁹ Например, донесение Беринга в Кабинет из Охотска 29 августа 1740 г. о «произведении обстоятельной коммерции» с Японией и др.

²⁰ Записки Гидрографического департамента, IX, стр. 459—467, 453—459 (пересказ другого предложения — от 25 июля 1746 г. — см. ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 48, лл. 737—748).

²¹ О записке Скорнякова-Писарева 1732 г. см. Сб. РИО, т. 106, стр. 207—213 (записка давала, между прочим, яркую картину притеснений, которые чинил местному населению И. Шимаев — комиссар Жиганского зимовья, где жил в ссылке Скорняков-Писарев). Записка Фика издана — см. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) V. Humaniora, XVII. Tartu, 1930, стр. 125*—148*; русский перевод 1744 г. — Рук. отд. ГИБ, Эрмитаж. собр., № 360.

²² На основании «предложений» Беринга 1730 г. состоялся указ Сената от 29 апреля 1731 г., по которому управление Охотским и Камчатским краем было поручено сосланному в 1727 г. на поселение в Жиганское зимовье Григорию Скорнякову-Писареву (инструкция ему и обзор его деятельности в 1731—1739 гг. см. А. Сгибнев. Охотский порт

Помимо судовых журналов, участники обеих экспедиций должны были доставить в Адмиралтейств-коллегию карты их путешествий и плаваний.

После Первой экспедиции Беринга была представлена, по-видимому, одна карта; она сохранилась в собрании карт и планов Отдела рукописной книги БАН и б. Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (ныне в ЦГАДА), одни экземпляры этой карты черные, другие иллюминированные. Экземпляр БАН является копией геодезиста Ивана Ханькова с копии мичмана Петра Чаплина, одного из спутников Беринга в Первой экспедиции и автора судового журнала экспедиции и этой карты; копия была сделана, вероятно, вскоре же после 1730 г., к которому относится составление самой карты.²³ Карта 1730 г., хранящаяся в ЦГАДА,²⁴ имеет в левом углу легенду:

[«Сия карта сочинена в Сибирской экспедиции при команде от флота капитана Беринга от Тобольска до Чюкоцкого угла». Под этим текстом находится рисунок, изображающий летнее стойбище.²⁵ На первом плане видны две человеческие фигуры, принадлежащие, по догадке Монтелля,²⁶ оленным тунгусам. У одного из них (голога) через плечо перекинут олень; общий характер рисунка скорее академический, чем срисованный с на-

---

с 1649 по 1852 г. Морской сборник, 1869, № 11, неофиц. часть, стр. 16—34). На основании сообщений с мест возникло в начале 30-х годов XVIII в. дело об иркутском вице-губернаторе Алексее Жолобове; поручик Шкадер был прислан в 1732 г. в Жиганское зимовье для расследования злоупотреблений комиссара И. Шимаева и других (Сб. РИО, т. 106, стр. 209; т. 111, стр. 115—120, 138—142; ЦГАДА, ф. Сената, отд. 1, №№ 174—179; ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 54 — Протоколы, журналы и другие документы 1740—1744 гг. по следственной Камчатской комиссии, учрежденной для разбора жалоб ясашных якутов на причиненные им обиды и разорения, на 353 листах, и др.).

²³ Отд. рук. кн. БАН, карта № 94/349/3332. Карта напечатана в кн.: А. С. Берг, ук. соч., между стр. 88—89.

²⁴ Реестр географическим атласам, стр. 26, № 7; М. П. Пудилло. Указатель, стр. 111, № 32; ср. стр. 120, №№ 185 и 186; копию карты б. Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, вероятно, представляет та, о которой говорю далее при описании коллекции Аша в Геттингене; копия этой карты из собрания Клапрота в Национальной библиотеке в Париже описана в кн.: G. Cahen. Les cartes de la Sibirie au XVIIIe siècle. Paris, 1911, стр. 191—193. Карта напечатана: А. С. Барров. Карты Азиатской России. Пгр., 1914, стр. 19; С. Björkbohm, G. Montell. Two Bering maps in the Royal Library of Stokholm. Ethnos, Stokholm, 1941, № 3—4, между стр. 134—135.

²⁵ Четыре рисунка (коряк, камчадал, курил и чукча) с той же карты 1729 г., по копии ее, хранящейся в Государственном историческом музее в Москве, воспроизведены в кн.: В. А. Самойлов. Семен Дежнев и его время. М., 1945, между стр. 64 и 65.

²⁶ Ethnos, 1941, № 3-4, стр. 133, 134.

туры. Далее на карте, в ее верхней части изображены шесть фигур: «якут», «тунгуска оленная» верхом на олене, «тунгус оленный» также на олене, «каряк» на лыжах, «курил» и «чюкоч»; в нижней части карты: «тунгус пешей» с птицей в руке, «тунгуска пешая», которая держит рыбу, и «камчадал» в саниах, запряженных двумя собаками (Монтелль ошибочно отметил по поводу этой группы, что она изображает корячку в саниах, запряженных собаками). Эти изображения, бесспорно, заслуживают внимания этнографов Сибири. По мнению Монтелля, тунгусы на оленях, отмеченные на карте в северной части Сибири, в то время были соседями якутов, но позднее откочевали к Амуру в северо-западную Маньчжурию, где их изучал д-р Е. Линдгрэн. Трудно установить, что держат в руках эти оленные тунгусы, но кажется, какое-то металлическое копьё. Любопытны лыжи у «каряка», которые встречаются в Сибири и, по словам того же Монтелля, даже на юге Кореи. Монтелль справедливо замечает, что рисунки исполнены опытным рисовальщиком, тонким наблюдателем, сумевшим хорошо изобразить движение фигур. Можно присоединиться и к другому мнению Монтелля, что художник, несомненно, находился в составе экспедиции и непосредственно наблюдал изображенных им представителей народов северо-восточной Сибири. Имя художника установить пока не удается.]^a

Карта 1730 г. привлекла к себе большой интерес. Она была использована прежде всею И. К. Кириловым при составлении двух его карт: специальной карты Камчатки и генеральной карты Российской империи.²⁷ В 1735 г. карта 1730 г. в переработке французского географа д'Анвиля вместе с отчетом Беринга о путешествии была напечатана в труде французского иезуита Дюгальда,²⁸ но русское издание части этой карты появилось только в 1935 г. В 1889 г. была найдена в Швеции, в собрании барона Клинкофштрома, шведская копия части этой карты, которая была воспроизведена Доллом (Dall) в одном американском издании.²⁹

²⁷ Генеральная карта напечатана: Л. С. Берг, ук. соч., между стр. 120—121.

²⁸ J. B. Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, IV. Paris, 1735, стр. 452—458; карта носит название: «Carte des Pays, traversés par le Cap. Beerings depuis la ville de Tobolsk jusqu'à Kamtschatka».

²⁹ W. H. Dall. Notes on an original manuscript chart of Bering's expedition of 1725—1730 and on an original manuscript chart of his second expedition. U. S. Coast and Geodetic Survey annual report, 1890. Washington, 1891. Из этого издания карта перепечатана в Bering's Voyages, I, стр. 14—15.

^a Сибирские зарисовки первой половины XVIII в. Летопись Севера, I, М.—Л., 1949, стр. 126—127.

Отдельные отряды Второй экспедиции должны были также представить в Адмиралтейств-коллегию карты, что, несомненно, и было ими исполнено.

В 1754 г. со всех карт Второй Камчатской экспедиции, имевшихся в одном экземпляре, были сняты в Морском шляхетском корпусе копии, после чего подлинники, а также повторные экземпляры тех карт, которых имелось два или три экземпляра, были отправлены в Тобольск; таких подлинных карт поступило туда 63.³⁰ В имеющейся «росписи» Тобольской губернской чертежной 1771 г.³¹ отмечены многие карты Камчатской экспедиции, переданные в Тобольск в 1754 г. В дальнейшем их постигла, несомненно, та же участь, что и судовые журналы: в большой Тобольский пожар 1787 г. карты погибли. Оставшиеся в Адмиралтейств-коллегии копии и немногие подлинники карты ныне находятся в разных хранилищах: в Картографическом отделе Гидрографического департамента,³² в б. Военно-ученом архиве,³³ в Отделе карт и планов ЦГАДА,³⁴ в собрании карт Отдела рукописной книги БАН³⁵ и др. К сожалению, учета карт, исполненных сотрудниками экспедиции, никем не сделано, и мы знаем о них не больше того, что в се-

³⁰ ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 73, лл. 27, 113—115, 146.

³¹ ААН, ф. 3, оп. 6, № 30, лл. 5—6 об.

³² Описания их см. Каталог атласов и планов архива Гидрографического департамента Морского министерства, ч. I. СПб., 1849; ч. II, 1852; Б. Эвальд. Каталог атласов и карт, хранящихся в Депо морских карт и книг Главного гидрографического управления Морского министерства. Пгр., 1917, чч. I—II; Б. Эвальд. Указатель картографических материалов Северного Ледовитого океана (от Норд-Капа до мыса Дежнева) с 1734 по 1914 г., хранящихся в Депо морских карт и книг Главного гидрографического управления. Пгр., 1917 (стр. 1—3); Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII и XVIII вв. и половины XIX в., хранящихся в Архиве Центрального картографического производства МФ, 1958 (№№ 7, 65, 72—75 и др.). Перечень их (неполный) см. также: F. Golder, ук. соч., стр. 13¹. О картах, планах и чертежах, сохранившихся в ЦГАВМФ (фонд Беринга), см. далее.

В настоящее время эти материалы переданы на хранение в ЦГАВМФ. В дальнейшем цифры указаны по «Каталогу атласов, карт и планов... 1849—1852 гг.» и «Описанию старинных атласов... 1958 г.» — Прим. ред.

³³ Каталоги Военно-ученого архива, ср. F. Golder, ук. соч., стр. 116—117.

³⁴ Реестр географическим атласам; М. П. Пуцилло. Указатель, стр. 109—123. Ср. Н. В. Голлицын. Портфель Миллера. М., 1899, стр. 44—50.

³⁵ Реестр ландкартам, чертежам и планам Российской империи, находящимся в Географическом департаменте при имп. Академии наук. СПб., 1748, стр. 3—4, 58, 70—71; В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.—Л., 1946, прил. II (Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР).

редине прошлого века сообщил А. П. Соколов.³⁶ По его словам, «полнейшее и достовернейшее изображение всего описанного... экспедициею имеем только на общей географической полярной проекции — карте Азиатской России, составленной в 1746 г. геодезии учителем В. Красильниковым, подписанной им и всеми оставшимися тогда участниками экспедиции». Он имел в виду генеральную карту северных и восточных сибирских берегов, прилежащих к Северному и Восточному океанам, от 10 мая 1746 г., подписанную А. И. Чириковым, Д. Я. Лаптевым, С. Г. Малыгиным, Д. Л. Овцыным, С. Ф. Хитрово и Елагиным (карта не была издана).³⁷ К сожалению, она слишком малого масштаба. А. П. Соколов указал еще две генеральные карты (менее полные, чем карта 1746 г.), составленные также на основании карт экспедиции капитаном фон Дезином и при Морской академии в 1742 г.³⁸

Из частных карт северного берега сохранились не все: имеются в копиях карты Малыгина и Скуратова (части Обской губы),³⁹ Челюскина и Чекина (от устья Лены до устья Таймура) 1735—1736 гг.,⁴⁰ Д. Лаптева (от Лены до Колымы);⁴¹ прочие карты (Муравьева и Павлова 1737 г.,⁴² Харитона Лаптева 1742 г.) не сохранились даже в копиях. Карты Охотского моря⁴³ и плавания Шпанберга и Вальтона к берегам Японии и к Курильским островам,⁴⁴ а также карты

³⁶ Записки Гидрографического департамента, IX, стр. 73—74; Каан (G. Caan, ук. соч.) знает только те карты Второй Камчатской экспедиции, которые в его время, в 1910-х годах, хранились в Отделе карт и планов б. Московского главного архива Министерства иностранных дел (ЦГАДА).

³⁷ Описание старинных атласов..., № 82. Карта издана: М. И. Белов. О составлении генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г. Географический сборник, III, М.—Л., 1954, при стр. 136.

³⁸ Каталог атласов, карт и планов..., №№ 1346, 1348; Описание старинных атласов..., №№ 14, 15, 16, 17. Карты напечатаны: М. И. Белов, ук. соч., при стр. 137, 144 и 145. По поводу составления этих карт см. ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 67, лл. 509 об.—512, 515—516.

³⁹ Каталог атласов, карт и планов..., № 1391; Описание старинных атласов..., № 50.

⁴⁰ Каталог атласов, карт и планов..., № 1350.

⁴¹ Там же, №№ 1352 и 1354; Описание старинных атласов..., №№ 9 и 12. Карта напечатана: М. И. Белов. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова. Географический сборник, III, стр. 167.

⁴² Сохранилась карта «от города Архангельского» до р. Оби, сочиненная с карты Муравьева и Павлова, см. Каталог атласов, карт и планов..., № 307; Описание старинных атласов..., № 7.

⁴³ Карта Охотского моря составлена Елагиним в 1738 г. и Шпанбергом в 1741 г., см. Каталог атласов, карт и планов..., №№ 2110 и 2112; Описание старинных атласов..., №№ 62, 68; карта Шпанберга напечатана: Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением, XXXVIII, 1914, вып. 3, стр. 447.

⁴⁴ Копии карт плавания Шпанберга в Японию 1738—1739, 1741—1742 гг. см. Каталог атласов, карт и планов..., №№ 2114 и 2118; Опи-

плаваний «Св. Петра» и «Св. Павла» к берегам Америки⁴⁵ и обратно, по-видимому, сохранились все, хотя, как и прочие, дошли до нас только в копиях.

Имеется известие, что на основании судовых журналов и других материалов Второй Камчатской экспедиции известный адмирал А. И. Нагаев сочинил в 1746 г. карту; такая карта — рукописная, за его подписью — хранилась в Отделе карт и планов Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел и имела название: «Карта морская, меркаторская, берегов Охотского моря, Камчатки и островов, лежащих между ею и берегами Американскими»,⁴⁶ но она относится не к 1746 г., а к 1767 г. В бумагах Миллера⁴⁷ имеются, кроме того, «примечания» адмирала Нагаева на семь карт, «принадлежащих к Камчатской экспедиции».

К истории экспедиций в целом и их отдельных отрядов, помимо судовых журналов и карт, относится и та переписка, которую вели Беринг и его спутники как между собою, так и с центральными учреждениями страны — Кабинетом, Сенатом, Адмиралтейств-коллегией, Академией наук и с местными сибирскими канцеляриями. Эта переписка дошла до нас в далеко не полном виде.

На местах в Сибири вообще сохранились лишь немногие материалы XVIII в.: архивы камчатские находились в неразобранном состоянии в Петропавловске до недавнего времени (1940 г.), когда, по имеющимся данным, погибли от пожара. В Якутске давно уже не было материалов XVIII в., принадлежавших

сание старинных атласов..., № 64; ЦГВИА, б. Военно-ученый архив, отд. X, №№ 832 и 833; Карта Шпанберга напечатана: Записки по гидрографии... XXXVIII, 1914, вып. 3, прил. между стр. 448 и 449. Копия карты Вальтона 1738—1739 гг. см. Каталог..., № 2166. Описание..., № 65, а также в Отделе рукописной книги БАН.

⁴⁵ Карта Авачинской губы и Петропавловской гавани, составленная Елагиным, за подписью Чирикова, 1740 г. см. Каталог атласов, карт и планов..., № 1957, Описание старинных атласов..., № 67, копия — ЦГВИА, б. Военно-ученый архив, отд. X, № 532. Копия карты плавания «Св. Петра», составленная Вакселем и Хитрово в 1744 г., см. Каталог..., № 1939, Описание..., № 99, ЦГВИА, б. Военно-ученый архив, отд. X, № 836 (напечатана в «Морском сборнике», 1893, № 5, прил. к стр. 22); собственноручная копия Вакселя — Рук. отд. ГПБ, № 2/39; копия карты плавания «Св. Петра», составленная Харламом Юшным в 1742 г., см. Каталог..., № 3011, Описание..., № 75; копия карт плавания «Св. Павла», составленная Елагиним, см. Каталог..., № 1938, Описание..., № 71; ЦГВИА, б. Военно-ученый архив, отд. X, № 835 (напечатана в «Морском сборнике», 1893, № 5). Ср. перечни карт плавания «Св. Петра» и «Св. Павла», имевшихся в архиве Адмиралтейств-коллегии в 1764 г. (ЦГАДА, портф. Миллера, № 540, тетр. 2, л. 33).

⁴⁶ Реестр географическим атласам, стр. 29, № 58.

⁴⁷ ЦГАДА, портф. Миллера, № 533, тетр. 9. Черновик «примечаний» в ЦГАВМФ, судовые журналы, № 587 (97), лл. 7—16.

Якутской воеводской канцелярии, но в недавние годы туда свезены архивные материалы XVIII в. разных учреждений, бывших в Охотске, и среди них, вероятно, окажутся материалы, относящиеся к экспедициям Беринга; точных сведений об этих материалах пока не имеется. Что касается Иркутска, который был центром Восточной Сибири в интересующие нас годы, то архивы его учреждений XVIII в. были вывезены в 60-х годах XIX в. в Москву, в Московский архив Министерства юстиции (ныне ЦГАДА), или же погибли в пожар 1879 г.⁴⁸ В Москве и Иркутске сохранились архивы некоторых уездных канцелярий (Нерчинской, Илимской и др.), в которых находят переписку, относящуюся к экспедиции, преимущественно ее академической части. Архивы Тобольска до 1787 г., за исключением архива Луховского управления, погибли в начале этого года. Остается невыясненным состояние архива Томской воеводской канцелярии XVIII в., который находился до недавнего времени в Минусинском музее. Если в состав его не попали части архива Беринга (о чем говорю далее), то интерес его для исследователя относительно небольшой; имевшаяся в фонде Томской воеводской канцелярии XVIII в. переписка о Второй Камчатской экспедиции касалась лишь пребывания здесь Миллера, Гмелина и Фишера, а в последние годы (1744 и следующие) также и морской части экспедиции, о чем довольно хорошо известно на основании данных других архивов. Таким образом, в местных архивах исследователь найдет очень мало материалов об экспедициях Беринга.

Иная картина в центральных архивах Ленинграда и Москвы. О наличии здесь материалов об экспедициях Беринга давно уже известно по публикациям А. П. Соколова и других авторов, писавших об экспедициях. Но следует указать, что цельного представления о сохранившихся материалах до сих пор не имеется. Благодаря трудам американского ученого проф. Ф. Гольдера многие архивные материалы о Беринге и его экспедициях вошли в последние годы в научный оборот.⁴⁹ Сотрудники проф. Гольдера, студенты-историки Петроградского университета, проделали в 1913—1914 гг. большую работу по обследованию петербургских архивных хранилищ того времени⁵⁰

⁴⁸ В пожар 1879 г. погиб архив Иркутской провинциальной канцелярии за XVIII в., на основании дел которой написаны многие работы А. С. Сгибнева: «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке» (Морской сборник, 1869, №№ 4, 5, 6, 7, 8), «Охотский порт с 1649 по 1852 г.» (там же, №№ 11 и 12) и др. Ввиду гибели дел этого архива работы А. С. Сгибнева приобретают значение первоисточников.

⁴⁹ F. Golder, ук. соч.; а некоторые из них использованы в его двухтомном сочинении «Bering's Voyages».

⁵⁰ В этой работе принимали участие, кроме Г. А. Князева, о котором проф. Гольдер упоминает (F. Golder, ук. соч., стр. 119), также А. В. Тищенко, П. А. Садиков, С. Н. Чернов, А. И. Андреев и др.

и дали ценные сведения для «Путеводителя». Но, просматривая лишь архивные описи, они, конечно, не могли учесть всех тех ценных материалов, сведения о которых может дать лишь изучение самих дел. Некоторые фонды, не имевшие в те годы архивных описей и каталогов, и совсем не попали в «Путеводитель» проф. Гольдера, которого, кстати сказать, интересовали экспедиции Беринга лишь в части их, непосредственно относящейся к плаваниям в Америку.

Из архивных фондов наиболее важными для истории обеих экспедиций Беринга следует признать те, которые непосредственно отражают деятельность экспедиций. С этой точки зрения внимание исследователя привлекает прежде всего так называемый «фонд Беринга».⁵¹

Краткая опись 111 дел фонда Беринга приведена в английском переводе в труде проф. Гольдера.⁵² Из описи видно, что в состав фонда вошла главным образом переписка по Первой и Второй экспедициям Беринга (ее морской части); но среди дел фонда имеется переписка и по другим экспедициям и учреждениям: экспедиции Шестакова — Павлуцкого 1728 г. (№№ 3, 4, 5), следственной комиссии 1740—1743 гг. по рассмотрению жалоб якутов на чинимые им притеснения (№ 54), по организации в 1752—1753 гг. Третьей Камчатской экспедиции (№ 73), о плаваниях промышленников в Тихом океане после 1743 г. и об экспедиции 1764 г. Креницына — Левашева (№№ 77—86 и 104), дела о Второй Камчатской экспедиции, присланные в Адмиралтейств-коллегию из Сибирского приказа по упразднении последнего и сданные в «коллежский архив» в 1765—1767 гг. (№№ 29, 1737—1740, 1745 гг.; №№ 70 и 71, 1748 г.; № 49).

Таким образом, в фонд Беринга оказались включенными такие дела, которые к нему не имели прямого отношения. Точному названию фонда должны, в сущности, соответствовать лишь те дела, которые были в конце экспедиции у лейтенанта Вакселя, а им были получены от капитана Чирикова (в 1745 г.) и капитана Шпанберга (в 1746 г.) и переданы тогда же в Адмиралтейств-коллегию; на основании дела за № 105 фонда Беринга можно установить, какие бумаги, дела и карты за 1732—1745 гг. находились в руках Вакселя, а на основании дел №№ 58 и 69 выясняется состав переписки, которая поступила в архив Адмиралтейств-коллегии от Шпанберга.

Но знакомство с этой частью фонда не оставляет сомнений, что, в сущности, архив экспедиции, в собственном смысле слова,

⁵¹ При составлении обзора фонда Беринга я пользовался материалами об этом фонде, предоставленными мне Г. А. Князевым, за что приношу ему благодарность.

⁵² F. Golder, ук. соч., стр. 120—124. В настоящее время опись ф. 216 содежит 119 единиц хранения. — Прим. ред.

надо считать утерянным. Во всяком случае то, что сдано в Адмиралтейств-коллегию Вакселем и Шпанбергом, составляет лишь небольшую часть той переписки, которую вели Беринг, Чириков и Шпанберг в 1733—1743 гг., не говоря уже о том, что архивы отдельных отрядов экспедиций (исключая отряд Д. Овцына) потеряны целиком.

О судьбе архива Второй экспедиции Беринга имеются, впрочем, довольно определенные известия, относящиеся к 1755 г. В ответ на настойчивые требования сибирского губернатора В. А. Мятлева (Сенат в конце 1753 г. поручил ему возобновить Камчатскую экспедицию) выслать ему в Тобольск инструкции, указы и т. п., данные Берингу Сенатом и Адмиралтейств-коллегией, последняя установила, что вся переписка Беринга и экспедиции находилась в то время в Томске, в распоряжении лейтенанта Ртищева, который со всей оставшейся командой был теперь в ведении В. А. Мятлева. Попутно выяснилась следующая судьба архива экспедиции. По возвращении из американской экспедиции А. И. Чирикова все находившиеся в ведении Беринга дела перешли к Чирикову, который доставил их в Томск. При отъезде в 1745 г. в Петербург он передал архив экспедиции по описи лейтенанту Вакселю; по той же описи его принял от Вакселя шкипер Коростелев, от которого архив получил лейтенант Ртищев; в распоряжении последнего архив находился в 1755 г. Коллегия имела опись архива, составленную при сдаче его Чириковым в 1745 г. Опись представляет большой интерес. Из нее видно, что, кроме 12 «столпов» указов, инструкций и т. п., полученных Берингом, Чириковым и др., в архиве экспедиции было 390 «столпов» разной входящей и исходящей переписки. По отсылке в Тобольск справки об архиве и копии описи его,⁵³ в делах Адмиралтейств-коллегии я не нашел никаких известий о дальнейшей судьбе архива; во всяком случае сибирский губернатор В. А. Мятлев по этому вопросу ничего больше в Адмиралтейств-коллегию не писал; видимо, все нужные ему сведения он получил на месте. Остается, однако, неизвестным, был ли архив перевезен из Томска в Тобольск или же остался на месте; в последнем случае можно еще надеяться, что хотя бы часть его позднее попала в Томскую воеводскую канцелярию, о фонде которой речь шла выше.

Таким образом, на основании изучения так называемого «фонда Беринга» можно утверждать, что большую часть его составляют не дела самой экспедиции Беринга, а дела о ней Адмиралтейств-коллегии за 1732—1746 гг., а также и за более поздние годы того же XVIII в.⁵⁴ Дела этой самой большой

⁵³ ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 73, лл. 397—403.

⁵⁴ К фонду Адмиралтейств-коллегии должны быть отнесены следующие дела фонда Беринга (далее указаны номера дел и даты их): 11 (1726,

группы следует изучать в тесной связи с теми немногими делами Адмиралтейств-коллегии о Второй Камчатской экспедиции,⁵⁵ которые отмечены в описанном фонде последней.

За вычетом этих дел в фонде Беринга останется только небольшое количество дел, которые могут быть отнесены к его первоначальному составу.⁵⁶

Рассматривая дела фонда Беринга и фонда Адмиралтейств-коллегии, относящиеся к экспедициям Беринга, следует отметить прежде всего дела Первой экспедиции Беринга; по всему судя, они составляют архив этой экспедиции, сданный Берингом в Адмиралтейств-коллегию в 1730 г.

Первой экспедиции Беринга в фонде Беринга посвящены четыре дела (№№ 88, 110, 87 и 70); они включают отпуски рапортов, посланных Берингом в канцелярию Адмиралтейскую, Сибирскую и Тобольскую; отпуски «ведений» и «ответствий»,

1733—1738), 1 (1732—1733), 2 (1732—1743), 6 (1733), 10 (1733—1734), 27 (1738), 30 (1733—1738), 14 (1733—1737), 34 (1733, 1735—1741, 1746—1753), 13 (1734—1735), 8 (1734, 1735 и 1737), 19 (1734—1737), 33 (1733—1738), 7 (1734—1741), 22 (1734—1740, 1744), 21 (1735—1736), 18 (1735—1738), 15 (1735—1740), 17 (1736—1737), 26 (1736—1737), 25 (1736—1737), 16 (1736—1741, 1743—1746), 39 (1736, 1739—1741), 24 (1737—1741), 60 (1737—1739, 1741, 1743—1745), 23 (1737—1741, 1745, 1746), 28 (1738—1746), 51 (1737—1746), 27 (1738), 31 (1738—1739), 35 (1739), 37 (1739—1740), 111 (1737), 38 (1739—1741), 43 (1739—1742), 44 (1739—1743), 52 (1739—1745), 67 (1739—1749), 36 (1739—1760), 56 (1741—1744), 41 (1741—1746), 42 (1741—1751), 45 (1742—1743), 53 (1742—1744), 47 (1742—1745), 62 (1742—1753), 48 (1742—1758), 57 (1744), 59 (1744), 61 (1744—1745), 66 (1744—1752, 1759), 65 (1745), 105 (1745), 68 (1745—1746), 63 (1745—1751), 64 (1745—1751), 58 (1746), 69 (1746), 76 (1749—1751, 1757—1764), 72 (1750—1755, 1757 и 1758), 73 (1752—1757, 1759—1761), 75 (1758—1763), 80 (1762, 1766, 1767), 77 (1764—1767, 1770, 1771), 78 (1766), 79 (1767), 81 (1767), 104 (1767), 82 (1767—1768), 83 (1767—1768), 84 (1768), 85 (1768—1770), 86 (1770).

⁵⁵ Описание дел Архива Морского министерства, т. VII. СПб., 1895, стр. 191—192, 200, 273—274, 319, 323—324, 325, 432, 437; ЦГАВМФ, фонд Адмиралтейств-коллегии, 1733 г. № 7; 1740 г. №№ 6, 7 и 14; 1742—1746 гг. № 2; 1743 г. №№ 16 и 18; 1749 г. №№ 10 и 14. Фонд Адмиралтейств-коллегии, относящийся ко Второй Камчатской экспедиции за 1732—1741 гг., может быть отчасти восстановлен на основании № 106 фонда Беринга. Кажется, к фонду Адмиралтейств-коллегии следует отнести также те «Документы по Второй Камчатской экспедиции 1738—1742 гг.», которые хранятся в ЦГАВМФ в фонде адмирала Головина, см. Описание дел архива Морского министерства, т. V, 1888, стр. 85 (№ 80 — переписка с Н. Ф. Головиным Беринга, Чрикова, Д. Лаптева, Минина и др.).

⁵⁶ Дела отряда Шпанберга: №№ 89 (1733—1734), 90, 92, 94 (1734, 1736 и 1737), 9 (1734—1738), 12 (1735—1737), 109 (1738—1739), 97 (1738—1739), 107 (лл. 105—116, 1738), 96 и 99 (1738 и 1743), 100 (1742—1743), 55 (1742—1745), 101 (1744), 102 (1744—1745), 103 (1745). Дела отряда Овцына: №№ 91, 93 и 95 (1735—1737), 32 (1738), 107 (лл. 85—104, 1737—1739), 108 (1734—1735).

отправленных им в присутственные места, а также отпуски ордеров и инструкций, которые были даны им подведомственным должностным лицам за время с 5 марта 1725 г. по 20 марта 1730 г. Дело с входящей перепиской экспедиции (№ 87) включает в себя указы и инструкции Сената и Адмиралтейств-коллегии за время с 20 января 1725 г. по 14 марта 1730 г., а также «промемотии», «ведения», письма, рапорты и пр., поступившие от других учреждений и подведомственных Берингу офицеров и нижних чинов (на 286 листах). Наконец, четвертое дело (№ 70) включает ведомости денежной казны и припасов, отпущенных из сибирских доходов на нужды Камчатской экспедиции. Переписку по той же экспедиции можно найти и в некоторых других делах фонда.⁵⁷ О Второй экспедиции имеем, конечно, несравненно большее количество дел.

Организационным вопросам экспедиции посвящено в фонде Беринга дело № 1. В нем находим мнения и соображения Адмиралтейств-коллегии о постройке судов для экспедиции, снаряжении и комплектовании их, о путях на Камчатку, об исследовании Северного моря от Архангельска до Колымы, берегов Америки и Японских островов и пр., а также по составлению инструкций Берингу, Чирикову и Шпанбергу⁵⁸ с замечаниями последних и окончательной редакцией этих инструкций, утвержденной Сенатом.⁵⁹

Большое количество дел состоит из переписки о личном составе экспедиции (№№ 11, 1, 2, 6, 10, 24, 52, 67, 36, 56, 45 и 53), о выдаче жалованья (№№ 2, 1, 19, 24, 60, 36 и др.), об общих расходах и доходах по экспедиции (№№ 11 и 14), о заготовке припасов для экспедиции (№№ 1, 6, 24, 60), об организации земледелия на месте и о заселении в связи с этим Охотского края и Камчатки (№№ 2, 1, 51, 44, 67) и др. О работе отдельных отрядов экспедиции находим сведения во многих делах:⁶⁰ копии рапортов начальников отдельных отрядов Берингу

⁵⁷ № 11, лл. 419—422 (о припасах экспедиции) и др.

⁵⁸ Листы 34, 68, 69, 72, 86, 87, 90, 95, 160, 465, 466, 468.

⁵⁹ Листы 68, 100—111, 159, 160, 163—168, 170, 174 (1733), лл. 187, 286, 440, 441, 445, 466, 472, 473, 518, 637—641, 653—657, 700—704. Об инструкциях см. также № 27; инструкция Сената Берингу (лл. 1—8); Адмиралтейств-коллегии Шпанбергу (лл. 19—32); Делиля — о производстве в экспедиции астрономических, географических и физических наблюдений (лл. 41—71). Более поздняя переписка по организационным вопросам в №№ 38, 43, 44, 52, 56.

⁶⁰ Об отряде Шпанберга — №№ 6, 89, 27, 11, 30, 14, 8, 90, 92, 94, 9, 22, 12, 18, 17, 25, 24, 31, 97, 35, 96, 99, 41, 55, 43 и 44; Д. Овцына — №№ 10, 11, 13, 33, 7, 21, 91, 93, 95, 26, 32; Минина — № 51; Х. Лаптева — №№ 24, 52; Д. Лаптева — №№ 24, 60, 51, 42, 47, 55; Беринга и Чирикова и о плавании в Америку — № 44; о снаряжении партий для исследования водных путей в северо-восточной Сибири и для собирания сведений о живущих там народах — №№ 2, 11, 14, 8, 60, 43, 51, 56, 53.

имеем, например, в № 24; некоторые судовые и путевые журналы находим в отрывках и в целом виде в нескольких делах.⁶¹

Среди дел фонда имеется несколько карт и планов, составленных отдельными отрядами.⁶²

Ордера Беринга подчиненным ему Шпанбергу и другим лицам читаем в №№ 97 и 37, а его собственные рапорты и донесения в Адмиралтейств-коллегию и другие высшие учреждения находим в №№ 22, 24, 44, 67 и др., а также в делах Адмиралтейств-коллегии за 1740 г., №№ 6, 7, 14; к сожалению, они сохранились далеко не все.

Значительную часть фонда занимает переписка по расследованию различных жалоб и обвинений Беринга и подчиненных ему лиц,⁶³ о взаимных пререканиях и спорах их между собою,⁶⁴ о доносах и жалобах, которые поступали на них со стороны охотского управителя Скорнякова-Писарева, сосланного в Охотск б. капитан-поручика Казанцева, профессоров Академии Миллера и Гмелина и других лиц,⁶⁵ а также местного населения.⁶⁶

⁶¹ № 107 (лл. 1—84 — неизвестный А. П. Соколову журнал плавания Муравьева в 1734—1735 гг. от Архангельска до Оби), № 13 (лл. 352—369 — журнал плавания Д. Овцына на «Тоболе» от Обдорска до Кадымской бухты), № 108 (лл. 1—210 — журнал плавания Д. Овцына в 1734—1735 гг. от Тобольска до Тазовской губы и обратно в Тобольск), № 107 (лл. 85—104 — журнал экспедиции ученика геодезии Выходцева для описания устьев рр. Оби и Гыды в 1737—1738 гг.), № 7, (лл. 552—561 — плавание Минина, лл. 101—104 — плавание Кошелева от Тобольска до Енисея), № 51 (краткое описание плавания Минина по Енисею и морю до Хатанги), № 47 (журнал экспедиции Д. Лаптева за 1739—1741 гг.), № 109 (журнал плаваний Шпанберга в 1738—1739 гг.), № 34 (лл. 266—269 из журнала плавания в Японию в 1738 г. бригантины «Архангел Михаил»), № 107 (лл. 105—116 — журнал плавания Шхельтинга на боте «Гавриил» в 1738 г.), № 16 (лл. 10—47 — путевой журнал Скобельцына и Шетилова от Иркутска к Камчатскому морю; об их деятельности см. №№ 16 и 23, лл. 43—113).

⁶² Карта пути Скобельцына и Шетилова — № 16; чертеж дороги от Ман до Охоты — № 22; план Охотского острога и строений по рр. Юдоме и Ураку — № 24, лл. 1017—1020 (чертеж и план воспроизведены Гольдером в «Russian Expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland», 1914, в прил. к стр. 101 и 174); карта р. Ульи — № 60, л. 306; карта пересездов и плаваний Д. Я. Лаптева в 1733—1741 гг. — № 47.

⁶³ №№ 2, 27, 51 и 55 (о Шпанберге), № 14 (о Плаутине), № 42 (о Вальтоне), №№ 7 и 50 (о Минине), № 40 (о Вакселе), № 62 (о С. Хитрово).

⁶⁴ №№ 2, 25, 34, 19, 24 (о взаимных пререканиях Чirikова и Шпанберга).

⁶⁵ №№ 2, 14, 34, 22, 29, 60, 67 (по доносам Скорнякова-Писарева на Беринга, Шпанберга и др.), № 14 (доносы на Чirikова), № 39 (обвинения Беринга Казанцевым); о последнем см. также фонд Адмиралтейств-коллегии за 1727 г., № 6 (1727—1734 гг.) и «Указы, поступившие в Адмиралтейств-коллегию» за 1735—1736 гг., № 6 (Описание дел Архива Морского министерства, т. IV, стр. 66).

⁶⁶ По обвинению разных мелких должностных лиц в притеснении местных жителей — № 11 (о сборщике Шелгине и курилах), № 14 (о штур-

Кроме дел Адмиралтейств-коллегии, упомянутых выше, важным дополнением к фонду Беринга в части его, относящейся ко Второй Камчатской экспедиции, служат журналы заседаний Адмиралтейств-коллегии за 1732—1746 гг. Как известно, в извлечениях и нередко целиком они напечатаны в томах VII и VIII «Материалов для истории русского флота».

Имеющиеся в делах Адмиралтейств-коллегии и в делах фонда Беринга рапорты, донесения и другие письменные материалы самого Беринга и его сподвижников⁶⁷ представлены в некоторых случаях только копиями; значит, подлинники их или утеряны или их надо искать в другом месте. До последнего времени исследователи располагали иногда только копиями этих документов, но недавняя публикация в «Красном архиве» документов, относящихся ко Второй Камчатской экспедиции, дает основание думать, что некоторые подлинные рапорты Беринга, Шпанберга и других следует искать в фонде Кабинета.

В деле № 9 разр. XXIV б. Государственного архива⁶⁸ (ныне хранящемся в ЦГАДА) было найдено А. А. Покровским и подготовлено к изданию в «Красном архиве» подлинное «донесение» Беринга в Кабинет 18 апреля 1741 г.,⁶⁹ в котором он подводит итог всему тому, что выполнено экспедицией. Там же на-

---

мане Генсе), № 2 (по жалобам якутских князцов на плавающих по Лене служителей Камчатской экспедиции в насильственном отобрании у якутов лодок, рыбы, неводов и сетей и о покупке скота «малою ценою»), № 56 (о притеснении ясашных Курильских островов командой пробирного мастера Гардебола), № 53 (по жалобам ясашных якутов и якутских посадских и служилых людей на несправедливые поборы и причиненные им экспедицией обиды) и др.

⁶⁷ См., например, ф. Беринга, № 24, лл. 8—20, 73—79 об., 81—82, 83—87 об., 90, 113—122, 216—220 об. (копии рапортов Беринга за 1737 и 1739 гг.), лл. 22—23 об., 24—28 (копии рапортов Лассинюса 1735 г.), лл. 28—32, 69—74 об. (копии рапортов Д. Лаптева 1736 г.) и др.

⁶⁸ Как известно, б. Государственный архив был образован в 30—50-х годах XIX в. из частей фондов некоторых правительственных учреждений, которые, по мнению деятелей того времени, представляли важнейшее значение для истории Российской империи XVIII—XIX вв. О нем см. П. Софинов. Государственный архив бывшей Российской империи. Архивное дело, 1937, № 2/43, стр. 13—25.

⁶⁹ Красный архив, 1935, № 4/71. Имевшиеся при «донесении» карты (Авачинской губы, Петропавловской гавани и пути от Якутска до Охотска), по словам редакции «Красного архива» (стр. 168), в деле отсутствуют, но их легко было найти в ЦГАДА, в фонде б. Московского главного архива Министерства иностранных дел; среди «сибирских дел» имеется письмо Беринга генерал-адмиралу графу Остерману от 21 апреля 1741 г. с приложением упомянутых карт (ср. М. П. Пуц и л о. Указатель, стр. 73).

ходятся пересланные в Кабинет из Сената, куда они поступили из Адмиралтейств-коллегии, подлинные донесения: Вакселя от 15 ноября 1742 г. о плавании Беринга на «Св. Петре» к берегам Америки и обратно, Чирикова от 7 декабря 1741 г. о плавании на «Св. Павле» и Шпанберга от 19 ноября 1739 г. о плавании к берегам Японии и др. Как видно из дела, в Кабинет были направлены, кроме того, совместное «доношение» (с картой) Беринга и Шпанберга от 29 августа 1740 г. и некоторые другие рапорты и донесения, а также карты и планы. Но и помимо этого, из дела Адмиралтейств-коллегии 1740—1745 гг. (№ 14) известно, что подлинные донесения и рапорты Беринга, Шпанберга и других руководящих деятелей экспедиции пересылались Адмиралтейств-коллегией в Кабинет, в архивном фонде которого (ныне хранящемся в ЦГАДА) и следует их искать.⁷⁰ Но нередко дела попадали в Кабинет не непосредственно, а через Сенат, куда они поступали из Адмиралтейств-коллегии или от Беринга.

Действительно, среди книг 1-го отделения сенатского архива в Москве (ЦГАДА) сохранилась переписка по экспедиции за 1731—1740 гг. (книги №№ 664, 666 и 669). Следует заметить, однако, что эта переписка во многом повторяет то, что находим в фонде Беринга и, как увидим далее, в разных фондах Академии наук; но само собой разумеется, что в ней имеется и многое другое, что в делах подчиненных инстанций, какими были Адмиралтейств-коллегия и Академия наук, отразилось лишь в виде указа Сената. К названным трем книгам следует присоединить книги, заключающие переписку Сената по Академии наук (№№ 772, 779, 791, 793, 798, 807, 808 и 1201), по Синоду (по вопросу, например, об отправлении в 1741—1746 гг. в Камчатскую экспедицию духовных лиц, №№ 796—805) и по Сибирской губернии (№№ 153—159). Для начальной истории экспедиции — истории ее организации, о которой мы знаем пока главным образом по сообщениям Г. Ф. Миллера,⁷¹ — материалы Сената дают очень много; в частности, на основании их устанавливается большая роль, которую сыграл в этом деле сенатский секретарь Иван Кириллович Кирилов.⁷²

Но Сенат все же не являлся последней инстанцией, которая решала все дела, касающиеся экспедиции. Такими учрежде-

⁷⁰ Описание дел Архива Морского министерства, т. VII, стр. 273. В хранящемся в ЦГАДА фонде Сената по Кабинету мною найдена книга № 12/1089, в которой, кроме донесения Адмиралтейств-коллегии от 9 марта 1738 г., оказалась переписка Беринга с Остерманом за 1734—1740 гг., рапорты Шпанберга Кабинету 1740 г., переписка Кабинета о Шпанберге 1740 г. и другие материалы.

⁷¹ Материалы, VI, стр. 252 и сл.

⁷² См. данную кн., стр. 30 и 75.

ниями были Верховный тайный совет (в годы Первой экспедиции) и Кабинет (в годы Второй экспедиции), доклады которых утверждались императрицей.⁷³ Если в основе этих докладов обычно лежали доклады Сената или других подчиненных учреждений, например Сибирского приказа,⁷⁴ то нередко в делопроизводстве Совета и Кабинета оказывалось соединенным все существенное, что послужило основанием к изданию «высочайших» указов, которые напечатаны в Полном собрании законов, а также в приложениях к протоколам Верховного тайного совета и Кабинета.⁷⁵

Как известно, в XVIII—XIX вв. в архивах центральных учреждений производилась разработка старых дел не только

⁷³ Так, например, «Предложение Беринга о Камчатке, как оную для лучшего содержать и судно переходное построить» поступило в Кабинет из Сената 26 марта 1732 г.; 17 апреля Кабинет «ходил» к императрице с докладами и с проектами указов, и она между прочими утвердила указ «об отправлении на Камчатку для показанных исправлений капитан-командора Беринга и о Писареве». (Сб. РИО, т. 104, стр. 216, 230; ПСЗ, т. VIII, № 6023). Такого же происхождения указ от 23 декабря 1732 г. (Сб. РИО, т. 104, стр. 540; ПСЗ, т. VIII, № 6291), от 9 мая 1733 г. (Сб. РИО, т. 106, стр. 207—213; ПСЗ, т. IX, № 6407) и от 4 июня 1733 г. (Сб. РИО, т. 106, стр. 275—276) и др.

⁷⁴ 16 мая 1732 г. Кабинет слушал «доношение» из Сибирского приказа на посланный туда приказ об охотском торге «и при том («доношении», — А. А.) об Охотске Григорию Писареву инструкция»; Кабинет дал «приказ в Сенат чрез обер-секретаря Ивана Кирилова: 1) отдана вышеозначенная инструкция, чтобы справились по ней с нынешним определением, что в Охотске и на Камчатке велено делать отправляющемуся туда капитан-командору Берингу и не имеется ли чего из оной инструкции в Берингову инструкцию чего прибавить, а потом преждеозначенную инструкцию принести по-прежнему в Кабинет...» (Сб. РИО, т. 104, стр. 278). К сожалению, дела Сибирского приказа за XVIII в. не разобраны и не имеется к ним описей, между тем, как видно из приведенного, в них могут оказаться нужные исследователю Камчатских экспедиций материалы. По упразднении Сибирского приказа в 1765 г. незаконченные дела его, относящиеся к Камчатским экспедициям, были пересланы в Адмиралтейств-коллегию (ЦГАВМФ, ф. Беринга, №№ 29, 49, 70 и 71) и в Академию наук (ААН, ф. 3, оп. 1, № 816); среди последних (лл. 348—400) дела Сибирского приказа 1738 г., июля 26—ноября 16 1739 г. «По доношению Иркутской провинциальной канцелярии и по указу Правительствующего сената об отправлении из Иркутской провинции в Камчатскую экспедицию профессору Гмелину и адьюнктам Стеллеру и Фишеру провианта и припасов по настоящим ценам, также и о производимом им и при них другим служителям жалованья и о прочем».

⁷⁵ Протоколы, журналы и прочая переписка Верховного тайного совета за 1726—1730 гг. хранятся в XVI разряде б. Государственного архива (ЦГАДА), Протоколы Совета напечатаны (Сб. РИО, тт. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101). Протоколы, журналы и прочие «бумаги» Кабинета за 1731—1740 гг. находятся в б. Московском главном архиве Министерства иностранных дел («дела бывшего Кабинета») и в б. Государственном архиве. Протоколы Кабинета с некоторыми приложениями к ним изданы (Сб. РИО, тт. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138 и 146).

по признаку их принадлежности к делопроизводству учреждения, но и по их содержанию. По последнему признаку были составлены «разряды» 6. Государственного архива в Петербурге, образованного в 1829—1853 гг. из частей фондов разных центральных хранилищ. Так получилось еще одно собрание материалов о Камчатских экспедициях, которые до того хранились среди дел Кабинета.

В разряде XXIV 6. Государственного архива под №№ 8 и 9 хранится несколько документов об экспедиции; среди них некоторые подлинные донесения и рапорты Беринга, Чирикова, Шпанберга и Вакселя 1739—1742 гг., копия судового журнала «Св. Петра», который вел С. Ф. Хитрово; мнение об экспедиции адмирала Сандерса и др.; о ценности этого собрания можно судить по упомянутым выше публикациям «Красного архива». В том же разряде XXIV, под № 32, хранятся документы о Сибири и Камчатке 1745—1766 гг., среди которых некоторые представляют интерес и для изучающих Вторую Камчатскую экспедицию.⁷⁶

Такой же случайный по своему происхождению характер имеют так называемые «Сибирские дела» 6. Московского главного архива Министерства иностранных дел (ЦГАДА). Несомненно, эти дела подобраны в архиве Коллегии иностранных дел в одно собрание по признаку их содержания; среди них находим такие ценные материалы, как «дело» 1732—1738 гг. «о вторичном отправлении капитан-командора Беринга в Камчатскую экспедицию» (в деле его рапорты), «дело» 1741 г., содержащее письмо Беринга Остерману от 21 апреля 1741 г., с приложением трех карт Авачинского залива и Петропавловской гавани и др.⁷⁷

Участники сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции, так называемого Академического отряда, академики Миллер и Гмелин, а также Делиль де ла Кройер, Крашенинников, Стеллер, Фишер и Линденау вели большую переписку, которая хранится и в настоящее время в Архиве АН и отчасти в «портфелях» Миллера в ЦГАДА. В очерках, посвященных

⁷⁶ Красный архив, 1935, №№ 4/71, 5/72, 6/73; 1936, № 1/74. В разряде XXI, № 31 6. Государственного архива хранится интересный проект 1732—1739 гг. экспедиции в Арктику для открытия новых земель и ловли китов; в разряде XXIV, № 44 — заметки полковника Плениснера (около 1765 г.), в которых он доказывает, что когда-то Азия и Америка соединялись, и др.

⁷⁷ М. П. Пудило. Указатель, стр. 67, 73, 76 и др. Судя по делу № 46 фонда Беринга — о пересылке в надлежащие места из «Комиссии разобрания писем Остермана и прочих» 1743 г., отмеченная переписка и карты поступили в 1742—1743 гг. в Коллегию иностранных дел из собрания генерал-адмирала Остермана и других «заарестованных персон», с которыми Беринг считал полезным вести переписку.

Миллеру и другим лицам «академической свиты», я также указываю на эту переписку и отмечаю ту большую научную ценность, которую имеет эта переписка для истории Второй Камчатской экспедиции.

От главного отряда академической экспедиции сохранилась прежде всего входящая переписка, которую получали Миллер и Гмелин в 1733—1743 гг. из разных центральных и местных учреждений и от частных лиц.⁷⁸ Наряду с ней имеется и «исходящая переписка» — отправленная теми же академиками в 1733—1743 гг.⁷⁹

Кроме переплетенных черновиков и копий исходящей переписки, в ААН хранится довольно большое количество других черновиков и копий той же переписки, относящейся к разным годам и на разные темы.⁸⁰

Помимо этой официальной переписки, в Архиве АН и отчасти в ЦГАДА сохранилась большая частная переписка, которую Миллер вел в те же годы с разными лицами в Сибири и в России, в Петербурге и в Москве. Как входящая, так и исходящая переписка (черновики ответов и писем Миллера), сохранившаяся в далеко не полном виде, — в том же ф. 21 ААН, оп. 3.⁸¹ К переписке Миллера В. Ф. Гнучевой составлена архивная опись, в которую вошло до 1850 черновых писем самого Миллера и до 6500 писем его корреспондентов; число корреспондентов доходит до 477 фамилий.

В той же описи отмечена переписка Миллера с академическими участниками экспедиции: Гmeliном, Делиль де ла Кройе-

⁷⁸ ААН, ф. 21, оп. 2, №№ 27—35, к ним «реестры входящих бумаг» — там же, №№ 36—43.

⁷⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, №№ 66—68; к ним «реестр исходящих бумаг» — там же, оп. 2, №№ 44—47. Со всей исходящей переписки были сделаны в 1743 г. копии, которые хранятся там же — ф. 21, оп. 2, №№ 24—26. Имеется также хронологическая роспись 1746 г. всех рапортов, донесений и прочего, отправленных из Сибири Миллером, Гmeliном, Крашенинниковым, Стеллером, — Материалы, VIII, стр. 194—212.

⁸⁰ ААН, ф. 21, оп. 2, № 52 (черновики рапортов в Сенат за 1733—1737 гг. на 702 листах) и оп. 5, №№ 72—93.

⁸¹ Письма Заборовского Миллеру 1738—1741 гг. о плавании Шпанберга, Беринга и Лаптевых и по другим вопросам и письмо Д. Лаптева от 11 ноября 1739 г. о его собственном плавании находятся в ЦГАДА, портф. Миллера, № 546, IX, тетр. 1; V, тетр. 3. В портфеле № 546, VII, тетр. 15, имеется письмо 1739 г. на немецком языке с Курильских островов, писанное, кажется, Вальтоном. В портфеле № 741 хранятся также некоторые черновики писем Миллера за 1733—1734 гг., адресованных разным должностным лицам в Сибири (черновики описаны в работе Н. В. Голицына «Портфели Миллера», стр. 122—126). Письмо Миллера тобольскому вице-губернатору Бибикову от июля 1739 г. в ААН, р. II, оп. 1, № 208 (напечатано в ЧОИДР, 1865, кн. 3, смесь, стр. 186—189).

ром,⁸² Крашенинниковым,⁸³ Стеллером, Фишером, Красильниковым,⁸⁴ Горлановым⁸⁵ и др.

Указанные в описи письма Миллера президентам Академии наук Кейзерлингу, Корфу и Бревверну и академическому советнику Шумахеру сохранились также в подлинниках.⁸⁶

Надо думать, что спутник и друг Миллера Гмелин, помимо официальной переписки, заключающейся в упомянутых выше исходящих бумагах экспедиции, вел также в годы пребывания в Сибири большую частную переписку, но из нее известна лишь часть (архив Гмелина, если он сохранился, находится где-либо в Германии); это, во-первых, письма Гмелина Миллеру, относящиеся к тем моментам их пребывания в Сибири, когда они путешествовали раздельно (в 1740—1742 гг.),⁸⁷ во-вторых, письма Гмелина к президентам и Шумахеру⁸⁸ и, наконец, немногие письма к другим лицам — участникам экспедиции или по ее делам.⁸⁹

Следует отметить, что в неофициальной переписке оба академика высказывались нередко откровеннее, чем в переписке, которая шла в форме «репортов», «доношений» и т. п.⁹⁰

От других участников «академической свиты» сохранилась также переписка, которую они вели во время пребывания в Сибири; она, конечно, имеет меньшее значение при изучении истории грандиозного научного предприятия, в котором принимали участие эти лица, но представляет большой интерес для характеристики работы каждого из них. Посильное использование этой переписки сделано мною в очерках, посвященных Крашенинникову, Стеллеру, Фишеру и Линдену.⁹¹

⁸² 24 письма Делаль де ла Кройера Миллеру за 1736—1740 гг. в ЦГАДА, портф. Миллера, № 546, тетр. 12.

⁸³ Письма Крашенинникова Миллеру 1737—1742 гг. в ЦГАДА, портф. Миллера, № 248, тетр. 8, лл. 1—20, см. ниже, стр. 175.

⁸⁴ Три письма А. Д. Красильникова Миллеру за 1737, 1738 и 1742 гг. в ЦГАДА, портф. Миллера, № 248, тетр. 7, лл. 1—6.

⁸⁵ Кроме писем Горланова Миллеру в ф. 21, оп. 3, № 100, одно письмо его Миллеру 1742 г. в Рук. отд. ГИБ, ф. Полонова.

⁸⁶ ААН, ф. 1, оп. 3, №№ 17, 18, 21, 23, 28, 29, 31; ф. 21, оп. 3, № 6.

⁸⁷ Подлинные письма Гмелина Миллеру — ААН, ф. 21, оп. 3, № 115.

⁸⁸ Подлинные письма Гмелина президентам Академии наук и Шумахеру за 1733—1742 гг. — ААН, ф. 1, оп. 3, №№ 17, 18, 21, 23, 24, 28, 29 и 31; ф. 21, оп. 5, № 139 (копии в №№ 137 и 141); ф. 21, оп. 2, № 51.

⁸⁹ Крашенинникову — ААН, р. I, оп. 13, № 11; Стеллеру — там же, ф. 21, оп. 5, № 126; Татищеву (1735 г.) — там же, ф. 21, оп. 1, № 10 (напечатано: Материалы, VI, стр. 418—422).

⁹⁰ См., например, письмо Миллера Шумахеру 1736 г. с жалобами на грубое отношение к нему и Гмелину со стороны Беринга и на непристойные поступки и женитьбу Делаль де ла Кройера (ААН, ф. 21, оп. 6, № 5).

⁹¹ Переписка Крашенинникова — р. I, оп. 13, №№ 10—12; подлинники его рапортов и донесений за 1737—1742 гг. — ф. 21, оп. 5, № 34; переписка Стеллера — там же, ф. 3, оп. 1, №№ 800 и 800а; переписка Линденау — там же, ф. 21, оп. 5, №№ 142 и 103; от переписки Фишера сохра-

Миллер, Гмелин и Стеллер вели официальную переписку с Сенатом и с Академией наук, а потому естественно, что в фондах обоих учреждений находятся дела, посвященные Камчатской экспедиции.

«Камчатские дела» Академии наук давно уже известны в литературе; они были впервые научно использованы автором «Истории Академии наук» акад. П. П. Пекарским, который на основании их дал в 1870 г. общий обзор работ академических участников Второй Камчатской экспедиции: Миллера, Гмелина, Делиль де ла Кройера, Стеллера и Фишера. В годы работы П. П. Пекарского в академическом архиве оказался утерянным первый том «Камчатских дел», в который входила переписка за 1732—1733 гг. Ввиду этого участие Академии в организации экспедиции оказалось слабо освещенным в труде П. П. Пекарского, хотя он и использовал бывшую тогда еще в рукописи «Историю Академии наук», написанную Миллером и Стриттером в последние годы жизни Миллера; в этой «Истории», ныне напечатанной,⁹² имеем, как известно, одну из первых историй Второй Камчатской экспедиции.⁹³

Отсутствовавший в 60—70-х годах XIX в. том «Камчатских дел» был возвращен в Архив Конференции Академии наук только в 1891 г.; до того он находился в частных руках. В настоящее время в Архиве АН, в состав которого вошел и Архив Конференции, «Камчатские дела» в пяти томах хранятся в ф. 3, оп. 1, №№ 2331, 810—813. Эти тома «Камчатских дел» вместе с отмеченной выше перепиской, делопроизводственной и иной, академических участников экспедиции — источники исключительной ценности. Находящаяся в них переписка: указы Сената, ответы Академии на них, «репорты» и «доношения» Миллера и других лиц «академической свиты», «промемории» различных правительственных учреждений и др. — позволяют шаг за шагом проследить работу академиков, адъюнктов и студентов Академии в Сибири в 1733—1746 гг.

Обзор архивных материалов, относящихся к обеим экспедициям Беринга, будет неполным, если не остановиться еще на некоторых собраниях, имеющих в своем составе материалы о них. Здесь прежде всего следует указать на собрание профессора Петербургской Академии наук в 1726—1747 гг. астронома

нились лишь случайные документы; см. ААН, р. I, оп. 79, № 2; переписка и работы Делиль де ла Кройера там же, ф. 21, оп. 5, №№ 61, 62, 133; р. I, оп. 35, №№ 17—80.

⁹² Материалы, VI. История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжением И. Г. Штриттера.

⁹³ Более ранние труды: два описания путешествия, составленные Миллером (о них см. ниже, стр. 73, прим. 1) и в труде Гмелина — J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. I—IV. Göttingen, 1751—1752.

И. Н. Делиля, между прочим, автора той карты северо-восточной Азии, которая была дана для руководства Берингу и которая в свое время участниками плавания к берегам Америки считалась едва ли не главной причиной всех их несчастий. Нет надобности отмечать всю неосновательность обвинений, которые были возведены на этого крупного исследователя его русскими современниками; они хорошо опровергнуты в одной из работ проф. Гольдера.⁹⁴ Здесь же следует отметить, что, принимая близкое участие в организации научной экспедиции,⁹⁵ Делиль и в последующем весьма живо интересовался ею, что выразилось не только в собирании им материалов об экспедиции, но и в его работах о ней, вышедших уже во Франции и вызвавших, как отмечено мною ниже,⁹⁶ оживленную полемику.

Собрание И. Н. Делиля хранится в настоящее время в трех местах. Основная и большая часть его находится в Париже, в архиве Морского министерства и в Национальной библиотеке; она состоит из писем, копий журналов, карт, записей бесед с разными лицами, газетных вырезок и пр., собранных членами семьи Делилей (его старшим братом — знаменитым королевским картографом Гильомом Делилем, самим И. Н. Делилем и др.); среди них для истории экспедиций Беринга имеют особенное значение материалы, собранные И. Н. Делилем в 1726—1747 гг. в Петербурге, когда он был профессором Петербургской Академии. Часть материалов, хранящаяся в Географической секции Национальной библиотеки, описана;⁹⁷ среди них несколько копий с карты Беринга 1730 г. Подробного описания части собрания Делиля в архиве Морского министерства в Париже не имеется, но представление об его ценности дают те немногие материалы и карты из депо карт и планов Морского министерства «Delisle MSS», которые были напечатаны в 1914 г. проф. Гольдером.⁹⁸

⁹⁴ F. Golder. Russian Expansion..., стр. 183—184, прим.; стр. 212—213, прим.

⁹⁵ И. Н. Делиль — автор не только упомянутой карты и объяснений к ней (карта впервые напечатана в кн.: С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга; объяснение к ней см. Материалы, VI, стр. 254—260, а также по рукописи Делиля в «Russian Expansion...», стр. 302—313, русский перевод — Записки Гидрографического департамента, IX, стр. 437—445), но также и «Instructions sur les observations astronomiques, géographiques et physiques, qui sont à faire dans la nouvelle expedition ordonnée par la cour de Russie» (Материалы, VI, стр. 263—268, современный русский перевод см. ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 27, лл. 41—71).

⁹⁶ См. ниже, стр. 119 и сл.

⁹⁷ A. Isnard. Joseph-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale (Bull. Sect. Géogr. Comité travaux histor. et sci., v. 30. Paris, 1915, стр. 34—164).

⁹⁸ F. Golder. Russian Expansion... К титульному листу книги приложен набросок карты плаваний Беринга в Первую экспедицию, состав-

Часть материалов Делиля в XVIII в. была передана из Морского архива в Париже в Парижскую обсерваторию; хранившиеся здесь 16 портфелей с бумагами Делиля были пересланы в 1844 г., по просьбе нашей Академии наук, «на неопределенное время и для всякого ученого употребления» в Петербург; Академии наук передала их в Пулковскую обсерваторию, где уже находилось пять томов и два портфеля бумаг И. Н. Делиля.⁹⁹ Среди материалов этого собрания хранились астрономические наблюдения геодезиста А. Д. Красильникова и студента Ф. Попова по определению положения Большерецкого острога, Охотска, Юдомского Креста, Якутска, Петропавловской гавани, Енисейска, Томска и других мест Сибири, всего до 20 пунктов.

Несомненно, тому же собранию Делиля в Морском архиве в Париже принадлежал фолиант с бумагами Делиля, поступивший в 1847 г. в Географическое общество в Петербурге от князя И. А. Долгорукова.¹⁰⁰ [Эта рукопись давно уже известна в литературе благодаря сообщениям академиком В. Я. Струве и П. П. Пекарского. П. П. Пекарский обратил также внимание на имеющиеся в рукописи рисунки и три из них воспроизвел в приложении к своей работе. Но, кроме этих трех, в рукописи имеется еще 12 рисунков, заслуживающих внимания. Автором рукописи и рисунков был спутник Делиля по путешествию в Березов студент Географического департамента Академии наук Тобиас Кенигсфельд (или Кенигсфельс).¹⁰¹ Как уже установлено, в рукописи Делиля находится

лениый Делилем на основании беседы с Берингом, стр. 111 — копия карты Шестакова, стр. 298—301 — об открытиях русских в Восточном океане в 1731—1732 гг. — *Nouvelles connoissances sur les terres orientales données par Mr Feodor Ivanitch Soimonof le 1 mars 1738*, стр. 314—325 — *Rapport en russe avec la traduction sur les habitans trouvez le 9/20 septembre 1741 dans un port auprez du Kamchatka au retour de voyage, que le capitaine Alexis Tchirikof et mon frere (Louis Del'Isle de la Croüyere) ont fait vers l'Amérique*, стр. 326—329 — выписки из газет и журналов 1743—1747 гг. о Второй Камчатской экспедиции и ее участниках — Стеллере и др.

⁹⁹ Записки РГО, кн. III, 1849, стр. 54—55. Описание портфелей Парижской обсерватории см. в статье О. Струве «*Sur les manuscrits de Joseph de l'Isle conservés à l'observatoire de Paris*». *Recueil des actes des séances publiques de l'Academie des Sciences de St. Pétersbourg*, tenues le 28 décembre 1847 et le 29 décembre 1848. SPb., 1849, стр. 82—91; о содержании петербургских портфелей и томов бумаг Делиля — там же, стр. 92—98.

¹⁰⁰ В. Я. Струве: О рукописи астронома Делиля, принесенной в дар Русскому географическому обществу членом оного князем И. А. Долгоруковым. Записки РГО, кн. III, 1849, стр. 50—67; П. П. Пекарский. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 г. СПб., 1865 (прил. 3 к т. VI «Записок Академии наук»). Рукопись хранится в архиве Всесоюзного географического общества под шифром «Б. 30».

¹⁰¹ Тобиас Кенигсфельд родился в Вологде в 1716 г., родители его ливляндцы. Образование получил в университете в Галле, который окончил

французский перевод дневника Кенигсфельда. Немецкий оригинал дневника не сохранился, не дошли до нас и подлинные рисунки Кенигсфельда. В рукописи Делиля находятся копии с этих рисунков, снабженные пояснениями на французском языке. Копии рисунков вклеены в рукопись в соответствии с текстом. Все рисунки могут быть разделены на две группы: 1) виды географические и 2) изображения этнографического характера. Среди первых преимущественно виды Березова. Рисунки этнографического содержания — это прежде всего изображение татарской юрты недалеко от Тобольска, в которой жила вдова одного из потомков Кучума.¹⁰² Три рисунка относятся к остякам. Это изображение остяцкой девушки 20 лет, которая несет для продажи бурак с яйцами, изображение остяцкой лодки, еще одно изображение остяцких лодок на Оби с сидящими в них двумя «манси или остяками, которые гребут». Наконец, на одном рисунке изображены охотничьи стрелы.

Не отличаясь высокими художественными достоинствами, рисунки Кенигсфельда дают все же ясное и точное представление об изображенных на них людях и предметах, а те из них, которые относятся к Березову, погостам и ямам по Оби, являются единственными зарисовками очевидца первой половины XVIII в., сохранившего нам виды этих мест.^{103]}⁶

со степенью кандидата математики. В 1736 г. прибыл в Петербург и был зачислен студентом в Географическое бюро Академии наук, где работал без жалованья по черчению карт под руководством Делиля. 28 февраля 1740 г. отправился с ним в «Обдорскую экспедицию»; вернулся из нее 1 января 1741 г. и вновь был назначен студентом астрономии и географии в тот же Географический департамент, где занимался черчением генеральной и сибирской карт для подготавливавшегося «Атласа Российского», вышедшего в 1745 г. В июне 1742 г., ввиду его настойчивых просьб, Кенигсфельд был уволен из Академии; увольнению предшествовал его арест по распоряжению Канцелярии Академии, из-под ареста он был освобожден специальным указом Сената (Материалы, III, стр. 41, 715—718; IV, стр. 540, 626—628; 740; V, стр. 5, 129, 131—139, 245—246, 251, 260—261, 275—276). Кроме дневника путешествия в Березов, Кенигсфельд сочинил «Новое географическое изображение карты поныне еще не довольно известной части берега Ледяного моря и точного устья Оби реки чрез трудное путешествие, в 1740 году совершенное» (Рук. отд. ГПБ, Эрмит. собр., № 258).

¹⁰² Рукопись «Б.30», стр. 18.

¹⁰³ В собрании Второй Камчатской экспедиции не сохранилось каких-либо рисунков мест по среднему и нижнему течению Оби; существовавший «проспект» (вид) Березова работы Люрсеннуса (1740 г.) ныне утерян. Имеется, впрочем, в том же собрании относящийся к 1740-м годам рисунок тобольских татар (ААН, ф. 21, оп. 5, № 134, тетр. 77), сделанный, может быть, во время пребывания здесь (1719—1721 гг.) Д. Г. Мессершмидта и лишь случайно попавший в собрание Второй Камчатской экспедиции.

⁶ Сибирские зарисовки первой половины XVIII в. Летопись Севера, I, М.—Л., 1949, стр. 127—128.

Часть собрания рукописей Делиля была приобретена в 1897—1898 гг. Публичной библиотекой.¹⁰⁴

Наконец, в Петербурге в делопроизводстве Академии сохранилось немало материалов за годы пребывания Делиля академиком; ныне они находятся в Архиве АН.¹⁰⁵

В Геттингенской университетской библиотеке хранится собрание карт Сибири, поступившее в библиотеку по завещанию умершего в 1807 г. барона Е. Ф. Аша — почетного члена Академии наук; отец его Ф. Ю. Аш был петербургским почт-директором с 1711 г. И отец и сын были, по-видимому, коллекционерами, и в их собрании ныне находим, между прочим, упомянутую выше карту первой экспедиции Беринга, украшенную этнографическими фигурами, подробную карту маршрута Второй экспедиции, планы и виды Тобольска, Иркутска, Якутска и др.¹⁰⁶

В Геттингенском научном обществе находим некоторые материалы о Сибири и участниках Второй Камчатской экспедиции, которые были переданы туда И. Э. Фишером; в частности, там хранятся словари сибирских народов, собранные в сибирских воеводских канцеляриях по требованию В. Н. Татищева и в ответ на его анкету; Фишер взял отпуски ответов сибирских канцелярий на эту анкету и передал их в Геттингенское научное общество.¹⁰⁷ От него же поступили туда некоторые письма и бумаги Стеллера, недавно опубликованные Стейнегером,¹⁰⁸ и, вероятно, кое-что другое.

В заключение следует отметить, что приведенный выше обзор материалов о Первой и Второй Камчатских экспедициях является, конечно, далеко не полным. Составленный на основании литературных данных и личных разысканий автора, ограниченного и во времени и в возможности изучения отдельных групп материалов, этот первый опыт обозрения богатого наследия участников обеих экспедиций, несомненно, послужит поводом для составления другого, более полного и более подробного описания тех же материалов силами не отдельного лица, а целого коллектива работников тех хранилищ, в которых находятся упомянутые в обзоре материалы.

¹⁰⁴ Отчет Публичной библиотеки за 1897 г., стр. 164; Отчет Публичной библиотеки за 1898 г., стр. 193, 194, 203, 204.

¹⁰⁵ ААН, р. I, оп. 35, №№ 1—16. Имеются материалы и по другим описям того же разряда (оп. 1, №№ 87, 88, оп. 6, № 13 и др.).

¹⁰⁶ Известия РГО, т. 42, 1906, Отд. «Действия Общества», стр. 6—7.

¹⁰⁷ Материалы, VI, стр. 286.

¹⁰⁸ См. ниже, стр. 229.

III. ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОТРЯДА ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1. Г. Ф. МИЛЛЕР

В литературе, посвященной Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг., в достаточной мере, как отмечалось выше, выяснен общий ход этого крупнейшего научного предприятия первой половины XVIII в., которым руководили Сенат и Академия наук. Об участии последней в первоначальной стадии этого дела говорилось, однако, до сих пор очень мало, может быть потому, что основной источник для этого — один из фолиантов б. архива Конференции Академии наук, в котором сосредоточена была переписка по этому вопросу, — оказался каким-то образом в частных руках и попал обратно в архив уже после того, как историк Академии П. П. Пекарский закончил свою работу, где дал общий очерк работ той части экспедиции, которая в лице профессоров Делиля де ла Кройера, Гмелина, Миллера и их сотрудников — Крашенинникова, Стеллера, Горланова, Фишера, Линденау и других — выполняла задание, поставленное им в отношении всестороннего изучения Сибири. Отсылая интересующихся к истории путешествия, составленной участниками его Гмелином и Миллером, и к труду П. П. Пекарского,¹ отмечу, что в последующем изложении я коснусь лишь тех моментов истории Камчатской экспедиции, которые относятся к деятельности Г. Ф. Миллера во время экспедиции и не освещены еще достаточно в трудах о ней.

¹ J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743, I—IV, Göttingen, 1751—1752; Материалы, VI (История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжением И. Г. Штриттера). Напечатанное здесь описание путешествия составлено Миллером в 70-х годах XVIII в. и доведено только до 1736 г.; два другие его описания — одно неполное (тоже до 1736 г.) и другое полное (написанное в 1753 г.) — не были напечатаны, кроме отдельных отрывков (В. В. Радлов. Сибирские древности).

Миллер, которому принадлежала руководящая роль в работе сухопутного отряда экспедиции, несмотря на свои молодые годы (ему не было еще 28 лет), имел хорошую научную подготовку; она была получена им сначала в гимназии в его родном городе Герфорде в Вестфалии, затем, с 1721 г. — в Ринтельне, в тамошней академии, и, наконец, с 1724 г. — в Лейпцигском университете, откуда в следующем, 1725 г. он по рекомендации профессора Иоганна Коля был приглашен во вновь создаваемую Петербургскую Академию наук студентом, или, по тогдашнему названию, «элевом». Миллер прибыл в Петербург 5 ноября 1725 г. В 1732—1733 гг. им написаны первые работы по истории России и, в частности, Сибири.

Ему принадлежит статья «О самоедах», в которой даются главным образом этнографические известия о них, заимствованные у Джонсона, Флетчера и других иностранных писателей XVI—XVII вв. Во второй статье — «Прибавление к примечаниям о самоедах. О редкой книге бюргермейстера Витсена „Noord- en Oost-Tartarye“» — Миллер делает сообщение об этом ценном труде Витсена и говорит, что статья «О самоедах» заимствована им у Витсена. Справедливо отметив, что пользоваться сочинением Витсена, ввиду отсутствия в нем указателей, крайне трудно, Миллер составляет их к первому и второму изданиям труда Витсена; в подборе слов для указателей видно, что внимание составителя обращено главным образом на географию, этнографию и историю Сибири.² Витсен дал материал еще для нескольких статей Миллера о Сибири, которые вышли в свет уже по отъезде его в Камчатскую экспедицию.³ Все эти факты позволяют думать, что интерес к прошлому и настоящему Сибири появился у Миллера еще до того, как он отправился в 1733 г. в сибирское путешествие; ему предшествовало усиленное знакомство с литературой о Сибири, прежде всего с современной энциклопедией о ней, каким справедливо считается упомянутый труд Витсена.

Эти занятия происходили в то время, когда в правительственных кругах Петербурга шло усиленное обсуждение вопроса о по-

² Примечания на «Ведомости». СПб., 1732, чч. XXVIII—XXXI, стр. 137—152 «О самоедах»; чч. XXXII—XXXIII, стр. 153—160 «Прибавление к примечаниям о самоедах»; то же на немецком языке: Anmerkungen über die Zeitungen, 1732, чч. XXVIII—XXXI и XXXII—XXXIII. Вторая статья перепечатана на немецком языке: SRG, I, стр. 196—221. Указатели (Register) к труду Витсена напечатаны там же, стр. 222—272.

³ SRG, I, стр. 327—348 — «Auszug einer chinesischen Reisebeschreibung von Peking durch Sibirien nach der astrahanischen Chalmücey»; стр. 420—437 — «Chalmückische Geschichte u. Begebenheiten aus Nic. Witsens Noorden Oost-Tartarye zweyten Auflage in die Kürze verfasst» и др. Миллеру принадлежит (SRG, I, стр. 273—279) «Entwurf eines ausführlichen Werkes chalmückischer Geschichte, welches der Verfasser dieser Sammlung zu schreiben vorgenommen».

сылке новой экспедиции на Камчатку. «Главнейшим двигателем этого дела,—по словам Миллера,⁴—был сенатский обер-секретарь Иван Кириллович Кирилов, великий патриот и любитель географических и статистических сведений. Он был знаком с капитаном Берингом, который вместе с двумя своими лейтенантами Шпанбергом и Чириковым изъявил готовность предпринять второе путешествие. Кирилов составил записку о выгодах, которые могла из того извлечь Россия, и присоединил притом другие предположения о расширении русской торговли до Бухарии и Индии, что потом подало повод к возникновению известной Оренбургской экспедиции. Это сочинение Кирилова следовало перевести на немецкий язык для представления... Бирону, на поддержку которого Кирилов всего более рассчитывал. Он выбрал плохого переводчика, почему капитан Беринг посоветовал ему отдать мне править перевод. Через это я познакомился с Кириловым, что не осталось без последствий». Эта интересная записка Кирилова до сих пор не напечатана и вместе с переводом ее, сделанным Миллером, сохранилась в бумагах последнего.⁵

Первоначально от Академии наук в экспедицию были назначены два члена: астроном Людовик Делиль де ла Кройер и натуралист Иоганн Георг Гмелин, но последний зимой 1732/33 г. был болен и не мог ехать.

«Капитан-командор Беринг, — пишет Миллер в одном из описаний этой экспедиции, — с которым я был очень хорошо знаком, возбудил во мне охоту к путешествию еще тогда, когда к тому не представлялось для меня никакой вероятности. Обер-секретарь Кирилов, которому Беринг передал о том, хотел, чтобы я предложил себя в Академии вместо Гмелина. Там не встретилось этому никакого возражения. 26 февраля 1733 года дело было письменно представлено Сенату, а 23 марта получено было оттуда разрешение. Я был этому рад... Никогда потом не имел я повода раскаиваться в моей решимости даже и во время тяжкой моей болезни, которую выдержал в Сибири. Скорее видел я в том как бы предопределение, потому что этим путешествием впервые сделался полезным Российскому государству, и без этих странствий мне было бы трудно добыть приобретенные мною знания».⁶

В 1733 г. Гмелин выздоровел и Сенат, согласно его желанию, разрешил ему также отправиться в путешествие, которое и было совершенно им совместно с Миллером; за десять лет пребывания их в Сибири они расставались лишь на короткое время.

⁴ Материалы, VI, стр. 253.

⁵ ЦГАДА, портф. Миллера, № 512, тетр. 1, лл. 1—17; тетр. 2 — «Записка И. К. Кирилова о камчатских экспедициях 1733 г.» опубликована: Известия ВГО, 1943, вып. 2, стр. 35—36. — *Прим. ред.*

⁶ Материалы, VI, стр. 270.

Отправляя Миллера в экспедицию, Академия в заседании 5 апреля 1733 г. одобрила составленную Миллером инструкцию «для описания истории народов тех, сиречь которые народы господину капитану Берингию, на пути в Камчатку едучи, и случится будет исследовать, примечать и записывать подобает». ⁷ Текст ее напечатан, ⁸ и на основании его можно судить, какие задачи ставил перед собой Миллер, отправившийся из Петербурга 8 августа 1733 г. и вернувшийся туда только 14 февраля 1743 г.

О том, какие города и местности Сибири посетил Миллер в эти десять лет, в общих чертах известно из труда П. П. Пекарского, и повторять его рассказ нет надобности. Подробное описание путешествия, составленное спутником Миллера Гmeliном, ⁹ дает также отчетливое представление о ходе путешествия. Задача последующего — сделать сводку тех данных, которые мы имеем теперь по вопросу о том, как организована была Миллером работа, преимущественно его личная, по собиранию источников по истории, географии и этнографии Сибири, которой требовала данная ему инструкция; как эти собранные источники подвергались первоначальной обработке и как затем из этих предварительных материалов начали создаваться труды Миллера по истории, географии, этнографии и экономике Сибири, с которыми он вернулся в Петербург в 1743 г.

Прибыв в конце января 1734 г. в Tobольск, Миллер здесь впервые приступил к архивным изысканиям и хотя встретил полное содействие со стороны сибирского губернатора А. Л. Плещеева, одного из просвещенных людей своего времени, ¹⁰ но должен был сознаться впоследствии, что еще не знал, что ему следовало требовать или о чем спрашивать. «Для этого нужны практические сведения, которые приобретаются только опытом, даже если бы и даны предварительные наставления, которых мне недоставало». Эти «наставления», как отмечено выше, составлены самим Мил-

⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 2331, лл. 85—87; об авторстве Миллера — там же, л. 166 об. Другой перевод той же инструкции в ААН, ф. 3, оп. 23, № 1, с отметкой акад. Г. Крафта о том, что инструкция читана в конференции Академии 5 апреля 1733 г., причем в ней имеется § 11, отсутствующий в первоначальной редакции Миллера: «... а особливо рассматривать надобно начала, нравы, обычаи и проч. тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и российский народ имел там свои древние жилища». В Протоколах Конференции (I, стр. 65) чтение инструкции отнесено к заседанию 16 марта 1733 г.

⁸ Г. Ф. Миллер, История Сибири, I. М.—Л., 1937, стр. 460—461.

⁹ J. G. Gmelin, ук. соч.

¹⁰ Материалы, VI, стр. 344. А. Л. Плещеев был автором историко-географического труда о Сибири, составленного им на основании летописей и документов Tobольской воеводской канцелярии; Миллер приводит в своих «Обсервациях исторических» от 5 мая 1734 г. (ААН, ф. 21, оп. 5, № 164, л. 14—14 об.) оглавление этого труда, с которого он получил копию, ныне утерянную.

лером, а из среды академиков вышло лишь то курьезное дополнение, которое изложено в § 11 этой инструкции. Правда, Академия снабдила своих профессоров, отправлявшихся в Сибирь, большой литературой по истории, географии и другим наукам, причем не раз высылала большие партии новых книг по их требованиям из Сибири. В списках посланных книг находим все те работы, на которые Миллер будет ссылаться впоследствии в своих сочинениях; некоторые же из них были ему хорошо известны еще до поездки в Сибирь.¹¹

По мере того как получался тот «опыт», о котором говорит Миллер, постепенно менялись и методы разработки архивов, осмотр которых был начат в Тобольске. Сущность их заключается в том, что, встречая сибирские архивы, за немногими исключениями, в беспорядке, Миллер занимался (прежде всего сам или впоследствии поручая это дело другим) разборкой старинных столбцов и книг по годам, просматривал содержание всех их и отмечал те из них, которые следовало переписать; некоторые столбцы архивов якутского и верхотурского, в которых работал Миллер и которые ныне хранятся в архиве ЛОИИ, имеют в начале характерную звездочку или крестик, которые показывают, что с данного документа Миллер предполагал снять копию. Эту громадную работу по пересмотру всех старинных столбцов, хранившихся тогда в большом количестве в архивах Тобольска (в первый приезд Миллера туда в 1734 г.), Томска, Енисейска, Якутска и других сибирских городов, трудно представить себе теперь, когда видишь эти столбцы бережно развернутыми, но вполне почувствуешь всю трудность работы, когда увидишь те же столбцы в громадных «столпах», еще поныне не дождавшихся в некоторых архивах даже того, чтобы они были развернуты. Можно, конечно, с точки зрения современного архивного дела, не одобрять того, что местные власти (например, в Тобольске в 1734 г. и в Якутске в 1736 г.) разрешали Миллеру брать на дом не только отдельные документы, но и весь архив (якутский). Необходимо, однако, напомнить, что Миллер не уклонялся от работы даже в таких условиях, когда в хранилище отказывались работать провинциальные подьячие, ссылаясь на сырость помещения, мышей и т. п., как это было, например, в Томске в 1734 и 1740 гг. Разобрав сам часть томского архива, находившегося в ужасных условиях «в каменной кладовой палате», Миллер настойчиво стал добиваться, чтобы остальная часть была разобрана прикомандированными к нему томскими подьячими, дворянами, детьми боярскими и др. Разборка по годам завершалась составлением кратких описей дел архивов, которые Миллер требовал

¹¹ Списки книг, взятых Миллером из Академии наук в Камчатское путешествие, — в ААН, ф. 3, оп. 1, № 2331, лл. 27—30 об., 180—184 об., 188—190 об., 260—263; № 814, лл. 201—204 об.

(и чаще всего добивался) даже при наличии старых реестров, с просмотра которых он начинал свою работу в сибирских архивах до 1736 г.

Эта первоначальная работа по разборке столбцов и дел чаще всего протекала совсем не в таких благоприятных условиях, как это было в Тобольске в первый приезд туда Миллера в 1734 г.: обычно требовалась большая настойчивость с его стороны, чтобы провинциальная канцелярия приступила к работе и выделила подьячих, копистов и др., которые должны были не только составлять реестры, но и снимать для Миллера копии с тех дел, которые были им отмечены. О том, каков был состав этих сотрудников Миллера, в переписке Миллера имеется достаточно ярких данных, но и без них ясно, что при низком уровне грамотности в Сибири XVIII в. подьячие провинциальных канцелярий не составляли в этом отношении исключения; если же отметить их «леность», о которой неоднократно пишет Миллер, и постоянное желание уклониться от работы, на которую они и их начальство смотрели как на лишнюю и ненужную, то легко догадаться, что качество их работы не могло удовлетворить Миллера, видевшего в «трудах» этих лиц нередко бесполезный перевод бумаги и трату времени и казенных денег.¹² Но к содействию подобных сотрудников приходилось все же обращаться, в особенности тогда, когда по условиям времени и места ему не удавалось самому разобрать архив, как это было, например, в Пелыме в 1740 г., или когда снятие копий невозможно было поручить своим ближайшим сотрудникам-студентам, как это было в Таре в том же 1740 г., или когда, наконец, нужные копии приходилось просить уже после отъезда из данного города, как это было в отношении многих березовских документов. Конечно, ни о какой сверке копий с подлинниками не могло быть и речи в двух последних случаях, но ее, видимо, не было и тогда, когда копии снимались в бытность Миллера и его сотрудников в городе, где хранились интересовавшие его документы. Во всяком случае, если в сборниках копий заметны следы какой-то сверки, то в большинстве случаев это можно признать работой не Миллера, а второй группы его сотрудников по снятию копий — переводчика Ильи Яхонтова, студентов Василия Третьякова, Степана Крашенинникова, Алексея Горланова и работавшего недолго вместе с ним переводчика Якова Линденау.¹³ Очень большое количество

¹² Ср., например, его отзыв о работе томских подьячих в 1740 г. — ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, л. 109.

¹³ Яхонтов умер в 1739 г. в Енисейске, Третьяков все годы состоял при Миллере, а Крашенинников с 1737 г. не был с Миллером, но вернулся с ним вместе; Горланов уехал от Миллера на Камчатку в 1739 г. и вернулся значительно позднее Миллера; таким образом, большая часть копий была снята студентом Третьяковым.

копий писано не теми неизвестными провинциальными писцами, о которых говорилось выше, а названными лицами, которым Миллер нередко поручал не только работу по снятию копий, но и составление экстрактов из документов, которыми он принужден был довольствоваться тогда, когда документов было очень много и невозможно было со всех снимать полные копии. Трудами академических студентов и провинциальных подъячих составлены сборники копий, которые ныне хранятся в Архиве Академии наук (ф. 21, оп. 4, №№ 1—34), и сняты копии с документов (которые находятся в ЦГАДА, в портфелях № 133, I—IV, №№ 184, 393 и № 477, I—II), а также экстракты из документов (находящиеся в разных бумагах Миллера). Результатом работы в сибирских архивах следует считать также коллекцию подлинных актов, которую Миллер составил во время пребывания в Сибири (ныне находится в ЦГАДА, в портфелях № 478, I—III и № 483); по месту первоначального хранения — это преимущественно документы архивов пельимского, кетского и др. Оттуда же происходят, конечно, и те «дела» и «книги», касающиеся Сибири, которые находятся в собрании Миллера в ЦГАДА.

Работе в архивах предшествовало собирание сведений о данном городе и уезде, которые Миллер требовал нередко еще до приезда туда, как, например, это было в Березове, получившем такой запрос еще в 1739 г., тогда как Миллер приехал сюда только в следующем году. Анкета, которую посылал Миллер в уездные канцелярии Сибири, состояла из небольшого количества вопросов, обычно не свыше 20, на которые канцелярии должны были дать ответ на основании имевшихся в них дел и переписки. Примером таких запросов могут служить отправленные Миллером в Илимскую канцелярию 21 февраля 1736 г.¹⁴ или «пункты для сочинения ведомости о городе Таре с уездом», посланные туда в конце 1740 г.;¹⁵ они интересны в том отношении, что имеются «пункты», аналогичные посланным Миллером в 1734 г.; сравнение обоих показывает, как расширился круг интересов, которые Миллер предъявлял к своей работе по составлению описания Сибири.

Так образовалось большое собрание «ведомостей» о городах и уездах Сибири 1734—1742 гг., которые ныне хранятся в ЦГАДА (портфель № 481, I—VII). В них находим описание

¹⁴ Они напечатаны в «Известиях Иркутского государственного научного музея», т. II (LVII). Иркутск, 1937, стр. 97—98. Ответы Илимской канцелярии — там же, стр. 99—105.

¹⁵ ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 90—95 об.; подобные же «пункты» о городе Пельиме с уездом, о Тюмени с уездом, Краснослободском дистрикте и др. — в том же деле, лл. 99 об.—105 об., 41 об.—143 об., 147 об.—149, 153 об.—156 об. и др.

городов, острогов и слобод, сведения об имеющихся в них укреплениях, о расстоянии между ними, перечни населенных пунктов и ясачных волостей, данные о количестве служилых людей и их денежном и хлебном жалованье, о количестве русских, положенных в подушный оклад, о рождаемости и смертности, о соляных варницах, о железных и иных рудах, о монастырях и церквах Тобольской епархии и их земельных владениях, о тобольском архиерейском доме и др. Однако это исключительное по полноте собрание официальных известий о Сибири не привлекло к себе внимания историков Сибири и до сих пор остается малоизвестным.

Получение сведений по географии, этнографии и истории Сибири через казенные учреждения было расширено в последние годы пребывания Миллера в Сибири также собиранием известий при помощи ясачных сборщиков, посылавшихся за сбором ясака. В его переписке имеется, например, «ропись, о чем ясачным сборщикам знающих людей распросить», которую он послал в Березовскую воеводскую канцелярию¹⁶ с тем, чтобы собранные ими сведения были посланы ему позднее туда, где он будет находиться. Эта форма собирания исторических и географических сведений о местностях, которые он не мог сам посетить, в других случаях заменялась опросом знающих людей, бывших в тех местах. Наряду с этим в пунктах, которые он посетил лично, применялась система личных бесед с представителями местного населения. Собирать их провинциальные канцелярии обязывались Миллером задолго до его приезда, с непременным напоминанием позаботиться о переводчиках, так как языков местных жителей он почти не знал. Таким путем были собраны, например, те предания тобольских татар, на основании которых написана не одна страница первой главы «Истории Сибири»; такого же происхождения многие географические подробности о местах, где Миллер и его спутники не бывали; так же были получены известия селенгинских и иных «тунгусов», о которых говорится в главе 1, не упоминая уже о беседе с аринцом Красноярского уезда, приведенной в той же главе.

Общение с разными группами населения сибирских городов и уездов иногда давало в руки Миллера не только устные сведения, тщательно им записываемые, но и письменные источники, вроде знаменитой Ремезовской летописи, приобретенной в 1734 г. при сильном воздействии сибирского губернатора А. Л. Плещеева на владельца рукописи П. Ф. Миновича, не имевшего желания с ней расставаться;¹⁷ частным лицам принадлежали и те «обыкновенные» сибирские летописи, на которые Миллер

¹⁶ ДАН, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 67 об.—70.

¹⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири, I, стр. 160.

ссылается неоднократно в главах 1—3 своей «Истории Сибири» и из которых некоторые находятся в его собрании в Архиве АН и ЦГАДА (в портфелях №№ 502 и 505), а также «Записки, к Сибирской истории служащие» и другие подобные же материалы, не хранившиеся в казенных архивах.

Собирание всех этих устных и письменных известий требовало со стороны Миллера большого упорства и настойчивости, так как полученные им ответы нередко были неполными и неточными; иногда на ряд вопросов вообще не отвечали, как это было, например, в Тобольске в 1740 г., встретившем Миллера совсем иначе, чем в первый раз. Много энергии ушло на бесконечную переписку, но все же эффект для того времени получился очень большой: в распоряжении Миллера оказалось громадное количество материалов по всем сторонам жизни современной ему Сибири.

Наряду с собиранием географических и исторических данных в 1733—1736 гг. Миллер интенсивно занимался также собиранием словарных и этнографических материалов. Так, уже в Казани он собирал сведения по этнографии и языку черемисов, чувашей и вотяков, во время пребывания в Тобольске в 1734 г. усиленно разыскивал известия о бухарцах и тобольских татарах; по приезду в сентябре 1734 г. в Кузнецк заинтересовался абинцами и телеутами, или теленгутами, словарь которых, по его поручению, был тогда же составлен; месяцем позже, будучи в Томске, он собрал сведения о бухарцах и калмыках и продолжал работы по составлению словарей татарских диалектов, томских остяков, зырян, пермяков и др. Подобные же работы производились позже в Красноярске, Селенгинске и в других местах. В результате в распоряжении Миллера оказалось большое собрание словарных материалов местного населения Сибири, которые он по временам высылал в Сенат и в Академию в форме отдельных словариков или включая их в свои «обсервации исторические», о которых речь будет далее. Собрание его словарных материалов находится в большей своей части в ЦГАДА (в портфелях №№ 513, 528, 529), но их немало и в Архиве Академии наук.

Начиная с отъезда из Петербурга и до последнего пути из Соликамска (1742 г.), составлялись географические описания тех городов, острогов, сел, деревень и пр., через которые или мимо которых проезжали Миллер и его спутники. Эти описания в большинстве случаев составлены самим Миллером по известному плану, которым неизменно руководствовались и другие авторы описаний, работавшие под его наблюдением, или же они принадлежали Гмелину, когда тот в 1740—1741 гг. путешествовал отдельно. Так составилась большой фонд географических описаний разных мест Западной и Восточной Сибири, краткий

перечень этих описаний занимает несколько печатных страниц.¹⁸ Помимо чисто географических сведений, они нередко включают ценные исторические и этнографические данные, собранные на месте.

Миллеру разрешено было отправиться в обратный путь в 1739 г. с обязательством производить также наблюдения по естественной истории Сибири, какие делал во время своего путешествия Гмелин. Возражая против этого в письме президенту Академии наук от 30 июня 1739 г., Миллер, между прочим, писал, что все сделанное им до того исполнено «обстоятельно...», как бы оно всегда и на веки написано было. А будет от меня того требовано, дабы я травы збирал и сушил, птиц и звериные соломою набитые чучела делал, минералы, камни и подобные сим вещи собирал, того мне учинить невозможно...».¹⁹ Но, несмотря на это, на обратном пути он занимался собиранием подобных материалов весьма усердно. Так; в 1740 г. он добывается от Березовской канцелярии высылки двух фунтов «красной земли», которой «обдорская са-моядь на реке Соби» отравляет волков и лисиц; дает письмо «бухаретину» Ибрагимову о том, чтобы последний по его, Миллера, приказу поймал кречета и др.²⁰ Впрочем, эти темы занимали его и до 1740 г., и он охотно и с интересом в бытность, например, в Кузнецке осматривает вместе с Гмелином Абашеву гору, про которую говорили, что из нее идет дым; ездит к барзаянским татарам, где изучает производство ими железа, что интересуется также позже в Енисейске и на Аргуни. Подобные известия составляют содержание некоторых описаний 1740—1741 гг.

Но наряду с этим, особенно в начале путешествия, Миллер занимается также собиранием и описанием древностей. Так, им были произведены раскопки в районах Усть-Каменогорской и Кольванской крепостей, которые вместе с материалами художника Люрсениуса (одного из художников экспедиции, ездившего к Калбасунской башне) и доставленными из Аблайн-хита тангутскими рукописями дали ценные материалы для работы Миллера о тангутских письменах. Видимо, мало интересуясь сибирскими «писаницами», он все же подбирал материалы о них, хотя не придавал им большого значения. Здесь, кроме заметок Гмелина, большую помощь оказали ему и те зарисовки, которые были сделаны Люрсениусом на Томи, Енисее, Ирбите и Лене. Собранные Миллером в 1735 г. «идольские и другие вещи», отправленные тогда же в Кунсткамеру (ныне находятся в Эрмитаже) и Сенат, пополнялись позже но-

¹⁸ Об обзоре рукописей Миллера см. выше, стр. 45.

¹⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, л. 97.

²⁰ ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 73—99, 233.

выми коллекциями, собранными в Красноярске и других местах. В январе 1741 г. им были отправлены из Тобольска «кувшин могильный из Абаканской степи Красноярского уезда, пара жерновов древних сибирских народов, которые найдены близ реки Юуса, болван каменной, который найден на дереве вверх по Тубе реке» и др.²¹

Вместе с предметами древности усиленно собиралось современное «иноземческое платье разных сибирских народов», «шаманское платье», «якуцкое и тунгусское платье»²² и пр.

Придавая большое значение всякого рода рисункам, Миллер в нужных случаях использует художников, или, по современной ему терминологии, «маляров», — Люрсениуса и Беркана, трудами которых и составляется интересная коллекция рисунков Камчатской экспедиции. Кроме того, Миллер требует представления рисунков от местных канцелярий. Так, ввиду утери им списков с жалованных грамот, сделанных в Березове, Миллер просит Березовскую канцелярию прислать новые списки, «и которые имеются у оных грамот печати, чтобы иконописцу велеть срисовать на особой бумаге, приписав, которая печать к которой грамоте принадлежит, и оные рисунки приобщить к тем спискам»;²³ списки были высланы, надо думать, вместе с рисунками печатей; описание одной из них имеется при грамоте 1585—1586 гг.

Собранные во время экспедиции материалы Миллер начал обрабатывать еще в период пребывания в Сибири, причем работа эта производилась им одновременно с продолжавшимся все годы собиранием материалов; обработка уже собранного нередко приводила к необходимости нового собирания. Будучи в пути из Березова в Тобольск в 1740 г., Миллер посылает новые запросы в только что покинутый им Березов и требует, чтобы Березовская канцелярия поручила ясачным сборщикам собрать ясачных и допросить их по тем пунктам, которые при письме приложены, как требующим дополнительных сведений; через несколько дней, 29 июля, имея данные о нахождении у обдорского князья жалованных грамот, Миллер требует от той же канцелярии, чтобы она добилась от князья доставки грамот в Березов и чтобы с грамот старше 201 года были сняты и высланы ему копии. Через два дня новое требование туда же: так как из дел Березовского архива, просмотренных им до 1720 г., не видно, в каком году и по каким причинам прежние дороги через Камень закрыты (имеется только одна грамота 1706 г. о том, чтобы через Собскую заставу из Си-

²¹ ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, л. 118 об.

²² ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 113 об.—118 об. (опись этого платья). Материалы, VIII, стр. 202, 206.

²³ ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, л. 74 об.

бири на Русь никого не пропускать, а про дорогу, которая была прежде по Сосве, и про Кыртасскую заставу ничего не упомянуто), то Березовская канцелярия должна поискать в делах после 1720 г. нужные сведения и выслать их. Не получая ответа на эти и другие запросы, в апреле 1741 г. Миллер вновь запрашивает Березов и, кажется, наконец получает нужные данные, как можно судить по некоторым сведениям о Березовском уезде,²⁴ попавшим в «Историю Сибири» благодаря этой переписке. Видимо, занимаясь уже сочинением «Истории Сибири», Миллер обнаружил у себя отсутствие необходимых сведений о верхней Ангаре и тамошних жителях (эвенках), которые он собирал еще в 1738 г.; поэтому в апреле 1741 г. он шлет в Иркутскую канцелярию длинный перечень вопросов, на которые требует ответа.²⁵ Полученные из провинциальных канцелярий ведомости о состоянии городов и уездов дают исключительно ценные материалы о Сибири 1734—1742 гг. и должны быть изучаемы наряду с другими аналогичными материалами, собранными тоже по плану Миллера, а именно анкетными данными 1760—1761 гг., присланными из тех же сибирских канцелярий в Сухопутный шляхетский корпус, проводивший под руководством Миллера эту анкету.²⁶ Собранные Миллером ведомости о сибирских городах и уездах могут сравниться по ценности только с ответами тех же канцелярий на запросы, составленные В. Н. Татищевым, но ответы по анкетам Татищева никак не изучались. Ведомости же, составленные по запросам Миллера, использовал прежде всего он сам: уже с 1735 г. на основании их он стал составлять описания городов и уездов и посылать эти описания в Петербург; сюда относятся следующие его труды: «Описание Кузнецкого уезда в нынешнем его положении в октябре 1734 г.», «Описание Енисейского уезда в настоящем его положении в начале 1735 г.», «Некоторые известия о Мангазейском уезде... собранные в начале 1735 г.», «Описание Красноярского уезда... в начале 1735 г.», «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов летом 1735 г.». На материалах, почерпнутых главным образом из «ведомостей», полученных из канцелярий, написаны три другие работы первых лет пребывания Миллера в Сибири: «Сведения о нынешнем состоянии горных промыслов в Сибири и Перми в январе 1734 г.», «Описание Аргунских серебряных заводов Нерчин-

²⁴ ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 138 об.—139.

²⁵ Там же, лл. 139 об.—141.

²⁶ Издание ответов на анкету подготавливалось Археографической комиссией, перешло затем в один из «планов» Историко-археографического института (Труды Института, т. VI, Л., 1932, стр. XVI, с отметкой «готово к печати»), но до сих пор не вышло. Подлинники в ААН, ф. 3, оп. 10а и 10б.

ского уезда Иркутской провинции» и «История и описание имеющихся по реке Иртышу крепостей». Достигая иногда размеров большого исследования, как например «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов», эти труды не потеряли значения до сих пор, поскольку материалы их не использованы в последующих работах Миллера.

Географические описания послужили одним из основных источников для карт, которые Миллер сам и затем его сотрудники начали составлять уже летом 1734 г., когда было предпринято путешествие вверх по Иртышу. В начале января 1735 г. в Сенат были отправлены две ландкарты, сделанные Миллером: 1) р. Иртыша, на четырех александрийских листах и 2) «Сухого пути от Ямышевской до Усть-Каменогорской крепости, а оттуда через Кольвано-Воскресенские заводы до реки Оби, на которой все тамошние места между Обью и Иртышем, также и путь от Усть-Каменогорской крепости до Аблайкита изображены» на двух александрийских листах. В последующие годы составлением карт занимались геодезисты, посланные в Сибирь Оренбургской экспедицией и стоявшим во главе ее В. Н. Татищевым.²⁷

Геодезисты, прикомандированные к экспедиции (Петр Скобельцын и Василий Шетилов) и работавшие в Восточной Сибири, составили также «каталоги» тех мест, которые ими были пройдены, и «журналы» их пути, в которых наряду с чисто географическими сведениями находим и много этнографических данных.²⁸

[В те же годы, когда в Якутии работали профессора, адъюнкты и студенты Академии наук, геодезисты Петр Ско-

²⁷ Таково происхождение нескольких карт, оказавшихся затем в архиве экспедиции: 1) оз. Байкал (геодезиста Моисея Ушакова), 2) рр. Иркута, Китоя, Белой и ближних рек (того же Ушакова), 3) р. Ангары (геодезиста П. Скобельцына), 4) «страны между Ангарой и Леной» (геодезиста В. Шетилова) и 5) «для искания ближайшей дороги к реке Уди» (геодезистов П. Скобельцына и В. Шетилова). Все названные карты в ААН, ф. 21, оп. 5, № 39/61—71. Среди них карта р. Томи, присланная в Академию наук 14 февраля 1736 г., но кто сочинитель ее — неизвестно. О картах Миллера 1735 г. см. Протоколы конференции, II, стр. 247—249. Среди карт, хранящихся в ААН, имеется несколько карт, приписываемых Миллеру, относящихся ко времени пребывания его в Восточной Сибири, но я затрудняюсь установить авторство Миллера в отношении как этих, так и некоторых карт в ЦГАДА, указанных М. П. Пуцило (см. М. П. Пуц и л о. Указатель, №№ 47, 57 и др.).

²⁸ Такой характер имеет, например, сочиненное П. Скобельцыным с товарищами «Известие Нерчинского города уезду и к нему принадлежащие остроги, каких народов люди живут и каких законов и какие промыслы имеют и чем питаются» (1740 г.) и др. ААН, ф. 21, оп. 5, № 35, лл. 293—298, 299—314 об., 315—318 об., 319—339 об., 340—342 об., 343—346 об., 347—370, 371—379 об., 380—400 об., 401—428; ф. 3, оп. 10, № 125.

бельцын, Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков и Василий Шетиллов на основании съемок составили «Ландкарту Якутской провинции», географическое описание Якутского уезда («Каталог Сибирской губернии Иркутской провинции города Якуцка и с уездом...») и этнографическое описание народов Якутии («Известие о Якуцком уезде...»).²⁹

Труды геодезистов по картографии, географии и этнографии Якутии 30-х годов XVIII в. были представлены ими в Академию наук 6 сентября 1740 г. и ни разу еще не привлекали к себе внимания исследователей Якутии.]^a

В упомянутых выше описаниях уездов Миллер приводит некоторые исторические данные о них, почерпнутые из архивных источников, а такие работы его, как «Описание Аргунских серебряных заводов» (1735) или «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов» (1736), основаны на них в значительной степени. Но все же в первые годы экспедиции о собранных им исторических сведениях Миллер сообщал преимущественно в форме «обсерваций исторических», которые начал высылать еще в 1733 г. В «обсервациях», посланных из Тобольска в мае 1734 г., находим разные сведения, относящиеся к Сибири: здесь сообщение о краткой сибирской истории, полученной Миллером от А. Л. Плещеева, «вокабуляриум татарского и вогульского языков», «перевод Отче наш на вогульский язык», «описание некоторых древних вещей могильных идолопоклоннических» и пр. Такое же пестрое содержание имеют «обсервации исторические», посланные из Енисейска 2 января 1735 г. и из Иркутска 20 марта 1736 г.³⁰

Уже ко времени пребывания Миллера в Якутске в 1736—1737 гг. относятся его работы, являющиеся обработкой архивных материалов и отчасти печатных известий. В сентябре 1737 г. он шлет в Петербург «Известия о морском ходе из реки Лены ради обретения восточных стран» вместе с экстрактом из этих «Известий» на французском языке. Позже, в 1739 г., в русском переводе И. Яхонтова, эти «Известия» были посланы вторично. Источник этой первой собственно исторической ра-

²⁹ «Ландкарта Якутской провинции» находится (в подлиннике и копии) в собрании карт Географического департамента Академии наук в Отделе рукописной книги БАН (карты №№ 318 и 347); «Каталог» и «Известие» — в ААН, ф. 3, оп. 10, № 125.

³⁰ Подробный перечень статей этих «обсерваций» дан в описи 1746 г. — Материалы, VIII, стр. 195, 212. Часть статей «обсерваций», касающихся сибирских древностей, напечатана В. В. Радловым (Сибирские древности, т. I, вып. 3. СПб., 1894, прил., стр. 57—69, 73—78, 81—87). В. В. Радлов указывает, что существовали, кроме того, «обсервации», представленные 3 октября 1743 г., но мне не удалось их найти.

^a Изучение Якутии в XVIII в. — Уч. зап. Якутского фил. АН СССР, Инст. языка, лит. и истории, вып. IV, Якутск, 1956, стр. 18.

боты — архивные дела Якутского архива и «словесные сказки якутских обывателей». Тот же архив наряду со «словесными известиями» жителей Якутска дал ценные сведения для другой научной работы Миллера, отправленной в Петербург в том же 1737 г., именно «Описания земли Камчатки и окрестных стран», составленного в связи с отправлением С. П. Крашенинникова на Камчатку; русский перевод этой работы, сделанный И. Яхонтовым, был послан из Енисейска в феврале 1739 г.³¹

Посылая из Якутска в январе 1737 г. описание Селенгинского и Нерчинского уездов, Миллер в рапорте в Сенат указывал, что оно составлено «гораздо совершеннее» прочих описаний уездов (томского и др.), так как он имел возможность собрать больше данных. «Того ради охотно желаю, — продолжал он, — чтобы я и о прочих сибирских городах и уездах такое же обстоятельное известие дать мог, дабы сибирская история и география, ежели я иногда оную по порядку предлагать буду, сходна была. Не только о Иркутске, Илимске и Якуцке, но и о самой Камчатке уже многие документы имею, а из здешнего архива получил столько известия, что над оными до будущей весны трудиться и пространнее прежнего описывать буду, причем мне описание реки Амура и всех по ней прежде сего бывших российских селений и завоеванных мест из здешнего архива опять подробнее и обстоятельнее сочинить надобно, нежели в описании Нерчинского уезда находятся». По срочному предписанию из Петербурга в конце 1740 г. Миллер приготовил работу, посвященную Амуру и составленную на основании данных Иркутского и Якутского архивов.

В письме в Академию из Иркутска в декабре 1737 г., говоря о продолжающейся у него «ипохондрической болезни», которая уже третий месяц не позволяет ему заниматься постоянной работой, Миллер писал: «а в Якуцке времени в забавах терять не хотел для того, что тамошней уезд весьма велик, а особливо, что я тамошний архив в полном состоянии нашел и для того ничего упустить не хотел, дабы ежели бы нам в Камчатку ехать не случилось, то бы я, однако ж, в состоянии быть мог об отдаленнейших восточных и северных краях надлежащее известие учинить».³² Так были собраны не менее ценные, чем об Амуре, архивные материалы о плаваниях по Ледовитому океану, которые Миллер использует в своих позднейших изысканиях, начало которым было положено «Описанием земли Камчатки».

³¹ ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 94—127.

³² ААН, ф. 3, оп. 1, № 810, лл. 140 об., 337—342 об.

В бытность в Енисейске в 1739 г. Миллер получил сообщение об отправке ему на смену Фишера, которому, по распоряжению Академии, он должен был передать «все ... к экспедиции принадлежащие книги, письма и прочие вещи». В письме 30 июля 1739 г. Миллер решительно возражал против передачи «писем», состоявших из переписки экспедиции, «копий из архив, а напоследок из [его] собственных записок, примечаний и заготовленных описаний», отмечая, что «без убытку и лишения собственных моих трудов и обстоятельств ничего отдать невозможно», и добавляя резонно, что в случае передачи всего Фишеру «в обратной моей поездке и по прибытии ничего о Сибири показать и сделать невозможно, и, следовательно, все мое предпринятое путешествие и труды втуне будут... Не упоминаю того, что чуждая рука, в недовольном знании российского языка, сим нашим походным архивом с такою прибылью пользоваться не может, что она в 30 фолиантах или рукописных моих книгах состоит». Но, отклоняя это распоряжение, он предлагал выработать для Фишера «такое же наставление... , какое от нас господин Стеллер получил». Предложение Миллера было принято Академией, о чем он узнал во время встречи с Фишером в Сургуте в начале июня следующего, 1740 г.; окончательное составление инструкции Миллер отложил до возвращения в Тобольск, куда прибыл 9 сентября.

Упомянутой здесь инструкции предшествовали подобные же, которые обычно давались профессорами Миллером и Гмелином при отправлении их спутников в самостоятельные поездки. Из них наибольший интерес представляет общая инструкция, которая была дана в июне 1737 г. С. П. Крашенинникову при отправлении его на Камчатку, а также дополнительные инструкции ему, отправленные Гмелином и Миллером в 1737—1738 гг.³³

Существенным дополнением к ним (в смысле выполнения определенного плана работ на Камчатке) явилась инструкция Г. В. Стеллеру, полученная им в феврале 1739 г., когда Стеллер уезжал из Енисейска на Камчатку.³⁴ Среди этих инструкций, инструкция Фишеру занимает особое место. Она была закончена осенью 1740 г. и 13 декабря того же года отправлена Фишеру; в начале 1741 г. эта инструкция была препровождена также в Сенат.³⁵ Инструкция представляет собою большую научную работу; в перечне вопросов, подлежащих разрешению

³³ ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 57—73 об.; оп. 79, № 2, лл. 40—55 об.; ф. 21, оп. 2, № 25, лл. 447 об.—456 об.; р. I, оп. 13, № 11, лл. 128—133; ЦГАДА, портф. Миллера, № 509, тетр. 10, лл. 17—22.

³⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 24—41; р. I, оп. 79, № 2, лл. 75—91.

³⁵ ААН, ф. 21, оп. 2, № 8 (на немецком языке); ЦГАДА, портф. Миллера, № 508, лл. 1—129 (русский перевод).

Фишера, Миллер поставил ряд серьезных научных задач, во многих случаях до сих пор еще не разрешенных сибиреведением.³⁶

Инструкция Фишеру состоит из шести параграфов (подразделяющихся каждый на несколько статей) и четырех приложений: § 1 — о ведении журнала (20 статей); § 2 — о географическом описании (75 статей); § 3 — о современном состоянии городов и их уездов (38 статей); § 4 — о просмотре архивов и о сочинении истории Сибири (22 статьи); § 5 — об описании древностей (100 статей); § 6 — об описании нравов и обычаев народов (923 статьи); приложения: 1) о ландкартах (63 статьи), 2) о рисунках (30 статей), 3) о собирании различных предметов для Кунсткамеры (16 статей) и 4) словарь, по которому должно собирать материалы об языках и наречиях сибирских народов. Документ этот остался как-то мало замеченным в литературе, и инструкция Фишеру только частично была напечатана в 90-х годах XIX в. (§§ 5—6 и все четыре приложения).³⁷ Остаются до сих пор не напечатанными наиболее интересные для последующих работ Миллера как историка и географа Сибири §§ 2 и 4. Миллер, несомненно, использовал для инструкции Фишера аналогичные инструкции, сочиненные В. Н. Татищевым, выполнения которых последний добивался от канцелярий Сибири и подчиненных ему геодезистов, работавших в Сибири одновременно с Камчатской экспедицией. Татищев, посылая в 1737 г. в Академию список своего «Предложения о сочинении истории и географии Российской», где многие параграфы касались преимущественно Сибири, настоятельно просил переслать его от имени Академии «профессорам Камчатской экспедиции»; надо полагать, что просьба эта была выполнена и Миллер использовал многие параграфы «Предложения» Татищева, но в его инструкции они представляли нередко в ином виде.³⁸

³⁶ См. ниже, стр. 287.

³⁷ В. В. Радлов. Сибирские древности, ук. соч., стр. 107—114; Сборник Музея по антропологии и этнографии при Академии наук, I, СПб., 1900, стр. 37—108.

³⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 98—99; ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 109 об., 133—135. Инструкция В. Н. Татищева напечатана, см. Н. А. Попов. Татищев и его время. СПб., 1861, стр. 663—696; В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 77—97. Она была, конечно, известна Миллеру, который, проезжая в 1740 г. на обратном пути через Томск, снял копию с ответов Томской воеводской канцелярии на вопросы Татищева (ЦГАДА, портф. Миллера, № 509, тетр. 10, лл. 31—43); вначале рукой Миллера: «Aus einer Tomskischen Wedomost von 1737 die auf Verordnung des H. Geh[eimen] Rath Tatischefschef verfasst worden». Фишер также имел копию «Предложений» Татищева (ААН, р. I, оп. 79, № 2).

Многие параграфы инструкции Фишеру дают основание думать, что Миллер уже в 1740 г. начал работу по составлению истории Сибири в целом на основании того громадного исторического, географического, этнографического и лингвистического материала, который был у него в руках и от которого он, конечно, не мог отказаться, чтобы передать другому ту обобщающую работу, о которой он уже, видимо, думал все последние годы. Некоторое указание на это нашлось в переписке его с Тобольской архиерейской канцелярией. 30 сентября 1740 г. он обратился к ней с «промеморией», где отмечал, как обычно, что отправлен от Сената «для описания Сибирской истории», предлагал дать некоторые известия и далее приложил семь пунктов, на которые архиерейская канцелярия должна была ответить. Не получая долго ответа, он в декабре 1741 г. вновь писал в ту же канцелярию, но не о всех пунктах, а только по поводу одного седьмого пункта, который касался деятельности митрополита Федора (Филофея Лещинского), крестившего остяков: «какие от оных народов при том случились противности, и в котором году оное дело в совершенство приведено, и какие идолы или шайтаны у оных народов найдены и сожжены или в архиерейскую канцелярию присланы, и имеется ли еще ныне таких идолов при архиерейском доме». Напоминая об этом своем требовании, Миллер мотивировал его необходимостью «вношения в сочиняемую мною Сибирскую историю о крещении остяцкого и прочих идолопоклоннических народов преосвященным схимонахом Федором».³⁹ Если вспомнить, что автор рассказывает об остяцких идолах в §§ 27—28 третьей главы, причем основанием рассказа служат там беседы его с остяками Троицкой Белогорской волости, то легко заметить, что текст этих параграфов мог появиться только после путешествия автора в Сургутский уезд летом 1740 г. Вероятно, отдельные главы «Истории» сочинялись в разное время, по мере поступления материалов, которые были положены в их основу. Особенно обильно материалы поступали, как уже отмечено, в 1740 г., когда Миллер работал в архивах Томска, Нарыма (туда же был привезен и Кетский архив), Березова и Тобольска. В Березове Миллер, как он пишет, «имел счастье при разысканиях в архиве открыть много старинных и полезных известий, которые все вместе велел списать для будущего пользования». В донесении того же 1740 г. в Академию наук он писал: «Это путешествие было мне весьма полезно для полнейшего изучения остяков и вогулов, их образа жизни и обычаев, а равным образом для составления по рассказам заметок о всем, касающемся самоедов...». Определяя, когда могли быть написаны те места «Истории», где автор основы-

³⁹ ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 80—82, 236.

вается на своих личных наблюдениях и беседах с местными жителями, а также приводит ссылки на соответствующие архивы, можно установить *terminus post quem*, который для первых четырех глав будет «не ранее 1740 г.», но более вероятно, что окончательное оформление их происходило в 1741—1742 гг., когда условия работы Миллера стали более спокойными и подходящими, ввиду вольного или невольного (из-за болезни) длительного пребывания его в таких городах, как Туринск и Верхотурье: в обоих этих городах Миллер, как известно, пробыл около года (с начала 1742 г.) и в последнем даже женился. Именно в этом году, когда автор располагал почти всеми нужными ему данными, были закончены главы 1—4, с которыми он вернулся в Петербург. Это предположение подтверждается самим Миллером: в 1746 г. при сдаче в архив Конференцшии дел и своих и чужих рукописей, бывших в архиве Камчатской экспедиции, по поводу того, что некоторые из трудов Гмелина и его собственных оказались не оконченными, он заметил: «Что же не все в пути или по возвращению нашему в скорых числах окончено, то в Сибири чуть довольно было времени к собиранию надлежащих ко оным описаниям известиев, а паче когда где пребывание имели в городах, то почти все время понадобилося к пересмотру и к выписке старинных канцелярских дел, не упоминая о истории сибирской, что самые старшие известия, туда надлежащие, получены токмо при выезде из Сибири, в Березове, в Тюмени, в Туринске, в Пельиме, в Верхотурье и у Соли Камской, где, перед едучи, мы не были, или тогда время к собиранию из архива таких известиев не допустило...».⁴⁰

Миллер вернулся в Петербург 14 февраля 1743 г. Проболев около месяца, он только в середине марта подал рапорт в Сенат о своем возвращении и об условиях подготовки в печать собранных им материалов. Ответ Сената неизвестен. Нет также сведений о том, что предшествовало получению Академией 1 апреля того же года указа Кабинета «о переводе на российский диалект книги „Описание Сибирских городов“»,⁴¹ представленной Миллером, надо полагать, во второй половине марта императрице Елизавете Петровне, лично знавшей Миллера и, по его словам, оказавшей много содействия ему при отправлении в экспедицию. Обстоятельства этого дела не удалось выяснить, но очевидно, что при возвращении в Петербург текст первых четырех глав «Истории Сибири» (так как о ней, конечно, идет речь в упомянутом указе) был готов. Тексту

⁴⁰ Материалы, VIII, стр. 212.

⁴¹ ААН, ф. 21, оп. 2, № 26, лл. 295—296. Дата, указанная в Материалах, VIII, стр. 211, неверна.

предшествовала «дедикация» императрице, сохранившаяся в нескольких рукописях; ей Миллер придавал большое значение. Едва ли, однако, немецкий текст был читан императрицей или кем-либо из ее близких, и эффект, на который рассчитывал Миллер, тогда не получился. 8 апреля Канцелярия Академии наук поручила спешно перевести «Описание Сибири» одному из своих переводчиков — Ивану Голубцову,⁴² которому с этого времени и до 1759 г., когда он умер, преимущественно поручались переводы трудов Миллера. В ноябре того же года Голубцов рапортом сообщил Канцелярии, что он окончил перевод, который представил вместе с оригиналом. Судя по отметке на рапорте Голубцова, немецкий оригинал был возвращен в Кабинет 4 ноября. Последнее известие, однако, неверно, так как еще в мае-июне следующего, 1744 г. с этого немецкого оригинала, присланного из Кабинета, по распоряжению Канцелярии Академии снимал копию бывший информатор академической гимназии Герман, рукою которого писан один из трех списков первых четырех глав «Истории Сибири», хранящихся в Архиве АН.⁴³

Ввиду происходивших в Академии в 1743—1746 гг. споров академиков с вернувшимся к академическим делам советником Шумахером, в которых автор «Истории Сибири» принимал деятельное участие, вопрос о дальнейшей судьбе сделанного Голубцовым перевода оставался долго не разрешенным. Сам Миллер в эти годы, помимо участия в событиях академической жизни, о которых упомянуто, был занят еще несколькими работами.

Вскоре же по возвращении в Петербург Миллер принял участие в обсуждении поступившего из Сената еще в ноябре 1742 г. труда «морского служителя» Василия Казанцова «Описание о северной и восточной части земли... с приложенными

---

⁴² Биографию Голубцова см. П. П. Пекарский. Редактор, со- трудники и цензура в русском журнале 1755—1764 гг. СПб., 1867, и ААН, ф. 3, оп. 1, № 47, лл. 187—213 об.; № 461, л. 111.

⁴³ В сентябре 1746 г. в архив Конференции был принят от Миллера переплетенный том «в серебряном море» с позолоченным корешком под заглавием «История Сибири», кн. 1, содержащий четыре главы на немецком языке с приложением русских архивных документов. В 1750 г. том «Истории Сибири», присланный из Кабинета, безуспешно разыскивали в архиве Конференции и в Библиотеке Академии. Ввиду отсутствия описания его он, может быть, тождествен с тем, который ныне хранится в ААН, р. II, оп. 65, № 1; в отличие от двух других списков того же архива этот имеет перед текстом «Истории» «дедикацию» императрице, подписанную собственноручно Миллером, — ААН, ф. 3, оп. 1, № 76, лл. 1—9; № 813, л. 97; ф. 21, оп. 5, № 4; ф. 21, оп. 5, № 10 (почерк кописта Унгебауера).

к нему картами».⁴⁴ Принятый Конференцией отрицательный отзыв о труде Казанцова был составлен Миллером.⁴⁵

В том же 1743 г. Миллер приступил к составлению примечаний к переводу одного из трудов Жербильона, французского иезуита, служившего в 1686—1707 гг. при дворе китайского императора в Пекине, принимавшего участие в заключении Нерчинского договора и оставившего несколько трудов о Китае, среди них описание его шести поездок по Монголии. Этот последний труд, напечатанный у Дюгальда,⁴⁶ был частично переведен в 1743 г. на русский и на немецкий языки под редакцией Миллера и снабжен его многочисленными примечаниями.⁴⁷

Имея богатый опыт и большие результаты, которые дало его сибирское путешествие, Миллер через год по возвращении из Сибири, 16 марта 1744 г., внес в Конференцию предложение «О сочинении истории и географии о Российской империи таким же образом, как я в сочинении истории и географии о Сибири и в собирании надлежащих к тому известий по сие время трудился». Одновременно он внес проект создания при Академии наук Исторического департамента, который имел бы задачей прежде всего собирание источников российской истории, а также собирание и разработку этнографических и географических сведений о России. Встреченный отрицательно Шумахером в 1744 г., проект был отклонен, как увидим, и позже, в 1746 г., когда Миллер подал его вторично новому президенту Академии К. Г. Разумовскому.⁴⁸

11 марта 1745 г. состоялось постановление Канцелярии Академии о передаче перевода «Истории Сибири» для исправления самому Миллеру, а когда он исправит, то перевод предписывалось отдать в переписку с тем, чтобы работа была окончена к 1 апреля 1745 г.⁴⁹ Такая спешность, как можно думать, была вызвана повторным требованием Кабинета о присылке туда перевода «Истории Сибири».

⁴⁴ Материалы, V, стр. 408—409, 421—422.

⁴⁵ Протоколы Конференции, I, стр. 732, 738—740; Материалы, V, стр. 610—611, 630—631, 663—664, 666; VI, стр. 592—593.

⁴⁶ J. B. Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et phisique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise, IV. La Haye, 1736, стр. 39—46, 47 и сл.

⁴⁷ Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы, ч. I. СПб., 1785, стр. 227—301; Протоколы Конференции, II, стр. 84. Об авторстве Миллера см. также P. S. Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, I. SPb., 1776, стр. 16. О Жербильоне см. М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 475—485.

⁴⁸ Проект 1746 г. буквально повторяет проект 1744 г. и напечатан в Материалах, VIII, стр. 183—194, под 1746 г., когда он был вторично отклонен (постановление об этом см. там же, стр. 212—213).

⁴⁹ Материалы, VII, стр. 297.

Но в переписке 1745—1746 гг. не нашлось никаких следов того, что постановление Канцелярии было выполнено. Причиной был, по-видимому, сам перевод, исполненный, как видно из последующего, очень плохо и не удовлетворявший Миллера. Хотя он продолжал неуклонно посещать свою «каморку» в Академии, а переводчик Голубцов в сентябре 1745 г. «для переводу у проф. Миллера» получил две стопы «непроступчивой» бумаги и два пучка перьев, но трудились они не над «Историей Сибири».⁵⁰

В протоколах Конференции 1744—1746 гг. находятся сведения о том, что в эти годы Миллер представлял для напечатания некоторые другие свои труды, в основном написанные еще в Сибири.

Так, в марте 1744 г. им была подана общая и специальная география Сибири, через год полученная обратно для переработки. «Общая география Сибири»⁵¹ состоит из шести частей: в первой части (лл. 1—21 об.) Миллер дает общие географические сведения о Сибири и о делении ее на провинции, ее населении и управлении. Во второй части приводится описание Тобольска, слобод, острогов, сел и деревень Тобольского уезда, Демьянского и Самаровского ямов, татарских, вогульских и остяцких волостей того же уезда (лл. 22—64 об.). Третья часть посвящена описанию городов Пельма, Тюмени, Туринска и Верхотурья и их уездов (лл. 65—92 об.). Четвертая, пятая и шестая части дают географические сведения о Краснослободском и Ялуторовском уездах (лл. 92 об.—108), Исецкой провинции (лл. 108—127) и Екатеринбургском уезде (лл. 127—166), причем в последней (шестой) части находим подробное описание уральских заводов.

«Особенная или специальная география Сибири»⁵² или «Географии Сибири, вторая часть», в которой Сибирь описана по рекам, является существенным дополнением к первой части; в ней дается описание системы Тобола и впадающих в него рек и их притоков. Обе части дают, таким образом, географическое описание большей части Западной Сибири, для которого использованы многочисленные описания, составленные во время путешествия 1733—1743 гг. Этот труд не был продолжен в последующие годы, и подобной ему географии Восточной Сибири Миллер не дал.

⁵⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 98, лл. 18, 111.

⁵¹ ААН, ф. 21, оп. 2, № 1, лл. 1—166; ф. 21, оп. 5, № 155, лл. 1—170. Черновой русский перевод см. ЦГАДА, портф. Миллера, № 506, лл. 1—331.

⁵² ААН, ф. 21, оп. 2, № 1, лл. 167—386 об.; оп. 5, № 154, лл. 1—304.

К географии Сибири Миллер вернулся в следующем, 1745 г., когда стало известно, что акад. Винсгейм составил географию России; по поводу нее Миллер выступил в заседании Конференции 5 июня 1745 г. (но в протоколах от 5 июня его выступления нет) с отзывом, в котором указывал на серьезные ошибки и недостатки этого труда.⁵³

Когда же, вопреки постановлению Конференции, этот труд Винсгейма⁵⁴ вышел без всяких исправлений, Конференция обратилась в сентябре 1745 г. в Сенат с обвинением Шумахера в издании неисправной книги; к этой жалобе был приложен новый отзыв Миллера — «Оглавление учиненным в новопечатанной российской географии погрешностям»,⁵⁵ в котором в 98 параграфах Миллер отмечает «погрешности и недостатки» этого труда. По справедливому замечанию П. П. Пекарского,⁵⁶ «примечания Миллера любопытны в том отношении, что дают понятие, с одной стороны, как ограничены и неверны были сведения о России в первой половине XVIII столетия, а с другой — как умножились эти сведения после совершения путешествия по России Миллером и его товарищами по Академии».

Столь же безуспешны, как и в отношении политической географии России, были попытки Миллера ближе подойти к работе по подготовке сочинявшегося тогда «Атласа Российского», встречавшие противодействие со стороны Шумахера. Представленные Миллером многочисленные замечания по поводу отдельных карт атласа, в частности Сибири, хотя были заслушаны в заседании Конференции 4 июня 1744 г., но, по словам составителей атласа, не могли быть приняты во внимание.⁵⁷

Это побудило Миллера приступить самому к составлению новой генеральной карты Российской империи. Работа его продвинулась настолько, что в ноябре 1745 г. он полагал возмож-

⁵³ Этот отзыв его напечатан Бюшингом в «Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit Gelehrter Männer», III. Halle, 1785, стр. 116—121 (список 1784 г. этого труда в Рук. отд. ГПБ, Эрмит. собр., № 540).

⁵⁴ Краткая политическая география, служащая к изъяснению изданного на российском языке небольшого атласа. СПб., 1745.

⁵⁵ Протоколы Конференции, III, стр. 97, 103—104, 106—107. ААН, р. II, оп. 1, № 207, лл. 49—70. Рук. отд. ГПБ, Эрмит. собр., № 540.

⁵⁶ Пекарский, I, стр. 424—426. Отзыв Миллера о той же географии в 1756 г.—ААН, ф. 3, оп. 1, № 194.

⁵⁷ Протоколы Конференции, II, стр. 24, 25, 103, 104, 106; К. Свенске. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Академией наук в 1745 г. СПб., 1866, стр. 53, 56. О своих попытках внести исправления в карты подготовлявшегося атласа 1745 г., в частности в карты Сибири, Миллер подробно рассказал в письме в Академию в 1779 г., когда его просили дать отзыв обо всех изданных Академией картах (об этом см. далее). Бюшинг, ук. соч., стр. 106—108.

ным начать составление специальных карт Сибири,⁵⁸ а 3 марта 1746 г. он представил Конференции две специальные карты Сибири; так как на одной из них были показаны острова между Камчаткой и Японией, а барон Черкасов полагал, что без разрешения императрицы нельзя сообщать об этих недавних открытиях, Миллеру поручено было получить разрешение на опубликование этих открытий.⁵⁹

Вместо разрешения последовало нечто другое: 7 апреля 1746 г. Академия получила указ «взнести» в Кабинет все имеющиеся в Академии печатные и рукописные карты, составленные участниками Второй Камчатской экспедиции; на основании этого распоряжения в Кабинет было отправлено свыше 35 карт и планов и среди них «большая генеральная карта сочинения профессора Миллера», «малая генеральная карта его ж Миллерова сочинения» и генеральная карта, на которой «начато подписывать русскими именами».⁶⁰

Беспокойство Кабинета было вызвано тем, что к указанной в описи под № 26 «карте печатной генеральной Российской империи», находившейся в Академии, была сделана кем-то приклейка, на которой изображены «новоизобретенные американские берега». Кабинет подозревал в этом деле злой умысел и желание сообщить за границу те географические сведения, которые тогда признавались еще секретом, принадлежащим России. Миллеру пришлось давать объяснения о своем отношении к злополучной приклейке; он был признан невиновным в этом деле, но все же его карты пролежали в Кабинете до конца 1752 г., когда они были, наконец, возвращены.⁶¹

Кроме трудов по географии, Миллер в те же годы написал вновь или закончил несколько других работ.

В апреле 1745 г. он представил в Конференцию первую часть «Общего описания народов Сибири» и выразил пожелание, чтобы она хранилась в архиве Конференции, пока Академия не признает необходимым ее напечатать. В ноябре того же года он, с согласия Конференции, эту свою работу взял обратно для того, чтобы переводчик И. Голубцов перевел ее на

⁵⁸ Протоколы Конференции, II, стр. 97.

⁵⁹ Там же, стр. 97, 121, 122, 124; Материалы, VII, стр. 706—707.

⁶⁰ Материалы, VIII, стр. 78—80. В черновике рапорта Миллера в Кабинет от 15 апреля 1746 г. указаны еще две его карты, под №№ 36 и 37, но в списке карт только 35 номеров, а потому остается не выясненным, какие же карты имеются в виду под №№ 36 и 37.

⁶¹ ААН, ф. 21, оп. 1, № 16; протокольные бумаги за 1746 г., апрель, №№ 4 и 5; Материалы, VIII, стр. 78—80. Переписку 1748—1750 гг. о тех же картах см. Материалы, IX, стр. 108—109, 111, 112; X, стр. 246. О том, что у Миллера были взяты генеральная и специальные карты всей Сибири, он заявил в заседании Исторического собрания 13 мая 1748 г., см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 802.

русский язык.⁶² В описи 1746 г.⁶³ этот труд имеет заглавие: «Описание о всяких поведениях и о вере всех в Сибири живущих иноземческих народов, которого первая часть подана в Академию для апробации». Немецкий текст части первой «Описания народов Сибири» в редакции 1745 г. не сохранился, а его современный русский перевод⁶⁴ озаглавлен «Особливое известие о живущих около Казани языческих народах»; он является переработкой того труда о народах Казанской губ., который был составлен Миллером в начале 1734 г.⁶⁵

Тексту «Описания народов Казанской губ.» в редакции 1745 г. предшествует интересное предисловие,⁶⁶ опущенное Миллером при издании этого труда в 1756 г. Из этого предисловия видно, что Миллер был хорошо знаком с географической литературой, в которой тогда нередко помещались этнографические известия, а также со специальной этнографической литературой о народах не только России, но и Западной Европы и Америки. Он с большим сочувствием ссылается здесь на труд иезуита Лафито «Обычии американских дикарей в сравнении с обычаями первобытных времен»; этот труд находился с Миллером во все время пребывания в Сибири.⁶⁷ Таким образом, задолго до работ Моргана и других Миллер явился ценителем замечательного этнографа первой половины XVIII в. (труд Лафито вышел в Париже в 1724 г.).⁶⁸ Специальное изучение труда Миллера, посвященного этнографическому описанию черемисов, чувашей и вотяков, несомненно, покажет сильное влияние Лафито на общие приемы и методы Миллера, которые были применены им в этом первом ученом труде русской этнографии. В конце предисловия, говоря о трудах по этнографии народов Сибири Гмелина, Стеллера, Крашенинникова и своих собственных и отмечая их недостатки, Миллер писал: «Последователь мой в исторических исследованиях, оставшийся в Сибири господин адъюнкт Иоганн Эбергард Фишер имел в том щастие, что я ему при его в 740 году отправлении обстоятельными наставлениями, во всех к истории надлежащих делах, по колькум

⁶² Протоколы Конференции, II, стр. 55—56, 97.

⁶³ Материалы, VIII, стр. 212.

⁶⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 6, лл. 1—113 об.

⁶⁵ Редакция 1734 г. в рукописи ААН, ф. 21, оп. 5, № 18, лл. 20—72 об.

⁶⁶ ААН, ф. 21, оп. 5, № 6, лл. 1—12; Протоколы Конференции, II, стр. 51.

⁶⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 307; там же (лл. 308 об., 313 об. и др.) названия других этнографических сочинений, взятых Миллером в Сибирь.

⁶⁸ О Лафито см. статьи М. О. Косвена: История брака и семьи в истории науки до середины XIX в. Сов. этнография, 1931, № 1—2, стр. 71—73, 75, 79—80, 92; Л. Г. Морган. 1818—1881. Биография, Сов. этнография, 1932, № 1, стр. 13; И. Я. Бахофен, Сов. этнография, 1933, № 1, стр. 129.

онные касаются до Сибири, чинил вспоможение...». Справедливо полагая, что эта инструкция Фишеру может иметь значение при всяком этнографическом описании, Миллер приложил ее к своему труду о народах Казанской губ.⁶⁹

Этот труд Миллера был напечатан только в 1756 г.,⁷⁰ но без предисловия и без инструкции Фишеру; имеющееся в издании 1756 г. коротенькое примечание вначале (о влиянии христианства на обычаи и нравы бывших «языческих народов») вызвано, вероятно, цензурными соображениями; в новом издании той же работы, вышедшей на русском языке в 1791 г. и проредактированной Миллером, по-видимому незадолго до его смерти, имеется опять-таки новое предисловие, в котором, однако, отсутствует указанное примечание о влиянии христианства.⁷¹ Сравнительное изучение четырех редакций этого раннего труда Миллера по этнографии весьма интересно в смысле развития его общих взглядов на задачи этнографии; эта тема заслуживает специального исследования со стороны историка русской этнографической науки.

Работа о народах Казанской губ., по мысли Миллера, являлась лишь введением к «Описанию сибирским народам вообще». Сохранилось несколько известий, что Миллер уже в эти годы работал над таким этнографическим описанием сибирских народов.⁷² Но поиски этого труда Миллера долго оставались безуспешными, и только в 1939 г. удалось установить, что «Описание сибирским народам вообще» сохранилось и на-

⁶⁹ Русский перевод этой инструкции, сделанный И. Голубцовым и озаглавленный: «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно», составляющий непосредственное продолжение рукописи (ААН, ф. 21, оп. 5, № 6), при передаче рукописи Миллера в 1831 г. обратно в Академию, остался в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и ныне хранится в ЦГАДА, портф. Миллера, № 508, лл. 1—129 (беловой список) и лл. 130—260 (черновик).

⁷⁰ Г. Ф. Миллер. Описание трех языческих народов в Казанской губ..., SRC, III, ч. 1—3, стр. 305—412; Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие, 1756, июнь, стр. 33—64, и август, стр. 119—145.

⁷¹ Г. Ф. Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях... СПб., 1791.

⁷² Уже в тексте ранних редакций его «Истории Сибири», относящихся к 1743 и следующим годам, имеются в главе первой ссылки на эту работу; они же находятся и в первом издании «Истории Сибири», вышедшем в 1750 г., и повторялись во втором издании 1787 г., см. по изд. 1787 г., стр. 4 (упоминается глава этой работы о мунгалском законе), 17 (ссылка на главу о жилищах бурят), 21 (упоминается глава о языках), 22 (то же о народах вообще и об «идолопоклоннической» вере), 24 (глава о скотоводстве) и др.

ходится там же, где многие другие рукописи Миллера, — в ЦГАДА, только, по неизвестным причинам, хранится не вместе с прочими портфелями Миллера, а среди рукописей 6. Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, как рукопись № 38/763,⁷³ в двух кожаных переплетах. В рукописи 187+86 листов, вся она писана рукою Миллера. Кроме плана всей работы (лл. 1—10), в томе первом имеются отдельные (не всегда оконченные) главы: «Vom Ursprunge der Völcker» (лл. 11—16), «Von der Sprache der Völcker» (лл. 18—20), «Politische Einrichtung der Völcker» (лл. 22—25), «Von denen Wissenschaften der Völcker» и др.; более законченный характер имеют те главы, которые находятся во втором томе: «Von der Jagd» (лл. 1—21), «Vom Fischen» (лл. 22—25), «Von der Kriegeszucht der Völcker» (лл. 31—83). Сходство названий отдельных глав с теми, которые упомянуты выше, не оставляет сомнений, что в обоих случаях речь идет об одной и той же работе, которая, однако, осталась неоконченной.⁷⁴

Указанные выше работы по географии и этнографии не исчерпывали всех работ Миллера, посвященных Сибири, в эти годы. Вскоре после возвращения в Петербург он получил поручение Коммерц-коллегии сочинить «описание о сибирских торгах», которое выполнил в 1744 г. Позднее это описание было напечатано,⁷⁵ но, по словам Миллера, «с тем только отличием,

⁷³ Она кратко описана М. П. Пуцлло (Указатель, стр. 104).

⁷⁴ Черновые материалы и отдельные статьи, использованные отчасти для «Описания сибирских народам вообще», находим еще в одном портфеле, хранящемся в ЦГАДА (№ 509); здесь, помимо материалов о народах Сибири, отправленных с мест В. Н. Татищеву (№ 1, лл. 1—13; № 10, лл. 31—43), находим материалы и заметки самого Миллера «о шаманах или колдунах сибирских» (№ 2, лл. 1—32), «известия об якутах и их шаманах, об юкагирах, остяках, тунгусах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, качинцах и татарах» (№ 3, лл. 1—178), писанные рукою Миллера и большей частью зачеркнутые; перечень «документов из архивов, к описанию народов служащих» (в № 4 дан список отдельных номеров документов сибирских архивов, в которых имеются сведения о шаманах и религиозных обрядах сибирских народов); черновик первой главы «о народах Сибири вообще и об их жилищах» (№ 6, лл. 1—4); «разные известия о катангинских тунгусах, живущих на Нижней Тунгуске» (№ 8, лл. 1—10, черновик заметок Гмелина) и др.

⁷⁵ Сначала по-русски — «Известие о торгах сибирских» (Ежемесячные сочинения... 1755, сентябрь, стр. 195—250, декабрь, стр. 525—537; 1756, февраль, стр. 180—191, март, стр. 195—226, апрель, стр. 339—360, май, стр. 387—421). Было отпечатано в 1756 г. также небольшое количество экземпляров отдельным изданием (ААН, ф. 3, оп. 1, № 213, лл. 19—21). Позднее появилось немецкое издание того же труда «Nachrichten von der Handlung in Sibirien» (SRG, III, ч. 4, стр. 413—612). В XVIII в. русский текст был в отрывках переиздан М. Чулковым (Историческое описание российской коммерции... т. III, кн. 1. М., 1785) без указания, однако, что он принадлежит Миллеру.

что при печатании должно было некоторые предложения, для пользы российского интереса мною написанные, а к общему сведению не надлежащие, выключить». Сохранилось несколько рукописей этой работы Миллера.⁷⁶ Являясь во многих отношениях дополнением к географическим сочинениям Миллера о Сибири, исследование его «О торгах сибирских» служит до сих пор незаменимым пособием по истории экономики и торговли Сибири XVII—первой половины XVIII в.

Еще до отъезда в Камчатскую экспедицию Миллер интересовался тангутскими письменами; в одном из заседаний Конференции Академии наук 1733 г. он представил тангутский алфавит с транскрипцией и переводами тангутских текстов, а во время путешествия продолжал собирать материалы тангутские, о чем свидетельствуют «обсервации исторические» 1736 г.,⁷⁷ где находим, например, «вокабулярии на латинском, мунгальском, тунгусском и тангутском языках», «описание тангутской языческой службы», «перевод тангутского листа, который в Париже несправедливо переведен» и др. На основании своих собственных «обсерваций» и работ других лиц (в частности, геодезистов, отправленных в те же годы Оренбургской экспедицией) Миллер написал и в конце 1744 г. представил сочинение на латинском языке о тангутских письменах и о тех местах, где они были найдены. Этот труд был заслушан в Конференции в начале 1745 г. и одобрен к печатанию. Он был первым после возвращения из Сибири печатным трудом Миллера, появившимся в 1747 г. в «Комментариях» Академии (в томе X). В заседании же Конференции 12 сентября 1746 г. была представлена Миллером небольшая работа под заглавием: «*Vera interpretatio folii tangutici Fourmontiani*», представляющая отрывок из «обсерваций» 1736 г., который отмечен выше как «перевод тангутского листа, который в Париже несправедливо переведен» французскими ориенталистами братьями Фурмонами.⁷⁸

⁷⁶ Немецкий текст — ААН, ф. 21, оп. 5, № 183, оп. 2, № 9, стр. 1—279; русский текст — ААН, р. II, т. 1, № 217, лл. 172—498, 614—617; р. IV, оп. 1, № 479, лл. 1—146; ЦГАДА, портф. Миллера, № 514, лл. 1—121; ЛОИИ, ф. Воронцовых, I, № 555, лл. 1—145.

⁷⁷ ААН, ф. 21, оп. 5, № 143.

⁷⁸ Протоколы Конференции, II, стр. 42, 47, 49, 50, 157, 159. Рукопись «*De scriptis tanguticis*» по описям ААН числится за «Азиатским музеем», ныне Институтом востоковедения, но там теперь не отыскивается; рукопись «*Vera interpretatio...*» хранится в том же институте под № 83. Об этих трудах Миллера см. у А. И. Вострикова «С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета» (Записки Института востоковедения Академии наук СССР, IV, 1935, стр. 65).

Нельзя не упомянуть, наконец, что в 1745 г. Миллеру было поручено Канцелярией рассмотрение рукописи перевода Абулгази, сделанного Тредиаковским.⁷⁹

В рапорте президенту Академии наук 17 марта 1747 г.⁸⁰ Миллер писал, что им приготовлены к печатанию шесть книг: кроме упомянутых выше «Истории Сибирской», «Географии Сибирской по провинциям, уездам и дистриктам» (ч. I), «Другой географии по рекам» (ч. I), «Описания сибирских народов» (ч. I) и «Описания о сибирских торгах», названо также «Описание сибирского путешествия» (ч. I); оно сохранилось только в русском переводе⁸¹ и впоследствии, как увидим далее, подверглось новой переработке.

Кроме шести книг, Миллер предполагал написать по крайней мере еще две: 1) «Описание нынешнего состояния Сибири, в котором объявить должно о всех статских и военных чинах, сколько где в службе обретаются и что жалования получают, и где сколько посадских людей и цеховых и разночинцов и крестьян и яшашных иноземцов и что с них в казну собирается всяких податей, и о прочих государственных доходах, канцелярских, ратушских и таможенных, и о исправлении оных» и 2) «Описание всяких в Сибири находящихся древностей».⁸²

Две последние работы в полном виде не были приготовлены, но в названной выше работе Миллера 1745 г. «*De scriptis antiquitatis in Sibiria reperitis*» он довольно подробно касается «древностей», которые находили в Западной Сибири в приобских и прииртышских степях. Той же теме значительно позднее, в 1764 г., он посвятил особую статью.

Вопрос об «Истории Сибири» встал снова только в августе 1746 г., когда, по предложению нового президента Академии наук, Канцелярия вынесла постановление, чтобы Миллер объявил, «каким из методов сибирскую историю сочинить намерен», и чтобы он «старался оную историю, как скорее можно, к концу привести».⁸³ В поданном 14 сентября рапорте на имя президента Миллер указывал, что о «методе», по которому он сочиняет Сибирскую историю, можно судить по первой книге; если же в чем-либо этот «метод» неправилен, то просит дать

⁷⁹ Материалы, VII, стр. 276; Пекарский, II, стр. 44, 45, 219. Выполнил ли Миллер поручение о просмотре перевода Абулгази, неизвестно.

⁸⁰ Материалы, VIII, стр. 404—406.

⁸¹ Рукопись этого перевода (черновик Голубцова с поправками Миллера) в ААН, ф. 21, оп. 5, № 164. На нее ссылается Пекарский при описании Камчатской экспедиции (по прежней нумерации рук. № 141); извлечения из этой рукописи приведены В. В. Радловым (ук. соч., стр. 87—91).

⁸² Материалы, VIII, стр. 211—212.

⁸³ Материалы, VIII, стр. 212—213.

указания; в черновике рапорта имеется далее зачеркнутое место: «а паче не начал ли я оную историю описать весьма пространно...». С целью успешного окончания работы Миллер просил дать ему трудолюбивого и знающего немецкий и русский языки помощника для сочинения реестра хронологического и алфавитного к рукописям, собранным в Сибири, а также немецкого копииста для переписки его трудов.

В 1746 г. Миллер пробовал, как уже отмечено выше, выступить со своим старым проектом 1744 г. о создании при Академии особого Исторического департамента для собирания источников русской истории и изучения их под руководством историографа, пребывающего вместе с подчиненным ему департаментом первые годы в Москве, в центре всех архивов. Проект был встречен в 1746 г. столь же неприязненно Канцелярией Академии в лице Шумахера, как и в 1744 г. Канцелярия добилась того, что вскоре после подачи этого проекта Миллеру не только не дали возможности собирать новые материалы по истории России и Сибири, о чем он говорит в своем проекте, но и привезенные им из путешествия приказано было сдать в архив Конференции. Возражения Миллера против этого распоряжения не имели никакого успеха, и в середине сентября 1746 г. сдача материалов произошла. Реестр всего сданного тогда в архив напечатан⁸⁴ и представляет наиболее полную опись всего, что в 1733—1742 гг. было отправлено Миллером и Гмелином в Сенат и в Академию наук. Этот реестр — ценный источник для восстановления фонда Камчатской экспедиции, подвергшегося позже своеобразному разбору. Тогда же, в 1746 г., была составлена сдаточная опись-сводка всего материала по разделам: рукописи самого Миллера, переписка, копиянные книги, рисунки и ландкарты.⁸⁵

В конце ноября 1746 г. состоялся указ президента Академии наук, подписанный им 17 декабря, о том, чтобы перевод «Истории», сделанный Голубцовым, отослать Миллеру, «дабы он российский перевод означенной книги сам высмотрел и, исправив, в такое состояние привел, чтобы оную можно было напечатать». Этот указ получен был Миллером 17 января 1747 г.⁸⁶

В январе же 1747 г. Миллер докладывал президенту, что он «упражняется» в исправлении русского перевода «Истории Сибири»; он продолжал эту работу еще в марте, причем, в объяснение медленности ее, писал: «мне столько ж при том трудов есть, как будто я оную Историю вновь перевожу». Только в начале июля 1747 г. Миллер сдал перевод в Канцелярию, которая постановила передать его на рассмотрение М. В. Ломоно-

⁸⁴ Материалы, VIII, стр. 194—212.

⁸⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 55—65 об., 96—99, 105—110 об. и 117.

⁸⁶ ААН, ф. 21, оп. 1, № 16, л. 12; Материалы, VIII, стр. 302, 331.

сову. Последний, видимо, внес в работу какие-то исправления, так как она снова была передана Миллеру, который 9 ноября того же года вернул в Канцелярию «Сибирскую историю, вновь поправленную», прося ее печатать, так как «в одной более поправлять ему нечего». Этот исправленный Миллером перевод был затем по постановлению Канцелярии передан Голубцову, «дабы он ее («Историю», — А. А.) свел с своим переводом и с подлинником согласил». Тогда же состоялось постановление о печатании «Истории» в количестве 600 экземпляров, в четвертку, причем в корректуре позволялось «переменять некоторые речи, которые разума не пременяют или перебору в полосах не причинят, а новых мнений или целых параграфов никоим образом не вписывать».⁸⁷

В связи с тем, что по новому контракту, заключенному Миллером с Академией в ноябре 1747 г., он обязался разрабатывать историю Сибири совместно с Фишером, текст труда Миллера был сообщен последнему. Фишер вскоре доставил в Канцелярию свои замечания на первую главу. Препровождая их в феврале 1748 г. Миллеру, Канцелярия предлагала ему иметь сношения с Фишером «обо всей Сибирской истории», в частности о распределении между ними работы. Отвечая Канцелярии, Миллер просил запросить Фишера о его занятиях по истории Сибири, так как на «партикулярное» письмо его Фишер ничего не ответил. Отношения между академиками были таковы, что рассчитывать на совместные их труды, как это показал опыт работы их в учрежденном в конце 1747 г. Историческом департаменте, было невозможно. Следует заметить, что в Исторический департамент был передан вновь архив Камчатской экспедиции, с сентября 1746 г. находившийся в архиве Конференции. По мысли, вероятно, того же Шумахера, в составе Академии наук было создано в марте еще одно учреждение — Историческое собрание, которому пришлось заняться улаживанием споров между обоими академиками; на него же было возложено рассмотрение всех сочинений Миллера о Сибири.

Деятельность обоих учреждений — Исторического департамента и Исторического собрания — остается не освещенной в трудах по истории Академии наук. П. П. Пекарский касается их мимоходом и в связи главным образом с отдельными моментами биографий Миллера и Фишера. В архиве АН пока не отысканы еще протоколы Исторического собрания за 1749 и следующие годы, найдены лишь отрывочные известия из протоколов 1749, 1751, 1753 и 1757 гг., а потому и об участии Собрания в рассмотрении текста глав 6—23, представленных Милле-

⁸⁷ Материалы, VIII, стр. 361, 405, 499, 594—595, 610—611; П. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 88.

ром позже, придется ограничиться лишь самыми краткими замечаниями.

Один из членов этого собрания, Фишер, как уже отмечено, еще в начале 1748 г. представил свои замечания на первую главу «Истории Сибири». Эти замечания поступили в апреле на рассмотрение Исторического собрания, и Миллер, с своей стороны, дал на них ответы. По поручению Собрания Фишер составил затем замечания на главы 2—5. В 1751—1752 гг., когда Собрание рассматривало главы 6—17, Фишер неизменно выступал со своими «примечаниями», которые в полном виде были найдены мною в Архиве АН. Ответы Миллера на «примечания» Фишера сохранились не все и относятся только к главам 1—5.⁸⁸

В течение 1748 г. в Историческом собрании оазбирались три труда Миллера: «История Сибири», главы 1—5, «О тангутских письменах», перевод К. Кондратовича, и «География Сибири». Сохранившиеся протоколы Исторического собрания за этот год сообщают некоторые подробности только в отношении «Истории Сибири». Обсуждение «примечаний» Фишера на «Историю Сибири» и ответов Миллера происходило 18, 20 и 22 апреля, 25 и 27 мая, 1, 3, 6 и 8 июня, 6, 13 и 28 июля и, наконец, 21 декабря. Но секретарь собрания В. К. Третьяковский составил подробный протокол о происходившем в Собрании обсуждении только в двух случаях, ограничившись краткой передачей других. По-видимому, наиболее оживленному обсуждению подвергся текст § 35 главы 2, где внимание Фишера и других привлекло следующее место: «Nur der Raub war nicht mit unter die Verbrechen gezählet, und wurd folglich nicht bestrafet. Die Cosaken sahen dieses Nahrungsmittel als ihren Beruf an, und glaubten so viel Recht zu fremden Gute, als zu dem Ihrigen zu haben». В. К. Третьяковский записал подробно суждения академиков в заседаниях 3 и 6 июня 1748 г. о личности Ермака, и эти суждения представляют большой интерес для характеристики людей, разбиравших исторический труд Миллера.⁸⁹ В результате Миллер опустил этот текст, восстановив его позже в немецком издании 1761 г. К маю 1748 г., когда началось это любопытное обсуждение, относится распоряжение Канцелярии о том, чтобы дела архива Исторического департамента, состоявшего исключительно из дел Камчатской экспедиции, были переданы в Историческое собрание; позже состоялось распоряжение о сдаче их

⁸⁸ ААН, р. I, оп. 81, № 8.

⁸⁹ Мнения академиков напечатаны в «Библиографических записках» (1861, №17, стр. 515—518). Протоколы Исторического собрания 1748 г. и другие материалы об отношениях Миллера с Фишером в 1748 г. — см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 802; ф. 21, оп. 1, № 18, лл. 86—121; № 20, лл. 29—30; ЧОИДР, 1866, кн. 3, смесь, стр. 15—16, 16—18 и 22;

в архив Конференции, что и было исполнено в сентябре 1748 г.,⁹⁰ несмотря на робкие протесты Миллера. Нельзя не согласиться с тем, что лишение Миллера всех архивных материалов и бумаг весьма затруднило его последующую работу.

Пока происходило обсуждение текста первой книги «Истории Сибири», перевод ее, отданный Голубцову для окончательного редактирования, оставался без движения. В мае 1748 г. Миллер сообщал Канцелярии, что «от переводчика Голубцова мало мне помочи в переводах, потому что он пьянствует беспрестанно». Поэтому был начат новый перевод «Истории Сибири». В июне переводчик Лебедев получил четыре главы «Истории Сибири»; перевод первой из них он представил в августе. Канцелярия постановила этот перевод послать «для освидетельствования к проф. Ломоносову: достоин ли тот перевод отдать для напечатания», с просьбой выполнить поручение «как наискорее». Но еще до получения ответа Ломоносова, а именно 10 августа, было вновь постановлено: «Профессора Миллера „Историю Сибирскую“ немедленно печатать на русском языке, как Роллена».⁹¹ В новом постановлении был увеличен тираж и книга должна была появиться на лучшей бумаге. 12 августа был получен ответ Ломоносова, что в присланной ему «первой книге... переведенной с немецкого на русский язык переводчиком Василием Лебедевым», он нашел лишь «малые погрешности, которые больше в чистоте штиля состоят», и высказался за печатание.⁹² На основании этого отзыва Канцелярия подтвердила свое прежнее постановление и дала предписание типографии о печатании. Лебедев перевел также: §§ 1—64 главы 2; все остальные параграфы этой главы, а также главы 3 и 4 переведены Голубцовым, причем последний внес кое-какие исправления и в перевод глав 1 и 2. Когда позже было решено присоединить к первой книге главу 5, то она была переведена тем же Голубцовым, но его перевод исправлен Модерахом.⁹³

⁹⁰ Опись, по которой Миллер сдавал дела Камчатской экспедиции в мае 1748 г., см. в ААН, ф. 3, оп. 1, № 802. Впрочем, архив Камчатской экспедиции, по-видимому, вновь был передан в том же 1748 г. или в начале 1749 г. в Исторический департамент (если судить по переписке марта—апреля 1749 г. о переплете «Сибирских описаний и прочих дел, находящихся в Историческом архиве», который состоял при Историческом департаменте). Материалы, IX, стр. 702—703, 729.

⁹¹ Т. е. по образцу известного издания Академии: Роллен. История древняя о египтянах, карфагенянах... Перев. с франц. В. Тредиаковского, 10 частей с картами, 1749—1762.

⁹² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. IX, М.—Л., 1955, стр. 620.

⁹³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 94—102; ф. 21, оп. 5, № 156, лл. 1—192 — почерк Лебедева, лл. 193—323 и 1—40 — почерк Голубцова.

К этому же времени относится одно предложение Миллера, не одобренное Канцелярией, вероятно потому, что в случае принятия его с трудом продвигавшееся дело издания «Истории Сибири» могло бы затянуться на очень долгое время. 11 июня 1748 г. Миллер заготовил представление, по счету второе, о необходимости принять меры к снятию копий с рукописей В. Н. Татищева. Миллер выражал готовность поехать для этого лично в Москву, «притом я мог и другие нужные дела для пополнения Сибирской истории там отправлять, потому что я еще на Москве не был, а в Сибирском приказе надлежит архиву пересмотреть и из оной надлежащие до Сибирской истории документы отдать списывать. Пока сие не делается, то Сибирская история будет неполна...». Если отправление его самого встретит затруднения, Миллер предлагал послать в Москву Фишера. На черновике его же рукою написано: «сие доношение не принято», а в «доношении», поданном на следующий день, ничего не говорится об изучении архива Сибирского приказа.⁹⁴ Канцелярия не приняла мер и к выполнению предложения об охране бумаг В. Н. Татищева, среди которых было немало материалов по истории Сибири; как известно, большое собрание их погибло во время пожара, бывшего в имени Татищева вскоре после его смерти в 1750 г.

В октябре 1748 г. в Канцелярии было заслушано представление корректора Барсова о том, что Миллер «корректуру книги поправляет неоднократно и у себя удерживает, и тем течение должит», между тем книгу «велено ... как наискорее печатать»; на основании этого Канцелярия постановила: «оной книги корректуру править переводчику Голубцову, а ... Миллера, за недовольностию русского языка, от того отменить», о чем ему был послан указ.⁹⁵ Это распоряжение дало Миллеру повод написать на следующий день длинное письмо на французском языке Г. Н. Теплову, подписавшему указ. Не получая ответа на это письмо, Миллер снова писал по поводу указа об отстранении его от правки корректуры, спрашивая, остается ли в силе указ, неудобства которого обнаружили ярко в том эпизоде, который приводится в письме: 21 ноября в его руки случайно попала корректура его «Истории», в которую Барсов и Голубцов внесли уже исправления; Миллер нашел в ней такие грубые ошибки, которые во многих местах совершенно искажали текст.⁹⁶ Указ не был, по-видимому, отменен, но, как можно заключить из его донесения в декабре того же 1748 г., Миллер получил

⁹⁴ ААН, ф. 21, оп. 1, № 18, лл. 14—15.

⁹⁵ Материаль, IX, стр. 460, 480; ААН, ф. 21, оп. 1, № 18, л. 20.

⁹⁶ ААН, ф. 21, оп. 1, № 20, лл. 124—126; № 18, лл. 21—23, 24—25 об.

в дальнейшем возможность принимать участие в правке корректур.⁹⁷

В донесении в Канцелярию 3 мая 1749 г. Миллер сообщал, что печатание первого тома «Истории Сибири» подходит к концу: было напечатано уже четыре главы — 38 листов и набран лист 39-й и осталось только «прибавить предисловие и две небольшие летописи сибирские, на которые я в Истории часто ссылаюсь»; ввиду того, что Канцелярия «не позволяет помянутые летописи напечатать, для того, что ничего без апробации его графского сиятельства... президента печатать не велено», Миллер просил послать прилагаемые летописи в Москву, где в то время находился президент.

В соответствии с мнением Шумахера в июне 1749 г. состоялся указ Главной конторы Академии наук в Москве и на основании его — Петербургской конторы Академии наук, по которым вместо составленного Миллером предисловия было приказано напечатать другое, сочиненное Шумахером и одобренное в Москве Тепловым и вслед за ним президентом; печатание же летописей было найдено излишним и даже вредным; обо всем этом Миллер был уведомлен 14 июня, а новое предисловие в тот же день направлено в типографию.⁹⁸

Получив указ с определением о предисловии и летописях, Миллер на следующий день вошел с предложением о присоединении к первому тому еще двух глав, уже «освидетельствованных» в Историческом собрании и переведенных на русский язык. Но в ответ на это последовал указ о посылке к адъютанту Карлу Модераху немецкого и русского текстов одной только главы 5 для сверки и исправления перевода ее, сделанного Голубцовым. В июле Миллер представил в Канцелярию главу 5, исправленную Модерахом, сообщая, что глава 6 хотя переведена, но еще не исправлена.⁹⁹ Надо думать, что перевод главы 5 был затем направлен в типографию, которая закончила печатание всей первой книги только в конце мая следующего, 1750 г., употребив, таким образом, на печатание листов 39—63^{1/4} почти год. В середине мая 1750 г. печатался еще «виньет Сибирского царства», исполненный мастером Иваном Соколовым по рисунку академика Штелина, который был заказан ему 14 марта 1750 г.

К сожалению, не удалось найти материалов о печатании последних 25 листов «Истории Сибири». Ввиду этого остается не-

⁹⁷ Материалы, IX, стр. 627.

⁹⁸ Материалы, IX, стр. 748—752; X, стр. 9—10, 17—20; ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 103—110 об.; № 819 — дело «мая 14, 1749 г. По репорту из СПб. Канцелярии Академии наук о апробации летописей Толбольшой и Сибирской и притом сочиненное Миллером предисловие при-
слано», лл. 90—107; Пекарский, I, стр. 53, 351—355.

⁹⁹ Материалы, X, стр. 22—23, 29, 40.

выясненным происхождение «дедикации», которая предшествует предисловию печатного текста. Она не имеет ничего общего, однако, с «дедикацией», которая была в рукописи, поданной Миллером в 1743 г. в Кабинет, и от которой он «много себе добра надеялся». Миллер склонен был винить в этой замене одной «дедикации» другою Шумахера.¹⁰⁰

Оригиналы титульного листа были написаны рукою Миллера, и один из двух гласил следующее: «Сибирская история | представляющая | верное описание | всех, в пространном оном царстве произходивших дел |, с начала онаго, как еще | разными язгческими народами обладаемо было, а наипаче от времени благополучнаго первых Сибирских стран | Российской империи покорения по сии времена | Сочинена (далее другим почерком, — А. А.) Герардом Фридрихом Миллером, императорским историографом, университета ректором, Академии наук профессором и членом, также и членом королевского Лондонского общества. (Далее вновь рукою Миллера, — А. А.). Книга первая». Как известно, на титуле русского издания 1750 г. стоит нечто другое, а именно: «Описание Сибирского царства | и всех | произшедших в нем дел | от начала, | а особливо от покорения его | Российской державе | по сии времена, | сочинено | Герардом Фридериком Миллером, | Историографом и Профессором Университета | Академии наук | и Социетета | Аглинского члена | Книга первая». Этот последний титул сочинен, вероятно, Шумахером, и Миллер не принимал в этом деле участия, а в 1751 г. по поводу этого титула вполне резонно заметил, что отсутствие в томе географии Сибирской едва ли оправдывает заглавие книги «Описание Сибирского царства». Вместо обоих названий труда Миллер в своих рукописях 1743 г. называл его кратко: «Sibirische Geschichte», а в экземпляре, который, кажется, был подносным: «Geschichte von Sibirien»; в издании 1761 г. Миллер вернулся к первому названию. Впрочем, «История Сибирская» вместо «Описание Сибирского царства» стоит в колоннитулах того же издания 1750 г.; ясно, что название труда «Описание Сибирского царства» появилось уже тогда, когда весь труд был отпечатан, и, несомненно, принадлежит Шумахеру, составителю предисловия, в котором оба названия употребляются одновременно.

Краткая хронологическая роспись «Сибирской истории», помещенная в конце книги, встречается в рукописях Миллера и составлена им. Но «реестр» алфавитный, вероятно, сочинен переводчиком Голубцовым под наблюдением Миллера, как о том

¹⁰⁰ ААН, ф. 21, оп. 1, № 20, л. 82 об.; ср. лл. 29—36 (пункт 9). «Дедикация» Миллера в рукописях того же архива — ААН, ф. 21, оп. 5, № № 11 и 54.

можно судить по типографскому оригиналу, в котором этот реестр весь писан Голубцовым, но имеет поправки Миллера. К книге не приложено карт и нет сведений о том, что вопрос о них поднимался. Впрочем, надо заметить, что в последний год печатания Миллер принимал слабое участие в этом деле, будучи отвлечен теми событиями, которые разыгрались в Академии в связи с его диссертацией о происхождении российского народа; они сильно повлияли на Миллера, и в конце 1749 г. он серьезно заболел.

В марте 1749 г. Шумахер послал книгу Миллера в отпечатанных листах В. Н. Татищеву, вероятно в надежде получить о ней неблагоприятный отзыв. Когда об отзыве стал просить Татищев также Г. Н. Теплов, Василий Никитич ответил особой работой, озаглавленной им «На Сибирскую историю примечание». Эта работа представляет несомненный интерес как первая научная оценка труда Миллера человеком, наиболее компетентным в те годы в вопросах истории России и не связанным с Миллером какими-либо личными отношениями. В письме Шумахеру 30 марта 1749 г. В. Н. Татищев писал о труде Миллера: «С великим моим удовольствием присланное от вас начало Сибирской истории прочитал и с благодарением возвращаю. Сие есть начало русских участных историй, и нельзя инаго сказать, как хваления и благодарения достойная в ней. Сколько труда, столько смысла сочинителя, а наипаче образец впрдъ пожелающим о других пределах сочинять, чрез что слава, честь и польза России преумножится. И хотя в ней есть нечто поправления и дополнения требующие и может достаточнее сочинена быть, однако ж ее достоинство хвалы тем не умалится, и недостатки ни к какому пороку сочинителю причтены быть не могут, ибо никто требовать по справедливости того не может, чтоб он все потребные к тому в архивах и историях, в разных руках находящихся, знать мог и во мнении не погрешил. А наипаче, что у нас такие истории все токмо письменные, и без росписей алфавитических то невозможно потребного сыскать, разве все самому читать, что весьма неудобно...»¹⁰¹ Составленные Татищевым примечания были пересланы Миллеру, и на них он составил свой ответ.¹⁰² Впрочем, отзыв В. Н. Татищева остался известен

¹⁰¹ Опубликовано А. И. Андреевым, см. Исторический архив, VI, 1951, стр. 285. — Прим. ред.

¹⁰² ААН, ф. 1, оп. 3, № 37, лл. 308—309 об. (копия); ф. 3, оп. 1, № 131, лл. 241—243; Материалы, X, стр. 52. Примечания Татищева с ответами Миллера хранятся в ЦГАДА, портф. Миллера, № 150, ч. IV, тетр. 26 и в ААН, ф. 21, оп. 5, № 11; ф. 3, оп. 1, № 817. Н. А. Попов в своей статье «Ученые и литературные труды В. Н. Татищева» (Записки Академии наук, т. LV, 1887, прил. № 4, стр. 61) приводит другой отзыв Татищева о Сибирской истории Миллера, но это мнение историка относится не к Миллеру, а к автору другого труда, полученного Татище-

только немногим лицам, как раз тем, которые более всего занимались распространением других мнений о труде Миллера.

В академических кругах широко распространялось мнение, что разработка «Сибирской истории» идет совершенно неправильно, что Миллеру с этим делом не справиться, что составление второго тома «Сибирской истории» надо поручить академику Штрубе де Пирмону и т. д.¹⁰³

Вопрос о продолжении «Сибирской истории» был поставлен, как уже сказано, еще до выхода первого тома и особенно обострился после появления его в свет и принятия Историческим собранием в заседании 2 мая 1750 г., без ведома Канцелярии, постановления о печатании исследования Миллера о сибирских надписях. По поводу этих событий велась оживленная и беспокойная переписка, одним из важных моментов которой было постановление Канцелярии 19 июня 1750 г., где находим такое место: «а понеже усмотрено, что в первом томе Истории Сибирской, которой уже напечатан, большая часть книги не что иное, как только копии с дел канцелярских, а инако бы книга надлежащей величины не имела, то через сие накрепко запрещается, чтоб никаких копий в следующие томы не вносить, а когда нужно упомянуть грамоту или выписку, то на стороне цитировать, что она действительно в академической архиве хранится. Вам же (Миллеру, — А. А.) продолжение истории подавать на немецком языке прямо в Канцелярию, когда что сочинено будет, а до переводов русских дела никакова не иметь, и стараться о переводах в Канцелярии».¹⁰⁴

Вокруг труда Миллера и вопроса об условиях, необходимых для успешного продолжения им работ по истории, географии и этнографии Сибири, создались в Академии наук 1750 г. очень обостренные отношения, которые нашли свое отражение в указе президента от 6 октября 1750 г. о переводе Миллера из профессоров в адъюнкты.¹⁰⁵ В положении адъюнкта Миллер оставался до февраля 1751 г., когда звание профессора было ему возвращено.

Извещение о восстановлении его было получено Миллером 25 февраля 1751 г., причем в письме об этом Шумахер, между прочим, писал: «при том приказано (президентом, — А. А.) от всех дел вас уволить, а оставить только при одном сочине-

вым от Шумахера в 1749 г. (именно к труду Роллена); об этих двух трудах см. также письмо Татищева к Теплому 28 апреля 1749 г. — ААН, ф. 3, оп. 1, № 819, л. 121.

¹⁰³ Пекарский, I, стр. 680 (из письма Шумахера к Теплому от 17 июня 1749 г.).

¹⁰⁴ Материалы, X, стр. 443; ААН, ф. 21, оп. 1, № 20, лл. 4—5.

¹⁰⁵ Материалы, X, стр. 581—586; Протоколы Конференции, II, стр. 244.

нии Сибирской истории, чтоб оную, как наискорее, к совершенному окончанию привести».¹⁰⁶

Ввиду отмеченных обстоятельств в работе над «Историей Сибири» был несомненный перерыв, так как вслед за шестой главой, поданной Миллером еще в 1748 г., следующая, седьмая, была сдана им только 17 июля 1750 г., восьмая была представлена 11 августа, девятая — 12 сентября, а десятой главой, над которой он работал в сентябре 1750 г., Миллер предполагал закончить второй том.¹⁰⁷ В январе 1751 г. Миллер взял, однако, главы 7—9 обратно для внесения в них исправлений.

Получив отмеченное выше письмо Шумахера от 25 февраля, Миллер в том же феврале 1751 г. обратился к президенту с пространним донесением, в котором просил: 1) «чтобы второй том еще в бытность президента здесь отдан был в печать». Так как Канцелярия запретила печатать впредь архивные документы, Миллер предлагал дополнить том «некоторыми географическими описаниями Сибири, пока оной второй том величиною будет против первого; от того сия польза произойдет, что география соединится с историею, и содержание книг с титулом „Описание Сибирского царства“ больше сходства иметь будет»; 2) чтобы дано было распоряжение Канцелярии об оказании ему всякого содействия в работе, «а особливо, чтобы переводы учинились под моим смотрением» и чтобы при нем безотлучно находились, кроме того, один русский и один немецкий копиист; 3) чтобы была назначена комиссия из 3—4 профессоров, например Штрубе, Тредиаковского, Фишера и Брауна, «которые бы то, что для продолжения Сибирской истории я сочинил и впредь сочинять буду, при мне читали, и что им покажется поправления достойного, то я поправлю, а что они со мной апробуют, оное бы от Канцелярии напечатано было». Ответом на эти пожелания явилось постановление Канцелярии 5 марта, подписанное президентом и состоявшее в следующем: второй том «Сибирской истории» печатать немедленно, «однакож прежде прочесть его в Историческом собрании, которое, ежели то также за полезно опробует, и печатать велеть». Далее, Канцелярия соглашалась с пунктом 2 предложения Миллера. На третий пункт его пожеланий последовало также согласие: «не токмо три или четыре человека для чтения его сочинений из господ профессоров, но и все Историческое собрание к тому определяется, и ежели что оному покажется поправления достойного, то исправить, и что опробуется, то взнестъ в Канцелярию от того с репортом, тогда оное и в печать издавать».¹⁰⁸

¹⁰⁶ ААН, ф. 21, оп. 1, № 20, л. 115—115 об.

¹⁰⁷ ААН, ф. 21, оп. 1, № 20, лл. 47—51 об.; ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 123—129; Материалы, X, стр. 484—485, 489, 524—526.

¹⁰⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 132—135; № 461, лл. 135—136 об.

Изложенное постановление, составленное в тоне, отражающем готовность идти навстречу Миллеру, несомненно, составляет важный момент в истории его последующей работы над текстом «Истории Сибири». В конце марта, вероятно по соглашению с Миллером, был назначен переводчиком главы 6 и следующих «Истории Сибири» все тот же Голубцов, а копиистами Унгебауер и Барков, «которым писать не у него, профессора, в доме, но при Академии под смотрением архивариуса Стафенгагена». Этот указ был изменен по требованию Миллера в том смысле, что переводчик и копиист работали под его смотрением, и он же рапортовал об их работе.

Аккуратности Стафенгагена, исполнявшего обязанности секретаря Исторического собрания, мы в значительной степени обязаны сведениями о том, как шло последующее обсуждение «Истории Сибири». На заседании 22 мая 1751 г., на котором присутствовали Миллер, Штрубе, Третьяковский, Фишер, Браун и Крашенинников, началось чтение «Истории Сибири». Ввиду того, что переводчик Голубцов находился «в несостоянии», перевод главы 6 был поручен 5 мая корректору Барсову для выполнения его «в шебашные и праздничные дни», а проверка его работы возложена на Модераха, который 17 мая получил перевод этой главы, а 23 мая вернул в Канцелярию оригинал и перевод. Обсуждение главы было закончено 26 июня, когда Историческое собрание приняло постановление, известное только в выписке из протокола, представленной секретарем собрания в Канцелярию 28 июня. Как велось обсуждение, из выписки не видно, но ясно, что уже при обсуждении этой первой главы второго тома автору ставилось в упрек, что он наполнил свою «Историю» «мелочами».¹⁰⁹ Главные порицатели находились по-прежнему в Канцелярии, которая не могла не выступить против постановления собрания, предоставившего автору право по-прежнему говорить об этих «мелочах». Решено было использовать в целях борьбы с «мелочами» недруга Миллера Ломоносова, не посещавшего заседания Исторического собрания, по его словам, из опасения, «чтобы обыкновенных его (Миллера, — А. А.) досадительных речей не претерпеть напрасно и, беспокоясь принятою от того досадою, в других... делах не иметь остановки». Канцелярия пошла навстречу просьбе Ломоносова «об увольнении от исторических собраний и о разрешении сочинения профессора Миллера читать на дому и с примечаниями отсылать в помянутое собрание на рассуждение». Хотя утвердительный ответ на эту просьбу последовал только 10 ноября 1751 г., но уже через несколько дней после подачи Ломоносовым его прошения (23 сентября) Канцелярия направила ему

¹⁰⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 829.

на отзыв главы 6 и 7 перевода «Истории Сибири». Рукопись перевода с замечаниями Ломоносова находится в Архиве АН;¹¹⁰ одно из этих замечаний, в конце § 29 главы 6 (л. 18), где речь идет о пушкаре Ворошилке, писанное карандашом, а затем стертое, прочитано Л. Б. Модзалевским; Ломоносов пишет: «много Миллеров надобно и тысячи лет, чтобы все мелочи описать». В присланном 31 октября в Канцелярию собственноручном отзыве Ломоносов, отмечая «непристойности», замеченные им в главах 6 и 7, на первом месте среди многих «вещей, в печати недостойных», ставит этот рассказ «о пушкаре, называемом Ворошилке, который был послан для пробования росола, и о его худых поступках»; Ломоносов считает рассказ об этом «излишним», «ибо по сему примеру всех в Сибири бывших подлых бездельников описывать было бы должно, что весьма неприлично, когда сочинитель довольно других значных дел и приключений иметь может, каково есть посольство от блаженные памяти великого государя царя Михаила Федоровича к Золотому царю». Не менее примечательны и другие замечания Ломоносова, как будущего русского историка: он признает «излишними» рассказы Миллера о строении церквей, особенно когда эти церкви сгорели, и обращает внимание на «термины» Миллера, считая их «неосторожными», «как то написано, в главе 7 § 8, что будто для лутчего украшения города две церкви построены, ибо церкви строятся для приношения словословия божия и молитвы». Такую же «неосторожность» в выражениях видел Ломоносов, например, в § 23 той же главы, где Миллер говорит о «праздности всероссийского престола» вместо «междуправствования». Заклучая свой отзыв, Ломоносов считал необходимым вернуть главы 6 и 7 «сочинителю для исправления, чтобы вышеупомянутые излишества и им подобные другие выкинул, ибо первой том „Сибирской истории“ для таких мелочей подвержен был немалой критике и роптанию». Выполнив это задание Канцелярии, Ломоносов в дальнейшем не принимал участия в обсуждении «Истории», хотя все главы ее аккуратно посылались ему на дом для просмотра.

Получив отзыв Ломоносова, Канцелярия препроводила его в Историческое собрание. Но никакого нового обсуждения, в сущности, не было, так как еще до этого Миллер внес в перевод исправления тех «непристойностей», которые заметил Ломоносов, а эпизод с Ворошилкой совсем выкинул из рассказа, но не коснулся того, что, по его мнению, зависело от переводчика, а не от автора. В таком измененном виде главы 6 и 7 были вторично приняты собранием в особом постановлении; в соответствии с требованием Канцелярии это постановление

¹¹⁰ ААН, ф. 21, оп. 5, № 12, лл. 1—45.

было подписано всеми членами Исторического собрания, чего обычно не делалось, и 12 декабря было доставлено в Канцелярию.¹¹¹

В архивных материалах имеются сведения о том, когда были одобрены Историческим собранием следующие главы (8—17),¹¹² подробности обсуждения которых остаются нам неизвестны ввиду утраты протоколов Исторического собрания за 1751—1752 гг.

Обсуждение этих глав велось по немецкому тексту, который заседавшим сообщался за две недели и раньше до заседания, и одновременно производились переводы этого текста.

Корректор Барсов, видимо, перевел только шестую главу, а все следующие главы (7—17) переводились Голубцовым под наблюдением Модераха; ввиду болезни Голубцова перевод главы 18 и следующих был поручен Модераху. Когда в конце 1751 г. был получен из Кабинета ордер о присылке из труда Миллера тех глав, где говорится о зюнгарах, или калмыках, живущих вблизи Колывано-Воскресенских заводов, и когда были сняты копии с глав 15 и 16, в которых идет о том речь, Миллер решительно отказался заверить перевод этих глав ввиду плохого его качества, и последний пришлось послать за скрепою только Модераха и Голубцова, переведивших эти главы.¹¹³ Кроме переводов глав 15 и 16, из прочих переводов 1751—1752 гг. сохранились полностью до нашего времени лишь переводы глав 6 и 7,¹¹⁴ все остальное нужно считать утерянным.

20 декабря 1751 г. состоялось постановление Канцелярии: «оной Сибирской истории [главы 6—10] печатать против первого тома ... 1325 экз.».¹¹⁵ Но ни в этом году, ни позже типография не приступала к его печатанию.¹¹⁶ В обсуждении же

¹¹¹ П. Билярский, ук. соч., стр. 155—156, 159—160; ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 156—160, № 461, протокол 323 (1751 г., декабря 30). Отзыв Ломоносова с примечаниями к нему А. И. Андреева и В. Р. Свириной опубликован: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI. М.—Л., 1952, стр. 81—84 (текст), стр. 559—562 (примечания). — Прим. ред.

¹¹² Глава 8—1751 г. сентября 11, гл. 9—10 — октября 23, гл. 11 — декабря 4, гл. 12 — 1752 г., января 30, гл. 13 — марта 12, гл. 14 — мая 15, гл. 15 — июня 18, гл. 16 — августа 20 и гл. 17 — сентября 17 (ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 161, 163, 166, 170, 171, 174, 175, 177).

¹¹³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 159, лл. 330 и сл. Перевод глав 15 и 16 хранится в ЦГАДА, фонды 6. Московского главного архива Министерства иностранных дел, среди зюнгарских или контайшинских дел 1752 г., № 8.

¹¹⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 164, 172—173 об.; № 131, л. 282; ф. 21, оп. 1, № 22, л. 1; ф. 21, оп. 5, №№ 12 и 13. Сохранившийся перевод гл. 9 и 10 относится к другому времени.

¹¹⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 168, 169; № 461, л. 473. Ср. рапорт переводчика прапорщика Россохина от февраля 1753 г. — ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 254.

¹¹⁶ Там же, лл. 53—55.

труда Миллера в Историческом собрании с сентября 1752 г. наступил перерыв.¹¹⁷ Что же послужило причиной приостановки этого дела?

Как известно, именно к этому времени, к осени 1752 г., относится появление в Петербурге вышедшей в Геттингене книги участника Камчатской экспедиции бывшего академика Гмелина, покинувшего Академию в 1747 г. из-за многих недовольств его против академического советника Шумахера и действовавших с ним солидарно президента К. Г. Разумовского и Г. Н. Теплова. Здесь не место говорить о труде Гмелина «Reise durch Sibiriën», являющемся до сих пор наиболее подробным описанием того, что было сделано Миллером и Гмелином за время их десятилетнего пребывания в Сибири. К сожалению, эта работа остается не переведенной на русский язык. О труде Гмелина много говорили в соответствующих кругах Петербурга,¹¹⁸ с которыми приходилось Академии считаться, а потому руководящие лица ее приняли сначала решение выступить с возражением Гмелину, а затем, когда ввиду нежелания Миллера и Ломоносова писать опровержения от этого пришлось отказаться, решено было, в противовес описанию Камчатской экспедиции, сделанному Гмелином, выпустить свое, написанное по тому плану, который признавался правильным Канцелярией Академии наук в лице Шумахера и Теплова.¹¹⁹

Как видно из отрывка одного рапорта Миллера в Канцелярию, уже в октябре 1752 г. он принужден был согласиться на срочное окончание работы по составлению истории Камчатской экспедиции, представленной, как отмечено выше, еще в 1743 г. и тогда же переведенной на русский язык Голубцовым, но не оконченной. Миллер поставил условие, чтобы и Фишер сдал свои материалы и отчет по экспедиции, которых он еще не представил. Может получиться впечатление, что работа по составлению истории путешествия казалась Миллеру несовместимой с обработкой истории Сибири. Не зная всех подробностей дела, с некоторым удивлением читаешь то донесение Миллера в Канцелярию от 14 декабря 1752 г., где он, отмечая, что «восприятное (им, — А. А.) российской и сибирской истории и географии сочинение есть такое многотрудное и пространное дело, которого одному человеку без вспоможения других во всю свою жизнь совершить не можно», предлагал привлечь к сочинению «Сибирской истории» проф. Фишера, обязанного помогать ему, Миллеру, но чего он, Фишер, до сих пор не делал. В случае принятия его предложения Миллер готов был пере-

¹¹⁷ Там же, л. 49; протокольные бумаги за 1753 г., декабрь.

¹¹⁸ Пекарский, I, стр. 452.

¹¹⁹ Переписку об этом см. в ААН, ф. 21, оп. 1, № 22, лл. 3—13; Пекарский, I, стр. 366; П. Билярский, ук. соч., стр. 179—180.

дать Фишеру сочиненную им историю Сибири со всеми материалами для того, чтобы он сократил слишком пространный текст, а потом «таким же образом всю до наших времен историю продолжал». Все остальное, касающееся Сибири, а именно: политическую географию, «потамогеографию», описание путешествия и описание древностей, представленные в Академию уже в первых томах, Миллер оставлял за собой. Ввиду возвращения в 1752 г. из Кабинета карт Сибири, которые были составлены Миллером в 1745—1746 гг. и с тех пор лежали в Кабинете, Миллер выражал намерение привести их к окончанию, а также заняться работой по исправлению Российского атласа, изданного в 1745 г., в котором он тогда же нашел много погрешностей. В связи с этим он готов был взять на себя также обстоятельное географическое описание всего Российского государства для будущего нового атласа. В случае, если его предложения встретят благоприятное отношение, Миллер собирался представить подробный план географических работ.

Этот новый план работ Миллера встретил со стороны Канцелярии, если судить по тону ее постановления, не особенно благоприятное отношение. Но в ее журнале за 31 декабря 1752 г. записано решение о передаче Фишеру Сибирской истории для сокращения, а Миллеру «велеть к уреченному времени» закончить описание сибирского путешествия.¹²⁰ 16 февраля 1753 г. Канцелярия вынесла новое определение, в котором дала подробный план описания Камчатского путешествия. Этот план через два дня был сообщен Миллеру, а ряду лиц были посланы в тот же день ордера об оказании ему содействия в исполнении возложенного срочного поручения. В ответ на ордер Канцелярии Миллер представил 27 февраля 23 главы «Истории Сибири», «по которым как господин Фишер сокращение сделает, то следовать имеет продолжение оной же истории по архивным спискам, находящимся при Конференции». Одновременно Миллер сообщал, что «путешественное описание» лишь «мало не доделано, токмо не все переписано набело, а что переписано, то находится у переводчика Голубцова», и просил уведомить, «ежели надлежит из оного описания что выключить или ко оному что прибавить».

Надо думать, что Миллер представил тот текст, который был готов уже в 1743 г. Последняя, 14-я, глава в переработанном виде была представлена в сентябре 1753 г. в Канцелярию, которая распорядилась передать ее для апробации в Историческое собрание, причем Канцелярия, предлагая все последующие главы вносить прямо в Собрание, не преминула указать автору и Собранию, чего избегать в описании путешествия и

¹²⁰ См. ниже, прим. 122.

что, наоборот, необходимо вносить. О прохождении этого труда через Историческое собрание и вообще о дальнейшей судьбе этой работы Миллера сведений не отыскано. Весь текст описания путешествия в этой второй редакции сохранился в рукописях,¹²¹ но никогда не был издан, несмотря на то что этой работе Миллера придавали тогда большое значение. Чем объясняется такой конец дела, установить не удалось.¹²²

Переход Миллера к занятиям географией, которым он посвятил в следующие годы большое внимание, требует объяснения. В самом деле, чем вызвано изменение интересов Миллера, если так понимать его отказ от дальнейшей работы по сочинению истории Сибири и передачу всех своих работ в этой области в руки человека, о котором как историке он едва ли имел высокое суждение? Правда, Фишер являлся, пожалуй, единственным серьезным критиком «Истории Сибири» Миллера, когда она обсуждалась в Историческом собрании, но сам-то Миллер не изменил после этого своего отношения к Фишеру и все же выдвинул его в свои преемники по работе. Я думаю, что отказ Миллера от продолжения работ по истории Сибири не был добровольным. Все последующие факты, особенно того времени, когда (с 1755 г.) Миллер стал редактором «Ежемесячных сочинений» и напечатал там и в возобновленных с 1758 г. «*Sammlung Russischer Geschichte*» многие свои работы о Сибири и затем текст глав 1—10 «Истории Сибири», не оставляют сомнений, что, лишь уступая давлению всесильной Канцелярии Академии наук, Миллер подал заявление от 14 декабря 1752 г.; он, видимо, выполнил не совсем то, чего от него добивались, за что и получил в ответ нелестную для себя характеристику.

Поручение Фишеру дать сокращенную Сибирскую историю, как известно, было выполнено им только в 1757 г. Но прошло еще почти десять лет, прежде чем она стала предметом обсуждения в заседании Конференции Академии.¹²³ Экземпляр труда

¹²¹ ЦГАДА, портф. Миллера, №№ 517, 518, 519, 526; ААН, ф. 21, оп. 5, № 63 (черновой русский текст рукою Голубцова, гл. 1—6 и 14, последняя без конца). Содержание 14 глав и извлечения из них см. В. В. Радлов, ук. соч., стр. 91—101 (в основном по рукописи портф. № 526, 1).

¹²² ААН, ф. 3, оп. 1, № 120, лл. 178—193; ф. 21, оп. 1, № 23, лл. 1, 2, 11, 42, 43, 48, 49; Пекарский, I, стр. 366—368.

¹²³ *Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Lands durch die russische Waffen. In den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen, und mit Genehmigung desselben ans Licht gestellt ...* Как отмечено в заглавии, «*Sibirische Geschichte*» действительно была читана Фишером в заседаниях Конференции 1766—1768 гг. (Протоколы Конференции, II, стр. 581—582, 587—595, 600, 602—606, 608, 617—618, 620—621, 624, 626, 629, 631, 635, 648 (11 августа 1768 г. — печатание окончено, чтение и обсуждение предисловия), 649 (18 августа — чтение предисловия, измененного по указаниям дирек-

Фишера был послан в 1769 г. Миллеру,¹²⁴ и то место предисловия, где Фишер излагал причины передачи ему работы по сокращению «Истории Сибири», насколько известно, не вызвало у Миллера замечаний.¹²⁵ Надо полагать, что Фишер передал правильно обстоятельства дела, и тогда отказ Миллера (правда, временный) от работы по истории Сибири, в соответствии с теми требованиями и замечаниями, которые раздавались уже по выходе первого тома, а также во время обсуждения второго,¹²⁶ становится вполне понятным. Имея в виду подобные суждения, Миллер писал в 1761 г.: «Если эту Историю станут упрекать за то, что она слишком подробна и часто касается мелочей, от которых нет никакой пользы, то ведь в этом отношении она вполне сходна с подобными же историями отдельных областей и городов. Для русского и особенно для сибиряка не легко установить, что же здесь является излишним, а для них-то и предназначена работа. В извлечении из этой Истории, которое несколько лет тому назад было задумано сделать, вероятно, будет опущено кое-что, являющееся незначительным, но что, однако, может быть полезно при описании данной области для ее истории, ее экономики или, наконец, ее обычаев. Ввиду этого я признал полезным оставить свой труд в том виде, как я написал его вначале, и намерен и в будущем продолжать его в том же духе».¹²⁷

25 января 1753 г. Коллегия иностранных дел при особом отношении препроводила в Академию наук реляцию русского посла в Вене графа Г. Кейзерлинга, в которой последний сообщил о выходе в Париже в сентябре 1752 г. книги И. Н. Делиля с приложением карты.¹²⁸ Работа Делиля — его доклад в Французской Академии наук 8 апреля 1750 г. о последних английских попытках (Артура Доббса и капитана Миддлтона) найти северо-западный проход из Атлантического океана в Тихий и об экспедиции адмирала Варфоломея де Фонте, который

тора). Русский перевод, выполненный престарелым переводчиком В. И. Лебедевым, был готов уже в 1768 г., но его пришлось исправлять А. В. Поленову (ААН, ф. 3, оп. 1, № 539, л. 327 и об.), и перевод появился только в конце 1774 г., когда в связи с уходом директора Академии В. Г. Орлова решено было опустить предисловие к «Сибирской истории», в которой Фишер много говорит о заслугах последнего; не были напечатаны также указатели, без которых, однако, трудно пользоваться томом в 631 стр.

¹²⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 319, лл. 234—235.

¹²⁵ Ср. далее его отзыв об этой работе Фишера.

¹²⁶ Ср. выше отзыв Ломоносова, который еще в 1763 г. по поводу первого тома замечал: «Первый том наполнен только копиями сибирских архивов и другими мелочами» (П. Билярский, ук. соч., стр. 516).

¹²⁷ SRG, VI, ч. 3, стр. 565—566.

¹²⁸ J. N. de l'Isle. Explication de la carte des nouvelles découvertes au nord de la mer du Sud. Paris, 1752.

будто бы совершил плавание из Перу для открытия северо-западного прохода между Атлантическим и Южным и «Тартарским» морями. В этом докладе Делиль говорил, между прочим, что Беринг не был у берегов Америки, которой достигли только А. И. Чириков и брат И. Н. Делиля — Л. Делиль де ла Кройер. Это утверждение, возможно, было сделано Делилем с полной уверенностью в его правильности, так как Делиль мог не знать истинных фактов, относящихся к плаванию «Св. Петра»; многие путевые журналы и карты в момент отъезда И. Н. Делиля в 1747 г. из России еще не были получены Адмиралтейств-коллегией и оставались в Сибири, а потому и сама Коллегия, с которой был связан Делиль, могла не знать точно всех обстоятельств дела. Правда, в 1747 г., когда Делиль вернулся во Францию, в Копенгагене на датском языке появился перевод рапорта лейтенанта Свена Вакселя в Адмиралтейств-коллегию от 15 ноября 1742 г.,¹²⁹ в котором он подробно описывает плавание «Св. Петра» к берегам Америки, но этот перевод на мало распространенном языке мог также остаться неизвестным Делилю.

Карта И. Н. Делиля, представленная им в Французскую Академию наук 8 апреля 1750 г., когда он читал свой доклад, появилась в печати в сентябре 1752 г., в измененной редакции. В ноябре 1752 г. она была переиздана с новыми изменениями.¹³⁰ Как эти две карты, так и некоторые другие (Г. Делиля, Драге) были перепечатаны в следующем, 1753 г. в атласе Делиля.¹³¹

В этой же книге, по словам Кейзерлинга, Делиль обещал выпустить специальные карты о России «и о всех учиненных открытиях в мореплавании к северо-востоку обнародовать»; Делиль «обнадеживал, что из того усмотрено будет, что изданные в С.-Петербурге карты совсем несправны и недостаточны».

¹²⁹ Он напечатан в двухтомном труде П. Гавена (P. Haven. Nye og forbedrede efterraetninger om det Russiske Rige efter nøyere Kundskab som han har indsamlet paa hans sidste Reyse, I—II. Kjøbenhavn, 1747). Третья глава второго тома посвящена изложению путешествия капитана-командора Беринга и капитана Шпанберга из Камчатки. Рассказ Гавена основан на сообщениях и материалах, полученных им в Петербурге от Шпанберга в 1744 г. Доношение Свена Вакселя в Адмиралтейств-коллегию от 15 ноября 1742 г. напечатано: С. Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. 1940, стр. 138—152.

¹³⁰ Перепечатана: H. R. Wagner. The Cartography of the North-west Coast of America to the year 1800. Berkeley, 1937, при стр. 158; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII—первая половина XVIII в. М., 1950, стр. 203.

¹³¹ J. N. de l'Isle. Nouvelles cartes des découvertes de l'Amiral de Fonte et autres navigateurs Espagnols, Portugais, Anglois, Hollandois, François et Russes dans les Mers Septentrionales, avec leur explication... Paris, 1753.

Кейзерлинг высказывал мнение, что эти специальные карты будут также полны многими и грубыми неисправностями, неосновательными мнениями и рассуждениями, как и изданная в 1752 г. карта и объяснение к ней. «Не худо было бы через Академию наук, — заключал свою реляцию Кейзерлинг, — такие неисправности свету показать, дабы люди наперед опознавать могли то, что они сею Делилевою картою себе получили». Эту последнюю мысль посла поддерживал и М. Л. Воронцов, руководивший Коллегией иностранных дел, несомненно отражая при этом взгляды императрицы и близких к ней людей.¹³²

Президент Академии наук К. Г. Разумовский и советник И. Д. Шумахер, видимо, не сразу решили, как поступить в этом деле, и только 8 марта 1753 г. Шумахеру был дан ордер президента, в котором он считал совершенно правильной мысль Кейзерлинга о необходимости Академии выступить с опровержением, «а во оном опровержении свету показать нечестные в сем деле Делилевы поступки и главные его карты и изъяснения неисправности и недостатки оной Делилевою карты и чего от обещаемых им впредь специальных карт Российского государства ожидать можно». Президент предписывал Шумахеру: «Продолжая принятые вами по сему делу меры, изволите г. проф. Миллеру приказать, чтоб он, по присланному ко мне от вас проекту, немедленно секретно сочинил обстоятельное опровержение на часто помянутую Делилеву карту и изданное при том его изъяснение для напечатания в чужестранных ученых газетах и журналах, а во оном опровержении по содержанию реляции графа Кейзерлинга показать все нечестные о сем деле Делилевы поступки и главные его карты и изъяснения неисправности, однако, не означая их точно, дабы он сам прежде времени ими пользоваться не мог, и притом объявить, что в неукоснительном времени от Академии наук изданы быть имеют новые генеральные и специальные карты Российской империи, которые сочиняются по таким новейшим обсервациям и измерениям, которых Делиль иметь не мог».¹³³

Еще до получения реляции Кейзерлинга Академия получила, видимо, непосредственно от Делиля и его труд и карту, о которых он писал Миллеру еще 17 мая 1752 г.¹³⁴ Тогда же был сделан русский перевод труда Делиля.¹³⁵ По-видимому, уже в 1752 г. в Академии стали принимать некоторые «меры», о которых говорится в начале ордера президента. Так, еще в 1752 г. Академией были получены копии судовых журналов пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел», на которых было совершено плава-

¹³² ААН, ф. 3, оп. 1, № 175, лл. 289—290 об.

¹³³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 175, лл. 297—299.

¹³⁴ ААН, ф. 1, оп. 3, № 40, лл. 90—91.

¹³⁵ Перевод труда Делиля — ААН, р. IV, оп. 1, № 99, лл. 1—36.

ние к берегам Америки в 1741 г.; наряду с некоторыми другими материалами¹³⁶ эти журналы послужили основным источником для того опровержения, которое должен был составить Миллер.

В соответствии с ордером президента Канцелярия Академии наук 13 марта составила предписание Миллеру, но, по неизвестным причинам, отослала его только 16 сентября. В ответном доношении 25 сентября Миллер сообщал, что первый пункт ордера — о составлении опровержения — уже выполнен.¹³⁷

Таким образом, одновременно с производившейся им срочной работой по составлению описания Камчатской экспедиции, ее сухопутного отряда, Миллер должен был заняться теперь историей морской части экспедиции. Опровержение на труд Делиля было написано им в течение месяца. Без имени автора, в форме «Письма офицера русского флота к некоему знатному придворному по поводу карты новых открытий на севере Южного моря и приложенного к ней исследования Н. Делиля», оно было напечатано по-французски сначала отдельно, а затем, при содействии Л. Эйлера, в «Nouvelle Bibliothèque germanique».¹³⁸

Статья, в которой содержалось немало выпадов Миллера против Делиля и его покойного брата Людовика, вызвала за границей нелестные замечания по адресу «офицера русского флота», в частности со стороны Бюаша,¹³⁹ и автор письма —

¹³⁶ В копиях 1752 г. судовые журналы хранятся в ААН, ф. 21, оп. 5, № 58. Вероятно, в этом же году поступил в Академию журнал пакетбота «Св. Петр» с 23 апреля 1741 г. до возвращения на остров Беринга, составленный флота мастером С. Хитрово (Отд. рук. книги. БАН, 32.15.19, лл. 23—128).

¹³⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 175, лл. 303, 306, 307.

¹³⁸ Nouvelle Bibliothèque germanique, XIII, 1753, стр. 46—87. Проф. Гольдер ошибочно приписывал это письмо Свену Вакселю (Bering's Voyages, I, стр. 362; II, стр. 216), хотя из статьи Миллера (G. F. Müller. Nachrichten von Seereisen und zur See gemachten Entdeckungen die von Russland aus längst den Küsten des Eismeerces und auf dem Ostlichen Weltmeere gegen Japan und Amerika geschehen sind. Zur Erläuterung einer bei der Academie der Wissenschaften gefertigten Landkarte. SRG, III, ч. 1—3, стр. 272—275) совершенно ясно, что автором «Письма русского офицера» был сам Миллер. Письмо было издано также в английском переводе (Лондон, 1754) с замечаниями Артура Доббса (русский перевод XVIII в. замечаний Доббса в ЦГАДА — Приказные дела новых лет, 1741—1796 гг., ч. V, № 217). Русский перевод «Письма» (не напечатанный) сохранился в трех списках (ААН, ф. 21, оп. 5, № 159, стр. 1—60; № 174, лл. 1—28; с поправками Миллера № 178, лл. 1—36).

¹³⁹ Полемике Миллера с Делилем посвящена статья Л. Брейтфуса (L. Breitfuss. Early Maps of North-Eastern Asia and of the Lands around the North Pacific. Controversy between G. F. Müller and N. Delisle. Imago Mundi, III, 1939, стр. 87—99); в приложении к статье на отдельных листах даны: карта северо-восточной Азии Шестакова 1726 г. с русскими надписями (из собрания Л. С. Багрова), карта Делиля 1750 г. и карта Миллера 1754 г. (по изд. Т. Джеффериса).

Миллер — принужден был вернуться к той же теме в другой, более солидной по размерам и по форме работе, которая должна была служить пояснением к карте открытий. За изготовление карты Миллер принялся в том же 1753 г., когда, на основании того же ордера президента от 8 марта, он был поставлен вместе с проф. А. Гришовым во главе Географического департамента Академии наук.

Эта карта в 1753 г. составлялась под наблюдением Миллера адъютантом Географического департамента И. Ф. Трускоттом. В октябре 1753 г. в совершенно законченную им карту Миллер предложил внести исправления: «... что касается до Америки и Японии вновь делать по новым картам, а именно: Америку из Греновой, а Японию из Белиновой карты».¹⁴⁰

В 1754 г. работа по составлению карты новых открытий была окончена, и она появилась тогда же под названием: «Nouvelle Carte des Découvertes faites par des Vaisseaux Russiens aux côtes inconnues de l'Amérique Septentrionale avec les pais adjacents. Dressée sur les mémoires authentiques de ceux, qui ont assisté à ces découvertes et sur d'autres connoissances dont on rend raison dans un Mémoir séparé. A St.-Petersbourg à l'Académie Imperial des Sciences. 1754». Карта в границах от Оби до Великого океана содержит многочисленные и важные дополнения к картам Атласа 1745 г.¹⁴¹ Карта 1754 г. в последние годы воспроизводилась А. В. Ефимовым.¹⁴²

В обоих изданиях дан анализ этой карты, причем Ефимов указывает, что как в этой, так и в следующей за ней карте 1758 г. «не использованы карты Чирикова и Морской академии. Это объясняется тем, что автор обеих карт Г. Ф. Миллер не имел доступа к картам Чирикова и Морской академии». «Картой Чирикова» Ефимов неправильно называет «Карту генеральную Российской империи северных и восточных сибирских берегов», составленную при Морской академии и подписанную 10 мая 1746 г. вместе с другими А. И. Чириковым; под «Картой Морской академии» разумеется, по-видимому, карта 1742 г., опубликованная по копии, принадлежащей Гидрографическому департаменту Франции, в «Imago Mundi»,¹⁴³ по другому вари-

¹⁴⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 182, л. 291.

¹⁴¹ Описание карты — G. Cahen. Les cartes de la Sibérie au XVIIIe siècle. Paris, 1911, стр. 270—272. Карта 1754 г. имеется в ЦГАДА (М. П. Пудило, Указатель, № 73).

¹⁴² А. В. Ефимов. Из истории..., стр. 195 и 197; А. В. Ефимов. Альбом карт, приложенных к сборнику документов, составленному Н. С. Орловой, — «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии». М., 1951, карты 10 и 11.

¹⁴³ Imago Mundi, IX, стр. 116.

анту ее в труде Дивина¹⁴⁴ и, наконец, в упоминаемой далее статье М. И. Белова.

О безуспешных попытках Академии наук получить доступ к картам Второй Камчатской экспедиции, хранившимся в Адмиралтейств-коллегии в 40—50-х годах XVIII в., можно прочитать в статье Белова,¹⁴⁵ и не вина, конечно, Миллера, что этих карт не было у него, когда составлялись карты 1754—1758 гг. Указанный в названии карты 1754 г. *mémoire* не мог быть, видимо, составлен в столь краткий срок и был готов только к началу 1756 г., когда заслушан в Конференции,¹⁴⁶ а в свет появился в 1758 г. на немецком языке¹⁴⁷ и в том же году на русском.¹⁴⁸

Труд Миллера был переведен вскоре на английский и французский языки.¹⁴⁹

Гольдер в своем труде «*Bering's Voyages*», для которого им были пересмотрены многочисленные архивные материалы, касающиеся экспедиций Беринга, считал в 1922 г. труд Миллера «самой важной книгой по этому вопросу», причем добавлял, что «хотя с тех пор (с 1758 г.) было потрачено много бумаги и чернил для описания путешествия Беринга, но все же прибавилось очень немного к тому, что было известно нам из труда Миллера». Но он же установил и правильный взгляд на этот труд Миллера: «Труд Миллера, хотя является очень ценным, не может, однако, служить единственным источником и должен быть использован наряду с другими источниками».¹⁵⁰

Источники этого труда Миллера до недавнего времени не были известны полностью. Конечно, ими были якутские акты, которые Миллер нашел в Якутском архиве и с части которых были по его приказанию сняты копии; это были затем судовые

¹⁴⁴ В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953, стр. 176.

¹⁴⁵ М. И. Белов. О составлении генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г. Географический сборник, III, 1954, стр. 131—145.

¹⁴⁶ Протоколы Конференции, II, стр. 346.

¹⁴⁷ G. F. Müller, *Nachrichten von Seereisen...*, стр. 1—304.

¹⁴⁸ Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758, январь, стр. 5—27; февраль, стр. 99—120; март, стр. 195—212; апрель, стр. 291—325; май, стр. 387—409; июль, стр. 9—32; август, стр. 99—129; сентябрь, стр. 195—232; октябрь, стр. 309—336; ноябрь, стр. 394—424.

¹⁴⁹ G. F. Müller, *Voyages from Asia to Amerika...*; G. F. Müller, *Voyages et découvertes, faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale et sur l'Océan Oriental tant vers le Japon que vers l'Amérique*. Ouvrage traduit de l'allemand de Mr G. P. (так! — А. А.) Müller, par G. F. Dumas, 2 vols., Amsterdam, 1766.

¹⁵⁰ Bering's Voyages, I, стр. 352—353.

журналы пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел», дополненные известиями Г. В. Стеллера в его дневнике, посвященном описанию плавания «Св. Петра» к берегам Америки, его возвращению и жизни экипажа на о. Беринга. Но оставался один источник, установить который не удалось до 1940 г.; именно главным образом из-за наличия этого источника, сильно использованного Миллером и оставшегося неизвестным исследователям, сам труд Миллера приобретал характер источника. Ныне этот неизвестный источник найден; им оказался труд Свена Вакселя, заменившего Беринга по командованию пакетботом «Св. Петр», прекрасно осведомленного обо всех обстоятельствах плавания к берегам Америки и обратно и составившего описание этого путешествия.¹⁵¹

В 1758 г. вышла на французском языке карта с названием, вполне сходным (кроме даты) с названием на карте Миллера 1754 г., но последняя была вновь пересмотрена им, кое-где исправлена, и, таким образом, карта 1758 г. имеет несомненные отличия от карты 1754 г.¹⁵²

Для карт 1754 и 1758 гг. Миллер, по его словам в автобиографии, использовал часть составленной им карты Сибири, которая вернулась к нему, как сказано выше, только в конце 1752 г. В 1756 г. из той же карты заимствованы им те части ее, которые в виде карт «Земли Камчатки с около лежащими местами» и «Курильских островов с около лежащими местами» были приложены Миллером к вышедшему под его наблюдением труду С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», где Миллеру принадлежит также предисловие.¹⁵³ Карта Миллера 1754—1758 гг. хорошо известна в западноевропейской и русской картографии, как о том свидетельствуют, кроме английского перевода работы Миллера, к которому приложена карта 1758 г., еще изданная в 1768 г. в Париже «История путешествий» Прево,¹⁵⁴ а также та литература, которая была вызвана появлением труда Миллера и этой карты. Та же карта Миллера

¹⁵¹ См. выше, стр. 47, прим. 8.

¹⁵² Карта Миллера 1758 г. неизвестна Каану (G. Caen, ук. соч.), хотя в б. Московском главном архиве Министерства иностранных дел (см. М. П. Пущило. Указатель, стр. 114), из собрания которого заимствованы им многие карты XVIII в., она имелась в пяти экземплярах, из которых один был с замечаниями Миллера. Вагнер считает эту карту анонимной (H. R. Wagner, ук. соч., стр. 337) и неправильно полагает, что она была переиздана в 1773 г.; в его замечаниях к этой карте неточно указано также, что она «содержала некоторые данные, взятые из фантастической географии Делиля—Бюаша»; автор правильно считает эту «анонимную» карту первой, на которой показаны открытия Беринга и Чирикова и путь их судов в северной части Тихого океана.

¹⁵³ См. ниже, стр. 224.

¹⁵⁴ A. F. Prevost. Histoire générale des voyages, t. XVIII. Paris, 1768.

послужила основным источником для составленной Иваном Трускоттом карты, носящей название: «Карта, представляющая Изобретения Российскими мореплавателями на Северной части Америки с около лежащими местами учиненныя. Сочинена при Имп. Академии наук титулярным советником Иваном Трускоттом».¹⁵⁵

Труды Миллера «Письмо морского офицера...» и «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю...», а также его карты 1754—1758 гг. вызвали на Западе большую литературу, отчасти отмеченную самим Миллером в конце его «Описания». Известные географы и картографы того времени — Делиль, Бюаш, Анвиль, Доббс и др. — приняли живое участие в обсуждении трудов и карты Миллера. Во всяком случае, независимо от различия мнений, следует признать, что благодаря Миллеру в европейскую географическую науку того времени вошли точные сведения о роли русских в деле освоения Ледовитого и Восточного океанов, и им же сделана первая серьезная попытка на основании имевшихся у него тогда материалов дать карту северного и северо-восточного побережья Азии и северо-западного побережья Америки.

Довольно скоро отмеченные Миллером факты и его карта послужили источником для широкого обсуждения двух вопросов — о возможности северо-восточного прохода из Европы в Азию и — находящегося в связи с ним — о правильности русских карт 1754—1758 гг., изданных Миллером.

Определенное мнение по обоим вопросам было изложено в труде швейцарского географа Самуила Энгеля, появившемся в 1765 г.¹⁵⁶

Как видно из заглавия труда, Энгель, вопреки Миллеру, является горячим сторонником мнения о возможности северо-восточного прохода. В первой части своего труда Энгель подробно разбирает географические известия и карты, находящиеся в трудах Гмелина и Миллера, и приходит к выводу, что оба автора о многом умалчивают, а на своих картах дают неправиль-

¹⁵⁵ ААН, р. IX, оп. 1а, № 210. Она напечатана В. Ф. Гнучевой (В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.—Л., 1940, между стр. 68 и 69).

¹⁵⁶ S. Engel, Mémoires et observations géographiques et critiques sur la situation des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique d'après les relations les plus recentes auxquelles on a joint un essai sur la route aux Indes par le Nord et sur un commerce très vaste et très riche à établir dans la mer de Sud. Avec deux nouvelles cartes dressés conformément à ce système... Lausanne, 1765. В 1779 г. тот же труд был переиздан под заглавием «Extraits raisonnés des voyages, faits dans les parties septentrionales de l'Asie et de l'Amérique, ou nouvelles preuves de la possibilité d'un passage aux Indes par le Nord démontrées par Mr Engel. Avec deux grandes cartes géographiques. Lausanne, 1779. XXIV + 268 стр. + 2 карты (по сравнению с изданием 1765 г. прибавлено 2 страницы опечаток).

ные изображения берегов Азии: надо Азии дать меньшую долготу, чем ее дают обычно (часть 1, § V). И Энгель вносит свои исправления в существующие карты; на основании их приложенная к его труду карта имеет долготу Азии, уменьшенную на 30 градусов. Столь же определенно автор доказывает ошибочность взглядов Миллера о положении Иедво, Камчатки, Америки и др. В третьей части своего труда Энгель приводит доказательства в пользу возможности пройти из Европы мимо берегов Азии в Восточный океан; из заглавий отдельных параграфов этой части¹⁵⁷ видно, на чем построены доводы Энгеля. Книга его содержала немало догадок и соображений о том, что в России нельзя было писать правду об открытиях, сделанных участниками Второй Камчатской экспедиции, что Сенат подвергал жестокой цензуре сочинения Миллера, Крашенинникова и др.,¹⁵⁸ одним словом, русским сочинениям и картам о севере и северо-востоке Азии верить ни в коем случае нельзя, из своих государственных интересов они преувеличивают трудности плавания по Ледовитому океану и тем самым хотят отнять у европейских народов желание предпринимать подобные путешествия.

Энгель не скрывал, что он рассчитывал немедленно получить ответ Миллера по всем основным вопросам, которые были затронуты в его труде 1765 г. и которые касались лично Миллера, но Миллер молчал, хотя книгу Энгеля имел уже в 1766 г. Тогда Энгель 27 декабря 1770 г. написал Миллеру письмо, которое тот получил 26 января 1771 г. Миллер ограничился лишь сообщением в Академию, что Энгель требует от него защиты перед императрицей и Сенатом предложений об организации экспедиции к северу, «что, однако, целиком противоречит моим мнениям. Этот человек, видимо, не знает, что дают астрономические наблюдения для бесспорных доказательств». К этому времени, кроме астрономических наблюдений А. Д. Красильникова на Камчатке, сделанных им еще в 1743 г., прибавилось определение долготы и широты Якутска, выполненное капитаном И. И. Исленьевым в 1769 г. Когда станут известны точные сведения о последнем, Миллер собирался написать ответ Энгелю.¹⁵⁹

¹⁵⁷ «§ 1. Льдов следует бояться особенно у берегов; § 2. Льды находятся преимущественно в устьях рек; § 3. Холод не увеличивается по мере приближения к полюсу; §§ 4 и 5. Чтобы определить сравнительную холодность одной страны по отношению к другой, следует обратить внимание на их животных и растительный мир; § 6. Америка холоднее Азии по крайней мере на 10°; §§ 7—8. О невозможности северо-западного прохода; § 9. Доказательства возможности северо-восточного прохода, взятые у Гмелина».

¹⁵⁸ J. N. de l'Isle. Explication de la carte... стр. 234—236.

¹⁵⁹ ААН, ф. 1, оп. 3, № 58, лл. 23—24, письмо 13 от 27 января 1771 г.

Не получая ответа от самого Миллера, Энгель решил получить его окольными путями. Его знакомый О. Д. Мейер, губернёр младшего графа Скавронского, обратился 16 сентября 1771 г. к Миллеру с просьбой высказать свое мнение по поводу «*Mémoires et observations géographiques...*» Энгеля. Миллер исполнил эту просьбу в письме от 3 октября 1771 г.,¹⁶⁰ предлагая Мейеру продолжать переписку, но так как дальнейших писем не было, то Миллер заключил, что Мейер действовал по поручению Энгеля, и когда в 1773 г. решил выступить против Энгеля, то привел это свое письмо 1771 г.

В 1772 г. вышел дополненный немецкий перевод труда Энгеля,¹⁶¹ где автор говорит уже не только о возможности, но и о легкости плавания через северные моря.

Взгляды, высказанные Энгелем в этом труде, были встречены весьма сочувственно в Англии и послужили поводом к отправлению в 1773 г. к Северному полюсу, мимо Шпицбергена, экспедиции Фиппса и Лютвиджа.¹⁶²

Появление немецкого перевода трудов Энгеля требовало определенного ответа со стороны Миллера, о чем, по-видимому, Бюшинг писал Миллеру 17 августа 1773 г. Чтобы ускорить этот ответ, Бюшинг выступил в издававшихся им «*Wochentliche Nachrichten*» в выпуске от 20 сентября 1773 г.¹⁶³ с критическими замечаниями на труд Энгеля и приложенные к нему карты. Объясняя молчание Миллера его нелюбовью к спорам, большой занятостью и болезнью, Бюшинг очень спокойно отметил несколько ошибок Энгеля и его несправедливых и неверных суждений. Экземпляр своего издания при письме 21 сентября он отправил Миллеру, вновь советуя ему выступить против Энгеля. В ответ он получил обширное письмо от 24 октября,¹⁶⁴ в котором Миллер дает подробный разбор мнений Энгеля, до-

¹⁶⁰ ААН, ф. 21, оп. 3, № 80 — черновик письма Миллера Мейеру.

¹⁶¹ S. Engel. Geographische u. kritische Nachrichten u. Anmerkungen über die Lage der nordlichen Gegenden von Asien u. Amerika nach den allerneuesten Reisebeschreibungen ... Aus dem französischen übersetzt von dem Herrn Verfasser selbst sorgfältig u. genau durchgesehen, verbessert u. mit vielen neuen Zusätzen bereichert, die sich in dem Originale nicht befinden. Mientau, Hasenpoth u. Leipzig, 1772.

¹⁶² K. J. Phips. Reise nach dem Nordpol. Auf Befehl Ihre Kön. Grossbritt. Majestät unternommen im Jahr 1773 von K. J. Phips. Aus dem englischen mit Zusätzen u. Anmerkungen von Herrn Landvogt Engel. Mit Kupfern. Bern, 1777. Отзыв Бюшинга об этом труде см. *Wochentliche Nachrichten*, 1777, стр. 230—231. Приложенная к изданию карта Ледовитого океана является копией карты графа Редерна (Redern), изданной Прусской Академией наук. Не эта ли карта, на которой изображен путь Мельгнера, послужила источником и для ломоносовской циркумполярной карты?

¹⁶³ *Wochentliche Nachrichten*, 1773, стр. 297—303.

¹⁶⁴ ААН, ф. 21, оп. 3, № 80 — черновик письма Миллера от 24 октября 1773 г.

казывая их неправильность и ошибочность. Большую часть этого письма Бюшинг напечатал в «Wochentliche Nachrichten» того же 1773 г. По словам Энгеля, в этом письме Миллер неправильно истолковывает его географические известия и говорит о нем «самым непозволительным образом». Энгель решил выступить с новым трудом, в котором намерен был вновь доказывать правильность своих основных положений. В этом намерении его поддерживал Бюшинг, который даже выразил готовность быть издателем его новой книги. Энгель в 1774 г. стал посылать Бюшингу отдельные части своей новой работы. Последний подробно писал о содержании новой работы Энгеля Миллеру в письме от 25 февраля 1775 г., сообщая также, что в качестве информатора о России, ее науке и ее представителях, в частности о Миллере, Энгелю служит теперь Иоганн Шерер, выступающий резко против России и русских. Бюшинг склонял Миллера еще раз отозваться на труд Энгеля. Миллер отвечал Бюшингу длинным письмом от 12 марта 1775 г.¹⁶⁵ Доказывая бесполезность споров с Энгелем, Миллер дал в этом письме весьма нелестную характеристику Шереру, приводил некоторые доводы в пользу правильности своих мнений, изложенных в печатных трудах 1758 и 1773 гг., и разрешил Бюшингу использовать это письмо по своему усмотрению. 15 апреля 1775 г. Бюшинг переслал письмо Миллера Энгелю, который увидел в нем лишь новый выпад против него, не подтвержденный, по его мнению, никакими серьезными доводами. В поступке Бюшинга, сообщившего Миллеру содержание его (Энгеля) нового труда, Энгель нашел определенное указание, что Бюшинг поддерживает не его, а Миллера, и потому решил прервать дальнейшие сношения с Бюшингом и печатать свою книгу у другого издателя.

Между тем об этих сношениях Бюшинга с Миллером и Энгелем и о намерении последнего выступить с новым трудом, в котором он вновь подвергает обсуждению спорный вопрос, стало известно в Петербургской Академии наук. В ней появился проект выступления в иностранной прессе со статьей, в которой должны быть опровергнуты все обвинения Энгеля, направленные, в частности, против самой Академии, издавшей в 1754—1758 гг. неверные, по мнению Энгеля, карты. Когда об этом намерении Академии стало известно Миллеру, последний выступил определенно против этого и доказывал,¹⁶⁶ что «своим решением Академия не спасет свою и мою честь» и не решит

¹⁶⁵ ААН, ф. 1, оп. 3, № 55, лл. 78—79 об. (копия).

¹⁶⁶ Письмо Миллера конференц-секретарю Академии наук И. А. Эйлеру от 18 июня 1775 г. (ААН, ф. 1, оп. 3, № 61, лл. 92—93), полученное 27 июня и, как отмечено на письме, прочитанное в Конференции 3 июля (о последнем в протоколах Конференции ничего не сказано).

спорный вопрос о том, на самом ли деле Азия, как это показано на наших картах, простирается так далеко к востоку; Миллер полагал, что этот вопрос надо предоставить разрешить другим академиям. В письме он кратко изложил соображения, которые подтверждают правильность его карты. По получении этого письма Академия отказалась от своего намерения и никакого участия в споре не приняла.¹⁶⁷

Между тем горячий сторонник мнения Энгеля о возможности северо-восточного прохода Баррингтон и в 1775 г. продолжал собирать известия о мореплавателях, которые подходили близко к Северному полюсу (от 80 до 83°30').¹⁶⁸ Энгель, со своей стороны, развил широкую пропаганду своих идей в Англии, о чем свидетельствует, например, книга, изданная в 1776 г. Валь Траверсом,¹⁶⁹ швейцарцем по происхождению, резидентом пфальцского курфюрста при английском дворе; Траверс состоял в переписке с Энгелем. Задача его книги — привлечь внимание англичан к Северному Ледовитому океану, в особенности в связи с тем, что Кук решил предпринять туда путешествие. В 1777 г. были изданы в немецком переводе журналы плавания к Северному полюсу Фиппса,¹⁷⁰ к переводу присоединены замечания Энгеля и его основной труд, уже дважды издававшийся. Нет надобности говорить, что неудачи Фиппса не разубедили Энгеля.

Если успех Энгеля в некоторых научных кругах того времени следует считать бесспорным, то и взгляды Миллера находили тогда несомненную поддержку со стороны ряда географов. Так, младший Бюаш в брошюре 1775 г.¹⁷¹ поддерживает взгляды Миллера и других о положении Камчатки и пр. В напечатанных в книге извлечениях из протоколов Французской Академии наук видно, что она считала правильным определение Камчатки,

¹⁶⁷ Кажется, к этому времени следует отнести черновик письма Миллера (к кому-то из академиков) на русском языке, сохранившийся в отрывке (ААН, ф. 21, оп. 3, № 310), в котором он передает сущность своих споров с Энгелем.

¹⁶⁸ D. Barrington. The probability of Reaching the North pole discussed, London, 1775. О нем: Wochentliche Nachrichten, 1775, стр. 28—29, 89—91, 291—293, 337—344; 1776, стр. 91—94.

¹⁶⁹ V. Travers. Summary observations and facts, collected from late and authentic accounts of Russian and other navigators to show the practicability and good prospect of success in enterprises to discover a northern passage for vessels by sea between the Atlantic and Pacific oceans, or nearly to approach the north pole; for which the offers of reward are renewed by a latter act of Parliament. 1776. Отзыв об этой книге см. Wochentliche Nachrichten, 1776, стр. 401—403.

¹⁷⁰ K. J. Phipps, ук. соч.

¹⁷¹ J. N. Buache. Mémoires sur les pays de l'Asie et de l'Amérique situés au nord de la mer du Sud. Accompagné d'une carte de comparaison des plans de MM. Engel et de Vaugondy, avec le plan des cartes modernes. Par J. N. Buache, Géographe ordinaire du roi. 1775.

сделанное русскими, но положение всех прочих частей северо-восточной Азии еще не признавала точным.

Автор другого труда, посвященного тем же вопросам, Шульц¹⁷² пользовался, по-видимому, советами и указаниями Миллера, которого целиком поддерживал в его споре с Энгелем; он считал, что долгота Азии к востоку простирается до 200° , о чем говорят все новые измерения, и что широта Америки — между 50 и 60° , а ее долгота доходит до 230° . Шульц отмечает, что карта новых открытий, приложенная к «Месяцеслову на 1774 г.», полна ошибок, но такой же ошибочной является теперь и карта 1758 г., составленная главным образом на основании устных сообщений. Шульц описывает плаванья и открытия 1745—1771 гг. Он же указывает, что берега Америки отстоят от Камчатки дальше, чем это показано на картах 1773 и 1774 гг., изданных Академией наук; по его замечанию, на тех же картах отсутствуют некоторые острова, точное положение которых не могло быть тогда указано. Замечание Шульца о том, что карта Миллера 1754—1758 гг. безусловно устарела, имело важное значение в связи с тем, что в это время при участии Миллера подготавливалась новая карта, на которой северо-восток Азии и Америка получили уже иные очертания. Имеется в виду генеральная карта Российской империи, изданная Академией наук в 1776 г. На ней Камчатка была расположена между 175 и 180° в. д. Самая крайняя северо-восточная оконечность Азии была помещена под 205° и имела иную форму по сравнению с предшествующими картами и более округлое очертание; на ней были отмечены горы и долины, а Чукотские горы представлены также иначе. На карте показано до 16 малых островов, находящихся в близком или в далеком расстоянии от этой северо-восточной оконечности; за ними к востоку было большое море, через которое с этих островов Америку увидеть было нельзя. Между 230 и 235° отмечено несколько островов, которые большей частью тянутся от севера к югу, причем самый северный расположен выше северо-восточной оконечности Азии. Все эти острова отстоят далеко от Азии и за ними также большое море, хотя карта до 235° в. д. Карта дает совсем иное представление об этих местах, чем изданные в 1758, 1773 и 1774 гг.

В 1777 г. в Базеле появился новый труд Энгеля,¹⁷³ посвященный выяснению «определения долготы Азии», а также во-

¹⁷² J. L. Schultz. Neue Nachrichten von denen neu entdeckten Inseln in der See zwischen Asien und Amerika. Aus mitgetheilten Urkunden u. Auszügen verfasst von J. L. S. Hamburg u. Leipzig, 1776.

¹⁷³ S. Engel. Neuer Versuch über die Lage der nördlichen Gegenden von Asia u. Amerika u. dem Versuch eines Wegs durch die Nordsee nach Indien nebst denen Schriften so Hr Daines Barrington in London zu Behauptung eben

просов: «скрывало ли русское правительство намеренно сделанные в России географические открытия», «о плаваньях по Северному океану», «исследование о льде и морозе» и «о различных климатах с точки зрения умеренности их воздуха». В этой новой книге Энгель повторил все основные положения своей предыдущей книги (в издании 1772 г.), дополнив их новыми доказательствами; он остался при своих прежних утверждениях, ни в какой мере, по его словам, не поколебленных выступлениями Миллера, которого он обвиняет теперь в том, что Миллер скрывал открытия русских не под давлением русского правительства, а добровольно, чтобы построить на этом свое благополучие;¹⁷⁴ это обвинение основано главным образом на известиях Шерера, которые, как уже отмечено, явились в этом вопросе главным источником Энгеля. Тон книги — остро полемический, главным образом по поводу замечаний Миллера, напечатанных в журнале Бюшинга в 1773 г. Среди многих новых авторов, на которых ссылается теперь Энгель в подтверждение правильности своих взглядов, он с восторгом цитирует работу М. В. Ломоносова о происхождении ледяных гор в Северном океане, напечатанную в «Записках» Шведской Академии наук 1763 г.;¹⁷⁵ учение Ломоносова о трех видах льдов вызывает полное одобрение Энгеля, который находит в нем большую поддержку его собственных заключений по этому вопросу.¹⁷⁶

Труд Энгеля произвел большое впечатление не только на Западе, но и в России, в Академии наук.

С подробным ответом Энгелю выступил прежде всего Бюшинг,¹⁷⁷ который, помимо всего прочего, был и лично задет Энгелем. Бюшинг уже ранее¹⁷⁸ признавал ненужными дальнейшие споры Энгеля с Миллером и считал доводы последнего безусловно правильными. Останавливаясь лишь на главных возражениях Энгеля, Бюшинг целиком поддерживает Миллера в вопросе о долготе Азии, основанной на карте Беринга, изданной Анвилем, и астрономических наблюдениях на Камчатке и др. Он приводил образцы нетерпимого отношения и недоверия Энгеля к Миллеру.

---

dieses herausgegeben. Mit drey Charten. Basel, 1777. В книге второй титульный лист: Nachrichten und Anmerkungen über die Lage der nördlichen Gegenden von Asia u. Amerika u. dem Versuch eines Wegs durch die Nordsee nach Indien. 2r Theil. Basel, 1777.

¹⁷⁴ Там же, стр. 28.

¹⁷⁵ См. ниже, стр. 338, прим. 38.

¹⁷⁶ S. Engel. Nachrichten u. Anmerkungen über die Lage... стр. 164, 168, 174, 175 и др.

¹⁷⁷ Wochentliche Nachrichten, 1777, стр. 185—196, 201—206.

¹⁷⁸ Там же, 1774, стр. 420—421.

Из переписки Палласа с Миллером видно, что по поводу книги Энгеля было много разговоров в Академии наук. Паллас несколько раз в течение 1777 г. просил Миллера выступить с опровержением Энгеля. В письме от 28 марта он высказывает, между прочим, мысль, что предстоящее плавание Кука, несомненно, подтвердит, что лгут не русские географы, а лжецом является Энгель. В письме от 13 июля, уже по получении известий о том, что Миллер приступил к составлению опровержения и к сочинению подробного описания северных плаваний, Паллас передает Миллеру пожелание Конференции скорейшего окончания его труда.¹⁷⁹

Если точку зрения Миллера о трудности и вообще невозможности при тогдашних условиях северо-восточного прохода поддерживали очень многие в России и на Западе, то и противоположный взгляд, представителем которого явился Энгель, находил в той или иной мере сочувствие у географов и ученых того времени (Вогонди, Баррингтон и др.); в России подобные же взгляды существовали еще раньше Энгеля, и их неоднократно высказывал М. В. Ломоносов.

Труд Ломоносова 1763 г. «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию», обсуждение его в Адмиралтейств-коллегии и отправка двух экспедиций содержались в секрете, хотя кое-какие неясные известия о предпринимаемых русскими плаваниях появлялись порой в иностранной прессе.¹⁸⁰

Еще в марте 1775 г. об экспедиции на Шпицберген, куда был направлен дважды В. Я. Чичагов, Миллер не мог сообщить что-либо Бюшингу,¹⁸¹ так как известия о ней продолжали оставаться государственной тайной. Но едва ли при его связях Миллер на самом деле не был осведомлен о всем том, что происходило в 1764—1766 гг. по вопросу, весьма его интересовавшему. Вместе с тем усиленно собиравшиеся им сведения о новых открытиях на северо-востоке Азии и у берегов Америки, которые Миллер получал от Ф. И. Соймонова, Д. И. Чичерина, А. И. Бриля, Ф. Х. Плениснера, братьев Тимофея и Василия Шмалевых и других лиц, приводили его к мысли о необходимости продолжить работу 1758 г. о плаваниях русских по Ледовитому и Восточному океанам после 1742 г., которым кончается этот труд. Но поскольку в продолжении этого труда ему пришлось бы говорить о фактах, державшихся в секрете (об экспедициях Чичагова и Креницына, о многочисленных русских от-

¹⁷⁹ ААН, ф. 21, оп. 3, № 222а, лл. 23—24 и 31—34.

¹⁸⁰ S. Engel. Nachrichten u. Anmerkungen über die Lage... стр. 4—5.

¹⁸¹ ААН, ф. 1, оп. 3, № 55, лл. 78—79 об.

крытиях около берегов Америки и др.), то без разрешения императрицы он не мог приступить к работе. Однако, получив это разрешение, а также нужные для выполнения работы материалы от Адмиралтейств-коллегии, Миллер, по словам Бюшинга,¹⁸² был отвлечен каким-то новым поручением императрицы, не допускавшим отсрочки, и мог заниматься историей плаваний только по вечерам. Новый труд Миллера,¹⁸³ задуманный в плане описания всех русских экспедиций в Северный Ледовитый и Тихий океаны, не был доведен до конца; сохранившиеся рукописи Миллера¹⁸⁴ дают описание только одной экспедиции Чичагова к берегам Шпицбергена. Судя по тому, что в материалах Миллера сохранились документы, касающиеся других экспедиций 1742—1775 гг.,¹⁸⁵ следует думать, что Миллер действительно собирался дать описание всех экспедиций, но по болезни и будучи занят основной своей работой сделать этого не смог. Для описания экспедиции Чичагова Миллером использованы судовые журналы экспедиции и другие материалы, представленные автору Адмиралтейств-коллегией.¹⁸⁶ Тексту описания предшествует предисловие, в котором Миллер дает разбор тех ошибочных мнений, которые были высказаны прежде всего в трудах Энгеля¹⁸⁷ и затем, в той или иной мере, в следовавших Энгелю работах Вогонди¹⁸⁸ и др. Миллер не называет по имени действительного инициатора экспедиции Чичагова — Ломоносова и о начале этого дела пишет: «На Ледовитом море после Второй Камчатской экспедиции дальнейшие изыскания совершенно прекратились, и они были бы совершенно забыты, если б появившееся в печати описание прежних плаваний не возбудило ревности (Eifersucht) двух особ. Причины, которые приводит один из них, чтобы предостеречь от

¹⁸² Wochentliche Nachrichten, 1776, стр. 324; 1777, стр. 204.

¹⁸³ G. F. Müller. Nachrichten von den neusten Schiffahrten im Eismeer und in der Kamtschatkischen See seit dem Jahr 1742, da die zweite Kamtschatkische Expedition aufgehört hat. Ein Stück aus dem Regierungs-Geschichte der grossen Kayserinn Katharina II. Neue Nordische Beyträge, V, SPb., 1793.

¹⁸⁴ ААН, ф. 21, оп. 2, № 53 — рукопись, писанная неизвестным почерком, с многочисленными вставками и поправками Миллера.

¹⁸⁵ ЦГАДА, портф. Миллера, № 528, I, тетр. 7, 8, 21; № 534, I—V; № 538, I; № 539, I, тетр. 2, 3, 5, 8; № 540, тетр. 2.

¹⁸⁶ Копии этих материалов хранятся в ЦГАДА, портф. Миллера, № 540, тетр. 1, лл. 1—152.

¹⁸⁷ Он имеет в виду французский и немецкий тексты труда Энгеля, вышедшие в 1765 и 1772 гг. (S. Engel. Mémoires et observations...; S. Engel. Geographische und kritische Nachrichten...). На основании этого я полагаю, что Миллер закончил свою работу в начале 1777 г. (рецензия Бюшинга на труд Энгеля 1777 г. появилась в «Wochentliche Nachrichten» 1777 г. в июньских номерах).

¹⁸⁸ Robert de Vaugondy. Lettre de Mr Robert de Vaugondy à M*** au sujet d'une carte systématique des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique. Paris, 1768.

новых попыток, у другого находили объяснение в ошибочности плана, по которому следовали вдоль сибирских берегов, тогда как, по его мнению, надлежало из Архангельска и Колы идти к Шпицбергену и потом вдоль восточного Гренландского берега приблизиться насколько возможно к полюсу, где, по мнению этого лица, по всей вероятности, должен быть короткий и не очень неудобный путь из Ледовитого в Восточный океан. Этому мнения держались еще Баренц (Boagens) и Вуд (Wood) (имена, славные между мореплавателями), из которых второй впоследствии, однако ж, отказался от него. Без испытания нельзя было считать предприятие невозможным. Новые доводы о пользе географии и о чести, которую подобное предприятие принесло бы отечеству, дали новую силу этому предложению».¹⁸⁹

На основании этого можно думать, что «Краткое описание...» Ломоносова было известно Миллеру. «Ревность» к этому вопросу Ломоносова, которой Миллер объясняет существовавшее между ними несогласие, едва ли, однако, лучше освещает сущность их споров, которые Ломоносов, со своей стороны, приписывал «зависти» Миллера.¹⁹⁰

Экспедиция Чичагова, как известно, оказалась неудачной, и робкие попытки следующих лет еще раз осуществить проект Ломоносова также не увенчались успехом.

В конце своего описания плавания Чичагова Миллер возвращается к тому варианту пути, который был первоначально предложен Ломоносовым (между Шпицбергенем и Новой Землей) и который на Западе усиленно защищал Энгель; Миллер выступает против снбоднего, что у полюса существует открытое море, свободное от льдов. Спор с Энгелем, в сущности, был спором по тем же вопросам с Ломоносовым, имя которого и здесь не было названо. В условиях XVIII в., в особенности после экспедиций Кука, последнее слово в этом споре о возможности северо-восточного прохода осталось не за Ломоносовым и не за его соратником в этом вопросе — швейцарским географом Энгелем.

Труд Миллера был издан Палласом в 1793 г.¹⁹¹ Ранее того, в 1785 г., переводчик Сената Иван Пырский перевел труд Миллера на русский язык, и этот перевод был отослан в Адмиралтейств-коллегию, в делах которой его в 1847 г. видел А. П. Соколов; копия с этого перевода сохранилась в одном из портфелей Миллера в ЦГАДА,¹⁹² а также в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина.¹⁹³ Перевод ни разу не был издан.

¹⁸⁹ ААН, ф. 21, оп. 2, № 53.

¹⁹⁰ П. Билярский, ук. соч., стр. 580.

¹⁹¹ G. F. Müller, Nachrichten von den neusten Schiffahrten. . .

¹⁹² № 537, лл. 1—165.

¹⁹³ № 2922/12, лл. 1—126.

В годы заведования Географическим департаментом Миллер не оставлял работы по сочинению генеральной карты Сибири, в чем ему, видимо, помогал Трускотт.

В последующие годы, до отъезда Миллера в Москву в 1765 г., когда Географическим департаментом руководил Ломоносов, никаких известий об участии Миллера в составлении новой карты Сибири и его личной работе в этой области не сохранилось.

После смерти Ломоносова и после назначения директором Академии В. Г. Орлова вопрос об оживлении работы Географического департамента был поставлен вновь. В заседании Конференции 25 сентября 1766 г. рассматривалась генеральная карта Сибири Миллера; она была признана более точной, правильной и подробной по сравнению с известной картой Сибири Атласа Российского 1745 г.; Трускотту было поручено разделить ее на шесть частей и озаботиться ее скорейшим изданием. В начале ноября того же года Конференция слушала письмо Миллера, в котором последний излагал свое мнение по поводу издания его карты и требовал, чтобы она была ему возвращена для внесения дополнений, но это его требование не было принято и обещано лишь, по мере печатания отдельных частей, высылать ему первые оттиски с тем, чтобы он мог вносить исправления и дополнения.¹⁹⁴ К сожалению, сведений о печатании этих карт в ближайшие годы не нашлось, но надо думать, что изданные Трускоттом в 70-х годах карты отдельных частей Сибири,¹⁹⁵ несомненно, имеют основу, взятую из карты Сибири Миллера — Трускотта, готовой уже в 1766 г.¹⁹⁶

¹⁹⁴ Протоколы Конференции, II, стр. 513, 580.

¹⁹⁵ G. S a h e l, ук. соч., №№ 188 (карта от устья р. Енисея до начала Белого моря, 1772 г.), 189 (море Байкал с частями рек Лены, Аргуни, Селенги и Ангары с окололежащими уездами, 1772 г.), 190 (восточная часть Якутского уезда, 1772 г.), 198 (карта Сибирской губ., содержащая в себе Тобольскую и Енисейскую провинции, 1775 г.), 199 (генеральная карта Иркутской губ., содержащая в себе Иркутскую, Якутскую и Удинскую провинции, 1776 г.).

¹⁹⁶ Надо полагать, что карта Сибири Миллера—Трускотта использована также для изданной в 1769 г. Берлинской Академией наук карты «Totius Imperii Russici tabula generalis ex optimis quibusvis Acad. Petropolit, mappis, quarum per magnam Cl. Dn. Ant. Frid. Büsching Consist. Supr. Consil. usui dedit. Soriam collecta...». Каан отмечает, что основа этой карты Сибири взята из «Атласа Российского» 1745 г. и новой карты открытий, совершенных русскими мореплавателями, изданной в 1754 г., но в последнюю внесены дополнения, которые взяты из какой-то подробной русской карты. Бюшинг в 1753 г. просил Миллера выслать некоторые сведения по географии России, и с разрешения Академии Миллер их послал (ААН, ф. 21, оп. 3, № 32). Во втором (1756 г.) и третьем (1758 г.) изданиях первой части «Neue Erdbeschreibung» Бюшинга были использованы, по словам автора, замечания Миллера обо всем, что касалось в этом труде России. Позднее, в 1767 г., в Академии наук был поставлен вопрос об издании географии Бю-

В 1773 г. была издана Академией наук карта новых открытий у берегов Америки с тем же названием и масштабом, как и карта Миллера 1758 г., но с прибавлением «новоизобретенных» американских островов.¹⁹⁷ В своей автобиографии Миллер особо отмечает, что он не принимал участия в издании карты 1773 г., так как последняя была неточной и имела ошибки.¹⁹⁸

Карта 1773 г. вызвала замечания Миллера, напечатанные Бюшингом.¹⁹⁹ Они были отчасти приняты во внимание при переиздании этой карты в «Месяцеслове географическом» на 1774 г. Я. Я. Штелин, автор статьи под заглавием «Краткое известие о новоизобретенном Северном архипелаге»,²⁰⁰ присоединил к ней «Выписку из присланных в Правительствующий

шинга на русском языке (Протоколы Конференции, II, стр. 592), так как русских географий еще нет, но это намерение было оставлено, хотя часть географии Бюшинга («Антон Бюшинга из сокращенной его географии три главы: о географии вообще, о Европе и о Российской империи») появилась в Москве в просмотренном Миллером переводе студента Долинского. В последующие годы Миллер и Бюшинг состояли в оживленной переписке (ААН, ф. 21, оп. 3, № 32—312 писем Бюшинга Миллеру; там же, № 304/36 черновика писем Миллера Бюшингу за 1754—1778 гг.). Неизвестная Каану карта Сибири, из которой заимствованы в карту 1769 г. дополнения по сравнению с картой 1754 г., вероятно, является генеральной картой Сибири Миллера (G. Саһен, ук. соч., стр. 305—306; Пекарский, I, стр. 368—369).

¹⁹⁷ G. Саһен, ук. соч., № 193 (стр. 315—316), опубликовано: В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII в., прил. к стр. 72. Карта 1773 г. вышла, вероятно, в 1774 г. на русском языке под названием: «Карта, / Представляющая изобретения / Российскими мореплавателями / на Северной части / Америки / с окололежащими местами, / в разные путешествия учиненные. Сочинена при Имп. Академии наук», без года, сходна с картой 1773 г., но в нее внесены исправления (например, «Путь, которым часто ездил в древние времена. Путешествие в 1748 г. (в изд. 1773 г.—1648) трех российских кораблей...»).

¹⁹⁸ Н. В. Голицын. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899, стр. 142. И. Б. Шерер в предисловии к изданному им труду Стеллера «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka», выступая против Энгеля, сообщает, что карты новых открытий, полученные капитаном Исленьевым в Иркутске, были пересланы им сначала в Москву, надо полагать Миллеру, который затем отправил их в Академию в два приема, причем часть их поступила в Академию после того, как карта 1773 г. была уже напечатана, чем и объясняется, что на этой карте, например на широте $75\frac{1}{2}^{\circ}$, не отмечены три острова, открытые еще в 1761 г.; на той же карте неправильно показано устье Колымы и др. (G. W. Stellers ... Beschreibung von dem Lande Kamtschatka., herausgegeben von J. B. S[cherer], Frankfurt u. Leipzig, 1774, стр. 11—12). Бюшинг решительно опровергает этот рассказ Шерера и сообщает, что карты промышленников в подлиннике были посланы Исленьевым в Сенат, а копии Миллеру, который переслал их в Академию, своевременно предупредая последнюю об ошибках этих карт (Wochentliche Nachrichten, 1774, стр. 166—167).

¹⁹⁹ Wochentliche Nachrichten, 1773, стр. 214—215, 336.

²⁰⁰ Позднее она была перепечатана (но без карты) в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», ч. III. СПб., 1789, стр. 335—362.

Сенат из Иркутской губернской и Камчатской Большерецкой канцелярии рапортов, какие за Камчаткою бывшими в морском ходу на купецких судах промышленниками острова сысканы и на них люди живут и какие из оных звери и произрастания» (Месяцеслов географический, стр. 350—362).

Знакомство со статьей Штелина и приложенной к ней картой заставило Миллера выступить вновь;²⁰¹ он внес довольно много исправлений в статью, дополнил ее новыми известиями, имевшимися в его распоряжении (карты вновь открытых островов, составленные промышленниками в 1748 г., карты Синдта), в частности, привел те известия, которые получил в 1771 г. от «алеутского князца», приезжавшего к нему в Москву на обратном пути из Петербурга с капитаном Тимофеем Шмалевым (см. об этом ниже). В письме Бюшингу Миллер сообщал, что он давно уже написал бы продолжение своего «Описания морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с российской стороны učinенных», но ему было приказано отложить эту работу до возвращения экспедиции капитана Креницына, отправленного в 1764 г. для точного определения положения островов в Тихом океане.

В 1776 г. в газетах появилось сообщение о выходе «Генеральной карты Российской империи по новейшим наблюдениям и известиям»,²⁰² в связи с этим Миллер запрашивал И. Эйлера, секретаря Академии, имеется ли у Академии разрешение на печатание карты новых открытий у берегов Америки; сообщая, что у него такое разрешение есть, но он не собирается им воспользоваться в ближайшем будущем, он предлагал свою помощь, если потребуется. Это письмо дало повод Я. Шмидту, одному из составителей карты 1776 г., просить Миллера принять участие в составлении этой карты, а равно и специальной карты переиздания 1773 г.; на посланное от Академии письмо Миллер ответил присылкой соответствующих материалов,²⁰³ которые и были использованы при подготовке генеральной карты 1776 г.

Несмотря на свой возраст, Миллер продолжал с неослабным вниманием следить за открытиями 60—70-х годов на северо-востоке Азии и у берегов Америки. Об этих интересах Мил-

²⁰¹ Wochentliche Nachrichten, 1774, стр. 121—124, 129—132; здесь же немецкий текст упомянутой выше «Выписки» (стр. 58—64, 65—70). Несмотря на то что в работе и карте Штелина Миллер отметил немало неточностей и ошибок, труд Штелина вышел вновь в том же 1774 г. в Штутгарте.

²⁰² G. Sa hen, ук. соч., стр. 319—329 (№ 200); ААН, ф. 3, оп. 10, № 77; ф. 21, оп. 1, № 45.

²⁰³ ААН, ф. 3, оп. 10, № 38 — рапорты Я. Шмидта 1776 г. в Комиссию Академии наук, среди них о получении материалов Миллера относительно вновь открытых островов между Камчаткой и Америкой для составления особой карты.

лера особенно много данных в его переписке с Бюшингом, Соймоновым, Палласом и братьями Шмалевыми. О содержании переписки с Бюшингом отчасти уже говорилось выше в связи с вопросом о северо-восточном проходе.²⁰⁴ Интерес Миллера к открытиям на северо-востоке Сибири особенно ярко проявился в его письмах к сибирскому губернатору (с 1763 г. присутствующему по сибирским делам в Московской сенатской конторе) Ф. И. Соймонову.²⁰⁵ Когда Миллеру стало известно об Анадырской экспедиции подполковника Плениснера, в письме от 4 января 1761 г. он выразил свое горячее сочувствие этому делу, надеясь, что результаты позволят ему «такое ж сочинить известие, как я делал о прежних морских путешествиях»; в этом новом своем труде он собирается описать и то, что было разведано «Нерчинской экспедицией»,²⁰⁶ и что будет разведано во время экспедиции на р. Уду, а «особливо ежели оною положение берега от Охотка до Уды и от Уды до Амура так найдется, как я предвозвестил в моем сочинении о морских путешествиях на стр. 323». Боясь, что экспедиция Плениснера не состоится, Миллер усиленно убеждает Соймонова «о том изведывании впредь при удобном случае приложить старание, также и о сочинении точной карты Пенжинской губы, потому что она на карте о морских путешествиях положена мною по одной догадке, о чем значит в описании тех путешествий в ноябре на стр. 406». В письме от 12 мая 1761 г. он обсуждает подробности этой экспедиции — о постройке судов и о поставке провианта на Анадырскую экспедицию, радуясь, что его мнение об этом принято Соймоновым. В письме от 8 октября 1761 г. он просит сообщать ему сведения о Плениснере и особенно прислать его карты и повторяет ту же просьбу в письме от 28 апреля 1763 г. Соймонов старается сообщать все, что может интересовать Миллера. В письмах от 28 мая 1763 г. он уведомляет о приезде Плениснера зимой 1762 г. в Анадырск²⁰⁷ и об отправке им двух судов к берегам Америки; посылает Миллеру карту «Северных земель от Аме-

²⁰⁴ Обзор ее затрудняется из-за очень неразборчивого почерка Бюшинга; черновики писем Миллера Бюшингу сохранились далеко не все и не дают полного представления о переписке.

²⁰⁵ Черновики 16 писем Миллера см. ААН, ф. 21, оп. 3, № 307, письма Соймонова — там же, № 268.

²⁰⁶ Речь идет, по-видимому, о Нерчинской экспедиции 1756—1758 гг., во главе которой стоял в те годы сын Ф. И. Соймонова М. Ф. Соймонов (ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 73, л. 428; ср. Сочинения кн. М. М. Щербатова, т. I, СПб., 1896, стр. 512—513).

²⁰⁷ О Плениснере как «главном командире» в Анадырском и Камчатском краях в 1761—1765 гг. см. Морской сборник, 1869, № 6, неофиц. часть, стр. 37—46, 49. О деятельности Плениснера в Охотске в 1765—1772 гг. см. Морской сборник, 1869, № 11, неофиц. часть, стр. 46—51; № 6, стр. 57—58, 62.

рики», скопированную им у Шапп д'Отероша (последний приехал в Тобольск в 1761 г., когда Соймонов был там губернатором); в письмах конца 1763 г. он уведомляет Миллера о плаваниях купцов Шалаурова и Бахова, о приезде Шалаурова в 1763 г. в Москву, о своих беседах с ним и о предполагаемом новом его «вояже» для обхода Шелагского носа и осмотра земли, «которую с Чукоцкого носа в виду осмотреть можно».²⁰⁸

В переписке 1763 г. обсуждается вопрос о возобновлении Камчатской экспедиции, причем доводы Миллера (в письме от 7 июня 1763 г.), видимо, заставили Соймонова отказаться от первоначального отрицательного отношения к этому делу. В той же переписке 1763 г. находим сообщение Соймонова о том, что по его «ордерам» из Охотска «насланы оленные тунгусы, которые на устье Амура по обеим сторонам были и о тех народах... обстоятельные известия принесли»; эти известия были получены Соймоновым в Москве и, вероятно, имеются в фонде Сената. 10 июня 1764 г. Миллер уведомлял Соймонова о том, что получил от Плениснера письмо от 31 октября 1763 г.²⁰⁹ и «некоторые известия, до Чукоцкого носу касающиеся, и ландкарту»; Миллер надеется в «предбудущем описании новых проведываний о всем том объявить»; так как Плениснер писал о своем путешествии кратко, Миллер просит «приказать выписать из прежних и нынешних его репортов пообстоятельнее» и в дополнение к ним, «приискав между Сибирского приказа», прислать «репорты о находках покойного Павлуцкого и когда и при котором случае он убит». Под влиянием Соймонова в начале 1764 г. Миллер, по его словам, приступил к продолжению своей работы 1758 г. и начал «Описание новых по Сибири полученных открытий»; в нескольких письмах 1764 г. он просит выслать ему описания плаваний Шалаурова, Алеутских островов, известия тунгусов, бывших в устье Амура, дело Сената о Павлуцком и др. Кроме этих материалов, Соймонов выслал записку Плениснера об открытии пяти Медвежьих островов и «карточку» новонайденных между Колымою и Шелагским носом островах. Переписка обрывается на 1765 г., так как оба корреспондента с этого времени стали жить в одном городе — в Москве.

Еще богаче по содержанию переписка Миллера с Палласом. Она включает 188 писем Палласа и пять черновиков писем

²⁰⁸ Сведения о Шалаурове и Бахове в 1763 г. дополняют известия, имеющиеся о них в литературе (ср. Н. Н. О г л о б л и н. К истории полярной экспедиции Бахова и Шалаурова в 1757—1760 гг. ЖМНП, 1902, № 6, отд. II, стр. 269—298).

²⁰⁹ Письма Плениснера Миллеру за 1761—1775 гг. хранятся в ЦГАДА, портф. Миллера, № 528, тетр. 5, лл. 1—91; № 546, VIII, тетр. 6. Два черновых письма Миллера см. ААН, ф. 21, оп. 3, № 307.

Миллера.²¹⁰ Помимо вопросов и дел, относящихся к Академии наук периода 1768—1783 гг., в переписке находим немало известий, касающихся географии и этнографии северо-востока Сибири. Так, при письме 17 марта 1771 г. Паллас переслал Миллеру ящик, в котором находились собранные Исленьевым в Иркутске карты новых открытий (карта Медвежьих, Алеутских и Американских островов, новая карта Пенжинского моря и др.). Из письма Палласа 7 августа 1772 г. видно, что Миллер просил его выслать сведения об Алеутских островах, присланные в Академию иркутским губернатором А. И. Брилем, с которым Миллер состоял в переписке в 1768—1774 гг. и от которого непосредственно получал материалы.²¹¹ Несомненно, в ответ на соответствующее письмо Миллера Паллас в письме от 9 апреля 1774 г. выражает изумление по поводу тех ошибок, которые оказались в упомянутом выше труде Я. Я. Штелина «Кратком известии о новоизобретенном Северном архипелаге».²¹² В письмах 1775—1777 гг. уделяется немало внимания Энгелю и его трудам, причем в 1777 г., когда вышел второй труд Энгеля, Паллас усиленно убеждает Миллера выступить с опровержением. Все географические известия о северо-востоке Азии, полученные в Академии наук в 1778—1781 и следующих годах, сообщаются Палласом Миллеру (о работах Лекселя по проверке астрономических определений северо-восточных берегов Азии, о малой достоверности и новизне сообщаемых Плениснером сведений и его карте, о статье Румовского о Чукотском носе, о карте Дауркина и ее недостатках, об отчетах Кука, полученных английским послом в Петербурге Гаррисом, об отчете Брагина 1772 г. об его плаваниях в северо-восточных водах и др.). Интерес этой переписки и в том, что оба корреспондента являются наиболее осведомленными людьми в России в вопросах современного им северо-востока Азии, хотя многочисленные мелочи их переписки, понятные им, требуют теперь дополнительного объяснения. Переписку эту следовало бы издать, так как она покажет одну из славных страниц в истории русских географических открытий второй половины XVIII в.

С той же точки зрения — собирания географических известий о северо-востоке Азии — несомненный интерес представляет переписка Миллера с братьями Шмалевыми.²¹³

²¹⁰ ААН, ф. 21, оп. 3, №№ 222, 222а и 307.

²¹¹ Письма Бриля Миллеру за 1768—1774 гг. — ААН, ф. 21, оп. 3, № 21; черновики писем Миллера Брилю за 1772 г. — там же, № 304/31; Neue Nordische Beyträge, V. SPb. u. Leipzig, 1793, стр. 13.

²¹² По поводу этого «Известия» Миллер писал самому Штелину 10 и 27 февраля 1774 г. (ЦГАДА, портф. Миллера, № 534, IV, тетр. 2).

²¹³ Письма Шмалевых Миллеру за 1771—1780 гг. см. в ЦГАДА, портф. Миллера, № 150, V, тетр. 21; № 528, II, тетр. 6 и 9; № 539,

Старший из двух братьев Шмалевых, служивших капитанами в Охотском порту и на Камчатке, Тимофей Иванович Шмалев в 1770 г. был послан в Петербург с жителем Алеутских островов для представления Екатерине II. На обратном пути они «по высочайшему повелению» остановились на некоторое время в Москве с тем, чтобы повидаться с Миллером.

Миллер имел, таким образом, возможность «от капитана Шмалева и едущего с ним американца проведать, что к лучшему познанию лежащих за Камчаткою островов и на них живущих народов и их поведений касаться может, и, между прочим, записал... около 200 слов того языка, который оному американцу природной». После беседы с Шмалевым и «американцем» Миллер написал в Петербург С. М. Козмину, секретарю императрицы, о необходимости теперь же приступить к собиранию известий обо всех плаваниях в Великом океане после 1743 г., для сочинения полной истории их.²¹⁴ Беседы со Шмалевым навели Миллера на мысль о необходимости посылки новой экспедиции к берегам Америки из устья р. Анадырь.

Знакомство с Т. И. Шмалевым, а позднее с его братом Василием дало Миллеру очень много. По возвращении в Охотск Тимофей Шмалев стал присылать обстоятельные и весьма ценные известия и описания Охотска, Чукотки, Камчатки и др., которые в большом количестве хранятся в портфелях Миллера. Василий Шмалев также был постоянным корреспондентом Миллера.²¹⁵

В эти же годы он вел переписку и с другими лицами, от которых получал нередко новые материалы по интересовавшим его географическим вопросам.²¹⁶

По мере накопления новых географических известий о северо-востоке Азии и о плаваниях и открытиях русских у берегов Америки все настоятельнее вставал вопрос о продолжении

I, тетр. 1а, 1б. Черновики писем Миллера к Шмалевым сохранились в небольшом количестве в ААН, ф. 1, оп. 3, № 308. К письмам Шмалевых были приложены многочисленные географические записки и карты: описание трактов от Якутска до Анадырска, от Верхнеколымска до устья Омолона и от «Ярмарки» до устья Олоя, карта Восточной Сибири 1775 г. с указанием пути Дауркина, план Тигильской крепости 1775 г. и мн. др.

²¹⁴ Черновик письма Миллера — ААН, ф. 21, оп. 3, № 310ж.

²¹⁵ Перечень материалов, полученных Миллером от Шмалевых, см. в первом обзоре рукописей Миллера и других участников Второй Камчатской экспедиции в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, т. I, стр. 554—556.

²¹⁶ Кроме указанных выше лиц, Миллер называл (Neue Nordische Beiträage, V, стр. 13) сибирского губернатора Д. И. Чичерина, одно письмо которого (без даты) имеется в переписке Миллера (ЦГАДА, портф. Миллера, № 389, I, тетр. 14, л. 1). В переписке с Миллером состоял также иркутский губернатор Ф. Н. Кличка (его письма 1763—1781 гг. см. ААН, ф. 21, оп. 3, № 152).

работы 1758 г., в которой следовало довести историю русских открытий до последнего времени.

Выше уже отмечено, что в 1776 г. Миллер приступил к подобной работе — дал описание экспедиции Чичагова, но на этом и остановился. В одном из писем Бюшингу 1778 г., сообщая ему различные новости по части географии Сибири, Миллер писал: «плавания к американским островам дали столько новых известий, что о них, на основании имеющихся у меня известий, можно было бы написать целые фолианты, но мне приходится предоставить это дело моим помощникам по архиву, так как все настоятельней от меня требуют историю нашей Академии...». Но в письме Миллера директору Академии Домашневу он сообщал, что занимается составлением продолжения истории плаваний к Камчатке, «так как имеет очень много материалов об этом. Мне не хватает только рисовальщика, который сочинил бы карту этих плаваний, весьма отличную от той, которая недавно была издана Академией».²¹⁷

Отвлекаемый делами Архива и требованиями Академии ускорить окончание ее истории, к тому же часто болевший в последние годы, Миллер так и не написал давно задуманной им истории плаваний русских в Северном Ледовитом и Восточном океанах после 1742 г.; во всяком случае, в его бумагах подобной работы не сохранилось.

В последние годы жизни Миллер занимался также некоторыми другими работами, имеющими отношение к географии России, в частности Сибири.

В 1779 г. Академия обратилась к Миллеру с просьбой дать описание границ Российской империи для задуманного тогда Академией топографического описания всей России и вместе с тем высказаться по поводу напечатанных в Академии карт. Выполнил ли Миллер первую просьбу, неизвестно,²¹⁸ но на второй вопрос он ответил в феврале 1779 г. подробнейшим обзором географических работ Академии за время с 1743 и до 1776 г. включительно. Напечатанный это письмо Бюшинг²¹⁹ справедливо называет его «важным», так как многие вопросы как личных работ Миллера по географии Сибири, так и деятельности Академии в этой области получают здесь разъяснение.²²⁰

²¹⁷ А. Büsching, *Beyträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer*, III, стр. 100. — ААН, ф. 21, оп. 3, № 306 (впрочем, приведенное место письма Домашневу в черновике зачеркнуто).

²¹⁸ Статья не отыскана в его портфелях, а ссылки на нее у С. М. Соловьева и других неверны.

²¹⁹ А. Büsching, *ук. соч.*, стр. 102—116.

²²⁰ Письмо это не отыскано мною в ААН, но в подтверждение того, что оно было получено в Академии и даже переводилось на русский язык, см. письмо Палласа Миллеру от 7 марта 1779 г. (ААН, ф. 21,

В вышедшем в 1773 г. «Географическом лексиконе Российского государства... из достопамятных известий, собранных коллежским ассессором и города Вереи воеводою Федором Полуниным, а с поправлениями и пополнениями для пользы общества в печать изданном трудами и с предисловием Герарда Фридерика Миллера» последний принимал весьма большое участие: многие статьи «Словаря» основаны на «собственных... путешественных описаниях» Миллера, которые, как он отмечает, никогда не были использованы им ранее.²²¹ Над исправлением и дополнением этого «Словаря» Миллер продолжал трудиться до конца своих дней. Нет надобности указывать, что в «Словаре» много данных по географии Сибири, источником для которых нередко служат те «географические описания» уездов, реестры географических пунктов и тому подобные материалы, которые собирались и сочинялись Миллером еще во время Второй Камчатской экспедиции, а дополнялись во все последующие годы.

Собранные Миллером карты составляют исключительную по ценности коллекцию карт о Сибири второй половины XVIII в. К сожалению, о составе этой коллекции мы по-прежнему знаем только по тем недостаточным описаниям ее, которые были составлены вскоре после смерти Миллера²²² и которые в той или иной мере повторены в последующих описаниях карт того же Архива Коллегии иностранных дел (ныне ЦГАДА), куда эти карты поступили.²²³ Среди этих карт некоторые сочинены самим Миллером. Особенный интерес представляет та, которая под названием генеральной карты Сибири упоминалась уже выше, но обнаружить ее среди других карт оказалось делом нелегким. Поиски генеральной карты Сибири, составленной Миллером, не дали еще окончательных результатов, но все же одну из генеральных карт Сибири можно, кажется, приписывать Миллеру. Среди карт Сибири, оставшихся в архиве Миллера после его смерти, в реестре № 4, в описи ландкарт и планов показана первой среди сибирских карт единственная генеральная карта под № 37, причем в опись она внесена сокращенно, как «Генеральная карта Сибирского царства», на одном листе. В «Реестре географическим атласам, картам и планам Сибири»

оп. 3, № 222а); в нем, между прочим, читаем: «Den Geographischen Departament wird wohl die lautere Wahrheit nicht allerdings gefallen».

²²¹ Пекарский, I, стр. 421—423.

²²² Они напечатаны в работе Н. В. Голицына «Портфели Г. Ф. Миллера», стр. 42—53.

²²³ Работы Пуцилло, Рачинского (Ratchinski. Indicateur des carts géographiques et des plans de différentes parties de l'Asie, appartenant à collection cartographique de la Bibliothèque des archives principale du Ministère des affaires étrangères à Moscou. 1876) и др.

1879 г.²²⁴ та же карта отмечена под № 26, как «Карта генеральная всего Сибирского царства с показанием границ Тобольской и Иркутской губерний, дорог, местопребывания комендантов, гарнизонов и южных границ Сибири. Рукоп.».

На табл. V, приложенной к труду Каана,²²⁵ эта карта воспроизведена в уменьшенном виде. Так как карта без даты, то Каан пробует установить ее и, сравнивая эту карту с известными картами Сибири, находит, что основу ее составляет карта Сибири «Атласа Российского» 1745 г.; а ее номенклатура весьма близка к той, которая имеется на карте Трускотта-Шмидта. («Генеральная карта Российской империи... сочиненная И. Трускоттом и Я. Шмидтом. 1776 г. Вырезывали К. Фролов, Е. Худяков, Н. Зубков»). Но в свою карту неизвестный автор внес несколько дополнений, а потому Каан датирует эту карту временем, близким к 1776 г., а в авторе ее склонен видеть военного человека, так как, кроме точного обозначения городов, крепостей, острогов и пр., на этой карте отмечены также все пограничные пункты.

Особенностью анонимной карты Сибири является то обстоятельство, что на ней указаны крепости, церкви, остроги, слободы, ясачные зимовья и т. п. Это вполне соответствует требованиям к генеральным картам таких областей, как Сибирь, которые Миллер предъявлял в упомянутом обширном письме в Академию 1779 г. к изданным ею картам, в частности к генеральной 1776 г.;²²⁶ судя по контексту письма, отсутствие этих данных на карте 1776 г. составляло, по мнению Миллера, ее недочет, который он исправил, конечно, на своей карте. Наличие на карте Сибири отмеченных подробностей и, кроме того, новых пунктов, не известных Трускотту—Шмидту в 1776 г., является признаком, сближающим эту анонимную карту с картой Сибири, работу над которой Миллер начал в 1745 г. и не оставлял во все годы своей жизни в Москве; для нее он, естественно, использовал не только «генеральную карту» Трускотта—Шмидта 1776 г., но и другие картографические материалы, которых не было в распоряжении Академии. О том, что Миллер располагал подобными материалами видно из реестра карт, оставшихся после него. Например, за № 113 по этому реестру значится «Карта Охотска, Камчатки и соседственных мест, сочиненная Гавр. Прибыловым» в 1775 г., видимо под наблюдением одного из капитанов Шмалевых; об этом же свидетельствует и № 128 по тому же реестру («Карта части

²²⁴ М. П. Пудило. Указатель, стр. 110.

²²⁵ G. S a h e n, ук. соч., табл. V.

²²⁶ A. B ü s c h i n g, ук. соч., стр. 113—114.

Камчатки. . . 1780 г.»), а также многочисленные материалы, приводимые в первом обзоре рукописей Миллера, выделенные под рубрикой «Восточная Сибирь и Камчатка». С капитанами Тимофеем Ивановичем и Василием Ивановичем Шмалевыми Миллер, как уже сказано, состоял в переписке в 1770—1780 гг., причем получал от них не только разные сведения о тех местах, но также карты (например, в 1780 г. план залива 16-го Курильского острова, в 1775 г. карту Восточной Сибири, план Охотска и др.). Как отмечает Каан, большинство отличий «Карты генеральной всего Сибирского царства» от карты Трускотта—Шмидта 1776 г. относится именно к территории к востоку от Лены, а потому естественно думать, что источник этих отличий был неизвестен составителям карты 1776 г., а эти новые данные могли быть извлечены, например, из упомянутой переписки братьев Шмалевых с Миллером.²²⁷

Окончательный ответ на вопрос о том, попали ли такие данные на «Карту генеральную Сибирского царства» из этого источника — переписки Миллера со Шмалевыми и другими лицами, имевшими отношение к тем местам, — может быть получен только после детального изучения всех материалов, относящихся к вопросу и указанных в обзоре рукописей Миллера о Восточной Сибири и Камчатке. Но и на основании приведенных доводов я склонен думать, что единственная «Карта генеральная Сибирского царства», оказавшаяся в его архиве в год его смерти, составлена самим Миллером.²²⁸

В марте 1754 г. Миллер был назначен секретарем Конференции и по своей новой должности занял очень видное положение в Академии наук. С 1755 г. начали выходить под его редакцией «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (переименованные в 1758 г. в «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», а с 1763 г. получившие название «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах»). При его живейшем участии и под его редакцией вышло 20 книг.

²²⁷ В бумагах Миллера сохранился, например, черновик письма его от 3 сентября 1778 г. к братьям Шмалевым, начинающийся так: «Я не оставил по вашим письмам и описаниям такое употребление учинить, как для общественной и для вашей чести полезно мне рассудилось. Что ничего того в печать еще не вышло, оное зависит не от меня, но от высочайшей власти, коей всемилостивейшего дозволения я ожидал». Миллер просит присылать и дальше сведения географические, а о себе пишет: «... по милости божией по сие число еще в довольно крепком здравье и уповаю окончить описание истории о тамошних новых учреждениях и изобретениях новых островов, в чем вы толь похвальное участие имеете и ревнительные услуги показали» (ААН, ф. 21, оп. 3, № 310).

²²⁸ Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 44, 48, 49; М. П. Пуцилло. Указатель, стр. 110; G. Sahen, ук. соч., стр. 331—333 и табл. V (между стр. 330 и 331); ЦГАДА, портф. Миллера, № 528, I, тетр. 19, 20, 22, 16, 17, 10; II, тетр. 3, 5, 6, 7, 9; № 539, тетр. 6, 8, 11, 12, 14, 15, 16, 17 и др.

В 1758 г. было возобновлено издание «Sammlung Russischer Geschichte», которое приостановилось после смерти Байера (1737 г.) на четвертом выпуске второго тома. Миллер закончил этот том (выпуски четвертый—шестой), а затем продолжал вести это издание до 1764 г., когда им был выпущен девятый том.

Миллеру, как редактору первого из этих журналов, посвящены две ценные работы,²²⁹ но, к сожалению, до сих пор не до конца установлено авторство самого редактора в отношении многих статей этих изданий, в частности тех, которые относятся к Сибири.²³⁰ В этих изданиях, особенно в «Sammlung Russischer Geschichte», Миллер напечатал большинство своих работ по истории и отчасти географии и экономике Сибири, написанных им ранее; они нередко были одобрены Конференцией для напечатания, но не печатались в силу тех препятствий, которые их издание встречало со стороны академических советников Шумахера и Теплова. Здесь же появились и некоторые работы Миллера, написанные им в недавнем прошлом. Но, печатая свои старые труды или давая их в русском переводе, Миллер подвергал их переработке в соответствии с новыми материалами, которые стали известны ему теперь, или ввиду изменения его взглядов на те или иные вопросы, или, наконец, в силу представившейся возможности не считаться с теми мнениями, из-за которых в прежние годы приходилось выкидывать отдельные куски сочинений или изменять их в угоду этим мнениям. Такое отношение к взглядам и тем самым к людям, с которыми надо было считаться прежде, зависело и от изменившегося отношения к Миллеру в правящих кругах. Как редактор «Ежемесячных сочинений», он в первое время проводил свои и чужие статьи через Конференцию,²³¹ но позднее стал действовать совершенно самостоятельно.²³² Это необходимо учитывать, когда приходится иметь дело с Миллером как историком Сибири, давшим в эти годы, между прочим, несколько работ, относящихся к разным моментам ее прошлого, а в первые годы царствования Екатерины опубликовавшим, на-

²²⁹ В. А. Милютин. Очерки русской журналистики, преимущественно старой. Современник, 1851, т. XXV, № 1, отд. II, стр. 1—51; № 2, стр. 151—182; т. XXVI, № 3, стр. 1—48; П. П. Пекарский. Редактор, сотрудник и цензура в русской журналистике 1775—1794 гг. СПб., 1867.

²³⁰ Сохранился типографский оригинал статей «Ежемесячных сочинений...», 1755 г., дающий ценный материал о работе Миллера как редактора чужих статей (ААН, р. II, оп. 1, № 217; ср. ф. 21, оп. 1, № № 25, 27).

²³¹ Протоколы Конференции, II, стр. 322, 340.

²³² ААН, ф. 21, оп. 1, № 27 — постановление Канцелярии 1757 г. с замечаниями Миллеру за самостоятельное ведение журнала.

конец, на немецком языке десять глав своей «Истории Сибири» в той редакции, которая отличалась от редакции 1750 г. (для глав 1—5) и 1751—1752 гг. (для глав 6—10) и, несомненно, более отвечала научному пониманию автора в те годы. Однако текст «Истории Сибири», опубликованный Миллером на немецком языке, почти не вошел в научный оборот, и историки Сибири продолжали цитировать его труд по изданию 1750 г. или его перепечатке 1787 г. В 1937 г. С. В. Бахрушиным и мною был издан перевод глав 1—5 «Истории Сибири», напечатанных Миллером по-немецки в томе шестом «Sammlung Russischer Geschichte». ²³³ Изданию в 1937 г. первого тома «Истории Сибири» предшествовала кропотливая работа по изучению сохранившихся рукописей «Истории», изложенная во вступительной статье к первому тому. ²³⁴

Кроме глав 1—10 «Истории Сибири», в 1755—1764 гг., главным образом в «Ежемесячных сочинениях», появились также работы Миллера по истории, географии и экономике Сибири: в 1755 г. — «О первых Российских путешествиях в Китай», явившаяся переработкой главы 7 «Истории Сибири», и «Известие о торгах Сибирских», написанное еще в 1744 г. В 1756—1757 гг. Миллер продолжал печатание «Известий о торгах» (в количестве 100 экземпляров этот труд был напечатан отдельно), ²³⁵ «Описания живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: черемис, чуваш и вотяков», «Росписи губерниям, провинциям, городам, крепостям и другим достопамятным местам, в Российской империи находящимся», в основу которой положена роспись, печатавшаяся в академических календарях, но с исправлениями Миллера, внесенными на основании своих и чужих (например, П. И. Рычкова) материалов; в этой росписи имеются соответствующие данные о Сибирской губ., которые, кажется, использованы также на карте Сибири Миллера, о которой сказано ранее, «О китовой ловле около Камчатки» и др. ²³⁶

В 1758 г., как уже отмечено выше, на русском и немецком языках появился большой труд Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Россий-

²³³ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I.

²³⁴ См. там же, стр. 134—139.

²³⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 213, лл. 19—21; Р. М. Тонкова. К истории русского отгиска. Труды Института книги, документа и письма, V, М.—Л., 1936, стр. 189—192.

²³⁶ На немецком языке этот труд Миллера в редакции 1740 г. появился во второй части «Magazin für die Historie und Geographie», издававшегося Бюшингом, и приписан там генералу Х. Киндерману, по списку которого его напечатал Бюшинг. Письмо Миллера Бюшингу о своем авторстве см. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen... III, стр. 151—152.

ской стороны учиненных».²³⁷ 1759 год отмечен только немецким изданием «Nachrichten von der Handlung in Sibirien».²³⁸ В 1760 г. Миллер напечатал «Nachricht von dem Gold-Sande in der Buchargeu...», основанием для которой послужила его работа первых лет Камчатской экспедиции, посвященная той же теме и истории строения крепостей в верховьях Иртыша; по словам Миллера, эта работа не печаталась так долго потому, что были еще живы некоторые лица, о которых ему приходится говорить в этой работе.²³⁹ В том же году напечатан «Nachricht von den Ajuckischen Calmücken. Aus dem Schwedischen übersetzt».²⁴⁰ Это немецкий перевод появившейся в 1744 г. в Стокгольме на шведском языке книжки, посвященной калмыкам. Миллер дал перевод с примечаниями шведского издателя и своими (его примечания отмечены звездочкой), присоединив к ним известие о волжских калмыках. Тема о Китае и его отношениях к русским продолжала привлекать внимание историографа, и напечатанная в том же году «Von den ersten Reisen die von Russen nach China geschehen sind»²⁴¹ является новой переработкой текста главы 7 «Истории Сибири» и русской статьи на ту же тему, напечатанной в 1755 г.

Последующие годы особенно примечательны с интересующей нас точки зрения: в 1761 г. выходит одновременно на русском и немецком языках «Nachricht von Land- und See-Carten die das Russische Reich und die zunächst angränzenden Länder betreffen»,²⁴² где в обзоре карт, вышедших по 1761 г. включительно, отмечены карты Сибири, известные Миллеру и, в частности, основанные на открытиях Второй Камчатской экспедиции. Но, конечно, крупнейшим событием этого года было появление в шестом томе «Sammlung Russischer Geschichte» первых пяти глав «Sibirische Geschichte» с интересным послесловием автора к статье о ландкартах, о Новгороде (в пятом томе) и к «Истории Сибири».²⁴³

---

²³⁷ Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1758, январь—май, июль—ноябрь. Была также напечатана появившаяся ранее на русском языке работа «Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken» (SRG, III, ч. 1—3, стр. 305—381).

²³⁸ SRG, III, ч. 4.

²³⁹ В русском переводе та же работа появилась в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих», 1760, январь—февраль, стр. 3—54 и 99—136; SRG, IV, ч. 1—2, стр. 183—274.

²⁴⁰ SRG, IV, ч. 3. См. выше, стр. 38.

²⁴¹ SRG, IV, ч. 5.

²⁴² SRG, VI, ч. 1, стр. 1—108; Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, 1761, ноябрь—декабрь, стр. 387—448 и 484—527.

²⁴³ Часть этого «послеловия», относящуюся к «Истории Сибири», см. в «Истории Сибири», I, стр. 326—327.

В опубликованных в 1762 г. извлечениях из труда д-ра Г. Шобера «Memorabilia Russico-Asiatica» Миллеру принадлежат примечания к тем местам труда, где автор говорит, например, о калмыках, «ногайских или астраханских татарах», «о монголах и древней Татарии», о родине монголов и пр.²⁴⁴

В 1763 г. вышло продолжение «Истории Сибири» (главы 6—10); обзор содержания глав 6 и 7 на русском языке Миллер напечатал в том же году в «Ежемесячных сочинениях»²⁴⁵ и в следующем, 1764 г. в том же журнале — русский перевод глав 6, 7 и 8 «Истории»; переводчику Волкову был заказан также перевод глав 9 и 10, но он был выполнен им тогда, когда печатание «Ежемесячных сочинений» прекратилось.²⁴⁶ Кроме того, в 1763 г. Миллер опубликовал «Nachricht von der russischer Handlung nach China», а в последний год издания «Ежемесячных сочинений» в них появился перевод «Описания путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге».²⁴⁷ Это описание посольства Тулишена, переведенное с маньчжурского переводчиком Академии И. Россохиным; перевод был одобрен Конференцией к напечатанию еще в 1755 г.,²⁴⁸ но издан Миллером только в 1764 г. То же описание посольства Тулишена, как уже отмечено, переведенное Миллером на немецкий язык с французского перевода и с его примечаниями, было напечатано им (вернее, по его бумагам Крамером) еще в 1734 г.²⁴⁹ Наконец, в том же 1764 г. была напечатана работа Миллера, написанная им по поручению Екатерины II: «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных»;²⁵⁰ в первой части работы Миллер говорит о сибирских могильных древностях, сообщая подробности о них, почерпнутые из его богатых наблюдений во время путешествия и сообщений, полученных им от разных лиц, связанных с Сибирью.

Ввиду предстоящего отъезда своего в Москву Миллер просил Академию о разрешении взять туда все, что им списано из архивов во время сибирского путешествия, «так как всего нуж-

---

²⁴⁴ SRG, VII, ч. 1—2, примечания Миллера на стр. 47—71, 74—79 и др.

²⁴⁵ SRG, VIII, ч. 1—5; Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, 1763, октябрь, стр. 354—368.

²⁴⁶ Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, 1764, январь, стр. 3—43; февраль, стр. 99—135; март, стр. 196—237; апрель, стр. 291—324; май, стр. 387—418; июнь, стр. 483—528. Перевод С. Волкова см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 169.

²⁴⁷ SRG, VIII, ч. 6, стр. 504—520; Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, 1764, июль—ноябрь.

²⁴⁸ Протоколы Конференции, II, стр. 332.

²⁴⁹ SRG, I, ч. 4, стр. 327—348.

²⁵⁰ Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, 1764, декабрь.

нее окончить ему и Сибирскую историю»; эта просьба его была удовлетворена,²⁵¹ и таким образом большая часть архива Камчатской экспедиции оказалась в марте 1765 г. в Москве, в книгохранилище самого историографа, как это видно из описи, составленной в год смерти Миллера.²⁵² Судя по этой описи, многие академические рукописи (в частности, рукописи самого Миллера) оставались в Москве довольно долго и вернулись в Академию в меньшей своей части только в 30-х годах XIX в.²⁵³

Занятый многими другими делами, Миллер вернулся к темам Сибирской истории в 1766—1767 гг., когда получил, наконец, возможность заняться просмотром книг и столбцов Сибирского приказа, но в его бумагах и известиях о нем никаких следов его работы в эти годы над сибирскими материалами, вывезенными из Петербурга, не сохранилось. В октябре 1769 г. Фишер, «Сибирская история» которого вышла, наконец, на немецком языке в 1768 г., обратился в Конференцию с предложением о продолжении своих работ по «Сибирской истории» после 1660 г.; этой датой заканчивался текст Миллера и извлечение из него, составленное Фишером. Конференц-секретарю И. Эйлеру поручено было обратиться к Миллеру от имени Академии с просьбой о присылке собранных им материалов по истории Сибири после 1660 г. В сущности, речь шла прежде всего о возвращении в Академию тех книг с копиями документов сибирских архивов, которые были привезены Миллером из Сибири и взяты с собой в Москву в 1765 г. В ответном письме Миллер обещал выслать требуемые копиянные книги. Когда в конце января 1770 г. были получены в Академии 34 тома копий документов,²⁵⁴ директор Академии В. Г. Орлов предложил и Конференция согласилась просить Миллера выслать его собственные работы, основанные на этих архивных материалах после 1660 г., если таковые у него имеются, и тем способствовать работе Фишера. Письмо было послано 25 января, ответное письмо написано Миллером 8 февраля и получено в Академии 16-го; в нем Миллер, между прочим, писал: «Как жаль, что я не могу выполнить предложения (Absichten, — А. А.) нашего... директора в отношении проф. Фишера. Во-первых, у меня нет готовых работ о Сибири, но если бы даже они были, то преж-

²⁵¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 288; Материалы, VI, стр. 4.

²⁵² Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 18 и сл.

²⁵³ Обстоятельства этого дела подробно рассказаны в той же брошюре Н. В. Голицына, стр. 57—60.

²⁵⁴ Но не был возвращен тогда том 35 копий, который в описи 1748 г. значится под № 103: «Десятая книга о горных заводах и делах, на 257 листах», а в описи рукописей Миллера 1783 г. внесена, по-видимому, под №№ 400 и 401: «Списки и ведомости о рудных в Сибири делах, тт. I и II».

нее обращение проф. Фишера с моим трудом должно бы меня от этого отпугнуть. Но об этом я говорю неохотно».²⁵⁵ В конце мая того же года Фишер вошел в Конференцию с представлением о том, что Миллер недослал двух томов, в которых находятся указатели к 34 книгам, без чего разработка материалов крайне затруднительна. В результате сношений с Миллером выяснилось, что указатели составлены им для собственных надобностей и за его счет.²⁵⁶ Но Миллер очень охотно согласился выслать копию с них, которая и была получена в августе-сентябре.²⁵⁷ Однако из работы Фишера, в помощь которому был дан студент Венедиктов, как известно, ничего не вышло.

В последующие годы, когда после смерти в 1771 г. Фишера Миллер остался в Академии единственным историком Сибири, он не возвращался к занятиям историей Сибири, но проявлял живейший интерес к деятельности академиков, путешествовавших по Сибири в те годы,²⁵⁸ оказывая им нередко помощь и содействие. Если в 70-е годы напечатаны некоторые его работы, то по времени написания они относятся к более раннему периоду, да и в издании их Миллер едва ли принимал участие. Так, в 1774 г. Шерер издал «Описание Камчатки» Стеллера и в конце его поместил «Geographie u. Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen u. mündlichen Nachrichten gesammelt zu Jakutzk 1737», составленную Миллером еще до путешествия Крашенинникова и Стеллера. Несколько позже, именно в 1777—1779 гг., в Оффенбахе-на-Майне Ульрихом Вейсом было выпущено сокращенное переиздание «Sammlung Russischer Geschichte»,²⁵⁹ в пяти частях, но к этому изданию Миллер, видимо, не имел никакого отношения.²⁶⁰ В третьей—пятой частях этого немецкого издания напечатаны главы 1—10 «Истории»,

²⁵⁵ ААН, ф. 1, оп. 3, № 57, л. 23 (в немецком подлиннике это место отчеркнуто).

²⁵⁶ Их действительно не было при сдаче копийных книг в 1748 г. в архив Исторического собрания, а затем в архив Конференции.

²⁵⁷ Копия в ААН, ф. 21, оп. 4, № 35; подлинник в ЦГАДА, портф. Миллера, № 482; I—II и № 483, тетр. 1; Протоколы Конференции, II, стр. 711, 722, 725, 734, 738, 744, 745, 748, 752, 758 и 761.

²⁵⁸ Протоколы Конференции за 60—70-е годы, passim, ААН, ф. 1, оп. 3 (входящие письма Миллера за эти годы); Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. Научное описание, составленное И. И. Любименко. М.—Л., 1937 (по указателю); ААН, ф. 21, оп. 3, №№ 313—315 — письма секретаря Конференции И. Эйлера Миллеру и № 308 — черновики писем Миллера И. Эйлеру за те же годы.

²⁵⁹ Об этом издательстве в общедоступных словарях сведений найти не удалось; об издании же Вейса отзыв см. у А. Ф. Бюшинга (Wochentliche Nachrichten, 1778, стр. 307—308).

²⁶⁰ Вероятно, Миллер не оставил бы здесь (SRG, I, стр. 1—8) без исправления ту ошибку, которую он невольно допустил в первом издании «Nachricht von einem alten Manuscript der Russischen Geschichte des

отличающиеся от русского издания «Sammlung» тем, что немецкий издатель опустил все русские тексты, которые, хотя и в небольшом количестве, все же приведены в немецком тексте Миллера. В четвертой части того же издания были перепечатаны «Nachrichten von Seereisen... längst der Küsten des Eismeeres...» и в пятой части — «Geschichte der Gegenden am Flusse Amur...».

Все же в эти последние годы своей жизни Миллер представил в Академию историю Камчатской экспедиции за 1733—1735 гг., причем в протоколе Конференции от 7 июня 1781 г. отмечено, что «ввиду важности этой истории» ее решено было читать в заседаниях Конференции, что и было выполнено в заседаниях 11 и 25 июля того же 1781 г.²⁶¹ Миллер не закончил и на этот раз историю Камчатской экспедиции. Написанная им тогда часть истории появилась лишь спустя сто с лишним лет, в шестом томе «Материалов для истории Академии наук».²⁶² Этот труд был последним, где Миллер вернулся к темам, от которых, в сущности, не отходил в течение пятидесяти лет. 11 октября 1783 г. он скончался.

Академии было, конечно, хорошо известно, что историограф являлся обладателем драгоценного собрания книг и рукописей, которые могли бы весьма обогатить академическую библиотеку и архив. С такой точки зрения вполне возможно, что рассказ А. Ф. Бюшинга²⁶³ о намерении тогдашнего директора Академии Домашнева в случае смерти Миллера «завладеть» для Академии его рукописями и книгами соответствует действительности, но, как известно, громадное и ценное собрание Миллера в Академию наук тогда не попало. Академия не могла, однако, не заняться тем наследием Миллера, которое имелось в ее распоряжении и, по ее мнению, представляло научную ценность.

Неизвестный автор некролога Миллера (кажется, Иоганн Эйлер) отмечал, что Миллер был первым, который указал настоящие источники русской истории.²⁶⁴

Abtes Theodosii von Kiow» (вместо Нестора автором летописи назван здесь Феодосий) и которая была им печатно отмечена в 1754 г., но повторена в издании Вейса 1777 г. В переписке Миллера, сохранившейся в большом порядке (ААН, ф. 21, оп. 3), я не нашел никаких следов его сношений с Вейсом.

²⁶¹ Протоколы Конференции, III, стр. 535—536, 538 (была прочитана только история за 1733 и 1734 гг.). О рукописи этого труда см. Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 128.

²⁶² Материалы, VI, стр. 269—289, 340—366 и 393—422.

²⁶³ А. Büsching, ук. соч., стр. 115—117.

²⁶⁴ Nova Acta Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae, I, 1787, стр. 215—217. Материалы к некрологу см. ААН, ф. 21, оп. 6, № 3.

Но еще до издания этого некролога биографические сведения о Миллере как историке появились уже за границей. В вышедшем в 1784 г. труде Вильяма Кокса, посвященном описанию его путешествия в Польшу, Россию и другие страны, автор восторженно рассказывает о своих встречах и беседах в 1778 г. с «eminent historian»; Кокс приводит биографические данные о Миллере — «the great father of Russian history» — и дает перечень его основных работ. Кокс указывает, что многим обязан Миллеру в своих работах, посвященных русским открытиям в районе между Азией и Америкой.²⁶⁵

В 1785 г. была напечатана первая серьезная биография и обзор научных трудов Миллера. Автор ее, А. Ф. Бюшинг,²⁶⁶ все последние 30 лет жизни Миллера находился с ним в постоянном общении и располагал большим количеством сведений о Миллере, полученных непосредственно от него. Соответствующие места биографии, где он приводит переписку с ним Миллера, до сих пор сохраняют значение документального источника, так как попытки отыскать подлинные материалы Миллера не всегда оканчиваются успешно. Давая довольно полный обзор научной деятельности Миллера за весь период его работы в России, труд Бюшинга, написанный в несколько восторженном тоне по отношению к Миллеру, не лишен, конечно, некоторых неточностей, но все же до сих пор является наиболее полной биографией Миллера, которую не заменила другая биография, составленная лет через 80 после того, — труд П. П. Пекарского.²⁶⁷

В ближайшие после смерти Миллера годы в Академии было предпринято переиздание некоторых его работ и возобновлены издания, которыми он руководил. В связи с возросшим после экспедиций Палласа, Лепехина и других интересом к Сибири Академия наряду с изданием их трудов переиздала некоторые старые работы о Сибири. Так, в 1786 г., кроме труда Крашенинникова о Камчатке, Академия предприняла второе издание «Описания Сибирского царства», которое вышло в следующем году в количестве 600 с небольшим экземпляров.²⁶⁸

²⁶⁵ W. Coxe. Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark, 6th ed., London, 1803, vol. I, стр. 166—169, 205—211, 228, 239—240. Часть труда Кокса переведена Н. А. Белозерской (см. Русская старина, 1877, т. XVIII, стр. 309—324; т. XIX, стр. 23—52, 650). Труд Кокса о русских открытиях между Азией и Америкой — W. Coxe. Account of the Russian discoveries between Asia and America ... London, 1780 (в нем впервые использованы журналы экспедиции Креницына—Левашова).

²⁶⁶ Биографию Миллера, написанную Бюшингом, см. Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen, insonderheit gelehrter Männer, III, стр. 1—160.

²⁶⁷ Пекарский, I, стр. 308—430.

²⁶⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 354, л. 179.

Издание 1787 г. выпущено было без всяких изменений против прежнего (если не считать того, что с титульного листа был снят «виньет Сибири» работы акад. Штелина, украшавший титульный лист издания 1750 г.).²⁶⁹ Вызывает интерес самый факт переиздания именно в эти годы, так как одновременно с перепечаткой «Описания Сибирского царства» с июля того же 1786 г. были возобновлены «Ежемесячные сочинения», приостановившиеся со времени отъезда Миллера в Москву.²⁷⁰ В это время можно отметить некоторое оживление интереса к трудам Второй Камчатской экспедиции, в частности к работам Г. Ф. Миллера. В «Ежемесячных сочинениях» (за 1796 г., январь—июль) напечатано «Описание лежащих на реке Амуре областей в том их положении, когда они находились под Российской державою», в новом переводе с немецкого текста Миллера. Кроме «Описания Сибирского царства», был перепечатан труд Жербилона «О великой Татарии» с примечаниями Миллера,²⁷¹ а в 1791 г. переиздано напечатанное по-русски в 1756 г.²⁷² «Описание трех языческих народов», отличающееся от предшествующего издания тем, что к тексту приданы восемь рисунков, которые были сделаны Люрсениусом и Берканом в 1773 г. и хранились в фонде Камчатской экспедиции.²⁷³

Отмечая эти факты, обязанные, несомненно, общему интересу к Миллеру и оставшимся после него трудам, следует сказать, что к этому времени относятся новый разбор и описание материалов Второй Камчатской экспедиции, находившихся в архиве Конференции, среди которых было немало трудов Миллера. В результате была составлена опись «Сибирского архива». Многие дела и рукописи, отмеченные в описи 1748 г., оказались при этом разбитыми и присоединенными к другим делам, надо думать, по тому плану, который все же был тогда у разбиравших этот фонд, причем вновь образованные дела были переплетены в солидные переплеты с отметкой на них названий и номеров новой описи. Если последнее обстоятельство способствовало сохранности этих дел, то принятое

---

²⁶⁹ В делах ААН за эти годы пока не удалось найти подробностей, касающихся этого переиздания русского перевода 1750 г.

²⁷⁰ Редактором возобновленных «Ежемесячных сочинений» был сначала естественник академик Н. Я. Озерецковский, которого позже сменил академик А. П. Протасов.

²⁷¹ См. выше, стр. 93.

²⁷² См. выше, стр. 98, прим. 70 и 71.

²⁷³ По описи 1748 г. №№ 90—108. Оригиналы этих рисунков (из которых только часть воспроизведена в издании 1791 г.) мною не отысканы, но в Архиве АН сохранились медные доски, по которым они печатались (ААН, р. XII, оп. 1, №№ 1468—1475).

тогда распределение материалов вызывает много недоразумений.

В XIX в. труды Миллера о Сибири не переиздавались, и только в конце века появились в отрывках некоторые из них, до того не напечатанные.²⁷⁴ Но использование собранных Миллером копий документов сибирских архивов началось с первых лет XIX в.

В монументальном издании графа Н. П. Румянцева обращалось внимание на эти списки с подлинников, «которые отыскал он (Миллер, — А. А.), путешествуя по Сибири, в архивах тамошних городов... Сии то самые акты, едва ль кому ведомые, обогащают своюю редкостью вторую часть Собрания государственных грамот и придают ей вящую цену пред первою». Во второй части, как и в последующих, напечатано несколько грамот XVI—XVII вв. по копиям, сделанным для Миллера.²⁷⁵

В среде сотрудников Н. П. Румянцева по изданию его Корпуса — работников Архива Коллегии иностранных дел, видимо, еще живы были в те годы воспоминания о Миллере, как бывшем начальнике этого архива и крупнейшем русском историке XVIII в. Митрополит Евгений Болховитинов дал первую русскую биографию Миллера, которая и после труда Пекарского является одной из лучших биографий Миллера, хотя в ней многое было заимствовано из биографии, составленной Бюшингом.²⁷⁶ П. М. Строеву принадлежит другая биография Миллера, вышедшая в качестве одного из примечаний к поэме Рылеева «Войнаровский», изданной отдельно в 1825 г.; тема этой поэмы, как известно, разработана, между прочим, на основе рассказов Миллера о пребывании его в Якутске и о встречах его там

---

²⁷⁴ В XIX в., кроме текстов, напечатанных В. В. Радловым в его «Сибирских древностях», им же была издана в «Сборнике Музея по антропологии и этнографии при Академии наук» (I, 1900, стр. 37—109) часть инструкции, составленной Миллером для Фишера, посвященная этнографии Сибири (по рукописи на немецком языке, ныне принадлежащей Архиву АН, ф. 21, оп. 2, № 8).

²⁷⁵ Собрание государственных грамот и договоров, ч. II, 1819, предисловие, стр. III.

²⁷⁶ Сын Отечества, ч. 70, 1821, № 22, стр. 49—74 и № 23, стр. 97—117. Эта биография вошла в «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (М., 1846, т. 2, стр. 54—89). Ее можно считать первой русской биографией Миллера, так как в «Опыте исторического словаря о Российских писателях» Н. И. Новикова (1772 г.) даны лишь краткие сведения о Миллере с таким окончанием: «Сей ученый муж, за многие и полезные свои труды, великой достоин похвалы». Я не имею возможности указать биографии и очерки научных работ Миллера, напечатанные на иностранных языках в XIX в. Отмечу лишь, что в основном своем содержании они восходят к упомянутой выше биографии Бюшинга (ср., например, в «Biographie universelle

с Войнаровским.²⁷⁷ Биография, составленная П. М. Строевым, полна ошибок, но в ней примечательно то восторженное отношение, какое проявляет автор к деятельности Миллера. К. Ф. Калайдович приступил тогда же к опубликованию литературной переписки Миллера.²⁷⁸ К тому времени, когда основанная в 1834 г. Археографическая комиссия начала работу по собиранию документов сибирских архивов, многих из них, существовавших во времена Миллера, уже не было; так, в пожар 1778 г. погиб громадный Енисейский архив, из которого Миллер извлек большое количество документов; некоторые другие архивы (Тобольский, Красноярский и др.) в истекшее столетие со времени посещения их Миллером постигла та же участь. При том положении дела, когда материалы сибирских архивов в большинстве или оказались погибшими или хотя не погибли, но были недоступны исследователям (ввиду того, что хранившие их центральные учреждения в Петербурге и Москве не успели еще их разобрать и ввести в научный оборот), особенное значение приобретали те копии сибирских актов, которые в количестве 34 томов хранились сначала в архиве Конференции, а затем были переданы в Рукописное отделение библиотеки Академии наук, а теперь опять хранятся в Архиве АН.²⁷⁹

Как источник для издания, миллеровские копии названы впервые во втором томе «Дополнений к Актам историческим», который вышел в свет в 1846 г. Теми же копиями Археографическая комиссия неизменно пользовалась и в последующих томах «Дополнений». В предисловии к седьмому тому отмечены недочеты миллеровских копий, о которых говорилось выше. Сменявшиеся редакторы этих томов неустанно повторяли о них одно и то же. Так, например, при издании десятого тома А. И. Тимофеев писал: «... акты в миллеровских рукописях писаны весьма небрежно, и ошибки писцов в некоторых фолиантах встречаются чуть ли не на каждой строке»; он намерен был пользоваться этими копиями «при тщательном выборе и

---

ancinne et moderne... rédigée par une Société de gens de lettres et de savants», t. 30. Paris, 1821, стр. 390—392, подписано: D-g; Allgemeine Deutsche Biographie, XXII, стр. 547—553, подписано: L. Stiede).

²⁷⁷ Рассказы Миллера о Войнаровском приводит, видимо, лично слышавший их Д. Н. Баянши-Каменский (История Малой России. М., 1822, ч. III, стр. 65, 84, 87, 104, 135; ч. IV, стр. 49).

²⁷⁸ Северный архив, СПб., 1823, ч. VII, стр. 92—100.

²⁷⁹ Подробности о сохранившихся документах разных сибирских архивов, находящихся ныне в ЛОИИ, к которому перешли собрания Археографической комиссии, а равно в других хранилищах см. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, примечания к главам 4, 5 и сл.; т. II, примечания к гл. 6—9.

исправлении ошибок».²⁸⁰ Тот же редактор высказался против заполнения томов «Дополнений» преимущественно сибирскими актами, что по односторонности своей не соответствовало бы цели издания. . .», но, несмотря на это, сам использовал в большом количестве миллеровские копии, о чем свидетельствуют не только тома «Дополнений к Актам историческим», вышедшие под его редакцией, но также и его отметки в сборниках миллеровских копий (в тексте и в начале томов), в каких изданиях напечатаны эти копии. Высказанное же А. И. Тимофеевым в заседании 15 января 1866 г. возражение против переполнения «Дополнений к Актам историческим» сибирскими материалами послужило поводом для предложения председателя Комиссии А. С. Норова об издании сборников сибирских актов, которое и было принято.²⁸¹ Однако это постановление осталось не осуществленным, и Комиссия в последующие годы продолжала изредка обращаться к тем же миллеровским копиям, но сборников сибирских актов, с группировкой их по уездам старой Сибири, не выпустила ни одного.

Изданные в большом количестве по миллеровским копиям сибирские акты почти во всех случаях печатания их в изданиях Археографической комиссии предварялись замечаниями редакторов о плохом качестве этих копий, однако заменить их было нечем, так как подлинники в большинстве случаев были утеряны. Когда было приступлено к разборке сохранившихся фондов сибирских архивов, в которых работал Миллер, то, конечно, обнаружилось еще больше недочеты этих копий. Поэтому не было ничего неожиданного, когда А. А. Гоздаво-Голомбиевский, разбирая в конце 80-х годов столбцы Якутского архива, поступившие в б. Московский архив Министерства юстиции, обнаружил, что найденный им подлинник одного документа имел большие отличия от того же документа, напечатанного во втором томе «Дополнений к Актам историческим» под № 86, по копии Миллера, именно по сборнику «Списков Якутской архивы», т. е. сборнику копий с документов Якутского архива, сделанному в 1736 г., когда там работал Миллер. Об этом случае стало известно Н. Н. Оглоблину, работавшему в те же годы по разборке столбцов и книг Сибирского приказа. Располагая всего одним случаем резкого несоответствия подлинника с копией, снятой для Миллера, Н. Н. Оглоблин в своей первой статье на эту тему²⁸² ставит вопрос:

²⁸⁰ Дополнения к Актам историческим. СПб., т. VII, 1859, стр. IX; т. VIII, 1862, стр. VII; Протоколы Археографической комиссии, вып. 3, стр. 425—426.

²⁸¹ Протоколы Археографической комиссии, вып. 3, стр. 426.

²⁸² К русской историографии. Г. Ф. Миллер и его отношения к первоисточникам (Библиограф, 1889, № 1, стр. 1—14).

«Сам ли Миллер составлял те сборники материалов, которые хранятся в Академии наук под названием: „Списки Якутской архивы“, „Списки Енисейской архивы“, „Списки Верхотурской архивы“ и проч., или они составлены неизвестными нам сотрудниками Миллера, но только под его руководством и редакцией». На поставленный вопрос Оглоблин отвечал отчасти сам, когда, разъясняя легенды при актах, напечатанных в «Дополнениях к Актам историческим» и взятых из «списков» Якутского и других архивов, выражение легенды «писаны с подлинных столбцов для академика Миллера» толкует правильно в том смысле, что сборники писались не самим Миллером, а другими лицами, а «редакция сборников», по его словам, принадлежала самому Миллеру. Оглоблин далее поясняет, что под «редакцией» он разумеет редактирование, все признаки которого находит в актах, напечатанных по миллеровским копиям. Сличение напечатанной миллеровской копии с подлинником привело Н. Н. Оглоблина к заключению, что Миллер «переделал» свой подлинник и притом «крайне небрежно, с грубыми ошибками, даже с бессмыслицами по местам», что и дало Оглоблину повод обвинять Миллера в «недобросовестном отношении» к своему источнику. Когда же несколько позже в руки Н. Н. Оглоблина попали еще два подлинника, копии которых имеются в одном из миллеровских сборников²⁸³ и которые напечатаны в «Дополнениях к Актам историческим» (т. II, №№ 89 и 95), он пришел к выводу, что искажения входили у Миллера в систему его историографических методов.²⁸⁴ Такая решительная оценка Миллера как археографа вызвала оживленное обсуждение в литературе 90-х годов XIX в. и в последующие годы XX в. Мнения историков не были единодушны. Конечно, Миллер сам не снимал копий, о чем было известно Оглоблину и другим, а работа его над снятыми копиями очень редко состояла в сличении с подлинниками, хотя необходимость этого им сознавалась, как можно судить, например, по заверке копий для приложений к главе 6 и следующим, которую он заставлял делать сличавшего их с подлинниками переводчика Голубцова и др. О качестве миллеровских копий говорить много нет надобности, так как снятие их нередко поручалось, как уже сказано выше, канцеляристам провинциальных канцелярий сибирских городов. Не говоря уже об их общей малограмотности, легко догадаться, что эти люди смотрели на не-

²⁸³ Эти копии можно читать в «Списках Якутской архивы», т. I — ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, лл. 91—91 об. (№ 44), 53—55 об. (№ 23) и 88 об.—91 (№ 43).

²⁸⁴ К вопросу об историографе Г. Ф. Миллере (Библиограф, 1889, № 8—9, стр. 166).

обычную для них работу как на тяжелую повинность и едва ли прилагали много усилий при снятии копий с подлинников, прочесть которые они очень часто затруднялись, так как некоторые из них (например, черновики воеводских канцелярий) нередко читаются с большим трудом археографами, более опытными и более усердными, чем подьячие провинциальных канцелярий таких сибирских городов, как Якутск и др.

Кроме копий, Миллер иногда вынужден был довольствоваться извлечением из актов лишь самого существенного, но эту работу он делал чаще всего сам и лишь в редких случаях доверял ее студентам, в числе коих был с ним в Якутске Василий Третьяков, почерком которого написаны все три акта, отмеченные Н. Н. Оглоблиным. Если работа Третьякова дала такие печальные результаты, то из этого никоим образом не следует тот вывод, который был сделан Оглоблиным о самом Миллере. Работая над этими копиями несколько лет, я могу отметить много случаев, когда копия 1734—1742 гг. с большою точностью передает подлинник, иногда даже лучше, чем это делали археографы XIX в., печатавшие этот акт в издании Археографической комиссии по подлиннику. Но вместе с тем можно привести не один пример, когда копия явно искажает подлинник, чаще всего отсутствующий. Все зависело от переписчика, от его умения читать почерк XVII в. и его отношения к порученной работе. Издавая эти копии, требуется лишь, чтобы соблюдались все те предосторожности, о которых говорит научная археография нашего времени. Копии Миллера, несмотря на то что они нередко полны ошибок, искажений и т. п., ввиду гибели большей части архивов XVII в. остаются все же незаменимыми источниками по истории Сибири.

Археографическая комиссия и Институт истории, пришедший ей на смену, вновь обратились к миллеровским копиям, используя их в своих изданиях наряду с другими сибирскими фондами.

Археографическая комиссия издала также несколько летописей, которыми пользовался Миллер в своей «Истории Сибири» и которые им были найдены. История издания сибирских летописей освещена подробно в первом выпуске настоящих очерков.²⁸⁵

В работе Н. В. Голицына выяснена судьба собранных Миллером рукописей и книг, поступивших после его смерти в Московский архив Коллегии иностранных дел.²⁸⁶ В 1831 г. часть

²⁸⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, XVII век. М.—Л., 1960, стр. 199—204.

²⁸⁶ Н. В. Голицын, ур. соч.

портфелей Миллера в количестве 95 была передана Академии и ныне хранится в ее архиве в фонде № 21; среди переданных материалов находились и рукописи некоторых трудов Миллера о Сибири.

При директоре Московского архива М. А. Оболенском оставшимся в Москве портфелям была составлена опись в двух томах, но эта опись остается недоступной исследователям, и они принуждены пользоваться старыми описями портфелей Миллера, составленными после его смерти, или же обращаться к «Указателю делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому главному архиву Министерства иностранных дел», составленному М. П. Пуцилло.

Замечание Н. В. Голицына о том, что миллеровский фонд был как бы забыт лет на 50, пока его не «открыл» акад. Гамель, к сожалению, может быть повторено и относительно последующего столетнего пребывания его в Московском архиве Министерства иностранных дел, ныне вошедшем в состав ЦГАДА. Известны лишь единичные случаи обращения к этому фонду, которые нашли отражение в печатных трудах. Так, в 1841 г., по просьбе акад. К. М. Бэра, интересовавшегося Второй Камчатской экспедицией, из Московского архива были высланы в Академию портфели с материалами Миллера, относящимися к его сибирскому путешествию;²⁸⁷ следы пользования ими можно установить по той оживленной полемике о Беринге и его спутника, которую вел К. М. Бэр с А. П. Соколовым в 1848—1850 гг.²⁸⁸ В статье о Миллере, напечатанной в «Современнике»,²⁸⁹ С. М. Соловьев впервые печатно указал на богатое содержание миллеровских портфелей. К тем же портфелям обратился позднее П. Н. Милоков; в своих «Главных течениях русской исторической мысли» он не только дал краткий обзор содержания этих московских портфелей, но и использовал не-

²⁸⁷ Портфели Миллера, №№ 505, 507, 509, 517, 521, 525, 526, 528 и 529; ААН, р. V, оп. М, № 32.

²⁸⁸ В эти годы акад. К. М. Бэр написал статью «Заслуги Петра Великого по части распространения географических знаний (Записки РГО, кн. III и IV, СПб., 1849—1850). В ответ А. П. Соколов написал статью «Беринг и Чириков» (Северная пчела, 1849, № 98—99), в которой выступил против Бэра. Последний отвечал на нее (St. Petersburgische Zeitung, 1849, №№ 114—116), после чего Соколов, видимо, решил обратиться к архивным материалам о Камчатской экспедиции. В результате появилась его известная работа о ней («Северная экспедиция. 1733—1743»), напечатанная в «Записках Гидрографического департамента Морского министерства» (IX, 1851). В 1852 г. Бэр дополнил свою монографию о Петре и напечатал ее в томе XVI «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches», где подвел итоги своей полемики с Соколовым.

²⁸⁹ Современник, т. XLVII, 1854, отд. 2, стр. 115—150.

которые из них для тех страниц своей книги, где говорит о Миллере как историке.²⁹⁰ Этот обзор всех московских портфелей Миллера являлся до недавних лет единственным, и его не заменила работа Н. В. Голицына, в которой дано описание архива Миллера по реестрам XVIII в., значит, до выделения той части, которая находится ныне в Архиве Академии наук.

В начале 90-х годов XIX в. к богатому собранию Миллера в Москве и отчасти в Петербурге обращался акад. В. В. Радлов, давший довольно много извлечений из рукописей Миллера в своих «Сибирских древностях».²⁹¹ Радлов снабдил тексты Миллера очень ценными примечаниями и рисунками, взятыми из фонда рисунков Камчатской экспедиции и других собраний рисунков о Сибири.

Другие случаи обращения к этому собранию выразились печатно преимущественно в том, что авторы их, начиная с 40-х годов XIX в., пользовались литературными материалами портфелей Миллера²⁹² или подлинниками и копиями сибирских актов, хранящимися в них.

Иное положение было с той частью миллеровского фонда, которая с 30-х годов XIX в. образовалась в Архиве Конференции Академии наук. Разработка материалов последнего относится к 50-м годам XIX в., когда в «Ученых записках Академии наук по 1-му и 3-му отделениям» началась публикация материалов этого архива и среди них тех, которые относятся к миллеровскому фонду Архива. Но особенно много публикаций появилось в 60-е годы, когда в связи с приближавшимся столетним юбилеем со дня смерти М. В. Ломоносова, постоянного противника Миллера, усилились поиски архивных материалов, касающихся деятельности первого и очень часто также и второго. В сборниках, вышедших в 1865 г., наряду с материалами о Ломоносове находим ценнейшие сведения о Миллере,²⁹³ почерпнутые из архива Конференции. Основным работником был здесь с конца 50-х годов акад. П. П. Пекарский, приступивший

---

²⁹⁰ П. Н. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 2-е. СПб., 1898, стр. 80.

²⁹¹ В. В. Радлов, ук. соч., стр. 55—126, 140—146. В известном труде А. Н. Пыпина «История русской этнографии», т. I (СПб., 1890, стр. 142—146) и т. IV (СПб., 1892, стр. 339—347) Миллеру посвящено много внимания, но труд этот написан на основании печатных источников.

²⁹² См., например, различные публикации в «Москвитянине» 50-х годов (1854, № 1—2 и др.).

²⁹³ П. Биллярский, ук. соч.; В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. Материалы к столетней памяти Ломоносова. М., 1865; Дополнительные известия для биографии Ломоносова акад. П. Пекарского. СПб., 1865, и др.

тогда к подготовке своей монументальной «Истории имп. Академии наук в Петербурге». В течение 50—60-х гг. П. П. Пекарский напечатал несколько работ и документов архива Конференции, в которых находится немало драгоценных материалов о Миллере и его работах в интересующей нас области.²⁹⁴ В его основном труде по истории Академии наук Миллеру посвящена отдельная глава, а многочисленные дополнения к ней находятся в разных местах первого и особенно второго томов. Кроме материалов архива Конференции, в частности тех миллеровских портфелей, которые были получены в 1831 г., П. П. Пекарский использовал печатные источники, русские и иностранные, и с этой стороны работа является весьма ценной. Но в биографии имеются, естественно, недочеты. Прежде всего основной для всего труда: П. П. Пекарский использовал только материалы архива Конференции, между тем необходимо было привлечь данные других архивов, например Сенатского в Москве,²⁹⁵ где находятся материалы о Камчатской экспедиции. Крупнейшим недостатком труда П. П. Пекарского является также полное забвение миллеровских портфелей, находившихся в Москве.²⁹⁶ Это сказалось прежде всего на описании Камчатского путешествия, для которого Пекарский воспользовался имевшейся в Библиотеке Академии наук первой редакцией этого описания, представленного Миллером в 1743 г., где рассказ, как и в позднейшем описании 1770-х годов, обрывается на 1735 г., и дальнейшее изложение Пекарскому пришлось основывать на книгах архива, носящих название «Камчатские

²⁹⁴ П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864; П. П. Пекарский. Отчет о занятиях в 1863—1864 гг. по составлению истории Академии наук. СПб., 1865; Материалы для истории библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел; Записки Академии наук, т. XII, кн. 1, 1867; Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867; Редактор, сотрудник и цензура в русском журнале 1755—1764 гг. СПб., 1867. Надо полагать, что П. П. Пекарскому принадлежат также две важные публикации: 1) Из протоколов Исторического собрания Академии наук (Библиографические записки, 1861, № 17, стр. 515—518) и 2) Академики Миллер и Фишер и описание Сибири (ЧОИДР, 1866, кн. 3, отд. V, стр. 14—30). В работе К. Свенске «Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Академией наук в 1745 г.» (СПб., 1866) приведены сведения об участии Миллера в этом деле. По распоряжению и за счет Академии издана часть переписки Гмелина с Миллером: G. H. Th. Plieninger, publ. J. G. Gmelini... reliquias quae supersunt commercii epistolici cum C. Linnaeo, A. Hallero, G. Stellero et aliis. Stuttgartiae, 1861.

²⁹⁵ О чем свидетельствовали, например, публикации П. И. Иванова, см. ЧОИДР, 1859, кн. 3; 1862, кн. 2.

²⁹⁶ Кроме отмеченных ранее, см., например, портф. №№ 741, 750, 752, 755 и др. (Н. В. Голицын, ук. соч., стр. 122—126, 128—133 и др.).

дела», причем первая книга их считалась тогда утерянной, чем, может быть, и объясняется очень краткий рассказ историка об организации экспедиции и первых ее шагах.²⁹⁷ Далее, в труде Пекарского дана история Академии преимущественно за первые десятилетия ее существования (до директорства В. Г. Орлова), а потому деятельность Миллера последних лет его жизни нашла в труде неполное и не всегда точное изображение. Но, несмотря на это, труд Пекарского является до сих пор основным по истории Академии тех лет, когда в ее деятельности принимал ближайшее участие Миллер, и пока лучшей и наиболее полной биографией Миллера, хотя, конечно, не может заменить вполне двух основных источников XVIII в. — трудов Бюшинга и Шлецера; русский перевод последнего,²⁹⁸ обросший многими приложениями из фондов Архива Конференции, в 1875 г. появился не без участия того же Пекарского. Предпринятое Академией наук в начале 80-х годов издание материалов для ее истории дает большое количество новых и ценных данных, оставшихся неизвестными прежним историкам. Издатели «Материалов» исходили, однако, из наличия тех или иных документов в архиве Конференции, но не приняли во внимание аналогичные материалы в других учреждениях Академии, например в Рукописном отделении, в Отделении инкунабул БАН, в Азиатском музее и др. Впрочем, о наличии их там они могли не знать, так как работа по выявлению и объединению всех архивных материалов Академии, в частности Миллера и о Миллере, стала возможной только в советское время, с образованием единого Архива Академии наук СССР. Одной из первых работ этого архива явилось краткое описание всех рукописей Миллера и материалов о нем, собранных, наконец, из разных академических учреждений и составивших ныне фонд 21 Архива АН.²⁹⁹

²⁹⁷ Впрочем, в БАН имелась часть описания в редакции 1753 г. ныне ААН, ф. 21, оп. 5, № 63 (по описи «Сибирского архива», № 84). Первая книга «Камчатских дел» поступила в архив Конференции только в 1891 г., после смерти П. Н. Петрова, и находится сейчас в том же архиве — ф. 3, оп. 1, № 2331; прочие книги тех же «Камчатских дел» см. в том же фонде, №№ 810—814.

²⁹⁸ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 по 1765 г. Перевод с немецкого с примечаниями и приложениями В. Кеневича (Сборник Отд. русского языка и словесности Академии наук, т. 13, СПб., 1875). В предисловии В. Ф. Кеневич говорит о том, что пользовался указаниями покойного акад. П. П. Пекарского.

²⁹⁹ Надо надеяться, что Архив в дальнейшем составит научную опись всех рукописей Миллера, находящихся в разных фондах и разрядах Архива, по образцу той, которая сделана для рукописей Ломоносова. Краткий обзор фонда 21 см. Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов. Под общей редакцией Г. А. Князева. Л., 1933, стр. 124—128.

Отмечая рост миллеровского фонда в архиве Конференции Академии наук, нельзя в заключение не сказать, что в XIX в. некоторые материалы из этого фонда оказались в частном собрании Д. В. Поленова и в 1897 г. в довольно большом количестве поступили от него в Рукописное отделение ГПБ;³⁰⁰ среди них находятся «бумаги, относящиеся до путешествия по Сибири» (Камчатской экспедиции), некоторые из них опубликованы.³⁰¹ В той же коллекции имеются другие материалы, место первоначального хранения которых не вызывает сомнений.³⁰²

В связи с большим интересом в советское время к истории отдельных народов СССР, в частности к истории народов Сибири, и с созданием специального Института народов Севера, в задачи которого входила также научно-исследовательская работа по истории и этнографии Сибири, очень скоро в план этого института вошло переиздание и издание вновь основных трудов в этой области. В 1935 г. были начаты работы по пересмотру материалов о Сибири, находящихся в «портфелях» Миллера в ЦГАДА и в Архиве АН. Тогда же был выработан план издания трудов Миллера и, в первую очередь, его «Истории Сибири», первый том которой вышел в 1937 г., том второй появился в 1941 г., оба как совместное издание Института народов Севера и Института этнографии; третий том «Истории» подготовлен к печати.

2. С. П. КРАШЕНИННИКОВ

—Наука и просвещение, получившие со времен Петра I большое развитие в России, уже в первые десятилетия XVIII в. наряду с учеными, прибывшими из-за границы, имели и русских представителей. М. В. Ломоносов является виднейшим среди них, труды его в разных областях знания пользуются мировой известностью до сих пор. В. Н. Татищев, автор первой научной «Истории Российской», написал, кроме того, замечательные для своего времени исследования в области права, политики, общественного воспитания и пр., собрал ценные материалы по географии России и этнографии ее народов. В. Е. Ададуров, первый русский адъютант основанной в 1724 г. Академии наук, впервые стал научно изучать грамматику рус-

³⁰⁰ Отчет Публичной библиотеки за 1897 г. СПб., 1900, стр. 29—37.

³⁰¹ Пекарский, I, стр. 373—374; ЧОИДР, 1866, кн. 3, отд. V, стр. 27—28; П. Билярский, ук. соч., стр. 695—696.

³⁰² Например, указанные в «Отчете» на стр. 35 подлинные письма Миллеру от Протасова, Румовского и И. (вероятно, П.—А. А.) Рычкова и записка Соймонова с заметкой к ней Миллера, и др.

ского языка и явился серьезным предшественником великого Ломоносова, который и в этой области оставил богатое научное наследство. В. К. Тредиаковский, профессор красноречия Академии наук, своей писательской деятельностью оказал бесспорные услуги русскому просвещению. Названные ученые не были единственными; их было больше, но, к сожалению, мы мало занимались ими, так как вообще слабо интересовались XVIII веком нашей истории, который только в советские годы стал предметом внимания историков.

— К числу таких малоизвестных русских ученых людей первой половины XVIII в. принадлежит Степан Петрович Крашенинников, который благодаря своим способностям и трудам достиг высокого звания профессора Академии наук, как тогда называли академиков.

В сущности, первым биографом Крашенинникова приходится считать Г. Ф. Миллера, которому ввиду смерти Крашенинникова пришлось заканчивать печатание основного его труда «Описание земли Камчатки». В предисловии к этому труду, написанном Миллером в 1755—1756 гг.,¹ он дает краткие биографические сведения о Крашенинникове, которыми пользовались все лица, нуждавшиеся в этом; Миллер, писавший вскоре после смерти Крашенинникова, ошибся, однако, в ее дате (у него — 12 февраля 1755 г.), и эта ошибка была замечена только в 1908 г. Б. Л. Модзалевским, установившим на основании архивных данных, что Крашенинников умер 25 февраля 1755 г.²

Тот же Миллер в биографии Крашенинникова отметил, что «жития его (Крашенинникова, — А. А.), как объявляют, было 42 года 3 месяца и 25 дней»; на основании этого показания все последующие биографы, вычтя 42 из 1755 и опустив месяцы и дни, делают вывод, что Крашенинников родился в 1713 г., а некоторые дают и более точную дату, указывая, что Крашенинников родился 18 октября 1713 г.³ Между тем, если произвести правильное вычитание (не только годов, но и месяцев с днями), предварительно исправив дату смерти, то окажется, что Крашенинников родился не 18 октября 1713 г., а 31 октября 1712 г. Сам же Крашенинников в сохранившейся автобиографии, составленной между 25 февраля и 2 марта

¹ Оно было представлено Миллером в Канцелярию Академии наук 1 февраля 1756 г. (ААН, ф. 21, оп. 5, № 161).

² Список членов имп. Академии наук 1725—1907 гг. Составил Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908, стр. 20. Архивные данные в деле ААН, ф. 3, оп. 1, № 196 (1755 г.), л. 494; «сего февраля 25 поутру в 7 часов... умре» (из рапорта лекаря Иберкамппа).

³ Список членов... стр. 20.

1754 г.,⁴ т. е. за год до смерти, писал: «от роду мне сорок третий год». Полагая, что этому свидетельству принадлежит решающее значение, приходится признать, что Миллер получил неточные данные о продолжительности «жития» Крашенинникова и, вопреки ему, следует считать, что Крашенинников умер не на 43-м, а на 44-м году жизни. Не имея возможности проверить, насколько точно указание Миллера, что сверх 42 лет (правильнее, значит, 43-х) Крашенинников прожил 3 месяца 25 дней, приходится на основании изложенного считать, что Крашенинников родился 31 октября 1711 г.⁵

О происхождении Крашенинникова Миллер говорит в общей форме: «Он был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия».

Другие биографы XVIII и XIX вв.,⁶ дополняя Миллера, сообщают, что Крашенинников родился в Москве и что отец его был солдат лейб-гвардии Преображенского полка,⁷ как отмечено в реестре студентов, посылаемых в 1732 г. из Москвы, из Заиконоспасной академии, в Академию наук.

Сам Крашенинников этой темы не касается, и свою автобиографию начинает годами обучения в Московской Заиконоспасной школе. Принимая во внимание, что в этой школе, именованной академией, по словам историка ее,⁸ обучались в те годы и солдатские дети, нет оснований оспаривать известие

⁴ ААН, р.V, оп. 1-К, № 61 (подлинник «сказки» — автобиографии); ААН, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 71 (копия); о времени написания ее см. там же, лл. 8, 8 об. и 47. Напечатано: П. П. Пекарский. Отчет о занятиях в 1863—64 годах по составлению истории Академии наук. СПб., 1865, стр. 32; С. П. Крашенинников. Описание..., 1949, стр. 545.

Здесь и в дальнейшем архивный шифр дополняется ссылкой на публикацию этих документов, осуществленных в издании 1949 г. — *Прим. ред.*

⁵ По обычаю православных русских новорожденному давали имя того святого, которого поминала церковь в ближайшие следующие дни; в православных святцах носившие имя Стефана святые отмечены под 28 ноября, 9 и 15 декабря (см. Календарь, или Месяцослов христианский по старому штилю или изчислению на лето от воплощения Бога Слова 1710. Напечатан в Москве лета господина 1709 декабря в... день).

⁶ Н. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях, 1772 г. (Материалы для истории русской литературы, изд. П. А. Ефремовым. СПб., 1867, стр. 50—54); митроп. Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей..., т. I, М., 1845, стр. 314.

⁷ ЦГАДА, ф. Сената, № 644, л. 78.

⁸ С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 178, 179.

о принадлежности Крашенинникова к солдатским детям, которое, впрочем, вполне согласуется с показанием Миллера.

Мы ничего не знаем о том, при каких обстоятельствах Крашенинников попал в 1724 г. в Славяно-греко-латинскую академию в Москве, которая, по мысли Петра I, должна была служить рассадником того образования, которое он видел в Западной Европе. Она была преобразована в первые годы XVIII в. по образцу Киевской академии, поставлявшей в течение многих лет для Московской академии преподавателей. Крашенинников учился в академии до 1732 г., начиная с низших классов, и дошел до класса философии; получал сначала по 30 алтын в месяц, а в последние два года по 40 алтын. Если Крашенинников пробыл в академии семь с лишним лет, до конца сентябрьской трети 1732 г., и прошел за это время семь классов, то следует думать, что он работал в академии вполне успешно; во всяком случае, именно там он приобрел основательное знание латинского языка и ту общеобразовательную подготовку, которая выдвинула его скоро из среды прочих его товарищей, отправленных в конце 1732 г. из Москвы в Петербург.

В своей краткой автобиографии Крашенинников, отметив годы обучения в Московской академии, вторым важным фактом своей жизни считает именно вызов его в Петербургскую академию: «В исходе 1732 г. указом Правительствующего сената взят в Санктпетербург, в Академию наук, где обучался по август месяц 1733 году, а в августе месяце отправлен студентом при академической свите в Камчатскую экспедицию с жалованьем по сту рублей на год...»⁹

Сенат, организуя совместно с Академией Вторую Камчатскую экспедицию, затребовал из Славяно-греко-латинской академии 12 студентов для подготовки их к различным работам, которые предстояло выполнить экспедиции. Прибывшие в Академию при «реестре» Сената 2 декабря 1732 г. студенты «Степан Крашенинников с товарищи» были подвергнуты в январе 1733 г. экзаменам академиком Байером, который только про трех из них (Степана Крашенинникова, Федора Попова и Андрея Леонтьева) заметил, что они с «пользою до Академии допущены быть могут»; у первых двух тот же Байер нашел хорошее понимание «логики аристотелической», но их понятия о физике, по его словам, «так стары и непорядочны и в терминах так смешаны, что я и сам того разобрать не мог».¹⁰

⁹ ААН, р. V, оп. 1-К, № 61. Напечатано: С. П. Крашенинников, Описание... 1949, стр. 545.

¹⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 10, лл. 300—331; № 425, лл. 39—40; Материалы, II, стр. 96 (напечатанный здесь рапорт Байера относится не к 13 января 1732 г., а к 13 января 1733 г.), 219, 220, 308.

Видимо, в первые месяцы 1733 г. все студенты были определены «к разным наукам для довершения их латинского учения».¹¹ Но уже 16 апреля 1733 г. состоялось постановление Академии «об отправлении в Камчатскую экспедицию профессоров Миллера и Лакрözра¹² да при них живописца Беркана, шрейбмейстера Люрсениуса и учеников». Среди «учеников» названы только пять из числа 12 студентов, присланных из Москвы, а именно: Степан Крашенинников, Федор Попов, Лука Иванов, Василий Третьяков и Алексей Горланов;¹³ вместе с двумя последними Крашенинников был причислен к профессорам Миллеру и Гмелину, в «свите» которых вместе с переводчиком Ильей Яхонтовым все они и состояли во время экспедиции, которая отправилась из Петербурга в августе 1733 г.

Говоря о Крашенинникове, как одном из участников этого крупнейшего научного предприятия первой половины XVIII в. по изучению Сибири во всех отношениях, следует различать три момента его деятельности: 1) годы 1733—1737, когда Крашенинников в «свите» Миллера и Гмелина, под руководством главным образом последнего, выполнял отдельные поручения, которые на него возлагали; 2) годы 1737—1740, когда Крашенинников, отправленный из Якутска на Камчатку, являлся организатором всей работы по изучению этой далекой окраины Сибири и, наконец, 3) годы 1741—1742, когда Крашенинников, будучи послан Стеллером в Иркутск, исполнял служебные поручения, связанные с получением денег и припасов для сотрудников экспедиции, оставшихся на Камчатке.

Подробной истории Камчатской экспедиции до сих пор нет, хотя сохранившиеся, главным образом в Архиве АН, материалы дают полную возможность написать ее с исчерпывающей полнотой. Первый историк и главный деятель экспедиции по Сибири Г. Ф. Миллер в своем труде по истории Академии наук, написанном в последние годы его жизни,¹⁴ уделяет до-

¹¹ Ср. Материалы, VI, стр. 262. В письме от 28 февраля 1733 г. академический советник Шумахер просит Г. Ф. Миллера давать ежедневно уроки географии студентам, которых отправят в Камчатскую экспедицию (ЦГАДА, портф. Миллера, № 755, л. 11; ср. Н. В. Голицына. Портфели Миллера. М., 1899, стр. 131). Студенты, отправлявшиеся в Камчатскую экспедицию, слушали у Гмелина естественную историю (среди переданных им 3 июля 1733 г. в Конференцию различных scripta отмечены «theses de historia naturali studiosis Kamtschatkam proficiscentibus dictitae»), см. Протоколы Конференции, I, стр. 69.

¹² Позже к ним был присоединен профессор И. Гмелин.

¹³ Материалы, II, стр. 326.

¹⁴ Материалы, VI.

вольно большое внимание периоду экспедиции 1733—1736 гг. По соглашению между профессорами, прикомандированный к Гмелину Крашенинников принимал деятельное участие во всех поездках и работах, которые предпринимались Гмелином по изучению природных условий тех мест, через которые проезжала экспедиция в 1734—1735 гг.¹⁵

Из поездок, которые Крашенинников делал по поручению Миллера и Гмелина, один или вместе с другими студентами и геодезистами, следует указать прежде всего поездки: в августе 1734 г. на Колыванские заводы, затем в начале 1735 г. вверх по р. Енисею для изучения находящихся там писаниц, с 20 июля по 5 августа 1735 г. от Аргунских серебряных заводов, где находилась тогда экспедиция, к теплым водам на р. Ононе и оттуда до Читинского острога; с 21 января по 1 марта 1736 г. он ездил из Иркутска в Баргузинский острог и оттуда через о. Ольхон до Верхоленского острога. В августе того же года он поднялся вверх по р. Витиму до рч. Колотовки для изучения находившихся там слюдяных залежей, откуда 1 сентября вернулся в Олекминский острог. Из того же острога он ездил к соляным ключам р. Кептендей, впадающей в Вилюй.

От 1735 г. дошли до нас первые рапорты Крашенинникова. В них дается отчет о поездках, которые он совершал один или совместно с другими лицами в разные места Восточной Сибири. Так, вернувшись из упомянутой выше поездки на р. Онон, Крашенинников совместно с геодезистом Ивановым представил на русском языке рапорт о путешествии и на латинском языке «Описание теплых ключей»; позднее, в мае 1736 г., вместе с тем же Ивановым он ездил на теплые воды р. Баргузина; в результате поездки появились новый рапорт и описание теплых вод р. Баргузина. Инструкции, которыми снабжали в каждом случае профессора посылавшихся ими студентов, неизменно предусматривали собиранье на местах не только естественно-исторических, но в равной мере географических, этнографических и исторических сведений. В отчетных рапортах находим ответы на все пункты инструкции; кроме того, краткие данные рапорта сопровождались почти всегда подробными приложениями к нему; таково происхождение приложенных к рапорту от 25 мая 1736 г. «реестра, сколько под Баргузинским острогом и Баргузинского ведомства острожками ясашных тунгусов имеется и на сколько родов разделены» и «описания братских мужиков Иркутского ведомства», писанных Крашенинниковым

¹⁵ Материалы, VI, стр. 349—366, 393—422; J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743, I, Göttingen, 1751, стр. 374; II, 1752, стр. 81, 106, 123, 174—175, 291, 310—328, 350—351, 373—375, 487.

собственноручно. В том же 1736 г. он ездил из Олекминского острога на р. Кептендей для изучения имевшихся там соляных ключей; в подробном рапорте от 5 сентября 1736 г. он дает описание их и сообщает много ценных наблюдений, собранных во время поездки.¹⁶

Кроме упомянутых выше рапортов, содержащих ценные данные для изучения отдельных местностей Восточной Сибири, к 1735—1736 гг. относятся географические описания тех мест, через которые проезжали Миллер и Гмелин со своими спутниками или отправленные ими туда сотрудники. Эти описания составлял сам Миллер, позже он стал поручать их переводчику И. Яхонтову, а затем студентам Крашенинникову и Горланову, иногда геодезисту А. Иванову. Так образовался громадный фонд географических описаний отдельных мест Западной и Восточной Сибири, через которые проезжали сотрудники экспедиции. Сам Миллер отчасти использовал их для тех двух частей «Географии Сибири», которые касаются Западной Сибири и закончены им в 1743—1744 гг., и многочисленных описаний отдельных уездов (Томского, Кузнецкого, Мангазейского, Енисейского, Красноярского и Нерчинского), которые он посылал в Академию и Сенат в 1735—1742 гг.¹⁷ В этом драгоценном фонде географических описаний, мало известном исследователям Сибири, имеется наряду с географическими много данных этнографических и исторических, которые внесли бы много нового в литературу о Сибири и ее народах. По плану и образцам Миллера и в соответствии с инструкциями Крашенинниковым составлены в 1735—1736 гг.: «Описание пути от Аргунских серебряных заводов до теплых вод на р. Аргуни и оттуда до Читинского острога», «Описание пути от Олекминского острога до соляных ключей на р. Кептендее, впадающей в Вилюй, и оттуда обратно до Олекминского острога», «Описание р. Витима от устья до слюдяных промыслов при речке Колотовке», сочиненное им под «смотрением» Гмелина, «Описание пути от Итанцынского острога до Баргузина, а от него до теплых вод на р. Баргузине, и оттуда через Байкал и Косую степь прямою дорогою до Верхоленского острога», составленное совместно с геодезистом А. Ивановым.¹⁸ Кроме того, Крашенинников принимал участие в коллективном труде всех

¹⁶ Рапорты и другие работы Крашенинникова 1735—1736 гг. см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 131, лл. 5—12 об., 13—14, 15—23 об., 25—26 об., 27—28, 29—29 об., 30—30 об., 31—33 об.

¹⁷ Опись их см. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. Л., 1937, стр. 543—550.

¹⁸ ААН, ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 71—78, 95—105, 177—179, 180—191; инструкция Гмелина о поездке на Кептендей см. там же, р. I, оп. 13, № 11, лл. 41—42; прочие инструкции 1734—1736 гг. — там же, № 12.

спутников Миллера и Гмелина по р. Лене — географическом описании ее от Верхоленска до Якутска.¹⁹

Так, на работе под руководством Миллера и Гмелина, с которым у Крашенинникова создались особенно добрые отношения, приобретались познания не только в области ботаники, которой Крашенинников стал заниматься специально под руководством Гмелина, но и во многих других науках. Пройденная за это время практическая школа дала Крашенинникову больше, чем многие предшествующие годы. Многое зависело, конечно, от него самого, его усердия и неуклонного стремления к познанию в разных науках. Когда в 1737 г. во время пребывания в Якутске Миллер и Гмелин до своей поездки на Камчатку решили послать туда предварительно одного из своих сотрудников, выбор их остановился на Крашенинникове, которого они признали вполне подготовленным для самостоятельной работы. Объясняя причины, почему сами Миллер и Гмелин не поехали на Камчатку, Гмелин указывает вместе с тем, что своим усердием и точностью выполнения Крашенинников особенно выделялся из прочих студентов; эти качества и были причиной отправки его в самостоятельную экспедицию на Камчатку.²⁰

Два года спустя, сообщая Сенату о смерти в Енисейске 4 марта 1739 г. переводчика И. Яхонтова, которого оба академика особенно ценили, они, между прочим, писали: «Из прочих с нами отправленных студентов, кроме его, Яхонтова, по сие время только два человека — Степан Крашенинников и Алексей Горланов — надлежащую прилежность в принятии наук оказали».²¹

Отправляя Крашенинникова на Камчатку, Миллер и Гмелин дали ему подробнейшую инструкцию (из 89 параграфов), к которой находившийся тогда в Якутске Делиль де ла Кройер добавил, с своей стороны, подробное наставление о собирании метеорологических наблюдений. Позднее к этим общим инструкциям оба академика присоединили обширные дополнительные указания. Получив третий рапорт Крашенинникова с Камчатки, Гмелин 16 декабря 1737 г. отправил ему дополнительный реестр (на 12 страницах) птицам, зверям и пр., о которых надо сообщать сведения, и, сверх того, «вопросы о разных делах, которые во всяком месте чинить надлежит». С своей стороны Миллер 18 марта 1738 г., в развитие параграфов инструкции, где речь шла о собирании сведений о народах, выслал дополнительную инструкцию — «вопросы при описании народов и их нравов и обычаев», которую Крашенинников получил только

¹⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 128—176 об.

²⁰ J. G. Gmelin, ук. соч., II, стр. 539.

²¹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 67, стр. 653.

в январе 1740 г.²² Само собою разумеется, что, получая рапорты Крашенинникова, академики отзывались на них новыми указаниями и советами, которые Крашенинников должен был, конечно, воспринимать как дополнения к тем же инструкциям.²³

Кроме инструкций, отдельных «ордеров» и т. п.; Крашенинников получил в качестве пособия для изучения Камчатки составленную Миллером на основании разных письменных известий Якутского архива и рассказов лиц, бывавших там, «Географию и нынешнее состояние земли Камчатки».²⁴ Посылая ее 27 сентября 1737 г. для руководства «вместо предводительства», как сказано в «ордере», и исправления, Миллер сопровождал посылку дружеским письмом на латинском языке; в нем он желает Крашенинникову успеха и выражает надежду, что тот использует все возможности в интересах науки.²⁵

«Копии с промеморий, писем и указов о отправлении студента Крашенинникова на Камчатку» вместе с двумя инструкциями, данными ему, были отправлены Миллером 25 июля того же года при рапорте в Сенат; к нему были приложены, между прочим, те описания пути, которые упомянуты выше как составленные Крашенинниковым и другими за время пребывания их в Иркутске и Якутске.²⁶ К этому рапорту было приложено также «Описание соболиного промысла», сочиненное Крашенинниковым под «смотрением» обоих профессоров.²⁷

²² Инструкция Миллера и Гмелина от 5 июля 1737 г. — черновик, писанный И. Яхонтовым, — см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 67; подлинник там же, р. 1, оп. 13, № 11, лл. 57—73 об. и оп. 79, № 2, лл. 56—74; *Regulae ad quas studiosus Stephanus Krascheninnikov observationes sibi de mandatas exigit* — там же, лл. 40—55 об.; оп. 13, № 11, лл. 74—93 об. Реестры и вопросы Гмелина, которые Крашенинников, по-видимому, не получил, см. ААН, ф. 21, оп. 2, № 25, лл. 447 об.—456 об.; ср. там же, оп. 5, № 34, л. 99—99 об.: Вопросы при описании народов... — см. ААН, р. 1, оп. 13, № 11, лл. 128—133 и ф. 21, оп. 5, № 67, стр. 310—321.

²³ См., например, «ордер» Гмелина из Иркутска от 18 июля 1738 г. при получении четвертого рапорта Крашенинникова от 1 октября 1737 г. — ААН, ф. 21, оп. 5, № 67, стр. 481.

²⁴ Русский перевод «Географии», сделанный И. Яхонтовым и посланный Крашенинникову, см. ААН, р. 1, оп. 13, № 11, лл. 94—127; ср. *Материалы*, VIII, стр. 204—205. Немецкий текст этого труда Миллера напечатан в приложении к «*Beschreibung der Kamtschatka*» Стеллера, изд. 1774 г.

²⁵ ААН, р. 1, оп. 13, № 11, л. 141—141 об.; ф. 21, оп. 2, № 25, л. 93.

²⁶ Рапорт Миллера в Сенат о посылке Крашенинникова на Камчатку и других делах был послан 25 июля 1737 г. и сохранился в Архиве АН только в немецкой копии, скрепленной Миллером и отправленной тогда же в Академию (ААН, ф. 21, оп. 5, № 117, шестой рапорт в Сенат). Реестр «делам», посланный при рапорте, см. там же, № 66, среди переписки 1737 г.

²⁷ По словам Крашенинникова, «известия» о Витимском соболином промысле, напечатанные им во второй части его труда в гл. 7, «собраны

В полученной Крашенинниковым общей инструкции ему предписывалось прежде всего организовать метеорологические наблюдения в Охотске. В бытность там он должен был описать тамошние страны до рр. Пенжины, Амура, Уды и Тугура включительно по подробной программе, отмеченной в § 8 и следующих, собрав для этого сказки местных жителей. Особое внимание (§ 15) предписывалось обратить на описание народов, кочующих от р. Пенжины на юг до Амура, и особенно тех из них, которые платят ясак в Охотском, Тауйском и Удском острогах, собрать «обычаи, нравы и поведение, о их вере, старинных повестях, о их забавах, свадьбах, родинах, похоронах, многоженстве и о всем до того принадлежащем» (§ 17), а также их слова (§ 18). В то же время в его обязанности входило собирание трав, набивка чучел птиц и сочинение реестров местным птицам, зверям и рыбам с русскими и местными названиями; при этом морские звери, рыбы и птицы должны быть выделены в особый реестр (§ 21), всем их дано подробное описание и собраны сведения о промысле на них. Помимо птиц, зверей и рыб, Крашенинников должен был собирать раковины и раков, расспрашивать о свойствах «незнаемых» животных, особенно моржей, стараясь получить экземпляры их; одновременно он должен был собирать минералы.

На пути из Охотска на Камчатку предлагалось ему описать морской путь и все, что будет примечено им в пути (§ 28). Местом пребывания его на Камчатке был намечен Большерецкий острог, где он должен был вести примерно ту же работу, которая изложена выше; инструкция подробнейшим образом описывает (§§ 29, 30), какие амбары и избы должны быть построены там для метеорологических наблюдений и хранения инструментов и для жилья; при избе он должен был завести огород (§ 30). С исчерпывающей полнотой и ясностью изложены и все прочие пункты инструкции: об организации метеорологических наблюдений в устье Камчатки (§§ 31—32), об описании путевого тракта из Большерецка через Верхний и Нижний Камчатские остроги (§§ 33, 34), об изучении горящих гор, об организации метеорологических наблюдений во всех камчатских острогах и об устройстве квартир для экспедиции, о собирании географических сведений в каждом из островов, про Камчатку до Лопатки на юге и Шелагского носа на севере (§§ 40—48).

по большей части моими трудами, а окончаны покойным переводчиком Яхонтовым под смотрением господина доктора Гмелина после моего на Камчатку отъезда» (С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 256). Рукопись «Описания соболиного промысла» см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 170, лл. 1—6; тем же почерком (студента А. Горланова) писан другой список этого труда — там же, № 73, лл. 116—132. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 671—687.

Особенное внимание должно было обратить на собрание исторических сведений (§§ 48—50); требовалось выяснить: «какой есть слух о Федоте Алексееве сыне, который за много лет до Володимера Атласова на Камчатке жил», «историю о завоевании Камчатки описать с самого начала со всеми обстоятельством, что в бытность каждого прикащика учинилось примечания достойного и какую прикащики зделали пользу и вред, как прибыли и доходы оной земли умножались и паки умалялись, какие были между русскими служивыми и между иноземцами возмущения и по какому случаю и причинам», в частности, надо было выяснить «особливо о учинившемся в 1731 году разорении Нижнего Камчатского острогу, и что при учрежденном о том следствии и розыске явилось, и какое за то учинено наказание или смертная казнь и кому».

Крашенинников должен был собрать сведения об японцах и их отношении к Камчатке (§§ 51—53, 58). Так же как и в Охотске, он должен был собрать подробные сведения о живших на Камчатке и островах около нее народах; в равной мере «обстоятельства русских жителей на Камчатке, о их житии, пище, торгах и промыслах и проч.» (§ 59), дать описание нынешнего состояния всех трех острогов (§ 60) и «во всех острогах приказные дела пересмотреть и из оных, что к истории и географии принадлежит, выписать» (§ 61).

Наметив те общие вопросы, разрешением которых должен был заняться Крашенинников, инструкции вновь возвращается к некоторым из них, указывая более подробно, на какие именно темы из ботаники, зоологии и минералогии следует обратить особенное внимание (§§ 62—65, 68—78), настаивая при этом, чтобы Крашенинников, по возможности, сам занимался осмотром и «проведыванием» всего, о чем шла речь выше (§ 66), а «путевые тракты... куды за... делами» поедет, описывал «со всеми к географии и истории натуральной принадлежащими обстоятельствами» (§ 72). Ему вменялось также в обязанность приобрести для кунсткамеры платье народов Камчатки (§ 79) и японские разные курьезные вещи (§ 80). В одном из пунктов инструкции (§ 81) дан подробный перечень всякого имущества, отправленного с Крашенинниковым «для способнейшего исправления приказанных (ему) дел». Любопытно отметить здесь, что из книг Крашенинникову были даны: «Буддеева философия, Светониус, Курциус, Теренциус, Еродотус», т. е. латинские и греческие авторы, а «Буддеева философия» — это какой-то труд Иоганна Будде или Буддеуса — профессора философии в Галле и богословия в Иене (1667—1729), который, пользуясь своими знаниями философии Вольфа, придал наукообразный характер лютеранской догматике. В заключение инструкции обязывала Крашенинникова присылать профессорам

«репорты» по четвертям года, прилагая к ним копии со всех «учиненных за то время обсерваций и собранных известий».

Таково содержание этого примечательного документа, авторами коего были оба профессора — Миллер и Гмелин. Позже Миллер, как уже отмечено выше, составил большое дополнение к инструкции, именно «Допросы при описании народов и их нравов и обычаев», в которых дается подробнейший список вопросов при собирании этнографических сведений о народах Камчатки. Эта вторая инструкция, интересная для Миллера — этнографа Сибири, была получена Крашенинниковым только в январе 1740 г., когда им была уже проделана большая работа по собиранию этнографических сведений, причем часть их была уже послана профессорам; по получении этой инструкции Крашенинников, положив в основу ее требования, значительно переработал свой первый этнографический труд о Камчатке и в конце 1740 г. выслал его в измененном и дополненном виде. О каждом своем шаге Крашенинников рапортовал профессорам, не опуская в своих донесениях ничего примечательного, что, по его мнению, клонилось «к распространению наук». Таких рапортов его сохранилось 15, из них самый ранний от 9 июля 1737 г., а последний от ноября 1742 г., когда Крашенинников вновь присоединился к экспедиции, находившейся на обратном пути в Верхотурье.

Официальные рапорты Крашенинников сопровождал обычно письмами, адресованными обоим профессорам; они носят частный характер и сообщают иногда ценные бытовые подробности, которых нет в рапортах; таких писем сохранилось 11.²⁸ Вместе с реестром поездок, которые он совершил за время с 1733 г. по октябрь 1742 г.,²⁹ и отрывками его дорожного журнала³⁰ рапорты и письма позволяют шаг за шагом проследить работу Крашенинникова в Охотске и на Камчатке.

Отправившись из Якутска 5 июля 1737 г., Крашенинников 20 августа прибыл в Охотск, где оставался до 4 октября, выполняя многочисленные задания, о которых говорила общая

²⁸ Подлинники рапортов и одного письма см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 35—137 об.; копии первых десяти, а также № 14—ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 180—240 об., 245—247; черновики — там же, № 12; письма за 1737—1742 гг. — в ЦГАДА, портф. Миллера, № 248, тетр. 8. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 545—645.

²⁹ Этот реестр, в котором указаны даты поездок и расстояния между пунктами остановок, см. ААН, р. I, оп. 13, № 10, лл. 2—23; неполный реестр — там же, ф. 21, оп. 2, № 11.

³⁰ ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 19—40 об. (за 1734—1736 гг.); № 10, лл. 56—62 об. (с 5 июля по... августа 1737 г.); ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 202—205 об. (с 19 ноября 1738 г. по 13 апреля 1739 г.); ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 254—156 (отрывок за 1740 г.) и № 10, лл. 288—318 (с 24 ноября 1740 г. по 6 ноября 1742 г.).

инструкция в своих первых параграфах: занимался устройством на месте метеорологических наблюдений и наблюдений над морскими приливом и отливом, хлопотал о приобретении платья ламутов, записал слова ламутского языка, составил реестр ясачных ламутов Охотского и Тауйского острогов и мест их кочевий и реестр зверям, птицам, рыбам и пр., причем описал три рыбы; все реестры и законченное здесь же описание пути от Якутска до Охотска вместе с путевым журналом³¹ и сделанными в Охотске метеорологическими наблюдениями при рапорте от 1 октября 1737 г. были отправлены Крашенинниковым профессорам при отъезде из Охотска.

На судне «Фортуна» Крашенинников отправился из Охотска 4 октября; первые девять часов шли благополучно, «а потом такое учинилось несчастье, что судно вода одолела и уже в шпигаты забиваться стала». Несмотря на усиленную работу насосами, откачать воду не могли, «чего ради все, что было на палубах, также и из судна груз около 400 пуд в море сметали, — и так едва спаслись, а особливо, что в то время штиль был, а ежели бы хотя малое волнение было, то бы судну никоим образом от потопления избавиться невозможно было». «От помянутого сбрасывания» Крашенинников «в крайнее разорение пришел»: во время пути он и сопровождавший его «пищик» Аргунов; сильно страдая от морской болезни, «почти бесчувственны были» и не могли противодействовать тому, что в море были сброшены не только казенные вещи и провиант, которые вез Крашенинников, но и его собственный чемодан с бельем, и у него осталась только одна рубашка. Через десять дней «Фортуна» прибыла к устью р. Большой на Камчатке и сначала не могли войти в него, но при очередном приливе морские валы едва не затопили судно; брошенный якорь не удержал судно на месте, его относило к берегу; спустя полчаса оно было выброшено на «кошку», через которую в большой прилив «морской вал ходит». В течение нескольких дней не могли получить из Большерецка лодки (баты), «а между тем воды морские от часу больше преобладали»; «и так мы, — продолжает свой рассказ Крашенинников, — на вышеозначенной кошке не без великого страху жили, потому что местами вода уже через оную переливалась». Только 21 октября на пяти батах Крашенинников со своими спутниками поднялся вверх по р. Большой и 22-го вечером приехал в Большерецк.

³¹ О пребывании в Охотске см. рапорт № 4 от 1 октября 1737 г. (ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 45—48 об.). Описание пути от Якутска до Охотска см. там же, лл. 138—150; путевой журнал — там же, р. I, оп. 13, № 10, лл. 56—62 об.; «Реестры пеших тунгусов или ламутов, живущих около Охотского острогу 5 родов и оленных ламутов 7 родов» — там же, ф. 21, оп. 5, № 34, л. 151—151 об.

Со следующего же дня Крашенинников приступил к выполнению тех многочисленных поручений, о которых говорят приведенные выше инструкции и дополнения к ним. В течение двух месяцев он оставался в Большерецке, ведя сношения с местной администрацией о строении хором для сотрудников экспедиции, об организации метеорологических наблюдений, присылке толмачей, знающих камчатский, курильский и коряцкий языки, и старожилов русских и «из иноземцев» «для выспрашивания о имеющихся в здешних местах зверях, птицах и рыбах», о присылке к нему «курильских мужиков», знающих камчатский язык, которые бывали и на дальних Курильских островах и от которых можно бы получить все сведения об этих островах.

Уже 4 ноября он требует от Большерецкой приказной избы прислать для просмотра старинные дела и одновременно приказывает выловить для него по две рыбы каждого рода из водящихся в местных реках; если где окажется выброшенный кит, то об этом он требует срочно сообщать ему, и «прежде осмотра он того кита, его б не разнимали»; те же «иноземцы» должны были промыслить для него различных животных и рыб, принести ему в обмен на табак свое платье и пр.

С аналогичным требованием он обращается (еще до поездки туда) в Верхний и Нижний Камчатские остроги и к курильским сборщикам. Ведя эту настойчивую переписку и личные сношения с местной администрацией, Крашенинников одновременно занимается обработкой поступающих сведений; так, в эти первые два месяца он сочинил реестры имеющимся в здешних местах зверям, птицам, рыбам, деревьям и травам, с русскими и камчатскими названиями, записывал слова местного населения («большерецкого языка») и обдумал план собирания сведений «о вере, житии и о прочих поведениях жителей», о реках, впадающих в Пенжинское море, а также о поездках к теплым водам и горелым сопкам. Находясь в Большерецке, он собирает нужные сведения не только от местных жителей, но и от пришлых людей, и таким путем, например, получает подробные данные о «трясениях» земли в октябре 1737 г. на Курильских островах, Лопатке и Аваче.³²

Настойчивые обращения Крашенинникова к местной администрации не всегда имели успех; постройка жилья для экспедиции под разными предлогами затягивалась, но требования о присылке нужных людей и сведений выполнялись, хотя и не всегда так быстро, как желал Крашенинников. Присланного для метеорологических надобностей служилого Степана Плиш-

³² Обо всем изложенном выше, относящемся ко времени отъезда из Охотска до 14 ноября 1737 г., см. рапорт пятый: ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 49—54 об. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 554—559.

кина Крашенинников не только обучил этому делу, но в его лице получил полезного сотрудника, которого использовал и для других целей. Для сочинения истории Камчатки был прислан другой служилый — Михайло Кобычев, а ввиду медлительности канцелярии в выполнении неоднократного требования о доставке «иноземцев», от которых можно бы получить нужные сведения, Крашенинникову пришлось «без дальней доуки» послать на место одного из определенных к нему для рассылки служилых, который и доставил вскоре с Авачи «иноземца» Тырылку. Со слов служилого Михайлы Кобычева и других старожил, Крашенинников в декабре 1737 г. собрал известия, «кто с самого начала бывал на Камчатке и кем она и в каком месте сперва завоевана, и отчего она Камчаткою называется (о том уведомился через иноземцев); по его же сказыванию о всех прикащиках, который после которого на Камчатке был и откуда прислан и благополучно ли он выехал, или на дороге убит и от кого, о бунтах служилых людей, о изменах иноземческих, о походах историю написал по 1724 год». При содействии упомянутого «иноземца» Тырылки в это же время было сочинено «описание о их иноземческой вере, о праздниках, о свадьбах и о прочем».³³

Наряду с собиранием материалов о прошлом Крашенинников подбирал данные о современном положении Камчатки; в начале 1738 г. он требовал от Большерецкой канцелярии присылки «ведомости, сколько имеется иноземческих острожков под ведением Большерецкого острога, на каких они реках построены, сколько в каждом острожке ясашных иноземцев и сколько из них собольников и лисичников и сколько человек бобрами или кошлоками ясак платят и кто каждого острожка тойоны»; эти ведомости, полученные из Большерецкой канцелярии 26 августа, а позже также из Верхнего и Нижнего Камчатских острогов, дают ценные сведения о Камчатке 30-х годов XVIII в.³⁴

17 января 1738 г. Крашенинников в сопровождении «пищика» Осипа Аргунова и двух служилых начал свою первую поездку по Камчатке. Он направился к теплым ключам на реке, впадающей в р. Большую Бааню, и оттуда до Авачинской сопки, оставив в Большерецке для метеорологических «обсерваций» служилого Плишкина. К ключам он прибыл 21-го и, по осмотре их, «сочинил описание им на латинском языке и на-

³³ Эти два труда Крашенинникова см. в ААН, ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 32 об., 40 и 284—292 об.

³⁴ Все они поступили в Академию, а ныне хранятся в ЦГАДА, портф. Миллера, № 527, тетр. 2, 12 и 13.

рисовал план их»;³⁵ такое же описание и план горячих ключей на реке, протекавшей около острожка Мылши, было составлено несколькими днями позже.

Поездка к «горящей» горе на р. Аваче против Паратуна-острожка кончилась неудачей: «ради весьма глубоких снегов и частого кедровника на санках никакими мерами и на подножные горы взехать невозможно»; пришлось ограничиться на этот раз лишь собиранием сведений об этой горе от «бывалых» на ней. По возвращении 2 февраля в Большерецкий острог Крашенинников составил описание пути, по которому он ездил.³⁶ Во время поездки он собрал у «иноземцев» некоторые новые данные об их вере и пр., которыми дополнил и исправил составленное ранее, со слов Тырылки, описание. Во время поездки были приобретены японские вещи, найденные на разбитой незадолго до того японской бусе, которые вместе с другими японскими вещами, полученными Крашенинниковым в дар от разных лиц, составили одну из первых японских коллекций Академии. В феврале того же года Крашенинникову удалось провести беседу со специально привезенным с Авачи коряцким тойоном, при помощи которого были записаны коряцкие слова, а в реестр зверей, птиц и рыб внесены коряцкие их названия. От того же тойона удалось получить «известия» о том, как поселились коряки между камчадалами: по его словам, «их (коряков, — А. А.) в здешней стороне прежде завоевания Камчатки было немалое число, а как русские взяли Камчатку, то де прочие все с оленьми откочевали к Пенжинскому морю, а их де осталось одна семья, и они де у себя имели оленей, но все де по завоевании Камчатки извелися, и так де они ныне в промыслу зверей упражняются и рыбой и кореньем так, как и прочие здешние иноземцы, питаются».

Не получая нужных сведений от курильского сборщика, Крашенинников 10 марта 1738 г. отправил к нему на острова служилого Степана Плишкина вместе с толмачом Михайлой Лепехиным, дав им подробную инструкцию, что они должны делать, а сам 19-го поехал из Большерецка в «Курильскую землю», к теплым водам на р. Озерной, откуда вернулся в Большерецк 1 апреля. Находясь у ключей, Крашенинников сочинил описание и планы их,³⁷ а по возвращении — описание всего пути.³⁸ В течение следующих месяцев Крашенинников

³⁵ ААН, р. I, оп. 13, № 10, лл. 224—225 об.; ф. 21, оп. 5, № 59, л. 147.

³⁶ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 152—159 об. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 646—654.

³⁷ ААН, р. I, оп. 13, № 10, л. 227—227 об.; ф. 21, оп. 5, № 59, л. 145.

³⁸ Там же, № 34, лл. 160—165.

продолжал добиваться на месте получения затребованных ранее сведений и собирать различные данные, о которых говорила его инструкция. От прибывшего в Большерецк прапорщика он собрал сведения об извержении горы около Нижнего Камчатского острога в сентябре 1737 г., о землетрясении в том же остроге и в других местах в октябре 1737 г., продолжавшемся «с перемежкой» до весны 1738 г.

В апреле—мае 1738 г. Крашенинников приступил к устройству в Большерецке огорода. В огороде он сажал репу, редьку, сеял горох, ячмень и разные травы, которые почти не дали всходов. В середине июня Крашенинников отправился к морю для установки близ устья р. Большой столба для наблюдения прилива и отлива. Прожив там свыше месяца, Крашенинников не мог провести требовавшуюся для этого дела полуденную линию, «понеже погода все пасмурная да туманная была». Но время это все же не пропало даром, и Крашенинников, живя в устье Большой, описал и набил чучела нескольких рыб, собирал растущие там травы и пр. Через два дня по возвращении его в Большерецк туда вернулся также посланный «в Курилы» служилый Степан Плишкин, который, помимо подробного рапорта и отчета о поездке на Лопатку и на первый и второй Курильские острова,³⁹ привез довольно много животных, японских вещей, «иноземческих» одежд и прочего и доставил в Большерецк двух курилов с первого и второго островов, из которых один бвух и на третьем острове. От них Крашенинникову удалось записать слова их языка и получить некоторые сведения об их вере, обычаях и о положении дальних Курильских островов; при их же содействии был составлен реестр зверям, птицам и рыбам, которые водятся около Курильских островов.⁴⁰

В течение лета 1738 г. Крашенинников продолжал собирать и описывать травы; между прочим, он описал «сладкую траву» и «способ сидения вина из помянутой травы, с доказательством, как и от кого оной способ найден».⁴¹ Все составленные им за время с 14 ноября 1737 г. по 25 августа 1738 г. географические, ботанические и прочие описания, вместе с собранными образцами трав, чучелами и т. п., а также описаниями, сделанными другими лицами, ведомостями и материалами, получен-

³⁹ Описание пути см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 166—169; то же описание и рапорт от 19 июля 1738 г. — там же, р. I, оп. 13, № 12 (к рапорту приложены также «подписки» курилов, у которых Плишкин покупал вещи; у «подписок» курильские знамена).

⁴⁰ ААН, р. I, оп. 13, № 10, лл. 209—214, 220—221 об.; ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 80—83 об. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 667—670.

⁴¹ ААН, оп. 5, № 60, лл. 40 об.—42. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 689—690.

ными из Большерецкой канцелярии, и тремя ящиками вещей были отправлены Крашенинниковым к профессорам при шестом рапорте его от 29 августа 1738 г.⁴² на ушедшем из устья р. Большой 4 сентября боте «Гавриил». Впрочем, в том же месяце, 22-го числа, была получена весть, что бот «Гавриил» выкинуло на берег близ устья Крутогоровой реки, где он находился еще в ноябре 1738 г., когда Крашенинников закончил свой седьмой рапорт; в связи с происшедшим к нему был присоединен и шестой рапорт, возвращенный Крашенинникову после крушения бота «Гавриил»; одновременной отсылкой рапортов и объясняется, что оба они были получены Миллером в Красноярске в один и тот же день — 7 сентября 1739 г.

На зиму 1738 г. Крашенинников наметил поездку в Верхний и Нижний Камчатские остроги и к устью Камчатки с тем, чтобы к весне вернуться в Большерецк. Он рассчитывал задержаться в Верхнем остроге надолго, «потому что там острог негромленной, а архива, может быть, от начала оно́го острога имеется». Для метеорологических и иных наблюдений в Большерецке был оставлен Плишкин. Сам же Крашенинников 19 ноября отправился в поездку, взяв с собою «пищика» Аргунова, толмача и двух служилых. 20 ноября путники приехали на р. Кыкчик и, узнав, что в Нижнем Кыкчинском острожке будет «иноземский» праздник, поехали туда и пробыли там до конца праздника, т. е. до 22 ноября. Сохранилось описание праздника, составленное Крашенинниковым тогда же;⁴³ в деталях оно отличается от того описания праздника, которое известно по позднейшему труду Крашенинникова «Описание земли Камчатки».⁴⁴

Пробыв несколько дней на р. Воровской, Крашенинников 28 ноября прибыл на р. Конпаковую, отсюда и был отправлен «через землю» седьмой рапорт Крашенинникова, в котором приведены главнейшие факты его деятельности с 29 августа по конец ноября 1738 г.⁴⁵

Продолжая свой путь из Конпаковского острожка, Крашенинников 8 декабря приехал в Верхний Камчатский острог, где и оставался до начала января 1739 г. Он занимался здесь прежде всего пересмотром старинных дел, которых оказалось очень много, «однако ж из них к выписанию годного мало нашлось, ибо все почти книги ясачного збору и челобитные были». От местных старожилов Ивана Лосева с товарищами он получил совершенно другие сведения о завоевании Камчатки,

⁴² ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 55—74 об. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 560—578.

⁴³ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 76 об.—80.

⁴⁴ С. П. Крашенинников. Описание..., 1949, стр. 413 и сл.

⁴⁵ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 75—81. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание..., 1949, стр. 579—586.

о построении острогов и о бытности «прикащиков», чем те, которые ему были сообщены большеведским жителем Михайлой Кобычевым; это новое описание было отправлено им Миллеру при восьмом рапорте и сохранилось в черновых бумагах Крашенинникова; ⁴⁶ оно действительно имеет «великое несходство» с первым. ⁴⁷ Одновременно с этим были составлены реестры зверям, птицам, рыбам, деревьям и ягодам, которые находятся около Верхнего Камчатского острога, с русскими и камчатскими названиями. От «новокрещена» тойона Егора Мерлина были собраны слова местного камчатского наречия. Ведя безуспешные сношения с здешней приказной избой о постройке жилья для экспедиции, Крашенинников получил довольно скоро «табель, сколько в присутствии Верхнего Камчатского острога ясашных иноземцев имеется...». ⁴⁸

2 января 1739 г. Крашенинников выехал в Нижнекамчатский острог, куда прибыл 15 января и жил там до 18 марта; за это время он съездил из Нижнего острога к устью р. Камчатки и побывал у теплых ключей в верховье Камчатки, вблизи Каменного острожка. В бытность в Нижнем остроге он организовал метеорологические наблюдения. Вместе с тем он требовал от местной администрации присылки с Уки и с Тигиля двух «лучших людей» и при них «по одному доброму шаману», а для собиранья известий о разорении Нижнекамчатского острога и усмирении восставших вызова к нему старожил; требовал, как и в двух первых острогах, табели о ясачных, а также присылки людей, знающих про реки, впадающие в Восточное море от устья Камчатки до Олюторы-реки и до Чукотского мыса, а в Пенжинское море — от Хариузовой до р. Пенжины; просил сообщить жителям острога о покупке им японских вещей и книг и, наконец, требовал, чтобы к нему были присланы промышленники русские и «иноземцы» для «выспрашивания» у них сведений о зверях, птицах, рыбах и пр. Присланные администрацией старожилы рассказали Крашенинникову о разорении Нижнего острога, о походах и об усмирении «иноземцев»; содержание их рассказов вошло в составленное им описание, а явившиеся «самохотно» люди, знающие про реки, впадающие в Восточное море, сообщили ему те сведения, которые находим в «Описании рек, впадающих в Восточное море, и имеющих между оными носов, от устья Камчатки-реки до Олюторского носу, сочиненное по сказыванию укинских тойонов Начики и Корича и бывалых там служилых людей». ⁴⁹ Упомянутые здесь два тойона вместе с шаманом Карымлячем,

⁴⁶ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 75—81.

⁴⁷ См. выше, стр. 178.

⁴⁸ См. выше, стр. 178.

⁴⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 191 об.—195 об.

имевшим при себе весь свой шаманский наряд, сообщили Крашенинникову также данные «о вере и прочих поведениях», а шаман дважды в присутствии Крашенинникова шаманил; полученные от них сведения послужили дополнением к тому, что было уже отмечено в его «Описании камчатского народа»; исправленный текст последнего имеется в бумагах Крашенинникова.⁵⁰

На обратном пути от устья Камчатки в острожке Табачаулик Крашенинников смотрел, как «иноземцы гостей потчевают». Во время упомянутой выше поездки к теплым ключам на р. Камчатке он побывал у находящейся там же горелой сопки, описал ее положение, а у живущих около нее собрал известия и мнения их о ней (они приведены в описании пути от Нижнекамчатского острога до ключей).

Крашенинников пробыл в Нижнекамчатском остроге до 18 марта, когда отправился в обратный путь. Он ехал по берегу Восточного моря до р. Авачи, до острожка Паратуна; в дороге он описывал, между прочим, «впадающие в Восточное море и имеющиеся на вершинах Шемячика-реки горячие ключи». В Большерецк он вернулся 13 апреля. Обо всем сделанном им пути от Большерецка до Верхнего, оттуда до Нижнего и обратно в Большерецк, а также об отдельных поездках из Нижнего были составлены обычного типа описания и путевой журнал.⁵¹

После этой длительной поездки Крашенинников до середины августа оставался в Большерецке, продолжая начатые ранее дела и сношения. В его отсутствие оставленный для барометрических «обсерваций» служилый Плишкин «означенные обсервации с великим нерадением чинил, но все почти пил и в карты играл», а полученные копии его «обсерваций» оказались сделанными не по инструкции; Плишкин был заменен ввиду этого служилым Иваном Пройдошиным, с которым Крашенинников в мае вновь ездил к морю; в устье р. Большой он поставил столб и хотел поставить доску на полуденную линию, но опять, ввиду пасмурной погоды, не мог провести полуденной линии. Это было сделано им несколько позднее, в июле того же года, для чего потребовалось снова съездить к морю; последняя поездка дала Крашенинникову ряд интересных наблюдений над приливом и отливом, которые он сообщил при посылке «журнала прилива и отлива морских вод». В июне Крашенинников работал в огороде: посеял ячмень, посадил редьку и репу, насеял гряду «незнаемых семян», между ними —

⁵⁰ ААН, р. I, оп. 13, № 10, лл. 63—70.

⁵¹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 170—177, 177—178, 188—189, 195 об.—201 об., 202—205 об. Напечатано частично: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 655—666.

бобы, морковь, огурцы, горох и пр., из которых большая часть не взошла; отыскивал и сажал различные травы, посадил на огороде рябинник, ольховник, смородину, малину и многие другие кустарники, из них некоторые принялись, а на малине появились позже ягоды; ячмень до августа еще не колосился и, как и в предыдущем году, не было надежды на его созревание. Кроме забот об огороде, продолжались хлопоты Крашенинникова о постройке амбара в Большерецке и светлиц в других острогах для Миллера и Гмелина, которые должны были приехать на Камчатку.

Заключая свой восьмой рапорт, подписанный им 5 августа 1739 г.,⁵² рассказом о том, как он хлопочет об устройстве «хором» для них, Крашенинников, конечно, не знал еще, что ни Миллер, ни Гмелин не поедут на Камчатку, что вместо них уже были намечены другие лица, с которыми ему вскоре придется иметь дело.

Не зная о происходившем вне полуострова и касавшемся непосредственно его самого, Крашенинников продолжал свою работу по дальнейшему изучению Камчатки. Отослав восьмой рапорт и узнав, что капитан Шпанберг на бригантине «Михайло» прибыл в устье р. Большой, Крашенинников спешит к Большерецкому устью, чтобы воспользоваться случаем послать профессорам еще одно известие о себе.⁵³ Сообщая о предстоящей новой поездке в Верхний и Нижний остроги «для строения к прибытию вашего благородия светлиц», он оставляет вместо себя в Большерецке «пищика» Аргунова, которому дает, между прочим, наказ не только «сыскивать травы и собирать все семена посаженных в огороде трав и быть при смотре оставленных здесь казенных вещей», но и ждать прибытия профессоров и по их прибытии немедленно явиться; если же будут получены от них письма, то спешно отправить их с нарочным.

Вернувшись с устья Большой 19 августа «за беспрестанными дождями», Крашенинников только 23-го мог отправиться из Большерецка в трех батах с двумя служивыми, толмачом и кузнецом. Путь их шел по р. Быстрой, верховья которой близко подходят к верховьям р. Камчатки, куда они прибыли 6 сентября, а 9-го были вновь в Верхнем Камчатском остроге.⁵⁴ Здесь Крашенинников добился закладки при нем двух новых светлиц. Не дождавшись окончания постройки, он 19 сентября поплыл в Нижний острог, чтобы успеть там построить

⁵² ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 82—92. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 587—596.

⁵³ Рапорт девятый от 18 августа 1739 г. см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 93—94 об. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 598—599.

⁵⁴ Описание этого пути см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 206—211 об.

«хоромы». В пути занимался описанием р. Камчатки по румбам;⁵⁵ позднее оно было продолжено включением описания части реки от Нижнего острога до устья. В Нижний Камчатский острог Крашенинников прибыл 25 сентября. Со следующего дня возобновились хлопоты его о железе и кузнечной снасти для светлиц в Верхнем остроге (там железа не оказалось), которые и были отправлены туда 27 сентября. В тот же день он ездил вверх по р. Ратуге в находившийся там острожек, где в это время происходил у камчадалов свадебный пир, который Крашенинников описал в своем новом труде 1739—1740 гг. «Описании камчатского народа, сочиненном по сказыванию камчадалов».⁵⁶

С октября начаты были хлопоты о постройке в остроге двух светлиц для профессоров, но местные власти отказались принимать какие-либо меры к построению новых светлиц, так как «в квартирах... нужды не возымеется», если профессора приедут в Нижний. Убедившись из изложенного ответа, что «докучать» далее бесполезно, Крашенинников занялся другими делами: закончил, во-первых, описание р. Камчатки, которое начал в пути сюда, для чего ездил вновь к устью Камчатки; начал хлопотать о посылке «в Коряки» кого-либо для покупки коряцкого платья и о доставке в острог, «ежели найдутся», «островных карагинцев» (их, однако, найти не удалось). В ноябре (19—23) ездил в острожек Шваннолом (Шолоноки, Каммаков) для наблюдения происходившего камчатского праздника, «которого... все действия описал в упомянутом выше труде».

Находясь в Нижнем Камчатском остроге, Крашенинников 4 января 1740 г. неожиданно получил от прибывшего туда ясачного сборщика Т. Брехова, впервые со времени отправления своего на Камчатку, вести от Миллера и Гмелина. В переданных пакетах оказались «ордера», посланные профессорами в разные сроки, начиная «ордером» от 27 сентября 1737 г., при котором Миллер посылал из Киренского острога свое географическое описание Камчатки,⁵⁷ и кончая «ордером» из Енисейска от 20 января 1739 г. о получении пятого рапорта Крашенинникова от 14 ноября 1737 г.; в этом последнем «ордере», между прочим, Крашенинникову предписывалось сделанные им «обсервации» присылать «при всяком случае, сколько в готовности будет», вместе с копиями посланного до того,

⁵⁵ Это описание см. там же, лл. 211 об.—229.

⁵⁶ Ссылки на него имеются уже в восьмом рапорте, от 5 августа 1739 г.

⁵⁷ См. выше, стр. 86.

«понеже в таком дальном расстоянии, кроме морского разбития, и сухим путем всякая утрата прилучиться может».⁵⁸

Из ответа Крашенинникова на полученные «ордера», датированного 7 июня 1740 г., следует отметить несколько обстоятельств. В «ордере» от 10 марта 1738 г. из Иркутска Миллер сообщал о посылке на Камчатку 25 пудов провианта и указа в Якутскую и Охотскую канцелярии о выдаче Крашенинникову и служилому Осипу Аргунову «денежного и хлебного жалованья»; по словам Крашенинникова, провиант (25 пудов ржаной муки) он действительно получил, но не в 1738 г., а только в октябре 1739 г., денежного же жалованья до середины 1740 г. не получал, так как в камчатские канцелярии соответствующего «указа не прислано», «а чего ради, о том неизвестно», и далее: «и я от того ныне терплю немалую нужду и впал в долги. Я хотел о том писать в канцелярию Охотского порта, чтоб о даче мне денежного жалованья в здешние остроги указ прислан был, но за опасением, дабы оное мне в вину не причлось, что, кроме командиров, бил челом, не писал». Нет надобности комментировать эти строки, весьма ценные для характеристики Крашенинникова в эти годы: не получая денежного и хлебного жалованья в течение двухлет (при отправлении ему было выдано жалованье за 1737—1739 гг. по 100 руб. в год) и довольствуясь тем, что ему удавалось занять на стороне, он за это время все же проделал громадную работу.

Кроме упомянутого «ордера» и указа о жалованье, в полученной 4 января 1740 г. переписке оказался и тот «ордер» от 18 марта 1737 г., при котором Миллер посылал «Допросы, к описанию народов надлежащие». В связи с этим посланное ранее «Описание камчатского народа», которое Крашенинников дополнял и изменял в 1738—1739 гг., пришлось переделать в соответствии с вопросами полученной инструкции; в своем новом виде это этнографическое описание Камчатки, получившее теперь название «Описание камчатского народа, сочиненное по сказыванию камчадалов», было закончено к июню 1740 г. и при очередном рапорте было отправлено Миллеру.⁵⁹

Крашенинников предполагал впредь дополнять «Описание» новыми известиями. Последних, однако, в письменном виде не сохранилось и, таким образом, «Описание» в редакции 1740 г. является основным источником этнографических наблюдений,

⁵⁸ Полученные Крашенинниковым «ордера» 1737—1739 гг. сохранились в черновиках в делах Камчатской экспедиции за эти годы (см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 67) и в копиях с этих черновиков (там же, оп. 2, № 25, № 25, лл. 93 и др.; подлинники — р. I, оп. 13, № 11).

⁵⁹ См. ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 254—283 об. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 698—723. Черновик его (без конца) — см. ААН, р. I, оп. 13, № 10, лл. 95—113.

которые были собраны самим Крашенинниковым в 1737—1740 гг. и позднее использованы им в его печатном труде.

Работа над переработкой «Описания», вероятно, производилась в апреле—мае 1740 г., так как в январе—марте Крашенинников находился в новой поездке, задачей которой являлось собирание известий «о нравах и поведении» коряков. Для этого, а также для описания берега Восточного моря до р. Караги Крашенинников 11 января 1740 г. в сопровождении толмача и двух служилых отправился из Нижнего Камчатского острога на санках по берегу моря к северу. На рч. Какенче, верстах в пяти от Озерной, Крашенинников наблюдал «шаманство после нерпичьего промысла», которое он описал в упомянутом труде. В острожке Мекенеме ему удалось встретить женщину с Карагинского острова, которая вышла замуж за «сидячего коряка» этого острожка. От нее он записал отдельные слова жителей Карагинского острова. В этом же острожке им были записаны слова «сидячих коряков», язык которых «от языка оленных коряк гораздо отменен». 25 января Крашенинников приехал в устье Караги, два дня ехал около нее «посредственною ездою», а 28 выехал на Лесную и на следующий день доехал до устья Кинкили-реки. «Оленных коряк никого в тех местах не имелось, а сказывают, что все ушли против чюкочь, ибо слух носился, что чюкчей на коряк идет великое множество, и того ради выслано из Анадырска для обережи коряк служивых сколо ста человек, до юкагирей со сто человек, а где чюкочь дожидаются, о том неизвестно». По наблюдениям Крашенинникова, «на Лесной, Кинкиле и Паллане реках живущие коряки от прочих сидячих коряк весьма разнствуют возрастом и крепостью и смелостью. И хотя оные ясак платят, однако ж повольно почти, и есть много таких, которые ясаку не платят и во время ясашного платежа скрываются. Говорят весьма громко, и буде о чем речь начнется, то все кричат, а все одно. Они часто русских убивали и сего 1740 году посыланных к ним за ясашным збором убить хотели...»⁶⁰

Доехав до р. Тигиль, Крашенинников поднялся по ней и через Харчин острожек 14 февраля приехал в Нижний Камчатский острог, «а какими местами и через какие урочища ехал и где ночевал или дневал и зачем, о том в ... описании пути объявлено».⁶¹ Проезжая через камчадалские острожки, Крашенинников, конечно, спрашивал «против присланных (от Миллера) вопросов, и в чем они между собою не согласовали, о том в описании их объявлено».

⁶⁰ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, л. 104; напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 609.

⁶¹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 229 об.—253.

Пробыв в Нижнем остроге до 24 февраля, Крашенинников в тот же день отправился через Верхний острог в Большерецк. В Верхнем Крашенинников убедился в том, что «светлицы» для профессоров построены. Здесь он получил известие, что коряки прикочевали к Подкагирной; ввиду этого Крашенинников послал к ним одного служилого для покупки коряцкого платья для кунсткамеры. 8 марта Крашенинников выехал из Верхнего по Повыче, а по ней попал на р. Жупанову «и при том случае описал все впадающие речки как в Повычу, так и в Жупанову»; отсюда через Авачу он вернулся 21 марта в Большерецк той дорогой, которой ехал однажды в 1739 г.

По возвращении в Большерецк продолжались обычные уже в практике Крашенинникова дела и сношения: пришлось дважды ездить к устью р. Большой для установки столба и проведения полуденной линии; поставленный в прошлом году столб сломало льдом, «а где полуденная линия была, там ни одного столба не осталось, но все растаскал неведомо кто». В конце мая начались работы в огороде (в третий раз): в июне были посажены редька, репа, свекла. В начале июня вместе с очередным рапортом⁶² Крашенинников в четырех ящиках и сырмятной суме отправил через Охотск для последующей пересылки их далее собранных им зверей, птиц, рыб и «иноземское» платье; отправка их затянулась до конца июня, и Крашенинников только в начале июля вернулся в Большерецк. Намеченное ранее путешествие «в Курилы» для распроса курилов, прибывших с дальних Курильских островов, пришлось отложить, так как все курильцы вернулись на прежние свои жилища. Летом, в августе, Крашенинников совершил только двухдневную небольшую поездку на р. Начилову за жемчужными раковинами, а в конце августа (20-го) заболел и был болен до 9 сентября, «так что временем сидеть не мог».

20 сентября 1740 г. прибыли в Большерецкое устье на галиоте «Охоцк» профессор Делиль де ла Кройер, ведавший в сухопутной части Камчатской экспедиции метеорологическими и астрономическими исследованиями, и адъютнт Академии Георг Стеллер, которые 25-го приехали в Большерецк.

Приезд Делиль де ла Кройера и Стеллера изменил положение Крашенинникова, до того единственного руководителя всех научных работ на Камчатке. Делиль де ла Кройер по прибытии в Большерецк остановился в избе, которую Крашенинников построил на свои средства; за эту избу Крашенинникову была выдана стоимость ее, а сам он, надо полагать, должен был искать себе новое местожительство.

⁶² Десятый рапорт от 7 июня 1740 г. — ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 95—109; напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 600—614.

По требованию Стеллера Большерецкой приказной избе пришлось выдать Крашенинникову денежное жалованье за два года (1739 и 1740). Это было тем более необходимо, что в силу нового указа «академической» свите было отказано в казенном провианте, и студенты, в частности, должны были сами его приобретать. Сообщая об этом Гмелину и Миллеру, Крашенинников, между прочим, писал, что от этого ему «будет немалая нужда, понеже купить негде, а и покупать по здешней цене нашего жалованья на один только хлеб достанет, ибо в год понадобится одному человеку 25 пуд, а пуд и в дешевую пору здесь по 4 рубли покупается; а харчу и платить и купить не на что, от чего мне с товарищем (Крашенинников имеет в виду приехавшего со Стеллером студента А. Горланова, — А. А.) прийти во всеконечную нужду».

Отмечая, что «господа морские», получающие здесь двойное жалованье, покупали провиант в Охотске из казны по якутской цене без провозу, «а и здесь по тому ж покупать будут», Крашенинников просит добиться того, чтобы это положение было распространено также на них с Горлановым. Вопрос об этом был поднят, в свою очередь, также Стеллером, энергично добивавшимся от местных властей, чтобы была выполнена просьба обоих студентов. Кажется, что он не был разрешен в их пользу, и полученные Крашенинниковым средства (200 руб.) скоро были израсходованы на покрытие старых долгов и на приобретение по дорогой цене необходимого провианта. Между тем местные власти, не получая жалованья для студентов и прочих сотрудников экспедиции на 1741 г., отказались выполнять требования Стеллера об уплате жалованья за этот год, что очень скоро поставило вопрос о денежных средствах экспедиции едва ли не на первое место и потребовало со стороны новых руководителей работ Делиль де ла Кройера и Стеллера принятия энергичных мер.

Спустя месяц по прибытии их в Большерецк Крашенинников получил от Стеллера «ордер», в котором последний прежде всего ссылался на пункт 37-й данной ему Миллером и Гмелином инструкции:⁶³ по приезде в Большерецккий острог принять Крашенинникова в его команду и пересмотреть у него все произведенные им за время пребывания на Камчатке наблюдения и исследования, сделанные на основании инструкций и письменных наставлений профессоров, «и которые мне сомнительны покажутся ваши наблюдения, те исправить, чтоб никакого сомнения не осталось». На основании этого Стеллер писал в ордере: «... чего ради, по получении сего, быть вам у меня в ко-

⁶³ Она дана в Енисейске 2 февраля 1739 г. и состоит из 50 параграфов (см. ААН, р. I, оп. 79, № 2, лл. 75—93 об.).

манде и чиненные вами с приезде вашего сюда на Камчатку по сих пор наблюдения мне при репорте объявить и при том, какие при вас имеются казенные книги и материалы и сколько при вас имеется служивых, реестр объявить».⁶⁴ Требования Стеллера были выполнены Крашенинниковым на следующий день, о чем в очередном рапорте профессорам Крашенинников писал: «И против означенного ордера октября 28 отдал я ему господину адъютанту при репорте мои обсервации и служивых людей и пищика Аргунова и сообщил реестр имеющимся при мне казенным вещам, с которого репорта и ордера при сем вашему благородию посылаются копии»; их читаем в приложении к этому рапорту,⁶⁵ который заканчивается в обычном спокойном тоне отчетом о работах летом 1740 г., об урожае овощей на огороде и об отправлении «по представлению моему от господина адъютанта Стеллера в Коряки для описания сего народа...». Так в связи с изменившимися условиями Крашенинников оказался в подчинении Стеллера; он принужден был передать ему свои многочисленные «обсервации», накопленные в течение трехлетней работы в тяжелой и трудной обстановке. Приезд Стеллера на Камчатку и его деятельность там имели несомненное влияние на судьбу Крашенинникова не только в данный момент, но и значительно позже, когда после смерти Стеллера его «обсервации» попали в руки Крашенинникова и были использованы им для своего печатного труда. По поводу обстоятельств, вызвавших приезд Стеллера на Камчатку, и его научной работы там следует сказать несколько слов.

Летом 1737 г. ввиду отсутствия определенных известий о припасах, на которые можно рассчитывать на Камчатке, и о судах, на которых мог совершиться переезд академической экспедиции, Миллер и Гмелин решили отложить свою поездку из Якутска на Камчатку. Отпустив туда для подготовки соответствующей обстановки к их приезду Крашенинникова, они занялись исследованиями сначала по Лене, а затем переехали в Иркутск и стали продвигаться затем к западу. 10 декабря 1737 г. Миллер послал в Петербург прошение об увольнении его от дальнейшего пребывания в Сибири «по расстроеному здоровью». По этому прошению Академия три раза делала представление Сенату, который только 31 марта 1739 г. постановил освободить Миллера «от камчатской поездки» и для излечения болезни разрешить ему вернуться в Петербург, «а для произведения ко окончанию в оной экспедиции обсерваций быть прежде отправленным в экспедицию профессору Гмелину, адъютанту Стеллеру,⁶⁶ да к ним в помощь отправить ныне

⁶⁴ ААН, р. 1, оп. 13, № 11, л. 153.

⁶⁵ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 110—113 об., 114—116.

⁶⁶ Об отправлении Стеллера см. ниже, стр. 239.

адъюнкта же Фишера». Распоряжение Сената стало известно профессорам в июле того же 1739 г. в Енисейске. Миллеру было разрешено вернуться в Россию, а Гмелин должен был спешить с отъездом на Камчатку. Тогда оба они стали просить о разрешении Гмелину также ехать обратно в Петербург. Соответствующая переписка Академии с Сенатом по поводу Гмелина закончилась только во второй половине 1742 г., когда Гмелин в ожидании сенатского указа, продвигаясь к западу, снова съехался в Тюмени с Миллером, с которым расстался еще в 1739 г. Таким образом, на Камчатку вместо них поехали адъюнкты Стеллер и Фишер; последний туда не попал, хотя в 1743 г. доехал уже до Юдомского Креста, откуда должен был вернуться обратно в Якутск и далее. Что же касается Стеллера, ботаника и медика по специальности, получившего образование в нескольких немецких университетах, то с ним Академия заключила контракт в феврале 1737 г., в силу которого он был принят на службу в Академию адъюнктом «натуральной истории» при Камчатской экспедиции с жалованьем по 660 руб. в год.⁶⁷ Разрешение Сената на отправление Стеллера в Сибирь состоялось 8 августа того же года, и в конце года он вместе с живописцем Иваном Декером отправился в путь. Ввиду постигшей Стеллера в дороге болезни он только в декабре 1738 г. прибыл в Енисейск, где в это время находились Миллер и Гмелин, уже знавшие об его поездке в Сибирь и намечавшие для него известный круг деятельности. О происшедших тогда между ними переговорах Гмелин рассказывает: «Мы остались при прежнем нашем решении предназначить г. Стеллера к тому, чтобы он вместе с г. Крашенинниковым, о прибытии которого на Камчатку мы уже получили известие, привел к окончанию полное описание этой страны».⁶⁸ Известие, полученное от Крашенинникова, — это его рапорт № 5 от 14 ноября 1737 г., в котором он рассказывает о своем переезде из Охотска на Камчатку и о своих первых шагах там. Рапорт был получен профессорами незадолго до приезда Стеллера в Енисейск. О поставленной же Стеллеру задаче — привести к окончанию описание Камчатки — красноречиво говорит данная ему тогда же, 28 февраля 1739 г., инструкция,⁶⁹ в пятидесяти параграфах которой изложены все те вопросы, разрешением которых должен заняться Стеллер в дополнение к тому, что уже поручено было Крашенинникову. Как уже отмечено выше, Стеллер должен был пересмотреть все сделанные Крашенинниковым «обсервации» и на месте составить план работ по окончанию

⁶⁷ Биографии Стеллера и Фишера см. ниже, очерки 3 и 4.

⁶⁸ J. G. Gmelin, ук. соч., III, стр. 176.

⁶⁹ ААН, р. I, оп. 79, № 2, лл. 75—93 об.

описания Камчатки во всех отношениях. Об этих поручениях Стеллеру, отправленному вскоре после того в Иркутск и далее в Охотск и на Камчатку, Миллер, с своей стороны, сообщил в очередном донесении в Сенат от 14 февраля 1739 г. В том же донесении приводится подробное изложение упомянутого пятого рапорта Крашенинникова, причем, судя по тону этого изложения, можно догадаться об отношении авторов донесения (Миллера и Гмелина) к Крашенинникову. Безусловно положительное свое отношение они выразили прямо в другом рапорте в Сенат — от 15 марта 1739 г., сообщая о смерти в Енисейске переводчика Ильи Яхонтова, которого оба академика очень ценили.⁷⁰ Второго из студентов, Горланова, находившегося в Енисейске, они прикомандировали тогда же к Стеллеру, и тот до конца оставался при нем, составляя многочисленные описания их совместного пути на Камчатку и отдельные этнографические описания и ведя образцово всю официальную переписку Стеллера.⁷¹ Характеристика обоих студентов, данная ими в донесении в Сенат, была передана и Стеллеру, который, познакомившись ближе в пути на Камчатку только с одним Горлановым, о Крашенинникове имел возможность судить только по отзывам Миллера и Гмелина и, может быть, по упомянутому рапорту Крашенинникова, который он мог читать в Енисейске; в своем донесении Сенату от 30 апреля 1740 г. Стеллер почти повторяет слова «доношения» Миллера: «... а студенты, между которыми двое только находятся, о которых особливом прилежании представить можно, а именно Степан Крашенинников и Алексей Горланов».⁷² Трудно сомневаться в том, что, отдавая Стеллеру своих лучших сотрудников, Миллер и Гмелин действительно хотели довести дело исследования Камчатки, куда они сами не поехали, до надлежащего окончания.

Заслуживает полного доверия более поздний рассказ Гмелина⁷³ о том, какие намерения были у профессоров, когда они всемерно старались поддержать Стеллера в его горячем стремлении поехать на Камчатку. Незадолго до приезда Стеллера, получив рапорт Крашенинникова от 14 ноября 1737 г., где он описывает свои несчастья по прибытии на Камчатку, в част-

⁷⁰ ААН, ф. 21, оп. 5, № 67, стр. 600—602, 653. См. выше, стр. 171.

⁷¹ Составленные Горлановым описания пути от Енисейска до Иркутска см. ЦГАДА, портф. Миллера, № 517, 1, тетр. 14, лл. 1—15 (список ААН, ф. 21, оп. 5, № 168, лл. 335—350, не имеет конца); от Иркутска до Баргузинского острога и обратно — там же, тетр. 16, лл. 1—5; от Иркутска до дер. Качеги на Лене — там же, тетр. 25 (то же в ААН, ф. 21, оп. 5, № 24, лл. 106—111). Перечень трудов Горланова за время пребывания со Стеллером в Якутске и на Камчатке см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 194 об., 195 (из них многие ныне утеряны).

⁷² ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 290 об.—291.

⁷³ J. G. Gmelin, ук. соч., III, стр. 174—184.

ности потерю большей части провианта, и находясь под впечатлением этого рапорта, Миллер и Гмелин полагали, что Стеллеру при его настойчивости удастся помочь Крашенинникову в том трудном положении с жалованьем и провиантом, в котором он находился, так как посылки новых денежных средств и запасов на Камчатку не удалось добиться ни одному из них.

Если подходить к вопросу о посылке Стеллера на Камчатку с точки зрения лучшей организации работы по ее изучению и желания найти выход из трудных обстоятельств, в которых был там Крашенинников, то не приходится видеть в факте посылки Стеллера какое-то забвение научных интересов Крашенинникова, который с приездом Стеллера ставился в подчиненное положение (так склонен понимать это дело последний биограф Стеллера американский ученый Стейнегер⁷⁴), тем более, что Миллер и Гмелин и в дальнейшем давали высокую оценку научной работе Крашенинникова.

Так, получив в Красноярске в октябре 1739 г. шестой и седьмой рапорты Крашенинникова, Гмелин писал 13 октября в Академию: «Из Камчатки получили мы двумя днями от студента Крашенинникова рапорт, в котором, выключая жалобы о великом недостатке в съестных запасах,⁷⁵ ничто иное, как токмо радостные известия находятся, а именно, что оной студент тамо свои обсервации с великою прилежностью производит», а в письме от 15 ноября 1739 г., посылая в Академию полученные от Крашенинникова метеорологические «обсервации», описания теплых вод и пр., а также «Описание камчатского народа» и словари камчатских народов, Гмелин, между прочим, писал: «...каждый из нас, профессоров, что до его науки принадлежит, с прилежанием читал, и сей изрядной работе сердечно порадовались. А понеже объявленному Крашенинникову лутче сея присланной к нам работы едва ли и сделать можно, то мы ему, при учиненном ответе о получении оных, наилучшим образом увещевали, дабы он начатые свои труды с неослабным прилежанием продолжал, а за сие бы от ее императорского величества награждения несумненно уповал. Мы все в том единогласном мнении находимся, что оному Крашенинникову перед всеми его товарищами, от которых он как добрыми поступками во всем нашем путешествии, так и особливym трудолюбием весьма и несравненно отменил». Полагая, что «великое бы ободрение к дальнейшему усердию в трудах было бы», если бы жалованье Крашенинникову по сравнению

⁷⁴ L. Stejneger. Georg Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan natural history. Cambridge Massachusetts, Harvard University Press, 1936.

⁷⁵ Об этом, однако, ничего не говорится в шестом и седьмом рапортах, но упоминается в письме от 29 августа 1738 г., см. ЦГАДА, портф. Миллера, № 248, тетр. 8.

с другими было увеличено на 100 р., Гмелин мотивировал это также тем, что «нам довольно известно, что он с природою к люблению чести склонный, а притом весьма благодарный нрав имеет». В том же смысле писал президенту Академии 14 ноября 1739 г. и Миллер: «Особливое трудолюбие помянутого студента и отменное его искусство, с которым он предписанную ему работу толь аккуратно исправляет, совершенное нам удовольствие и веселие причинило». Миллер также просил об увеличении жалованья Крашенинникову, «сему толь прилежному, но поныне весьма убогому и с крайнею мизериею жизнь свою продолжающему». Академия, получив эти письма, 4 июля 1740 г. постановила обратиться в Сенат с просьбой об увеличении жалованья Крашенинникову на 100 рублей, причем в своем постановлении и последующем донесении в Сенат повторила все те оценки работы Крашенинникова, которые находим в письмах Гмелина и Миллера. В конце того же 1740 г., не получая резолюции Сената на свое «доношение» о Крашенинникове, Академия вновь повторила ходатайство о прибавке Крашенинникову жалованья, полагая, что он достоин «ободрения к дальнейшему усердию в трудах его», так как «труд имеет немалый и прибавки жалованья достоин».⁷⁶

Об этих хлопотах Гмелина и Миллера Крашенинников мог только догадываться по «ордерам» Гмелина от 31 октября 1739 г. и от 27 февраля 1740 г. и по письмам Гмелина от

---

⁷⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 103, 140—140 об., 141; Материалы, IV, стр. 425, 512. В «ордере» Крашенинникову от 31 октября 1739 г. по поводу получения рапортов шестого и седьмого Гмелин, между прочим, писал: «из которых (рапортов) мы признаем вашу прилежность и о том рапортовать будем... в Сенат с похвалением, также Академии наук представлять будем о прибавке вам... жалованья» (ААН, р. 1, оп. 13; № 11, л. 152). «Доношение» в Сенат, о котором идет речь в письме, было отправлено 12 ноября 1739 г. (там же, ф. 21, оп. 5, № 67, стр. 782—798); к доношению были приложены все работы Крашенинникова, присланные при шестом и седьмом рапортах, за исключением «вокабуляриев». Миллер использовал только четыре «диалекта» из числа присланных Крашенинниковым и к ним прибавил пять «диалектов», которые он «написал в Якуцке по сказыванию камчатских уроженцов»; так составилась таблица в девять рядов, где рядом с латинскими словами имеется перевод их на «камчатские диалекты» (материалы Крашенинникова и словарь, составленный Миллером, см. ЦГАДА, портф. Миллера, № 528, I, терп. 6, 13, 17 и 26). Помимо официального «ордера», упомянутого выше, Гмелин тогда же (1 ноября 1739 г.) написал Крашенинникову письмо на латинском языке, в котором еще проще и задушевнее выразил свое удовольствие по поводу работы Крашенинникова («... non possum laudibus celebrare solentiam Tuam ... Venient tempora quibus haud poenitebit Te perpessarum calamitatum et exactorum cum laude laborum ...»). G. H. Th. Plieninger, publ. J. G. Gmelini ... reliquias quae supersunt commercii epistolici cum C. Linnaeo, A. Hallero, G. Stellero et aliis. Stuttgartiae, 1861, стр. 9—10).

1 ноября 1739 г. и 28 февраля 1740 г.⁷⁷ Пока же Крашенинникову приходилось довольствоваться теми весьма лестными оценками, которые находим в этой переписке, и утешаться тем, что отмена путешествия на Камчатку Миллера и, вероятно, также Гмелина (который хлопотал уже об этом) ничего не изменит в длительности пребывания его там, так как едущему вместо профессоров адъютанту Стеллеру в инструкции было указано, чтобы он по окончании всех дел взял с собой также Крашенинникова.

Биограф Стеллера американский зоолог Стейнегер в своей книге, вышедшей в 1936 г., не зная, к сожалению, многих архивных материалов о Стеллере и Крашенинникове, хранящихся в Архиве АН, описывает совместную работу двух крупнейших исследователей Камчатки совсем неправильно; он исходит из того, что адъютант Стеллер сразу же увидел в студенте Крашенинникове такого соперника, от которого старался освободиться при первой же возможности.⁷⁸

Ни очень выдержанный в своей переписке Крашенинников, ни Стеллер, человек бурного темперамента, не оставили никаких свидетельств о том, что между ними создались такие отношения, которые заставили старшего из них — Стеллера — принять меры к тому, чтобы, спустя полгода после совместной работы, отправить Крашенинникова назад; молчит об этом и наблюдавший их отношения студент Горланов, весьма подробно сообщавший Миллеру обо всех событиях со времени приезда своего со Стеллером на Камчатку.⁷⁹ Между тем, кажется, дело с отъездом Крашенинникова с Камчатки объясняется проще, причем нет надобности гадать о том, какие на самом деле существовали отношения между ним и Стеллером.

Как уже отмечено выше, в соответствии со своим прежним планом и в полном согласии со Стеллером, снабдившим его особой инструкцией, Крашенинников 24 ноября 1740 г. отправился из Большерецкого острога через Верхний и Нижний Камчатские остроги к оленним корякам. По дороге он останавливался с 27 ноября по 1 декабря в Кыкчинском острожке, «за тем, что в то время продолжалось иноземческое празднество»; будучи там, он «смотрел, все ли действия сходны с теми, которые...», будучи у них на празднике (21 и 22 ноября 1738 г., — А. А.), прежде описал, и тем же ли порядком ведены, а прежде опи-

⁷⁷ Оба «ордера» находятся в ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 152, 156. Письма Гмелина напечатаны: G. H. Th. Plieninger, ук. соч., стр. 9—16.

⁷⁸ L. Stejneger, ук. соч., стр. 170—186, 224, 225, 229, 232, 252.

⁷⁹ Четыре письма Горланова Миллеру и одно Гмелину за 1740—1745 гг. см. ААН, ф. 21, оп. 3, № 100.

сание⁸⁰ праздничных действий при себе имел». В результате он «в том их празднике никакой отмены усмотреть не мог, кроме того, что все не с такою ревностью и радением, как прежде, отправлялось, а делалось оное для того, что большая часть того острожка перекрестились, а некрещеных осталось малое число, и те креститься же намерены».

2 декабря Крашенинников был на Воровской, 8-го наблюдал землетрясение у р. Оглукомины (описание его в двенадцатом рапорте) и в тот же день перевалил Оглукоминский хребет, 10-го прибыл в Верхний Камчатский острог, откуда выехал «за разными отправлениями» только 17-го; 19-го стояли в пути «за тем, что снег покрыт был выкинутой из Толбачинской горелой сопки сажею». Прибыв 22-го на Толбачин-реку, «дневали для собрания известий о возгорении Толбачинской сопки», 30-го приехали в Нижний Камчатский острог.⁸¹ Пробыв там до 4 февраля 1741 г., Крашенинников из Нижнего, «не ездя к корякам, обратно в Большерецк поехал, потому что утколоцкие и подкагирные коряки изменили, и несколько казаков и служилых побили». 8 марта Крашенинников вернулся в Большерецк.⁸²

Эта поездка, по словам Крашенинникова, дала очень мало — он получил лишь «некоторые известия о оленных коряках через коряка оленного, который уже крестился и живет около Нижнего Камчатского острогу, да достал камчатскую костяную чекушку, которыми они бивались прежде сего». О своем путешествии Крашенинников подал 10 марта рапорт Стеллеру и в тот же день получил от него «ордер»,⁸³ из коего узнал, что «предбудущего лета» он, Крашенинников, отправляется в Иркутск и ввиду этого должен сдать все имеющиеся у него казенные вещи студенту Горланову. «Ордер» был дан сразу же по возвращении Крашенинникова ввиду того, что сам Стеллер уезжал 12 марта еще зимним путем в Авачинскую бухту для свидания с Берингом; с ним Стеллер совершил с июня 1741 г. по август 1742 г. свое знаменитое путешествие к берегам Америки; оно описано им в особом дневнике, который в наше время привлек к себе такое усиленное внимание.⁸⁴

⁸⁰ Оно относится к 1738 г., см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 60, лл. 42 об.—46; приложено к рапорту № 7 (ноября 1738 г.).

⁸¹ Из Нижнего Камчатского острога Крашенинников послал 15 января 1741 г. рапорт Делиль де ла Кройеру, в котором кратко описал свое путешествие (ААН, ф. 21, оп. 5, № 133—среди «входящих» бумаг). См. F. G. O l d e r. Bering's voyages, II.

⁸² Об этой поездке см. в ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 162—164 (инструкция Стеллера на латинском языке); ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 117—121 об. (двенадцатый рапорт Крашенинникова напечатан: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 628—639).

⁸³ ААН, р. I, оп. 13, № 11, л. 155.

⁸⁴ См. ниже, стр. 284—285.

Конечно, поездка Крашенинникова в Иркутск была намерена де ла Кройером и Стеллером еще до возвращения Крашенинникова из путешествия к оленным корякам. В письме к Гмелину от 1 марта 1741 г.⁸⁵ Стеллер сообщает об этой поездке в Иркутск, как решенной им совместно с Делиль де ла Кройером, причем из письма видно, что поездка вызвана необходимостью получить для сотрудников экспедиции, в частности для самих Стеллера и Делиль де ла Кройера, причитающееся им жалованье, что было сопряжено с большими трудностями и неприятностями. Стеллер оставляет подробности о делах и местных отношениях на Камчатке до личной встречи Крашенинникова с Гмелином в Иркутске, уверяет его, что главным намерением при отправке Крашенинникова, «вашего любимца», навстречу ему, Гмелину (которого все еще ждали на Камчатку), было желание Стеллера, чтобы Гмелин от Крашенинникова мог узнать о положении дел на Камчатке и использовать полученные сведения в своих интересах.

До своего отъезда к Берингу 12 марта Стеллер не успел приготовить соответствующую инструкцию Крашенинникову, ввиду чего 6 апреля Крашенинников вместе с Делиль де ла Кройером отправился также в Авачинскую губу, переименованную тогда в гавань «Святых апостол Петра и Павла»; они прибыли туда 10 апреля, Крашенинников прожил там до 20-го «упражнялся в переводах доношения Стеллера... в Сенат⁸⁶ и инструкций профессора Делякройера».

При отправлении в Большерецк Крашенинников получил от Делиль де ла Кройера и Стеллера инструкции, «как ему поступать, едучи (с Камчатки, — А. А.) до Иркутска».⁸⁷ Он должен был вернуться на Камчатку не позднее осени 1742 г. По прибытии 23 апреля в Большерецк Крашенинников сдал 25-го все имевшиеся у него казенные книги, инструменты и материалы студенту Горланову.⁸⁸

До отъезда своего с Камчатки Крашенинников перенес какую-то легочную болезнь: «маяя от 1 по 10 число был я бо-

⁸⁵ С. Н. Th. Plieninger, ук. соч., стр. 180.

⁸⁶ Речь идет о переводе донесения Стеллера в Сенат от 17 апреля 1741 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 880, лл. 391—404 об.). Приведенная выше цитата о том, что делал Крашенинников 10—20 апреля, взята из его двенадцатого рапорта (С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 628—629); она опровергает рассказ Гмелина в письме Миллеру от 13 октября 1741 г., как основанный на чьих-то неверных рассказах (Пекарский, I, стр. 595).

⁸⁷ Инструкция Стеллера от 15 апреля 1741 г. см. ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 163—164; Делиль де ла Кройера от 1 мая 1741 г. — там же, лл. 165 и сл.

⁸⁸ Там же, лл. 155, 158, 159.

лен грудью, так что и из двора никуда не выходил»,⁸⁹ — писал он в своем очередном рапорте.

28 мая Крашенинников отправился, наконец, из Большерецка к устью р. Большой «для походу за море на галиоте Охотцке»; «за противным ветром» из устья Большой галиот мог выйти только 12 июня, а прибыл в Охотское устье 25-го; 5 июля Крашенинников отправился из Охотска, 11-го прибыл к Юдомскому Кресту и затем по рр. Юдоме и Мае и далее на лошадях 24 июля вечером приехал в Якутск, где встретился с Фишером и Линденау, который тогда уезжал в Охотск.

Так как в Якутске нужной для экспедиции денежной суммы не оказалось, пришлось собираться в дальнейший путь в Иркутск. Получив прогонные деньги на две подводы до Иркутска на 2266 верст, всего 45 руб. 32 коп., Крашенинников 23 августа выехал по р. Лене из Якутска. Отъезду из Якутска предшествовало событие в личной жизни Крашенинникова: в своем черновом путевом журнале он записал, что 21 августа венчался в соборной церкви в Якутске, 22-го был «брачный банкет в доме воеводы Павлуцкого», а на следующий день он с женою поехала на лошадях в Иркутск.⁹⁰ Как видно из письма Крашенинникова профессорам Миллеру и Гмелину от 13 ноября 1741 г. из Иркутска,⁹¹ жена его была племянницей якутского воеводы майора Д. И. Павлуцкого, с которым Крашенинников был хорошо знаком еще на Камчатке, когда Павлуцкий вместе с Мерлиным стоял во главе следственной комиссии 1739 г. по делу о восстании камчадалов.⁹²

Хлопоты о получении денежных сумм для находящихся на Камчатке Делиль де ла Кройера и Стеллера и их сотрудников и приобретения для них различных припасов задержали Крашенинникова в Иркутске до 18 марта 1742 г. 10 января он получил из Тобольска «ордер» Миллера от 11 ноября 1741 г. Извещая Крашенинникова о получении 21 октября 1741 г. рапорта № 10 от 8 июня 1740 г. со всеми приложениями, Миллер писал: «А с того времени никакого известия от вас не имеем, токмо через⁹³ прибывшего из Камчатки сержанта Филиппова уведомились, что вы приехали в Якуцк будто для требования на господина профессора Делякгроера и адъютанта Штеллера... жалованья». Видимо, не одобряя использования Крашенинникова для таких целей, Миллер далее продолжал: «А понеже мы

⁸⁹ С. П. Крашенинников. Описание..., 1949, стр. 636.

⁹⁰ ААН, р. 1, оп. 13, № 11, лл. 229 об.—301.

⁹¹ ЦГАДА, портф. Миллера, № 248, тетр. 8, № 8.

⁹² О нем см. С. П. Крашенинников. Описание..., 1949, стр. 491, 497; F. Golder. Russian Expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland, 1914, стр. 155—164; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935, стр. 158, 160, 162, 165—169.

⁹³ Далее в черновике письма зачеркнуто: «сторонные письма».

запотребно рассуждаем, чтоб вы были по-прежнему с нами для всякого вспоможения, и которые остались на Камчатке чинить исследования, те от господ адъюнктов Фишера и Штеллера чинены быть могут. Того ради вам повелевается: по получении сего ордера, о всем, что вам от господина профессора Делякродера и от адъюнкта господина Штеллера приказано, предлагать канцелярии и требовать, чтоб конечно о удовольствии их жалованьем исполнение учинено было по прежним указам, а вам ехать немедленно к нам со всеми при вас находящимися observations и собранными по сие число натуральными и прочими курьезными вещами». ⁹⁴ Получив этот «ордер», Крашенинников должен был, однако, срочно сообщить Миллеру, что, «хотя я имею крайнее радение вскоре быть при вашем благородии, однако ж с немалою жалостию принужден прежде съездить в Якуцк», где было оставлено им много казенных вещей, розданы на различные покупки деньги Делиль де ла Кройера (до 300 рублей), «к тому ж и [его] собственного бюджета, в надежде возвращения, несколько оставлено». Боясь, чтобы из-за его невозвращения в Якутск не произошло каких-либо недоразумений, Крашенинников решил поэтому, вопреки «ордеру», вновь съездить в Якутск и, «сдав все с рук без всякого замедления, на вершних лошадях» вернуться в Иркутск и срочно направиться дальше в Тобольск. В связи с этим, в отмену данной ему инструкции, Крашенинникову пришлось хлопотать о доставке денежной казны на Камчатку каким-либо надежным человеком, который принял бы от него в Якутске деньги и купленные им в Иркутске припасы, а также оставленные в Якутске казенные вещи, и доставил бы их затем на Камчатку. 4 февраля состоялся соответствующий указ Иркутской провинциальной канцелярии. Крашенинников получил затем денежное жалованье для Делиль де ла Кройера и его «свиты» на 1741, 1742 и следующий, 1743 г. и для Стеллера и его «свиты» на 1742 и 1743 гг., всего 7 с лишним тысяч. Из этих денег он употребил «немалое число» на покупку припасов для экспедиции, которые на 12 подводах повез сопровождавший Крашенинникова солдат Зеленцов, выехавший из Иркутска ранее, а сам он отправился в обратный путь 18 марта. В конце февраля Крашенинников получил от Миллера еще один «ордер», от 11 января 1742 г., в котором сообщалось о получении рапортов Крашенинникова №№ 11 и 12 от 9 ноября 1740 г. и 13 ноября 1741 г.; при последнем, как оказалось, не был отослан реестр коряцкому платью, отправленному при рапорте № 12.

⁹⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 68, лл. 191 об. и 195; оп. 2, № 7, л. 140 об. (черновик письма Миллера от ноября 1741 г.); сообщая о получении рапорта № 10, он пишет: «Cum voluptate vidi diligentiam tuam in describendis moriorum incolarum eius regionis...».

Незадолго до того в очередном рапорте в Сенат от 2 января 1742 г. из Тобольска Миллер, не получая ответа на свое представление о прибавке жалованья Крашенинникову, вновь писал о нем в Сенат: «Оной студент за многие его труды и за искусство и учение весьма достоин милостивого награждения, о чем мы наперед сего Правительствующему сенату представили,⁹⁵ чтоб ему прибавить... жалованья по 100 рублей на год, итого будет с нынешним его жалованьем по 200 рублей, дабы другие его товарищи, смотря на то, такое же в науках прилежание имели, токмо на оное наше представление по сие число указу не получили, и того ради о том паки всепокорно представляем».⁹⁶

Прибыв вновь в Якутск 26 мая, Крашенинников сдал в Якутскую воеводскую канцелярию указ Иркутской провинциальной канцелярии, по которому велено принять от него денежную казну и покупные припасы и отослать их «за конвоем» на Камчатку, что и было выполнено; в приеме денег и прочего была выдана Крашенинникову соответствующая расписка.

Из Якутска Крашенинников отправился 4 июля; 16-го был в Киренске, 20-го — в Усть-Кутском остроге, 26-го выехал из Илимска, 29-го находился в устье Илима, а затем по Ангаре и Енисею прибыл 6 августа в Енисейск, откуда уехал на следующий день; 10-го был в Маковском остроге, 12-го выехал оттуда, 23-го был в Кетском, 25-го — в Нарыме, 31-го — в устье Ваха; 9 сентября Крашенинников проезжал через Самаровский ям, 17-го был в Демьяновском и 23-го прибыл в Тобольск.

Из Тобольска Крашенинников выехал 3 октября. Через Тюмень, Туринск, Благовещенскую и Тагильскую слободы он 10 октября 1742 г. приехал в Верхотурье, где находились в то время Миллер и его сотрудники. По его подсчетам в черновом путевом журнале за все время пребывания в Сибири и на Камчатке Крашенинников проехал 25 773 версты.⁹⁷

— Когда Крашенинников и другие студенты вернулись вместе с Миллером и Гmeliном из Камчатской экспедиции в Петербург, то встал, конечно, вопрос об их дальнейшем использовании для работ в Академии. Было решено прежде всего произвести им в академическом собрании экзамен. В заседании 29 апреля на заданную профессором Гmeliном тему «дать опи-

⁹⁵ См. выше, стр. 194—195.

⁹⁶ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 134—135 об. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 640—641; ААН, ф. 21, оп. 5, № 68, лл. 202 об., 209; оп. 2, № 7, л. 154 об. (черновик письма Миллера от 11 января 1742 г., в котором он поздравляет Крашенинникова с браком и шлет ему лучшие пожелания).

⁹⁷ ААН, р. 1, оп. 13, № 10, лл. 19—20 об. (Якутск—Иркутск—Якутск), 20 об.—23 (Якутск—Верхотурье); ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 136—137 об. Напечатано: С. П. Крашенинников. Описание... 1949, стр. 643—644; ААН, ф. 21, оп. 2, № 11.

сание рыбы корюхи и растения левкоя» Крашенинников представил диссертацию, сопроводив ее соответствующими пояснениями и дав ответы на вопросы Гмелина, Сигезбека и др. Ответы Крашенинникова, как и самая работа, были встречены единодушным одобрением всего собрания, признавшего, что Крашенинников знает латинский язык и имеет достаточные познания в естественной истории. Профессора Миллер и Гмелин удостоверили при этом, что за все время пребывания в Сибири Крашенинников выделялся из прочих студентов своим усердием и точным исполнением даваемых ему поручений, чему блестящим свидетельством служат многочисленные его естественнoисторические работы и географические и исторические описания, составленные в Сибири; принимая во внимание отличное усердие и трудолюбие Крашенинникова, они еще 15 ноября 1739 г. письменно представляли Академии о необходимости увеличить жалованье Крашенинникову до 200 руб. На представление Академии об этом от 4 июля 1740 г. был получен ответ Московской конторы Сената от 28 июня 1742 г., что дело переслано в Сенат, но ответа от последнего не было. В том же заседании 29 апреля академическое собрание постановило, что, если Крашенинников и впредь будет таким же полезным, он может быть очень полезным Академии и что его следует оставить на изучении естественной истории, не привлекая ни к каким другим работам и назначив ему 200 руб. жалованья с тем, чтобы он мог приобретать нужные ему по специальности книги и легче совершенствоваться в науке.⁹⁸

На основании этого решения Конференции Академии наук состоялось постановление Канцелярии Академии от 20 мая того же года, в котором отмечено, что «находившийся (в экспедиции, — А. А.) студент Крашенинников во многие места для разных наблюдений посылан был и порученные ему дела отправлял с возможным радением, а особливо на Камчатке, где, хотя и в крайнюю нужду через четырехлетнее время терпел, однако ж порученное ему дело, сколько возможно было, исправлял, о чем явствует из посланных к... профессорам (Миллеру и Гмелину, — А. А.), а от них в Академию наук сообщенных его описаний и обсерваций». Канцелярия, поддерживая постановление академического собрания, определила «реченному Крашенинникову быть студентом натуральной истории» с жалованьем по 200 рублей в год с 15 мая 1743 г., а «для лучшего обучения в натуральной истории и ботанике... быть ему при профессорах Гмелине и Сигезбеке» и, кроме того, дважды в неделю приходиться в Конференцию «слушать профес-

⁹⁸ Материалы, V, стр. 654—655, 685—687; Протоколы Конференции, I, стр. 736—738.

сорских лекций». ⁹⁹ Так как никаких лекций в Конференции не было организовано, то последняя часть постановления не могла быть выполнена. ¹⁰⁰

В ближайшие месяцы после того Крашенинников продолжал по-прежнему работать под руководством главным образом Гмелина, по настоянию которого в заседании Конференции 14 ноября 1743 г. ¹⁰¹ Крашенинников прочитал свое описание ряпухи.

Сведений о том, как шла работа Крашенинникова в следующие два года, не отыскалось. Известно только, что, кроме Гмелина, он слушал лекции по ботанике у Сигезбека, причем Канцелярия Академии наук в начале 1745 г. указывала, что студента Крашенинникова Сигезбек «ботанике не обучил, и впредь чтоб оной (Крашенинников, — А. А.) приведен был в совершенство, не надежно». ¹⁰²

Если принять во внимание то, что известно о Сигезбеке, ¹⁰³ в 1747 г. отрешенном от Академии, трудно думать, что он мог обучить Крашенинникова чему-либо полезному, и, таким образом, самому себе и Гмелину обязан Крашенинников тем, чем он стал к 1745 г.

Назначению Крашенинникова предшествовали некоторые события, представляющие интерес для внутренних академических отношений того времени. В 1745 г. отправлялось специальное посольство в Персию, к которому был прикомандирован в качестве специалиста уже бывавший в Персии доктор Иван Яковлевич Лерхе; в связи с этим академический советник Шумахер внес в Конференцию предложение использовать это путешествие для научных целей. Миллер, с своей стороны, рекомендовал в качестве руководства для научных наблюдений доктора Лерхе использовать составленную им, Миллером, в 1740 г. инструкцию Фишеру по собиранию исторических и географических сведений о Сибири, обещая переработать ее применительно к тем странам и областям, через которые поедет Лерхе. Было решено просить Кабинет, чтобы к составу посольства были присоединены художник и один из академических студентов для производства также астрономических измерений. Миллер предлагал послать для этого студента Крашенинникова, на что первоначально получил уже согласие Шумахера, фактического руководителя Академии в 1745 г. Сообщая об этом Конференции, Миллер отметил, что академический советник не только согласился на посылку Крашенинникова, но и признал достой-

⁹⁹ Материалы, V, стр. 687; Протоколы Конференции, II, стр. 741.

¹⁰⁰ Ср., однако, Протоколы Конференции, II, стр. 141.

¹⁰¹ Протоколы Конференции, I, стр. 756, 760.

¹⁰² Материалы, VII, стр. 243.

¹⁰³ Пекарский, I, стр. 723—728.

ным увеличить Крашенинникову жалованье. С предложением Миллера согласились все академики, считая, что Крашенинников является самым подходящим для выполнения поручения. Но очень скоро Миллер сообщил, что теперь Шумахер считает нежелательным участие Крашенинникова в этом путешествии.¹⁰⁴

Вскоре после этого Крашенинников подал заявление о производстве его в адъюнкты, встреченное сочувственно Конференцией, предложившей Крашенинникову представить какое-либо исследование по естественной истории. Это требование вскоре было выполнено Крашенинниковым, подавшим в Конференцию особую диссертацию по ихтиологии. Специальное заседание для обсуждения ее несколько раз откладывалось из-за отсутствия академического советника; наконец, было решено слушать дело в его отсутствии 22 июня. В заседании Гмелин дал положительный отзыв о работах Крашенинникова по естественной истории, к которому присоединился и Сигезбек; все прочие академики (среди них Делиль, Вейтбрехт, Миллер, Винсгейм, Леруа, Рихман и адъюнкт Ломоносов) хвалили усердие Крашенинникова, выражали надежду, что в дальнейшем он даст еще больше и единодушно признавали его достойным звания адъюнкта.¹⁰⁵

В том же 1745 г., когда Крашенинников был избран адъюнктом, он был прикомандирован к академическому Ботаническому саду, которым заведовал профессор Сигезбек. В мае 1747 г. Сигезбек был отрешен от Академии, и Ботанический сад со всем имуществом перешел в единоличное заведование Крашенинникова.¹⁰⁶

Надо думать, что, став адъюнктом, Крашенинников продолжал совершенствоваться в избранной им специальности, хотя научных трудов его за 1745—1748 гг. известно очень мало; лишь в конце 1748 г. он представил в Конференцию небольшую диссертацию под заглавием «De novis plantarum specibus», которая была напечатана в первом томе «Novi Commentarii» (стр. 375—384), вышедшем в 1750 г.¹⁰⁷

В апреле 1747 г. Крашенинников вместе со студентом А. П. Горлановым занимался разбором и описанием бумаг умерших Делиль де ла Кройера и Стеллера.¹⁰⁸ Поручение им этой

¹⁰⁴ Протоколы Конференции, II, стр. 52—54.

¹⁰⁵ Протоколы Конференции, II, стр. 58, 59, 64—66.

¹⁰⁶ Материалы, VIII, стр. 446.

¹⁰⁷ Труды Крашенинникова по ботанике и естественной истории и его материалы (копии труда Людвига, выписки из сочинений Линнея и других авторов) оказались в Архиве АН, р. I, оп. 97, № 1. На эти материалы мне указала М. В. Крутикова.

¹⁰⁸ Материалы, VIII, стр. 443. Реестр бумаг Стеллера см. Пекарский, I, стр. 613—616; судя по подлиннику его в Архиве АН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 198 об.—201, он подан Крашенинниковым 9 апреля 1747 г.

работы было вполне естественным, поскольку оба принимали такое большое участие в изучении Камчатки, которой было посвящено большинство работ Стеллера.

Между тем подготовка к печатанию материалов Камчатской экспедиции подвигалась очень медленно. По разным причинам готовые уже в 1744—1746 гг. работы Миллера по географии и истории Сибири не получали одобрения Канцелярии Академии наук, которая, в сущности, только с 1748 г. начала торопить участников Камчатской экспедиции с окончанием работ, основанных на материалах, собранных в Сибири во время экспедиции 1733—1743 гг. Поводом для этого послужил отказ виднейшего участника Камчатской экспедиции академика И. Гмелина вернуться из-за границы в Россию, о чем стало известно в Академии в начале сентября 1748 г.¹⁰⁹ Так как Гмелин, с разрешения Канцелярии, увез за границу несколько сибирских рисунков и дел, возникло вполне естественное предположение, что они будут опубликованы за границей раньше, чем что-либо, касающееся Сибири и собранное за время Камчатской экспедиции, появится в России. Ввиду этого 9 сентября 1748 г. состоялось следующее постановление Канцелярии: «Понеже примечено, что многие камчатские известия разным людям в руки попались, и потому небезопасно, чтоб оные от иностранных прежде, нежели здесь, в печать изданы были, от чего Академия наук лишится пользы и чести; того ради в Канцелярии Академии наук определено: помянутые известия поштучно на русском и латинском языках так, как авторы их прислали, немедленно напечатаны б быть могли, и со временем сделать из них порядочную книгу, и для того к профессорам, адъюнктам и студентам Камчатской экспедиции послать указ, чтоб они привезенные свои дела, прилежно рассмотревши, в такое состояние привели, чтоб их печатать можно было».¹¹⁰

Соответствующий указ был получен также Крашенинниковым; кроме «собственных дел», он должен был, «Стеллеровы дела в порядок приведши», перевести их на русский, а затем на латинский язык».¹¹¹

Занятый в это время переводом с латинского языка на русский «Флоры Сибири» Гмелина, наблюдением за печатанием второго тома этого труда, а также составлением описи ботанической части коллекции Стеллера, заведованием Ботаническим садом, чтением лекций по натуральной истории и ботанике в академическом университете, переводом книги Квинта Курция

¹⁰⁹ Материалы, IX, стр. 431.

¹¹⁰ Там же, стр. 405.

¹¹¹ Там же.

«О делах Александра Македонского» и другими делами,¹¹² Крашенинников только 23 июня 1749 г. подал рапорт о том, что он продолжает «приводить в порядок... собственные камчатские дела», а «из Стеллеровых обсерваций привел к окончанию их фиологию, а собственные... только до половины». Одновременно он довел до сведения Канцелярии план, по которому он обрабатывает свои камчатские «обсервации». Свой труд он предполагал разделить на шесть частей, из которых, судя по приводимому в рапорте оглавлению, первые три не отличались от печатного текста; часть четвертая, в которой Крашенинников предполагал дать «описание коряк и курилов», вошла позднее, как главы 20 и 21, в часть третью; части же пятая и шестая составили часть четвертую печатного текста. В конце рапорта Крашенинников сообщал, что «первые три части вскоре окончатся, а последние, за нынешним летним временем, в которое я должен трудиться в ботанике, замедлятся».¹¹³

В тот же день Канцелярия постановила «обсервации» Крашенинникова «рассмотреть профессору и ректору гимназии господину Фишеру, и что им усмотрено будет за непристойное — поправить, и по рассмотрении оные взнести в Канцелярию при репорте».¹¹⁴

Как выполнил это поручение Фишер, пока установить не удалось.¹¹⁵ Что же касается Крашенинникова, то он, видимо, в ожидании отзыва Фишера перестал заниматься дальнейшей обработкой своего труда о Камчатке. Во всяком случае ни в майскую, ни в сентябрьскую трети 1749 г., как видно из его отчетов,¹¹⁶ он не приступал к этим занятиям.

Осенью 1749 г. Крашенинников был назначен секретарем «чрезвычайного собрания Академии», которому поручено было в октябре того же года рассмотрение речи профессора Миллера «О начале и происхождении имени российского народа». Крашенинников «содержал» до конца работ собрания (начала марта 1750 г.) протоколы этого собрания (их 29).¹¹⁷

Выступление Крашенинникова против Миллера при обсуждении его речи оставило неизгладимый след на отношениях

¹¹² Материалы, IX, стр. 68, 107, 112, 297, 409, 410, 438, 439, 488, 489, 578, 631, 665, 672, 687, 688.

¹¹³ Там же, стр. 746—748.

¹¹⁴ Там же, X, стр. 32.

¹¹⁵ В бумагах Фишера (ААН, р. I, оп. 79, № 7, стр. 1—256) отыскан список труда Крашенинникова — первые три книги «Описания земли Камчатки», видимо, относящиеся к 1749 г.; список писан разными писцами, но никаких помет Фишера в этом списке нет.

¹¹⁶ Материалы, X, стр. 115, 237.

¹¹⁷ Об этом «собрании» см. Материалы, X, стр. 83, 85, 94, 132, 134—135, 148; П. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, стр. 131—134, 137, 138, 139, 144, 755—763.

к Крашенинникову в последующие годы не только самого Миллера, но и его друга Гмелина, с которым Миллер продолжал поддерживать прежние отношения и после отъезда Гмелина за границу. Гмелин, всегда прекрасно отзывавшийся о Крашенинникове и во все годы их пребывания в Сибири стоявший к нему ближе, чем Миллер, продолжает, правда, переписку с Крашенинниковым в 1749 г.,¹¹⁸ но неожиданно обрывает ее в следующем году.

Что же касается Миллера, то он, конечно, не мог простить Крашенинникову, что последний, в сущности обязанный ему и Гмелину многим, оказался среди его «недоброхотов». Кроме участия в обсуждении диссертации Миллера, Крашенинников в конце 1749 г. переводил на латинский язык речи Рихмана и Кратценштейна, написанные для публичного собрания Академии наук 25 ноября, и по поводу первой сделал несколько замечаний.¹¹⁹

Освободившись в сентябре 1749 г. от заведования академическим «ботаническим огородом»,¹²⁰ Крашенинников в следующем, 1750 г. продолжал работы по описанию трав, привезенных из «Немецкой земли», и приводил в порядок описание трав, собранных около Петербурга летом 1749 г.¹²¹ В качестве хорошего знатока латинского языка он принимает участие в рассмотрении перевода «Аргениды», сделанного Трелиаковским,¹²² и «дедикации» к нему, а также перевода первого тома Плутарховой истории, принадлежащего академическому переводчику Волчкову,¹²³ и российского лексикона, составленного переводчиком Коллегии иностранных дел Дандоло.¹²⁴

Вместе с тем Крашенинников выступил и со своими переводами. Так, он представил перевод предисловия к первому тому «*Florae Sibiricae*» Гмелина — «Краткое описание Сибири». Перевод должен был служить предисловием к русскому изданию «*Florae Sibiricae*», которое ему было поручено в 1749 г. Предисловие было отпечатано, но текст труда Гмелина в русском переводе не появился и печатание его, видимо, остановилось на этом предисловии.¹²⁵

¹¹⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 196, л. 504 об.

¹¹⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 817, л. 279; Материалы, X, стр. 111, 113.

¹²⁰ Там же, стр. 82.

¹²¹ Там же, стр. 406.

¹²² Там же, стр. 315, 316, 534, 559—560.

¹²³ Там же, стр. 389, 477—478.

¹²⁴ Там же, стр. 379, 380.

¹²⁵ ААН, ф. 21, оп. 5, № 165, лл. 1—42. Печатный текст этого перевода указан в «Каталоге изданий Академии наук», ч. II, Пгр., 1915, стр. 38, № 346. Отзыв Миллера об этом переводе см. Материалы, X, стр. 325—326; постановление Исторического собрания — там же, стр. 342; ср. в ААН, ф. 3, оп. 1, № 138, лл. 197—200 об., 346.

Как уже отмечено выше, в положении Крашенинникова в Академии наук в апреле 1750 г. произошла важная перемена. 11 апреля состоялось постановление Канцелярии о назначении его профессором «натуральной истории» и ботаники и членом Академического и Исторического собраний, с увеличением его жалования с 360 до 660 рублей в год. Не лишена интереса официальная мотивировка этого постановления: «Понеже адъюнкт Степан Крашенинников, служа при Академии честно и беспорочно, чрез долгое время отправлял все положенные на него должности со всякою верностью и радением и был в путешествии камчатском один из российских ученых людей, которое отправил с немалым успехом к пользе императорской Академии наук и к чести своей, сверх же того в науках, а особливо в истории натуральной и ботанике, непостыдное в ученом свете искусство приобрел и притом поступками своими оказал, что прилежный, кроткий и постоянный человек, чем всем себя удостоил имени и содержания профессорского».¹²⁶

Спустя почти два месяца, 18 июня, Крашенинников был назначен также ректором академического университета и гимназии (с 1751 г. переименован в инспектора гимназии) вместо уволенных от этих должностей Миллера и Фишера.¹²⁷

Новая должность отнимала у Крашенинникова почти все его время, а потому в последующие месяцы 1750 г. он мог посвятить немного времени своим научным занятиям. Он продолжал дополнять начатое им описание петербургской флоры и готовил к предстоящему публичному заседанию Академии речь на тему «О пользе наук и художеств в государстве», которую закончил 17 августа. В тот же день эта речь была передана на рассмотрение особой комиссии в составе профессоров Тредиаковского и Ломоносова,¹²⁸ адъюнкта Попова и ассессора Тауберта. Комиссия, принимая во внимание, что в речи «мало говорено о праведной пользе наук, также действия некоторым наукам положены несвойственные, как например, отдано до географии, что принадлежит до астрономии, а есть и другие погрешности, которые в рассуждении важности материи и порядка требуют исправления; того ради рассудили, что оную речь хотя проговорить и можно, однако, остерегая честь Академии и сочини-

¹²⁶ Материалы, X, стр. 381.

¹²⁷ Там же, стр. 438. О Крашенинникове, как ректоре гимназии и университета, см. Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885, стр. 32—45; Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885, стр. 19—21, 25—30.

¹²⁸ См. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. IX, 1955, стр. 630. — Прим. ред.

теля, желали б, чтоб ее не печатать, а впрочем, оставляется на благоизобретение Канцелярии».

Канцелярия, «для избежания от завистников грубой критики», предлагала Крашенинникову «выправить» речь в соответствии с мнениями комиссии и Тауберта и затем представить ее в Канцелярию.¹²⁹ Речь была произнесена в публичном заседании Академии 6 сентября¹³⁰ и отпечатана, вероятно, с исправлениями, предложенными комиссией.¹³¹

В рапорте Крашенинникова об его работах в последнюю треть 1750 г.,¹³² помимо «упражнений в исследовании и описании рыб» и отправления дел, касающихся университета и гимназии, отмечено, что он «приводил в порядок известия, принадлежащие до камчатской истории». Длительный перерыв в этой работе и возвращение к ней только в конце 1750 г. объясняются, с одной стороны, тем, что по основному вопросу — о плане всей работы — Крашенинников должен был получить отзыв Фишера, который, видимо, его не дал, а, с другой стороны, возвращение к той же работе объясняется, кажется, новым нажимом со стороны Канцелярии на всех участников Камчатской экспедиции, которые, по мнению Канцелярии, весьма вяло работали над окончанием своих трудов в этой области. Особенно энергично нападая за это на Миллера,¹³³ Канцелярия в более спокойных тонах напоминала о необходимости спешить с завершением работ и другим участникам камчатского путешествия.

Ввиду утери соответствующих рапортов Крашенинникова об его работах в 1751 г.,¹³⁴ трудно сказать, в каком состоянии находился его труд «Описание земли Камчатки», когда 1 марта 1751 г. состоялось постановление Канцелярии, заставившее Крашенинникова значительно изменить все то, что было им сделано по подготовке этого издания. В основной части постановления гласило: «...понеже профессор Крашенинников был в самой Камчатке и прислал описание оной в Академию,¹³⁵

¹²⁹ Материалы, X, стр. 444, 507, 526—530, 535.

¹³⁰ Протоколы Конференции, II, стр. 242.

¹³¹ Торжество Академии наук..., празднованное сентября 6 дня 1750 г. в Санктпетербурге, стр. 53—98 (речь сохранилась в рукописи в Архиве АН, р. II, оп. 1, № 221, лл. 49—61 об., с многочисленными поправками, вставками и т. п.). Об этой речи много интересных соображений привел в работе о Крашенинникове как этнографе Н. П. Никольский (Советский Север, 1939, № 2, стр. 65—71).

¹³² ААН, ф. 3, оп. 1, № 149, л. 323; Подлинник этого рапорта см. в коллекции автографов Шардиуса (Научная библиотека Тартуского университета).

¹³³ См. выше, стр. 111 и сл.

¹³⁴ Такие рапорты, однако, были поданы, см. Протоколы Конференции, II, стр. 165, 255.

¹³⁵ Имеется в виду «Описание камчатского народа», упомянутое выше.

которое ему ныне надлежит пересмотреть вновь, и те места, о которых покойной адъюнкт Штеллер в Описании своем упоминает, а оного нет в Описании оного Крашенинникова, то их внести либо в самый текст или сообщить оные в примечаниях с прописанием автора имени». Крашенинников должен был проделать эту работу «как наискорее», представить ее в Канцелярию, которая перешлет ее в Историческое собрание Академии для одобрения, после чего «Описание» будет отпечатано на той же бумаге и в том же количестве экземпляров, как и «История Сибири» Миллера, вышедшая в 1750 г. Для издания предполагалось использовать часть рисунков зверей, «плант», платья, и пр., которые по поручению Стеллера были приготовлены на Камчатке художником Берканом и поступили в Академию по возвращении сотрудников Стеллера.¹³⁶

Неизвестно, кому принадлежала мысль о таком, по меньшей мере странном, способе использования основной работы Стеллера «*Sammlungen zur Historie von dem Lande Kamtschatka, derer Einwohner, Sitten, Namen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten*», которая в 1747 г. поступила в Академию¹³⁷ и была напечатана значительно позже И. Шерером.¹³⁸ Обязанный в соответствии с постановлением Канцелярии от 11 марта использовать труд Стеллера, Крашенинников попадал в очень трудное положение, когда ему приходилось опровергать Стеллера, нередко основываясь на непроверенных наблюдениях других лиц, и невольно полемизировать с автором, труд которого не был напечатан.

На основании этого постановления в тот же день Крашенинникову был послан «ордер», в котором предлагалось выполнить соответствующую работу по использованию труда Стеллера. 13 сентября 1751 г. Крашенинников представил в Канцелярию при рапорте две части «Камчатского описания с прибавлением Стеллеровых примечаний и с объявлением его имени». 18 сентября Канцелярия постановила отправить эти две части «для свидетельствования» к профессорам Миллеру, Ломоносову, Фишеру, Попову и «унтер-библиотекарию» Тауберту.

Первым читал труд Крашенинникова Тауберт, который уже 24 сентября подал рапорт, где, между прочим, писал: «... читал

¹³⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 151, л. 13.

¹³⁷ Подлинник труда Стеллера — ААН, ф. 21, оп. 5, № 107 (ср. лл. 2—5 об. рукописи и замечание Миллера о нем — Материалы, VIII, стр. 658, п. 6). Рукопись не отмечена в описи рукописей Стеллера, поданной Крашенинниковым 9 апреля 1747 г., надо полагать, потому, что она поступила в Академию позже. В описи Крашенинникова нет и многих других рукописей Стеллера, которые ныне хранятся в Архиве АН.

¹³⁸ См. ниже, стр. 205, прим. 112.

я со всяким вниманием и не только ничего в них не нашел, что бы прибавить или убавить надлежало, но наипаче, как для изрядного слога и расположения, так и для важности предлагаемых вещей и приложенных при том основательных рассуждений, признаваю, что чем скорее сия книга издана будет в печать, тем больше служить имеет к крайнему удовольствию публики и к немалой славе Академии». Тауберт считал желательным приложить к книге «ландкарты» и рисунки и принять меры к переводу книги на латинский или французский языки, «дабы иностранные любопытные люди равномерно ею... пользоваться могли».

«Описание» было передано затем Ломоносову, который, продержав его около месяца, вернул обе части с кратким отзывом.¹³⁹ Он также признавал книгу достойной напечатания «ради изрядных об оной земли (Камчатке, — А. А.) известий», указав лишь на «невеликие и немногие неисправности в штиле», которые отмечены им на самой рукописи.¹⁴⁰

Читавший после Ломоносова «Описание», Миллер выполнил свою работу очень быстро: получив «Описание» 31 октября, он уже 6 ноября представил обстоятельный отзыв, в котором прежде всего остановился на главном, что, по его мнению, «всему тому Описанию в пользу служить может», «откладывая все партикулярные и мелочные примечания» до того заседания Исторического собрания, где будут, как он надеялся, заслушаны отзывы об этой книге и других профессоров. Первым недостатком книги Миллер считал отсутствие в ней данных, «для чего, когда и как (автор, — А. А.) на Камчатку отправлен был, какими дорогами ехал и какие способы имел и употребил к познанию того, о чём он в своем Описании пишет». Миллер полагал, что следует дополнить книгу сведениями об инструкции, данной Крашенинникову Гмелином и им, Миллером, и извлечением из рапортов Крашенинникова профессорам и его описаний, составленных в пути, что могло бы составить особую часть книги. Он также считал необходимым приложить к географическому описанию Камчатки «обстоятельную» ландкарту всей земли Камчатки, а не только одной р. Камчатки, как намерен был сделать автор. Предлагая затем сократить встречающиеся в «Описании» сведения о высоте полюса и убрать ненужные подробности (указание расстояний в сажнях, перечисление

¹³⁹ Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание. Составил Л. Б. Модзалевский. Под редакцией Г. А. Князева. Л.—М., 1937, стр. 321. «Репорт» в Канцелярию Академии наук от 29 октября 1751 г. опубликован: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. IX, 1955, стр. 632.

¹⁴⁰ Об отношениях Ломоносова и Крашенинникова см. мою статью в сб.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1940, стр. 286—296.

строений и числа казарм, балаганов и т. п.), Миллер указывал также на то, что имеющиеся в тексте примечания, «весьма приятные и полезные», находятся не там, где им надлежит быть: «например, рассуждение о земных переменах, на Камчатке случившихся, надлежит до натуральной истории, в другой части описанной»; «о баснях камчадалских, по всему Описанию рассеянных, способнее на одном месте, в третьей части, при описании народов объявить...»; «о дорогах на Камчатке в разных местах при случае объявлено, о чем особливую главу сочинить можно». Далее Миллер указывал, что «морской берег от реки Пенжины до реки Амура не надлежит до Камчатки» и его следует описать в «Сибирской географии», составляемой самим Миллером, а потому здесь это описание надлежит опустить. Миллер решительно возражал против того, чтобы Крашенинников упоминал описание Камчатки, составленное им, Миллером, в 1737 г. на основании собранных тогда известий¹⁴¹ и данное Крашенинникову в качестве предварительного источника о Камчатке. Это «Описание» помогло Крашенинникову в его работе, и поэтому Миллер считал «неприличным», что теперь Крашенинников выступает с опровержением некоторых мнений Миллера, высказанных в «Описании» в 1737 г. Миллер не спорил, однако, против того, чтобы Крашенинников вообще использовал его работу и особенно ту часть ее, «что к дополнению его известиев потребно, как например, о Курильских островах», с простым указанием, что они получены от Миллера, и без упоминания об его описании Камчатки 1737 г. При таком подходе к письменным материалам, которые были в распоряжении Крашенинникова, Миллер не мог не остановиться и на использовании Крашенинниковым труда Стеллера: «Вышеписанное рассуждение о неопровержении письменных сочинений надлежит также наблюдать при описании покойного господина Штеллера, которого господину Крашенинникову в пользу своего описания употребить позволено. Никому от того пользы нет, когда господин Крашенинников в некоторых местах упоминает, что господин Штеллер писал неосновательно, что ошибся, что обманулся. Несогласие между Штеллеровыми и его известиями только тогда описать должно, где сумнительно, которое больше веры достойно». При описании «выгод и недостатков Камчатки» Миллер предлагал иной порядок глав, исходя из того, «чтоб о всем том писать наперед, что с следующим имеет некоторое сообщение». Наконец, он советовал указать латинские названия различных «натуральных вещей и использовать там, где идет речь о китах, Андерсонову книгу о Из-

¹⁴¹ Оно напечатано без согласия автора в упомянутом выше издании труда Стеллера, вышедшем в 1774 г., в приложении, стр. 1—58.

ландии». По сравнению с серьезным отзывом Миллера, отзывы двух других профессоров — историка Фишера и астронома Никиты Попова — не заслуживают внимания.

Получив эти отзывы, Канцелярия в заседании 8 января 1752 г. решила выписку из них отправить в Историческое собрание, «чтобы всеми господами профессорами оное было прилично рассмотрено». Канцелярия предписывала и порядок обсуждения, любопытный для характеристики тогдашних ученых прений: «...буде же того собрания которой персоны мнение рассуждаемо будет, и тогда на то время той персоне в собрании оном не присутствовать»; конечно, и сам автор должен был отсутствовать в заседании, и его должны были пригласить лишь в конце для объявления состоявшегося решения собрания.

Протоколы Исторического собрания за 1752 г. не отысканы, но по интересующему нас вопросу — рассмотрению в нем первых двух частей «Описания земли Камчатки» — сохранился рапорт «по силе протокола Исторического собрания» архивариуса Стафенгагена, который вел протокол собрания, поданный им в Канцелярию 30 января. Стафенгаген приводит в нем решения собрания по поводу отдельных мнений и отзывов, отмеченных выше. В отзыве Ломоносова не требовалось от Крашенинникова каких-либо исправлений, поэтому и собрание устранение «неисправностей в штиле» оставило на усмотрение автора. Предложение Тауберта о ландкартах и рисунках было одобрено, причем Канцелярия, как оказалось, еще до того уже приняла соответствующие меры к использованию для издания рисунков Беркана, работавшего на Камчатке вместе со Стеллером. Вопрос о переводе издания на какой-либо иностранный язык встретил также сочувствие, но об языке перевода предоставлялось решить президенту; последний должен был также разрешить «сумнение» профессора Попова, не противно ли указам печатания «Описания»? Главное внимание Собрания было посвящено, конечно, «примечаниям» Миллера. Собрание уклонилось от чтения «Описания», а потому не могло заслушать «партикулярные и мелочные» примечания Миллера, предоставив автору использовать эти примечания по его усмотрению, если Миллер их ему сообщит. Оно признало «справедливыми» замечания Миллера о необходимости предисловия к «Описанию» и «обстоятельной всей земли Камчатской ландкарты», которую Канцелярия уже заказала, а также согласилось с указанием Миллера о сокращении ненужных подробностей. В отношении же «рассеянных по всему „Описанию“ басен и рассуждений о земных переменах» Собрание считало возможным оставить их в прежнем виде, но упомянуть о них кратко в особых главах «о баснях» и «натуральной истории», предложив вместе с тем выделить в особую главу описание дорог. Что же касается описания морского бе-

рега от Пенжины до Амура, то точка зрения Миллера не была поддержана. Все замечания Миллера об использовании его труда о Камчатке и труда Стеллера было предложено автору принять во внимание и в соответствии с ними «переправить» текст и «ненадобное выключить». Вопрос об изменении порядка глав был оставлен на усмотрение автора, а замечание Миллера о латинских названиях рекомендовано учесть, равно как и использование книги Андерсона о китах. В заключении рапорта сообщалось, что Крашенинников «по сообщенному ему... протоколу все, что установлено было, поправил».

До недавнего времени рукопись «Описания земли Камчатки» считалась утерянной. Г. А. Князеву и Л. Б. Модзалевскому удалось случайно найти ее в Пулковской обсерватории; как она попала туда, — неизвестно. Важно, чтобы она хранилась там, где и все прочие рукописи Крашенинникова, а именно в Архиве АН.¹⁴²

В рукописи, заключающей полный текст «Описания», можно проследить все те изменения, которые Крашенинников внес в нее под влиянием приведенных выше замечаний. Так, на полях третьего листа лучший знаток ломоносовских рукописей Л. Б. Модзалевский, кроме текста, писанного кем-то, но не Крашенинниковым, склонен видеть какое-то замечание, написанное Ломоносовым; ему же Л. Б. Модзалевский приписывает исправление на листе 45 об.; такие же поправки Ломоносова он находит и на листе 48 и 48 об. второй части рукописи; на листе 48 «кипящие млеком и медом» исправлено на «всем изобильные»; на листе 48 об. подчеркнуто «страна» и на полях рукою Ломоносова написано «земля»; имеются и другие, чисто стилистические исправления. Большая часть исправлений и зачеркиваний в рукописи вызвана, однако, замечаниями Миллера: так, на листе 26 об., 27 об., 37 и других зачеркнуты ссылки на географическое описание Камчатки Миллера; на листе 58, 58 об. зачеркнуто об ошибках Стеллера, а на листе 110, 110 об. выкинуто подобное же место, где первоначально было написано: «мне не столько сумнительно, сколько удивительно, как автор (Стеллер, — А. А.), в краткое время своей бытности в тех местах,¹⁴³ мог изведать, как рыбы совокупаются, где живут, сколь долго в реки не возвращаются и как берут с собою годовалых для препровождения малых рыб в моря, ибо кажется немало времени наблюдать должно, чтоб о каждом из оных обстоятельств

¹⁴² Рукопись в настоящее время хранится в Архиве АН, р. II, оп. 1, № 288. — *Прим. ред.*

¹⁴³ Труд Стеллера был написан им в конце ноября 1742—начале мая 1743 г. До этого Стеллер пробыл на Камчатке в общей сложности менее года.

заподлинно быть уверену»; аналогичного характера зачеркнутое место о Стеллере на лл. 113 об., 114 и др.

Восстановление первоначального текста «Описания» Крашенинникова, представляющее несомненный интерес и значение для характеристики его работы, затрудняется, однако, своеобразной манерой зачеркивания первоначально написанного, которую применял Крашенинников; после его зачеркиваний этот первоначальный текст почти невозможно восстановить обычным путем. Если в отношении первой и второй частей «Описания» известно, в каком направлении были сделаны Крашенинниковым исправления, то, как увидим далее, при отсутствии аналогичных сведений о третьей и четвертой частях только в результате кропотливого изучения самой рукописи, первоначальный текст которой и в этих частях подвергся большим изменениям, можно установить, что пришлось Крашенинникову изменить под влиянием замечаний разных лиц, просматривавших третью и четвертую части, наиболее интересные для этнографа и историка Камчатки.

Несмотря на то что исправленная Крашенинниковым рукопись первой и второй частей «Описания» была подана в Канцелярию 30 января 1752 г., Канцелярия только 10 марта вынесла постановление о печатании «Описания» в количестве 1350 экземпляров и отправила рукопись в академическую типографию.

Между тем автор продолжал переработку третьей части «Описания», которую в апреле сдал в Канцелярию; последняя 15 апреля постановила отослать эту часть «Описания» в Историческое собрание, что и было выполнено 23-го. Отзыв Исторического собрания, изложенный в рапорте Стафенгагена, был подан в Канцелярию только 17 сентября. Из рапорта видно, что третью часть читали на дому все члены Собрания, которые кроме Миллера, ограничились лишь общим заявлением, «что они ничего в сем Описании не нашли, что бы печатание сей части воспретить могло, и потому оную к печати удостоили, но желают при том, чтоб господин автор, пересматривая вновь, заглавия или надписи глав в сем Описании учинил сходные с материями, которые он в тех главах описывает, понеже им местами несходство в том показалось». В поданном письменном мнении Миллер также признавал эту часть достойной печатания, «выключая некоторые погрешности, которые б можно было поправить, ежели б повелено было оное прочесть в Историческом собрании».

18 сентября Канцелярия, заслушав рапорт Стафенгагена, предложила автору исправить «Описание» согласно указаний «заседающих» в Историческом собрании и вновь представить текст в Канцелярию для передачи его в типографию; «... а что

господин Миллер пишет в своем мнении о исправлении автору неисправностей, то в прежней части от автора оные уже исправлены да и ныне исправитца могут». Так как в третьей части рукописи находим также немало исправлений (листы, 3, 4, 4 об., 5 об., 6, 7, 12 об., 14 об., 25), следует думать, что Миллер и, возможно, другие лица сделали замечания Крашенинникову помимо официального заседания.

В соответствии с постановлением Канцелярии был составлен «ордер» Крашенинникову, а исправленный им текст опять представлен, но не в Канцелярию, а в Историческое собрание, которое рассматривало его вновь в начале декабря, причем «господа заседающие, будучи сими исправлениями довольны, оную часть вновь апробовали»; 3 декабря того же года Канцелярия постановила передать третью часть в типографию.

В те же осенние месяцы 1752 г. Крашенинников работал над четвертой частью своего «Описания». В рапорте, поданном 17 сентября, он просил вновь (более ранняя его просьба не сохранилась) о выдаче ему документов Якутского архива, т. е. тех копий с документов, которые по поручению Миллера были сняты в Якутском архиве в 1736—1737 гг. Из рапорта можно заключить, что Миллер, у которого находились эти копии в то время, сначала ничего не ответил на просьбу Крашенинникова о их выдаче. Отмечая, что «Описание» «печатать уже начали и последнюю часть необходимо ускорять должно», Крашенинников вновь просил о выдаче якутских копий, добавляя при этом, что «ежели без потребных доказательств отдать печатать четвертую часть так, как она сочинена по словестным известиям, то в годах будут великие ошибки, а в важных и достойных памяти обстоятельствах крайней недостаток, а следовательно, вся книга в исправности сама с собою не согласна». Надо думать, что в ответ на посланный Канцелярией в тот же день «ордер» Миллер передал архивариусу Стафенгагену просимые якутские копии вместе с оглавлением к ним, и Крашенинников мог работать над дополнением четвертой части «Описания» по архивным данным.

Работа над четвертой частью «Описания» была закончена, вероятно, в начале 1753 г., когда она, пройдя через Историческое собрание, 12 марта поступила в Канцелярию и была передана затем в типографию. В архивных материалах не отыскалось указаний, как происходило обсуждение четвертой части «Описания», если не считать краткого упоминания о том, что в Историческом собрании было «найдено, что помянутая часть весьма изрядно сочинена, и для того господа заседавшие оную апробовали и к печати удостоили». В рукописи ее находим, однако, много исправлений (листы 3, 7 об., 9 об., 10 об., 22 об. и др.), из которых некоторые, вероятно, сделаны Крашенинни-

ковым под влиянием замечаний, которые были сделаны членами Исторического собрания.¹⁴⁴

Таким образом, окончательный текст «Описания земли Камчатки», представленный Крашенинниковым в 1751—1753 гг., сложился на основе первоначального текста, который был написан им в эти годы, и многочисленных замечаний, которые ему пришлось учесть и в соответствии с ними внести исправления в этот первоначальный текст. Об этой последней работе красноречиво свидетельствует сохранившаяся рукопись «Описания».

В тексте «Описания» указаны и источники, на основании которых он составлялся. Это, конечно, прежде всего собственные труды и материалы Крашенинникова, собранные им на Камчатке. На следующем месте стоят труды («описания» и «записки») Стеллера, на которого Крашенинников ссылается неоднократно, но без точного указания, какой труд Стеллера имеет в виду. Легко установить, однако, что им использованы прежде всего «Описание Камчатки» и «Описание морского путешествия с капитаном Берингом к берегам Америки»; в частности, на основании последнего написана вся глава 10 первой части «О Америке».

— В советское время ряд ученых занимался вопросом о взаимоотношении трудов Крашенинникова и Стеллера. Так, Н. Н. Степанов прекрасно раскрыл это в отношении четвертой части работы Крашенинникова «Описание земли Камчатки»,¹⁴⁵ то же можно проиллюстрировать примерами из других частей.

П. А. Новиков устанавливает, что ряд описаний животного мира в книге С. П. Крашенинникова является дословным переводом соответствующих мест из книг Г. Стеллера.¹⁴⁶ Однако не нужно забывать, что материал для них вполне мог быть заимствован Стеллером из полученной ранее рукописи С. П. Краше-

¹⁴⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 151, лл. 12—58; № 164, лл. 249, 250 об.; № 174, л. 36; № 175, лл. 259, 260; № 521 — журнал от 3 декабря 1752 г. (№ 756); № 522 — журнал от 12 марта 1753 г. (№ 176). Подробный разбор собранных Крашенинниковым исторических известий о Камчатке в первые десятилетия XVIII в. (большеречья и верхнекамчатская редакции и текст в «Описании земли Камчатки») сделан Н. Н. Степановым в его статье о Крашенинникове как историке Камчатки (Советский Север, 1939, № 2, стр. 90—110). К сожалению, автору остался неизвестен еще один современный источник — исторические известия о Камчатке, полученные Сенатом в 1724 г. и использованные И. К. Кириловым в его труде 1727 г. (И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства... ч. II. М., 1851, стр. 100—102). Они являются источником более раннего происхождения и во многом заслуживают большего внимания, чем рассказы старожилов, известия о которых приводит Крашенинников в своих рукописных трудах.

¹⁴⁵ Советский Север, 1939, № 2, стр. 108 и сл.

¹⁴⁶ Об этом см. также П. А. Новиков. Академик С. П. Крашенинников как первый исследователь животного мира Камчатки. Труды Института истории естествознания, т. III, М.—Л., 1949, стр. 292—295.

нинникова. По заключению того же П. А. Новикова, список С. П. Крашенинникова по содержанию богаче и более систематизирован, чем аналогичный список Стеллера. Этого вопроса касается и последний биограф Крашенинникова Д. М. Лебедев в докладе «Жизнь и деятельность выдающегося русского ученого XVIII в. С. П. Крашенинникова».¹⁴⁷

В обеих редакциях своего труда Крашенинников в сильной мере использует работу Стеллера, причем в первой редакции очень часто вступает с ним в полемику, от чего ему приходилось, однако, отказываться во многих случаях в последней редакции под влиянием замечаний, сделанных в Историческом собрании. В окончательной редакции он преимущественно цитирует Стеллера и лишь изредка вступает с ним в научную полемику.

Крашенинников, как отмечалось выше, не знал немецкого языка, а потому работу Стеллера, написанную на этом языке, ему кто-то переводил или, может быть, излагал. Это необходимо помнить, когда сравниваешь те многочисленные выписки из «Стеллерова описания», которые приводит Крашенинников, и очень скоро убеждаешься, что цитаты из Стеллера в большинстве случаев только пересказ его текста¹⁴⁸ или, в меньшем числе случаев, довольно близкий, но не всегда точный перевод. Но можно привести несколько случаев, когда цитаты из Стеллера не представляют даже более или менее точного изложения, а даны в таком сокращении, что получается совершенно неправильное представление о Стеллере, о его взглядах и приводимых им фактах. Это особенно относится к главе 24 труда Стеллера, озаглавленной «О религии ительменов», которой у Крашенинникова соответствует глава 11 третьей части «О боге, о сотворении мира и о догматах камчатской веры». Приведя сначала собственные сведения об этом, в основном восходящие к его труду 1740 г. «Описание камчатского народа, сочиненное по сказыванию камчадалов»,¹⁴⁹ Крашенинников дает затем выписку из Стеллера, которая совсем не отражает текста последнего. После слов «и о величестве божии и о непостижимой его премудрости», приведенных Крашенинниковым, у Стеллера читаем: «Между тем, среди своих выдуманных богов они, по-видимому, все-таки признают известное разделение по старшинству и наличие некоторой субординации. Величайший из

¹⁴⁷ Изложение доклада Д. М. Лебедева, прочитанного на совместном заседании Ученых советов Института географии и Института истории естествознания и техники 15 марта 1955 г., см. Вестник АН СССР. 1955, № 6, стр. 109—110.

¹⁴⁸ Ср., например, гл. 23 Стеллера и стр. 10—14 у Крашенинникова или гл. 34, стр. 451—453 у первого и стр. 20—21 у второго.

¹⁴⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 34, лл. 256, 275—276.

богов — творец неба и земли, которого они единодушно называют Куткою или Кутгою. Они утверждают, что это он создал все и что от него все произошло. Не имея никакого другого представления о божестве и обычно присущих ему свойствах, кроме того, какое они сами составили себе о нем на основании неясного понимания его творения, и не связывая наблюдаемого на земле добра и зла с размышлением о промысле божием, они считают себя гораздо умнее своего бога и не знают никого простоватее, безумнее и глупее своего Кутки».

У Крашенинникова вместо всего вышеизложенного читаем лишь: «... впрочем никого глупее не представляют, как своего Кутку». Стеллер продолжает затем: «Насколько я знаю, такого странного взгляда на бога на всем земном шаре найти нельзя, и поэтому, по всей справедливости, ительменов можно назвать прирожденными богохульниками. В силу этого же они считают Кутку недостойным какого бы то ни было почитания, не просят его ни о чем, не благодарят и не забавляются ничем в мире больше, чем своим творцом Куткою». Крашенинников изложил все это кратко: «... чего ради и не воздают ему никакого почтения, ничего у него не просят и ничем так, как именем его, не забавляются». Далее Стеллер приводит слышанные им рассказы о Кутке, занимающие до 12 печатных страниц; в своей передаче Крашенинников ограничивается лишь указанием, что рассказывают про Кутку такие «непристойности, о которых и писать гнусно».

Приводя далее по Стеллеру описания «бесов», Крашенинников почему-то перечисляет их в обратном порядке по сравнению со Стеллером (горные боги, лесные и морские, у Стеллера — морские, лесные и горные). Но любопытнее всего, что в рассказе о горных духах у Стеллера они «питаются от китобойного промысла», а у Крашенинникова «питаются... рыбной ловлею»; подробности о духах у Крашенинникова опущены и заменены другими.

Далее Крашенинниковым опущено следующее важное утверждение Стеллера вместо напечатанного в «Описании земли Камчатки»: «... главное основание веры их утверждается на древних преданиях (у Стеллера прибавлено: и *auctoritas patrum*), которые наблюдают они паче закону, не приемля никаких доказательств в опровержение»,¹⁵⁰ у Стеллера читаем: «Их утверждения могут быть без особого труда отвергнуты, и они легко склоняются на разумные доводы и более обоснованные мнения. Вообще же они очень легко отказываются от своих

---

¹⁵⁰ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, ч. II. СПб., 1786, стр. 77. Далее все сопоставления текста «Описания» даны автором по этому изданию.

представлений безо всякой критики, лишь бы их уверили, что их верования неправильны. С другой стороны, их мало интересует замена отброшенных мнений новыми, лучшими. В таких случаях они вообще не верят ни во что и чувствуют себя при этом прекрасно».

В следующем затем тексте («Стеллер пишет...») у Крашенинникова опущен весьма интересный конец: вместо слов «и не чувствуют» у Стеллера читаем: «... ни желанья познать все это, да и сейчас не испытывают ничего подобного, и что они чрезвычайно рады своему неведению, подобно тому, как я могу радоваться своей мудрости».

В таком же духе идет и дальнейший пересказ (на стр. 77—81), соответствующий стр. 340—361 по переводу Стеллера.

Вся глава 12 третьей части «Описания земли Камчатки» «О шаманах камчатских» изложена Крашенинниковым по Стеллеру (стр. 352—361), но с пропуском многих подробностей, иногда изменяющих смысл рассказа Стеллера.

В некоторых случаях цитаты из Стеллера поданы Крашенинниковым так, что мысль Стеллера узнать очень трудно: например, при объяснении происхождения самоназвания «ительмен» (стр. 3—4) Крашенинников целиком повторяет доводы Стеллера, но совершенно неожиданно название русских у ительменов «брахтат» заменено Крашенинниковым неизвестным Стеллеру «брыхтатый» — огненные люди; по поводу этого в первоначальном тексте «Описания земли Камчатки» имелась очень интересная полемика Крашенинникова со Стеллером, не вошедшая в окончательный текст, который принадлежит Крашенинникову дает основания приписывать Стеллеру. Хуже, конечно, когда Крашенинников приписывает себе мысли, которые целиком заимствованы им у Стеллера; так, на стр. 4 второго тома читаем: «Камчадалы, между прочим, имеют такое смешное обыкновение, что всякую вещь своим языком назвать стараются, смотря на сходство ее имени, на действия и на другие обстоятельства» и т. д., но буквально то же находим у Стеллера на стр. 7 (перевода), причем приведенные у последнего примеры списаны неточно — у Стеллера: хлеб — брахтат (русские предметы или лица) ауггъ, — у Крашенинникова: хлеб — брыхтатын ауггъ; опущено объяснение сходства названия чая и чайки (по-ительменски оба «сокосол»); по цензурным соображениям опущена фамилия при слове «подполковник» (у Стеллера — подполковник Мерлин) и совсем выкинут пример на слово «палач» (у Стеллера: «... а палача, расправлявшего с осужденными при помощи кнута — „юсутшашэ“, „драчун“»). Глава 3 той же третьей части («О прежнем состоянии камчатского народа») написана Крашенинниковым главным образом на основании его труда 1740 г., но отсутствующие в ней факты

заимствованы нередко из Стеллера, без указания, что они взяты из этого источника; так, на стр. 18 Крашенинников пишет о счете у ительменов и, не упоминая Стеллера, переписывает стр. 453—454 из главы 34 его труда; то же на стр. 22 («время определяют... как бы одна тень остается»), которая повторяет соответствующее место той же главы 34 труда Стеллера, который здесь не назван.¹⁵¹ Многочисленные выписки с указанием, что они заимствованы из труда Стеллера, заменены кое-где неопределенным «сказывают» (например, текст на стр. 34 приводит опять к главе 28 Стеллера). «Описание» Стеллера, из которого, по словам Крашенинникова (стр. 132), он привел «все потребное», благодаря отмеченным выше способам его использования, не стало известным читателям труда Крашенинникова, но многочисленные цитаты и ссылки на «Стеллерово описание» дали, например, Шереру основание утверждать, что Крашенинников заимствовал у Стеллера очень много и притом самое ценное. Приведенные выше примеры (а число их можно увеличить) позволяют сделать вывод, что еще многое и не менее ценное по разным причинам не было совсем использовано Крашенинниковым; в главе о религии он не мог, например, по цензурным условиям привести те рассказы, которые имеются у Стеллера, писавшего вообще не считаясь с какими-либо запретами; многое у Стеллера, где в истинном свете изображается деятельность русских казаков, грабивших и насилувавших местное население, было просто опущено Крашенинниковым, писавшим об этом же в более позднее время, когда факты, приводимые Стеллером, стали уже достоянием прошлого; многие темы, относящиеся к описанию внешнего вида ительменов, их половых отношений и т. п., также не нашли отражения в труде Крашенинникова, хотя Стеллер давал ему большой материал. Но, приводя многочисленные заимствования Крашенинникова у Стеллера, следует отметить также, что научное значение труда Крашенинникова все же весьма большое. Прежде всего надо сказать, что четвертая часть «Описания земли Камчатки», посвященная главным образом истории завоевания полуострова, является совершенно оригинальным произведением. Соответствующая 21 глава у Стеллера, «О первом завоевании Камчатки», ни в какой мере не идет в сравнение с богатой содержанием, основанной не только на устных рассказах, но и на обильных материалах Якутского архива, четвертой частью «Описания земли Камчатки». Из анализа этой части,

¹⁵¹ Такие же примеры можно найти и во второй части; говоря, например, о медведях (стр. 220—224), Крашенинников повторяет почти буквально Стеллера, не называя его (стр. 142—147) и пропуская много ценных подробностей, имеющих у Стеллера; то же в сообщении о других животных (стр. 218—219 и 148—149, 214—217 и 150—154 и др).

произведенного в недавнее время Н. Н. Степановым,¹⁵² видно, что в распоряжении Крашенинникова оказались такие материалы, которыми не располагал Стеллер, собиравшийся позднее еще поработать над этой главой, так как на Камчатке, где он писал свой труд, он не мог найти всех нужных данных. И по истории Камчатки труд Крашенинникова навсегда сохранит первостепенное значение, в особенности если удастся напечатать те его материалы, которые он использовал лишь отчасти.¹⁵³ Но и третья часть «Описания земли Камчатки», в которой находится наибольшее количество заимствований, имеет немало совершенно самостоятельных наблюдений Крашенинникова, которые должны сопоставляться с аналогичными наблюдениями Стеллера. Ее основной источник — «Описание камчатского народа, сочиненное по сказыванию камчадалов» — своего рода итог наблюдений Крашенинникова по этнографии народов Камчатки. Это «Описание» было отослано Крашенинниковым Миллеру в 1740 г. и позже (до июня 1741 г., когда Крашенинников уехал с Камчатки) было лишь немногим дополнено. Текст этого «Описания» использован во многих главах третьей части (ср. это «Описание», лл. 255—257 и «Описание земли Камчатки», часть 3, стр. 18—23; лл. 261—262 об. и стр. 23—29; лл. 262 об. — 263 и стр. 31—34, и др.). При сходстве тематики соответствующих глав труда Стеллера и труда Крашенинникова последний дает очень часто вполне самостоятельный текст и во многих случаях ценное содержание, отсутствующее у Стеллера; такова, например, у Крашенинникова глава 5 «О домово́й посуде и о других нужных в житии потребностях», о чем Стеллер говорит лишь между прочим в главе 28; следует отметить также, что текст главы 5, написанный Крашенинниковым в 1751—1752 гг., когда он готовил к изданию третью часть «Описания земли Камчатки», сильно отличается от соответствующих листов «Описания камчатского народа». Вполне самостоятельный и не зависящий от Стеллера текст дает Крашенинников также в главах 6 (у Стеллера глава 28), 7 (у Стеллера глава 27), 8 (у Стеллера глава 29), 9 (у Стеллера главы 11 и 36), 10 (у Стеллера глава 22) и др. Таким образом, оба труда в части этнографической основаны на самостоятельных и не за-

¹⁵² Н. Н. Степанов. С. П. Крашенинников как историк Камчатки. Советский Север. 1939, № 2, стр. 85—116.

¹⁵³ Имею в виду те две повести о завоевании Камчатки и деятельности камчатских «прикащиков», о которых подробно говорит Н. Н. Степанов. Их следует, однако, сравнить с повестью, которую приводит И. К. Кирилов (Цветущее состояние Всероссийского государства... М., 1831, ч. II, стр. 100—102). Эта повесть, несомненно, записана на Камчатке в 1724 г. и является, после сказки Атласова, самой ранней повестью о завоевании Камчатки.

висимых друг от друга наблюдениях и заслуживают одинакового внимания историка-этнографа.

Нет надобности указывать, что такой же характер, как и третья часть, сохраняют первая и вторая части «Описания земли Камчатки», также во многом имеющие совершенно самостоятельное значение. Кроме Стеллера, Крашенинников часто ссылаются также на «Описание» Миллера (ч. I, стр. 62, 110, 117, 118 и др.), под которым разумеет не раз упоминавшееся выше географическое описание Камчатки, составленное Миллером в 1737 г. В его распоряжении были также «описания» и «обсервации» других участников экспедиции; так, в первой части (на стр. 96) он ссылается на «обсервации» спутника Делиль де ла Кройера геодезиста А. Д. Красильникова; там же (на стр. 103, 117, 119) он упоминает «описания капитана Шпанберга», а сведения о реках Охотского моря (там же, стр. 97), вероятно, заимствованы из описаний переводчика Линденау и др. Крашенинникову известны также новые карты Сибири и Камчатки (ч. I, стр. 118), «Генеральная Российская карта» (ч. I, стр. 96, 109, 117 и др.) и «китайские карты» (ч. I, стр. 101, 118), а в оставшихся после него бумагах оказалось также несколько русских и иностранных карт и чертежей.¹⁵⁴

«Описание земли Камчатки», начатое печатанием в 1752 г., было закончено к февралю 1755 г., когда «последний лист сего Описания был отпечатан» и когда, по словам Миллера,¹⁵⁵ «конец житию его (автора, — А. А.) последовал». В соответствии с предложением Миллера и постановлением Исторического собрания Крашенинников готовил «пространное предызвещение» к «Описанию». В нем он предполагал сообщить о задачах Камчатской экспедиции, о том, что им было сделано там, какие собраны материалы и в какой мере пользовался он при сочинении своей книги трудами покойного адъютанта Стеллера. Начало предисловия сохранилось в бумагах Крашенинникова, причем часть его, переписанная набело, имеет поправки ассессора Г. Н. Теплова и, надо думать, была им утверждена, но предисловие осталось незаконченным.¹⁵⁶

Выше было отмечено, что уже в 1752 г. Канцелярия поручила кому-то на основании имеющихся в «Описании» данных подготовить особую карту Камчатки. Надо думать, что поручение это было дано Ивану Трускотту, который в эти именно годы под руководством Миллера занимался сочинением карты Америки и части Сибири. В октябре 1753 г. Трускотт сообщал Канцелярии,¹⁵⁷ что в совершенно оконченную им карту Миллер

¹⁵⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 196, лл. 507 об., 508.

¹⁵⁵ Предисловие Миллера к печатному тексту «Описания», изд. 1755 г.

¹⁵⁶ ААН, р. I, оп. 13, № 12, ф. 3, оп. 1, № 230, л. 256—256 об.

¹⁵⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 182, л. 291.

потребовал внести изменения на основании ставших тогда известными карт Америки Грена и Японии Белина. Вероятно, из этой карты часть ее, касающуюся Камчатки, предполагалось использовать в качестве приложения к труду Крашенинникова. Работа Трускотта не была, однако, закончена к февралю 1755 г.

Уже в мае 1752 г. мастером Гриммелем были приготовлены для «Описания» 19 рисунков,¹⁵⁸ одобренных Академией художеств и самим Крашенинниковым «в рассуждении точности проспектов с оригиналами»; как уже отмечено выше, они принадлежали художнику Беркану, сопровождавшему Стеллера на Камчатку.¹⁵⁹ Вместе с тем помощником библиотекаря Академии Андреем Богдановым были составлены к «Описанию», к каждому тому отдельно, «краткие изъясления вещей, ... собранных по алфавиту скорого ради приискания».

15 апреля 1755 г. Канцелярия постановила из числа отпечатанных уже 1350 экземпляров «Описания» переплести 60 экземпляров.¹⁶⁰ Из этого надо заключить, что все издание было уже готово к тому времени; был готов также титульный лист «Описания», на котором проставлен год выхода — 1755. Между тем «Описание» не вышло в свет в этом году, а появилось значительно позже.

Надо думать, что в последний момент Миллеру удалось убедить президента Академии К. Г. Разумовского в нежелательности выпуска «Описания» без предисловия,¹⁶¹ о котором Мил-

¹⁵⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 151, лл. 14 об., 15, 56а.

¹⁵⁹ В декабре того же года «камчатские рисунки» были вновь свидетельствованы в собрании Академии художеств, причем установлено, что они с подлинными рисунками совершенно сходны, «а что касается до исправного рисования в перспективе, в проспектах и в прочем, то оные сделаны несравненно лучше оригиналов, кроме трех рисунков, о которых потребно у профессора Крашенинникова требовать известия». Ввиду этого Канцелярия предложила мастеру Гриммелю, по сношении с Крашенинниковым, рисунки исправлять, что и было им исполнено, после чего все рисунки были отправлены в «грыдоровальную палату» к мастеру Соколову для «грыдорования» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 521, журнал № 792 от 29 декабря 1752 г.).

¹⁶⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 466 — протоколы за 1755 г., № 94. Известно о том, что к середине апреля 1755 г. «Описание» было уже отпечатано целиком и можно было его переплестать, противоречит указание в журнале той же Канцелярии от 22 июня 1755 г. об отпуске бумаги для печатания «фигур (рисунков, — А. А.) Камчатского описания» (там же, № 522, журнал № 501). Надо думать, что печатание было закончено позже июня 1755 г.

¹⁶¹ Впрочем, и до того предполагалось поместить перед текстом «Описания» небольшое предисловие — «Уведомление читателю» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 230, л. 256—256 об.); в нем сообщается прежде всего содержание оставшегося неоконченным предисловия автора (см. выше), «но, понеже смерть постигла автора прежде, нежели книга его напечатанием совершенно окончилась, то как помянутое предызвещенное, которое уже начато было им писать, так и сочиняемая по его указанию генеральная карта земли Камчатки остались недоделанными».

лер писал в своем отзыве на первые две части, и без карты Камчатки; и то и другое, как отмечено выше, не было сделано, когда закончилось печатание текста «Описания». Выполнение предложения Миллера было поручено ему самому.

Миллером составлено прежде всего предисловие к «Описанию», на беловом экземпляре которого, писанном неизвестным почерком и имеющем авторские исправления, есть отметка академического советника Шумахера, что рукопись поступила к нему 1 февраля 1756 г. В конце ее за подписями президента и того же Шумахера находится резолюция о печатании предисловия, что было выполнено к 19 февраля.¹⁶²

Как говорит Миллер в одной из своих автобиографий,¹⁶³ он использовал для двух ландкарт «земли Камчатки с окрестными ее странами», которые приложены к «Описанию», ту карту Сибирской губернии, которая была составлена им в 1745—1746 гг. и частично использована для приготовленной в 1754 г. карты русских открытий у берегов Америки и соседних стран; карта 1754 г., отпечатанная в нескольких корректурных оттисках, в последующие годы подверглась переработке и вышла в окончательном виде только в 1758 г.; часть этой карты была использована Миллером для тех двух карт, которые были приложены им к «Описанию» земли Камчатки и представлены в Канцелярию Академии 13 февраля 1756 г. с просьбой «онные вырезать на меди в самой скорости, потому что затем остановилась продажа той книги, а много есть охотников, желающих оную купить с нетерпеливостью». Печатание карт было закончено не ранее конца июня 1756 г.¹⁶⁴

На основании изложенного я считаю, что, хотя на титульном листе «Описания земли Камчатки» стоит 1755 г., на самом деле труд Крашенинникова вышел только во второй половине 1756 г. по отпечатании предисловия и приложенных к нему карт; ввиду этого только в феврале 1757 г. вдова Крашенинникова могла подать просьбу о выдаче ей 100 авторских экземпляров сочинения ее мужа.¹⁶⁵

¹⁶² Черновик предисловия на немецком языке — в ЦГАДА, портф. Миллера, № 409, статья № 8; неполный список 1761 г. — там же, портф. № 150, ч. II, тетр. 31; авторский оригинал на русском языке с собственноручными поправками Миллера — в Архиве АН, ф. 21, оп. 5, № 161, лл. 1—6; см. также ф. 3, оп. 1, № 207, лл. 297—298 об.

¹⁶³ Г. Ф. Миллер. История Сибири, I, стр. 152.

¹⁶⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 207, лл. 237, 238, № 210, лл. 290, 291.

¹⁶⁵ Не получая ответа на свою просьбу, вдова Крашенинникова подала жалобу в Сенат, который запрашивал Академию в декабре 1757 г. об этом деле. 13 января 1758 г. состоялось постановление Канцелярии Академии о выдаче вдове Крашенинникова 100 авторских экземпляров «Описания». Последняя обратилась, однако, с новой просьбой: вместо книг выдать ей, ввиду ее бедности, деньгами. Просьба была удовлетворена президентом лишь отчасти: разрешено было выдать 60 экземпляров книгами.

В последние годы своей жизни, кроме печатания своего «Описания» и работы в университете и гимназии, о которой говорят его многочисленные рапорты,¹⁶⁶ Крашенинников предпринял ботаническое исследование Ингерманландии. Как отмечено выше, в 1749 г. он совершил несколько поездок по окрестностям Петербурга. В июне 1752 г. он подает рапорт в Канцелярию Академии, где, между прочим, пишет, что «намерен для ботанических обсерваций ехать отсюда до Шлюшенбурга и от Шлюшенбурга по Ладожскому каналу до Старой Ладogi и до Новгорода».

В августе 1753 г. Крашенинников подал в Канцелярию отчет о своей поездке, в котором сообщает, что им собрано «более 500 разных трав и при рапорте внесено обстоятельное описание».¹⁶⁷ Незадолго до своей смерти, 9 февраля 1755 г., он подает в Канцелярию новое представление — о поездке по центральным и южным губерниям, в ответ на которое ему было предложено представить сначала описание наблюдений по Ингерманландии в 1752 г.¹⁶⁸

Смерть помешала Крашенинникову не только осуществить намечавшееся им новое путешествие, но и закончить ботаническое описание Ингерманландии. Последнее для окончания и подготовки к печати было передано почетному члену Академии лейб-медику Давиду Гортеру. В 1761 г. Гортер обратился в Академию с требованием срочно напечатать обработанные им ботанические материалы Крашенинникова и в случае невыполнения его требования собирался увезти их в Голландию и там напечатать.¹⁶⁹ После отзыва адъюнкта ботаники И. Т. Кельрейтера — преемника Крашенинникова по кафедре — Канцелярия постановила напечатать книгу Гортера, которая и вышла в том же 1761 г.¹⁷⁰

В Архиве сохранилась, видимо, лишь часть этого труда Крашенинникова,¹⁷¹ а потому о работе Гортера над рукописью Крашенинникова приходится судить теперь главным образом по упомянутому отзыву Кельрейтера. Изучив обе работы, Кельрейтер пришел к выводу, что сделанные Гортером изменения

а за 40 экземпляров — деньгами, по 2 р. 50 к. за экземпляр. Академия сообщила, наконец, что вдова Крашенинникова получила упомянутые книги и деньги (ААН, ф. 3, оп. 1, № 197, лл. 542—563 и № 230, лл. 253—270).

¹⁶⁶ Они находятся в Архиве АН, ф. 3, оп. 1, №№ 173—193.

¹⁶⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, № 180, л. 154.

¹⁶⁸ Там же, № 196, лл. 206—209.

¹⁶⁹ Протоколы Конференции, II, стр. 464, 465.

¹⁷⁰ *Flora ingrlica ex schedis Stephani Krascheninnikow ... confecta et propriis observationibus aucta a Davide de Gorter. Petropoli, 1761.* — ААН, ф. 3, оп. 1, № 260, лл. 250—260.

¹⁷¹ ААН, р. 1, оп. 7, №№ 5 и 6.

являются несущественными и в доказательство привел список их; Кельрейтер предлагал отправить еще раз ботаника в Ингерманландию для дополнения списков Крашенинникова. Это последнее указание не было принято во внимание, и работа Крашенинникова появилась в том виде, как ее переделал Гортер.

Кроме работы по изучению Ингерманландии в ботаническом отношении, к тем же 50-м годам относится еще несколько научных работ Крашенинникова. Так, в августе 1751 г. Крашенинникову было поручено рассмотреть сочинение Ломоносова «Слово о пользе химии»; представленный Крашенинниковым отзыв сохранился в делах Канцелярии.¹⁷²

В том же 1751 г. Крашенинникову поручено наблюдение за печатанием диссертации Стеллера «De bestiis marinis»; ему было предоставлено право внести изменения в текст с докладом о них Академическому собранию; впрочем, он напечатал диссертацию без всяких изменений.¹⁷³ По просьбе Ломоносова Крашенинников просматривал его публичную речь к заседанию 25 ноября 1753 г.¹⁷⁴ Когда в конце 1754 г. был поставлен вопрос о напечатании еще двух диссертаций Стеллера, Крашенинников дал о них сочувственный отзыв, напечатанный в протоколах Академического собрания.¹⁷⁵

Занимая с 1750 г. место ректора академического университета и инспектора академической гимназии, Крашенинников сильно отвлекался от научной работы педагогической деятельностью. Успешности научной работы его весьма сильно мешали также слабое здоровье и постоянное тяжелое материальное положение, вызывавшееся все возрастающей семьей. Уже в 1746 г. Крашенинников жалуется на свою «крайнюю нужду», ввиду чего «на необходимое с домашними пропитание» просит выдать ему жалованье за январскую треть этого года, не полученное до сентября. В июне 1747 г. он просит выдать ему в счет жалованья 10 р.: «...нахожусь в такой бедности, что дневного пропитания почти не имею; сверх того принужден я необходимо пользоваться от моей болезни, а медикаментов из аптеки в долг не отпускают»; в марте 1748 г. он вновь жалуется на слабое здоровье и сообщает, что по крайнему недостатку в деньгах «предписанным от доктора образом содержать себя не можно, но и лекарство купить не на что»; в конце того же года он вновь просит «для бедности» срочно выдать ему жалованье. Несмотря на увеличение с 1750 г. жалованья, материальное положение Крашенинникова в последующие годы было очень тяжелым:

¹⁷² Там же, ф. 3, оп. 1, № 163, лл. 232 и сл.; см. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. II. М.—Л., 1951, стр. 678—679.

¹⁷³ Протоколы Конференции, II, стр. 256, 257.

¹⁷⁴ Там же, стр. 292.

¹⁷⁵ Там же, стр. 316.

«многолюдная фамилия» заставляла его постоянно иметь дело с «заимодавцами» и обращаться в Академию с просьбами о досрочной выдаче жалованья и о принятии от него в казну выданных ему, как автору или переводчику, тех или иных изданий. Между тем болезнь, видимо все развивавшаяся, несомненно отражалась на его научной и педагогической деятельности и в связи с постоянной заботой о средствах к существованию превратила кроткого и спокойного человека, каким рисуют Крашенинникова вышеприведенные отзывы, в нервного, озлобленного и иногда жестокого, каким он представляется нам по данным об его педагогической деятельности в 1750—1755 гг.¹⁷⁶

Нередкие случаи отсутствия Крашенинникова в академических собраниях со времени избрания его профессором, в 1754 г. сделались очень частыми. В заседании 30 октября 1754 г. Крашенинников не мог присутствовать ввиду болезни дочери, по видимому заразной; отсутствовал он и в следующем заседании, 23 ноября, и не посетил ни одного заседания в январе и феврале 1755 г., а в заседании 25 февраля было объявлено, что в 7 часов утра Крашенинников скончался.¹⁷⁷

На следующий день жена Крашенинникова, Степанида Ивановна, подала в Академию «доношение», в котором сообщала, что осталась «с шестью малолетними сиротами... в таком состоянии, что... и тело его (мужа, — А. А.) погresti нечем», и просила выдать за честную и беспорочную службу мужа его годовое жалованье и особую сумму на погребение. Просьба была удовлетворена: она получила 660 рублей годового жалованья вперед, 100 рублей на погребение и жалованье за январскую треть 1755 г., всего 858 руб. 01 коп.; в постановлении об этом читаем также: «...а за то, что ей, вдове, будет годовое жалованье, отобрать у ней в Академию после онго мужа его собственные книги и манускрипты и хранить в конференц-архиве». Из составленной после погребения Крашенинникова описи книг, рукописей и коллекций семян можно видеть, что большая часть книг поступила в Ботанический сад, Библиотеку и Архив Академии, где рукописи хранятся до сих пор.¹⁷⁸

¹⁷⁶ Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885, стр. 32—45.

¹⁷⁷ Материалы, VIII, стр. 239, 472; IX, стр. 85; X, стр. 562—563; Протоколы Конференции, II, стр. 247, 250, 251, 266, 274, 291, 303, 314, 317, 318, 323; ААН, р. V, оп. 1-К, № 61.

¹⁷⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 196, лл. 490—530, р. V, оп. 1-К, № 61. Из переписки видно, что на руках Степаниды Ивановны Крашенинниковой была духовная Крашенинникова, в Академию, однако, не попавшая. Из шести детей Крашенинникова в его автобиографии назван только сын Василий, которому в феврале 1754 г. было восемь месяцев (там же, ф. 3, оп. 1, № 2332, л. 71); значит, остальные пять человек детей были до-

Вышедший в 1756 г. главный труд Крашенинникова «Описание земли Камчатки» был первым русским сочинением, в котором дано всестороннее описание одной из областей Сибири, привлекавшей к себе большое внимание в XVIII в. Но и в западноевропейской литературе не имелось до того серьезных трудов о Камчатке, также составлявшей предмет усиленного интереса англичан, французов и др.¹⁷⁹ Ввиду слабого знания русского языка в Западной Европе очень скоро появились попытки ознакомиться с этим трудом путем кратких информаций в журналах, а также сокращенных и полных переводов труда Крашенинникова на иностранные языки. Все они относятся ко второй половине XVIII в.

В XIX в. переводы труда Крашенинникова уже не переиздавались, вероятно потому, что с 80-х годов XVIII в. на Западе появляются новые оригинальные труды (Кука, Лессепса, Биллингса и др.), посвященные изучению Камчатки и сопредельных стран. Эти труды вскоре становятся известными и в русских переводах конца XVIII—начала XIX в.; они весьма дополнили те ценные сведения о Камчатке в первой половине XVIII в., которые были собраны Крашенинниковым и Стеллером.

Труд С. П. Крашенинникова, разошедшийся у нас довольно быстро и известный также на Западе по многочисленным пересказам и переводам, составил ему славное имя в ряду ученых XVIII в., которыми справедливо гордится наука. В России XVIII в. имя Крашенинникова ставилось также весьма высоко; когда в конце века Академии пришлось назвать имена тех 10—12 ее представителей, которых она считала наиболее достойными, то, наравне с Леонардом Эйлером, Ломоносовым и др., в числе первых был назван также С. П. Крашенинников, труд которого в 1786 г. Академией был переиздан.

В XIX в., когда было задумано новое издание описаний ученых путешествий русских академиков XVIII в., в первом и втором томах «Полного собрания ученых путешествий по России» было переиздано в 1818—1819 гг. «Описание земли Камчатки», причем в работе по изданию труда Крашенинникова приняли участие академики Севергин, Севастьянов и Вишневский, в многочисленных примечаниях к «Описанию» дополнившие его новыми сведениями о Камчатке, которые накопились к тому времени.

чери. О судьбе дочерей Крашенинникова в 1764 г. см. Пекарский. Отчет о занятиях в 1863—1864 гг., стр. 33, прим. О бедственном положении вдовы Крашенинникова упоминается в письме М. Л. Воронцова к К. Г. Разумовскому (Архив кн. Воронцова, кн. IV. М., 1872, стр. 438—439).

¹⁷⁹ F. Golder, ук. соч., стр. 117—131.

В последующие годы труд Крашенинникова не переиздавался и стал библиографической редкостью.¹⁸⁰ Между тем интерес к нему особенно усилился в советские годы, когда, наконец, история отдельных народов (в том числе и народов Сибири) стала предметом серьезного внимания и изучения. В ряду немногих сочинений, к которым должен обращаться историк Сибири XVIII в. труд С. П. Крашенинникова стоит на одном из первых мест и сохраняет значение не столько ученого сочинения, сколько первоисточника; это последнее значение свое он не теряет еще очень долго, даже если удастся найти и издать новые материалы о Камчатке XVIII в.

3. Г. В. СТЕЛЛЕР

В ряду научных деятелей Второй Камчатской экспедиции видное место занимает адъютант Академии наук Георг Вильгельм Стеллер,¹ жизнь и научные труды которого вскоре же после его смерти в 1746 г. вызвали большую литературу; она продолжала расти и в течение XIX—XX вв., пока в 1936 г. не появился, наконец, труд американского биолога Леонарда Стейнегера,² своего рода итог его многолетнего изучения источников о Стеллере, а также всему тому, что было написано о Стеллере западноевропейскими и русскими учеными в XVIII—XX вв. Все последующее в литературе о Стеллере, в сущности, основано на этом труде Стейнегера — имею в виду главным образом американскую литературу, так как русской литературы о Стеллере, за немногими исключениями (работа П. А. Новикова о Стеллере как зоологе³ и др.), в эти годы почти не было. В американской же литературе 30—50-х годов XX в., когда речь идет о Стеллере как исследователе Аляски и Алеутских островов, неизменно отмечается, что труд Стейнегера остается основным, в котором «достопамятным трудам» Стеллера «воздается должное», — в таком смысле высказывается автор исследования,

¹⁸⁰ Труд С. П. Крашенинникова был переиздан в 1949 г. — *Прим. ред.*

¹ В русских документах фамилия Steller писалась чаще всего, как Штеллер, но сам он по-русски подписывался Стеллер,¹ иногда даже Егор Стеллер. Первоначально, до сибирского путешествия, Стеллер подписывался Stoeller; это написание имеем в его гимназическом удостоверении, выданном из Винсгеймской гимназии, а также в его виттенбургском матрикуле, латинских письмах к брату Августину, диссертации 1731 г. под заглавием: «De usu rationis in relatione interpretanda», которую он защищал в Галле (*Wochentliche Nachrichten*, 1777, стр. 223—224).

² L. Stejneger. *Georg Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan natural history*. Cambridge Massachusetts, Harvard University Press, 1936.

³ П. А. Новиков. Г. В. Стеллер как зоолог. Труды совещания по истории естествознания 24—26 декабря 1946 г. М.—Л., 1948, стр. 265—285.

посвященного Аляске в ее современном положении, Эрнст Грюнинг.⁴

Между тем различные моменты биографии и научной деятельности Стеллера не в одинаковой мере правильно освещены как в предыдущей литературе, так и в обширной работе Стейнегера. Это могло бы оправдать новую попытку дать очерк жизни и научных трудов замечательного ученого первой половины XVIII в., одного из первых исследователей Восточной Сибири, Камчатки, северо-западной Америки и Алеутских островов.

В дальнейшем изложении я обращаю преимущественное внимание на те моменты научной работы Стеллера, которые, ввиду отсутствия у писавших о нем авторов соответствующих архивных материалов, оказались освещенными неверно и неточно. Вместе с тем важность трудов Стеллера не только в области «натуральной истории», но и в области «политической истории» (география, этнография, история и др.) является причиной того, что главное внимание будет обращено на работы последнего рода.

Так как Стеллер, подобно Миллеру и Гмелину, был не только исследователем, но и организатором научных работ других лиц — его сотрудников по изучению Сибири, его биография и научная работа тесно переплетаются с жизнью и научной деятельностью этих сотрудников, в составе которых были в разное время С. П. Крашенинников, А. П. Горланов, Я. И. Линденау и др., преимущественно русские люди. Во главе со Стеллером они являлись пионерами изучения многих мест Восточной Сибири и Камчатки, хотя имена и работы их забыты или вошли в состав трудов других лиц, часто без указания, что сделано такими скромными тружениками науки, как «пищик» Осип Аргунов, служилый Алексей Данилов и др.

Георг Вильгельм Стеллер родился 10 марта 1709 г. в Винсгейме, во Франкони, в семье кантора,⁵ в 1729 г. окончил местную гимназию. 25 сентября 1729 г. он отправился в Виттенберг, где вскоре был зачислен в студенты богословского факультета Виттенбергского университета. Очень скоро стал заниматься анатомией, ботаникой и естественными науками. Уже в следующем, 1730 г. он решил оставить Виттенберг, побывал в университетах Лейпцига и Иены и в апреле 1731 г. был зачислен в студенты университета в Галле, опять по богословскому факультету; здесь продолжал заниматься естественными науками и

⁴ E. H. Gruening. The State of Alaska. New York, 1954, предисловие.

⁵ Подробные сведения о нем и о прочих членах семьи Стеллера впервые собраны Стейнегером (L. Stejneger, ук. соч., стр. 4—5); у него же основательные известия об обстановке детства Стеллера (там же, стр. 5—8).

начал давать уроки по ботанике и другим предметам. В 1734 г. он отправился в Берлин, чтобы держать экзамен в тамошнем университете по медицине и ботанике у М. Лудольфа. Экзамен он выдержал, но надежды получить место по своей специальности было очень мало, и Стеллер стал думать об осуществлении своего давнишнего намерения — поискать счастья в России, которая в те годы, как богатая возможностями страна, где ожидает несомненный успех, влекла к себе многих немцев; в особенности такие надежды поддерживались в них в связи с открытием в Петербурге в 1725 г. Академии наук и последующими усиленными приглашениями в нее молодых и старых немецких ученых.

Не имея средств для путешествия в Россию, Стеллер отправился к Данцигу, вблизи которого весной и летом 1734 г. стояла русская армия под начальством Миниха, поддерживавшая польского короля Августа III против его соперника Станислава Лещинского, нашедшего убежище в Данциге. При недостатке врачей в русской армии предложение Стеллером своих услуг в русском штабе было принято; он стал работать в русском госпитале под Данцигом и в том же году был отправлен на корабле в Петербург вместе с транспортом больных и раненых солдат. Стеллер прибыл в Кронштадт в ноябре 1734 г.⁶

По рассказу Гмелина, «немного спустя после приезда г. Стеллера в Петербург для веселого его нрава взял к себе в дом бывший архиепископ новгородский Феофан и за пользование больных его служителей определил ему годовое жалованье».⁷ При тех связях, которые существовали у Феофана Прокоповича с Академией, не удивительно, что Стеллер скоро стал там известен. Он познакомился, между прочим, с занимавшим кафедрой ботаники в Академии проф. Амманом, а когда 15 апреля 1735 г. Академия получила разрешение послать в Сибирь в помощь Миллеру, Гмелину и Делиль де ла Кройеру еще двух ученых, то в числе кандидатов оказался Стеллер, который в личной беседе с президентом Академии «выразил желание г. камергеру (барону Корфу, — А. А.), чтобы его послали в Камчатку в качестве ботаника, и ему было отвечено, что если не выписана на то место кто другой, то он будет принят, во внимание к рекомендации архиепископа».⁸

⁶ L. Stejneger, ук. соч., стр. 8—52. Тот же автор опровергает (стр. 60—61) известие о прибытии Стеллера в Петербург, приводимое Бекманом в 1776 г. (ср. у Пекарского, I, стр. 588).

⁷ Пекарский, I, стр. 588.

⁸ ААН, ф. 1, оп. 3, № 23, лл. 6—7 — письмо исполняющего обязанности конференц-секретаря Крафта Шумахеру 28 июня 1736 г. Феофан Прокопович умер 8 сентября 1736 г.

Приглашение Стеллера на службу в Академию в качестве адъюнкта натуральной истории состоялось в сентябре 1736 г., но контракт с ним был подписан только 7 февраля 1737 г.;⁹ в контракте указано, что Стеллер принят на службу в Академию адъюнктом натуральной истории при Камчатской экспедиции до тех пор, пока она будет продолжаться, с жалованьем по 660 руб. в год.¹⁰

После испытания у проф. Аммана по ботанике в апреле 1737 г. Стеллер получил соответствующий аттестат.¹¹ Указ Сената об отправлении Стеллера в Сибирь состоялся 8 августа 1737 г.¹² В конце августа Стеллеру было разрешено ознакомиться со всеми материалами, полученными от профессоров Камчатской экспедиции;¹³ такое же разрешение было дано в отношении рисунков художнику Иоганну Деккеру, который должен был сопровождать Стеллера на Камчатку.¹⁴ В результате просмотра Стеллером присланных уже из экспедиции материалов для него было сделано 10 извлечений из них, которые он взял с собою в дорогу.¹⁵ О состоявшемся решении послать их обоих в камчатское путешествие проф. Гольдбах должен был уведомить профессоров Гмелина и Миллера,¹⁶ которым были отправлены не только копия контрактов, но и копия инструкции от 19 сентября, данной Академией Стеллеру и Деккеру.¹⁷

В эти же последние месяцы 1737 г. Стеллер женился на вдове Мессершмидта.

Стеллер выехал из Петербурга вместе с художником Деккером 24 декабря 1737 г. и в Москву прибыл в последних числах декабря. Здесь он оставался довольно долго, налаживая главным образом денежные дела предстоящего путешествия. Из Москвы он уехал 13 марта, в Тобольск прибыл 15 июня и оставался там больше месяца, до 21 июля. Для дальнейшего путешествия Стеллер избрал путь, которым до него никто из участников Камчатской экспедиции еще не ездил: вниз по Иртышу до Оби и далее вверх по Оби до Томска, куда прибыл 23 сентября. Здесь он получил от Миллера и Гмелина письмо, в котором они приглашали Стеллера ехать в Енисейск. Стеллер, однако, оставался в Томске до конца ноября отчасти из-за

⁹ ААН, ф. 21, оп. 2, № 31, лл. 179—180.

¹⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 810, лл. 102—103.

¹¹ Протоколы Конференции, I, стр. 383.

¹² ААН, ф. 3, оп. 1, № 439, л. 47.

¹³ Протоколы Конференции, I, стр. 415.

¹⁴ Там же, стр. 419.

¹⁵ Там же, стр. 448.

¹⁶ Там же, стр. 428. Письмо Гольдбаха от ... октября 1737 г. было получено Гмелином и Миллером в том же 1737 г.

¹⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 810, лл. 229—230 об.; № 800, лл. 15—17; ф. 21, оп. 2, № 31, лл. 183—184 об.

плохой осенней дороги из Томска в Енисейск, а главным образом из-за постигшей его здесь дважды лихорадки. В Енисейск он прибыл 7 декабря, почти через год после отъезда из Петербурга.¹⁸ Находившиеся в то время в Енисейске профессора Миллер и Гмелин встретили Стеллера самым дружеским образом и обещали ему помощь и содействие в дальнейшей работе.

В пути до Енисейска Стеллер вел не только «ein Hodegeticum», в котором описывал все виденное в пути, но и делал записи о нравах и быте встречавшихся на пути народов; кроме того, за время пути он составил несколько каталогов и описаний растений, птиц, рыб, животных и пр., а также собирал материалы по истории сибирских болезней и народных лекарств. О своем пути и работах, которые он выполнил во время этого почти годового путешествия, он рассказывает в письме президенту Академии, посланном из Енисейска 13 февраля 1739 г.¹⁹ Несколькими днями ранее поступления этого письма в Академию в протоколе Конференции от 25 июня 1739 г. отмечены первые научные работы Стеллера, полученные Академией; это — каталог птиц, которые Стеллер видел по дороге из Москвы до Енисейска, список некоторых редких трав, описание лекарств, употребляемых в Сибири, и, наконец, описание рек и находящихся в них рыб.²⁰ К сожалению, никаких трудов, относящихся к этому периоду его путешествия по Сибири, не сохранилось.

Переговоры Стеллера с обоими академиками привели скоро к соглашению о посылке его на Камчатку.²¹ Обо всех возложенных на Стеллера поручениях изложено в особой инструкции от 28 февраля 1739 г., подписанной обоими академиками.²² В свиту Стеллера были включены живописец Иоганн Христиан Беркан «для рисования живописи всего, в истории натуральной и политической достопамятного», студент Алексей Горланов

¹⁸ Все вышеназванное основано на отчете Стеллера, поданном профессору 9 декабря 1738 г. (ААН, ф. 21, оп. 2, № 31, лл. 179—182 об.), и его письме президенту от 13 февраля 1739 г. (ААН, ф. 1, оп. 3, № 28, лл. 17—22). Стейнегер не располагал этими документами, а потому его рассказ о путешествии Стеллера до Енисейска (стр. 125—144) полон ошибок.

¹⁹ ААН, ф. 1, оп. 3, № 28, лл. 17—22; письмо от 16 июля 1739 г. было получено в Академии (Протоколы Конференции, I, стр. 563, 567); о наблюдениях в пути до Енисейска Стеллер писал также проф. Амману (извлечения из письма последнего от 13 февраля 1739 г. на латинском языке — ААН, ф. 21, оп. 5, № 126).

²⁰ Протоколы Конференции, I, стр. 557; ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 32.

²¹ Об этих сношениях см. J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, III, стр. 175—183 (ср. Пекарский, I, стр. 590—591); здесь дана яркая характеристика Стеллера.

²² ААН, р. I, оп. 79, № 2, лл. 75—91; ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 24—41.

«для вспоможения... в наблюдениях, а особливо в географических и до политической истории касающихся исследований», а также для переписки с канцеляриями, «бергауэр» Григорий Самойлов «для обыску руд», стрелок Дмитрий Гиляшев «для стреляния зверей и птиц» и, наконец, «якуцкой служивой» Федот Климовский «для толмачества в якуцком языке, также для выпрашивания у якутов и у иных народов о вере, обычаях и поведениях, о чем он, Климовской, чрез некоторые годы обучен и надлежащее искусство имеет, также для раздачи прогонных денег».

На одиннадцать подводох Стеллер со свитой должны были ехать спешно зимним путем в Иркутск через Тасеевский, Канский и Удинский остроги, причем студент Горланов должен был описать этот путь «географическим образом».²³

В Иркутске Стеллеру необходимо было получить жалованье и провиант для себя и свиты за 1739 г., хлопотать о «конвое» для экспедиции, порохе и свинце «для стреляния птиц и зверей» и пр., и добиться того, что не удалось Миллеру и Гмелину, когда они были сами в Иркутске в 1737—1738 гг., а именно отправки из Иркутска провианта в Охотск для всей экспедиции, и особенно на Камчатку для Крашенинникова, который на пути туда потерял большую часть провианта.

Следовало также проверить работу всех лиц, которым были поручены метеорологические наблюдения. Научные работы Стеллера должны были сосредоточиться главным образом на Лене. Ему были переданы все работы, которые были произведены там Гмелином и другими лицами. В области географии, этнографии и истории инструкция, между прочим, предписывала (§ 18): «Будучи из Иркутска на Лену реку, описать вам в оном пути тамошних брацких людей житие и веру и всякие поведения и прочее, что до политической истории касается; а ежели вам самим за иными исследованиями оного описания чинить способу не будет, то приказать о том студенту Горланову.²⁴ Также велеть живописцу некоторые брацких поведения в рисунке изобразить, например брацкую семью в их платье с юртами и с посудами и с прочим шкарбом, да шаманство над больными бываемое или иное что достопамятное и в рисунках изображено быть может, о чем вам и на Лене у тунгусов стараться, а особливо в Якуцке, и велеть срисовать всякое тун-

²³ Составленное Горлановым описание пути, писанное им собственноручно, сохранилось в Архиве АН, ф. 21, оп. 5, № 168, стр. 335—350 (в рукописи нет конца).

²⁴ В списке работ, представленных Горлановым в Академию по возвращении в Петербург (ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 308), указаны его труды, посвященные бурятам, сданные в Архив Конференции, но в настоящее время они не отысканы.

гуское и якудкое платье и якудкие шаманства и приношения жертвы, понеже о якутах и поныне еще ничего в рисунках не изображено».²⁵

Инструкция предусматривала возможность того, что в 1740 г. Стеллеру не удастся уехать из Охотска на Камчатку; в этом случае, чтобы не терять времени, ему предлагалось ехать весною 1740 г. в «нижние ленские места, хотя и до Ленского устья или столь далеко», чтобы осенью того же года можно было вернуться в Якутск; на случай поездки к устью Лены были даны особенно подробные указания, что должен сделать Стеллер, приняв во внимание то, что было уже сделано посланным до Ленского устья и до устья Оленека одним из спутников академика Делиль де ла Кройера, занимавшегося отдельно от Миллера и Гмелина преимущественно астрономическими наблюдениями.

Когда все вопросы, связанные с путешествием в Охотск и Камчатку, будут разрешены, то, принимая во внимание, что путь этот будет долгим, инструкция предлагала «чинить... во всю дорогу прилежные исследования о всем, что до географии и до натуральной и политической истории оных мест касается».

В отношении пребывания в Охотске и работ там даны были в инструкции также весьма подробные наставления (§§ 28—35); помимо собирания сведений по натуральной истории, предлагалось «проведывать... всячески о вере тамошних ламутских и коряцких народов, о их поведеньях, о житии и проч.» и «жели прилучатся в Охоцке удские тунгусы, то чрез оных осведомиться по тому про гиялков, которые живут около устья Амура реки». По приезде Стеллера на Камчатку ему предлагалось «принять к себе в команду... студента Крашенинникова и пересмотреть у него всякие им с приезде его на Камчатку по тех пор чиненные наблюдения и исследования, и по тому расположит чинимые впредь... исследования, и по данной ему... инструкции и письменным наставлениям, которые сомнительны попадутся наблюдения студента Крашенинникова, те исправить, чтоб никакого сомнения не осталось; а которые до того времени еще не чинены, оные для пополнения чинить, дабы все на Камчатке было описано, что до совершенства истории как натуральной, так и политической касается». На основании всего собранного материала Стеллер должен был «сочинить генеральное земли Камчатки описание». В качестве пособия и руководства в этой работе он получил также копию инструкции, данной в 1737 г. Крашенинникову, и «допросы до истории натуральной

²⁵ О работах живописца Беркана, относящихся к бурятам, якутам и тунгусам, см. далее.

и политической», составленные Миллером и Гмелином в 1737—1738 гг.,²⁶ а также труд Миллера «Географическое и политическое описание земли Камчатки и около лежащих стран», «которое (описание, — А. А.) в бытность (Стеллера, — А. А.) на Камчатке следовало поверить и где надлежит исправить и пополнить». В заключение инструкция устанавливала, в какие сроки и в каком виде должен был сообщать Стеллер о своих наблюдениях и исследованиях.

Из Енисейска Стеллер отправился 6 марта и прибыл в Иркутск 23 марта 1739 г. Прибытие Стеллера в Иркутск с немногочисленной свитой, вместо бывшей здесь в 1737—1738 гг. «великой и многочисленной команды господ профессоров», «немалую радость принесло местному начальству (вице-губернатору Бибикову, — А. А.)», и оно охотно шло навстречу всем предложениям Стеллера. Бибиков не только сам лично оказывал содействие Стеллеру, но «и обывателей всех к тому же увещал», и, по словам Стеллера, «всяк мне с охотой в том служил». Стеллер сразу же стал добиваться отправления его дальше в Якутск в феврале 1740 г., чего и достиг: из Иркутска он выехал 6 марта 1740 г.

В течение 1737—1739 гг., кроме выполнения различных поручений, отмеченных в инструкции, Стеллер совершил несколько научных поездок, которые дали материалы как для «истории натуральной», так и для «истории политической».²⁷ Так, 22 июля 1739 г. Стеллер вместе со свитой отправился в Баргузинский острог, куда прибыл 10 августа, а вернулся в Иркутск 18 сентября. Необходимость этой поездки объяснялась тем, что «в тех местах господ профессора (Миллер и Гмелин, — А. А.) там еще не бывали и наблюдений, касающихся до истории натуральной, там никем никаких не чинено». «Будучи в пути и за Байкалом озером, чинены (Стеллером, — А. А.) ботанические и прочие, касающиеся до истории натуральной, географической и политической наблюдения,²⁸ и дорога, по которой путь лежал, географическим образом под [его] надсмотрением описана».²⁹ Ко времени этой поездки относятся еще два ценных документа: 1) «Ведомость, сочиненная в Баргузинской приказной избе по силе присланного требования Академии наук от господина адъюнкта Георга Вильгельма Штел-

²⁶ Об инструкции и «допросах» см. выше, стр. 172—175.

²⁷ Об его прибывании и работах в Иркутске см. в донесении президенту Академии наук от 12 июля 1737 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 219—221 об.) и в рапорте в Сенат от 30 апреля 1740 г., посланном из Киренского острога (ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 293—315 об.).

²⁸ Составленные Стеллером заметки не сохранились, но на них он ссылается в своем общем труде о Камчатке (см. ниже).

²⁹ Это описание также не сохранилось.

лера на объявленные пункты»³⁰ и 2) «Описание пути от Баргузинского острогу до озера Баунта», составленное по поручению Стеллера служилым Алексеем Даниловым,³¹ который присоединился к «свите» Стеллера уже в Тобольске. В то же время толмач Стеллера якутский служилый Федот Климовский был отпущен в Нерчинск, и ему была дана инструкция по собиранию сведений о нерчинских рудах и минералах, о травах на пути от Баргузинского острога до Еравнинского, об употреблении нерчинскими жителями «каких трав в пищу и ежели которые в лекарство употребляют, то от каких болезней», о доставке имеющейся в Нерчинском уезде зеленой краски, железной руды и камня «кровавика». Климовский не возвращался из этой поездки до апреля 1740 г.

«Реестр... описанным... около Иркутка, Байкала и около Баргузинского острогу 1150 растущим травам и описания птиц на латинском языке» вместе с шестью ящичками высушенных трав, птиц, минералов, костей и семян³² и бочкой с рыбой и «иными куриозными вещами» в спирту был отправлен Стеллером 27 декабря 1739 г. «за казенною иркутскою печатью» в Петербург³³ в Академию наук. Когда этот груз прибыл в Красноярск (20 января 1740 г.), находившийся там Гмелин увидел в подобных непосредственных сношениях Стеллера с Академией нарушение прав профессоров и несоблюдение соответствующего параграфа инструкции,³⁴ а потому, по словам Стеллера, «Гмелин те ящички распечатал и не все послал, но только некоторую часть».³⁵ Этот случай повел к переписке между Гмелином и Стеллером. Оба профессора (Гмелин и Миллер) в повышенных и раздраженных тонах писали о том же президенту,³⁶ что и вызвало «ордер» Академии Стеллеру от 18 июля 1740 г. о запрещении сношений с Академией

³⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 144—147 об.

³¹ Там же, № 811, л. 312 об.

³² Ср. список семян, присланных Стеллером в Академию из Сибири в 1739 г. (?) — ААН, ф. 21, оп. 5, № 107, лл. 1—20.

³³ Подлинное донесение Стеллера из Иркутска от 23 декабря 1739 г. (АНН, ф. 21, оп. 5, № 126, IV). В числе приложений к нему отмечена «Flora Irkutensis», которая 1 мая 1741 г. была передана проф. Амману (Протоколы Конференции, I, стр. 678).

³⁴ J. G. Gmelin, ук. соч., III, стр. 362.

³⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 200—203; № 811, лл. 251—253 об., 324—327.

³⁶ Письмо Гмелина президенту из Красноярска от 26 января 1740 г. — ААН, ф. 21, оп. 5, № 139. О том же Гмелин писал также в письме из Красноярска от 29 марта 1740 г. и Миллер в письме из Томска от 22 апреля 1740 г. (ф. 1, оп. 3, № 29, лл. 34—36, 67—68). Хотя два последних письма были представлены Конференции только 22 августа (Протоколы Конференции, I, стр. 622), но, несомненно, были получены Канцелярией Академии ранее и послужили основанием для упомянутого в тексте ордера.

минуя профессоров.³⁷ О происшедшем Миллер и Гмелин сочли необходимым сообщить также Сенату в очередном рапорте.³⁸ Получив «ордер» Гмелина от 26 января 1740 г., Стеллер, с своей стороны, писал президенту 20 апреля 1740 г., оправдывая свое поведение; о том же он сообщил в Сенат в рапорте от 30 апреля 1740 г.³⁹ По его словам, «немалая в том состояла нужда, чтоб пакет и ящики в скором времени дошли в Санкт-Петербург, а паче к тому времени, когда семена сеять начнут». Одновременно с этим Стеллеру пришлось оправдываться и в неисполнении распоряжения Гмелина, изложенного в «ордере» от 4 января 1740 г. (об этом см. ниже).

Из коллекции, посланной Стеллером в Сенат в конце декабря 1739 г., дошла лишь незначительная и ничем непримечательная часть, что послужило основанием для строгого указа Сената от 2 июня 1740 г. по поводу присылки Стеллером негодных вещей.⁴⁰

После отправления ящиков, бочки и пакетов Стеллер стал готовиться в новую поездку — за оз. Байкал в Селенгинск и в Кяхту для покупки китайской бумаги «для вкладывания трав», «которой бы достало до тех пор, как долго Камчатская экспедиция продлится»;⁴¹ на этот раз Стеллер отправился в путь один, без «свиты», оставив Беркана и Горланова в Иркутске. В Селенгинске он пожил «несколько времени», а затем направился в Кяхту. Во время пребывания за Байкалом Стеллер получил «от обретающегося там аптекаря Розенга и караванного лекаря Гейка несколько семян разных трав». По возвращении в Иркутск 12 февраля он отправил эти семена в Петербург, в Академию наук, при рапорте от 13 февраля.⁴²

³⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, л. 237—237 об.

³⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 246—249 об. О разладе со Стеллером Гмелин говорит в «Reise durch Sibirien», III, стр. 361—366, но умалчивает о жалобах на Стеллера, посланных им и Миллером в Академию и в Сенат.

³⁹ ААН, ф. 1, оп. 3, № 29, лл. 63—66. Это письмо в английском переводе и изложении приведено у Стейнегера (L. Stejneger, ук. соч., стр. 182—186, факсимиле первой страницы письма приложено к стр. 182). Оно было доложено в заседании Конференции 14 марта 1741 г. одновременно с письмом Гмелина на имя президента (без даты) о непослушании Стеллера — ААН, ф. 1, оп. 3, № 29, лл. 146—148; Протоколы Конференции, I, стр. 665; рапорт в Сенат — ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 268—283.

⁴⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, л. 254.

⁴¹ Об этой поездке Стеллер говорит в письме Гмелину от 14 января 1740 г., оказавшемся в коллекции автографов Шардиуса (Научная библиотека Тартуского университета); текст письма на немецком языке напечатан впервые в труде Стейнегера (L. Stejneger, ук. соч., стр. 552—553), у него же комментарии к письму — стр. 551—552.

⁴² ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, л. 191; № 800, л. 260; ф. 21, оп. 2, № 22, л. 2 (получен в Академии 13 мая 1740 г.).

На второй день по возвращении из последней поездки Стеллер получил «ордер» Гмелина от 4 января, писанный, таким образом, еще до эпизода с вскрытием ящиков.

Гмелин уведомлял Стеллера, что на прошение его, Гмелина, об увольнении от камчатской поездки не получено ответа и сомнительно, что он будет получен, ввиду чего ему придется ехать на Камчатку; так как он может поспеть в Якутск не ранее сентября 1740 г., Гмелин предлагал Стеллеру отложить поездку из Якутска в Охотск до весны 1741 г., по прибытии в Якутск (весной 1740 г.) не ехать затем дальше, а летом «приложить прилежание... ко описанию нижних мест по реке Лене», для чего ехать в Якутск «первым водяным путем с поспешением, и не простоя в Якутске, кроме для исправления нужд, следовать дале вниз по Лене до Жиган и до Сиктаку или сколь далеко возможно, смотря по времени, дабы в тамошних нужных местах замороз... не захватил», к осени «поспеть... возвратно в Якутск и во оном пути стараться... всячески, чтоб исполнение чинить во всем, что в 20-м пункте... инструкции... написано». В случае получения Гмелином увольнения он намерен был уведомить об этом Стеллера, чтобы последнему можно было ехать в Охотск и на Камчатку «без дальнейшего отлагательства». В «ордере» выражалась также надежда, что к тому же времени прибудет из Петербурга адъютант Фишер, с которым Стеллер мог бы ехать вместе, оказывая друг другу помощь. Об этом же Гмелин писал одновременно президенту⁴³ и в Иркутскую провинциальную канцелярию, требуя от последней оказать содействие Стеллеру в осуществлении намеченного Гмелином плана.

Но Стеллер, с своей стороны, 27 февраля уведомил ту же канцелярию, что «отправляться предбудущего лета вниз по Лене реке в Жиганы и в иные места опасен, а намерен отправиться... предбудущего лета сего 1740 году из Якутска в Охотск и на Камчатку», так как по его требованию, уже ранее посланному, в Якутске, «как надеяться можно, к охотскому пути предбудущего лета все будет в готовности»; если такое отправление не состоится, то казне государственной «учинится напрасная трата, а людям разорение»; «к тому же основательных каких резонов», почему не ехать в Охотск и Камчатку летом 1740 г., по мнению Стеллера, в ордере Гмелина не приведено. Стеллер напоминает, что «по общему в бытность... в Енисейске с господами профессорами согласию велено ехать (ему, — А. А.) в Охотск и на Камчатку, а не вниз по Лене», поездка куда предполагалась лишь в том случае, если будет получено «известие, что в 1740 г. никакое судно из Охотска на Камчатку не отпра-

⁴³ ААН, ф. 1, оп. 3, № 29, лл. 9—11.

вится» или же не удастся отправить туда провиант,⁴⁴ о чем в данное время не было еще известно; в 1739—1740 гг. он вел настойчивые сношения с Якутском о провианте, лошадях и прочем и был вполне уверен, что к его прибытию в Якутск все будет готово. По его мнению, предполагаемый приезд Гмелина в Якутск задержит поездку, так как понадобится немалое число лошадей для Гмелина и Стеллера с его «свитой», и кому-нибудь из них первому придется отправиться в путь. Иркутская провинциальная канцелярия, получив предложение Стеллера, охотно удовлетворила его, отправив «прочетной указ» на места, в частности в Якутск и Охотск.

Между тем Гмелин, как отмечено выше, писал в Академию о нарушении Стеллером инструкции, а самому Стеллеру направил 26 января «ордер», предлагая ему следовать указаниям инструкции и сноситься с Академией лишь через профессоров. Это требование привело к тому, что последующие сношения Стеллер вел преимущественно с Сенатом, а его рапорты пересылались затем Сенатом в Академию; таким образом Стеллеру удавалось уклоняться от официальных сношений с профессорами, отношения с которыми (именно с Гмелином) лишь отчасти наладились в следующем 1741 г., когда Стеллер уже был на Камчатке.

5 марта 1740 г., в исполнение «ордера» Гмелина от 26 января, Стеллер послал ему при письме чучела нескольких зверей, птиц «и иных вещей» вместе с «описанием насекомых», прося переслать их в Академию. На следующий день, 6 марта, Стеллер отправился из Иркутска в Киренский острог, куда прибыл 20 марта.

В письмах, относящихся ко времени пребывания в Иркутске, Стеллер не раз говорит о своих научных работах. Так, в письме Гмелину от 10 мая 1739 г.⁴⁵ со всем пылом своей страстной натуры он рассказывает о тех «открытиях» в области натуральной истории, которые ему удалось сделать уже в эти первые месяцы пребывания в Иркутской провинции; в письме сообщаются, однако, такие наблюдения, которые позволили Гмелину позднее, в январе 1740 г., обвинять Стеллера в неумении работать без руководства, так как он неправильно определял растения, рыб, птиц и пр.⁴⁶ Но по основной специальности Стеллера — ботанике — им было собрано в эти месяцы очень много, и сделанные тогда наблюдения вошли в главный труд этого года — «Flora

⁴⁴ См. начало § 20 инструкции Стеллеру.

⁴⁵ G. H. Th. Plieninger, publ. J. G. Gmelini ... reliquias quae supersunt commercii epistolici cum C. Linnaeo, A. Hallero, G. Stellero et aliis. Stuttgartiae, 1861, стр. 157—164.

⁴⁶ Эти обвинения были изложены в «промемории», посланной Гмелином в Иркутскую провинциальную канцелярию.

Irkutiensis». Об этом труде Стеллер говорит и в рапорте от декабря 1739 г., при котором он был отправлен в Академию.⁴⁷

Так как выехать из Иркутска летом 1739 г. было невозможно (не были предоставлены транспортные средства и пр.), Стеллер предпринял те поездки на Байкал, Баргузин и Кяхту, о которых сказано выше. Результаты этих поездок были блестящими, и Стеллер вернулся в Иркутск с большой коллекцией растений, насекомых, минералов и пр. Они послужили основой для тех работ Стеллера, о которых он упоминает в письме Гмелину от 17 ноября 1739 г.⁴⁸ По словам Стеллера, к этому времени им были написаны, кроме «Flora Irkutiensis», заключавшей до 1100 растений: 1) «Каталог семян», 2) «История птиц» (описано до 60 птиц), 3) описание рыб — тайменя, омуля, сига и др., 4) описание насекомых, змей и ящериц, 5) описание минералов около Иркутска и Байкала, 6) «Топографическое описание разных мест около Иркутска и Байкала», 7) описание пути от Енисейска до Баргузина (исключая реки и их притоки), 8) «Болезни и лечение их русскими», 9) дополнение к описанию тунгусов и бурят, 10) словари бурятского и тунгусского языков, 11) начало русско-греко-латинского словаря по «натуральной истории», которым должен был заниматься в свободное время также студент Горланов.

В письме к президенту от 23 декабря 1739 г.,⁴⁹ которое Стеллер называет своим четвертым рапортом в Академию, он сообщает, что посылает в Академию «Flora agri Irkutiensis hortensis et silvis», «Catalogo seminum et fruticum» и «Observationes ornithologicae» (т. е. №№ 1 и 2, указанные в письме Гмелину от 17 ноября 1739 г.); вместе с тем уведомляет, что к апрелю 1740 г. надеется закончить: 1) описание птиц Ангары и Байкала, 2) описание рр. Енисея, Тунгуски, Ангары и их притоков, 3) описание оз. Байкал, впадающих в него рек, а также деревень, острогов и пр., находящихся в Прибайкалье, 4) описание насекомых Иркутской провинции, 5) продолжение описания болезней и лечения их сибиряками, 6) описание минералов, найденных в пути, 7) описание пути из Петербурга в Баргузин и 8) описание народов, которые были встречены в пути. Из указанных работ, относящихся к иркутскому периоду жизни Стеллера, сохранились лишь те, которые были отосланы в декабре 1739 г. в Академию, прочие же приходится считать утерянными, за исключением последней — путевого дневника, который, по словам Стеллера, он вел с самого начала путешествия, но сохранился лишь со времени приезда

⁴⁷ Рукопись хранится в Архиве АН в двух списках: р. I, оп. 104, № 4 и р. I, оп. 13, № 37.

⁴⁸ G. H. Th. Plieninger, ук. соч., стр. 133—134.

⁴⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 126.

в Енисейск.⁵⁰ Особый раздел этого дневника посвящен Иркутску, причем в рукописи имеется, кроме того, особая статья, озаглавленная «Нравы и обычаи Иркутска»; ей предшествует небольшая заметка о китайской торговле и китайских товарах, обязанная своим появлением, видимо, поездке Стеллера в Кяхту; ко времени пребывания в Иркутске относится, по-видимому, и статья «О духовенстве», которую читаем в той же рукописи.⁵¹

Тонкий наблюдатель и остроумный и ядовитый писатель виден в каждой строке этих интересных заметок, заслуживающих безусловного внимания историка и этнографа.

Во время пребывания в Киренске Стеллер закончил составление обширного рапорта в Сенат; в нем он описывал свои научные работы, выполненные в Иркутске, и сношения с местными иркутскими учреждениями по делам, относящимся к экспедиции.⁵²

Ко времени пребывания в Киренске относится еще один документ, отправленный Стеллером в Сенат одновременно с рапортом 30 апреля. На пути в Киренск Стеллер получил известия об открытиях капитана Шпанберга у берегов Японии и о том, что сам капитан вызван в Петербург, вероятно для переговоров о второй экспедиции — в Японию. Ввиду этого Стеллер обратился в Сенат с «покорнейшим прошением» разрешить ему принять участие в этой будущей экспедиции, которая, по его расчетам, осуществится не ранее 1742 г., когда уже будут закончены «надлежащие исследования» Камчатки; Стеллер приводил подробный план изучения Японии, который он осуществит лично при содействии художника Беркана и одного из студентов, «который к тому угоднее будет». Стеллер полагал, что при содействии этих лиц ему удастся «ласкою или обхождением с людьми или через подарки, коим образом я и поныне в Сибири поступаю», собрать необходимые сведения об Японии. Касаясь финансовой стороны этого предприятия, Стеллер отмечал, что в случае, если будет одобрено это путешествие, придется увеличить жалованье двум студентам в его «свите». «А студенты, между которыми двое только находятся, о которых особливом прилежании представить можно, а именно: Степан Крашенинников и Алексей Горланов. Как оные из

⁵⁰ Так же, № 113.

⁵¹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 113, лл. 1—23, 162—170 об., 161, 154—160.

⁵² Этот рапорт был получен в Академии 20 января 1741 г. (ААН, ф. 2, оп. 2, № 22, стр. 3, 15). В протоколе Конференции указано, что к рапорту приложен и список рисунков Беркана, выполненных в 1739 г., но самих рисунков не прислано (Протоколы Конференции, I, стр. 653); впрочем, позднее поступило 59 номеров рисунков Беркана, относящихся в Аблайкиту (Протоколы Конференции, I, стр. 664), исполненные им также в 1739 г.

Санкт-Петербурга отправились, то были еще в молодых летах и малы, а ныне уже находятся в совершенном возрасте, и из определенного им жалованья ста рублей провианту купить и лошадей нанять не могли б, ежели б оным я помощи не учинил и моих собственных денег⁵³ займы не дал, которых и донныне еще от них не получал. А морской провиант они ради скудости запаста не могут. И более им в том помогать опасен, дабы от того и самому мне в скудость не придти».⁵⁴

Предложение Стеллера послать экспедицию в Японию, продиктованное его горячим энтузиазмом и неуклонным служением науке, было заслушано в собрании Сената 24 октября 1740 г. и переслано им для рассмотрения в Академию,⁵⁵ которая, получив его 20 января 1741 г., никакого ответа не дала.

При донесении был послан Стеллером не только упомянутый выше рапорт, но и «рисунки рыб, птиц и трав, рисованные живописцем Берканом в 1739 г.» (описания их были посланы из Иркутска в декабре 1739 г.).

Из Киренского острога в дальнейший путь Стеллер отправился 2 мая, а в Якутск прибыл 24 мая. О работах Стеллера в пути из Киренска в Якутск и далее до Охотска он сообщает в рапорте в Сенат от 3 марта 1741 г.⁵⁶ Проезжая этими местами в мае 1740 г., он прибыл в Якутск 24 мая, когда «земля не весьма растаяла и трава зеленеть и деревья распускаться не зачали»; никаких «ботанических обсерваций» Стеллер «чинить не мог», а потому оставил в Якутске «для собирания трав и иных до истории натуральной касающихся вещей» бергауэра Григория Самойлова, а сам отправился в дальнейший путь из Якутска уже 19 июня.⁵⁷ «Едучи из Якуцка в Охоцк в пути немалую притерпели нужду за падежом дорогою лошадей и для случившихся дождей и слякоти, и оною дорогою путь весьма тихо продолжался». Но, несмотря на трудности, Стеллер «... везде, где случай допустил, описывал якуцкие шаманства и их приношения жертв и прочее, касающееся до истории народов, их веры и обычаев, а что достопамятное у них примечено, то живописцем Берканом в рисунках изображено, также в ботанических и протчих до истории натуральной касающихся наблюдениях дорогою, сколько возможно, упражнялся и редко находящиеся травы приказывал живописцу Беркану в рисунках изображать».

⁵³ Стеллер получал 660 руб. в год.

⁵⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, лл. 288—292.

⁵⁵ Сенатский архив, т. II, СПб., 1889, стр. 56; Протоколы Конференции, I, стр. 653; ААН, ф. 21, оп. 2, № 22, стр. 15.

⁵⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 369—384 об.

⁵⁷ Пекарский (I, стр. 594) ошибочно указал 15 июня.

В упоминавшейся выше рукописи Стеллера⁵⁸ имеется две главы, в которых собраны его наблюдения, относящиеся к этому времени. Отдельные заметки об Якутии, относящиеся к 1740 г., в большом числе имеются также в другой рукописи.⁵⁹ Сохранился также перечень рисунков, которые были выполнены Берканом по поручению Стеллера во время пребывания в Якутском уезде;⁶⁰ к сожалению, сами рисунки приходится считать утерянными.

В Охотск Стеллер прибыл 20 августа 1740 г. Отсюда им был отправлен 23 августа краткий рапорт в Сенат⁶¹ с приложением высушенных семян и трав, а к доктору Гмелину — «пакет с разными натуральными вещьми, положенными в сыромятных сумках до Якуцка» для дальнейшей пересылки их из Якутска в ящиках.⁶²

В связи с получением в Охотске рапорта Крашенинникова, которому не было выслано денежное жалование за 1739 и 1740 гг., Стеллер энергично, как всегда, принялся за хлопоты о выплате причитающейся Крашенинникову суммы и добился того, что соответствующий указ был послан на Камчатку. Так как отправление галиота «Охотск» на Камчатку «за противными ветрами» задерживалось, Стеллер занимался собиранием трав, растущих около моря, а также раков, раковин и пр.; рисунки некоторых из них были сделаны Берканом, а к ним сам Стеллер составил описание. Наконец, 8 сентября «Охотск» вышел из устья р. Охоты и 20 сентября благополучно прибыл в Большерецкое устье. «Будучи на море, в морском пути (Стеллер, — А. А.) примечал., сколько возможно, носимые по морю морские натуральные вещи и которые из оных мог приметить или на берегу при случае собрать, описал, и что надлежало срисовать, срисовано...». Вверх по Большой реке Стеллер «со свитой» отправился 22 сентября и прибыл в Большерецкий острог 25 сентября.

О научных и научно-организационных трудах Стеллера за время с сентября 1740 г. по июнь 1741 г., когда он отправился по приглашению Беринга в плавание к берегам Америки, мы знаем довольно хорошо на основании рапортов и донесений Стеллера в Сенат, Академию наук и Синод.

В рапорте в Сенат от 3 марта 1741 г.⁶³ Стеллер подробно излагает все существенное, что было сделано им со времени при-

⁵⁸ ААН, ф. 21, оп. 5, № 113, лл. 24—51, 52—89 об.

⁵⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 114, лл. 35—59 об. («Collectanea ad historiam gentis Jacuticam spectantia»).

⁶⁰ Там же, № 113, лл. 119—120 об.

⁶¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 296 об.—297.

⁶² Письмо Гмелину от 20 августа 1740 г. см. G. H. Th. Plieninger, ук. соч., стр. 75.

⁶³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 369—384 об.

бытия на Камчатку до начала марта 1741 г. Особенно важно письмо Стеллера президенту Академии от 1 марта 1741 г., в котором дан перечень работ его со времени приезда на Камчатку до марта 1741 г.⁶⁴

Прежде всего им были начаты хлопоты о выдаче жалованья Крашенинникову за 1739 и 1740 гг. и о возмещении ему расходов за постройку «за свой кошт» двора, который был взят теперь приехавшим вместе со Стеллером Делиль де ла Кройером. С начала октября Стеллер приступил к научно-организационной работе; в подробном требовании, обращенном в Большерецкую приказную избу, он предлагал прислать к нему толмача здешнего камчатского языка Алексея Елесина и двух местных камчадалов «из лучших людей для выспрашивания у них о некоторых вещах» и послать приказание камчадалам, живущим около моря, принимать все меры к собиранию и охране «выбрасывающихся из моря разных вещей и о привозе оных» Стеллеру; вместе с тем Стеллер желал использовать тех служилых людей, которые по казенным поручениям отправлялись в разные места Камчатки, и просил предварительно их присылать к нему для наставления в том, «что им в пользу положенных (на Стеллера, — А. А.) дел чинить надлежит». Отмечая по поводу последнего пункта, что и спустя четыре месяца неизвестно, выполнен ли он, Стеллер в особом донесении в Сенат⁶⁵ сообщает о «непорядочных поступках» большерецкого приказчика Петра Колесова, который «здесь токмо время свое в пьянстве препровождает», не выполняя требований Стеллера. Стеллер рассказывает о том, как Колесов пытается препятствовать работам сотрудников экспедиции, налагая на них «тягостные сборы» и не давая им нужной для записи наблюдений бумаги, почему приходится записывать, например, метеорологические «обсервации» в «берестяные книги».

В отдельном параграфе рапорта сообщается далее о приеме Стеллером на основании инструкции Миллера и Гмелина в свою команду студента С. П. Крашенинникова и о передаче ему всех «чиненных (Крашенинниковым, — А. А.) наблюдений с приезде его... на Камчатку по сих пор»; передача состоялась 26 октября. Переходя затем к научным поездкам по Камчатке, Стеллер кратко сообщал о поездке на Авачу, где, по полученным им известиям, в нескольких верстах от Авачинской губы «имеется гора, выбрасывающая из себя временами огонь»; поездка была неудачной, так как период с 10 ноября по 5 декабря, к которому она относится «описать и освидетельствовать за глубокими сне-

⁶⁴ ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 152—156.

⁶⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, л. 386.

гами никак не мог», но все же дорогою Стеллер «сколько возможно... выспрашивал о вере, житии и поведениях камчадалов».

В том же 1740 г. были организованы Стеллером еще две поездки. С. П. Крашенинников был отправлен 24 ноября в Верхний и Нижний Камчатский остроги, прежде всего для устройства там квартир для Стеллера и Делиль де ла Кройера и для разведения там огородов; кроме того, Крашенинникову по пути из Большерецка, «ежели где случатся кочующие коряки», велено описать и выспрашивать о их вере, «поведениях и прочем и притом всячески стараться о получении у них всяких натуральных вещей»; поручая ему же привезти «рака особой величины», который водится «в некотором месте», жемчужные раковины, рыб и разных «незнаемых» птиц, Стеллер в той же инструкции Крашенинникову (на латинском языке) требовал, чтобы последний «всячески выспрашивал о внутренних и внешних неверных народов болезнях и оных излечениях и о прочем, о чем в данной ему от господ профессоров Гмелина и Миллера инструкции пространно объявлено». Разумеется здесь, конечно, та инструкция, которая под названием «Допросы при описании народов» была составлена Миллером еще в 1737—1738 гг. и получена Крашенинниковым только в начале 1740 г.; копию ее получил также Стеллер⁶⁶ и, видимо, ею руководствовался в своих этнографических работах.

Вопрос о «внутренних и внешних неверных народов болезнях и оных извлечениях» интересовал не только самого Стеллера, но и его ближайшего сотрудника студента А. П. Горланова, у которого имеется специальный труд, посвященный этой теме. Поездка Крашенинникова, как отмечено мною ранее,⁶⁷ была тоже неудачной и дала значительно меньшие результаты, чем можно было ожидать.

В начале января 1741 г. Стеллер писал в Анадырский острог, а также в Колымское и Верхоянское ясачные зимовья,⁶⁸ прося дать ответ на поставленные им вопросы — «все, что до истории натуральной и народов и географии касается». Ответ из Анадырского острога не был получен Стеллером, и лишь позднее Линденау добился присылки оттуда естественноисторического и историко-географического описания Анадырского края.⁶⁹ Через год пришел ответ Верхнеколымской ясачной избы;⁷⁰ из Верхоянска, видимо, ничего не было получено.

К началу января 1741 г. относится вторая поездка Стеллера по Камчатке. По его словам, «живучи в Большерецком остроге,

⁶⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 107 об.—113.

⁶⁷ См. выше, стр. 196.

⁶⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 364—365.

⁶⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 103, лл. 7 об.—10.

⁷⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 115—116 об.

от много бывалых отсюда на Лопатку людей известно мне учинилось, что около Лопатки выбрасывает из моря многие любопытные вещи, также временем и морские звери, чего ради я с одним служивым, толмачом и стрелком туда генваря 7 отправился; и, едучи дорогою, описывал я разные поведения камчадалов и живущих около Лопатки курилов». Стеллер вернулся из этой поездки 3 февраля. Позднее им было составлено описание этого путешествия, имеющиеся в двух списках.⁷¹

Часть привезенных им тогда предметов была зарисована художником Берканом, от богатой коллекции которого, относящейся к Камчатке, сохранились только воспроизведения некоторых его рисунков, приложенные к известному труду Крашенинникова.⁷²

Но еще до своего отправления на Лопатку Стеллер составил 5 января 1741 г. подробную инструкцию об описании Восточного моря и впадающих в него рек и живущих там народов; она была дана служилому Андреяну Рюмину с товарищами, отправлявшимся собирать ясак.⁷³ В тот же день, когда была подписана инструкция Рюмину, было закончено Стеллером его донесение в Синод о способах обращения камчадалов в христианскую веру.⁷⁴ В нем находим первый опыт описания быта, нравов и верований камчадалов, который вышел из-под пера Стеллера; он основан всецело на тех личных наблюдениях, которые ему удалось сделать за три с небольшим месяца пребывания на Камчатке. Стеллер не включил, однако, этот документ в свою официальную переписку,⁷⁵ прекрасно подобранную студентом А. П. Горлановым.

Когда Стеллер возвращался в Большерецк из поездки в Курильскую Лопатку, он получил 2 февраля 1741 г. письмо Беринга, посланное из Авачинской гавани 24 января. Капитан-

⁷¹ Под неточным заглавием оно сохранилось в копии, приготовленной для задуманного И. Шерером издания «Sammlung der Reisen die auf russische kaiserlichen hohen Befehl zur Untersuchung der von Kamtschatka Nord-ostlich gelegenen Länder angestellt worden», см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 177, лл. 73—80.

⁷² Вся коллекция рисунков Беркана состояла из 100 номеров; перечень их под заглавием «Verzeichnis derer von Johann Christian Berkhan gefertigten historischen Zeichnungen sowohl zu der Historie des kamschatkischen Volkes u. Landes als der natürlichen Historie gehörig in 100 Tabellen» см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 114, лл. 78—81 об.

⁷³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 366—367.

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 796, Канцелярия Синода, оп. 27, № 84, т. I за 1746 г., лл. 107—116 (подлинник на латинском языке и современный русский перевод), см. Опись документов и дел, хранящихся в Архиве Св. правит. синода, т. XXVI. СПб., 1907, стр. 99 и сл.

⁷⁵ Она хранится в Архиве АН, ф. 3, оп. 1, №№ 800 и 800а; подлинники некоторых из бумаг, отправленных в Сенат и Академию наук, там же, №№ 810—813.

командор, намереваясь в этом году плыть к берегам Америки и нуждаясь в человеке, который разбирался бы в металлах и минералах, приглашал Стеллера принять участие в его путешествии и приехать к нему в конце марта или ранее.⁷⁶ Через неделю Стеллер отправил свой ответ.⁷⁷ Он выражал полную готовность сопутствовать Берингу, заниматься в путешествии не только «сысканием и требованием металлов и минералов», но и «разные учинить наблюдения, которые касаются до истории натуральной и народов и достояния земли». Но вместе с тем посланная им 30 апреля 1740 г. из Киренского острога просьба в Сенат о разрешении сопровождать капитана Шпанберга в его предполагавшемся путешествии,⁷⁸ на которую ответа не последовало, заставила Стеллера в новом донесении в Сенат⁷⁹ объяснять причины, побудившие его переменить свое прежнее намерение.

Известив кратко письмом от 1 марта президента Академии наук⁸⁰ о предполагаемом отъезде в Америку и изложив весь ход своих работ и сношений за время до 3 марта в рапорте и двух донесениях Сенату, Стеллер начал срочно готовиться к отъезду. Крашенинников, вернувшийся из поездки в Нижний Камчатский острог, получил от Стеллера срочное предложение готовиться к поездке в Охотск, Якутск и Иркутск за жалованьем для экспедиции за 1742 и 1743 гг. Оставляемому в Большерецке художнику Беркану была дана 4 марта подробная инструкция, какие работы надлежало ему выполнить во время отсутствия Стеллера. В той же инструкции были даны указания, чем должны заниматься в отсутствие Стеллера два других его сотрудника — бергауэр Григорий Самойлов и служивый Алексей Данилов, которые поступали в «команду» Беркана. Студенту Горланову также было оставлено соответствующее наставление.⁸¹ За день до своего отъезда из Большерецка, 11 марта 1741 г., Стеллер подписал еще одну инструкцию — служилому Федору Слободчикову, «пищику» Аргунову и стрелку Петру Антонову, которые должны были ехать на Курильские острова для собрания там известий.⁸² Вероятно, в первые же дни своего пребывания в Авачинской гавани, переименованной в эти дни в Петро-

⁷⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, л. 335—335 об.

⁷⁷ Там же, лл. 367 об.—368.

⁷⁸ Там же, № 811, лл. 288—292.

⁷⁹ Там же, № 800, лл. 385—386.

⁸⁰ ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 152—156. В тот же день им было написано письмо Гмелину (см. G. H. Th. Pleniger, ук. соч., стр. 180).

⁸¹ «Ордер» Крашенинникову от 10 марта 1741 г. см. ААН, р. I, оп. 13, № 11, л. 155; инструкция Беркану см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 387—390; о содержании инструкции Горланову (на латинском языке) см. там же, № 812, лл. 230 об.—231.

⁸² О содержании инструкции им см. в рапорте Стеллера от 12 июля 1743 г. § 5 (ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 222 об.—224).

павловскую, Стеллер занимался составлением нового донесения в Сенат. Оно было написано в оригинале по-латыни, и для перевода его на русский язык был вызван в Петропавловскую гавань Крашенинников, который закончил перевод и переписку к 17 апреля. В те же дни была составлена Стеллером инструкция Крашенинникову — «как ему поступать едучи (с Камчатки, — А. А.) до Иркутска». ⁸³

Донесение Стеллера в Сенат от 17 апреля 1741 г. ⁸⁴ — своего рода трактат «О политических вещах Камчатки и народа Камчатского, объявляя при том, какое зло страдают, какой помощи требуют, как жителей в лутчее состояние привести можно и как интерес сей земли без обиды всем и без траты казны к начатию надлежащей умножиться может, откуда невольные бунты, убийства россианам и камчадалам, неверность их российским и откуда так медленно доброй обычай принимают и так трудно исправиться». «Предложение» Стеллера дает яркую картину тяжелого положения Камчатки и ее коренного населения в эти годы. И Стеллер намечает ряд мер, которые, по его мнению, могут уничтожить то зло, которое творят на Камчатке русские должностные лица и служилые люди.

Надо полагать, что в распоряжении Стеллера, несмотря на недолгое пребывание его на Камчатке, собралось большое количество материалов о ней, если автор, поражающий нас своей основательностью и серьезностью, решился выступить перед высшими учреждениями государства со своими проектами, которые не могут не привлечь внимания историка. Это донесение Стеллера в Сенат по своему содержанию близко к аналогичному представлению, сделанному по возвращении из Сибири в 1744 г. известным деятелем Петровского времени Фиком, ⁸⁵ который был сослан Анной Иоанновной в Сибирь и прожил там, в Якутске и Иркутске, десять лет. В записке Фика в отношении якутов и других народов Восточной Сибири затрагиваются вопросы, аналогичные тем, о которых говорится в донесении Стеллера. ⁸⁶

⁸³ ААН, р. I, оп. 13, № 11, лл. 163—164.

⁸⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 397—405 об.

⁸⁵ О записке Фика см. выше, стр. 50, прим. 21.

⁸⁶ Об этом донесении Стеллера в Сенат Гмелин сообщает Миллеру в письме из Туринска от 13 октября 1742 г. (Пекарский, I, стр. 595), которое написано, видимо, на основании чьих-то рассказов. В письме Стеллер представлен в смешном виде, как человек, который носитя со своими «замечательными» проектами, не считаясь с реальным положением вещей, и не терпит никаких противоречий и пр. Эта характеристика, несомненно, дана Гмелином на основании бывших у него со Стеллером «*Mischelligkeiten*» (по выражению, употребленному в протоколе Академии наук, где идет речь о несоблюдении Стеллером в 1739 г. «субординации») и несочувствия Гмелина Стеллеру, когда последний выступал против безобразий местной администрации.

В это первое свое пребывание на Камчатке Стеллер большую часть времени пробыл в Большерецке и тут не терял, видимо, ни минуты, собирая сведения, расспрашивая казаков, служилых, промышленных и торговых людей о географии, этнографии, флоре, фауне и прочем не только Камчатки, но и соседних стран, в частности Америки, прибегая, по его словам, к помощи водки, когда его собеседники оказывались неразговорчивыми.⁸⁷ Сообщая в письме Гмелину 1 марта 1741 г. о том, что уже сделано им по изучению Камчатки, Стеллер говорит о своих работах по описанию растений, морских животных, минералов и пр., указывая, что им собрано вместе с тем большое количество исторических и географических сведений, которые ожидают профессора Миллера.⁸⁸ По словам А. П. Горланова, при отъезде своем Стеллер оставил в Большерецке переписанные им (Горлановым) «разные чиненные им, Стеллером, наблюдения, а именно, описания трав, птиц, насекомых и выбрасывающихся из моря вещей, а описания рыб не было...».⁸⁹ Сам Стеллер в упомянутом выше письме президенту от 1 марта 1741 г.⁹⁰ приводит перечень работ, выполненных и отчасти уже законченных им со времени приезда на Камчатку; среди них названы: «Путевой журнал путешествия от С.-Петербурга до Камчатки», «Историко-географическое описание Иркутска и Прибайкалья», «Заметки по истории тунгусов», «Заметки по истории якутов», «Заметки по истории пенжинских камчадалов», «Заметки об островах от Лопатки до Матмая и живущих на них народах», «Материалы по истории коряков», «Материалы по истории юкагиров», «Материалы по истории чукоц», «Об охоте в Сибири», «О рыбной ловле в Сибири» и другие. К тому же письму приложен список рисунков, выполненных к этому времени Берканом. Читая длинный перечень трудов Стеллера, о которых говорится в его письме к президенту, приходится удивляться не только широте интересов Стеллера, но и той энергии и настойчивости, которая была проявлена им уже в этот первый период его пребывания на Камчатке; об этом красноречиво свидетельствует, между прочим, та переписка, которую вел по поручению Стеллера студент А. П. Горланов в 1740—1741 гг., добываясь от местных охотских, камчатских и других учреждений нужных Стеллеру известий.

Отправляясь в «морской вояж», Стеллер, как уже отмечено выше, оставил каждому из своих сотрудников инструкцию, что

⁸⁷ Bering's Voyages, II, стр. 99.

⁸⁸ G. H. Th. Plüningер, ук. соч., стр. 180.

⁸⁹ ААН, ф. 21, оп. 3, № 100; письмо Г. Ф. Миллеру от 29 мая 1742 г. опубликовано в «Известиях ВГО», 1943, вып. 2, стр. 40—43, прил. к статье А. И. Андреева «Экспедиции Беринга».

⁹⁰ ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 152—156.

им делать в его отсутствие. В рапорте Сенату от 12 июля 1743 г.⁹¹ он приводит довольно подробные сведения о работе каждого. Отмечу те из них, которые имеют несомненное значение до сих пор и послужили для самого Стеллера материалами для его последующих работ.

По отбытии Стеллера в Петропавловскую гавань служивый Федор Слободчиков, «пищик» Аргунов и стрелок Петр Антонов отправились на Курильские острова для собирания сведений о природе и жителях островов. 11 сентября 1742 г. Стеллер получил от Аргунова рапорт о поездке в июне 1741 г. на Лопатку и Первый и Второй Курильские острова и о последующей судьбе собранных им коллекций. При рапорте было представлено описание пути «от устья Большой реки до Курильской Лопатки и отгуду до Перваго, вокруг Второго и возвратно вокруг же Перваго островов Курильских подле морской берег водным путем, впадающим рекам и речкам», а также «Описание на Первом острове живущих курилов, о их обычаях и поведении».⁹²

Весною 1742 г. наводнением были затоплены почти все избы в Большерецке, при этом погибла большая часть коллекций, собранных Аргуновым; сохранившимся травам Стеллером было составлено описание на латинском языке.

Считая, что силами экспедиции невозможно произвести описание всей Камчатки и особенно соседних областей (Чукотки и др.), Стеллер и Делиль де ла Кройер обратились 5 мая 1741 г. в канцелярию Охотского порта с просьбою дать соответствующие поручения ясачным сборщикам, которые, по приложенной инструкции, собирали бы нужные сведения. Охотская канцелярия только 6 сентября 1742 г. ответила согласием, а позднее прислала «Опись из Удцкого острога Уде реке и прочим рекам и Шантарским островам, тому явствует ниже сего под пунктами, русских людей и ясачных иноземцев сказки за руками их».⁹³

За время отсутствия Стеллера наиболее ценными были работы его сотрудников — художника Беркана и студента Горланова.

Выполняя поручение Стеллера, Горланов летом 1741 г. собирал и сушил растущие около Петропавловской гавани травы, заносил в журнал их камчадалские и русские названия, а также отмечая те из них, которые шли в пищу или употреблялись

⁹¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 224—246; № 812, лл. 220—237. Из рапорта, состоящего из 26 параграфов, Пекарский (Архивные разыскания, стр. 25) напечатал только два последние параграфа.

⁹² Оба описания в Архиве АН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 5—16 и 17—26; № 812, л. 233—233 об.

⁹³ Там же, № 812, лл. 310—318.

в качестве лекарств, собрал довольно большое количество камчатских и коряцких слов, как оленных, так и сидячих коряков, «и притом о нравах и обычаях камчатских и коряцких и прочее, что до тех народов касается, выспрашивал и сочинил описание». ⁹⁴ К этому времени относятся следующие его работы: 1) «О нравах и обычаях курилов», 2) «Имена 12-ти курильским островам», 3) «Имена курильским зверем и птицам», 4) «Суеверия камчадалов об огненных горах», 5) «Суеверия о каменных ребятах», 6) «Вокабуляриум камчатских разных диалектов», 7) «Вокабулярии коряцкие, курильские». Ни одна из этих работ не отыскана. Кроме работ, непосредственно относящихся к Камчатке, Горланов, по словам Стеллера, в его отсутствие «привел в порядок собранные им (Горлановым, — А. А.) в разных годех и числах записки разным лечением и лекарствам и... вещам, употребляемым от живущих в Сибири русских людей, и сочинил пространное описание», которое было приложено к рапорту Стеллера 12 июля 1743 г., посланному в Сенат. В перечне своих трудов Горланов дает следующее заглавие этой работе: «Описание, как внутренние, так и внешние болезни живущими в Сибири русскими людьми излечены бывают». ⁹⁵

Горланов жил в Петропавловской гавани до 30 марта 1742 г. После получения известия о гибели Делиль де ла Кройера и ввиду отсутствия каких-либо вестей о Стеллере с разрешения геодезиста А. Д. Красильникова, спутника Делиль де ла Кройера, не поехавшего с ним в морской вояж, Горланов отправился в Большерецкий острог, где и оставался до возвращения Стеллера. По словам Горланова, в феврале—мае 1742 г. он был тяжело болен: «А болезнь моя сия есть: глазами очень худо вижу, головою так болен, что едва встать могу и более за делом часа сидеть не могу, но принужден часа через два лежать, а потом, паки встав, приказанные дела исправлять». ⁹⁶ По возвращении Стеллера Горланов выполнил ряд научных работ. 25 января 1743 г. он был отправлен в новое путешествие для изучения рр. Хариузовой, Тигиля и др., впадающих в Пенжинское море, причем ему «особливо приказано... разные гисторические известия собирать всех тех народов, которые живут по берегу Пенжинского моря». Горланов собрал много данных «о разных редко слыханных вещах»; о жемчуге и жемчужных раковинах, «о людях, ложно мнимых камчадалами каменными» и др. Обо

⁹⁴ См. в перечень трудов Горланова, представленных им в Академию по возвращении в Петербург в 1746 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 194 об.—195).

⁹⁵ Этот труд отыскан пока в плохой копии XVIII в. в Архиве ВГО в Ленинграде.

⁹⁶ ААН, ф. 21, оп. 3, № 100; см. Известия ВГО, 1943, вып. 2, стр. 43.

всем этом он подал по возвращении рапорты, копии которых Стеллер приложил к своему рапорту в Сенат.⁹⁷

Стеллер и в рапорте Сенату от 12 июля 1743 г. и в особом донесении от того же числа усиленно хвалит Горланова, которым «не токмо. . . все, которые на латинском языке мною сочиненные обсервации переписываются, а в большей части и на российском языке сочиняются и переписываются, и завсегда крайнее в своем деле радение имеет». Стеллер выражает надежду, что Сенат найдет возможным разрешить отпускать Горланову провиант по якутской цене, без уплаты весьма дорогой провозной стоимости хлеба на Камчатку, «для того, что он студент Горланов получает. . . жалованья токмо по 100 руб. на год, чего ради не токмо платье, но и других довольных к пропитанию харчей, за дороговизною, здесь купить себе довольно не может, и ежели ему провианта здесь на Камчатке отпущено не будет из казны и довольствоваться будет здешним рыбьим кормом, который здесь почти летним временем свежий всегда бывает, а зимою юкола (летним временем сушенная на солнце рыба), то он может впасть в цынготную жестокую болезнь и от того умереть, что многим здесь русским людям, которые из хлебных мест сюды приезжают, случается»⁹⁸

Что касается работы художника Беркана за время отсутствия Стеллера, то в соответствии с инструкцией им был сделан 21 рисунок и скопировано 10. Берканом же велись сношения с разными учреждениями по делам экспедиции, в частности по поводу недоставления служилым Алексеем Даниловым, посланным Стеллером из Охотска в Якутск, некоторых казенных и лично Стеллеру принадлежащих вещей; Данилов, как оказалось, распродал вещи не только Стеллера, но и покойного Делиль де ла Крয়েরа, а вырученные от продажи суммы присвоил.⁹⁹

Стеллер находился в морском путешествии с 4 июня 1741 г. по 26 августа 1742 г., когда прибыл вновь в Петропавловскую гавань. 5 сентября 1742 г. Стеллер вернулся в Большерецк.

⁹⁷ Рапорты Горланова хранятся в Архиве АН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 140—140 об., 142—144, 147—152, 161. Об этом путешествии Горланова см. там же, № 812, лл. 235 об.—236. Имеется, кроме того, составленное Горлановым «Описание пути от Большерецкого острогу по берегу Пенжинской губы на север до реки Ваяннапки и притом описание впадающих посторонних речек, текущих в те реки, которые имеют течение свое от востока на запад в Пенжинскую губу, и о прочем, сочиненное в 1743 году» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 2—41 об.). В «Описании», помимо географических сведений, рассеяно немало исторических и этнографических сведений о коряках (лл. 15, 29, 32 об.), о камчатских женщинах (л. 18 об.), об инструменте, которым выделывают «стреляющие камни», и др.

⁹⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 218—219, 230—230 об.

⁹⁹ Там же, лл. 220—221 об., 231 об.—232 об.

О путешествии имеется его подробный рапорт Сенату, подписанный 16 ноября 1742 г.¹⁰⁰ В конце рапорта Стеллер сообщает, что, «будучи в морском вояже, сочинил я историю продолжавшагося вояжу и усмотренных земель, чинил, где случилось на берегу быть, ботанические наблюдения и прочее, что касается до натуральной истории, описал некоторых поныне неизвестных зверей, а именно: корову морскую, сивучу, морского кота, морского бобра, и оных рисунки учинены; сочинил описание примеченных в морском вояже птиц и рыб, также птиц и рыб, которые на острове (Беринговом), где мы жили, имеются». Окончательная обработка всех этих описаний была закончена уже на берегу, в Большерецке, и 12 июля 1743 г. все они, а также некоторые другие были направлены при рапорте в Сенат. В реестре, приложенном к этому рапорту,¹⁰¹ кроме официального донесения в Сенат о Горланове¹⁰² и перечня трав, найденных в разных местах, указаны работы самого Стеллера и его сотрудников — Горланова и Беркана. Среди трудов Стеллера прежде всего идут его работы по ботанике и зоологии: «Описание трав, собранных от Якуцка до Охоцка в 1740 г.», «Описание трав, собранных в Америке...», «Диссертация о рыбах»,¹⁰³ «Описание рыб», «Описание птиц»,¹⁰⁴ «Описание морских зверей»,¹⁰⁵ «Описание насекомых», «Описание выбрасывающихся из моря вещей», «Описание минералов»,¹⁰⁶ «Описание лекарств, употребляемых от русских народов»; некоторые из них отысканы мною в Архиве АН. Имея теперь только часть его работ по «натуральной истории», приходится все-таки удивляться той исключительной работоспособности, которую проявил Стеллер в эти годы. Но удивление будет еще большим, если прибавить еще две указанные в реестре работы Стеллера, особенно ценные для историка и этнографа Сибири: «Описание всего того, что в морском вояже видеть и наблюдать случилось, на немецком языке» и «Гистория Камчатская, на немецком языке».

Второй труд Стеллера, который в реестре назван «Гисторией Камчатской», привлек меньшее внимание исследователей. Он поступил сначала в Сенат, а оттуда в Академию в феврале

¹⁰⁰ Напечатан Пекарским: Архивные разыскания, стр. 13—24 (по отпуску рапорта в ААН, ф. 3, оп. 1, № 800, лл. 224—246). Дополнением к этому рапорту являются два письма Стеллера: 1) Гмелину от 4 ноября 1742 г. (С. Н. Th. Plieninger, ук. соч., стр. 181—185; английский перевод см. Bering's Voyages, II, стр. 242—249) и 2) Шумахеру от 12 ноября 1742 г. (ААН, р. V, оп. 1-III, № 36, черновик).

¹⁰¹ Напечатан: Пекарский. Архивные разыскания, стр. 26.

¹⁰² ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 218—219.

¹⁰³ ААН, р. III, оп. 1, № 57/39 Ш.

¹⁰⁴ ААН, р. V, оп. 1-III, № 36, на 26 лл.

¹⁰⁵ Там же, р. I, оп. 13 б, № 39.

¹⁰⁶ Там же, р. IV, оп. 1, № 151.

1746 г.¹⁰⁷ Из текста труда ясно, что он написан Стеллером между концом ноября 1742 г. и началом мая 1743 г.,¹⁰⁸ но ранее возвращения Горланова из его путешествия по берегу Пенжинского моря в 1743 г.¹⁰⁹ В основу труда положены многочисленные и разнообразные наблюдения самого Стеллера, но использованы и те материалы, которые получены им от других лиц, прежде всего от «обоих студентов» — Крашенинникова и Горланова; так, в главе I «О реках» он прямо ссылается на пространные описания рек на русском языке, принадлежащие им; во вводящей части пользуется обстоятельным описанием землетрясения 1737 г., которое было сделано Крашенинниковым, и описанием первого и второго Курильских островов, принадлежащим Аргунову и др. Но все же зависимость Стеллера от других исследователей Камчатки весьма небольшая. Вновь приходится удивляться тому большому количеству наблюдений, которые были сделаны Стеллером за время его пребывания на Камчатке с сентября 1740 г. по июнь 1741 г. и с 26 августа 1742 г., когда он вновь прибыл в Петропавловскую гавань Камчатки, и по май 1743 г., когда был закончен этот замечательный труд, подобно предыдущему, не напечатанный в изданиях Академии.

Первые печатные известия об этом труде Стеллера появились в работе С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», вышедшей в 1756 г.;¹¹⁰ автор неоднократно ссылается на какие-то труды Стеллера, не называя их (кроме тех, которые были уже напечатаны к 1755 г.¹¹¹).

Нетрудно установить, что Крашенинников использовал главным образом те два труда Стеллера, которые посвящены описанию его морского путешествия и описанию Камчатки.

Труд Крашенинникова был переведен в 1764—1770 гг. на английский, французский, немецкий и голландский языки, при-

¹⁰⁷ ААН, ф. 21, оп. 5, № 112, на 172 л., написана Стеллером собственноручно, первые листы писаны выцветшими чернилами и с них в той же рукописи имеется копия XVIII в., возможно, 1747—1748 гг. (ср. Материалы, VIII, стр. 658 — указание Миллера о необходимости срочно снять копию с этой рукописи Стеллера, листы которой выцвели, а также Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам Академии наук: СПб., 1885, стр. 28), о Шерере см. также заметку G. V. Blue. A Rumor of an Anglo-Russian Raid on Japan, 1776. Pacific Histor. Rev., 1939, december, стр. 453—459.

¹⁰⁸ См. по рукописному переводу стр. 57, 89, 130—131, 247, прим. 369, 440.

¹⁰⁹ Ср. стр. 44 в конце. Датировка этого произведения у Стейнегера (L. Stejneger, ук. соч., стр. 392).

¹¹⁰ См. выше, гл. III, очерк 2.

¹¹¹ De bestiis marinis. Novi commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae, t. II, 1751; Observationes generales universam historiam piscium concernentes. Novi commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae, t. III, 1753.

чем не только в извлечении, но и в целом виде; таким образом, использованные им труды Стеллера стали широко известны до появления их в отдельном издании.

И. Б. Шерер снял сам или получил при содействии Фишера копию труда Стеллера, по которой издал его в 1774 г. во Франкфурте-Лейпциге под заглавием «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka».¹¹² Паллас справедливо отмечал, что Стеллер заслуживал бы лучшего издателя, указав в издании Шерера многочисленные типографские ошибки, которые изобличают в издателе большое невежество.¹¹³ Действительно, даже беглое сравнение печатного текста с рукописью подтверждает вполне заключение Палласа, хотя и приходится согласиться с покойным Гольдером,¹¹⁴ что только благодаря этому плохому изданию мы все же имеем возможность пользоваться замечательным трудом Стеллера, чего нет в отношении его других трудов.¹¹⁵

¹¹² Иоганн Бенедикт Шерер, сын страсбургского профессора восточных языков (род. в 1741 г.), жил в 60—70-х годах XVIII в. в Петербурге, где состоял юрисконсультом Юстиц-коллегии. Он находился в близких отношениях с акад. Фишером, у которого были некоторые рукописи Стеллера; Шерер был знаком и с Миллером, собранием которого в Москве он пользовался неоднократно. В 1774 г. Шерер вернулся в Страсбург и, получив пенсию, занимался литературно-издательской деятельностью. Кроме труда Стеллера, он выпустил немецкий перевод Несторовой летописи, а также *Nordische Nebenstunden* (Frankfurt—Leipzig, 1776); в последнем издании, не указывая автора и давая основание думать, что им является он сам, Шерер поместил несколько статей о Сибири акад. Фишера, в чем был изобличен печатно Бакмейстером (*Russische Bibliothek*, IV, SPb., Riga u. Leipzig, 1777, стр. 601—611). В 1777 г. Шерер выступил с новым трудом — «*Recherches historiques et géographiques sur le Nouveau Monde*» (Paris), где повторил, между прочим, рассуждения Стеллера о прежних связях Азии с Америкой и отношениях тамошних жителей; к изданию приложена карта В. Вальтона 1743 г. пути из Якутска в Охотск, полученная Шерером от Фишера. Тому же Шереру принадлежит «*Histoire raisonnée du commerce de la Russie*» (Paris, 1788, 2 vols) «*Anecdotes et recueil de coutumes et de traits d'histoire naturelle particuliers aux différents peuples de la Russie*», I—VI (London, 1792). Об его сношении с Энгелем см. выше, стр. 127—131. В Центральной научной библиотеке Харьковского университета оказался список труда Стеллера (ср. «*Историк-марксист*», 1941, № 3/91, стр. 153), к которому приложено описание путешествия Стеллера на юг Камчатки в 1741 г. Мне не удалось видеть эту рукопись.

¹¹³ *Physikalisch-ökonomische Bibliothek von J. Beckmann*, VIII, Göttingen, 1777, стр. 454; *Neue Nordische Beyträge*, II, SPb. u. Leipzig, 1781, стр. 255—256.

¹¹⁴ *Bering's Voyages*, I, стр. 190.

¹¹⁵ Труд Стеллера не переиздавался в последующие годы и не был переведен на другие языки. В 1926 г. в Лейпциге, в издании Брокгауза, появилась книга под заглавием: «*G. W. Steller. Von Kamtschatka nach Amerika*», в части своей (стр. 30—115) она представляет переработку труда Стеллера, принадлежащую доктору М. Гейдриху. С этой переработки был сделан русский перевод, изданный в 1927 г. П. П. Сойкиным в виде приложения к журналу «*Вестник знания*», под заглавием: «*Г. В. Стеллер. Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII в.*»

В начале книги Шерер поместил биографию Стеллера, в которой, кроме выходов против России, привел некоторые ложные сведения о Стеллере и поставил вопрос об его отношении к Крашенинникову. По словам Шерера, Крашенинников был учеником Стеллера, работал по его указаниям и в сочинении своем о Камчатке воспользовался главным образом тем, что было собрано об этой стране Стеллером. Эти замечания Шерера вызвали тогда горячую отповедь, прежде всего со стороны Бюшинга.¹¹⁶ Бюшинг не только исправил биографические неточности в отношении Стеллера, допущенные Шерером, но и выступил в защиту Крашенинникова по поводу его отношения к труду Стеллера. По мнению Бюшинга, «Крашенинников не искажал и не сокращал сочинения Стеллера, но составил исследование из своих и стеллеровских наблюдений, которое вышло на русском языке на 757 страницах в большую четвертку, тогда как стеллеровское напечатано на 384 страницах в восьмую долю листа. Крашенинников выбрал из стеллеровской рукописи то, что находил в ней хорошего, и часто ссылался на нее, сообщая притом свои собственные наблюдения и примечания. Он многое взял от Стеллера, почему у них встречаются сходства, но у Крашенинникова есть также много такого, в чем он предупредил Стеллера. К важнейшему, чего нет у Крашенинникова, а есть у Стеллера, принадлежат вольные рассказы и суждения об алчности, развращенности, насилиях и жестокости казаков и русских, которые впервые открыли Камчатку и завладели ею...». Как полагает Бюшинг, «они (рассказы, — А. А.) тем более возбуждают досаду в беспристрастном читателе, потому что он в то же время находит, что жители страны очень охотно подчинились русскому владычеству, платили подати и все-таки в течение 40 лет уменьшились в 14—15 раз».

С возражениями Шереру выступил также Паллас;¹¹⁷ указавший ряд ошибок и промахов в биографии Стеллера, и неизвестный автор рецензии на труд Стеллера, появившейся в одном из немецких журналов.¹¹⁸ Паллас обошел вопрос о заимствовании, но неизвестный автор, скрывшийся под буквами РЕ, не нашел ничего постыдного в том, что Крашенинников воспользовался трудом Стеллера, заимствовал имевшиеся у него рисунки, карты и т. п. Автор определенно предпочитает наблюдения Крашенинникова, который пробыл на Камчатке несколько лет, «скоростным» наблюдениям Стеллера, «который провел только зиму на Камчатке», и спрашивает, «каким образом в одну зиму мог

¹¹⁶ Wochentliche Nachrichten, 1774, стр. 163—167, 185—187.

¹¹⁷ Physikalisch-ökonomische Bibliothek, VIII, стр. 453—455, 459—460, 459—460.

¹¹⁸ Allgemeine Deutsche Bibliothek, XXV. Berlin u. Stettin, 1775, стр. 537—543.

Стеллер так подробно изучить столь большую землю, для исследования которой были посланы два человека... Мы можем почти положительно сказать, — продолжает рецензент, — что Крашенинников по своему возвращении ни разу не заимствовал стеллеровских рисунков. Точно так же в русском труде сообщено гораздо более, чем мы находим у Стеллера...».

Шерер пытался возражать своим оппонентам,¹¹⁹ но по основному вопросу, интересующему нас в данное время, последнее слово осталось как будто за ними. Между тем стоит вновь вернуться к этой теме и выяснить отношения обоих авторов, из которых один, по воле случая, сделался широко известен почти на всех европейских языках, а труд второго, изданный спустя тридцать лет после его написания, не появился даже в русском переводе.¹²⁰

Неудачная мысль издать слитно два труда, весьма близких по теме, привела лишь к тому, что теперь приходится проделывать весьма сложную работу по выявлению того, что принадлежит каждому из двух авторов, весьма различных по своим научным приемам.

Следует критически издать обоих авторов: Стеллера — по рукописи, хранящейся в Архиве АН, под заглавием: *Sammlungen zu der Historie von dem Lande Kamtschatka, derer Einwohner Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten*», а «Описание земли Камчатки» Крашенинникова — по рукописи, хранящейся в том же архиве, с приведением в примечаниях всех тех мест, которые были в первоначальной редакции текста; в комментариях к этому изданию должны быть оговорены все заимствования из Стеллера, отмеченные и не отмеченные, причем также должен быть указан и подлинный текст Стеллера, если последний был подвергнут изменениям.

По окончании «Истории камчатской» и всех прочих работ, относящихся к 1742—1743 гг., Стеллер предпринял новое путешествие, вызванное тем, что в составленном им на Беринговом острове описании морского бобра этот «весьма особый зверь» оказался «в его рисунке не изображен по его надлежащему натуральному образу»; ввиду этого Стеллер и Беркан в начале мая 1743 г. отправились к устью р. Большой, а оттуда 12 мая поехали на Лопатку и Курильские острова, где были собраны «разные натуральные вещи, живописцем Берканом учинен рисунок морскому зверю, называемому бобру, учинены рисунки не-

¹¹⁹ Nordische Nebenstunden, I, Frankfurt u. Leipzig, 1776, стр. X—XI.

¹²⁰ По поручению Института народов Севера, Г. Г. Генкель и А. Горлин перевели в 1935 г. труд Стеллера на русский язык; к сожалению, перевод этот до сих пор не издан. Институт этнографии Академии наук имел намерение напечатать его в 1941 г.

знаемых птиц и трав».¹²¹ Во время путешествия, оказавшегося, по словам Стеллера, не особенно удачным из-за отсутствия гребцов, забранных в то время для казенных надобностей, все же были собраны новые материалы, которые не вошли в «Гисторию камчатскую» Стеллера, потому что предназначались для тех дополнений к ней, о которых автор не раз говорит в тексте «Гистории»; в частности, некоторые из этих дополнений, относящиеся к морской фауне, сохранились и напечатаны.¹²² Видимо, из этого путешествия Стеллер вернулся только в конце июня.¹²³

15 июля 1743 г. Стеллер отправил в Сенат свой рапорт от 12 июля¹²⁴ с реестром приложений, посланных при нем; копия рапорта и реестра была послана также в Академию. 26 июля Стеллер писал непосредственно в Академию;¹²⁵ он извещал прежде всего о получении письма от переводчика Линденау, в котором последний сообщал, что адъютант Фишер под руководством которого Линденау работал до сих пор, «со всюю командою прошедшею зимою от Юдомского Креста по некоторому случаю» отправился обратно; не зная, что ему делать дальше, Линденау написал Стеллеру, который «ордером» предписал ему ехать из Охотска, где тот находился, в Удский острог и «чинить в пути, так и в Удском остроге все то, что ему было предписано Фишером делать в Охотске».¹²⁶

В этом же рапорте Стеллер уведомлял Академию о своем намерении летом 1744 г. ехать обратно в Петербург и просил разрешения продать в Якутске такие казенные книги и материалы, принадлежащие экспедиции, которые в Петербурге дешевы и вместе с тем подтвердить в Якутск указ о предоставлении Стеллеру потребного числа подвод. К рапорту была приложена копия переписки, которую вел Стеллер с «пробирных дел мастером» Гардеболом; последнего Сенат приказал присоединить к «академической свите», но Гардебол отказался от «команды» Стеллера, «объявив некоторые резоны».¹²⁷

¹²¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 215 об.—216, 252; № 812, л. 236 об.

¹²² Мém Acad. imp. sci. SPb., III, 1811, стр. 255, IV, 1813, стр. 431 и сл.; VIII, 1822, стр. 293 и сл. (на лат. яз.); Bering's Voyages, II, стр. 222—224 (на англ. яз.).

¹²³ О времени этой экспедиции см. L. Stejneger, ук. соч., стр. 395—397.

¹²⁴ Вместе с ним было отправлено донесение в Сенат о разрешении выдачи Горланову муки по казенной цене — по 30 коп. за пуд (ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 218—219).

¹²⁵ Там же, лл. 395—396.

¹²⁶ См. ниже, стр. 306.

¹²⁷ Донесение Стеллера в Сенат о Гардеболе от 26 июля 1743 г. см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 393—394 об., копия переписки с ним — там же, л. 284 и сл. Со свойственной ему горячностью Стеллер обвиняет

В конце июля 1743 г. Стеллер отправился в Верхний и Нижний Камчатские остроги, намереваясь пробыть там по крайней мере до конца года, но оставался там значительно дольше и вернулся в Большерецк только 2 июня 1744 г.¹²⁸ В течение этого года, кроме продолжения начатых научных работ и дальнейшего собирания новых материалов, большое внимание было уделено Стеллером своеобразной борьбе с безобразиями и насилиями местных служилых людей по отношению к камчадалам. Об этой борьбе мы узнаем из переписки, которую вел Стеллер с местными канцеляриями, и из ответов последних. Так, в июле 1743 г. Стеллер писал в канцелярию Охотского порта¹²⁹ о пьянстве и безобразиях камчатского командира Попова, который не только «бранил всякими неподобными матерными бранями» Стеллера, но и грозил «бить смертно плетью» студента Горланова. Охотская канцелярия обещала произвести расследование, но с своей стороны отмечала незаконные и неправильные требования со стороны Стеллера по отношению к камчатским должностным лицам, которым он писал, как их начальник, «ордера». Фактов вмешательства Стеллера в гражданские дела и распоряжений с его стороны, минуя административные и судебные учреждения, по словам местных властей, было немало, но серьезное значение было придано ими одному из них, относящемуся, видимо, к первой половине 1743 г., когда, по словам донесения, Стеллер освободил «содержащихся в Большерецкой приказной избе под караулом по важным делам колодников, 12 человек». Охотская канцелярия требовала объяснений от Стеллера и, с своей стороны, уведомила о происшедшем Иркутскую провинциальную канцелярию, которая сообщила о деле Стеллера Сибирскому приказу; последний, в свою очередь, написал о том же в Сенат. Последний приказал: «В Иркутскую провинциальную канцелярию послать указ, велеть оного адъюнкта Штеллера взять в оную провинциальную канцелярию и о показанных, учиненных им, Штеллером, в Большерецком остроге противных указам проступках о всем исследовать... ежели он по тому следствию явится виновен, держать в Иркутской провинциальной канцелярии под караулом». Указ Сената был послан в Иркутск 10 сентября 1744 г.¹³⁰

Гардебола, оставленного Шпанбергом на Камчатке «для прииску металлов и минералов», в бездействии и напрасном получении казенного жалованья.

¹²⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, л. 346 об.

¹²⁹ Там же, лл. 195—199.

¹³⁰ О деле Стеллера см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 388—389, 485—486; № 812, лл. 360—362, 371—371 об.; Протоколы Конференций, II, стр. 37—38; см. также ниже, стр. 266, 270.

Отъезд с Камчатки летом 1744 г. был решен Стеллером еще за год до того, и уже в рапорте в Академию 26 июля 1743 г. он просил подтвердить указ о даче нужного количества подвод под имущество экспедиции, «понеже я здесь на Камчатке последней уже год для учинения положенных на меня дел с свитою прожить намерен и намерен предбудущим летом вытти на судне отсюда в Охотку и из Охотки в Якуцк, а из Якуцка следовать прямо в Петербург».¹³¹ С своей стороны Академия еще в ноябре 1743 г. постановила отозвать из Сибири всех оставшихся там сотрудников Камчатской экспедиции, выработав тогда же план работ, которые предстояло им завершить на обратном пути. Сообщение об этом (письмо Шумахера от 31 января 1744 г.) с приложением постановления Конференции от 14 ноября 1743 г. было получено Стеллером только 13 марта 1745 г.,¹³² о чем он сообщил в Академию 31 марта.¹³³ Предварительно Стеллер послал в Сибирскую губернскую канцелярию в Тобольск «промеморию» об оказании ему помощи в обратном путешествии, причем указывал путь, которым он должен был ехать.¹³⁴ В рапорте в Сенат от 6 июля 1745 г.¹³⁵ Стеллер принужден был сообщить о невозможности выполнить прямое распоряжение Академии, полученное им в марте, ввиду необходимости явиться к следствию в Иркутск, куда он собирался ехать «едва вода убудет и вверх по реке свободной ход будет».

Во время обратного пути Стеллер должен был заниматься исключительно собиранием рыб, семян, трав и т. п. Так как Фишеру было предписано ехать обратно тем же путем, то предполагалось, что оба адъюнкта будут возвращаться вместе, и художник Беркан — сотрудник Стеллера — будет делать рисунки для обоих.

Последний год пребывания на Камчатке Стеллер провел преимущественно в Нижнем Камчатском остроге. Здесь Стеллер продолжал не только обрабатывать уже собранные материалы, но и предпринял несколько новых поездок, отправив

¹³¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 395 об., № 800а, л. 257 об.; 26 июля Стеллер писал в канцелярию Охотского порта о приготовлении к 1744 г. лошадей (там же, № 800а, л. 252 об.).

¹³² Там же, лл. 376—379.

¹³³ ААН, ф. 21, оп. 5, № 69; рапорт был получен в Академии в январе 1746 г. (Протоколы Конференции, II, стр. 168) вместе с каталогом различных растений и семян и 11 пакетами семян. Одновременно с этим рапортом Стеллер писал Гмелину (там же, стр. 109, 124—125).

¹³⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 69 — «из Якуцка обыкновенными трактами до Томска... и с Томска... в Колыванские господина Демидова заводы, а оттуда в Усть-Каменногорскую крепость и вниз по Иртышу в Тобольск»; ср. подробное указание пути в постановлении Конференции от 4 ноября 1743 г. (Протоколы Конференции, I, стр. 760—761).

¹³⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 410—416 об.

вместе с тем некоторых своих сотрудников в разные места Камчатки. Так, в конце ноября 1743 г. стрелок Петр Антонов с товарищами был отправлен на Уку и далее до Караги, а отсюда на Пенжинское море, на Тагил и на Морожечную; несколькими днями позднее «пищик» Осип Аргунов поехал вместе с ясачным сборщиком сержантом Яковом Мохначевским, чтобы не только быть писцом при нем, но и собирать нужные сведения; в подробной инструкции Аргунову имеется, между прочим, пункт 2, весьма характерный для Стеллера, постоянно выходившего из узкой сферы научных занятий и активно старавшегося помочь местному населению в его тяжелой жизни; в этом пункте читаем: «Как ты, будучи в тех местах, где надлежит, и усмотришь такие непорядошные поступки и отягощения камчадалам взятками или какими ни есть своими примётки, то говорить ему (сборщику Мохначевскому, — А. А.), дабы он от такого беспорядка возбралил себя, а ежели от тех слов в первой и в другой раз или третьей себя не совоздержит, то тебе каким случаем отнюдь с ним никакого сообщения не иметь и ехать возвратно суды ко мне». Кроме посылки Антонова и Аргунова, Стеллер в середине декабря направил Горланова через Авачу по берегу Бобрового моря; Горланов вернулся в Нижний Камчатский острог 31 января 1744 г. и представил описание пути, а собранные им известия, относящиеся до «политической и натуральной» истории, записал в путевой журнал. Вскоре он получил новое поручение: он должен был посетить Курильскую Лопатку и Курильские острова, так как личная поездка Стеллера туда в 1743 г. была неудачной. Сам Стеллер ездил в феврале—марте 1744 г. из Камчатского острога на Карагу.¹³⁶

К последнему году пребывания на Камчатке относится установление непосредственных отношений Стеллера с переводчиком Яковом Линденау, который до ареста Фишера и его возвращения в Якутск работал под руководством последнего.¹³⁷ 27 апреля 1743 г. Фишер «ордировал» Линденау, чтобы последнему

¹³⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 264—266 об., 267—267 об., 279, 332, 336 об.—340 об., 341, 343 об. Сохранились три описания пути, составленные Горлановым в 1743—1744 гг.: 1) от Большерецкого острога до Санктпетропавловской гавани (ААН, ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 53—61 об.), 2) от Санктпетропавловской гавани до Нижнего Камчатского острога (там же, лл. 62—86 об.) и 3) от Шапина острожка вверх по Камчатке зимним путем до Верхнего Камчатского острогу (там же, лл. 87—89). Основанное на неправильном толковании одного документа 1745 г. (отчасти напечатанного у Пекарского, I, стр. 599) сообщение Гольдера (Bering's Voyages, II, стр. 3) о вторичном пребывании Стеллера во второй половине 1743—первой половине 1744 г. на о. Беринга опровергнуто Стейнегером (L. Stejneger, ук соч., стр. 439—440).

¹³⁷ Об их работах до 1743 г. см. ниже, стр. 289 и сл.

быть «при команде» Стеллера до возвращения в Иркутск. Получив письмо Линденау, Стеллер 13 июля 1743 г. ответил ему подробной инструкцией, в которой давал целую программу работ в отношении западного побережья Охотского моря и живших там коряков, тунгусов, юкагиров и пр.¹³⁸

Перед отъездом с Камчатки Стеллер позаботился о школе для казачьих детей и новокрещенных камчадалов, которая была создана в Большерецке по распоряжению командира Охотского порта в ноябре 1741 г.; с сентября 1742 г. в этой школе учителем был Иван Попов, сменивший первого учителя Ивана Пражевского, обвиненного в пьянстве, издевательствах над детьми и пр.¹³⁹ Из рапорта Попова от 10 июля 1744 г. видно, что в школе обучалось в это время 26 детей.¹⁴⁰

В последние дни пребывания на Камчатке Стеллер был занят преимущественно столкновениями с мичманом Хметевским, который после отъезда с Камчатки Шпанберга, Чирикова и Вакселя был старшим по морской части экспедиции. В рапорте в Сенат от 6 июля 1745 г. Стеллер подробно говорит о тех «обидях и остановках в положенных...делах», которые пришлось перенести ему от мичмана Хметевского, в частности чинившего препятствия сотрудникам экспедиции: Хметевский не допускал их свободно разъезжать по Камчатке будто бы на основании сенатского указа от 27 января 1743 г. «о запрещении поездок без надобности в камчадальские острожки служилых и всяких чинов людей». Стеллер обвинял мичмана также в задержке на две недели отъезда с Камчатки, что лишило его возможности произвести ботанические наблюдения по рр. Юдоме, Мае и Алдану.¹⁴¹

3 августа 1744 г. Стеллер отправился с Камчатки на шхерботе «Елисавет» в Охотск, куда прибыл 19 августа, имея при себя груз в количестве 16 ящиков с разными «натуральными вещами», вывезенными с Камчатки; чтобы избежать пересмотра их как здесь в Охотске, так и в многочисленных внут-

¹³⁸ Собственноручный черновик этой инструкции Стеллера на немецком языке ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 269—273 об.

¹³⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, л. 1.

¹⁴⁰ Там же, л. 289—289 об.; ср. о нем же лл. 261 об.—263 (его хлебное жалованье в 1743 г.—1 пуд 32½ фунта в месяц).

¹⁴¹ Переписка Стеллера с Хметевским—ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 363—370. Рапорт в Сенат от 6 июля 1745 г.—там же, лл. 410—416 об. Некоторые подробности о сношениях с Хметевским, против которого Стеллер в упомянутом рапорте в Сенат выдвигал серьезные обвинения, приведены: Пекарский, I, стр. 600—601; но донос на Стеллера, из-за которого возникло против него дело, был сделан одним из предшественников Хметевского—Поповым, умершим от пьянства в феврале 1744 г.; у Стейнегера (L. Stejneger, ук. соч., стр. 425—426) повторена та же ошибка Пекарского.

ренных таможняк, через которые предстояло проехать, Стеллер добился, чтобы к ящикам были приложены канцелярией Охотского порта казенные печати.

Из большой переписки, которая осталась от времени пребывания Стеллера в Охотске, следует отметить секретную «промемотию» Стеллера в канцелярию Охотского порта от 28 августа, в которой он обвиняет одного из своих обидчиков на Камчатке — квартирмейстера Беляева. По словам Стеллера, Беляев говорил на Камчатке, что его, Стеллера, «слушать не велено, и должного по указам не учинил respekта, и так его почитал, как последнего служивого»; тот же Беляев оказался виновен в том, что никак не ответил на призывы Стеллера явиться к молебну по случаю именин великого князя Петра Федоровича.¹⁴²

В Охотске Стеллер выяснил также, что в ответ на его вопросы, посланные им еще до отъезда в Америку, из Тауйского и Ямского острогов от служилого Андрея Пежемского были получены соответствующее описание и вещи;¹⁴³ с подобного же описания, присланного из Удского острога служилым Титом Гладковым, была вручена Стеллеру копия; она сохранилась в его бумагах и является едва ли не самым ранним географическим описанием тех мест.¹⁴⁴

В Охотске Стеллер встретился с известным «просветителем» Камчатки архимандритом Иоасафом Хотунцевским, который был послан Синодом для продолжения работ православной миссии на Камчатке. В письме к своему брату Августину Стеллер рассказывает, что он сообщил Хотунцевскому, этому «достойному» человеку, много полезных сведений о Камчатке.¹⁴⁵

Из Охотска Стеллер поехал через Юдомский Крест по рр. Юдоме, Мае и Алдану и прибыл в Якутск 21 октября 1744 г.

О научных работах Стеллера периода вторичного пребывания его в Якутске, который продолжался с октября 1744 г. до первых чисел июля 1745 г.,¹⁴⁶ известно очень мало. Отправляя перед отъездом в Иркутск очередной рапорт в Сенат от 6 июля 1745 г., Стеллер ссылается вначале на свой предшест-

¹⁴² ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 360 об.; ответ Беляева — там же, лл. 381—385 об.

¹⁴³ Описание не сохранилось. А. Пежемский — автор пяти чертежей, доставленных им в 1742 г. Линденау, а именно рр. Ямы, Олы, Армана, Тауя и Ковы (ф. 21, оп. 5, № 142).

¹⁴⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 310—318.

¹⁴⁵ L. Stejnegger, ук. соч., стр. 429—431. Автор, кажется, справедливо полагает, что на решение Синода послать миссию на Камчатку повлияло упомянутое выше донесение Стеллера в Синод от января 1741 г.

¹⁴⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 542 об.

вующий рапорт от 12 июля 1743 г.: «...а что в пользу положенных на меня дел после того чинилось, высокоправительствующему Сенату донныне не репортовано и репортовать не могу, пока надлежаще мною исправлено и переписано будет». Таким образом, о работах Стеллера приходится судить по случайным указаниям, сохранившимся в его переписке и на рукописях. Надо думать, что часть времени была посвящена им обработке собранных на Камчатке материалов, как о том можно судить, например, по рукописи диссертации «*De terrae Kamtschaticae facie et forma externa*», обработка которой в Якутске помечена 10 марта 1745 г.¹⁴⁷ В числе работ Стеллера этого же времени известна также его записка — ответ на запрос Якутской провинциальной канцелярии о том, может ли русское население Камчатки обходиться без хлеба; написанные им заметки на эту тему на латинском языке были переведены на русский язык и посланы в форме официального ответа.¹⁴⁸

Стеллер развивал в записке мысль, что отвыкнуть от привычки есть хлеб легко и что от этого нисколько не страдает здоровье. В качестве примера он приводит прежде всего самого себя; он рассказывает о двух удачных опытах, которые он сделал в этом отношении: в начале своего пребывания на Камчатке, когда он не ел хлеба в течение месяца, и во время пути пешком из Большерецка в Верхний Камчатский острог во второй половине 1743 г. В качестве третьего примера он сообщает, как в 1743—1744 гг. служилые люди во главе с Басовым провели зиму на о. Беринга, совершенно не видя хлеба и все же от голода не умерли и благополучно вернулись в начале июля 1744 г. В тот же день, когда была отправлена эта записка, Стеллер подписал инструкцию Аргунову, который должен был ехать на Вилюю для собирания сведений о растениях, зверях, птицах, рыбах и пр. Не получая долго известий от Аргунова, Стеллер вел переписку о нем с разными учреждениями; наконец, 5 октября 1745 г. был получен от Аргунова рапорт, который разъяснил причины его долгого молчания; кроме экстракта из путевого журнала, приложенного к рапорту, Аргунов представил позднее «Описание пути от Якутска до Вилюя», «Описание Вилюя-реки и живущих по оной якутов» и «Реестр зверем, птицам и рыбам».¹⁴⁹

¹⁴⁷ ААН, р. IV, оп. 1, № 151.

¹⁴⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 391 («промемория» Якутской провинциальной канцелярии от 4 апреля 1745 г.), 391 об.—395 (ответ Стеллера на немецком языке), 505—509 (русский текст, из которого небольшой отрывок напечатан: Пекарский, I, стр. 599).

¹⁴⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 395, 427—429 об., 502 об.—504 об. — Упомянутые в тексте работы Аргунова отмечены в перечне бумаг Стел-

Выше было отмечено, что по инструкции Стеллера переводчик Линденау 17 июня 1744 г. отправился из Якутска в Удский острог «для описания тамошних мест»; Линденау прибыл туда 10 сентября 1744 г. и возвратился в Якутск 8 апреля 1745 г.; в посланном 18 апреля рапорте Линденау подробно говорит о своей работе по описанию Удских мест и живущих там тунгусов. Копия этого рапорта была отправлена Стеллером при донесении 6 июля 1745 г. в Сенат; из Иркутска предполагалось отправить и составленные Линденау описания.¹⁵⁰

В последних числах июля 1745 г. Стеллер был уже в Олекминском остроге, а 6 августа — в Витимской слободе. В Иркутск Стеллер прибыл, вероятно, в конце сентября 1745 г.

Здесь ему предстояло прежде всего держать ответ по возбужденному против него делу об «освобождении взятых под стражу камчадалов». В своем объяснении Стеллер указывал, что велел их отпустить потому, что их некому было в Большерецке караулить и нечем кормить, притом же некоторые из этих камчадалов привезены были совсем напрасно, так как они безусловно были преданы русской власти; по всем этим причинам он «письменное мнение в Большерецкую приказную избу за своею рукою послал, дабы по мнению той приказной избы привезенные якобы в изменном деле камчадалы отпущены были и дабы в верность... приведены были к присяге». Объяснения Стеллера удовлетворили Иркутскую провинциальную канцелярию и, не находя его виновным, она позволила Стеллеру 24 декабря 1745 г. продолжать возвратный путь, о чем послала донесение Сенату 30 января 1746 г.¹⁵¹ Но еще до отъезда из Иркутска Стеллеру пришлось снова высказаться о тех условиях и обстановке, которые существовали на Камчатке и отчасти в Якутии в годы его пребывания там. Поводом послужила пересланная ему из Иркутской провинциальной канцелярии 15 октября 1745 г. для отзыва записка одного ссыльного еврея Измаила Абрамова, принявшего крещение и получившего имя Ивана Антонова и фамилию Турчанинова. По возвращении из ссылки Турчанинов подал в январе 1745 г. записку о том, «коим образом якутскому и камчадальскому народу от русских людей напрасными приметками чинятся обиды и утеснения и какими вымыслы при курении в тамошних местах из травы вина целовальники тако ж и в собирании с ясашных иноверцов ясаку борщики чинят воровства и о протчих противных указом поступках». Иркутская канцелярия просила Стеллера указать спо-

лера, доставленных в Академию в марте 1747 г. (Пекарский, I, стр. 613); их надо считать утерянными.

¹⁵⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 396—399 об.; № 812, л. 417—417 об.

¹⁵¹ Пекарский, I, стр. 601; L. Stejneger, ук. соч., стр. 395.

собы изменить отмеченные в записке непорядки. На экземпляре записки имеются собственноручные замечания Стеллера на немецком и латинском языках, которые в декабре были переработаны в «мнение адъюнкта Стеллера на объявление статскому советнику и Иркутской провинции вице-губернатору господину Лангу от Ивана Турчанинова по предложенным от него, Турчанинова, пунктам»; этот документ был отправлен в Иркутскую провинциальную канцелярию 13 декабря 1745 г.¹⁵²

Упомянутый здесь иркутский вице-губернатор Лоренц (Иван) Ланг является одним из культурных администраторов Восточной Сибири первой половины XVIII в. Корнет шведской кавалерии, попавший в плен под Полтавой в 1709 г., он поступил на русскую службу в 1712 г. и с тех пор, после успешного выполнения нескольких поручений Петра I по сношениям с Китаем, заслужил доверие русских властей, использовавших его и в дальнейшем для службы в Сибири.¹⁵³ Образованный человек, автор нескольких работ, обладавший, видимо, большим житейским тактом и знанием людей, Ланг, бесспорно, оказал содействие Стеллеру в тех трудных обстоятельствах, которые привели его к необходимости отвечать за свои действия на Камчатке. Имеется известие,¹⁵⁴ что Стеллер, будучи однажды в нетрезвом состоянии, кричал на Ланга «слово и дело»; Лангу стоило больших усилий успокоить ученого, на следующий день раскаивавшегося в своем поступке, и вместе с тем не дать этой пьяной выходке широкой огласки — иначе при тогдашних условиях могло возникнуть дело, по которому пришлось бы отвечать обоим.

Кроме сношений, которые вел Стеллер с Иркутской провинциальной канцелярией по поводу своего дальнейшего пути, следует отметить также его переписку по поводу одной челобитной удских тунгусов, привезенной Линденау и вместе с другими бумагами, относящимися к его пребыванию в Якутске и в Удском остроге, переданной Стеллеру при рапорте от 13 ноября 1745 г.; в «промемории», посланной Стеллером в Иркутскую провинциальную канцелярию в тот же день по поводу челобитной,¹⁵⁵ виден все тот же человек, горячо сочувствующий местному населению, которое терпит от притеснений ясачных сборщиков и других должностных лиц.

Путь из Иркутска в Тобольск Стеллер намерен был совершить через Красноярск и Томск, для чего требовал от Иркутской провинциальной канцелярии 21 подвод для всей своей

¹⁵² ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 431, 432—444, 551—565 об.

¹⁵³ L. Stejneger, ук. соч., стр. 445—447.

¹⁵⁴ Пекарский, I, стр. 608.

¹⁵⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 450—466 (челобитная от 26 февраля 1745 г. на лл. 464—465), 546.

«свиты» и имущества.¹⁵⁶ Присоединившийся к «свите» Стеллера в ноябре 1745 г. переводчик Линденау с частью имущества был отправлен из Иркутска, видимо, в конце декабря и 20 января 1746 г. был уже в Красноярске, а 24 января — на Июсе.¹⁵⁷ Сам Стеллер с остальной «свитой» (Берканом, Горлановым, Аргуновым, Даниловым и др.) выехал только в середине января¹⁵⁸ и в Тобольск прибыл 4 марта 1746 г.¹⁵⁹

В пути Горланов вел обычные дорожные журналы, которые сохранились,¹⁶⁰ а сам Стеллер, по словам Гмелина в предисловии к его «*Florae Sibiricae*», заканчивал свои многочисленные наблюдения и не давал себе покоя. В своем последнем рапорте в Академию от 18 августа 1746 г.¹⁶¹ он, между прочим, писал: «Многие и долго продолжавшиеся осмотры собранных мною вещей и моего багажу тако ж и другие препятствия и досады причиною были, что я весною 1746 г. в Петербург прибыть не мог». Об одном из таких осмотров красноречиво повествует «промемория» Верхотурской таможни, полученная в Академии одновременно с «промеморией» Сибирского приказа — 17 июля 1746 г.¹⁶² Верхотурская таможня сообщала, что при осмотре личных вещей Стеллера было обнаружено 29 шуб и 4 пуда чаю, всего на сумму 410 р., с которых, как с товаров для перепродажи, предложено было уплатить пошлину. Стеллер решительно отказался это сделать и 25 марта уехал из Верхотурья. Сибирский приказ просил Академию не только взыскать со Стеллера пошлину, но также учинить ему наказание «за насильной и противной его проезд». Об этом случае Сибирский приказ писал также в Сенат, где к этому сообщению отнеслись серьезно, так как не имели еще вестей об исходе дела Стеллера в Иркутске и, видимо, решили, что Стеллер самовольно покинул Сибирь.

На обратном пути из Сибири, в Томске в феврале 1746 г. произошла встреча Стеллера с Фишером, который с многочисленной семьей медленно возвращался из Сибири в Петербург.

¹⁵⁶ Там же, л. 548.

¹⁵⁷ Рапорты Линденау от указанных чисел — ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 567—568 об.

¹⁵⁸ Вопреки Стейнегеру (L. Stejneger, ук. соч., стр. 451), Стеллер еще 10 января 1746 г. находился в Иркутске — см. ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, л. 585.

¹⁵⁹ Там же, л. 589 об.; № 813, л. 42.

¹⁶⁰ «Описание пути от города Иркутка до города Красноярска» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 65, лл. 90—96 об.), «Описание пути от города Красноярска до города Томска» (там же, лл. 97—104 об.), «Описание пути от города Томска до города Тары» (там же, лл. 105—113) и «Описание пути от города Тары до города Тобольска» (там же, лл. 114—121).

¹⁶¹ Пекарский, I, стр. 602.

¹⁶² ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 42—45.

Из официальной переписки между ними¹⁶³ видно, что Фишер пытался получить от Стеллера кого-либо из его сотрудников себе в помощники, но Горланов и Аргунов под разными предлогами старались уклониться от работы под руководством Фишера; кончилось дело тем, что в качестве писца был прикомандирован к Фишеру один из служилых, лишь недавно причисленный к экспедиции.¹⁶⁴

Весь дальнейший путь до Соликамска оба адъюнкта совершали совместно, и между ними установились такие отношения, что Стеллер в решительную минуту передал Фишеру не только некоторые рукописи, но и тот документ, который получил неправильное название «завещания» Стеллера.

В начале апреля 1746 г.¹⁶⁵ Стеллер находился уже в Соликамске и был радушно принят в доме Г. А. Демидова, находившемся недалеко от города, в так называемом Красном Селе. Сам Демидов был большой любитель ботаники, а потому понятны интерес и внимание, которые нашел в этом доме Стеллер.¹⁶⁶ Он провел здесь всю весну и лето 1746 г. В упомянутом его рапорте от 18 августа 1746 г., написанном в доме Демидова в Красном Селе, Стеллер пишет о своих работах этого времени: «Великое множество редких моих растущих вещей и кустов, которые я по указу с великим трудом собирал, на дороге (из Сибири, — А. А.) растаяли и я весною принужден был их либо все бросить, либо в Соликамске остаться, к чему мне сад г. Демидова и прилежное надзирание сего сада способами казались... При том вознамерился я со всяким прилежанием исследовать Пермью в тройком царстве природы. Я исполнил сие почти без всякого казенного убытка, и сей труд есть наиболее полезнейший для меня... Мои за 10 лет пред сим на догадках основанные положения, касающиеся до растительности и до разных мест плант, теперь сделались более верными и неопровержимыми, ибо около половины сибирских и камчатских плант на таких же местах в Пермии паки нашлись. Я больше 2000 верст сего лета переезжал на своем коште для исследования...».¹⁶⁷

Вспоминая об этом времени в письме к Линнею от 26 февраля 1748 г., Г. А. Демидов писал: «Я очень счастлив, что посетил вместе со Стеллером много таких мест, как Верхотурские горы, реку Чусовую и др. Тогда были посажены в моем саду те растения, которые мы считали самыми замечательными

¹⁶³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 573—575; № 813, л. 311 об.

¹⁶⁴ Там же, № 800а, л. 587 об.

¹⁶⁵ Там же, л. 582 и об.; рапорт Линденау от 7 апреля о квартире, отведенной ему в Соликамске, подан Стеллеру 5 апреля.

¹⁶⁶ О Г. А. Демидове см. J. G. Gmelin, ук. соч., IV, стр. 516—520.

¹⁶⁷ Пекарский, I, стр. 602—603.

так же как и те, которые были привезены Стеллером издалека и переданы мне».¹⁶⁸

К сожалению, переписка, которую вел Стеллер в Соликамске, не сохранилась, а потому сведения об его работах и сношениях этих последних месяцев перед арестом являются случайными. Официальная переписка, которую вел по поручению Стеллера Горланов, неожиданно обрывается на 7 апреля 1746 г.¹⁶⁹ Видимо, Стеллер готовился к отъезду из Соликамска в Петербург и в середине мая отправил часть «свиты» и имущества в Казань,¹⁷⁰ куда сам намерен был приехать в скором времени,¹⁷¹ но задержался в Соликамске до 16 августа 1746 г., когда сенатский курьер Захар Лупандин предъявил ему указ Сената об аресте и о возвращении в Иркутск.

Неизвестно, когда было получено в Сенате упомянутое выше сообщение Сибирского приказа о проезде Стеллера через Верхотурье, вероятно, одновременно с поступлением «промемории» Сибирского приказа в Академию, т. е. в июне 1746 г.; во всяком случае, 17 июля 1746 г. состоялся указ Сената о посылке нарочного навстречу Стеллеру, чтобы вести его обратно в Иркутск¹⁷² для производства следствия на основании упомянутого сенатского указа 1744 г.

На пути из Москвы сенатский курьер Захар Лупандин встретил в Казани часть «свиты» Стеллера, которая давно ожидала его; Лупандин узнал здесь определенно местонахождение Стеллера и приказал Горланову и прочим ехать со всем имуществом в Москву в Сибирский приказ.

Лупандин прибыл в Соликамск на третий день по возвращении Стеллера из его путешествия по Пермскому краю, именно 16 августа, и предъявил ему указ Сената. Несмотря на

¹⁶⁸ L. Stejneger, ук. соч., стр. 471, прим. 36.

¹⁶⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 800а, л. 592 об.

¹⁷⁰ Там же, № 107, л. 264—264 об.

¹⁷¹ Стейнегер полагает (L. Stejneger, ук. соч., стр. 460—464), что вместе со «свитой» уехал и Стеллер; он заставляет его вернуться вновь в Соликамск и приводит разные догадки о причине возвращения; на самом деле Стеллер не покидал Соликамска в мае 1746 г.

¹⁷² Текст этого указа не напечатан. По словам Стейнегера (L. Stejneger, ук. соч., стр. 504, прим. 2), он получил копию этого указа из Центрального архивного управления (см. ЦГАДА, ф. Сената, № 591, л. 42); в указе будто бы сказано, что Стеллера надо вести не в Иркутск, а в Москву, в Сибирский приказ. Так как сенатский курьер Захар Лупандин повез Стеллера не в Москву, а в Иркутск, то Стейнегеру приходится делать предположение (стр. 479), что Лупандин получил дополнительные распоряжения, изменявшие первоначальное. Но в тексте указа от 20 августа 1746 г., отменявшего первый указ, приводится содержание указа от 17 июля и определенно говорится, что Лупандину было приказано тогда, где бы он ни встретил Стеллера, ехать с ним в Иркутск (L. Stejneger, ук. соч., стр. 482).

уверения Стеллера, что обвинение, по которому он должен ехать в Иркутск, с него уже снято, пришлось ехать обратно в Сибирь. Написанный тогда Стеллером рапорт в Академию от 18 августа,¹⁷³ в котором он сообщает о происшедшем и дает отчет о проделанной им весной и летом работе, поступил в Академию после его смерти, в 1747 г.

Ненапечатанные П. П. Пекарским последняя страница рапорта и приложенный к нему реестр весьма примечательны, так как показывают, что и в эту трудную для него минуту Стеллер прежде всего заботился не о себе и своих личных удобствах, а о тех коллекциях растений и пр., которые он вез в Академию и которые теперь подвергались опасности; по его словам, в Соликамске остаются после него засушенные растения, собранные в Пермском крае, без надписей и без всякой классификации, вместе с некоторыми минералами, для которых он не успел изготовить ящики и списки ввиду спешности его отъезда. Если он вернется сюда жив и здоров, он упакует все надлежащим образом, возьмет с собой и доставит в целости и сохранности в Академию. Стеллер просит Академию выхлопотать для него указ Сената о почтовых лошадях для обратного путешествия и препроводить его в Сибирскую губернскую канцелярию с тем, чтобы он мог спокойно вернуться домой. «Если мои коллекции будут открыты и распакованы без меня и будут найдены не в надлежащем виде, я прошу усердно, — пишет он, — не бранить за то только меня, но и невежественных таможенных надсмотрщиков и тех неопытных людей, которые без меня будут укладывать коллекции и перевозить их не в надлежащее время года».¹⁷⁴ В конце рапорта имеется указание, что «с Берканом послано 163 рисунка и некоторые вещи». Действительно, вскоре после отъезда Стеллера Беркан по распоряжению Лупандина должен был ехать в Казань с тем, чтобы вместе с прочими сотрудниками Стеллера, там оставшимися, отправиться в Москву, в Сибирский приказ.¹⁷⁵

К последним дням пребывания Стеллера в Соликамске относится и та «промемория» — памятная записка Фишеру, ко-

¹⁷³ Он напечатан в неполном русском переводе (Пекарский, I, стр. 602—604) — по копии в Архиве АН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 182—184 об. (не напечатан текст рапорта, написанного на шестой странице подлинника), немецкий подлинник там же, лл. 179—181 об. Последняя страница рапорта воспроизведена фототипией Стейнегером (L. Stejnegger, ук. соч., табл. XXV, прил. к стр. 476), у него же дан перевод рапорта и приложенного к нему реестра (стр. 475—477).

¹⁷⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 181 об.

¹⁷⁵ В донесении Беркана в Академию из Москвы от 4 декабря 1746 г. указано, что он уехал из Соликамска 30 сентября (ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 133).

торой в литературе присвоено неправильное название «завещания» Стеллера. Она давно уже напечатана по копии, имевшейся у Палласа.¹⁷⁶ Но недавно отыскан подлинник записки, оказавшийся в библиотеке Геттингенского университета или научного общества; туда он был передан Фишером, получившим «промеморию» от самого Стеллера в последний день их совместного пребывания в Соликамске, когда Стеллер сидел в подводу, чтобы ехать обратно в Сибирь.¹⁷⁷

Как и в рапорте в Академию, в памятной записке Фишеру Стеллер больше всего говорит о судьбе своих коллекций, просит Фишера, чтобы он добился от Академии разрешения не трогать до возвращения его растения, посаженные Стеллером в саду Демидова, и во всяком случае не претендовать на Демидова за то, что предназначавшиеся Академии коллекции оказались в его саду; что виновен в том не он, (Демидов), оказавший лишь услугу Академии, а Стеллер, настоявший на этом. Указав на свое тяжелое материальное положение: он оставался почти без денег (имел при себе 60 руб.) и вещей, отправленных им вперед не для продажи, конечно, а для подарков родным в Германии и добрым друзьям в России, — он просит добиться от канцелярий в Тобольске и Иркутске, чтобы они оказали ему материальную поддержку. Остальная часть записки вновь посвящена собранным Стеллером коллекциям, объяснению происхождения тех растений, которые выращены им в саду Демидова, и т. п. Вопреки распоряжению Академии, Стеллер вез с собой служилого Данилова — «в промемории» он объясняет причину этого: Данилов нужен был ему в качестве свидетеля по делам, касающимся чести и интересов Академии, в особенности если будет принят проект Стеллера, благодаря которому без большой затраты обогатится академическая кунсткамера.¹⁷⁸

Обратный путь Стеллера лежал через знакомые уже места — Верхотурье, Тобольск, Тару, куда он прибыл в начале октября¹⁷⁹ и уже готовился к дальнейшему, более тяжелому пути, когда неожиданно ему пришлось вновь ехать назад.

¹⁷⁶ Напечатана: *Physikalisch-ökonomische Bibliothek*, VIII, стр. 461—463, копия с копии Палласа в приложении к одному из писем его Г. Ф. Миллеру (ААН, ф. 21, оп. 3, № 222а).

¹⁷⁷ L. Stejneger, ук. соч., стр. 478—479, 504 (Палласу была передана Фишером не подлинник, а копия с него). Фототипия первой страницы «промемории» приложена к стр. 478 труда Стейнегера (табл. XXVI).

¹⁷⁸ О каком проекте идет речь, неизвестно; Стейнегер думает (стр. 504—505), что это, вероятно, был план экспедиции к полярным берегам Сибири в поисках мамонта — это одна из многих догадок Стейнегера, не находящая подтверждения в источниках.

¹⁷⁹ Эту дату приводит Стейнегер (стр. 481), но без всяких объяснений, откуда она взята.

Сенат, получив сообщение Иркутской провинциальной канцелярии о признании Стеллера невинным в возбужденном против него деле, 20 августа 1746 г. издал новый указ — о возвращении Стеллера и о разрешении ему ехать в Петербург.¹⁸⁰ Для доставки указа был послан сенатский курьер Макар Володимеров, который нагнал Лупандина и Стеллера в Таре.

Обратный путь Стеллера из Тары в Тобольск был совершен, вероятно, быстро. По словам очевидца — секретаря губернской канцелярии, лично знавшего Стеллера и рассказывавшего о нем Палласу в бытность последнего в Тобольске в 1770 г., Стеллер вернулся вторично очень веселым. «Тогдашний сибирский архиепископ... (Антоний 2-й Нарожницкий, — А. А.) великоленно угостил его. Стеллер, при своих почти нечеловеческих трудах, в особенности на Беринговом острове, привык пить и предавался этому уже слишком, так что еще в Тобольске у него обнаружили признаки горячки. Однако, несмотря на все советы приятелей, он не хотел медлить и спешил ехать обратно по хорошей санной дороге не как арестант, но по своей воле и с намерением опять заехать к Демидову в Соликамск».¹⁸¹ Но он доехал только до Тюмени: «...по прибытии в тот город... ноября 12 числа... за одержимую его болезнью горячкою, пристал на квартиру к имеющемуся в Тюмени (Камчатской, — А. А.) экспедиции морского флота к лекарю Теодору Лау и в восьмом часу по полуночи в той квартире умер». Лекарь Лау, с своей стороны, сообщал, что «означенного адъютанта Стеллера по прибытии его в Тюмень в квартире своей от болезни пользовал лекарствами, токмо никак пользы ему не было, и умер, как выше... показано, в восьмом часу по полуночи».

За несколько дней до своей кончины Стеллер написал завещание: «Понеже я ныне весьма болен и не чаю живым быть, то прикажу по смерти моей все мои пожитки отдать жене и дочери моей. И сие есть моя последняя воля. Ноября 7 дня 1746 года. Георг Вильгельм Стеллер».¹⁸²

¹⁸⁰ Текст указа в английском переводе (по подлиннику, хранящемуся в ЦГАДА, ф. Сената, № 591, л. 99) напечатан у Стейнегера, стр. 482, ср. стр. 505, прим. 10.

¹⁸¹ Пекарский, I, стр. 609—610; ААН, ф. 3, оп. 1, № 951—указ Сената от 16 февраля 1747 г.

¹⁸² Оно найдено Ю. И. Бронштейном в заверенной Академией наук копии (ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 66, после л. 508). Дочь, о которой идет речь в завещании, была падчерицей Стеллера. Заверенная копия была представлена женой Стеллера Бригиттой в Адмиралтейство для получения не выплаченных Стеллеру кормовых денег за время пребывания его на о. Беринга. Ср. Материалы, VIII, стр. 487 (переписка Академии в июне 1747 г. с братом Стеллера, «советником из немецкого города

Так нелепо оборвалась жизнь одного из выдающихся ученых XVIII в. Ему не удалось обработать большую часть многочисленных материалов, собранных им в течение восьми лет пребывания в Сибири, и ими впоследствии пользовались многие исследователи, часто не упоминая даже имя Стеллера, которому они были многим обязаны.

Известие о смерти Стеллера было получено в Академии от его спутника Беркана, находившегося в Москве; рапорт Беркана от 4 декабря 1746 г. был доставлен в канцелярию Академии 8 декабря, в тот же день он был доложен в Конференции.¹⁸³

Вскоре весть о смерти Стеллера благодаря газетам и журналам распространилась и за границей. В письме Линнею от 19 декабря 1746 г. Гмелин сообщил о ней. Брат Стеллера Августин, не получая известий от Стеллера, который вел с ним переписку, и не имея какого бы то ни было уведомления об его смерти, по совету Юсти, редактора «*Ergetzungen, der vernünftigen Seele aus der Sittenlehre u. der Gelehrsamkeit überhaupt*», выступил с первой печатной биографией Стеллера.¹⁸⁴ Несомненную ценность представляет та часть ее, которая касается времени до отъезда Стеллера в Сибирь. Весь же последующий рассказ полон ошибок, неточностей и т. п.; в статье много нападок на русское правительство за его отношение к Стеллеру. Автор дает понять, что и смерть Стеллера — результат козней его врагов.

Статья Августина Стеллера произвела сенсацию в тогдашнем ученом мире. Извлечения из нее и перепечатка ее целиком появились в нескольких научных изданиях 1747—1748 гг. Для русского правительства создавалось неприятное положение, и пройти мимо работы Августина Стеллера было неудобно. В качестве ответа ему было решено издать другую биографию Стеллера, основанную на документах и написанную в другом тоне. Таково происхождение небольшой книжки, которая появилась в 1748 г. на немецком языке во Франкфурте-на-Майне.¹⁸⁵ Эта чрезвычайно редкая книжка отсутствует в рус-

---

Сандерсгаузена», о «письменном завещании» Г. В. Стеллера, в деле, однако, нет копии этого завещания).

¹⁸³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 133—133 об.; Протоколы Конференции, II, стр. 163.

¹⁸⁴ В томе 5, части 4 упомянутого издания (стр. 362—384); статья Августина Стеллера имеет заглавие: «*Zuverlässige Nachricht von dem merkwürdigen Leben u. Reisen Herrn Georg Wilhelm Stöllers, der Russisch kaiserl. Akademie der Wissenschaften Adjuncti u. Mitglieds*».

¹⁸⁵ *Leben Herrn Georg Wilhelm Stellers, gewesen Adjuncti der Kayserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg; worinnen die biszher bekannt gemachte Nachrichten Desselben Reisen, Entdeckungen u. Tode, theils wiederlegt, theils ergänzet u. verbessert werden.* По словам проф. Гольдера

ских библиотеках, но у нас имеется современный перевод ее, хранящийся в двух рукописных копиях в Архиве АН.¹⁸⁶ Кто является автором этой книжки, присланной, как видно из текста ее, из России, неизвестно.¹⁸⁷ Существовавшее в XVIII в. и позднее предположение, что она была написана Гмелином, совершенно правильно опровергнуто Гольдером и Стейнегером.¹⁸⁸ Но догадка Стейнегера о том, что автором был Миллер, не может быть также принята: едва ли Миллер умолчал бы об этой работе в своей поздней автобиографии,¹⁸⁹ подобно тому, как он раскрывал свое авторство в другом памфлете, где его имя не упомянуто.¹⁹⁰ Так как в книжке особенно подробно и весьма точно, притом в полном соответствии с документами, изложена биография Стеллера за 1738—1746 гг., то автором, вероятно, был один из постоянных спутников и друзей Стеллера в эти годы, немец по происхождению, а таким был только один человек — художник И. Беркан, который сопровождал его в пути до Камчатки в 1739 и 1740 гг., провел с ним там 1741—1744 гг., был с ним на обратном пути в 1745—1746 гг. и расстался со Стеллером только в день отъезда последнего обратно в Сибирь.

Биография Стеллера, и особенно последние месяцы его жизни, стала темой многих газетных и журнальных статей每逢 выхода в свет в 1774 г. «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka», в которой издатель ее, Иоганн Шерер, поместил в предисловии биографию Стеллера, содержащую много неверных и вздорных сведений о нем.

(Bering's Voyages, II, стр. 251), за границей известны лишь два экземпляра ее: один хранится в Кильской университетской библиотеке, другой — в Берлинской государственной библиотеке.

¹⁸⁶ ААН, р. II, оп. 1, № 151, лл. 1—28: «Списано при Академии наук, 1752. Житие господина Георга Вильгельма Штеллера, бывшего адъютанта при Академии наук в Санктпетербурге: сообщенные поныне известия о его путешествиях и изобретениях и смерти, нное опровержено, иное дополнено и поправлено. В Франкфурте, 1748 года»; другой список в р. II, оп. 1, № 152, лл. 3—29 («Сия книга Семена Семеновича Бухвостова»).

¹⁸⁷ По свидетельству Рейхарда, близкого к обоим братьям Стеллера, она была прислана из России в Германию одним другом Стеллера (Die heutige Historie oder der gegenwärtige Staat aller Nationen in Europa. Aus dem englischen des H. Salmon u. H. von Hoch ins deutsche übersetzt. Altona u. Leipzig, 1752, стр. 574—578).

¹⁸⁸ Bering's Voyages, II, стр. 251; L. Stejneger, ук. соч., стр. 492 (но аргумент Стейнегера о том, что Гмелин имел трудные отношения с русским правительством в 1748 г. из-за его «Reise durch Sibirien», не может относиться к этому году, так как «Reise durch Sibirien» подготовлялась позднее и недоразумения возникли после 1751—1752 гг.).

¹⁸⁹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, I. Л., 1937, стр. 147.

¹⁹⁰ Имею в виду его «Lettres d'un officier russe».

Новые и важные данные для биографии Стеллера были сообщены в двух работах Пекарского, не раз упоминавшихся выше, когда едва ли не впервые были привлечены архивные материалы о нем, хранящиеся в Архиве АН и в 6. Государственном архиве в Петербурге. Довольно долго биография Стеллера, составленная Пекарским, была основным пособием при изучении жизни и научных трудов Стеллера. Кой-какие мелкие дополнения к ней дал в 1925 г. проф. Гольдер.¹⁹¹

Крупным событием в биографической литературе о Стеллере явился труд американского биолога Леонарда Стейнегера, вышедший в 1936 г. Не говоря об его величине и прекрасном внешнем оформлении книги, следует отметить, что труд Стейнегера появился после многолетних его поисков материалов о Стеллере в архивах и библиотеках Западной Европы и Америки, и в этой части работа Стейнегера является исчерпывающей; но как только автор переходит к Стеллеру времени его пребывания в Сибири в 1738—1746 гг., источники Стейнегера оказываются далеко не полными, — в книге появляются домыслы и догадки, которые отсутствовали бы в ней, если бы автор использовал в полной мере рукописи и переписку Стеллера и о нем, хранящиеся в Архиве АН. Стейнегеру, конечно, был хорошо известен последний факт, что доказывается хотя бы тем, что в некоторых случаях он обращался к материалам Архива АН, которыми до него никто не пользовался и которые им же впервые (в английском переводе и нередко с приложением факсимиле) напечатаны, но подобные примеры носят случайный характер, и многие важные документы остались неизвестными Стейнегеру, так как ни им самим, ни кем-либо другим по его поручению не было произведено обследование материалов о Стеллере 1738—1746 гг. в главном хранилище их — Архиве АН.

О деятельности Стеллера в последние годы его пребывания на Камчатке и в Сибири Академия имела случайные и неполные сведения, так как посылавшиеся Стеллером в Сенат рапорты, донесения, рисунки и другие материалы не пересылались в Академию, и только 12 февраля 1746 г. туда, наконец, была доставлена часть переписки Стеллера с Сенатом, в том числе копия его рапорта от 12 июля 1743 г. и приложения к нему, причем обнаружилось, что в них отсутствуют некоторые рисунки. Среди поступивших материалов оказались три неизвестные Академии диссертации Стеллера: о рыбах, о морских зверях и о сибирских ископаемых. 17 марта, когда об этом поступлении было доложено Конференции, материалы были отданы на рассмотрение специалистов; Гмелин взял рапорт

¹⁹¹ Bering's Voyages, II, стр. 1—7.

и донесение Стеллера на русском языке с тем, чтобы доложить о их содержании; Миллер получил «Описание Камчатки», а с описания путешествия в Америку было тогда же решено снять копию. В следующем заседании Конференции 19 марта Гмелин, возвращая рапорт и донесение, сообщил, что в них он не нашел ничего такого, что имеет научное значение.¹⁹²

Но научное использование некоторых из поступивших с таким запозданием научных работ и материалов Стеллера было задержано ввиду полученного 7 апреля из Кабинета указа: Г. Ф. Миллер должен был срочно созвать профессоров и потребовать от них сдать все географические карты, составленные во время Камчатской экспедиции, а также все рапорты, донесения и описания Стеллера. На следующий день были собраны все требуемые документы, карты и материалы, в том числе копия рапорта Стеллера из Большерецкого острога от 16 ноября 1742 г., в котором он, как известно, дает подробное описание своего путешествия в Америку; само же «Описание всего того, что в морском вояже видеть и наблюдать случилось», оказалось на квартире Шумахера, который должен был свидетельствовать снимающуюся с «Описания» копию, и было доставлено в Кабинет только на следующий день.¹⁹³

Через несколько дней, 16 апреля, Конференция слушала составленную Канцелярией по запросу Сената «справку» о Стеллере. «Справка»¹⁹⁴ вызвала замечания со стороны Конференции, справедливо отметившей ее неправильность и неполноту. Вместо этой канцелярской справки Г. Ф. Миллером была составлена и отправлена в Сенат другая, в которой на основании «Актов Камчатской экспедиции» дан полный перечень всего того, что получила Академия от Стеллера в 1739—1746 гг.¹⁹⁵ Большая часть материалов и предметов, отмеченных в перечне, состояла из «реестров» птицам, травам, семенам, чучелам птиц, высушенным семенам трав и пр., а также рисунков. Последняя присылка подобного рода, полученная Академией непосредственно 15 января 1746 г., состояла из разных семян и корней, собранных на Камчатке и на дороге до Якутска; к ним были присоединены чучела белого ворона, небольшой выдры и бобрового щенка. В конце справки сообщалось, что 12 февраля приняты были в Академию из Сената копия донесения Стеллера от 12 июля 1743 г. с разными приложениями, указанными в реестре. «На сем реестре, — продол-

¹⁹² Протоколы Конференции, II, стр. 125—127.

¹⁹³ Протоколы Конференции, II, стр. 132—133; Материалы, VIII, стр. 78—80; ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 36.

¹⁹⁴ Пекарский. Архивные разыскания, стр. 27—28.

¹⁹⁵ Протоколы Конференции, II, стр. 133—135; ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 28—29, 31—32 об.

жает справка, — на поле именно отмечено, чего в приеме в Сенат не явилось, а на другой стороне рукою профессора Миллера надписано, что налицо принято (12 февраля 1746 г., — А. А.) и чего не принято». В Сенат не поступили в свое время указанные в реестре работы и рисунки: «Описание некоторым земляным зверям», «Описание лекарств и как оные употребляются от живущих в Сибири народов, сочиненное через студента Горланова», «Семь проспектов, касающихся до истории народов», «Шесть рисунков морских зверей» (вместо 12 рисунков), рисунков «поныне неизвестных птиц, а именно американских, японских и камчатских», в Сенат их поступило 6, а в Академию было переслано только 5; из 13 рисунков рыб камчатских оказалось только 10 и из 62 рисунков трав — 61.

Чем был вызван запрос Сената о Стеллере, установить не удалось. Несколькими днями позже (28 апреля) Сенат почему-то пожелал получить также реестры птиц и растений, присланных Стеллером.¹⁹⁶

Без просмотра соответствующих дел Сената за 1737—1746 гг. (что сделать не удалось) трудно ответить на многие вопросы, связанные с перепиской Стеллера с Сенатом, а равно и о сношениях последнего с Академией по поводу Стеллера. Возможно, что в делах Сената найдутся некоторые рукописи Стеллера, не попавшие в 1746 г. в Академию из Сената. Но из неоднократных указаний Стеллера в его рапортах бесспорно, что многие его работы оставались при нем, не говоря уже о черновиках и копиях посланных уже трудов, а также большой канцелярской и личной переписки, которую вел Стеллер.

Из Соликамска Стеллер отправил в мае 1746 г. с Горлановым и Даниловым часть рукописных трудов и материалов вперед в Казань, где указанные лица должны были ожидать Стеллера, продолжавшего «исследовать Пермью в троице царстве природы». Вместо Стеллера в августе 1746 г. в Казань прибыл сенатский курьер Захар Лупандин, ехавший в Соликамск, чтобы везти Стеллера обратно в Иркутск. По распоряжению Лупандина, Горланов и Данилов должны были со всем имуществом, которое они везли, ехать в Москву, в Сибирский приказ. Позже к ним присоединился Беркан, который доставил туда же часть рукописей и вещей Стеллера. В Москве вся «свита» Стеллера пробыла довольно долго, не получая разрешения следовать далее в Петербург, в Академию. Туда они прибыли только 29 марта 1747 г. и сдали в Академию при рапортах все то имущество Стеллера, которое им было поручено сдать.¹⁹⁷

¹⁹⁶ Протоколы Конференции, II, стр. 138.

¹⁹⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 185—185 об. — рапорт Беркана от начала апреля 1747 г.; лл. 186—187 — реестр казенным вещам и местам,

В самом начале апреля 1747 г. из Сената были, наконец, доставлены в Академию и те рукописи Стеллера, которые оказались при нем в день его смерти, 12 ноября 1746 г. В Тюмени на квартире лекаря Теодора Лау «после смерти его, Стеллера, осталось в той квартире пожитков его и некоторых писем немалое число, положенное в четырех ящиках». По распоряжению местных сибирских властей, эти ящики были доставлены лекарем Лау в Сенат, а оттуда пересланы при указе от 16 февраля 1747 г. в Академию, куда поступили 10 апреля.¹⁹⁸ Среди поступивших материалов оказался последний рапорт Стеллера от 18 августа 1746 г.¹⁹⁹ К рапорту был приложен реестр тех рукописей, которые остались у Стеллера при его возвращении в Сибирь; из четырех рукописей, указанных в реестре, две («Флора Пермии со многими описаниями новых трав» и «Дополнение к флоре р. Лены доктора Гмелина») не были доставлены в Академию; последующая переписка по этому вопросу²⁰⁰ не дала определенных результатов, и обе рукописи надо считать утерянными.

Для разбора и описания привезенных Берканом рукописей Стеллера была образована постановлением Канцелярии от 1 апреля 1747 г. особая комиссия, руководство которой было поручено адъютанту С. П. Крашенинникову; 9 апреля Крашенинников представил в Канцелярию опись рукописей Стеллера, доставленных Берканом; эта опись напечатана Пекарским в его биографии Стеллера.²⁰¹ 8 апреля состоялось второе постановление Канцелярии о составлении описи тех материалов

доставленным Берканом; лл. 193—194 — рапорт Горланова от 6 апреля 1747 г.; ср. с донесением А. Ф. Данилова от мая 1747 г. об его службе при Стеллере — там же, № 107, л. 264—264 об. См. также дело Сибирского приказа «По доношению Академии наук студента Алексея Горланова об отдаче с письменными делами ящика 746 году 28 октября» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 816, лл. 58—64); в деле — донесение Горланова в Сибирский приказ от 28 октября 1746 г., в котором, между прочим, указано, что 16 мая 1746 г., будучи на Ягушинских медных заводах, Стеллер дал ордер Горланову (л. 59) ехать с переводчиком Я. Линденау в Казань и доставить туда казенное имущество. По распоряжению Лупандина ящик с казенным имуществом был доставлен из Казани в Москву, в Сибирский приказ; ввиду донесения Горланова ящик был вскрыт в Сибирском приказе; никаких «товаров», подлежащих конфискации, в нем не оказалось, и дело и бумаги в ящике были переданы Горланову в ноябре 1746 г.

¹⁹⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 160, и № 951, лл. 13—14; Материалы, VIII, стр. 434—435. См. также «Реестр письменным делам покойного адъютанта Штеллера» — ААН, ф. 1, оп. 2, протокольные бумаги за 1747 г., июнь.

¹⁹⁹ См. выше, стр. 271.

²⁰⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 211—211 об., 212 об., 215; Пекарский, I, стр. 605.

²⁰¹ Материалы, VIII, стр. 442—443; Пекарский, I, стр. 613—616; ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 198 об.—201.

Стеллера, которые поступили от Горланова²⁰² и из Сената, привезенные лекарем Лау; эта вторая опись была составлена Горлановым и представлена им в Канцелярию при рапорте от 15 сентября 1747 г.²⁰³

Из материалов, указанных в обеих описях, большую часть составляют собственные труды Стеллера, посвященные флоре и фауне Восточной Сибири, Камчатки и Америки, отчасти указанные выше; некоторые из них сохранились до наших дней и находятся в Архиве АН, но многие приходится считать утерянными.²⁰⁴

Из этнографических работ, указанных в списке, особый интерес представляет № 52 «Дополнение к истории о Камчатке» на немецком языке, без конца. Эта работа случайно найдена мною переплетенной вместе с основным трудом Стеллера о Камчатке.²⁰⁵ Она написана, несомненно, после 1743 г., когда была отослана в Петербург «Гистория Камчатская». В «Дополнении» автор ссылается, между прочим, на факт, происходивший в декабре 1744 г. Само «Дополнение» действительно заключает наблюдения Стеллера, которые ему удалось сделать на Камчатке в 1743—1744 г.; нет надобности говорить, что они представляют большой интерес для этнографа и историка.

Если не считать еще одной работы Стеллера, название которой установить не удается, прочие его этнографические и лингвистические работы, отмеченные в описи Крашенинникова, следует считать утерянными. К группе утерянных приходится

---

²⁰² Его рапорт от 6 апреля 1747 г. — ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 193—195.

²⁰³ Там же, л. 229—229 об.

²⁰⁴ Кроме рукописей, отмеченных Пекарским (I, стр. 614—615, прим.) и хранящихся ныне в Архиве АН (р. I, оп. 136), в том же архиве находятся и некоторые другие рукописи Стеллера, относящиеся к естественной истории, но отнести их к соответствующим номерам описи Крашенинникова не всегда удается, так как в позднейшие годы рукописи были по каким-то причинам объединены и переплетены; так, рукопись р. III, оп. 1, № 57 соответствует №№ 29, 39 и другим описи; но р. IV, оп. 1, № 456, лл. 2—5 об. — «*Mosci et lichenes in Kamtschatka collecti, 1744*»; р. IV, оп. 1, № 151. — «*Dissertatio physica de terrae Kamtschaticae facie et forma extempné*», относящаяся к марту 1745 г.; р. V, оп. 1-III, № 36 — индексы растений, птиц, зверей и др., не могут быть отнесены к соответствующим номерам описи Крашенинникова. Список трудов Стеллера по ботанике см. Д. И. Литвинов. Библиография флоры Сибири. СПб., 1909, №№ 870—896.

²⁰⁵ Основной текст труда Стеллера, по-видимому, заканчивается в рукописи главой «*Von dem Commerce auf Kamtschatka*» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 112, лл. 154—158, тетр. 14); текст на лл. 159—164 об. написан, во всяком случае, не ранее 22 декабря 1744 г. (см. л. 161 об.) и должен быть отнесен к дополнениям; он не имеет ни начала, ни конца; текст на лл. 165—172 об. озаглавлен: «*Supplementa zur Historie von Kamtschatka*», также не имеет окончания и его-то имел в виду С. П. Крашенинников под

отнести следующие работы Стеллера: под № 49 — «Описание сибирских лекарств, вчерне на 6 листах, начала у одного не имеется», под № 50 — «Вокабулярный разных языков, на 12 листах», под № 51 — «Немецкое описание коряцкого народа, на 5 листах» и под № 53 — «Описание, каким образом каких зверей ловят, на немецком языке, без начала и без конца, на 21 листе».

В той же описи Крашенинникова²⁰⁶ указаны также работы других лиц, оказавшиеся в бумагах Стеллера: труд Миллера о Камчатке на немецком языке, «Русское географическое описание Камчатки и других мест, сочиненное... Крашенинниковым», «Русское описание сибирских лекарств, сочиненное студентом Горлановым, на 33 листах» (сохранилось в плохой копии XVIII в.), работы «пищика» Осипа Аргунова: 1) «Описание Кроноцкого озера, на 5 листах», 2) «Описание пути от Якуцка до Вилюя, на 21 листе», 3) «Описание Вилюя реки и живущих по оной якутов, на 5 листах, сверху все сгнило» (последние три труда утеряны) и др.

В описи Горланова, кроме двух рукописей о рыбах и растениях, указаны две записные книжки Стеллера²⁰⁷ и входящая и исходящая переписка за 1737—1746 гг., подобранная Горлановым по годам, хранящаяся ныне в Архиве АН.²⁰⁸

Но составленные в 1747 г. два реестра бумаг Стеллера включают не все его рукописи; в них не указаны прежде всего основной труд Стеллера по Камчатке — его «Описание Камчатки» и «Описание морского путешествия в Америку». Первый из них поступил в Академию в феврале 1746 г., в марте того же года был передан на рассмотрение Миллеру и во время составления упомянутых реестров находился на руках Миллера; в ноябре 1747 г. он продолжал оставаться у него.²⁰⁹

№ 52 описи бумаг Стеллера: «Дополнения к истории о камчадалах, на немецком языке, без конца, а при нем многие записи на полулистах, четвертках и цидулках к тому принадлежащих»; этих «многих записей» теперь нет, а вся рукопись (лл. 1—172 об.) переплетена, по-видимому, в 30—40-х годах XIX в., когда К. Бэр принимал меры к сохранению «Сибирского архива» (т. е. архива Второй Камчатской экспедиции) Академии наук.

²⁰⁶ ААН, ф. 21, оп. 5, № 112. Среди дел и бумаг, переданных в Академию наук после смерти Фишера в 1771 г. в описи под № 6 обозначено: «Описание коряцкого народа» (ААН, ф. 1, оп. 2, 1771 г.). Кто автор этого труда, в описи не указано, но им не был Фишер, а, вероятнее всего, Стеллер, использовавший, несомненно, работы А. И. Горланова о коряках; таким образом, рукопись «Описания» являлась копией труда Стеллера, ныне также утерянной.

²⁰⁷ ААН, р. III, оп. 1, №№ 54 и 55.

²⁰⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, №№ 800 и 800а.

²⁰⁹ Протоколы Конференции, II, стр. 125—127; Материалы, VIII, стр. 80.

Второй труд не попал в опись потому, что в подлиннике был отправлен в Кабинет 8 апреля 1746 г.²¹⁰ и, по-видимому, в Академию не был возвращен; возможно, что и до сих пор он находится в делах Кабинета. Во всяком случае в настоящее время местонахождение подлинника этого труда Стеллера неизвестно. Можно думать, что Академия успела снять с этого труда копию, которая, если она была сделана, оставалась у советника Канцелярии Шумахера и ко времени составления реестров в Академию не была передана.²¹¹

Последнее издание этой работы выполнено по печатному тексту, изданному в 1793 г. Палласом с привлечением для вариантов второй рукописи «Описания», которая ныне хранится в Архиве АН.²¹² По словам Палласа, в 1769 г.²¹³ он получил от Фишера «оригинал» труда Стеллера, с которого снял копию, изданную им в 1793 г. Но в этой копии Палласа, как установлено теперь Гольдером, имевшим в своем распоряжении другую копию того же труда Стеллера, оказались дефекты (пропуски), которых нет во второй копии; по словам Палласа, пропуски были и в его «оригинале». Таким образом, в результате сличения обеих копий приходится думать, что одна из них была снята с подлинника (когда он был в более полном виде) или же с другого «оригинала». Ввиду того, что Паллас не привел описания «оригинала», данного ему Фишером, трудно судить о нем. Если в руках Фишера был «оригинал» труда Стеллера, то им мог быть только черновик, так как подлинник его был отослан Стеллером в Сенат, куда поступил в 1743 г., временно (с февраля по апрель 1746 г.) находился в Академии, а затем отослан в апреле 1746 г. в Кабинет. В черновике труда Стеллера, попавшем к Фишеру, могли быть утеряны несколько страниц, что легко допустить, принимая во внимание печальную судьбу стеллеровских бумаг во время его обратного пути.²¹⁴

²¹⁰ Материалы, VIII, стр. 80.

²¹¹ Тауберт, зять Шумахера, к которому перешли по наследству бумаги последнего, в записке без даты, но, вероятно, написанной в январе 1762 г. (ААН, ф. 21, оп. 3, № 284), просит Миллера вернуть ему «Die Stellerische Reisen Beschreibung», под которым, несомненно, разумеется принадлежавшая Шумахеру, а теперь, в 1762 г., ему, Тауберту, копия труда Стеллера — описание его путешествия в Америку. На записке имеется отметка Миллера об отсылке рукописи 26 января 1762 г. Где находятся рукописи, принадлежавшие Тауберту, установить не удалось.

²¹² Речь идет об издании Гольдера (Bering's Voyages, II), для вариантов использован здесь немецкий текст — см. ААН, ф. 21, оп. 5, № 177, лл. 16—72.

²¹³ В «Neue Nordische Beyträge», II, 1781, стр. 256, он говорит, что получил рукопись в 1767 г.

²¹⁴ Ср. в его рапорте от 18 августа 1746 г.: рассказывая о трудностях, испытанных им на обратном пути, Стеллер отмечает «многие и

Впрочем, имеется и более раннее и вполне определенное указание Палласа, что ему был известен лишь черновик этого труда Стеллера.²¹⁵ Тем, что копия Палласа, ныне также хранящаяся в Архиве АН,²¹⁶ снята с черновика, объясняются ее отличия от второй копии того же описания, которая, несомненно, правильнее и полнее передает подлинник.

О происхождении второй копии приходится гадать. Вместе с двумя другими копиями она предназначена была для особого издания, задуманного И. Шерером под заглавием: «Sammlung der Reisen die auf russisch kaiserlichen hohen Befehl zur Untersuchung der von Kamtschatka Nord-ostlich gelegenen Länder angestellt worden». В состав его должны были войти описание первого путешествия Беринга (его краткий отчет), описание второго путешествия, составленное Стеллером, и, наконец, описание поездки Стеллера в январе 1741 г. на Курильскую Лопатку. Кроме немецкого текста, был подготовлен и французский перевод его.²¹⁷ Все отмеченные выше статьи писаны одним и тем же почерком и являются, несомненно, копиями с оригиналов, неизвестно где хранившихся во время снятия копии. Так как копия труда Стеллера о путешествии к берегам Америки снята с какого-то другого оригинала, чем тот черновик, с которого была сделана копия для Палласа, то можно предположить, что оригиналом для копии Шерера послужил или подлинник «Описания», пересланный в 1746 г. в Кабинет, или та копия, которая была, по-видимому, сделана в Академии в 1746 г. до отсылки подлинника в Кабинет и хранилась тогда у Шумахера. Из этих двух возможностей считаю более вероятной вторую, так как едва ли Шереру как частному лицу, к тому же иностранцу, удалось бы получить доступ в правительственный архив, каким являлся архив Кабинета, где хранился подлинник труда Стеллера. О близости Шерера к видным деятелям Академии 60-х годов XVIII в. хорошо известно; таким образом, от Тауберта — зятя и преемника Шумахера по академической Канцелярии — Шерер мог получить ту копию труда Стеллера, которая хранилась в свое время у Шумахера и не была передана им в Академию.

долго продолжавшиеся осмотры собранных мною вещей и моего багажа» (Пекарский, I, стр. 602).

²¹⁵ В статье Палласа «Zuverlässige Nachrichten von den letzten Schicksalen des Herrn Georg Wilhelm Steller» (Physikalisch-ökonomische Bibliothek, VIII), между прочим, читаем: «От Стеллера путешествие в Америку существует черновая тетрадь дневника, из которой существенное уже напечатано... Миллером в его „Известиях о морских путешествиях“» (Миллер не дает указаний, какой рукописью Стеллера он пользовался).

²¹⁶ ААН, р. III, оп. 1, № 56, лл. 1—142.

²¹⁷ ААН, ф. 21, оп. 5, №№ 176 и 177.

К задуманному Шерером изданию имел какое-то отношение Фишер, о чем свидетельствуют его заметки на немецком экземпляре подготовленного к изданию «Sammlung». Выше отмечено, что в распоряжении Фишера оказался черновик труда Стеллера о путешествии к берегам Америки. Вероятно, Фишеру же принадлежал и черновик или беловой экземпляр «Описания» поездки Стеллера в 1741 г. на Курильскую Лопатку; с него Шерером была также снята копия, включенная им в подготовлявшееся издание, которое почему-то не состоялось.

Судьба рукописей Стеллера, принадлежавших Фишеру, после смерти последнего в 1771 г. неизвестна. Так как часть собрания Фишера (черновики словарей, составленных в сибирских канцеляриях в 1738 г. по поручению В. Н. Татищева; подлинник завещания Стеллера и др.) была передана им лично в Геттингенское научное общество, то вполне возможно, что в собрании этого общества могут оказаться некоторые другие рукописи Стеллера.

В 1774 г., по отъезде своем из России, Шерер издал за границей основной труд Стеллера о Камчатке, написанный им в 1742—1743 гг. Издание Шерера справедливо признано было тогда же неудовлетворительным, как исполненное по плохой копии.²¹⁸ Но как бы плохо ни ценили современники издание Шерера, оно все же является единственным, по которому можно получить соответствующее представление о ценном труде Стеллера. Из большого литературного наследства Стеллера, оставшегося в своей большей части в архиве Конференции Академии, сама Академия напечатала лишь очень малую часть.²¹⁹

Заметками и трудами Стеллера по естественной истории пользовался прежде всего Гмелин, о чем он говорит уже в первом томе «Flora Sibirica», вышедшем в 1747 г. К тем же трудам обращались и более поздние исследователи — Паллас, Тилезиус и др.

Труд Стеллера о плавании к берегам Америки («Описание всего того, что в морском вояже видеть и наблюдать случилось») впервые стал известен по большим выдержкам из него, приведенным Крашенинниковым в его «Описании земли Камчатки», вышедшем в 1756 г. и вскоре переведенном на многие языки; он был использован также в известной работе Миллера 1758 г. о плаваниях по Ледовитому океану, вышедшей одно-

²¹⁸ См. выше, стр. 256.

²¹⁹ См. *Novi Commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae*, II, 1751, стр. 289—398; III, 1753, стр. 405—420; IV, 1758, стр. 411—428. Русский перевод описания морской выдры, составленного Стеллером, напечатан Б. М. Житковым в «Научно-методических записках Главного управления по заповедникам», вып. IV, М., 1939.

временно на русском и немецком языках, а позднее переведенной на английский, французский и датский языки.²²⁰

В 1793 г. этот труд Стеллера был издан Палласом и вскоре переведен (в извлечениях) Коксом на английский язык.²²¹ Новое издание работы Стеллера вышло в 1925 г. в английском переводе, который сделан с рукописи дневника, хранящейся в Архиве АН.²²² В отличие от рукописи, которую издавал Паллас,²²³ копия Архива АН представляется более полной. Проф. Гольдер положил в основу своего перевода текст, который был напечатан Палласом, но сличил его с рукописью и отметил все отличия архивной копии от печатного текста и те исправления и дополнения, которые были сделаны Палласом. Этот труд привлек к себе усиленное внимание в последние годы; кроме комментариев к нему, данных в английском издании проф. Гольдера, в работе Л. С. Берга «Открытие Камчатки...» находим прекрасное истолкование этого ценнейшего источника по истории первоначального знакомства с северо-западной Америкой. Работа Л. С. Берга в этой своей части во многих отношениях превосходит последнюю работу о Стеллере — его биографию американского ученого Стейнегера.

К сожалению, до сих пор не получил должной оценки второй труд Стеллера — его «Описание Камчатки». Из сказанного выше ясно, что использование его в работе Крашенинникова не может быть признано удовлетворительным; между тем до сих пор многие знают об этом труде Стеллера «по Крашенинникову», не подозревая, что автором сделано много таких наблюдений над жизнью Камчатки и камчадалов, которые по разным причинам оказались не использованными Крашенинниковым. Несправедливое и неправильное отношение к Стеллеру как исследователю Камчатки, собравшему в сравни-

²²⁰ SRG, III, ч. 1—3; Сочинения и переводы, 1758, январь—ноябрь.

²²¹ Neue Nordische Beyträge, V, VI. SPb. u. Leipzig, 1793; W. Coxe. Account of the Russian discoveries between Asia and America, 4th ed., London, 1803, стр. 36—93. Обзор труда Стеллера см. также: Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen..., 1794, (стр. 1281—1284).

²²² Bering's Voyages, II; ААН, ф. 21, оп. 5, № 177, лл. 1—82. Копия сделана для предполагавшегося И. Б. Шерером издания, в ней находятся: лл. 2—15 — описание первого путешествия Беринга, его «Краткая реляция о сибирской экспедиции 1725—1730 гг.», в конце описания рукою Фишера написана краткая справка о Камчатке; лл. 16—72 — описание путешествия (второго) Беринга, составленное Стеллером; лл. 73—80 — описание путешествия Стеллера на Лопатку в 1741 г.; л. 81 — карта Курильских островов и л. 82 — карта открытий, сделанных Берингом и Чirikовым. Тот же текст на французском языке в рукописи (ААН, ф. 21, оп. 5, № 176, лл. 1—268, 1—25), очевидно, предназначался для издания на этом языке.

²²³ Она хранится в настоящее время также в Архиве АН, р. III, оп. 1, № 56, лл. 1—142.

тельно короткий срок пребывания там много ценных материалов для своего «Описания Камчатки», должно быть исправлено. Лучший путь для этого — издать вновь его труд по подлиннику, хранящемуся с 1746 г. в Академии.

Накопец, историка и этнографа Сибири не может не заинтересовать дневник, который вел Стеллер на пути из Енисейска в Якутск в 1738—1740 гг., а также такие неопубликованные его работы, как упомянутое выше донесение в Синод в январе 1741 г., рапорт в Сенат 17 апреля 1741 г., замечания на записку «о камчацком состоянии и о протчих происходящих там порядках», его записка об «обыкновениях и порядках охотских и камчатских жителей» и др. Их следовало бы также издать и тем самым ввести в научный оборот материалы и наблюдения одного из крупнейших исследователей Сибири первой половины XVIII в.

4. И. Э. ФИШЕР И Я. И. ЛИНДЕНАУ

10 декабря 1737 г. Г. Ф. Миллер отправил в Петербург прошение об увольнении его, ввиду расстроенного здоровья, от дальнейшего пребывания в Сибири. Просьба Миллера была получена в Академии в конце марта 1738 г., решено было ее удовлетворить. Несмотря на то, что Академия трижды представляла в Сенат прошение о разрешении Миллеру вернуться, Сенат только 31 марта 1739 г. дал это разрешение и постановил «для произведения ко окончанию во оной экспедиции обсерваций в помощь профессору Гмелину отправить ныне адъюнкта Фишера».¹

Уже в апреле 1738 г., вскоре по получении просьбы Миллера, Канцелярия Академии наук начала подыскивать ему заместителя, которым оказался вскоре Иоганн Эбергард Фишер, занимавший в то время (с 1732 г.) должность ректора академической гимназии. Фишер тогда же подал прошение об определении его в Камчатскую экспедицию; 15 мая 1738 г. с ним был заключен контракт, по которому Фишер обязывался отправиться в экспедицию в звании адъюнкта на пять лет с жалованьем в 660 руб. в год; контракт был направлен в мае в Сенат, откуда вернулся только 31 марта 1739 г.²

Фишер под разными предлогами откладывал отправление и выехал из Петербурга только 4 октября 1739 г. Вместе с ним, в качестве его сотрудника, был отправлен на жалованьи копииста и со званием переводчика Яков Линденау, принятый на службу в Академию 14 мая 1739 г. До поступления в Акаде-

¹ Протоколы Конференции, I, стр. 486—488; Материалы, IV, стр. 96.

² ААН, ф. 3, оп. 1, № 810, л. 349—349 об.

мию Линденау состоял с 1737 г. переводчиком при Петербургской губернской канцелярии.³ В «ордере», полученном Фишером, было сказано, что он должен «ехать на Камчатку и выполнять все то, что ему будет указано Миллером, и в пути не задерживаться, но поступать согласно инструкции»; в случае, если Фишер не встретится с Миллером, то он должен следовать указаниям Гмелина.⁴

Как уже сказано выше, Фишер и его спутники выехали из Петербурга 4 октября 1739 г. по направлению к Москве. Там они пробыли довольно долго, до 27 февраля 1740 г.⁵ 28 марта 1740 г. Фишер и его свита прибыли в Тобольск; здесь они оставались до начала июня.⁶

Известия, собранные Фишером в пути от Петербурга до Тобольска, находим в его рукописи, озаглавленной «*Analecta regum per omnes Sibiriam memorabilium*».⁷ Большую часть рукописи занимают, однако, выписки из дорожного журнала Гмелина за 1733—1736 гг.,⁸ а заметки по географии, этнографии и т. п., принадлежащие самому Фишеру, носят весьма случайный характер.

4 июня Фишер был в Самаровском яме, откуда отправил письмо президенту,⁹ а через 10 дней писал Миллеру уже из Сургута;¹⁰ через неделю произошла встреча Фишера с Миллером в Сургуте, о чем последний писал в своем «доношении» в Сенат от 28 марта 1741 г.

Из беседы с Фишером Миллер узнал, что его предложение о составлении для Фишера подробной инструкции, о чем Миллер писал в Академию 30 июля 1739 г., принято; Миллер обещал сочинить такую инструкцию по возвращении в Тобольск из поездки в Березов, куда он направлялся летом 1740 г. Инструкция была составлена в октябре—декабре 1740 г.¹¹ Для ее переписки сопровождавший Фишера переводчик Я. Линденау временно остался при Миллере. Инструкция была послана Фишеру 13 декабря 1740 г., Линденау же отправился догонять Фишера только в конце января 1741 г.

³ Протоколы Конференции, I, стр. 538, 549, 572—573; Материалы, IV, стр. 16, 96, 109, 129, 147—148, 158, 205, 219; ААН, ф. 3, оп. 1, № 811, л. 32.

⁴ Материалы, IV, стр. 147.

⁵ ААН, ф. 21, оп. 3, № 84 — письмо из Тобольска от 1 апреля 1740 г.

⁶ Письма из Тобольска: Миллеру от 1 апреля (там же), президенту Академии от 2 апреля (там же, ф. 1, оп. 3, № 29, лл. 42—43) и Шумахеру от 1 мая (там же, № 31, за 1740 г., № 9).

⁷ ААН, ф. 21, оп. 5, № 46, лл. 1—43.

⁸ Там же, ф. 1, оп. 104, № 1.

⁹ Там же, ф. 1, оп. 3, № 29, л. 90.

¹⁰ Там же, ф. 21, оп. 3, № 84.

¹¹ О ней см. выше, стр. 89.

Перед отъездом из Тобольска Линденау направил через Академию в Сенат челобитную, в которой просил увеличить его жалованье вдвое и присвоить ему чин. В качестве мотива он указал на то, что во время работы с Фишером ему приходилось исполнять дела, не предусмотренные контрактом: «А ныне из Тобольска от г. профессора Миллера ко означенному Фишеру вторично я отправляюсь, чтобы с ним ехать на Камчатку, и уже за ведомым мною его Фишера в сих экспедиции делах обхождением не токмо своим мне контрактом порученные дела, но и ему самому приличные к отправлению и прочие все самые последние принужден буду, как прежде при нем будучи, все-конечно отправлять, от которого излишнего беспокойства немалое здоровью своему принял я и повреждение».¹²

Эта выписка из челобитной Линденау в достаточной мере характеризует те отношения, которые сложились у Фишера с его ближайшим помощником уже в первый год их совместной работы.

4 июля Фишер расстался с Миллером и отправился по Иртышу и Оби в Томск.¹³

Плавание по Оби продолжалось довольно долго, вероятно, с остановками (например, в Нарыме), и в Томск Фишер прибыл 20 августа 1740 г.¹⁴ Здесь, в Томске, находился в то время Гмелин, который в своих письмах Миллеру приводит много данных для характеристики Фишера как человека, но очень мало касается его научной работы. Фишер так странно держал себя в обществе, обижаясь на всякие мелочи и теряя по всякому случаю хладнокровие, что Гмелин предпочитал встречаться с ним наедине. «Людей с ним бывших (т. е. его спутников, — А. А.) — пишет Гмелин, — я нашел в полном против него состоянии...». Вскоре Фишер поссорился и с Гмелиным, так как тот не согласился писать Леонарду Эйлеру о покупке азбуки для детей Фишера, полагая, что это удобнее выполнить брату Фишера. «Уже давно, — писал Гмелин Миллеру 13 ноября 1740 г., — к нему никто не ходил, кроме меня, а так как теперь

¹² ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 20—20 об., 41 об.—42, 44—44 об. Челобитная Линденау была получена Академией 28 марта 1741 г.; в представлении в Сенат от 8 апреля Академия полагала, что об увеличении жалованья и награждении чином можно говорить только по окончании контракта; Сенат вернул челобитную и представил Академии самой разрешить дело. Линденау был послан ответ, по содержанию сходный с представлением Академии в Сенат (там же, лл. 52—52 об., 56).

¹³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 44 об. Накануне отъезда Фишер писал Шумахеру (там же, ф. 1, оп. 3, № 29, лл. 151—153). Ко времени пребывания Фишера в Сургуте относится сохранившаяся «Ведомость по Сургуту Тобольской провинции» — ответ Сургутской воеводской канцелярии на вопросы Миллера о Сургуте и Сургутском уезде (ААН, ф. 21, оп. 5, № 40, список, лл. 1—13).

¹⁴ ААН, ф. 21, оп. 3, № 84 — письмо из Томска от 8 октября 1740 г.

и я не хожу, то он остается совершенно одинок. Полагаю очень бесплодно для Академии посылку его сюда: он ничего не делает и дает заметить, что ничего не хочет делать прежде, чем не получит инструкцию, а в этой инструкции должно быть указано не только то, что он должен делать, но так же и то, как следует приняться за то или иное дело.»¹⁵ Инструкция, о которой идет здесь речь, была получена Фишером 1 января 1741 г.,¹⁶ но, видимо, принесла мало пользы, так как была рассчитана на человека иного подхода к той громадной работе по географии, этнографии и истории Сибири, какую намечал автор инструкции Г. Ф. Миллер. По его словам, инструкцию Фишеру он «писал сообразно тем надеждам, которые считал себя вправе возлагать на г. Фишера. Я не хотел, чтобы ему, как мне, лишь собственным опытом пришлось добиться того, что ему следовало делать в Сибири, и потому написал ему все до последних мелочей точно так, будто мне самому нужно было представить перечень всех совершенных мною до сих пор работ. В особенности же я указал на все, что ему еще следовало сделать по таким предметам, которые мне самому не представлялся случай выполнить».¹⁷ Этим замечательным памятником как руководством пользовались Паллас и Шегрен, находя в нем много такого, что составляло задачу науки в их время; но можно смело сказать, что многие вопросы, поставленные Миллером в 1740 г., как требующие разрешения сибиреведов, остаются не разрешенными до сих пор. Если приходится согласиться с мнением, что «Фишер не сумел воспользоваться этой инструкцией»,¹⁸ то все же следует отметить, что кое-что полезное для науки о Сибири XVIII в. Фишером было сделано.

В начале своего пребывания в Томске Фишер затребовал из Томской воеводской канцелярии сведения по географии, этнографии и истории края; ведомость с ответами на 17 вопросов Фишера была отправлена канцелярией 10 октября 1740 г.¹⁹

¹⁵ Пекарский, I, стр. 619—620.

¹⁶ ААН, ф. 21, оп. 3, № 84 — письмо от 6 января 1741 г.

¹⁷ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3, СПб., 1894, прил., стр. 107, прим. См. о содержании отдельных параграфов выше, стр. 88 и сл.

¹⁸ В. В. Радлов, ук. соч. Инструкция Миллера была не единственной, врученной Фишеру для руководства; в его бумагах оказались не только инструкции Крашенинникову и Стеллеру, составленные тем же Миллером и Гмелином, но и современный им документ — инструкция В. Н. Татищева 1737 г., переведенная на латинский язык; надо полагать, что все они должны были помочь Фишеру наладить свою дальнейшую работу в соответствии с задачами, поставленными перед его предшественниками по работе на Камчатке — Крашенинниковым и Стеллером (ААН, р. I, оп. 79, № 2, лл. 12—23, 40—55 об., 56—74, 75—93).

¹⁹ ААН, р. I, оп. 79, № 1.

В Томске Фишер написал большую работу, озаглавленную им: «*Geographica et historica descriptio Irtischi, Obis et Tomi aliorumque minorum fluviorum, regionum item et populorum ab oppido Tobolio ad Tomos oppidum, adiunctum est specimen linguae ostiakorum Narumensium vocabula continens quingenta.*»²⁰ (Историко-географическое описание Иртыша, Оби, Томи и других малых рек, областей и народов от Тобольска до Томска, с приложением словаря нарымских остяков, в количестве 500 слов). В качестве приложения к этой работе, кроме словарных материалов, находим копии документов XVII—XVIII вв. о нарымских остяк-самоедах. Работа основана на собранных Фишером материалах в пути из Тобольска до Томска и в самом Томске; они заключают некоторые ценные сведения по географии, этнографии, истории и лингвистике этого края и должны привлечь к себе внимание специалистов, которые о ней не знают.

Во время пребывания в Томске Фишер вел также большую переписку с разными лицами;²¹ в ней он касается не столько своей научной работы, сколько тех событий томской жизни, с которыми ему приходилось сталкиваться; чаще всего он здесь лишь подтверждал изложенную выше характеристику Гмелина.²²

23 января 1741 г. Фишер выехал из Томска в Красноярск, где оставался до 11 февраля, когда отправился далее в Канский острог; затем путь его лежал на Удинский острог, 25 февраля он выехал в Тулун и далее в Балаганск и в Иркутск, куда прибыл 10 марта 1741 г., за несколько дней до приезда туда его спутника Линденау.

Описанию пути Фишера от Томска до Иркутска посвящена довольно большая его работа под заглавием: «*Geographica et historica descriptio itineris et regionum inter Tomos et Ircutum oppida interiacentium.*»²³ (Историко-географическое описание пути и областей между Томском и Иркутском). Кроме географических материалов, в ней находим интересные этнографические известия о народах Красноярского уезда, о котовцах, бурятах и пр., которые также заслуживают внимания.

В Иркутске Фишер оставался до 18 июня, когда выехал вслед отбывшему еще 14 мая на Качегу переводчику Линденау,

²⁰ ААН, ф. 21, оп. 5, № 41, лл. 1—102.

²¹ Письма Миллеру от 8, 17 и 25 октября, 1 и 22 декабря 1740 г. и 6 января 1741 г. (ААН, ф. 21, оп. 3, № 84); президенту Академии наук от 17 октября и 17 ноября (там же, ф. 1, оп. 3, № 29, лл. 151—153, 166); Шумахеру от 17 ноября и 4 декабря (там же, № 31, лл. 15—19).

²² См. также ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 57—58 — письмо Гмелина Шумахеру из Томска от 14 февраля 1741 г.: «23 прошлого месяца Фишер наконец уехал отсюда. Я очень просил его поспешить с его путешествием, и он мне обещал это. Его настроение (*humeur*) совсем не подходит к общению с сибиряками».

²³ ААН, ф. 21, оп. 5, № 52, лл. 1—49.

который спешно готовил там судно для дальнейшего плавания по Лене до Якутска, куда они прибыли 14 июля.

Проезжая через Верхоленский острог, Фишер получил там «ведомость» о том, в Верхоленском присутствии «какие имеются народы и кто у них по именом имеются шуленги и другие владельцы, и какие веры и духовные свои имеют ли, и ясаку по скольку чего платят, и чем они довольствуются, также и русских сколько и какова чину людей имеется... по переписи в подушном окладе, и по новым верстовым мерам сколько от Верхоленского острогу до которой слободы и до Иркутка города верст».²⁴ В Чечуйском остроге на Лене Фишер, видимо, просматривал в июне 1741 г. тамошний архив, в котором для него были сняты копии с некоторых документов.²⁵

Описание пути по р. Лене, а также впадающих в нее рек было закончено Линденау в том же 1741 г.;²⁶ оно составлено по обычному типу географических описаний, принятому в Камчатской экспедиции.

Отношения между Фишером и Линденау не улучшились со времени их вторичной встречи в Иркутске. Линденау был недоволен медленным ходом путешествия и теми отношениями, которые создавались у Фишера со всеми окружающими и которые ставили в трудное положение также спутников Фишера. По словам Линденау, «по приезде в Якуцк видел я, что все более назад, нежели вперед, понеже что от многих пустых резонов дела государевы останавливаются». Не желая связывать свою работу с Фишером, не проявлявшим к тому же желания спешить с отъездом на Камчатку, Линденау стал просить Фишера отпустить его в Охотск одного для подготовки предстоящего отъезда на Камчатку. Фишер дал согласие, и Линденау отправился сухим путем из Якутска 27 июля и в Охотск прибыл только 14 сентября. Описанию путешествия из Якутска в Охотск посвящена особая работа Линденау,²⁷ ценная не только в своей географической части, но также и наблюдениями автора, касающимися общих условий жизни в этой части Якутского уезда XVIII в.

По приезде в Охотск Линденау, по его словам, «трудился во всем по своей возможности и не пропустил никакой случай», несколько раз писал Фишеру, между прочим, 24 сентября, советуя ехать из Якутска до Юдомского Креста водой, чтобы скорее приехать в Охотск. Но Фишер продолжал медлить

²⁴ ААН, р. I, оп. 79, № 2, лл. 101—104.

²⁵ Там же, лл. 95—100 об. (см. собственноручную приписку Фишера на л. 100 об.).

²⁶ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, II, тетр. 1, лл. 1—14, № 523, тетр. 4, лл. 1—13.

²⁷ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, I, тетр. 1, лл. 1—29.

с отъездом, и тогда 17 ноября Линденау вновь написал ему и требовал от него позволения ехать на Камчатку одному, не дожидаясь приезда в Охотск Фишера. До конца года Фишер не приехал в Охотск, и Линденау, испытывая недостаток в провианте, бумаге и канцелярских принадлежностях, отправил за всем этим в Якутск накануне 1742 г. своего человека, который попал в Якутск только 9 мая; назад в Охотск он был отправлен 1 июля и прибыл туда 20 августа с провиантом на 12 лошадях. Не получая помощи и содействия от Фишера, посланец Линденау вынужден был нанять частных возчиков по весьма высокой цене (по 7 руб. с лошади). Он же привез Линденау письмо Фишера от 30 июня, в котором тот уведомлял о своем выезде в Охотск дня через 2—3. Ввиду этого канцелярия Охотского порта задержала судно «Елизавет», отправлявшееся на Камчатку, до 4 октября, когда из-за неприбытия Фишера решено было ввиду позднего осеннего времени дальше не откладывать отъезда. 4 октября судно «Елизавет» вышло из порта, но в ночь на 11 октября от сильного шторма принуждено было бросить в воду «харчевые припасы» и вернуться обратно в Охотск 13 октября.²⁸ Рассказывая об этом неудачном плавании, Линденау сообщал в рапорте от 30 ноября 1742 г.: ... «и ныне принуждены себя содержать в пропитании по здешнему месту одним хлебом и сухою рыбою, понеже, что не заготовлено было в зиму, все брошено, так и у других... в море».

Ссылаясь на полученные им известия о том, что «на Камчатке ясачные иноземцы-камчадалы обстоят вне постоянства», Линденау просил освободить его от поездки на Камчатку вместе с Фишером, который, как отмечает в своем рапорте Линденау, сумел уже в Якутске возбудить против себя озлобление; это видно из приложенного к рапорту «объявления» Якутского полка солдата Григория Ларихина, «из которого Академия наук соизволит усмотреть, какая его (Фишера, — А. А.) ревность имеется не та, чтобы дела свои исправлять, но себя показывает, якобы каким разорителем разным людям, о чем уже

---

²⁸ В составленной Линденау в 1785 г. (ср. Протоколы Конференции, IV, стр. 5), т. е. когда он уже был в весьма преклонном возрасте, особой записке под заглавием «Некоторое описание о Амуре реке» (ААН, ф. 21, оп. 5, № 33, лл. 1—4), он, между прочим, рассказывает, что в октябре 1742 г. судно, на котором он плыл из Охотска на Камчатку, было отнесено далеко на юг и на обратном пути к северу «проходили мимо устья Амура», причем указывает, что «против устья Амура находится остров Иплики (Гуленткак)» и что «в сих местах повелись около судна в воде червяки, которые начинали судно точить; устье Амура реки, чтоб было непроходимо камышом, того мною не усмотрено». Трудно сказать, насколько точны эти сведения, сообщаемые им по памяти (ср. далее о судьбе бумаг Линденау).

есть и не без просьбы».²⁹ «И ежели мне, — продолжает Линденау, — с адъютантом Фишером в будущем лете 743 году отпра- витьца на Камчатку, а он также там будет чинить, как на ево показано, то я опасен, чтоб там не привел камчедалов... и к вящшему возмущению».

Рапорт Линденау в Академию от 30 ноября 1742 г.,³⁰ от- куда заимствованы мною сведения о Линденау за время с 26 ян- варя 1741 г. по конец ноября 1742 г., был получен Академией в 1743 г., но никакого суждения Академия по нему не имела, рапорт не попал даже в собрание актов Камчатской экспедиции и хранится при протокольных бумагах Конференции за ноябрь 1743 г.; в это время Академия уже обсуждала план работ сотрудников экспедиции, которые оставались в Сибири и кото- рые, ввиду указа Сената, должны были срочно возвращаться обратно.

Между тем в ожидании ответа Линденау решил оставаться в Охотске, пока завозного хлеба для пропитания хватит, и про- должать начатые работы по описанию берега Пенжинского моря к «осту» от Охотска, к Таую и далее. В течение первого года пребывания в Охотске Линденау занимался собиранием извест- ностей для географического описания края и составления его карты. 4 октября 1741 г. он отправил в канцелярию Охотского порта 18 вопросов по географии, этнографии и истории края, на которые в мае 1742 г. получил ответы;³¹ в последних особенно интересны сведения, взятые из не сохранившихся ясачных книг Охотского острога 1732 г., и известия, почерпнутые из синодика Охотской церкви о нападениях «ламских охотских тунгусов» на Охотский острог, начиная с 1662 г., а также известия «для исторического описания», собранные из рапортов охотских слу- жилих людей. В декабре 1741 г. Линденау просил канцелярию Охотского порта разослать по местам ордера «о составлении географического описания», а прибывших в Охотск ясачных при- сылать к нему для расспросов. Канцелярия Охотского порта, начальником которой был тогда известный А. М. Девиер, от- бывавший здесь ссылку, оказывала Линденау полное содей- ствие, в свою очередь обращаясь к нему в трудных для нее слу- чаях. Так, получив «промемотию» Иркутской провинциальной канцелярии о присылке сведений об Анадыре, канцелярия Охотского порта прислала 23 февраля 1742 г. Линденау на осно- вании имеющихся у него данных составить ответ. Линденау сочинил «Географическое описание реки Анадыря», присоеди- нив к нему «Описание о Чукоцкой земли, где она находится»

²⁹ Ср. в письмах Гмелина Миллеру от 14 февраля и 11 марта 1741 г. из Томска (Пеккарский, I, стр. 620—621).

³⁰ ААН, ф. 1, оп. 2, протокольные бумаги за 1743 г., ноябрь.

³¹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 103, л. 3, № 142, лл. 17 об.—24.

и описание «дороги от Анадырско́го остро́га в полуденную сторону», которые и препроводил в канцелярию 5 марта 1742 г.³²

Насколько известно, это самое раннее географическое описание р. Анадыря и его притоков, с указанием поселений и кочевий чукчей «Описание о Чукоцкой земли» — не известное специалистам, едва ли не первое описание не только земли чукчей, но и соседних с нею островов и «Большой земли», а также населения их — чукоц, юкагиров и др. Описание дороги от Анадырского острога до Акланского и далее до Охотска также заслуживает внимания, так как исправляет и дополняет некоторые уже известные сведения. К этим описаниям была приложена составленная Линденау карта («рисунок»), которая, к сожалению, не сохранилась в его бумагах, поступивших в Академию в 1746 г.³³

При подобных отношениях с Охотской канцелярией не удивительно, что в распоряжение Линденау попадала иногда текущая переписка канцелярии, интересная для него; таковы, например, полученные Линденау 5 марта 1742 г. «известия» о столкновениях коряков с анадырскими чукчами в 1741 г.³⁴ и др.

Уже в первые месяцы своего пребывания в Охотске Линденау собрал много ценных сведений, которые и послужили источником для работ этого времени. Кроме указанных выше, к 1741—1742 гг. относятся: «Изустные известия о реках Анадыре, Колыме, Алазее и Индигирке и об их притоках, об островах, лежащих на них, и о народах, живущих там»,³⁵ «Описание пеших тунгусов или так называемых ламутов»,³⁶ «Описание рек от Ашалги до Кухтуя по берегу Охотского моря, составлено в Охотске 7 апреля 1742 г.»³⁷ и, наконец, «Карта побережья от Охотска до речки Ашалги», отправленная в Академию 30 ноября 1742 г.³⁸ Отмеченные выше труды были посланы

³² Там же, № 142, л. 6—6 об. и № 103, лл. 7 об.—11 об., 12; «Описание о Чукоцкой земли» напечатано в приложении к моей статье «Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв.» (Известия ВГО, 1940, вып. 2, стр. 156—157).

³³ Впрочем, все эти материалы и карты могут оказаться в архиве Охотского порта, который хранится в Якутском архиве. Карта Северо-Восточной Сибири и Камчатки, составленная Яковом Линденау в 1742 г. (будто бы, как уверял М. И. Белов, по материалам экспедиции Павлуцкого и Федорова—Гвоздева), описана в статье И. С. Вдовина «Чертежи Чукотки 1742—1746 гг.» (Известия ВГО, 1943, вып. 4, стр. 52—54). Сама карта издана Е. П. Орловой (Чертежи Чукотки Якова Линденау и Тимофея Перевалова. Вопросы географии Дальнего Востока, сб. III, Хабаровск, 1957, стр. 121, 124—125).

³⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 142, лл. 30—32 об.

³⁵ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, II, тетр. 2, лл. 1—12.

³⁶ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, II, тетр. 5, лл. 1—51; № 523, тетр. 5, лл. 1—26.

³⁷ Там же, № 511, I, тетр. 2, лл. 1—20; № 523, тетр. 3, лл. 1—20.

³⁸ ААН, ф. 1, оп. 2, 1743 г. ноябрь — рапорт Линденау.

Линденау Фишеру 15 июля 1742 г., а представлены последним в Академию только 10 сентября 1747 г.³⁹

Еще до отправки упомянутого рапорта от 30 ноября 1742 г. Линденау получил от Фишера письмо, посланное им с Одомы (от Юдомского Креста) 4 октября. Фишер требовал выслать ему туда из Охотска подводы, чтобы перевезти 300 пудов груза, которые он имел при себе, для чего требовалось до 50 нарт, по 4 собаки в каждую нарту и по одному проводнику при них. Так как собрать столь большое количество собак и людей Охотский порт не мог, то было решено отправить к Юдомскому Кресту 25 оленей и на них перевезти только самое нужное, а прочее оставить до весны, до возобновления водного пути. С таким ответом хотели отправить к Фишеру привезшего его письмо солдата Ларихина, но тот «заупрямился» и отказывался ехать к Фишеру, подав «резоны», которые были пересланы Линденау в Академию при рапорте от 10 апреля 1743 г.,⁴⁰ а сам Линденау, не желая, чтоб его подозревали в каком-либо соглашении с Фишером, на следующий же день подал «промеморию» в Охотскую канцелярию, в которой сообщал, что 12 ноября Якутского полка солдат Григорий Ларихин письменно объявил на профессора Фишера «в разных учиненных ясашным иноземцам и прочим людям обидях его профессора непорядочных поступков... указам противных»,⁴¹ прося немедленно допросить упомянутого Ларихина.

Фишер, как отмечено выше, прибыл в Якутск 14 июля 1741 г. и оставался там до августа 1742 г.,⁴² когда он направился в Охотск. За это время им написано весьма немного, что, вероятно, соответствует тому количеству известий, которые им были собраны. Кроме представляющего некоторый научный интерес рапорта служилого Михаила Бурнатова от 6 февраля 1742 г., который ездил по поручению Фишера в Верхневиллюйское зимовье, в бумагах Фишера находим лишь небольшие заметки, несомненно написанные в Якутске в период 1741—1742 гг., это «Von dem Flusse Kowuma», «Krankheiten, Tod u. Begräbniss». (Болезни, смерть и похороны [у якутов, — А. А.] и, наконец, «Jakuten, ihr Speis u. Trank.» (Якуты, их кушанья и питье), — все вместе они составляют 12 страниц размашистого почерка Фишера.⁴³ Вероятно, в это же время были написаны

³⁹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 103, лл. 12 об.—13; № 813, лл. 303—305, 311—313.

⁴⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 256, об., 257—260 («резоны»).

⁴¹ Там же, № 103, л. 16.

⁴² Ср. письма Фишера к Миллеру от 6 августа 1742 г. из Якутска и от 17 октября 1742 г. из Юдомского Креста (ААН, ф. 21, оп. 3, № 84).

⁴³ ААН, ф. 21, оп. 5, № 45, лл. 1—7 (рапорт Бурнатова); № 52, лл. 50, 62.

«Specilegia de Jacutis, Dauris et Tungusis orientalibus ad Udm fluvium. (Разные известия об якутах, даурах и тунгусах, живущих на восток до р. Уды)»,⁴⁴ представляющие случайные известия об этих народах, такого же характера и значения заметки о походе на алюторов, о Большом острове в Ледовитом океане между Святым Носом и Чукотским Носом, и, наконец, об экспедиции против чукчей.⁴⁵ Видимо, Фишер работал в Якутском архиве, как о том можно судить по ссылкам на архивные материалы, встречающимся в упомянутых заметках. Ко времени пребывания Фишера в Якутске в 1741—1743 гг. относится также несколько копий с документов Якутского воеводского архива, снятых по поручению Фишера.⁴⁶

В письме Миллеру из Якутска от 17 августа 1741 г.⁴⁷ Фишер сообщал, что намерен был еще в это лето отправиться на Камчатку, но приезд Крашенинникова задержал его, и он собирался выехать следующей весной. Вероятно, в это время для Фишера были сняты копии с большинства работ Крашенинникова, выполненных последним на Камчатке в 1737—1741 гг.; эти копии без всяких замечаний Фишера на них сохранились в его бумагах.⁴⁸

Но все эти материалы о научной работе Фишера в Якутске дают лишь представление об ее незначительности. Во всяком случае, в ней нет и слабого ответа на те вопросы, которые были поставлены перед Фишером соответствующими параграфами инструкции Миллера, полученной Фишером еще в Томске. Суждения о ней Фишера, подобные тому, которое приведено выше в письме Гмелина, заставили, наконец, Миллера написать Фишеру несколько слов; письмо Миллера из Туринска не сохранилось, и о нем известно лишь из ответного письма Фишера, написанного им в августе 1742 г., незадолго до отъезда из Якутска. По словам Фишера, последнее письмо Миллера из Туринска «заключало в себе мед, но также довольно много яду»; Фишер читал его «с удивлением и печалью и не мог опомниться».

Солдат Якутского полка, один из спутников Фишера Григорий Ларихин, в особом объявлении хотел показать, какие Фишер «чинил русским людям и ясашным иноземцам озлоб-

⁴⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 134/80, лл. 269—284.

⁴⁵ Там же, № 60, лл. 101—104, 105—109 об., 110—112 об.

⁴⁶ ААН, р. I, оп. 79, № 1; среди них копия наказа от 11 марта 1686 г. якутскому воеводе П. П. Зиновьеву (лл. 1—27), копия сенатского указа от 31 мая 1733 г. о посылке в Якутский уезд поручика Шкадера и на Камчатку майора Павлуцкого для приема и разбора жалоб якутов и камчадалов по поводу чинимых над ними насилий (лл. 38—39) и др.

⁴⁷ ААН, ф. 21, оп. 3, № 84.

⁴⁸ ААН, р. I, оп. 79, №№ 3, 4 и 6.

ления и грабления» на пути из Иркутска в Якутск и из Якутска до Юдомского Креста. Ларихин в ярких красках рассказывает о тех насилиях, которые сам Фишер чинил, например, в пути из Иркутска до Качеги, когда он силой взял безденежно у бурят 9 войлоков и 12 баранов, а когда те не захотели их отдавать, то стал их «немилоостиво» бить батогами. Такие же насилия производил он и в Верхоленском остроге, где не только «стегал батожем» местного заказчика, но и при помощи сопровождавших его солдат отобрал силой у одного «мужика» 24 пуда муки. В бытность свою в Якутске, по словам того же Ларихина, Фишер пьянствовал, «сидел вино» и вел позорный образ жизни, заставляя состоявших при нем солдат стоять на карауле у некоей Анны Карловой, бывшей с ним в связи, и помогать «сидеть вино» и пр., причем и сопровождавших его служилых людей, невольных участников его насилий, «по своей лихости всегда находил палкою своею, которая у него имеетца с наконечником и шипом железным и, кроме того, и безвинно, реткой день пройдет, чтобы он, профессор, из нас кого батожем однажды или дважды не стегал, но завсегда в этом упражнялся».

Видимо, вскоре после отправления Фишером писем Миллеру от 17 октября и 1 ноября (они были отсланы одновременно) один из спутников Фишера солдат Коркин «крикнул» против Фишера «слово и дело» (по первому, второму и третьему пунктам), другие солдаты поддержали его, и местные власти должны были принять срочные меры по отношению Фишера, обвиняемого в государственном преступлении; о происшедшем было сообщено в Охотск, и сменивший Девиера в качестве командира порта майор Зыбин, не производя допроса на месте и не приняв во внимание, что профессора и адъютанты экспедиции в судебных делах не были подчинены местным властям, распорядился об отправке Фишера в Якутск на положении арестанта. На основании этого Фишер вместе с его обвинителями в начале февраля 1743 г. был направлен под конвоем обратно в Якутск. Описанию этого путешествия от Юдомского Креста до Якутска в феврале и марте 1743 г. Фишер посвятил особую работу.⁴⁹

Для обратной доставки части своего имущества Фишер должен был приобрести оленей, собак и лошадей, а сам большую часть пути идти пешком; сопровождавший его солдат Дмитрий Амосов держал себя в дороге весьма грубо, не раз подчеркивая в сношениях в Фишером, что имеет дело с арестантом.

⁴⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 47, лл. 6—10 — «Beschreibung der Reise von Judomskoi Krest bis Ust-Maja zur Zeit meiner Gefangenschaft», 1743 (но в работе описано путешествие не только до устья Май, но и до самого Якутска).

Среди ехавших с ним, тоже на положении арестантов, находился и упомянутый выше солдат Ларихин, который, таким образом, был все же отправлен из Охотска назад к Юдомскому Кресту.

Фишер и его спутники прибыли в Якутск в воскресенье, 3 апреля; по его словам, он «оставался под арестом до субботы (9-го, — А. А.), когда неожиданно секретарь (Якутской воеводской канцелярии, — А. А.) Иван Дауркин принес мне вещи и сообщил, что злодеи сознались, что они на меня нагнали, а потому канцелярия решила меня освободить».

Из имеющихся материалов⁵⁰ не видно, какое же обвинение было предъявлено Фишеру и в чем состояла «ложь» Коркина: ни сам Фишер, ни другие лица, до которых доходили вести о происшедшем с ним,⁵¹ ничего об этом не говорят, но едва ли будет неправильным предположение, что выступление Коркина было вызвано желанием поскорее освободиться от весьма неприятного человека, который по отношению к своим подчиненным и прочим «подлым» людям держал себя так безобразно, как это описано выше Григорием Ларихиным.

Все заботы Фишера после освобождения из-под ареста, видимо, были направлены к тому, чтобы поскорее выехать из Якутска. В письмах к Стеллеру⁵² он просит захватить оставленное у Юдомского Креста его личное и казенное имущество; в письме от 27 апреля он сообщает, что послал переводчику Линденау «ордер» об отъезде Линденау на Камчатку и о поступлении его «под команду» Стеллера до возвращения в Иркутск, куда сам Фишер намеревался ехать при первой возможности. До своего отъезда из Якутска Фишер, кроме упомянутого уже выше «Описания путешествия от Юдомского Креста

---

⁵⁰ Письмо Фишера Стеллеру от 27 апреля 1743 г. (ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 175—176); в нем Фишер рассказывает о происшедшем с ним, обвиняет во всем майора Зыбина, который не принял во внимание также и то, «dass das Schreien bösen Buben in hiesigen Gegenden zur Mode worden» и что Коркин был известный лгун, «который убежал из команды в прошлом году, а потому заслуживал наказания кнутом». В письме Фишер имеет в виду указ от 10 апреля 1730 г. о доносах по первым двум пунктам (ПСЗ, т. VIII, № 5528). Копия этого указа сохранилась в бумагах Фишера (ААН, р. I, оп. 79, № 2, лл. 25—30; ср. начало указа: «... ежели кто за кем подлинно уведает великие дела, которые состоят в первых двух пунктах, т. е. 1 — о каком злом против персоны нашей или имени, 2 — о возмущении или бунте...»). См. также названную в прим. 49 работу Фишера.

⁵¹ Линденау, например, в письме к Стеллеру от 14 июня 1743 г. сообщал кратко, что «господин адъютант со всею командою прошедшею зимою от Юдомского Креста по некоторому случаю отправился»; в другом письме тот же Линденау писал, что Фишер «по некоторому важному делу от Креста... увезен» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 261 об. 321).

⁵² ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 175—176, 179—180.

до Якутска», написал еще одну небольшую работу — «Einige Anmerkungen überhaupt über die Reise von Jakutzk bis an dem Aldanstrom»,⁵³ материал для которой был собран во время пути из Якутска в августе—сентябре 1742 г.

Летом 1743 г. Фишер отправился в Иркутск, где провел, по-видимому, не только конец 1743 г., но также 1744 г. От этого периода сохранилось очень мало сведений о работе Фишера.

Получив в Иркутске постановление Академии от 14 ноября 1743 г. о возвращении в Петербург,⁵⁴ Фишер, сообщая о нем Стеллеру 22 мая 1744 г.,⁵⁵ просил его закончить обратное путешествие совместно и в ожидании ответа продолжал оставаться в Иркутске. Второй указ Академии от сентября 1744 г. был получен Фишером только 15 марта 1745 г.⁵⁶

Летом 1745 г. Фишер направился водным путем из Иркутска в Енисейск;⁵⁷ описанию этого путешествия посвящена его особая работа, озаглавленная «Wasserreise von Irkuzk nach Jenisseisk».⁵⁸

Сколько времени пробыл Фишер в Енисейске, неизвестно, но оттуда он отправился в Томск.⁵⁹ Проезжая по Енисейскому уезду через деревни Яланскую, Черкасскую, Подъяланную и др., Фишер получил «сказки» местных десятских и прочих лиц о составе населения этих деревень.⁶⁰ На Чулыме он собрал ценные сведения о чулымских татарах, вошедшие в его работу, посвященную им.⁶¹

В Томске Фишер пробыл довольно долго, поджидая Стеллера с тем, чтобы вместе с последним, как это предписывала инструкция Академии 1743 г., закончить остающуюся часть пути.

В свой второй приезд в Томск Фишер продолжал так же, как и в первый раз, собирать сведения о крае не только путем запросов в Томскую воеводскую канцелярию, но и опрашивая томских служилых людей, от которых он рассчитывал получить

⁵³ Там же, ф. 21, оп. 5, № 47, лл. 1—5.

⁵⁴ Там же, № 60, лл. 4—5 об.

⁵⁵ Письмо из Иркутска от 22 мая 1744 г. (ААН, ф. 1, оп. 3, № 34, лл. 86—87).

⁵⁶ ААН, р. I, оп. 79, № 2, л. 135.

⁵⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 311 об.

⁵⁸ ААН, ф. 21, оп. 5, № 48, лл. 1—24. К рукописи этого труда Фишера приложен «Реестр, коликое число от города Иркутска водяным путем до города Енисейска и от деревни до деревни пятисотенных верст о том значит ниже сего» (лл. 25—27 об.), всего насчитывалось тогда 1561 верста.

⁵⁹ Ср. описание «тракта от города Енисейска до города Томска сухим путем», сохранившееся в его бумагах, — там же, № 60, лл. 6—7.

⁶⁰ Там же, № 49, лл. 1—25.

⁶¹ Там же, лл. 26—46.

нужные данные.⁶² Судя по тому, что в бумагах Фишера, относящихся ко времени пребывания в Томске в 1745—1746 гг., оказалась копия грамоты 7065 г. (1557 г.) царя Ивана Васильевича Певгею — одному из князей Орскордской и Сорикадской земель;⁶³ надо думать, что находкой этого интересного документа, все еще недостаточно изученного, мы обязаны Фишеру.

В Томске, как и в других местах, у Фишера сложились плохие отношения с администрацией, которая, по его словам, оказывала ему мало содействия в работе. Несмотря на это, в ответ на вопросы Фишера Томская воеводская канцелярия представила «Ведомость о нравах и о поведении татар Томского ведомства и о протчих их поступках»,⁶⁴ которая дает много важных известий о томских татарах.

Ко времени вторичного пребывания Фишера в Томске относятся составленные им «Beschreibung der obern Gegenden des Ob Flusses...» и «Beschreibung des Tom Flusses».⁶⁵ Обе работы основаны на старинной карте, которая была сообщена Фишеру Томской воеводской канцелярией; по его предположению, эта карта была составлена каким-нибудь служилым или промышленным человеком; на ней не было ни широты, ни долготы, не было масштаба, север на ней соответствовал нашему юго-востоку. На основании аналогичных источников, готовясь к поездке на Кольванские заводы, Фишер составил справку о пути из Томска до упомянутых заводов, а также перечень деревень, станций и юрт на этой дороге.⁶⁶ Ко времени пребывания в Томске относится также «Описание татарской свадьбы, которая происходила 30 января 1746 г. в деревне Калтай, недалеко от Томска».⁶⁷

В феврале 1746 г. Стеллер прибыл в Томск; здесь он решительно заявил, что намерен спешно ехать в Петербург. Так как Фишер плохо знал русский язык, понимая его лишь наполовину, ему хотелось получить себе в помощники кого-либо из спутников Стеллера, но последние под разными предлогами отказывались от этого, видимо, хорошо зная от Линденау об отношениях Фишера к подчиненным. Ввиду отказа Стеллера

⁶² ААН, р. I, оп. 79, № 2, лл. 110—128 об. (Вопросы Фишера и ответы Томской воеводской канцелярии и служилого Василия Чапышева), 129—129 об. (вопросы и ответы об Иртыше).

⁶³ Там же, л. 105—105 об.; по поводу ее Миллер писал: «Эта грамота была найдена в Томске у одного тамошнего жителя, но, как она к нему попала, мне не удалось выяснить» (Г. Ф. Миллер. История Сибири, I, Л., 1937, стр. 208).

⁶⁴ ААН, ф. 21, оп. 5, № 42, лл. 1—9.

⁶⁵ Там же, № 42, лл. 10—11 об., 12—13 об.

⁶⁶ ААН, ф. 21, оп. 5, № 42, лл. 14—16 об., 19.

⁶⁷ Там же, лл. 20—21.

работать совместно Фишеру пришлось несколько изменить свой маршрут обратного путешествия.

Из Томска Фишер выехал 23 февраля 1746 г. по направлению к Чеусскому острогу, а оттуда через Барабинскую степь в Тару и затем в Тобольск. Составленное Фишером описание пути⁶⁸ является самым ранним описанием этого края. Фишер приводит много географических известий, а также совершенно новых данных о томских и барабинских татарах и других народах (например, телеутах), которых он встречал в пути; в описании находятся также словари этих народов (например, татарские слова по барабинскому диалекту) и некоторые официальные документы. Из Тобольска Фишер выехал во второй половине июня 1746 г., после того как Сибирская губернская канцелярия выдала ему 19 июля подорожную на девять подвод и удовлетворила часть его денежных требований.⁶⁹ От Тобольска до Москвы Фишер ехал очень долго и прибыл туда только около 25 декабря 1746 г., останавливаясь в разных городах, в частности в Соликамске, где в августе этого года был свидетелем всего того, что произошло там со Стеллером. Описанию этого пути посвящена особая работа, которая в описи рукописей, переданных Фишером 3 октября 1747 г. в архив Конференции, озаглавлена: «Описание пути от города Тобольска чрез Москву до Санктпетербурга и притом разные известия о разных народах, яко: татарах, вогуличах, пермяках, вотяках и черемисах, которые обретаются на том пути, на немецком языке».⁷⁰ Этот труд Фишера не отыскан пока в Архиве АН, где хранятся все упомянутые выше работы Фишера.

10 сентября 1747 г. Фишер при рапорте представил в Канцелярию как свои собственные «обсервации», выполненные во время экспедиции, так и полученные от других лиц их труды и разные материалы.⁷¹ В описи рукописей — 28 номеров; за исключением трех, все они отмечены выше в обзоре его трудов.⁷² Кроме них, Фишер передал четыре работы Линденау и

⁶⁸ ААН, ф. 21, оп. 5, № 50.

⁶⁹ ААН, р. 1, оп. 79, № 2, лл. 131—133; к «промемории» канцелярии приложено (лл. 133 об.—134) описание «тракта, коликое число от Тобольска до Москвы и до Санктпетербурга между городами имеется верст ямских и уездных».

⁷⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 313, № 27.

⁷¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 311—313.

⁷² В описи указаны еще следующие работы Фишера: № 20 — «Собрание всяких разных ведомостей», ему соответствует рукопись ф. 21, оп. 5, № 46 — «Analecta rerum per omnem Sibiriam memorabilium» — разные заметки Фишера на немецком языке, среди них относящиеся к описанию пути из Петербурга в Тобольск: «Об образе жизни и обычаях русских сибиряков», «О поведении в Сибири воевод и других должностных лиц» и др.; № 21 — «Вокабулярный 300 слов, 35 народов, большей части сибирских»; позднее он был переработан Фишером и в последнем

упомянутый выше труд якутского служилого Бурнатова. Наряду с «ведомостями», полученными от Сибирской канцелярии, в описи под № 3 отмечена «Ведомость о ведомствах и городах Сибирской губернии, а особливо о иноземцах, их нравах, языках и суевериях, сочиненное по указу ее и. в., а по требованию тайного советника господина Татищева». Это черновики тех ответов, которые были посланы сибирскими канцеляриями на анкету В. Н. Татищева 1735—1737 гг.;⁷³ благодаря Фишеру они попали в Академию наук и сохранились до настоящего времени.

Подводя итог научной работы Фишера в Сибири в 1739—1745 гг., приходится признать ее весьма небольшой; скромный результат получился в значительной степени по вине самого Фишера, характер которого, как справедливо заметил Гмелин, не подходил к сибирским условиям. Обремененный к тому же семьей, заботам о которой Фишер уделял большое внимание, он научной работе посвящал мало времени, хотя имел все данные, чтобы вести ее на уровне тех требований, которые предъявляли к нему Миллер и другие. То немногое, что все же представляет научную ценность в трудах Фишера: его описания пути по южной Сибири, этнографические наблюдения над томскими татарами, собранные им словари — должно занять свое место в богатой сокровищнице материалов и трудов участников Второй Камчатской экспедиции.

О трудах Фишера после 1747 г., относящихся к истории, этнографии и географии Сибири, см. выше стр. 103—104, 115—118, 150—151, а также в Истории Академии наук;⁷⁴ в дополнение списка трудов Фишера следует указать сокращенный перевод его «*Sibirische Geschichte*» на французский язык, выполненный Столленверком, служившим на русской военной службе, и изданный в Париже (без указания года издания); Фишеру принадлежат, по-видимому, и некоторые статьи о Сибири в академических календарях 60—70-х годов XVIII в.⁷⁵ Умер Фишер 13 сентября 1771 г.

виде сохранился в собственноручной рукописи Фишера в Архиве АН, р. III, оп. 1, № 135, лл. 1—166. Труд Фишера — собрание слов (по каждому языку до 500 слов) различных народов, главным образом сибирских: вогулов, остяков иркутских и енисейских, вогулов пельмских, вогулов верхотурских, телеутов, татар кузнецких, татар томских, татар тобольских, калмыков, монголов, бурятов, ламутов, дауров, тунгусов пеших, тунгусов лошадных и др. и № 22 — «Лексикон о всяких достопамятных вещах, народах, городах, реках, персонах, их чинах по алфавиту на немецком языке» — пока не отысканы в Архиве АН.

⁷³ См. ниже, стр. 314—316.

⁷⁴ Пекарский, I, стр. 624—636; рукописное наследие Фишера хранится в Архиве АН, р. I, оп. 79—81.

⁷⁵ «О кораблеплавании россиян по Ледяному морю...» — Календарь или месяцослов географический на 1769 г., СПб., [1768]; «О покорении

Выполнив все поручения Фишера и отправив в Академию упоминавшийся выше рапорт от 30 ноября 1742 г., Линденау просил Канцелярию Охотского порта отправить его на Тауй и в Ямской острог для описания тамошних мест и коряцкого народа. Канцелярия «удовольствовалась» его прогонными деньгами. С отъездом произошла, однако, задержка, так как было получено письмо Фишера от 27 октября, в котором он требовал послать ему к Юдомскому Кресту подводы для перевозки 300 пудов грузов. Линденау мог выехать из Охотска только 8 декабря. 3 января 1743 г. он прибыл в Тауй, откуда отправился далее через месяц, 7 февраля; 13 февраля он приехал на Сиглан, «где первые коряки по тому берегу живут». Там он жил до 21 февраля, затем поехал к «средним корякам», у которых «за великою пургою» оставался до 3 марта. От «средних коряков» Линденау отправился в Ямской острог, куда прибыл 4 марта; там он застал трех служилых, которые голодали уже четыре дня. Так как из-за голода в тех местах ехать далее было невозможно, то 7 марта Линденау повернул назад. В «тундре Атинима» его застигла «великая пурга», «от которой чрез силу убрался в речку Ленкеболь, где по здешнему обыкновению сделал себе стан от хвой и снегу и постоял один день». 9 марта Линденау приехал к «средним корякам», куда прибыли также и «ямские коряки» в числе 15; все они пришли в юрту Линденау, который обходился с ними «со всякою ласкотою», но «велел им сказать, чтоб за теснотою места пошли в другую юрту». Когда они вышли, Линденау «велел вход закрыть и жирник засветить». Затем случилось происшествие, едва не стоившее жизни Линденау: по его словам, «по полуночи, около второго часу, от оных один оставший у меня ямской коряк для выпрашивания, оной жирник угасил, а чрез малое время, услышал я, что жупану ходят и чрез ево людей лаяют, и тотчас одного служилого Алексея Крымского думали они коряки, что ево за голову, но вместо тово за ноги хватали, которой вдруг учинил тревог и закричал, что коряки хотят нас убить. И тогда все вдруг встали, чтоб против их оружитца; и боясь они и увидели, что не спали, разбежались все, иные чрез жупана, и иные через верхний ход, и тем поспешением спаслись от смерти». На следующий день Линденау поехал к Сиглану, чтобы собрать провизию для отправки голодающим в Ямской острог, что и было сделано. 13 марта он выехал с Сиглана. 17-го был на Тауе, где пробыл до 24 марта; в Охотск Линденау вернулся в апреле, надеясь встретить здесь Фишера, «токмо услышал,

что по некоторому важному делу от Креста до меня увезен».⁷⁶

Во время путешествия Линденау составил описание пути от Охотска до Ямского острога и «описание коряцкого народа и разных их вещей». По возвращении в Петербург в 1746 г. оба эти труда были сданы им в архив Конференции, а ныне хранятся в ЦГАДА.⁷⁷ Среди привезенных материалов был ответ Тауйской ясачной избы от 9 января 1743 г. «против требования» Линденау с приложением «кевстракта о старых делах»⁷⁸ и сообщения о событиях 1717—1742 гг., главным образом о нападении коряков.

Путешествие дало Линденау много сведений о печальном состоянии края, особенно в отношении «неисправностей в станциях»; в особой «промемерии», отправленной в Охотскую канцелярию 4 мая 1743 г.,⁷⁹ Линденау отмечал «недостаток собак на станциях, хотя они могли бы быть в довольном количестве»; причина их отсутствия та, что «по их (коряк, — А. А.) вере собак бьют те, которые ходят на промысел, и где в пути, то их шаманы им приказывают, что ни лутчие собаки убивать и тем дьяволу жертву приносить».

Оказавшись ввиду ареста Фишера без руководства, Линденау решил просить указаний о дальнейшей работе у Стеллера, находившегося в это время на Камчатке. В письме ему от 14 июня 1743 г.⁸⁰ Линденау сообщал о своем путешествии в Тауй и Ямской острог и о своем намерении ехать в Якутск. Как отмечено выше, Стеллер ответил подробной инструкцией о тех работах, которые должен был выполнить Линденау по изучению народов, кочевавших на северо-востоке Сибири, прежде всего удских тунгусов. Эта инструкция была получена Линденау уже в Якутске, куда он прибыл 9 августа; в Якутске его поджидал присланный Стеллером бергауэр Григорий Самойлов, который должен был сопровождать Линденау в поездке в Удский острог «для взыскания металлов и минералов». В рапорте от 28 сентября 1743 г.⁸¹ Линденау сообщал в Академию о своем отъезде из Охотска 21 июня, о проделанном им «сухом пути» до Юдомского Креста, а оттуда водою по Юдоме, Мае и Алдане — «и оные реки описаны мною географическим образом»,⁸² и о невозможности ехать теперь в Удский острог;

⁷⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 256—256 об. и 261—261 об.

⁷⁷ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, I, тетр. 3, лл. 1—59; II, тетр. 6, лл. 1—37.

⁷⁸ ААН, ф. 21, оп. 5, № 103, лл. 17—18 и № 142, лл. 40—42.

⁷⁹ Там же, № 103, лл. 18 об.—19 об.

⁸⁰ ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 181—182.

⁸¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 321—322.

⁸² ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, I, тетр. 4, лл. 1—47.

отметив в рапорте, что поручения Стеллера не предусмотрены контрактом с Академиею, Линденау все же выражал готовность отправиться в Удский острог летом 1744 г. К этому путешествию он сразу же стал готовиться: уже 7 сентября 1743 г. Линденау просил Якутскую воеводскую канцелярию допустить его к просмотру дел об Удском и иных острогах и прислать к нему людей, бывавших в тех местах.⁸³ Перед отъездом он составил подробную опись тех «предметов» тунгусских, коряцких и др., которые ему удалось собрать и которые он оставлял у новокрещенного якута Алексея Шамаева.⁸⁴

В Удский острог Линденау отправился 18 июня 1744 г.⁸⁵ 24 июня он прибыл на Амгу, но посланные за лошадьми к наслегу нахарского князя Баяна Окотова вернулись назад битыми, без лошадей. С трудом были переменены на Амге 24 лошади; 1 июля отправились далее, 11 июля прибыли на Алдан; от урочища Чепанги Линденау ездил вверх по Алдану до устья Учур и описал тамошние места; по возвращении в Чепанду отправились далее 21 июля и на Уду приехали 10 сентября «не без малой нужды на 15 лошадех». Здесь Линденау оставался до 26 февраля 1745 г., когда на нартах и лыжах отправился обратно: «А шли от Удского острогу до речки Билира пешком и имели нестерпимые нужды и голод, и ежели б на Сенге реке конинной пропастины не нашли, то, конечно, до Алдана не дойти». От речки Билира на лошадях приехали в Якутск 8 апреля.

Условия работы в Удском остроге были неблагоприятными: местный сборщик Семен Парамонов «никакого вспоможения не учинил, но ради своея корысти учинил всякое возможное в делах... препятствие»; видя такое отношение со стороны сборщика, тамошние служилые и тунгусы не приходили к Линденау, и ему пришлось тратить деньги, чтобы собрать нужные сведения. «Ради вышеупомянутого препятствия и позорства» со стороны Парамонова, не желавшего к тому же считаться с «прочетным указом», имевшимся у Линденау, он должен был ускорить свой отъезд, хотя и не выполнил всего предписанного ему инструкцией Стеллера.

Но несмотря на все препятствия, путешествие дало большие результаты. В Удском остроге были получены ответы «закащика» Василия Чуруксаева и служилых людей на различные

⁸³ ААН, ф. 21, оп. 5, № 103, л. 21. Отрывок путевого журнала Линденау 1743 г. (на 4 страницах) хранится в Архиве АН, р. III, оп. 1, № 99.

⁸⁴ Там же, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 181—184 («список предметов...», писанный Линденау в Якутске 11 июня 1744 г.).

⁸⁵ О путешествии в Удский острог см. рапорт Линденау Стеллеру от 18 апреля 1745 г. из Якутска — ААН, ф. 3, оп. 1, № 812, лл. 418—419 об.

вопросы, относящиеся к географии, этнографии и экономике края;⁸⁶ «пашенные поселяне» того же острога в «особой сказке» дали сведения о природных и хозяйственных условиях их жизни и быта.⁸⁷ Особенно интересны сведения, полученные там же от русских людей и ясачных иноземцев о р. Уде и других реках, а также о Шантарских и Медвежьих островах.⁸⁸

Указанные в том же рапорте от 18 апреля 1745 г. работы Линденау, составленные им на основании сведений, собранных во время путешествия в Удский острог, позднее были им исправлены, дополнены и представлены в Академию под другими названиями.

Вскоре по прибытии из путешествия, 28 марта Линденау получил повторный указ Академии о возвращении в Россию,⁸⁹ присланный Фишером в Якутскую воеводскую канцелярию еще в феврале 1745 г. Не считая себя обязанным подчиняться распоряжениям Фишера, Линденау решил все же отправиться в обратный путь, так как Стеллер, которого он считал теперь своим начальником, в это время уже выехал из Якутска; в начале июля Линденау поехал его догонять. Во время обратного пути по Лене он продолжал собирать материалы; так, 11 сентября 1745 г. Тутурская приказная изба получила от него требование составить «описание о Тутуре и Киренге реке и получить известия от тунгусов и от таких людей, которые на промыслы тамо ходят»; отправленная Тутурской избой 18 сентября «сказка» была получена Линденау уже в Иркутске 24 ноября.⁹⁰

Встреча Линденау со Стеллером состоялась в Иркутске, куда он прибыл, видимо, около 13 ноября 1745 г. О дальнейшем пути Линденау уже говорилось выше;⁹¹ из Иркутска он выехал в конце декабря 1745 г., а 9 мая 1746 г. уже отправлялся из Соликамска; 29 мая он прибыл в Казань, откуда в начале июня направился в Москву.⁹²

21 августа 1746 г. Линденау прибыл в Петербург; в поданном им 24 августа рапорте он просит принять от него «дела», составленные им в Сибири «описания» и «приходящую» и «отходящую» переписку.⁹³

В приложенном к рапорту реестре отмечены прежде всего те «описания», которые были пересланы Линденау Фишеру

⁸⁶ ААН, ф. 21, оп. 5, № 142, лл. 46—49.

⁸⁷ Там же, л. 50—50 об.

⁸⁸ Там же, ф. 3, оп. 1, № 800а, лл. 310—318.

⁸⁹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 142, л. 59.

⁹⁰ ААН, ф. 21, оп. 5, № 142, лл. 60—61.

⁹¹ См. выше, стр. 267—268.

⁹² ААН, ф. 21, оп. 5, № 103, лл. 43 об.—45.

⁹³ Там же, ф. 3, оп. 1, № 813, лл. 303—305.

в 1742 г. и о которых речь шла выше, — они были переданы Фишером в Академию наук по возвращении его в Петербург в 1747 г.; затем в реестре перечислены «дела», сдаваемые Линденау при рапорте: 1) «Описание пути от Охотка до Ямского острогу в 57 листах, при том же 4 ландкарты»,⁹⁴ 2) «Описание о коряках в 34 листах, при том же вокабель в 10 листах».⁹⁵ 3) «Описание пути от Охотка сухим путем... до Юдомского Креста, а от Юдома водою до Якуцка в 45 листах»,⁹⁶ 4) «Описание пути от Якуцка до реки Торома (в Удский острог, — А. А.) и обратно в 117 листах»,⁹⁷ 5) «Описание о реке Амуре...», имеется 56 листов,⁹⁸ 6) «Описание тунгусов (удских), их нравов и обычаев в 41 листе, при том же вокабель в 5 листах»⁹⁹ и 7) «Приходящие и отходящие дела от 741 года до сего 746 году, при том оным делам реестр».¹⁰⁰ Все указанные выше «дела» и переписка хранятся ныне в ЦГАДА и отчасти в Архиве АН.

Часть дел, которые, по словам Линденау, «употребляют исправности» (требуют исправления, — А. А.), он временно оставил при себе; сюда вошли: 1) «Описание о якутах, собрано в 741 и 745 году»,¹⁰¹ 2) «Описание касающихся до географии от Якуцка до деревни Качеги»,¹⁰² 3) «Описание брацкого народу»,¹⁰³ 4) «Описание от деревни Качеги через Косую степь к Байкалу, а от Байкала обратно по реке Иликте до деревни Качеги»,¹⁰⁴ 5) «Описание от деревни Качеги сухим путем до города Соликамского, а оттуда водою по Каме реке до Лаишева, чрез Казань до Москвы»¹⁰⁵ и, наконец, 6) «Описание от Соликамского вверх по Каме реке до реки Печоры, и по той реке вниз до моря».¹⁰⁶ Позднее все эти «описания» поступили в архив Кон-

⁹⁴ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, I, тетр. 3, лл. 1—59.

⁹⁵ Там же, № 511, II, тетр. 6, лл. 1—37.

⁹⁶ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, I, тетр. 4, лл. 1—47.

⁹⁷ Там же, № 511, I, тетр. 1, лл. 1—117.

⁹⁸ Там же, № 511, II, тетр. 7, лл. 1—57.

⁹⁹ Там же, № 511, II, тетр. 9, лл. 1—47.

¹⁰⁰ ААН, ф. 24, оп. 5, №№ 99, 103 и 142.

¹⁰¹ ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, II, тетр. 3, лл. 1—4.

¹⁰² Там же, № 511, I, тетр. 7, лл. 1—32.

¹⁰³ Там же, № 511, I, тетр. 6, лл. 1—22.

¹⁰⁴ Вошло в состав рукописи, упомянутой в примечании 102.

¹⁰⁵ Это «Описание» состоит теперь из нескольких частей: а) «Описание пути из Иркутска в Красноярск» — ЦГАДА, портф. Миллера, № 511, I, тетр. 8, лл. 1—23; б) «Описание пути из Красноярска в Томск» — там же, тетр. 9, лл. 1—22; в) «Описание пути из Томска в Соликамск» — там же, тетр. 10, лл. 1—35; г) «Описание пути из Соликамска в Казань» — там же, тетр. 11, лл. 1—11; д) «Описание пути из Казани в Петербург» — там же, тетр. 12, лл. 1—22.

¹⁰⁶ ЦГАДА, портф. Миллера, № 523, тетр. 8, лл. 1—61 — «Известия о водном пути, который имеют промышленники из Соликамска на р. Печору».

ференции Академии наук и отмечены в описи 1748 г.,¹⁰⁷ ныне они хранятся в ЦГАДА, в портфелях Г. Ф. Миллера.

По возвращении в Петербург Линденау в течение нескольких месяцев не получал дальнейшего назначения. В декабре 1746 г. он обратился с новым «покорнейшим доношением»,¹⁰⁸ в котором вновь напоминал обо всем том, что ему пришлось делать в Сибири; в нем он указывал, что, будучи «определен» в экспедицию «для одного перевода и копирования... профессорских дел», он «не токмо вышеозначенную должность правил, но что по указам и по инструкциям Академии наук приказано было чинить, оное, сколько мне одному, без всякого вспоможения возможно было, исправлял, и был в разных нужных местах, от чего моея ревности принял многие смертельные случаи и голод, а именно: на море, в Коряках, по Юдоме реке, из Якуцка до Торома и обратно; от которых неотменных беспокойств, голоду и лыжной ходьбы... от чего и здоровья лишился». Отметив далее, что во всех этих трудных обстоятельствах ему приходилось тратить свои средства и терять собственное имущество, он писал, что «возвратился суды с немалыми неоплатными долгами, платить которые нечем», но «сверх того з домашними своими претерпеваю самую крайнюю нужду». 17 декабря 1746 г. состоялось постановление Канцелярии о том, что «ввиду отсутствия в Академии подходящего дела... Линденау отослать в Сенат с рекомендацією». Действительно, в Сенате сохранилось дело об отсылке Линденау в Сибирский приказ для «определения... в Балаганский дистрикт управителем или каким другим в Сибирской губернии и в Иркутской провинции делам...».¹⁰⁹

Подробности последующей деятельности Линденау, протекавшей в восточной Сибири до 1785 г. пока не известны за отсутствием необходимых материалов. Об этом периоде жизни Линденау, как и о более позднем (80—90 гг. XVIII в.) сведения поступали только лишь от корреспондента петербургской Академии Наук Эрика Лаксмана, жившего в Иркутске и занимавшегося изучением флоры и фауны Сибири (часть собранных им богатых коллекций поступила затем в 1786 г. в Горный институт).

В заседании Конференции 12 мая 1785 г. было доложено письмо Э. Лаксмана от 19 марта, в котором он обращал внимание Академии на тяжелое положение 87-летнего Линденау, проживавшего в Балаганске в большой бедности и нищете; Лаксман

¹⁰⁷ ААН, ф. 21, оп. 5, № 148, л. 14 — два тома «описаний» Линденау, №№ 151—152 и 153—163; ААН, ф. 3, оп. 1, № 802.

¹⁰⁸ Там же, № 813, лл. 130—132.

¹⁰⁹ ААН, оп. 1, № 813, л. 142; ЦГАДА, ф. Сената, № 807, лл. 841—866.

напоминал о том, что из работ Линденау, хранящихся в архиве Конференции, составленное им описание мест по р. Уде и до устья Амура является до сих пор самым лучшим и самым точным. Представление об оказании материальной помощи Линденау не имело тогда успеха ввиду отсутствия средств у Академии.¹¹⁰

В 1790 г. Лаксман вновь обращал внимание Академии на тяжелое положение 91-летнего Линденау. «Этот замечательный старик, — писал Лаксман, — сохранил все свои способности, за исключением слуха».¹¹¹ Повторное представление Конференции директору Академии Дашковой об оказании помощи Линденау и на этот раз не имело успеха.

Линденау жил в последние годы недалеко от Иркутска, на р. Осе, где купил небольшую хижину, и добывал себе пропитание ломкой селитры в ущельях около Балаганска. Лаксман, часто бывавший здесь, проникся большим уважением к этому почтенному старцу и предложил ему даровую квартиру и стол у себя в Иркутске, но Линденау не захотел переселиться. Здесь на Осе постигла его в 1795 г. печальная смерть; 95-летний старик, вместе с его жилищем, со всеми его бумагами и записками, сделался добычей пламени.¹¹²

В 1764 г. Линденау был в Москве и здесь по распоряжению бывшего сибирского губернатора Федора Ивановича Соймонова занялся составлением на русском языке экстракта из подготовленного им (Линденау) и ранее отосланного в Академию наук труда «Описание от Якуцка до Уцкого острога и к Амуру»,¹¹³ находившегося в это время в распоряжении Г. Ф. Миллера. Со сделанного Линденау экстракта им была оставлена у себя копия, которая по возвращению Линденау в Иркутск, была взята у него иркутским губернатором генерал-майором К. Л. Фрауендорфом, «которая, уповательно, отыскаться может в деловой его архиве».

Из переписки Ф. И. Соймонова с Г. Ф. Миллером¹¹⁴ известно, что первый из них действительно усиленно добивался получения от Миллера копий с трудов Линденау, справедливо считая их весьма ценными; Миллер, взявший их временно из академического архива при отъезде своем в Москву в 1765 г., так и не вернул их в Академию до своей смерти в 1783 г.; они оказались в составе его рукописей, поступивших в архив Коллегии иностранных дел (ныне ЦГАДА).

¹¹⁰ Протоколы Конференции, III, стр. 814.

¹¹¹ Протоколы Конференции, IV, стр. 5, 7, 225.

¹¹² В. Лагус. Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890, стр. 183—185.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ААН, ф. 21, оп. 3, № 263.

Кроме Ф. И. Соймонова и Г. Ф. Миллера, труды Линденау высоко ценил упомянутый Эрик Лаксман, весьма многим обязанный Линденау в изучении северо-востока Сибири.¹¹⁵ Заслуга Линденау в этой области является бесспорной и в наши дни, в особенности после появления работы А. М. Золотарева.¹¹⁶

Следует заметить, что труды Линденау, хранившиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (ЦГАДА), еще до появления работы А. М. Золотарева описаны кратко М. П. Пуцилло¹¹⁷ и более подробно в первом томе «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера.¹¹⁸

---

¹¹⁵ В. Лагус, ук. соч., стр. 235, 290.

¹¹⁶ Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в. Историк-марксист, 1938, № 2 (66), стр. 63—88.

¹¹⁷ М. П. Пуцилло. Указатель, стр. 98.

¹¹⁸ Г. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 549, 552—553.

IV. ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ О СИБИРИ В. Н. ТАТИЩЕВА

Василий Никитин Татищев (1686—1750), один из видных деятелей Петровского времени,¹ был не только первым русским историком, автором «Истории Российской», но также ученым географом и этнографом.

[Его географические труды мало известны, так как большая часть их осталась неизданной. Между тем они имеют большой научный интерес и значение, как одни из первых научных трудов по русской географии. Они содержат в себе ценные материалы по географии России первой половины XVIII в. и по истории народного хозяйства России. Без этих трудов, несомненно оказавших влияние на последующих географов XVIII в. (П. И. Рычкова и др.), невозможно понять развитие русской географической мысли, уже в XVII—XVIII вв. давшей много сочинений, сохраняющих научное значение до настоящего времени. В ряду их труды В. Н. Татищева занимают видное место. Татищев начал заниматься географией в 1719 г., когда Петр «изволил быть намерен... определить к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной российской географии с ландкартами», о чем Татищеву было предложено сочинить особое представление. Тогда же такое представление было сочинено, вручено Петру и им одобрено, а сам Татищев определен к «землемерию», но в этой работе он не принял участия,

---

¹ Н. А. Попов. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия, М., 1861; П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864.

А. И. Андреев. Вступительная статья и примечания к публикации «Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг.». Исторический архив, VI, М.—Л., 1951, стр. 245—314; А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. Вводная статья к кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 5—38. — *Прим. ред.*

так как в марте 1720 г. был назначен в Сибирь на строительство новых заводов и улучшение существовавших.]²

Уже в первое свое пребывание в Сибири (1720—1723 гг.) Татищев, помимо прямых своих обязанностей — «в Сибирской губ. . . , где обыщутся удобные разные места, строить заводы и из руд серебро и медь плавить», живо интересовался также современным состоянием Сибири и ее населения, результатом чего явились, например, интересные записки его о Сибири, составленные в 1726 г. и напечатанные в 1863 г. П. П. Пекарским.²

17 марта 1734 г. Татищев был вновь назначен в Сибирь главным начальником горных заводов Сибири и Пермского края. В данной ему инструкции от 23 марта 1734 г., помимо вопросов управления заводами, был особый пункт (13-й), относящийся к изучению обширного края, в котором находились упомянутые заводы. Татищеву вменялось в обязанность не только дать географические карты отдельных уездов, но и составить «обстоятельное географическое описание Сибири».

[«Хотя в Сибири различные ландкарты учинены, однако ж многие обстоятельства, а особливо что к пользе заводов касается, упущено, т. е. многих рек, гор и лесов не назначено и не описано, без которых здесь обстоятельно рассудить не можно. Того ради требовать вам от нашего Сената сколько потребно искусных геодезистов со учениками и сочиненными картами, которых тебе к сочинению всей Сибири исправных ландкарт понуждать и в том над ними прилежно надзирать; и когда которому уезду или положению сделают, оную прислать к нам, приобща к тому обстоятельное географическое описание. А которые геодезисты донныне в Сибири для сочинения карт обретаются, тех тебе взять в свое ведомство.»]³⁶

[По прибытии же на сибирские заводы в 1734 г. Татищев «паки принялся за... начатой труд». По его собственным словам, он хотел «особливо сибирскую географию сочинить, понеже об оной от истории много искать неоткуда, для того, что древние оную от незнания генерально земля неведомая, и земля северная, или инкогнита, и иперборей имяновали и тем довольствовались». По мнению Татищева, если «древние историки» не могли дать что-либо для географии Сибири, то «татарская и русская о ней истории к тому без дальнейшего собирания могут годиться...». Уже в первое свое пребывание в Сибири,

² Записки РГО, 1863, кн. III, исслед. и матер., стр. 112—114, 124—128.

³ ПСЗ, т. IX, № 6559.

⁴ Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 3, 5).

⁶ Труды В. Н. Татищева по географии России. (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 6—7).

именно в 1722 г., Татищев получил «Сибирскую историю», составленную ротмистром Станкевичем; после смерти Татищева она, видимо, погибла. По словам Татищева, он получил этот «Летописец тобольский», сочиненный ротмистром Станкевичем, от архимандрита Далматова Успенского монастыря Исаакия в 1720—1722 гг. и снял у него копию; Станкевич жил во времена Годунова, Шуйского и царя Михаила, и в его летописце многое было изложено полнее и иначе, чем в летописцах, которые были известны Г. Ф. Миллеру, когда он писал свою «Историю Сибири».⁴ «История» Станкевича была написана после 1618 г, так как в ней были уже упоминания об Енисейске, основанном в 1618—1619 гг.

Что касается «татарской истории», то под ней надо разуметь историю Абулгази, которая была известна в Сибири в те же годы;⁵ этот труд в русском переводе не удовлетворял Татищева, и к нему в последние годы своей жизни он написал «примечания».⁶

Но указанные «истории» могли помочь Татищеву при составлении древней географии Сибири, «а о настоящих обстоятельствах современной географии Сибири «по притчине власти над всеми горными заводами от городов достать известия было трудно». Вскоре же после прибытия в октябре 1734 г. в Екатеринбург (ныне Свердловск) Татищев сочинил «предложение с вопросами», «что ко известию требуется», и «через губернию» (т. е. губернский центр Сибири — Тобольск — А. А.) «во все городы» Сибири разослал, «а многим охотникам с обещанием награждения роздал».⁷

Собирание сведений таким способом практиковалось и ранее: уже в 1724 г. по распоряжению Петра I была разослана по всей империи подобная же анкета, и на основании ответов с мест под руководством Я. В. Брюса должно было составляться географическое описание России. Судя по тому, что по возвращении Татищева из Сибири Петр I несколько раз беседовал с ним о «сочинении обстоятельной русской географии с ландкартами»,⁷ можно думать, что Татищев принимал какое-то участие в составлении упомянутой анкеты. Ответы с мест пришли уже после смерти Петра, и дело с обработкой их за-

⁴ Отзыв Татищева на первую часть труда Миллера — ААН, ф. 3, оп. 1, № 817 и ф. 21, оп. 5, № 11.

⁵ О Станкевиче см. А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России в кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 20. — Прим. ред.

⁶ О ней см. подробнее выше, стр. 34—36.

⁷ О работе Татищева по составлению примечаний к переводу Абулгази см. ниже, стр. 324.

⁸ П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве, стр. 11—13.

⁹ Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 8—9).

глохло бы, если бы за него не взялся секретарь Сената Иван Кириллович Кирилов, которому русская география обязана не только его известным атласом Российской империи 1726—1734 гг. и многими картами, не вошедшими в атлас,⁸ но и обстоятельным описанием, составленным на основании присланных с мест в ответ на анкету известий. Этот труд Кирилова был издан только в 1831 г. М. П. Погодиным по плохому списку, оказавшемуся в его собрании рукописей;⁹ к настоящему времени известно еще несколько списков этого труда, более исправных, чем список Погодина.¹⁰

Труд Кирилова — первое обстоятельное описание Российской империи по данным 1724 г.; в нем довольно большую часть занимает описание Сибири, богатое данными по географии, этнографии и истории.

Татищев пошел по следам Кирилова: в своем собирании материалов для географии и при обработке их он старался опираться на высшее научное учреждение в стране — Академию наук.

[Первый вопросник Татищева¹¹ из 92 кратких вопросов географического, исторического и этнографического содержания был послан в Академию; в письме от 5 ноября 1734 г. из Екатеринбурга (который Татищев постоянно называл Екатеринбургском) Татищев, между прочим, писал: «Здесь ландкарты Пермскую, Вятскую и Угорскую нашел я весьма неправы и для

⁸ Кроме генеральной карты России, Кириловым издано 30 карт, из них некоторые относятся к Сибири, как то: планы нескольких сибирских крепостей, две карты Великой Перми (Соликамского уезда и владений баронов Строгановых), карта северной части Тобольского уезда, карта южной части Тобольского уезда, карта Кузнецкого уезда и карта Мангазейского уезда (ААН, ф. 1, оп. 3, № 82, л. 111—111 об.). И. К. Кирилов является также автором «Проекта о хлебе и вине в Якуцк и на Камчатку для экспедиций и для казенной продажи» (1732 г.) и записки о желательности второй Камчатской экспедиции (1733 г.) — ЦГАДА, ф. Сената, № 664, лл. 262—280; портф. Миллера, № 512, лл. 1—4. О деятельности Кирилова см. выше, стр. 28, 30 и сл.

⁹ Цветущее состояние Всероссийского государства., чч. I и II. М., 1831.

¹⁰ В Отделе рукописной книги БАН (31.3.25) и в ЛОИИ (ф. Воронцовых, №№ 635—636 и колл. 238, № 539). Списка Погодина нет теперь среди рукописей Погодинского древлехранилища в ГПБ; в ЦГАДА — см. С. И. Волков. Новый вариант труда И. К. Кирилова (к 250-летию первого экономического и географического исследования в России). Известия АН СССР, сер. геогр., 1951, № 3, стр. 55—56; С. И. Волков. Ценный источник по истории России XVIII в. (новый вариант исследования И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства», 1736). Вопросы истории, 1951, № 7, стр. 90—91.

¹¹ ААН, ф. 21, оп. 5, № 149. Этой теме посвящена статья Е. Г. Шапот «Анкеты В. Н. Татищева, как источник по истории Сибири первой половины XVIII вв.». Проблемы источниковедения, т. X, М., 1962, стр. 134—153. — *Прим. ред.*

того велел вновь описывать и мерять; к тому и степи за Уралом, до сего времени наугад положенной, немалую часть описал... О вопросах для известия о народах идолопоклоннических прошу меня уведомить, что по тому сделано...»¹² «Вопросы» были присланы Татищевым для рассмотрения их в Академии и для дальнейшего напечатания их в достаточном количестве экземпляров, но до января 1735 г. они не были напечатаны и в переводе на немецкий язык только в феврале 1735 г. были переданы профессору Л. Эйлеру; о дальнейшей судьбе их в Академии сведений мною не найдено.¹³ г

Уже по опыту прежних своих сношений с Академией зная, что дела в ней идут весьма медленно, Татищев, не дожидаясь ее замечаний, разослал выработанную им анкету по губернским и провинциальным канцеляриям Сибири и Казанской губ. и с начала 1735 г. стал получать ответы на предложенные им вопросы.

Поступление ответов шло очень медленно, требовались неоднократные напоминания со стороны Татищева, качество ответов его не удовлетворяло. Но, во всяком случае, от многих провинциальных канцелярий Сибирской и Казанской губ. были получены сведения, достаточные для того, чтобы Татищев мог приступить к составлению общего географического описания Сибири. Кроме ответов на анкету, полученных главным образом из Западной Сибири, источником для Татищева послужили и некоторые печатные труды о Сибири. Это прежде всего труд Страленберга «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», основательно изученный Татищевым и несколько позже под его наблюдением переведенный в Самаре на русский язык. К этому труду им составлены обстоятельные примечания.¹⁴ Замечания на Страленберга и других иностранных писателей Татищев пытался получить с мест, и в этом смысле, например, 17 февраля 1737 г. он доносил Кабинету, «что по данной ему... инструкции велено в Сибири посланным с ним геодезистом сочинить ландкарты и приобщить географические описания, токмо

¹² Это письмо, как и ряд позднейших писем Татищева в Академию, адресовано на имя советника Академии Шумахера (ААН, ф. 121, оп. 2, № 130, лл. 46—47).

¹³ Протоколы Конференции, I, стр. 135, 150.

¹⁴ Перевод в Отделе рукописной книги БАН, 16.13.16; примечания, сообщенные Татищевым в 1732 г. в Академию наук, видимо, предназначались для «Sammlung Russischer Geschichte»; они написаны на немецком языке — ГПБ, Эрмит. собр., № 541, I, № 4в, стр. 1—8. Более поздние примечания на Страленберга — там же, № 541, I, № 4, лл. 1—40; ЦГАДА, портф. Миллера, № 149, II, тетр. 4; Отд. рук. кн. БАН, 17.9.7, лл. 1—75.

^г Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 9).

того географического описания без помощи и известий от воевод правильно сочинять не может»; ввиду донесения Татищева состоялся указ Кабинета от 14 марта 1737 г. сибирскому губернатору Бутурлину, в котором Кабинет требовал от него и прочих сибирских воевод на запросы Татищева отвечать «неотменно». Вице-губернатор Бибииков получил этот указ и анкету Татищева при «проме́мории» Сибирского приказа от 21 мая 1737 г. и отношения Татищева от 4 июня 1737 г. с выписками из Страленберга, касающимися народов Северо-Восточной Сибири. Бибииков сообщил Сибирскому приказу 23 октября 1737 г. об отсутствии у него людей, способных дать ответы на вопросы Татищева; Сибирский приказ ничего, однако, не ответил на донесение Бибиикова.¹⁵ Несмотря на это, Татищев все же получил из Иркутска обстоятельные ответы, составленные, кажется, вице-губернатором Андреем Григорьевичем Плещеевым; в них даны очень ценные сведения о всех народах северо-восточной Сибири. Надо думать, что подобного же происхождения те замечания на известия Страленберга об якутах, которые имеются в бумагах Татищева.¹⁶

В связи с такими же запросами (или в каком-то ином порядке) к Татищеву поступали и специальные записки, посвященные вопросам, лишь отчасти затронутым у Страленберга и у прочих иностранных писателей о Сибири; такова, например, подробная и весьма интересная записка «О Камчатке и об Охоцке» и др.¹⁷

Кроме Страленберга, в выписках Татищева сохранились извлечения из других печатных трудов о Сибири, например из «Стата Сибирского», под которым надо разуметь вышедшую в 1720 г. (повторно в 1725 г.) в Нюрнберге книжку под заглавием «Der allerneueste Staat von Siberien». Помимо того, Татищев располагал известиями о Сибири Лоренца Ланга, надо полагать, в немецком тексте.¹⁸ Он ссылается также на Адама Бранда, описавшего свое совместное с Избрандом Идесом путешествие через Сибирь в книжке, изданной в Гамбурге в 1698 г. Вероятно, Татищеву были известны и другие путешественники по Сибири, но судить об этом трудно, так как до нас дошла лишь часть его выписок¹⁹ и сибирских карт. На основании

¹⁵ ААН, ф. 3, оп. 1, № 816.

¹⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 816, л. 3 (копия письма), лл. 4—26 об., 340—340 об., 348—367, 410—416. Ср. в письме Шумахеру от 3 января 1739 г. (ААН, ф. 121): «...из Якутска получил описание якут с фигурами, которое, списав, немедленно пришло».

¹⁷ ААН, ф. 21, оп. 5, № 149, лл. 417—426.

¹⁸ Ch. F. Weber. Das veränderte Russland., I. Hannover, 1729, стр. 72—89.

¹⁹ Выписки напечатаны: Н. А. Попов. В. Н. Татищев и его время, стр. 705—716.

этих печатных и рукописных материалов и карт Татищев в 1736 г. [приступил к составлению «Общего географического описания всея Сибири» и, сочинив план и первые 12 глав, отправил этот план и 10 глав в феврале 1737 г. в Кабинет министров и в Академию наук «для рассмотрения»].⁴ По плану «Описание» должно было состоять из 45 глав, из которых отысканы только некоторые: гл. 1 — «О имени Сибири» (§§ 1—6), гл. 2 — «О границах» (§§ 7—15), гл. 3 — «О великости» (§§ 16 и 17), гл. 4 — «О воздухе» (§§ 18—22), гл. 5 — «О водах» (начало § 23—29), гл. 6 — «О положении земли» (§§ 30—32), гл. 7 — «О внутренних земли» (§§ 33—40), гл. 8 — «О солях или минералах» (§§ 41—48), гл. 9 — «О рудах металлей» (§§ 49—54), гл. 10 — «О полуметаллах» (§ 55) и часть гл. 13 — «О жителях сибирских» (§§ 74—75); § 76 и следующие до конца труда также не найдены.²⁰

[Кабинет-министры ответили 14 марта того же года благодарностью за присланную часть труда и просили «и далее оное продолжать и стараться к окончанию привести, чтобы такое, яко весьма надобное дело, в забвении не было». Министры уведомляли Татищева о посылке в губернии Сибирскую и Казанскую высочайших указов о представлении с мест нужных ему для географического описания известий.²¹

В Академию наук начало «Общего географического описания всея Сибири» было послано при письме от 30 декабря 1736 г.;²² в нем Татищев, между прочим, писал: «... Когда я доведу до конца свое географическое описание Сибири, то вместе с ним перешлю в Академию карты всех сибирских губерний. Чтобы стал ясен порядок, в каком я решил расположить описание, я посылаю с настоящим моим письмом только его начало (прочее писец не мог приготовить из-за краткости срока).²³ Постарайтесь, чтобы более опытные профессора рассмотрели его и указали мне сделанные ошибки и помогли бы мне присылкой известий, которых у меня недостает, и теми из них, которые

²⁰ «Общее географическое описание всея Сибири» сохранилось в двух списках: первый в ЦГАДА, ф. Сената, № 1164, лл. 136—167, второй в ЛОИИ, колл. 226, № 345 на 18 лл. (рукопись, поступившая из БАН, шифр 28.2.108). Опубликовано: В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 36—72 (текст), стр. 73—76 (примечания). — *Прим. ред.*

²¹ ЦГАДА, ф. Сената, по Кабинету, № 1164, л. 158 и об.

²² ААН, ф. 1, оп. 3, № 1, лл. 45—45 об., 72—72 об. (латинский перевод и письма; обратный перевод на русский язык сделан А. И. Доватором, которому приношу за то благодарность).

²³ Были посланы только план и первые пять глав, если судить по тому, что сохранилось к настоящему времени в ЛОИИ (колл. 226, № 345).

⁴ Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 10—11).

имеются в Академии. Эти последние для того, чтобы по тщательном рассмотрении и приведении в порядок я мог представить Описание на вторичный просмотр. Из известий мне больше всего нужно то, что, может быть, написал капитан Беринг и профессора Академии, особенно то, что относится к широте и долготе мест, а также к различным народам Сибири...».

Татищев сообщал далее, что им написано 12 глав, но для продолжения не было у него соответствующих данных: «Хотя я письменно просил очень многих воевод по губернии, чтобы они соблаговолили сообщить мне обо всем, что относится к Описанию, однако ничего ни от кого не доставлено, так как все заявляют, что без высочайшего указа не могут предоставить мне этих сведений». Татищев просил Академию сообщить ему мнение об его работе, чтобы «на основании этого мнения понять, что мне делать и не лучше ли в случае, если вся работа будет сочтена бесполезной, не тратить труда и бумаги».

Присланное Татищевым «Общее географическое описание всея Сибири» не получило отзыва Академии, а просимые Татищевым материалы не были посланы. Он пытался непосредственно получить материалы о Сибири, собранные профессорами Академии — участниками Второй Камчатской экспедиции, но потерпел и здесь неудачу.]^с

Составленные Татищевым в 1734 г. вопросы мало удовлетворяли его самого: «...по тем пунктам многие ответствовали не в той силе, — знатно, что от краткости тех пунктов погрешают, того ради рассудили: Академии наук, оные исправив и пространнее написав, представить, дабы управители вернее могли понять и, обстоятельнее о всем наведаясь, показать...».²⁴ Татищев стал работать над сочинением другого, более подробного и обстоятельного «предложения» по географии, истории, этнографии и языкам народов Сибири. Он приступил к составлению этой второй анкеты уже в 1734 г.; в письме от 5 ноября 1734 г. (т. е. вскоре по прибытии в Екатеринбург) он запрашивает Шумахера о том, что же сделано в Академии с присланными им вопросами «для известия о народах идолопоклоннических»,²⁵ которые составили затем раздел 2 новой инструкции. Вопрос оставался без ответа до 1737 г. Объяснение такого странного молчания Академии по поводу большой научной работы, проделанной В. Н. Татищевым, надо, видимо, искать в том, что в ее составе не было достаточно компетентного лица, которое могло бы критически

²⁴ Н. А. Попов. В. Н. Татищев и его время, стр. 665—666.

²⁵ ААН, ф. 121, оп. 2, № 130, л. 47.

^с Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 11).

подойти к работе Татищева. Вопросы, поднятые в «предложении» и других трудах Татищева, были, конечно, близки акад. Г. Ф. Миллеру, находившемуся, однако, в Камчатской экспедиции и, как отмечено мною далее, работавшему одновременно с Татищевым над теми же вопросами географии, этнографии и истории Сибири, которых касался Татищев в своих трудах. Сведений о непосредственных сношениях Татищева с Миллером в эти годы не имеется. Но известны некоторые факты сношений Татищева со спутником и другом Миллера Гмелином.²⁶

Однако его попытки получить от академиков разные материалы о Сибири потерпели неудачу, ему было отказано по формальным соображениям; не помогло в этом деле и вмешательство И. Д. Шумахера, который, по просьбе Татищева, писал Гмелину о снятии копий с некоторых материалов, собранных экспедицией в 1737 г.²⁷ Обе инструкции Татищева были известны Миллеру: в бытность в Красноярске в 1739 и 1740 гг. он взял там для себя отпуски ответов Красноярской воеводской канцелярии на обе анкеты Татищева, которые и сохранились в одном из портфелей Миллера с надписью, сделанной им собственноручно.²⁸ В составленной Миллером в 1740 г. инструкции Фишеру для собирания географических, этнографических и исторических сведений о Сибири можно установить несомненные заимствования из инструкций Татищева, о которых идет здесь речь.

[Разосланные в мае 1737 г. по городам Сибири указы воеводам об оказании содействия Татищеву в получении необходимых ему материалов для сочинения географии Сибири сыграли определенную роль. С конца 1737 г. он стал получать ответы на посланные им вопросы в их редакции 1735 г. Неудовлетворительность ответов побудила Татищева составить новый, более подробный вопросник, который и был разослан им на места во второй половине 1737 г., когда Татищев уже был назначен 10 мая 1737 г. начальником Оренбургской экспедиции вместо умершего 14 апреля 1737 г. И. К. Кирилова.²⁹

Указом Кабинета от 23 мая 1737 г. Татищеву поручалось составление ландкарт России, в связи с чем в его ведение передавались все имевшиеся тогда геодезисты, 5 августа Кабинет

²⁶ Пекарский, I, стр. 437. Переписка Татищева с Гмелином в 1734—1735 гг. в Архиве АН, ф. 21, оп. 5, № 93 (в копиях).

²⁷ Письмо Гмелина Татищеву, составленное Миллером, от декабря 1735 г. — Материалы, VI, стр. 418—422; письмо Гмелина Шумахеру от 28 августа 1737 г. — ААН, ф. 1, оп. 3, № 23, лл. 34—35.

²⁸ Некоторые из этих ответов напечатаны: Советская этнография, 1936, № 6, стр. 99—103.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. «Именные указы и „высочайшие повеления“ Сенату», № 48, л. 15

подтвердил свой предыдущий указ и дополнил его поручением Татищеву составить генеральную карту России.^{30]}*

Только в мае 1737 г. в связи с этим назначением Татищева и новым указом Сената об ускорении работ по составлению карт и описания Сибири Академия ответила на его письма 1735 и 1736 гг., при которых были приложены упомянутые труды; «Предложение о описании Сибири» было отдано президентом на просмотр «некоторым членам, чтобы о том Академии наук репортовать, и на страленберхову книгу присланные примечания в такой порядок привести, дабы оне к прочим до Российской истории принадлежащим описаниям присовокуплены быть могли».³¹ В действительности же и в дальнейшем обсуждения «предложения» Татищева не происходило. Спустя полгода «проематорией» от 16 октября 1737 г. Татищев вновь обращается в Академию по тому же вопросу. [Он писал в Академию наук о принятых им мерах к исправлению тех ландкарт, которые он получил от Кирилова, отметив при этом, что «хотя много трудились (геодезисты над сочинением ландкарт российских провинций — их он получил 18, — А. А.), да не от прилежности и недостатка, а паче что порядочной и обстоятельной на их недовольное искусство инструкции не имели».

Татищев намерен был всех обретающихся при Оренбургской экспедиции геодезистов разослать по провинциям, но до выработки обстоятельной инструкции и получения нужных инструментов отправил только пять геодезистов в Сибирь и трех в Казанскую, Симбирскую и Вятскую губ. Он обратился к Академии с просьбой «генеральную и достаточную инструкцию сочинить». В письме излагал и свои соображения по поводу этой инструкции: «...надлежит все к примечанию нужные при наблюдениях, латитуде и лангитуде и при мерянии по земле обстоятельства внести, а при том табели доклинации, рефракции и прочее, с довольными ко употреблению изъяснению. А о сочинении на бумаге ландкарт, а паче о границах того уезда, о горах, лесах, реках и прочем, внятно описать, и оные напечатать». Для подобной инструкции геодезистам он, со своей стороны, подготовил отдельные пункты и «Предложение о сочинении истории и географии». Эти краткие пункты и «Предложение» были отправлены им в Академию наук; вместе с письмом Татищева они были доложены в заседании Конференции Ака-

³⁰ ЦГАДА, ф. Сената, дела Сената по Оренбургской губ., кн. 143/12, лл. 486, 497 об.; о географических работах геодезистов и перечень составленных ими карт см. выше, стр. 85.

³¹ Материалы, III, стр. 396. Черновик письма Шумахера Татищеву от 18 мая 1737 г. — ААН, ф. 1, оп. 3, № 82, лл. 102—103.

* Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 12).

демии наук 2 декабря 1737 г. В следующем году инструкция была готова.³²

«Предложение о сочинении истории и географии», составленное Татищевым в 1737 г., было переведено на латинский язык, но было ли кем-либо из профессоров просмотрено и изучено, получило ли какую-либо академическую оценку — неизвестно. Между тем «Предложение» представляло детально разработанный вопросник, ответы на который могли бы дать богатые материалы по географии, этнографии, истории, языковедению тех мест, куда были направлены. По сравнению с первой редакцией (1735 г.), в новой — количество вопросов было значительно больше (198 вместо прежних 92) и они были разработаны с большими деталями, чем в 1735 г.]³

Из текста «промемории» видно, что геодезистам, отправленным в Сибирь, эта его инструкция вручена в качестве обязательной. В письме к президенту от того же 16 октября 1737 г.³³ Татищев, настойчиво требуя составления и напечатания инструкции для геодезистов, между прочим, писал: «*mus dieselbe weitläuffig verfasset werden, absonderlich wo Leute von anderer Religion und Sprache sind*», несомненно, имея в виду ту часть ее, которая его особенно интересовала — о собирании сведений по географии, этнографии и истории народов Сибири. Но и на этот раз Академия не ответила на просьбу Татищева. 12 марта 1739 г. Татищев вновь напоминал Академии о необходимости высылки «обстоятельной геодезистам инструкции», в которой должен быть раздел, посвященный составлению географических описаний,³⁴ но в ответ получил лишь ту часть ее, которая была составлена И. Н. Делилем и касалась астрономических и геодезических измерений. В апреле 1739 г. Татищев представил в Сенат подробный отзыв об этой инструкции, где не преминул высказаться по поводу состояния географического изучения России и Сибири в те годы;³⁵ в конце отзыва он вновь настаивал на рассмотрении, исправлении и затем отпечатании его «Предложения» и о рассылке его по городам, «дабы каждой провинции описание купно с ландкартою издать было возможно».

Вопросы, поднятые Татищевым и касавшиеся Академии, в последней встретили тот же отклик, как и более ранние по-

³² Материалы, III, стр. 499—501; Протоколы Конференции, I, стр. 442, 445, 450.

³³ Материалы, III, стр. 498—499.

³⁴ Материалы, IV, стр. 40.

³⁵ Материалы, IV, стр. 97—104.

³ Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 12—13).

пытки Татищева получить ответ на давно уже лежавшее в Академии «Предложение».

Таким образом, при всей настойчивости Татищева он не получил помощи со стороны Академии, и «Предложение о сочинении истории и географии российской» явилось его единоличным трудом. Оно представляло подробно разработанный список вопросов (их 198) по географии, этнографии, истории, археологии, лингвистике, антропологии и т. п., ответы на которые необходимо было получить с мест.³⁶ В разделе первом «Предложения», общем для всех губерний и народов, шла речь «о званиях», «о границах», «о свойстве и действе воздуха», «о водах», «о природном состоянии земли», «о подземностях», «о жителях», «о жилищах». Раздел второй посвящен «народам идолопоклонническим, какое известие о оных требуется» (вопросы 108—164); этот раздел разработан наиболее полно. После небольшого раздела 3 — «о магометанах» (вопросы 165—175) Татищев в заключение вновь возвращался к разделу первому, дополняя его некоторыми новыми вопросами (176—198), между прочим, о суевериях, приметах и т. п.; в вопросе 198 он писал: «Наипаче всего нужно каждого народа язык знать, дабы чрез то знать, коего они отродья суть; но в языке надобно знать...», и далее давал подробную инструкцию, как записывать слова; в конце вопроса 198 имеется ряд указаний, как составлять описание «состояния телес» народа; эти указания заключены пожеланием, чтоб составитель описания имел при себе «живописца, который мог бы «смалевать» отдельных представителей описываемого народа.

Ожидая долго ответа Академии, Татищев давно уже использовал свою инструкцию для собирания нужных сведений. Одновременно с «апробацией» представленных им в Кабинет первых глав географического описания Сибири Татищеву было поручено по образцу географического описания Сибири сочинить географию всего государства.

С целью получения необходимых для этого материалов он вошел с новым представлением в Сенат, чтобы его «Предложения, что к тому... от губерний и городов потребно (т. е. его инструкцию из 198 пунктов, — А. А.) повелели, рассматривая и, если в чем потребно, исправя, напечатать и во все государство разослать». Еще до получения ответа Сената и вместе с тем печатных экземпляров инструкции он «для скорости» разослал ее в письменном виде геодезистам, находившимся в Сибирской

³⁶ «Предложения» сохранились в нескольких списках: ААН, ф. 21, оп. 5, № 151, лл. 1—17 и ф. 3, оп. 1; № 816, лл. 8—31. Напечатано: Н. А. Попов. Татищев и его время, стр. 663—696; В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 77—95 (текст) и стр. 96—97 (примечания). — Прим. ред.

и Казанской губ.³⁷ Ответы последних, а также провинциальных канцелярий начали поступать с 1737 г. Не касаясь качества ответов, следует отметить, что запросы по второй анкете Татищева, вероятно, были отправлены также во все сибирские провинциальные и уездные канцелярии, но неизвестно, от всех ли канцелярий были получены ответы; во всяком случае сохранились они далеко не в полном виде.

[В 1737—1738 гг. Татищев не возвращался к начатому им «Общему географическому описанию Сибири», которое осталось незаконченным, а поступивших в эти годы «известий» оказалось недостаточно для составления той специальной части «Географического описания Сибири», в которой автор предполагал дать описание Сибири по уездам. Как свидетельствует сам Татищев, именно в это время работы в Оренбургской комиссии он приступил к составлению «Общего географического описания всея России». Работа шла медленно, главным образом из-за недостатка известий; она была закончена в части своей — именно «Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи» — только в 1744 г. в Астрахани.³⁸] В нем, в нескольких главах, можно найти известия и о Сибири, заимствованные, несомненно, из тех ответов сибирских канцелярий, о которых сказано выше.

Впрочем, помимо ответов на анкеты, в те же годы Татищев занимался также сборианием и изучением других материалов по географии и истории Сибири. Так, кроме отзыва на Страленберга, в «промемотии» от 3 мая 1738 г. он сообщает в Академию несколько ценных замечаний по поводу ранних работ Г. Ф. Миллера по истории калмыков³⁹ и присылает копию полученного им от калмыцкой «княгини тайшиной нечто краткое о их законе», надеясь получить от нее известия о вере и истории калмыков и примечания на напечатанное Г. Ф. Миллером и другими о калмыках.⁴⁰

В связи с этим стоит требование Академии, по просьбе Татищева, к И. С. Унковскому о присылке в Академию журнала его путешествия в 1722 г. к калмыкам, который был послан затем

³⁷ Материалы, IV, стр. 99, 101.

³⁸ Труд этот сохранился в трех списках: 1) Рук отд. ГПБ, F-IV, № 867 (см. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1908 г., стр. 172—176); 2) список ЛОИИ, колл. 115, № 413 (бывш. БАН, шифр. 16.13.24); 3) список Отд. рук. кн. БАН, 32.8.7. О времени составления см. письма Татищева от 30 апреля 1739 г. (Материалы, IV, стр. 99) и 19 ноября 1740 г. (ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, лл. 41—42).

³⁹ SRG, I.

⁴⁰ Материалы, III, стр. 682—683, 725—726.

⁴¹ Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 14).

Татищеву.⁴¹ Свое обещание выслать в Академию материалы о калмыках Татищев выполнил позже.⁴²

В 1739 г. Академия наук издала «Краткое руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт. Сочинено в пользу российского юношества и переведено с немецкого языка»; автором этой книги был Г. В. Крафт. Татищев скоро откликнулся на это издание и в том же 1739 г. прислал в Академию «На память к пополнению и поправлению географий, печатанной в 1739 г.»⁴³

В октябре 1737 г. Татищев указывал Шумахеру на необходимость перевода на русский язык «известной татарской истории», под которой разумел труд Абулгази «Генеалогическая история татар», перевод которого Академия еще в 1734 г. поручила В. К. Третьяковскому, что и было выполнено в 1737 г. Этот перевод был переслан Татищеву по его просьбе в 1746 г., когда он усиленно работал над древнейшим периодом русской истории, для которого «история татарская Абулгаси-хана» оказалась весьма «нуждна». Ознакомившись с переводом, Татищев нашел его неудовлетворительным и решил не только исправлять его, но и писать примечания к тексту Абулгази и к тем примечаниям, которые имеются во французском переводе. Прочитав только четверть текста, он написал две тетради «мелкого письма примечаний», в которых, по его словам, «много того находится, о чем немногие знают». Позднее (в 1750 г.) примечания на русский перевод труда Абулгази вместе с исправленным текстом перевода были пересланы Татищевым в Академию, но от них сохранился всего лишь небольшой отрывок на четырех страницах.⁴⁴ Было бы важно установить, отразились ли исправления Татищева на переводе Абулгази, принадлежащем Третьяковскому и изданном Академией только в 1768 г.

⁴¹ Там же, стр. 806—807.

⁴² См. список материалов и «промеморий», полученных в Академию 12 марта 1739 г. (Материалы, IV, стр. 41. Часть этих материалов в Архиве АН, р. II, оп. 1, № 205, лл. 113—114 об.).

⁴³ Пекарский, I, стр. 464; ААН, р. II, оп. 1, № 207, лл. 71—76 об. Автор труда (писанного неизвестным почерком) не указан, но он говорит о себе: «Я же как ревностно во всех обстоятельствах императорской Академии всякого в чести и ползе приращения желаю, так сим точно и о сей благополезной книжице напаятовать за полезно нахожу...»; и стиль и орфография не оставляют сомнений, что автором отзыва был Татищев. «Краткое руководство» было переиздано в 1764 г. Эпинусом, который внес много изменений в текст 1739 г., но ни одно из замечаний Татищева не принято во внимание, да и самый труд его оставался до сих пор не известным.

⁴⁴ Материалы, III, стр. 498—499; VIII, стр. 248, 258; ААН, ф. 1, оп. 3, № 39, лл. 96—97; ЛОИИ, колл. 226, № 274 (рукопись, поступившая из БАН, шифр 26.5.470).

[В 1745 г. окончилась служебная деятельность В. Н. Татищева, продолжавшаяся более 40 лет. Но не кончилась его научная работа.

Некоторые работы этого периода относятся и к истории, и к географии — такой характер имеет, например, написанный Татищевым отзыв о первом томе «Истории Сибири» Миллера, когда в 1749 г. этот том был прислан ему из Академии.] * [Получив от Академии «Начало Сибирской истории» — начало рукописи труда Г. Ф. Миллера (вышедшего в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства»), Татищев живо откликнулся на него; в его письме от 30 марта 1749 г. много ценных историко-географических замечаний о Сибири. Свои замечания на первую главу «Истории Сибири» Татищев отправил 28 апреля 1749 г.⁴⁵ 19 июля они были переданы Миллеру, который написал на них свои ответы, едва ли дошедшие до Татищева.⁴⁶] [^]

Кроме рукописей и книг по географии и истории Сибири, в 1734—1739 гг. Академия получала от Татищева неоднократно карты, составленные под его руководством геодезистами. Эти карты являются серьезным опытом в области русской картографии, относящимся к тому времени, когда нередко отсутствовали самые элементарные требования для подобной работы, о чем красноречиво рассказывает сам Татищев в названном выше представлении в Сенат по поводу инструкции Делиля. Как и прочие картографические материалы б. Географического департамента Академии наук, они хранятся в БАН и еще ждут своего исследователя.⁴⁷

Часть собранных Татищевым материалов о Сибири была выслана им в Академию в 1734—1739 гг.; оставшиеся у него поступали в последующие годы. Так, перевод Страленберга был передан в 1737 г., весь анкетный материал по запросам 1734

---

⁴⁵ Письма от 30 марта и 28 апреля опубликованы А. И. Андреевым: Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. Исторический архив, VI, 1951, стр. 285—288. — *Прим. ред.*

⁴⁶ ААН, ф. 21, оп. 5, № 11, стр. 1—20.

⁴⁷ Многие из них указаны в «Реестре ландкарт, чертежам и планам Российской империи, находящимся при имп. Академии наук». СПб., 1748. Карты уездов Екатеринбургского, Соликамского, Чердынского, Кунгурского, Верхотурского и Туринского, сочиненные геодезистами Иваном и Василием Шишковыми в 1734 и 1735 гг., составляли в 1741 г. «Атлас тайного советника Татищева» (ААН, ф. 3, оп. 10, № 3, 1741 г.). Описание карт см. В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.—Л., 1946, прил. II.

[^] Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 29).

[^] Там же, стр. 32.

и 1737 г. был переслан Татищевым в Академию только в 1749 г.⁴⁸

[Труды Татищева, за немногими исключениями, известны теперь в копиях, подлинники их утеряны; спустя лет 50—60 после смерти Татищева в 1750 г. объясняли эту утрату тем, что рукописи Татищева и его библиотека погибли в пожар, который произошел в с. Грибанове, куда, надо думать, они были перевезены из Болдина.⁴⁹ В этом объяснении много неясного и непроверенного. Некоторые рукописи Татищева оказались позднее в Кабинете имп. Елизаветы, а оттуда попали к Шувалову, Воронцовым, Соймонову и др.; как уже отмечено, от Воронцовых они перешли в Академию наук. Незначительная часть рукописей Татищева оказалась у Г. Ф. Миллера и ныне, в портфеле № 46 и некоторых других, хранится в ЦГАДА. В хранилищах Академии наук имеются главным образом не подлинники, а копии трудов Татищева.]^м

До 1930 г. материалы Татищева, попавшие в Академию наук, находились в Отделе рукописной книги БАН; при передаче в 1930 г. исторических материалов в другие хранилища, часть материалов Татищева почему-то была передана в Архив АН, где ныне находятся все материалы о Сибири, собранные Татищевым,⁵⁰ и в Историко-археографический институт, ныне ЛОИИ, где хранятся в коллекции № 226. О происхождении материалов, относящихся к тем же анкетам 1734 и 1737 гг. и хранящимся в ЦГАДА, в портфеле Миллера № 516, тетр. 2, сказано выше; они, несомненно, должны быть включены в общий обзор материалов Татищева о Сибири. Некоторые ответы дошли до нас в позднейших копиях, снятых, вероятно, в местных сибирских канцеляриях; таковы, например, ответы, отправленные из Иркутска относительно Верхотенского и Илимского уездов и со-

⁴⁸ Материалы, X, стр. 2; ААН, ф. 1, оп. 2, протокольные бумаги за 1749 г., август.

⁴⁹ Митроп. Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей. . . т. II. М., 1845, стр. 126.

⁵⁰ ААН, ф. 21, оп. 5, №№ 149—153, 163 и 184; № 152 доставлен в Академию И. Э. Фишером, снявшим в 1746 г. копию с хранившегося в Тобольской губернской канцелярии «объемистого волюма с ответами из разных мест на вопросы, предложенные Татищевым об истории, географии и других разных предметах» (из письма И. Н. Делиля 7 июля 1740 г.; П. Пекарский. Путешествие акад. И. Н. Делиля в Березов. СПб., 1865, стр. 47). Ответы, полученные Татищевым в 1738 г. из Тобольска на отдельные вопросы анкеты 1737 г., хранятся в ААН, ф. 98, оп. 1, № 20, лл. 95—101. Не к ним ли относятся рисунки тобольских татар в Архиве АН, ф. 21, оп. 5, № 134, тетр. 77?

^м Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 34—35).

ставленные «геодезии в ранге поручика» князем Иваном Шеховским «со ученики».⁵¹

Татищев имел в своем собрании также копии с документов, хранившихся в его время в сибирских архивах; в списке рукописей, которые были у него в конце 1735 г., он, между прочим, отметил: «G. Historia Sibiriensis. Diplomata exscripta de Sibiriensibus limitaneis negotiis»,⁵² а в перечне книг и рукописей, оставшихся после его смерти, указаны «архива Томская», «архива Тарская» и др.⁵³ Надо думать, что их постигла общая судьба рукописей, оставшихся в его селе Грибанов: они погибли в пожар вскоре после смерти Татищева (1750 г.).

Если не считать извлечений из материалов, собранных по анкете Татищева геодезистом В. Шишковым и напечатанных Н. А. Поповым и В. В. Радловым,⁵⁴ то все прочие материалы, связанные с Сибирью, остаются до сих пор не известными. Нет надобности доказывать, что они представляют большой научный интерес. Анкетный материал является ценным источником XVIII в. о народах Сибири, собранным по известному плану, для своего времени вполне научному, и в ряде аналогичных материалов того же XVIII в.

Хранящийся вместе с ним большой словарный материал,⁵⁵ собранный Татищевым через провинциальные канцелярии Сибири и по его заданию Кириаком Кондратовичем⁵⁶ и другими его сотрудниками тех лет, должен привлечь к себе внимание лингвистов как одна из ранних попыток в области собирания материалов по языкам народов Сибири.

[Труды Татищева по географии России испытали общую участь его трудов: в XVIII в. были напечатаны «О географии

---

⁵¹ Рук. отб. ГПБ, F-IV, № 21 и 22 (Списки второй половины XVIII в.).

⁵² Список приложен к письму Татищева в Академию от 21 декабря 1735 г., которое сохранилось только в латинском переводе — ААН, ф. 1, оп. 3, № 1, лл. 46—50, р. V, оп. 1-Т, № 47.

⁵³ Исторический архив, VI, 1951, стр. 286.

⁵⁴ Н. А. Попов, ук. соч., стр. 569—577 и 696—704; В. В. Радлов, в. Сибирские древности, т. I, вып. 3. СПб., 1894, прилож., стр. 140—146.

⁵⁵ Те несколько образцов ответов провинциальных канцелярий Сибири на словарную анкету Татищева, которые, по словам Г. Ф. Миллера в его «Истории Академии наук» (Материалы, VI, стр. 286), взял в Сибири Фишер и потом передал в Геттингенское научное общество, являются отпусками ответов этих канцелярий на запрос Татищева, которые в подлинниках хранятся в Архиве АН.

⁵⁶ О словарях, составленных им по поручению Татищева, см. Материалы, IV, стр. 131, 385 и Н. А. Попов, ук. соч., стр. 581—583.

вообще и о русской»⁵⁷ и «Лексикон»;⁵⁸ спустя лет 40 после того, в 1839 г., была издана «Россия»,⁵⁹ позднее, в 1859 г., было напечатано «Напомнение на присланное расписание высших и нижних, государственных и земских правительств»⁶⁰; прочие труды по географии остались неизданными. Татищев, как географ, был нам малоизвестен. Некоторые из его трудов по географии, впервые собранные вместе, опубликованы нами,⁶¹ и мы надеемся, что географы подвергнут их изучению и, несомненно, отметят большое значение трудов Татищева в развитии русской географической науки.]^{*}

---

⁵⁷ В. Н. Татищев. Российская история... М., 1768, кн. 1, ч. 1, стр. 499—513 (глава 43).

⁵⁸ Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, ч. 1—3. СПб., 1793.

⁵⁹ Журнал Министерства внутренних дел, 1839, № 6, стр. 331—406.

⁶⁰ Утро, М., 1859, стр. 369—388.

⁶¹ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями А. И. Андреева. М., 1950.

^{*} Труды В. Н. Татищева по географии России (В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 35).

V. ТРУДЫ О СИБИРИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Усилению интереса к Ломоносову и его научному наследству, связанному с общим отношением к нашему прошлому, в значительной мере способствовали те новые издания сочинений Ломоносова и материалов о нем, которые вышли в последние годы; следует упомянуть в этой связи о появлении в 1934 г. шестого и седьмого томов академического издания сочинений М. В. Ломоносова и ценного пособия для всех занимающихся Ломоносовым — научного описания его автографов, хранящихся в Архиве АН, составленного Л. Б. Модзалевским и вышедшего в 1937 г.¹

Неутомимый исследователь трудов Ломоносова в области физики, химии и других естественных наук Б. Н. Меншуткин продолжал до последних дней своей жизни трудиться над научным наследием Ломоносова и издал не задолго до своей безвременной кончины новое исследование — «Труды Ломоносова по физике и химии» (1936) и новое «Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова» (1937), а из оставшегося литературного наследства Б. Н. Меншуткина исследователи будут черпать еще долго полезные и необходимые материалы при дальнейшем изучении трудов Ломоносова.

Вместе с тем появилось довольно много журнальных статей, посвященных разным сторонам многогранной деятельности Ломоносова, главным образом в области физики и химии, и лишь отчасти касающихся его трудов по литературе, географии, истории и т. п. Следует отметить также, что в 1935 г. был сделан опыт издания стихотворений Ломоносова для широких читательских кругов.²

¹ Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание. Составил Л. Б. Модзалевский. С предисловием Б. Н. Меншуткина. Под ред. Г. А. Князева. Л.—М., 1937.

² М. В. Ломоносов. Стихотворения. Под ред. академика А. С. Орлова при участии А. И. Маленина, П. Н. Беркова и Г. А. Гу-

Все отмеченное говорит о том, что в советские годы немало сделано для ознакомления с литературным и научным наследством Ломоносова. Наиболее яркие факты наших дней в тех областях науки, которыми занимался Ломоносов, нередко вызывали воспоминания о нем, в особенности когда речь шла о таких славных событиях, как исследование и освоение Северного морского пути, изучение Северного Ледовитого океана и т. п.

Но, записывая все сказанное об изучении Ломоносова в последние годы в число несомненных достижений науки о нем, следует отметить, что многие задачи, стоявшие в этой области перед исследователями старого времени в основном остаются и нашими задачами; как и они, мы еще мало знаем Ломоносова, мало знаем потому, что его богатое наследство до сих пор остается до конца не выявленным, многие работы не разысканными, а полное собрание его сочинений по-прежнему дело будущего;³ неоднократные попытки Академии наук осуществить эту неотложную задачу наталкивались на ряд трудностей, в числе которых не последнюю роль играет недостаток в людях, знающих и Ломоносова и XVIII век.

Из этих двух задач: выявления литературного наследства Ломоносова и его издания — первая, во всяком случае, осуществима даже наличными силами. Прекрасное начало, положенное Архивом АН, должно найти продолжателей, в особенности в центральных государственных архивах, которые, по многим данным, рассеянным в литературе, хранят немало трудов самого Ломоносова и материалов о нем, они весьма пополнили бы наши знания о жизни и деятельности великого русского ученого. В этой работе должны принять участие и другие наши хранилища рукописей — Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственный исторический музей.⁴

ковского. Библиотека поэта под ред. М. Горького. Сов. писатель, М.—Л., 1935.

³ Академическое издание сочинений М. В. Ломоносова, начатое в 1891 г., было приостановлено в 1902 г. на пятом томе. В 1934 г. вышли в свет тт. VI и VII, а в 1948 г. — последний, VIII том. Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова под ред. С. И. Вавилова в 10 томах выходило в течение 1950—1959 гг. А. И. Андреев являлся членом Редакционной коллегии этого издания и одним из редакторов тт. V, VI, VIII, IX, X. В дальнейшем все ссылки сделаны на Полное собрание сочинений. — *Прим. ред.*

⁴ По предложению покойного президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова Главное архивное управление приступило к этой работе: в Центральном государственном архиве древних актов ведутся работы по выявлению всех рукописей Ломоносова и материалов о нем; этот полный обзор вошел в состав третьего выпуска данного сборника.

Пока не будет установлено до конца литературное наследство Ломоносова, изучение его будет по-прежнему неполным и требующим поисков его трудов, сокрытых в архивах и хранилищах рукописей.

Наше незнание всего, что было написано Ломоносовым, особенно сказывается в той области его деятельности, которой мало занимались и в прежние годы и в недавнем прошлом; можно легко перечислить те работы, где говорится о нем как историке, где разбираются или, вернее, описываются его труды по географии, статистике,⁵ политической экономии и т. п. Но еще больше наук, о которых даже не упоминают в связи с Ломоносовым, но в которых он также сказал свое слово; и теперь можно повторить вопрос, поставленный М. С. Боднарским в 1912 г. «Кто, например, слышал о Ломоносове как археологе, этнографе, социологе, почвовед, астрономе?»⁶ М. С. Боднарский, ставя этот вопрос, дополнял свой перечень указанием на то, что мы не знаем Ломоносова также и как географа. Работа М. С. Боднарского, вышедшая в 1912 г., весьма пополнила наши знания о Ломоносове как географе, — пополнила настолько, что в 1940 г., когда во Всесоюзном географическом обществе ставили вопрос о желательности помянуть в Обществе Ломоносова как географа России, один из почтенных деятелей Общества выразил большое сомнение в том, можно ли после труда М. С. Боднарского сказать что-либо новое о Ломоносове как географе.

Я держусь того мнения, что и после работ о Ломоносове как о географе: М. С. Боднарского, Д. Н. Анучина, И. А. Тихомирова и появившихся в 1940—1941 гг.⁷ — можно и должно поставить еще раз тему о Ломоносове как географе России.

«Обзорение рукописей Ломоносова и материалов о нем, хранящихся в московских и ленинградских архивах, музеях и библиотеках», опубликовано: Ломоносов. Сборник статей и материалов, III. М.—Л., 1951, стр. 373—470.

⁵ Ср. М. В. Птуха. Очерки по истории статистики XVII—XVIII вв. М., 1945, стр. 300—301 и М. В. Птуха. М. В. Ломоносов как экономист и статистик. Ломоносов. Сборник статей и материалов, II. М.—Л., 1946, стр. 144—215.

⁶ М. С. Боднарский. Ломоносов как географ. М., 1912, стр. 1.

⁷ В. Ф. Гнучева. Ломоносов и Географический департамент Академии наук. Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1940, стр. 244—266; В. А. Перевалов. Труды Ломоносова по географии северных полярных стран. Ломоносов. Сборник статей и материалов, стр. 267—285; мои статьи в том же сборнике, стр. 293—296, 297—301; Л. С. Берг. Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода. Известия ВГО, 1940, вып. 6, стр. 713—730 и др.; И. А. Тихомиров. Деятельность М. В. Ломоносова в области географии России. ЖМНП, 1915, январь, стр. 26—57; апрель, стр. 264—281; Д. Н. Анучин. География XVIII века и Ломоносов. М., 1912 (переиздано в 1949 г.).

В последние годы Архивом АН было включено в план работ несколько исследований, которые тесно примыкают к интересующей нас теме: составлен и отпечатан обзор экспедиций Академии наук в XVIII—XX вв.,⁸ написана история Географического департамента Академии наук XVIII в. и др. Во всех этих трудах Архива АН деятельность Ломоносова в области географического изучения России получила новое освещение, основанное на новых материалах его самого, а главное на материалах, поставленных в связи с привлеченными к работе данными, позволяющими ясно представить ту среду и обстановку, в которой пришлось работать Ломоносову как географу. Главный участник этих работ Архива покойная В. Ф. Гнучева уже отчасти поделилась новыми данными о Ломоносове как географе России в статье «Ломоносов и Географический департамент Академии наук».⁹

Нет надобности указывать, что В. Ф. Гнучевой удалось по-иному и более подробно и обстоятельно осветить деятельность Ломоносова по географии и картографии России, чем это мог сделать М. С. Боднарский и другие исследователи, писавшие до того, как были изучены и использованы богатые материалы Архива АН.

Труды Ломоносова в 1758—1765 гг. по составлению нового географического атласа России, по собиранию географических известий о ней путем рассылки в 1760 г. анкет, по организации экспедиций в разные места России и многое другое нашли новое и яркое выражение в работах В. Ф. Гнучевой. Но работы этого автора, основанные почти исключительно на материалах Архива АН, еще раз подтверждают, что нельзя вести изучение той или иной темы, в частности о Ломоносове, лишь на материалах одного архива, хотя бы и самого богатого материалами по данной теме. В сущности, Ломоносов как географ до 1758 г., когда он стал руководить Географическим департаментом Академии наук, в работах В. Ф. Гнучевой представлен значительно слабее; объясняется такое явление тем, что в Архиве АН об этом периоде его работ по географии имеется мало данных. Привлечение данных некоторых других архивов дополнило бы эти сведения о Ломоносове как географе периода до 1758 г.

Вероятно, более тщательные поиски в делах того же Архива АН дали бы определенный ответ на вопрос об участии Ломоносова в 1742 г. в переводе на немецкий язык труда «мор-

⁸ В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.—Л., 1941.

⁹ В. Ф. Гнучева. Ломоносов и Географический департамент Академии наук, стр. 244—266.

ского служителя» Казанцева «Описание о северной и восточной части земли» с ландкартами. Перевод был поручен Ломоносову в ноябре 1742 г., от этой работы он упорно отказывался. Представленный в Конференцию в марте 1743 г. перевод сохранился в рукописи,¹⁰ писанной канцеляристом, но в одном месте он имеет исправление, сделанное почерком, весьма похожим на почерк Ломоносова, а может быть, и им самим. Так как дело о Казанцеве велось в Сенате, куда и был послан означенный перевод, то в фонде Сената в ЦГАДА (в переписке по Академии наук 1742—1743 гг.) могут оказаться данные о нем. Установление факта положительного участия Ломоносова в переводе труда, посвященного географии севера и северо-востока Сибири, имело бы большое значение и могло бы подтвердить ранний интерес Ломоносова к географии севера и северных морей.

Материалы некоторых других хранилищ и печатные данные позволяют также говорить о географических трудах Ломоносова ранее 1758 г.

Давно уже известно,¹¹ что Ломоносов принял активное участие в подготовке материалов для «Истории Петра Великого», которую по инициативе И. И. Шувалова, русское правительство поручило в 1757 г. Вольтеру.¹² В августе 1757 г. Вольтер уже прислал Шувалову «легкий набросок» восьми глав «Истории». Присланные главы были переданы Ломоносову и вызвали его замечания, давно уже напечатанные.¹³ Они, несомненно, были посланы Вольтеру, так как некоторые из них приняты им во внимание при переработке первоначального текста первого тома «Истории».¹⁴

Среди этих замечаний Ломоносова обращает на себя внимание следующее: «Просмотрев описание России (Вольтера, — А. А.), вижу, что мои примечания много пространнее быть должны, нежели сочинение само. Для того советую, чтобы

¹⁰ ААН, ф. 3, оп. 10, № 127; П. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 17—19; о Казанцеве см. ЦГАВМФ, ф. Беринга, № 32/39, лл. 1—222.

¹¹ Записки Академии наук, т. X, 1867, стр. 186—187.

¹² Архив кн. Воронцова, кн. III. М., 1871, стр. 269; Литературное наследство, № 29—30. М., 1937, стр. 260.

¹³ Московский телеграф, ч. 20, 1828, март, № 6, стр. 151—159. «Примечания» на рукопись Вольтера опубликованы с комментариями В. Р. Свирской, см. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 89—96 (текст) и стр. 563—568 (примечания).

¹⁴ Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. 1 (XVIII век). СПб., 1912, прим. к стр. 72—75. То же в более позднем труде Е. Ф. Шмурло, посвященном вопросу создания «Истории России при Петре Великом» Вольтера («Voltaire et son oeuvre „Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand“»). Prague, 1929).

г. [Вольтер] описание России совсем оставил или бы обождал здесь сочиненного, которое, под моим смотрением, скоро быть может готово...».¹⁵

Составлявшееся под «смотрением» Ломоносова географическое описание России, несомненно, было послано Вольтеру. Первый том «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» вышел в 1759 г. Он вызвал новые замечания со стороны Ломоносова, в которых последний лишь отчасти повторил сделанные им в 1757 г. и не принятые Вольтером во внимание при переработке первоначального текста. Ломоносов дополнил их мелкими новыми заметками, но никаких общих замечаний имеющегося в первом томе «Histoire» описание России в географическом отношении на этот раз уже не вызвало: объяснение нахожу в том, что Вольтер использовал во многом тот труд, который вместе с прочими материалами был ему прислан из Петербурга в 1758 г. и который в собрании рукописей Вольтера, использованных им для «Histoire», носит название «Description abrégée de la Russie».¹⁶

«Сокращенное описание России» было составлено если не самим Ломоносовым, то, во всяком случае, при его ближайшем участии и с этой точки зрения представляет несомненный интерес в ряду подобных ему русских географических сочинений того же периода; как известно, их было несколько, и среди них наиболее примечательными следует признать труд В. Н. Татищева «Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи»¹⁷ и аналогичные труды академиков Х. Н. Винсгейма (1745) и особенно Г. Ф. Миллера (1753); последний, как известно, был использован А. Ф. Бюшिंगом для его географии России, переведенной позднее на русский язык.

В статье «Ломоносов и Крашенинников»¹⁸ я утверждаю также, что Ломоносов принял участие в сокращении труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»; это сокращение было переведено на французский язык, послано Вольтеру и сохранилось среди его рукописей (№ 5-242, II, лл. 287—307 об.).¹⁹

¹⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 92.

¹⁶ Отдел редкой книги ГПБ, библиотека Вольтера, № 5-242, II, лл. 367—372 об.

¹⁷ См. выше, стр. 323, прим. 38.

¹⁸ Ломоносов. Сборник статей и материалов, стр. 294—296, 301.

¹⁹ В моей статье «Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России» (Ломоносов. Сборник статей и материалов, стр. 297—301) я неправильно считал Ломоносова автором сохранившегося среди рукописей Вольтера (Отдел редкой книги ГПБ, библиотека, № 5—242, II, лл. 373—377) французского перевода сочинения о «лопарях» и «самоедах». На самом деле автором «Memoire sur les Sa-

Названные выше два труда, в сочинении которых Ломоносов принимал то или иное участие, в своем первоначальном виде до нас не дошли. Пройдя через редакцию И. И. Шувалова, руководившего сношениями с Вольтером, эти сочинения еще до того, как они были переведены на французский язык, вероятно, подверглись изменениям, но и при этом условии они должны привлечь к себе внимание всякого, кто интересуется географическими трудами Ломоносова.

Кроме Государственной Публичной библиотеки, в Ленинграде — в Центральном государственном архиве Военно-морского флота и в Архиве Гидрографического управления — найдены также некоторые новые материалы о Ломоносове, дающие интересные подробности о работах Ломоносова в 1763—1764 гг. В. А. Перевалов использовал их для своей статьи «Труды Ломоносова по географии северных полярных стран».²⁰

Большое внимание уделялось в последние годы труду Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»; этот труд был представлен им «флотом российских генерал-адмиралу» великому князю Павлу Петровичу в сентябре 1763 г. и имел несомненное влияние на решение Екатерины II в мае 1764 г. отправить экспедицию В. Я. Чижагова.

Для своего времени «Краткое описание» являлось секретным сочинением, и впервые оно было опубликовано только в 1847 г. по копии²¹ и в 1934 г. по подлиннику,²² поступившему в 1898 г. в ГПБ.²³ Приложенная к рукописи труда карта была впервые воспроизведена в 1911 г. в работе Ю. М. Шокальского, носящей то же название, что и труд Ломоносова.²⁴

---

mojèdes et les Lapons» был не Ломоносов, а Т. И. Клингштедт; труд его без фамилии автора был издан полностью в другом французском переводе в 1762 г., переиздан в 1766 г. и переведен на немецкий и шведский языки в 1769 и 1773 гг.

²⁰ Ломоносов. Сборник статей и материалов, стр. 277—285.

²¹ Сочинение Ломоносова («Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»). СПб., 1847.

²² Сочинения М. В. Ломоносова, т. VII. Л., 1934, стр. 279—338 и карта.

²³ «Краткое описание» с примечаниями А. И. Андреева и В. Р. Свирской опубликовано в кн.: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 417—498 (текст) и 602—619 (примечания).

²⁴ Труды Ломоносова в области естественноисторических наук. Извлечения и объяснительные статьи Б. Н. Меншуткина, Н. А. Иоссы, Ю. М. Шокальского и В. И. Вернадского. СПб., 1911, стр. 105—125 и карта (после стр. 126). Карта воспроизведена вновь в 1934 г. в Сочинениях Ломоносова, т. VII, после стр. 388, в книге Б. Н. Меншуткина «Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова», М.—Л., 1937, между

В связи с тем, что некоторые догадки Ломоносова оправдались только в советские годы, когда благодаря трудам наших отважных полярников стало много известно о природе северных морей и об условиях плавания в них, было естественно заинтересоваться высказываниями великого провидца, который почти за двести лет до нашего времени высказал правильные мысли, подтвердившиеся только в недавние годы.

Но мысли и взгляды Ломоносова, изложенные в упомянутом его труде, при том подходе к его сочинению, который обычен у всех писавших о нем, являются довольно неожиданными. Между тем, как мне кажется, мысли Ломоносова, изложенные в «Кратком описании», обдумывались им в течение многих предшествовавших лет и слагались под влиянием не только его собственных трудов, но и тех взглядов и мнений, которые существовали по этим вопросам в современной ему Академии наук и вне ее, в морских кругах столицы России, а также за границей, в ученых кругах географов, мореплавателей и т. п.

Ломоносов с первых лет своей научной работы в Академии проявлял несомненный интерес к вопросу о возможности северо-восточного прохода из Европы в Тихий океан. Уже в оде 1747 г. читаем:

Там влажная стезя белеет
На восток плывущих кораблей...
Колумб российской через воды
Спешит в неведомы народы...²⁵

Тот же образ «Колумба российского» меж льдами, который спешит на восток, повторен в одах 1752 и 1760 гг. Особенно примечательно, что этот поэтический образ в 1752—1760 гг., несомненно, создавался под влиянием изучения Ломоносовым в те же годы соответствующих сочинений о полярных областях и материалов русских плаваний вдоль северных берегов Азии, особенно экспедиций Малыгина, Овцына, Минина, Прончищева, Челюскина, Харитона и Дмитрия Лаптевых.

В 1752 г. копии судовых журналов отдельных отрядов Второй Камчатской экспедиции поступили в Академию и здесь сделались предметом изучения не только Г. Ф. Миллера, но, как следует думать, и Ломоносова.²⁶

стр. 174 и 175 и в Полном собрании сочинений Ломоносова, т. VI, после стр. 424.

²⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 205.

²⁶ Ср. «Краткое описание разных путешествий по северным морям...», гл. 2, § 34, гл. 3, § 81.

Кроме того, Ломоносов, несомненно, был знаком с трудами «славных географов Делиля и Бюаша»,²⁷ которые появились в том же 1752 г. и послужили поводом для известных работ Г. Ф. Миллера, посвященных русским плаваниям XVII—XVIII вв.²⁸ Ломоносов будет цитировать сочувственно их труды, а на своей полярной карте 1763 г., вслед за Бюашем, отметит путь Мельгиера Сибирским океаном из Японии в Португалию.²⁹ Как труды Делиля и Бюаша, так особенно «Письмо офицера русского флота к некоему знатному придворному по поводу карты новых открытий на севере Южного моря...» и карта Миллера 1754 г. (*Nouvelle Carte des Découvertes, faites par les Vaisseaux Russiens aux côtes inconnues de l'Amérique Septentrionale avec des Pais adjacents*), несомненно, усилили интерес Ломоносова к проблеме русских плаваний в Северном Ледовитом и Тихом океанах и привели к созданию «Письма о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном», написанного Ломоносовым в 1755 г.³⁰

В этом письме, надо думать, были использованы результаты собственных исследований Ломоносова по физике в 1754 г., когда им были «изобретены некоторые способы к сысканию длины и ширины на море при мрачном небе...» и «деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может, при том были разные химические растворы морожены для сравнения».³¹ «Письмо» не сохранилось и было, вероятно, использовано Ломоносовым для главы 3 «Краткого описания...», названной весьма сходно с трудом 1755 г.³²

Та же проблема продолжала интересовать Ломоносова и в последующие годы. Так, среди его замечаний на первоначальный текст «Истории России при Петре Великом» Вольтера имеется замечание о Второй Камчатской экспедиции, показывающее, что Ломоносов считал ее одним из славных деяний русских, о котором ради чести и достоинства русского народа нужно дать

²⁷ Там же, §§ 40, 42.

²⁸ Труд И. Н. Делиля — его доклад в Парижской Академии наук в 1750 г. «Explications de la carte des nouvelles découvertes au nord de la mer de Sud»; труд королевского картографа Ф. Бюаша: «Carte des nouvelles découvertes au nord de la mer de Sud, tant à l'Est de la Sibirie et du Kamtschatka, qu'à l'Ouest de la Nouvelle France, dressée sur les mémoires de Mr de l'Isle...».

²⁹ Ср. «Краткое описание разных путешествий по северным морям...», § 42.

³⁰ П. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, стр. 302.

³¹ Там же, стр. 279—280.

³² «О возможности плавания Сибирским океаном в Ост-Индию...», см. стр. 340.

верные известия.³³ В том же 1757 г., когда было написано это замечание, Ломоносов работал над «циркумпольной картой», которая в январе 1758 г. была «отделана» в Географическом департаменте адъютантом И. Ф. Трускоттом.³⁴ Она до нас не дошла, но, несомненно, была использована Ломоносовым для карты 1763 г., о которой речь будет далее. Вышедший в том же 1758 г. труд Миллера о плаваниях русских по Северному Ледовитому океану³⁵ давал известия, которые, по мнению Ломоносова, «вполне подтверждали, что, не взирая на неудачи голландцев, пытавшихся пройти к северо-востоку, явствует противное из неутомимых трудов нашего народа: россияне далече в оной край на промыслы ходили уже действительно близ 200 лет».

Работая в последующие годы над подбором доказательств в пользу «возможности» северо-восточного прохода, Ломоносов не только использует факты, собранные Миллером, но и обосновывает их целым рядом собственных соображений, которые найдут место в главе 3 его «Краткого описания...». Так, в 1759 г. Ломоносов написал «Рассуждение о большой точности морского пути»,³⁶ в котором остановился на вопросах, связанных с «войной с океаном»; по его мнению, эта война будет «благодетельнее международных войн». В относящемся к началу 60-х годов прибавлении втором к «Первым основаниям металлургии», названном «О слоях земных»,³⁷ Ломоносов очень подробно останавливается на вопросе о теплоте земной поверхности, дополняя здесь свои суждения, высказанные еще в «Слове об явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753 г.). Написанные в 1761 г. «Рассуждения о происхождении ледяных гор в северных морях», напечатанные в 1763 г. Шведской Академией наук в ее повременном издании,³⁸ были

³³ Московский вестник, 1829, ч. V, стр. 158—163. «Замечания» опубликованы с примечаниями В. Р. Свирской: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 359—364 (текст) и 592—594 (примечания).

³⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 228, л. 19 (из «экстракта» о работе Географического департамента за январь 1758 г.). На этот «экстракт» обратила мое внимание В. Ф. Гнучева.

³⁵ Ссылка на этот труд дана в § 30 «Краткого описания», без упоминания имени автора описания плавания.

³⁶ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 123—186.

³⁷ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 530—631.

³⁸ Они были получены Шведской Академией 10 июля 1761 г. (Материалы по библиографии о Ломоносове, т. VII, Изд. Выставки «Ломоносов в Елизаветинское время», Пгр., 1915, стр. 203). Опубликовано: Tankar om Is-Bergens Ursprung uti de Nordiska Hafven, insände af Michael Lomonosow, Leadmot af Kejsersliga Petersburgiska... Kongl. Vetenskaps Akademiens Handlingar för År 1763, v. XXIV, стр. 34—40. Этот шведский перевод с латинского подлинника был издан в России впервые в ака-

единственным произведением Ломоносова, ставшим тогда же известным на Западе; в нем сторонники мнения о возможности северо-восточного прохода нашли сильную поддержку своим взглядам; один из них, швейцарский географ Самуил Энгель, использовал этот труд Ломоносова в своем сочинении 1777 г.³⁹

Все упомянутые труды Ломоносова были, однако, только подготовительными для его основных работ по географии северных полярных морей. В заметках 1762 г.⁴⁰ Ломоносов, между прочим, отметил: «§ 84. На нашем языке припечатать и о плавании Сибирским океаном и о славных мореплавателях»; в плане работ того же 1762 г. по разделу «География и мореплавание» поставлено «Нордская карта», затем зачеркнуто и написано «Нордское путешествие».

Вопрос о русских плаваниях в Северном Ледовитом и особенно в Тихом океанах стал вновь злободневным в первые годы царствования Екатерины II. Сибирский губернатор Ф. И. Соимонов организовал в начале 60-х годов Анадырскую экспедицию, которой была поставлена задача дать точное описание берегов Охотского моря (Пенжинской губы) и Чукотского полуострова. Известия об этой экспедиции доходили до Петербурга.⁴¹

Ломоносов, как и Миллер, внимательно следил за всеми сообщениями об этих новых трудах «славных мореплавателей» русских; в не дошедшем до нас письме Соимонову, отправленном в конце 1761 г., Ломоносов, видимо, просил его о присылке известий, что Соимонов и обещал делать.⁴² Это оживление интереса к «нордским путешествиям» послужило внешним поводом для составления Ломоносовым «Краткого описания разных путешествий по северным морям и показания возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», которое 20 сентября 1763 г. было поднесено им девятилетнему цесаревичу Павлу Петровичу. В посвящении к этому труду Ломоносов высказывал свои давнишние идеи о роли Петра Великого «в сооружении флотов российских» и необходимости «продолжения и приращения» дела Петра: «Могущество и обширность морей, Российскую империю окружающих, требуют... рачения и зна-

демическом издании Сочинений Ломоносова (т. VII, л., 1934, стр. 273—278) и вторично: М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 447—453 (шведский текст), стр. 454—459 (русский перевод), стр. 577—579 (примечания А. И. Андреева).

³⁹ S. Engel. Nachrichten u. Anmerkungen über die Lage der nördlichen Gegenden von Asia u. America u. dem Versuch eines Wegs durch die Nordsee nach Indien. 2r Theil. Basel, 1777, стр. 164—168, 174, 175 и др.

⁴⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 442, 455, 457.

⁴¹ См. письма Ф. И. Соимонова Миллеру (ААН, фонд 21, оп. 3, № 268) и черновики ответов Миллера (там же, № 307).

⁴² П. Биллярский, ук. соч., стр. 557—558.

ния. Между прочим, Северный океан есть пространное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку». Отдавая свой «посильный труд, от усердия к пользе отечества происшедший», на рассмотрение, Ломоносов в предисловии к нему кратко излагает свои соображения в пользу необходимости предпринять, наконец, плавание «морским северным ходом», о возможности которого приводит в дальнейшем изложении «довольные доказательства». В пяти главах этого труда Ломоносов использует литературные известия о плаваниях на запад и восток по Ледовитому океану, а в приводимых им доказательствах опирается почти исключительно на свои собственные труды, отчасти упомянутые выше. В основной главе сочинения — третьей, озаглавленной «О возможности мореплавания Сибирским океаном в Ост-Индию, признаваемая по натуральным обстоятельствам», Ломоносов останавливается на главных препятствиях, которые выставляются против этого предприятия, — «стужа и лед» — и дает «пространное изъяснение» о теплоте, холоде и о происхождении льда и приходит к выводам, изложенным в конце этой главы (§ 83); они, по его мнению, в полной мере подтверждают возможность северного морского пути. К своему труду Ломоносов приложил две карты; все источники наши говорят именно о двух картах,⁴³ но в рукописи «Краткого описания» имеется в настоящее время только одна карта.

«Краткое описание», как известно, было дополнено Ломоносовым в 1764 г. «Прибавлением первым»;⁴⁴ в нем Ломоносов вместо плавания от Новой Земли на восток признает лучшим тот путь, о котором ему сообщили русские промышленники, ходившие на Шпицберген, именно путь вдоль западных берегов Шпицбергена. В апреле 1764 г. Ломоносовым было написано «Прибавление второе»;⁴⁵ в нем приведены те данные, которые

⁴³ В октябре 1763 г. находившийся при Ломоносове студент Илья Абрамов ходатайствовал о прибавке жалования; к его прошению Ломоносов приложил записку от 16 октября 1763 г., в которой, между прочим, писал: «...сочинил (Абрамов, — А. А.) под моим смотрением две полярные карты к книге о северных путешествиях, коя поднесена его императорскому высочеству» (Пекарский, II, стр. 791; М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 301). В рапорте от 18 апреля 1765 г. И. Абрамов писал: «В бытность мою при покойном статском советнике г. Ломоносове, делано мною, под его смотрением следующие: ... две полярные карты к книге о северных путешествиях, кои поднесены его императорскому высочеству (кроме оных, еще особливо три сделаны)». (В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, стр. 141—142).

⁴⁴ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 499—506.

⁴⁵ Там же, стр. 507—514.

сообщили ему промышленники, плававшие в Тихом океане, и те сведения, которые он нашел на полученной из Сибири карте «Чукоцкому носу и прочим тамошним местам».

На карте, ныне находящейся при «Кратком описании» — труде Ломоносова 1763 г., находим, однако, все те пути, которые стали известны ему только в марте—апреле 1764 г. Из этого совершенно ясно, что карта, имеющаяся при рукописи «Краткого описания», заменила те две карты, которые были сначала и на которых был указан путь, первоначально защищавшийся Ломоносовым, — именно путь от Новой Земли на восток. Отказавшись от этого проекта, Ломоносов составил новую карту, на которой и отмечены новые пути, описанные в первом и втором «Прибавлениях». Потерявшие значение две первые полярные карты были заменены одной, той самой, которая в настоящее время находится при рукописи «Краткого описания».

Мнения Ломоносова о возможности северного морского пути много раз излагались в литературе XIX—XX вв.,⁴⁶ но они остались не известными для западноевропейской науки XVIII в., если не считать той части их, которая (в отношении происхождения северных льдов) была, как отмечено выше, напечатана по-шведски в издании Шведской Академии наук. Таким образом, западноевропейские сторонники того же взгляда о возможности северо-восточного прохода, какого придерживался, например, упомянутый выше швейцарский географ С. Энгель, не могли воспользоваться в полной мере блестящими доводами, которые приводились Ломоносовым и которые во многих отношениях оправдались только в наше время, когда советские мореплаватели окончательно подтвердили, что льды в Северном Ледовитом океане действительно, как установил Ломоносов, двигаются с востока на запад; равным образом и другая мысль Ломоносова — о существовании жизни даже в глубоких слоях океана — блестяще подтверждена тоже лишь в наши дни.

Но в свое время, и прежде всего среди членов Комиссии о российских флотах, куда был передан проект Ломоносова, он был встречен сомнениями: крупнейшие авторитеты того времени в области мореплавания сначала пытались уклониться от высказывания своего мнения о труде Ломоносова, а несколько позже, видимо, под влиянием того, что проект Ломоносова был признан в правительственных кругах достойным осуществления, те же лица лишь частично поддерживали его.⁴⁷

⁴⁶ Особенно подробно в статье Ю. М. Шокальского (Труды Ломоносова в области естественных исторических наук. СПб., 1911, стр. 105—125).

⁴⁷ Имею в виду, например, известного адмирала А. И. Нагаева, автора карт Камчатского моря и устья Амура, составленных на основании журналов и описей Второй Камчатской экспедиции; Нагаеву же при-

Но, независимо от такого отношения со стороны авторитетов, проект Ломоносова послужил предметом суждений Морской российских флотов комиссии, которая при ближайшем участии Ломоносова выработала план посылки на Север и на Камчатку двух экспедиций; они должны проверить возможность северного морского пути по той измененной против проекта Ломоносова трассе, которая была принята комиссией. В мае 1764 г. проект комиссии был утвержден императрицей, и Адмиралтейств-коллегия при ближайшем участии Ломоносова приступила к организации экспедиций, во главе которых были поставлены В. Я. Чичагов и П. К. Креницын.

Об экспедиции В. Я. Чичагова и о роли Ломоносова в ее организации в литературе XVIII—XX вв. имеется немало известий, чаще неверных.⁴⁸ Но одно из этих известий представляет несомненный интерес, так как позволяет выяснить одну подробность в литературной биографии Ломоносова, на которую не обращалось пока внимания. В. Н. Берх рассказывает,⁴⁹ что поводом к экспедиции Чичагова послужила случайно попавшая в руки Екатерины II «книжечка» под заглавием «Похождение четырех матрозов на острове Шпицбергене». Сам Берх полагал,⁵⁰ что автором этой книги, которая была ему известна во французском тексте, был «член... Академии наук и историк профессор Ле-Роа» (вернее, Леруа — А. А.).

Книга П. Л. Леруа, без указания места издания, появилась в 1766 г.; в 1768 г. она вышла в двух различных немецких переводах, с одного из которых был сделан русский перевод (с пропуском многих мест немецкого текста), изданный в Петербурге в 1772 г.⁵¹

надлежит «лодия» Финского залива и Балтийского моря и др. О том, что Нагаев только частично соглашался с проектом Ломоносова, узнаем из письма Екатерины II Ф. И. Соимонову от 28 мая 1764 г. (ЦГАДА, портф. Миллера, № 539, II, тетр. 2). Имеется известие (А. Соколов. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб., 1854, стр. 111), что и Ф. И. Соимонов «не одобрил» проекта Ломоносова и решительно высказывался против него (Пекарский, II, стр. 804—805). Ср. также «Примечания» А. И. Нагаева 1767 г. (ЦГАДА, портф. Миллера, № 533, тетр. 9, лл. 3—11).

⁴⁸ Последней попыткой выяснить роль Ломоносова в этой экспедиции является статья В. А. Перевалова «Труды Ломоносова по географии северных полярных стран» (Ломоносов. Сборник статей и материалов. стр. 274—285).

⁴⁹ Хронологическая история всех путешествий в северные страны, ч. 1. СПб., 1821, стр. 151.

⁵⁰ Там же, стр. 139, прим.; стр. 151, прим.

⁵¹ Этот русский перевод 1772 г. был переиздан Издательством Всесоюзного арктического института в 1933 г. (Ле Руа. Приключения 4 русских матрозов на Шпицбергене, с предисловием, примечаниями и под редакцией проф. В. Ю. Визе. Л., 1933, 52 стр.). На стр. 16 предисловия ошибочно указано, однако, что «Оригинальное сочинение Ле Руа было на-

В письме Г. Ф. Миллера А. Ф. Бюшингу 1775 г. имеется⁵² сообщение, что автором книги с подобным содержанием был не Леруа, а Ломоносов; авторство Ломоносова подтвердил и Бюшинг в одном из своих выступлений против Энгеля в 1777 г.⁵³

Как известно, для выяснения возможности северного морского пути Комиссия морских флотов допрашивала в присутствии Ломоносова промышленников, плававших на Шпицберген; особенно подробные сведения дал Комиссии Амос Корнилов, который рассказал, между прочим, о пребывании на Шпицбергене в течение шести с лишним лет Алексея Химкова с тремя другими промышленниками; подробности их жизни там и записаны в протоколе Комиссии, и они могли послужить материалом для соотвествующего литературного рассказа Ломоносова, по словам Миллера, появившегося в печатном виде, вероятно, в небольшом количестве экземпляров и не для распространения.⁵⁴ Насколько мне известно, это произведение Ломоносова пока не найдено.

Труд Г. Ф. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю...», и особенно изданная им в 1758 г. карта новых открытий у берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов, играли довольно большую роль в той полемике, которая разгорелась уже после смерти Ломоносова в западноевропейской географической литературе по вопросу о возможности северного морского пути. В этом споре были использованы одной стороной (швейцарский географ Энгель и др.), между прочим, некоторые идеи Ломоносова, ставшие известными по его сочинению 1761 г., которое было опубликовано Шведской Академией наук в 1763 г. под заглавием «Мысли о происхождении ледяных гор в северных морях».

Сильный удар сторонникам мнения о возможности плавания Северным Ледовитым океаном нанесла экспедиция Кука (1776 г.) к Берингову проливу; как считали тогда, она покончила навсегда со всякими проектами, касающимися плаваний по Северному, Ледовитому океану; Кук, по мнению его со-

---

писано на немецком языке и издано в 1760 г. в Риге и Митаве...»; сочинение Ле Руа было написано на французском языке и вышло впервые в 1766 г.; немецкого издания 1760 г. вообще не выходило, а было два немецких перевода, вышедших в 1768 г.

⁵² ААН, ф. 1, оп. 3, № 55, лл. 78—79 об.

⁵³ Wochentliche Nachrichten, 1777, стр. 206.

⁵⁴ Из этого труда Миллер приводит лишь название острова, на котором жили 4 промышленника, — Малый Берум; значит, он говорит о каком-то другом издании, а не о русском переводе труда Леруа, вышедшем без имени автора в 1772 г.; в этом переводе (на стр. 47) остров назван Ост-Шпицберген, «у русских Малым Бруном называемый» (то же в немецком оригинале на стр. 46).

временников, доказал невозможность северо-восточного прохода из Азии в Европу через Северный Ледовитый океан.

Энгель и его идеи, во многих отношениях сходные с мыслями Ломоносова, были забыты на долгое время. Вопрос о северо-восточном проходе интересовал у нас в 90-х годах XVIII в. А. Н. Радищева, но его высказывания по этому поводу стали известны только в последних десятилетиях XIX в.⁵⁵ Лишь с середины XIX в., когда стал известен труд Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», вновь появился интерес к ним. Порою он заметно усиливался; так было, например, в 1911 г., когда Ю. М. Шокальский своею яркой статьей о труде Ломоносова⁵⁶ привлек внимание к вопросу о Северном морском пути. Но только в советские годы идеи сторонников возможности северо-восточного прохода, и прежде всего идеи М. В. Ломоносова, получили должную оценку и были претворены в жизнь.

⁵⁵ Архив кн. Воронцова, кн. V, М., 1872, стр. 320—321. А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. III, М.—Л., 1952, стр. 386 (французский текст) и 387—388 (русский перевод).

⁵⁶ См. выше, стр. 341, прим. 46.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Измаил см. Турчанинов И. А.
Абрамов Илья, студент АН 340.
Абулгази (Абулгаси-хан, Абулгачи-Баядур-хан, Abulgasi-Bayadur-Chan, Aboul-Châzi-Behôdour khan), хивинский хан, историк 24, 34—37, 313, 324.
Август III, польский король 231.
Ададуров В. Е., адъюнкт АН, математик и переводчик 164.
Аделунг Ф. П. (Adelung F.), член-корреспондент АН 42.
Александров Б. В. 11.
Алексеев М. П. 33, 93.
Alethophilo 33.
Алтын-хан см. Золотой царь.
Амман Иоганн, профессор АН, ботаник 231—233, 237.
Амосов Дмитрий, солдат 297.
Амосов Федот, якутский сын боярский 29.
Анвиль Ж. Б., французский географ и картограф 52, 125, 131.
Андерсон, английский натуралист 211, 213.
Андреев А. И. 3—5, 22, 30, 38, 43, 45, 56, 109, 114, 159, 250, 311, 313, 325, 328, 330, 335, 339.
Андреева А. Я. 5.
Анна Елизарьева см. Меллер А. Е.
Анна Иоанновна, императрица 249.
Анна Карлова 297.
Антоний 2-й Нарожницкий, архиепископ сибирский 275.
Антонов Петр, стрелок 248, 251, 262.
Анучин Д. Н. 331.
Апраксин Ф. М., генерал-адмирал 14.
Аргунов Осип, пищик 176, 177, 181, 184, 186, 190, 230, 248, 251, 255, 262, 265, 268, 269, 281.
Атласов В. В., якутский казачий пятидесятник 174, 221.
Аш Е. Ф., доктор медицины, владелец коллекции карт Сибири 51, 72.
Аш Ф. Ю., петербургский почт-директор, отец Е. Ф. Аша 72.
Аюка, калмыцкий тайша 149.
Багров Л. С. 11—13, 29, 30, 42, 51, 121.
Байер Г. Э., академик, историк 22, 41, 146, 167.
Бакланова Н. А. 45.
Бакмейстер Л. Г., библиограф, инспектор гимназии АН 256.
Бантыш-Каменский Д. Н., историк 156.
Бантыш-Каменский Н. Н. 149.
Баренц Виагельм (Voagens W.), голландский мореплаватель 134.
Барков И. С., копиист и переводчик при АН 112.
Баррингтон Д. (Barrington Daines), английский географ 129, 130, 132.
Барсов А. А., корректор, позже профессор Московского университета 106, 112, 114.
Баскаков Дмитрий, геодезист 28, 86.
Басов, начальник отряда служилых людей 265.
Бахов, купец, мореход 139.
Бахофен И. Я. 97.
Бахрушин С. В. 147.
Бейтон Ф., комиссар Селенгинского дистрикта 12.
Бекмани И. (Beckmann J.), издатель журнала 256.
Белин Ж. Н., французский географ 223.
Белов М. И. 25, 45, 54, 123, 294.
Белозерская И. А. 153.

- Беляев, квартирмейстер на Камчатке 264.
- Бентинк Вильям, отец, граф португальский 35.
- Бентинк Вильям, сын (D***), предполагаемый автор французского перевода сочинений Абулгази 35.
- Берг Л. С. 11, 12, 16, 28—30, 42, 45, 49, 51, 52, 285, 331.
- Беринг Витус (Берингий, Bering), мореплаватель 3, 4, 6, 11, 29—32, 45—47, 49—66, 69, 70, 72, 75, 76, 119, 121, 123, 124, 131, 138, 160, 196, 197, 216, 244, 247, 248, 250, 254, 259, 262, 275, 276, 282, 283, 285, 318, 333.
- Беркан И. Х. (Berkhan J. Ch.), художник при АН 83, 154, 209, 212, 233, 235, 238, 242—244, 247, 248, 250, 251, 253, 254, 258, 261, 268, 271, 274, 275, 278, 279.
- Берков П. Н. 329.
- Берх В. Н., географ 48, 342.
- Бибииков А. Ю., тобольский и иркутский вице-губернатор 66, 236, 316.
- Билингс Джон, английский мореплаватель 228.
- Биллярский П. С., академик, филолог 103, 114, 115, 118, 134, 161, 164, 205, 333, 337, 339.
- Björkbohm С. 51.
- Бирон Э. И., фаворит императрицы Анны Иоанновны 75.
- Blue G. V. 255.
- Блюментрост Л. А., лейб-медик, президент АН 23.
- Богданов Андрей, библиотекарь АН, писатель 223.
- Боднарский М. С. 331, 332.
- Болховитинов Евгений см. Евгений.
- Борис Годунов, царь 313.
- Бородин А. В. 11.
- Брагин Дмитрий, штурман 140.
- Бранд Адам, участник посольства Избранда Идеса в Китай 316.
- Браун И. А., академик, физик 111, 112.
- Бреверн Карл, президент АН 67.
- Брейтфус Л. (Breitfuss L.) 121.
- Брехов Тимофей, сборщик ясака 185.
- Бриллиант В. А. 11.
- Бриль А. И., иркутский губернатор 132, 140.
- Бронштейн Ю. И. 45, 273.
- Брюне Ж. Х. (Brunet J. Ch.), французский библиограф 35.
- Брюс Я. В., генерал-фельдмаршал 16, 27, 28, 36, 313.
- Будде И. Ф. (Буддеус), немецкий философ и богослов 174.
- Бурнатов Михаил, якутский служилый человек 295, 302.
- Бухвостов С. С. 275.
- Бухгольц И. Д., подполковник 18, 19.
- Буш Андрей, шведский военнопленный в России, участник экспедиции на Камчатку 37.
- Буш Иван, шведский военнопленный в России, участник экспедиции на Камчатку 37.
- Бэо К. М., академик, зоолог 160, 281.
- Буаш Ж. М. (Buache J. N.), французский географ 129.
- Буаш Филипп, французский географ 121, 124, 125, 337.
- Бюшинг А. Ф. (Büsching A. F.), географ 35, 95, 127, 128, 131—133, 135—138, 142, 144, 147, 151—153, 155, 156, 163, 257, 334, 343.
- Вавилов С. И. 330.
- Вагнер Г. Р. (Wagner H. R.) 119, 124.
- Ваксель Свен, мореход, спутник Беринга 45, 47, 48, 55, 57, 58, 61, 63, 65, 69, 119, 121, 124, 263.
- Вальтон Вилим, лейтенант 48, 54, 55, 61, 66, 256.
- Василий Шуйский, царь 313.
- Вахтин В. 30, 31, 48.
- Вдовин И. С. 294.
- Вебер Х. Ф. (Weber Ch. Fr.), ганноверский резидент при русском дворе 32, 34, 316.
- Вейс Ульрих, издатель 151, 152.
- Вейтбрехт Иосия, академик, физиолог 203.
- Венедиктов Василий, студент АН 151.
- Верден К. П., составитель карты Каспийского моря 16.
- Вернадский В. И. 335.
- Вязе В. Ю. 342.
- Вилегин Иван, промышленник 29.
- Вильгельм III, принц Оранский 35.
- Винсгейм Х. Н., академик, астроном и математик 25, 28, 95, 203, 334.

- Витсен Николай (Witsen N.), голландский географ и путешественник 26, 33, 74.
- Вишневский В. К., академик, астроном 228.
- Вогонди см. Робер де Вогонди Ж.
- Войнаровский Андрей, племянник Мазепы, сосланный в Якутск 156.
- Волков Самсон, переводчик при АН 149.
- Волков С. И. 314.
- Володимеров Макар, курьер Сената 273.
- Волчок С. С., переводчик при АН 206.
- Вольтер Ф. М. А., французский писатель и философ 333—335, 337.
- Вольф Христиан, немецкий философ 174.
- Вольнский А. П., посланник России в Персию 27.
- Воронцов М. Л., граф, государственный деятель 120, 228.
- Воронцовы, графы 100, 314, 326, 333, 344.
- Ворошилка, пушкарь 113.
- Вострикова А. И. 100.
- Врангель Ф. П., географ, путешественник 48.
- Врех Курт (Wreesh C. Fr.), автор сочинения о пленных шведах в Сибири 33.
- Вуд Джон (Wood), английский мореплаватель 134.
- Выходцев, геодезист 61.
- Гавен Петр (Haven Peder), датский богослов, автор описания путешествия в Россию 119.
- Гагарин М. П., сибирский губернатор 22, 37, 38.
- Галлер Альбрехт (Hallerus A.), швейцарский естествоиспытатель 162, 194, 240.
- Гамель И. Х., академик 22, 160.
- Гардебол, пробирный мастер 62, 259, 260.
- Гаррис, английский посол в Петербурге 140.
- Гвоздев М. С., геодезист 294.
- Гейдрих М. 256.
- Гейк, караванный лекарь 238.
- Генкель Г. Г. 258.
- Генс Яков, штурман 62.
- Георги И. Г., этнограф, исследователь Сибири 363.
- Герман Христиан, учитель гимназии АН 92.
- Геродот (Еродотус), греческий историк 174.
- Гиляшев Дмитрий, стрелок 234.
- Гинцбург Д. 33.
- Гладков Тит, служилый человек 264.
- Гмелин И. Г. (Gmelin J. G.), академик, натуралист, исследователь Сибири 5, 9, 43, 44, 56, 61, 64—68, 73, 75, 76, 81, 82, 88, 91, 97, 99, 102, 115, 125, 162, 168—173, 175, 184, 185, 189—195, 197, 198, 200—202, 204, 206, 210, 230—241, 244—246, 248—250, 261, 268, 269, 274—277, 279, 284, 286—290, 293, 296, 302, 319, 363.
- Гневушев А. М. 267.
- Гнучева В. Ф. 11, 16, 53, 125, 136, 325, 331, 332, 338.
- Годунов см. Борис Годунов.
- Гоздаво-Голомбневский А. А. 157.
- Голиков И. И., автор сочинения о Петре I 27.
- Голицын Н. В., князь 53, 66, 136, 143, 145, 150, 152, 154, 159—162, 168.
- Головин И. М., адмирал 18.
- Головин Н. Ф., адмирал 59.
- Голубцов Иван, переводчик при АН 92, 94, 96, 98, 101—103, 105—107, 109, 112, 114—116, 158.
- Гольдбах Христиан, академик, математик 232.
- Гольдер Ф. А. (Golder F. A.) 7, 29, 46, 47, 53, 56, 61, 69, 121, 123, 196, 198, 256, 262, 274—276, 282, 285.
- Гоман И. Б. (Gomann I. B.), географ и картограф 28, 37.
- Горланов А. П., студент АН 67, 73, 78, 168, 173, 189, 192, 196, 197, 203, 230, 233, 234, 238, 241, 242, 246—248, 250—255, 259, 260, 262, 269, 270, 278—281.
- Горлин А. 258.
- Гортер Давид (Gorter D.), лейб-медик 225, 226.
- Грен 223.
- Гриммель И. Э., художник при АН 223.
- Гришов Августин, профессор астрономии при АН 122.
- Грот Я. К. 32.

Грюнинг Эрнест (Grueuing E. H.)
230.

Гуковский Г. А. 329.

Д*** см. Бентинк Вильям, сын.

Давыдова Н. С. 5.

Дандоло Георгий, переводчик Колле-
гии иностранных дел 206.

Данилов А. Ф., служилый человек
230, 237, 248, 253, 268, 272, 278,
279.

Дауркин Иван, секретарь Якутской
воеводской канцелярии 298.

Дауркин Николай, дворянин из чук-
чей, автор сведений о Чукотке и
Аляске 140, 141.

Дашкова Е. Р., президент АН 309.

Девьер А. М., начальник Охотского
порта 293, 297.

Дежнев С. И., мореплавателъ 51.

Дезин фон, капитан 54.

Деккер Иван, художник при АН
191, 232.

Делиль Гильом, французский гео-
граф и картограф 19, 69, 119.

Делиль И. Н. (Делиль Н., Delis-
le J. N., De l'Isle J. N.), француз-
ский астроном и географ, академик
18, 20, 23—25, 27—30, 60, 69—73,
118—121, 124—126, 203, 321,
325, 326, 337.

Делиль де ла Кройер Людовик (Де-
лякроер, Делякройер, Лакроэр,
De l'Isle de la Croûère Louis),
французский астроном и географ
65—68, 70, 75, 119, 121, 167, 171,
188, 196—199, 203, 222, 231, 235,
245, 246, 251—253.

Демидов Г. А., горнозаводчик 261,
269, 272, 273.

Джефферис Томас, переводчик
121.

Джонсон Ричард, участник англий-
ского посольства в России 74.

Дивин В. А. 45, 123.

Доббс Артур, английский морепла-
вателъ 118, 121, 125.

Доватур А. И. 317.

Долгоруков И. А., князь, генерал-
адъютант 70.

Долинский, переводчик при АН 136.

Долл В. (Dall. W. H.) 52.

Домашнев С. Г., директор АН 142,
152.

Драге Теодор, английский картограф
119.

Дюгальд Ж. Б. (Du Halde J. B.),
французский иезуит 52, 93.

Dumas C. G. F., переводчик 123.

Евгений (Болховитинов), митропо-
лит киевский 155, 166, 326.

Евреинов Иван, геодезист 4, 11, 13,
15—18, 27, 28.

Екатерина I Алексеевна, императри-
ца 34.

Екатерина II Алексеевна (Kathari-
na II), императрица 133, 141, 146,
149, 335, 339, 342.

Елагин И. Ф., капитан 54, 55.

Елагин С. 27, 31.

Елесин Алексей, толмач 245.

Елизавета Петровна, императрица
91, 326.

Елчин Я. А., якутский воевода 12.

Ермак Тимофеевич, казачий ата-
ман 104.

Еродотус см. Геродот.

Ефимов А. В. 12, 45, 122.

Ефремов П. А. 166.

Жербильон Ж., французский иезуит
93, 154.

Житков Б. М. 284.

Жолобов Алексей, иркутский вице-
губернатор 51.

Заборовский А. Е., якутский вое-
вода 66.

Заозерский А. И. 27.

Захаров, геодезист 13.

Зейдель И. 27, 31.

Зеленцов Иван, солдат 199.

Зиновьев П. П., якутский воевода
296.

Золотарев А. М. 310.

Золотой царь (Алтын-хан), мон-
гольский князь 113.

Зубков Н. 144.

Зыбин Афанасий, майор, командир
Охотского порта 297, 298.

Иберкамф Е. И., лекаръ 165.

Ибрагимов, бухарец 82.

Иван IV Васильевич, царь 300.

Иванов Александр, геодезист 169,
170.

Иванов Лука, студент АН 168.

Иванов П. И. 162.

Избранд Идес Эверт, русский посол
в Китае 26, 316.

Инар А. (Isnard A.) 20, 24, 69.

Иоасаф Хотунцевский, архимандрит,
миссионер на Камчатке 264.

- Иосса Н. А. 335.
 Исаакий, архимандрит Далматова
 Успенского монастыря 313.
 Исленьев И. И., капитан, адъюнкт
 АН 126, 136, 140.
- Каан Г. (Cahen G.) 20, 21, 26, 28,
 36, 37, 41—43, 54, 122, 124, 135—
 137, 144, 145.
 Казанцов В. И., капитан 61, 92,
 93, 333.
 Калайдович К. Ф., археограф и исто-
 рик 156.
 Кампредон (Campredon de H.), фран-
 цузский посол в России 20.
 Карл XII, шведский король 32, 44.
 Карымляч, тойонский шаман 182.
 Катанов Н. Ф. 44.
 Квинт Курций Руф (Курциус), рим-
 ский историк 174, 204.
 Кейзерлинг Г. К., президент АН,
 русский посол в Вене 67, 118, 120.
 Кельрейтер И. Т., адъюнкт АН, бо-
 таник 225, 226.
 Кемпфер Е. (Kampfer E.), путеше-
 ственник 27.
 Кеневич В. Ф. 163.
 Кенигсфельд Тобиас (Кенисгфельс),
 студент АН 70—71.
 Кер Г. Я., академик, ориенталист 35.
 Киндерман Христиан, тобольский
 губернатор 147.
 Киприанов В. О., издатель-картограф
 11.
 Киприановы, издатели-картографы
 11.
 Кирилов И. К. (Kirilov Ivan), обер-
 секретарь Сената, географ, стати-
 стик 11—13, 15, 18, 28—30, 52,
 63, 64, 75, 216, 221, 314, 319, 320.
 Клапрот Юлий, академик, ориента-
 лист 20, 51.
 Климковский Федот, якутский служи-
 лый человек, толмач 234, 237.
 Клингштедт Т. И., вице-президент
 Юстиц-коллегии 335.
 Клинокштром, барон, владелец кол-
 лекции карт 52.
 Кличка Ф. Н., иркутский губернатор
 141.
 Князев Г. А. 10, 56, 57, 163, 210,
 213, 329.
 Кобычев Михайло, служилый чело-
 век 178, 182.
 Козинцева Р. И. 5.
 Козьмин С. М., статс-секретарь им-
 ператрицы Екатерины II 141.
- Кокс Вильям (Coxe W.), английский
 географ 153, 285.
 Колесов Петр, большерецкий приказ-
 чик 245.
 Коль Иоганн, профессор красноречия
 при АН 74.
 Кондратович К. А., переводчик при
 АН 104, 327.
 Копай, шелагский князь 29.
 Cordt В. 44.
 Корич, тойон 182.
 Коркин, солдат 297, 298.
 Корнилов Амос, промышленник, мо-
 реход 343.
 Коростелев Дмитрий, шкипер 58.
 Корф И. А., барон, директор АН 231.
 Косвен М. О. 97.
 Котвич В. Л. 38.
 Кошелев Иван, шкипер 61.
 Крамер А. Б., адъюнкт АН, историк
 149.
 Красильников А. Д., геодезист,
 адъюнкт АН 67, 70, 126, 222, 252.
 Красильников В., учитель геодезии
 54.
 Кратценштейн Х. Т., профессор ме-
 ханики при АН 206.
 Крафт Г. В., академик, физик 76,
 231, 324.
 Крашенинников Василий, сын
 С. П. Крашенинникова 227.
 Крашенинников С. П. (Kraschenin-
 nikow S.), академик, исследователь
 Камчатки 3, 4, 6, 9, 65—67, 73,
 78, 87, 88, 97, 124, 126, 151, 153,
 164—230, 234, 235, 237, 242,
 244—249, 255, 257, 258, 279—
 281, 284, 289, 296, 334, 363.
 Крашенинникова С. И., жена
 С. П. Крашенинникова 227.
 Креницын П. К., капитан 57, 132,
 137, 153, 342.
 Крутикова М. В. 10, 203.
 Крылова Т. К. 31.
 Крымский Алексей, служилый чело-
 век 303.
 Кук Джемс, английский мореплава-
 тель 29, 134, 228, 343.
 Курциус см. Квинт Курций Руф.
 Кутка (Кутга), божество камчадалов
 218.
 Кучум, татарский хан 71.
- Лави, французский резидент в Пе-
 тербурге 18.
 Лагус В. 309, 310.
 Лакроэр см. Делиль де ла Кройер.

- Лақсман Эрик, финский географ и путешественник 308—310.
- Ламанский В. И. 161, 340.
- Ланг Лоренц, иркутский вице-губернатор 36, 267, 316.
- Лаптев Д. Я., мореплаватель 14, 49, 50, 54, 59, 61, 62, 66, 336.
- Лаптев Х. П., мореплаватель 14, 48, 49, 54, 61, 66, 336.
- Ларихин Григорий, солдат Якутского полка 292, 295—298.
- Лассиниус Петр, лейтенант 47, 62.
- Лау Теодор, лекарь 273, 279, 280.
- Лафито Ж. Ф., французский иезуит, этнограф 97.
- Лебедев В. И., переводчик при АН 105, 118.
- Лебедев Д. М. 45, 47, 217.
- Левашев Михаил, капитан 57, 153.
- Лейбниц Г. В., немецкий философ 14, 15.
- Лексель А. И., академик, астроном 140.
- Леонтьев Андрей, студент АН 167.
- Лепехин И. И., академик, ботаник 153, 363.
- Лепехин Михайло, толмач 179.
- Леруа П. А., академик, историк 30, 203, 342, 343.
- Лерхе И. Я., доктор медицины, участник посольства в Персию 202.
- Лессельс Ж. Б., французский путешественник 228.
- Лещинский Филофей см. Филофей Лещинский.
- Линдгрен Е., шведский ученый 52.
- Линденау Я. И., переводчик при АН, исследователь Сибири 9, 65, 67, 73, 78, 196, 222, 230, 246, 259, 262—264, 266—269, 279, 286—288, 290—295, 298, 300, 301, 303—309, 363.
- Линней Карл (Linnæus С.), шведский естественный исследователь 162, 194, 203, 240, 268, 274.
- Литвинов Д. И. 280.
- Литке Ф. П., адмирал, мореплаватель 48.
- Лихарев И., майор, начальник экспедиции в верховья Иртыша 13, 16, 18, 19.
- Ломоносов М. В. (Lomonosow M.), академик 3, 4, 9, 15, 48, 102, 103, 105, 112—115, 118, 131—135, 161—164, 203, 205, 207, 209, 210, 212, 226, 228, 329—344, 363.
- Лосев Иван, служивый человек 181.
- Лудольф М., немецкий ботаник 231.
- Лужин Федор, геодезист 4, 11, 13—17.
- Лупандин Захар, курьер Сената 270, 271, 273, 278.
- Львов Иван, якутский дворянин, составитель карты Якутии 12.
- Любименко И. И. 151.
- Людвиг Хр. Г., немецкий медик и ботаник 203.
- Люрсениус И. В., художник при АН 71, 82, 83, 154, 168.
- Лютвицк, участник экспедиции К. Фипса к Северному полюсу 127.
- Макаров А. В., кабинет-секретарь 23.
- Макшеев А. 38.
- Малеин А. И. 329.
- Мальгин С. Г., вице-адмирал, исследователь северных берегов Сибири 14, 54, 336.
- Мейер О. Д., губернатор графа Скаронского 127.
- Меллер А. Е., жена Меллера Вахромея 22.
- Меллер Вахромей (Вернер), голландский купец, переселившийся в Россию, железозаводчик 22.
- Меллер В. В., железозаводчик 23.
- Меллер П. В. (Миллер П. В., Миллер Петр, Muller Pierre, Muller Petrus), составитель карты Сибири 4, 11, 22—28, 35.
- Мельгнер Давид, португальский мореплаватель 127, 337.
- Менезий Павел, русский посол в Рим 22.
- Меншуткин Б. Н. 329, 335.
- Мерлин В. Ф., подполковник 198, 219.
- Мерлин Егор, топон 182.
- Мессершмидт Д. Г. (Messerschmidt D. G.), путешественник по Сибири 16, 32, 37, 39, 40, 43, 71, 232.
- Миддендорф А. Ф. 48.
- Миддлтон Христовор, английский мореплаватель 118.
- Миллер Г. Ф. (Müller G. F.) академик, историк, исследователь Сибири 3—5, 9, 18, 19, 24, 25, 27, 28, 31, 32, 34—38, 42—48, 53, 55, 56, 61, 63, 65—68, 73—118, 121—172, 175, 181, 184—187, 189—195, 198—213, 215, 221, 222, 224, 230—238, 245, 246, 249, 250, 255, 256, 272, 275, 277, 278, 282, 284,

- 286—289, 291, 293—296, 300, 302, 307—310, 313—315, 319, 323, 325—327, 334, 336—339, 342, 343, 363.
- Миллер П. В. см. Меллер П. В.
 Милаюков П. Н. 160, 161.
 Милютин В. А. 146.
 Минин Федор, штурман 59, 61, 336.
 Миних Б. Х., генерал-фельдмаршал 231.
 Мирович П. Ф., тобольский сын боярский 80.
 Михаил Федорович, царь 113, 313.
 Модерах Ф. К., адъютант АН, историк 105, 107, 112, 114.
 Модзалевский Б. Л. 165.
 Модзалевский Л. Б. 113, 210, 213, 329.
 Молик, лейтенант, шведский военнопленный в России 37.
 Монтелль Г. (Montell G.) 51, 52.
 Морган Л. Г., американский этнолог и социолог 97.
 Мохначевский Яков, сборщик ясак 262.
 Мошков Кондратий, мореход 17.
 Муллер Петр (Muller Petrus, Muller Pierre) см. Меллер П. В.
 Муравьев Стефан, лейтенант 54, 61.
 Мюллер И. Б. (Müller J. B.), капитан, шведский военнопленный в России 26, 35.
 Мятлев В. А., сибирский губернатор 46, 58.
- Нагаев А. И., адмирал, гидрограф 55, 341, 342.
 Нарожницкий Антоний см. Антоний 2-й Нарожницкий.
 Начик, тойон 182.
 Неронов Федор, чиновник Сената 12.
 Nestesuranoi B. Iwan см. Руссе де Мисси Ж.
 Нестор, летописец 152.
 Никольский Н. П. 208.
 Новиков Н. И., писатель, литературный деятель, 154, 155, 166.
 Новиков П. А. 216, 217, 229.
 Новицкий Г. И., полковник, автор сочинения об осяках 34.
 Новлянская М. Г. 5, 12, 40.
 Nordenskiöld A. E. 42, 44.
 Норев А. С. 157.
- Оболенский М. А., директор Московского архива Коллегии иностранных дел 160.
- Овцын Д. Л., капитан 14, 54, 58—61, 336.
 Оглоблин Н. Н. 139, 157, 158, 159.
 Озерецковский Н. Я., академик 154, 270.
 Окотов Баян, нахарский князь 305.
 Ольденбург С. Ф. 100.
 Орлов А. С. 329.
 Орлов В. Г., директор АН 118, 135, 150, 163.
 Орлова Е. П. 294.
 Орлова Н. С. 122.
 Остерман И. А., генерал-адмирал 62, 63, 65.
- Павел Петрович, великий князь 335, 339.
 Павлов Е. В., лейтенант 54.
 Павлов-Сильванский Н. П. 14.
 Павлуцкий Д. И., капитан, мореход, якутский воевода 57, 198, 294, 296.
 Паллас П. С. (Pallas P. S.), академик, естествоиспытатель и путешественник 93, 132, 134, 138—140, 142, 153, 256, 257, 272, 273, 282—285, 289, 363.
 Парамонов Семен, сборщик ясак 305.
 Паузе И. В., переводчик при АН 24.
 Р. Е., неизвестный автор рецензии на книгу Г. В. Стеллера «Von Kamtschatka nach Amerika» 257.
 Певгей, князь Орской и Сорикадской земель 300.
 Пежемский Андрей, служивый человек 264.
 Пекарский П. П., академик, историк 6, 19, 40, 41, 47, 68, 70, 73, 76, 92, 95, 101, 103, 107, 110, 115, 117, 136, 143, 146, 153, 155, 161—164, 166, 197, 202, 203, 228, 231, 233, 243, 249, 251, 254, 262, 263, 265—269, 271, 273, 276, 277, 279, 280, 283, 289, 293, 302, 311—313, 319, 324, 326, 340, 342.
 Перевалов В. А. 331, 335, 342.
 Перевалов Тимофей, составитель карт Чукотки 294.
 Петр I Великий, император 13—23, 27, 28, 30—32, 36, 39, 40, 41, 160, 167, 267, 311, 313, 333, 334, 337, 339.
 Петр Федорович, великий князь 264.
 Петров П. Н., писатель, археолог 163.

- Писарев Г. Г. см. Скорняков-Писарев Г. Г.
- Плаутин М. Г., лейтенант 61.
- Плениснер Ф. Х., полковник, начальник Охотского порта 65, 132, 138—140.
- Плещеев А. Г., иркутский вице-губернатор 316.
- Плещеев А. Л., сибирский губернатор 76, 80, 86.
- Плинингер Г. (Plieninger G. H. Th.), издатель переписки И. Г. Гмелина 162, 194, 195, 197, 240, 241, 244, 248, 250, 254.
- Плишкин Степан, служилый человек 177—181, 183.
- Плутарх, греческий писатель 206.
- Погодин М. П. 314.
- Покровский А. А. 31, 45, 62.
- Поленов А. В., студент АН 118.
- Поленов Д. В., археограф и библиограф 67 164.
- Полунин Ф. А., верейский воевода, составитель «Географического словаря Российского государства» 143.
- Помяловский И. В., филолог и археограф 12.
- Попов, начальник морской части 2-й Камчатской экспедиции 260, 263.
- Попов Иван, учитель школы в Большерецке 263.
- Попов Н. А. 42, 89, 109, 311, 316, 318, 322, 327.
- Попов Н. И., профессор астрономии при АН, переводчик 207, 209, 212.
- Попов Федор, студент АН 70, 167, 168.
- Пражеский Иван, учитель школы в Большерецке 263.
- Прево А. Ф. (Prevost A. F.), французский иезуит 124.
- Прибылов Гавриил, автор карты Охотска 144.
- Пройдошин Иван, служилый человек 183.
- Прокопович Феофан см. Феофан Прокопович.
- Прончищев В. М., лейтенант 47, 336.
- Протасов А. П., академик, анатом 154, 164, 270.
- Птуха М. В. 331.
- Пуццилло М. П. 6, 51, 53, 62, 65, 85, 99, 122, 124, 143—145, 167, 310.
- Пыпин А. Н., литературовед 161.
- Пырокский Иван, переводчик Сената 134.
- Радищев А. Н., писатель 15, 344.
- Радлов В. В. 40—43, 73, 86, 89, 101, 117, 155, 161, 289, 327.
- Разумовский К. Г., президент АН 93, 115, 120, 223, 228.
- Рачинский А. В. (Ratchinski) 143.
- Редерн (Redern), составитель карты Ледовитого океана 127.
- Рейхард 275.
- Ремезов С. У., тобольский дворянин, картограф Сибири 38, 39, 43, 363.
- Ренат, шведский картограф 38.
- Рихман Г. В., академик, физик 203, 206.
- Робер де Вогонди Ж. (Robert de Vaugondy J., Вогонди), французский географ 129, 132, 133.
- Розенг, аптекарь 238.
- Роллен Шарль, французский историк 105.
- Россохин Илларион, переводчик при АН, прапорщик 114, 149.
- Ртищев Василий, штурман 47, 58.
- Румовский С. Я., вице президент АН, астроном 140, 164.
- Румянцев Н. П., граф 155.
- Руссе де Мисси Ж. (Nestesuranoi В. Iwan), французский писатель, автор жизнеописания Петра I 21.
- Рылеев К. Ф., декабрист 155.
- Рычков П. И., член-корреспондент АН, писатель 147, 162, 164, 311.
- Рюмин Андрей, служилый человек 247.
- Саблуков Г. С. 36.
- Садиков П. А. 56.
- Salmon Н. 275.
- Салтыков Ф. С., стольник, автор проекта нововведений и преобразований в экономике России 14, 15.
- Самойлов В. А. 51.
- Самойлов Григорий, бергауэр 234, 243, 248, 304.
- Сандерс Томас, адмирал 65.
- Свенске К. Ф., архивариус АН 13, 95, 162.
- Светоний (Светоннус), римский писатель 174.
- Свирская В. Р. 114, 333, 335, 338.
- Свистунов Иван, геодезист 28, 86.
- Сгибнев А. С. 16, 17, 37, 50, 56.
- Севастьянов А. Ф., академик, географ 228.
- Севергин В. М., академик, химик и минералог 228.

- Селлий Адам, писатель 24.
 Сербина К. Н. 5.
 Сиверс А. А. 23.
 Сигезбек И. Г., академик, директор Ботанического сада в Петербурге 201—203.
 Синдт Иван, лейтенант 137.
 Скавронский, граф 127.
 Скобельцын Петр, геодезист 28, 61, 85.
 Скорняков-Писарев Г. Г. (Писарев Г. Г.), начальник Охотского порта, 13, 50, 61, 64.
 Скуратов Алексей, лейтенант 54.
 Слободчиков Федор, служивый человек 248, 251.
 Смирнов С. К., писатель, богослов 166.
 Сойкин П. П., издатель 256.
 Соймонов М. Ф., сын Ф. И. Соймова 138.
 Соймонов Ф. И. (Soimonof F. I.), навигатор и гидрограф, сибирский губернатор 16, 27, 70, 132, 138, 139, 164, 309, 310, 326, 339, 342.
 Соколов А. П., историограф русского флота 48, 49, 54, 56, 61, 134, 160, 342.
 Соколов И. А., гравер 107, 223.
 Соловьев С. М., историк 142, 160.
 Софинов П. 62.
 Спасский И. Г. 24.
 Станислав I Лещинский, польский король 231.
 Станкевич, историк Сибири 313.
 Стаффенгаген И. И., архивариус АН, писатель 112, 212, 214, 215.
 Стейнегер Л. (Steineger L.) 72, 193, 195, 229—231, 233, 238, 255, 259, 262—264, 266—272, 275, 276, 285.
 Стеллер Августин, брат Г. В. Стеллера 229, 264, 274.
 Стеллер Бриггита, жена Г. В. Стеллера 273.
 Стеллер Г. В. (Штеллер Г. В., Steller G. W., Stoller G. W.), адъюнкт АН, естествоиспытатель, исследователь Сибири 9, 64—68, 70, 72, 73, 88, 97, 124, 136, 151, 162, 168, 172, 188—192, 195—199, 203—205, 209, 211—214, 216, 217, 219—223, 226, 228—286, 289, 298—301, 304—306, 363.
 Степанов Н. Н. 216, 221.
 Столленверк, переводчик «Истории Сибири» И. Э. Фишера 302.
 Страленберг Мартин, брат Ф. И. Страленберга 22.
 Страленберг Ф. И. (Штраленберг Ф. И., Табберт фон Страленберг, Strahlenberg Ph. I.), шведский картограф 21, 22, 32, 34, 36—44, 315, 316, 323, 325.
 Стриттер И. Г. (Штриттер И. Г.), адъюнкт АН, историк 68, 73.
 Строгановы, бароны, горнозаводчики 314.
 Строев П. М., академик, археограф 42, 155, 156.
 Струве В. Я., академик, астроном 70.
 Струве О. В., астроном 70.
 Сулокадзев А. И., собиратель древних рукописей 41.
 Татищев В. Н., историк 3, 4, 9, 24, 41, 42, 72, 84, 85, 89, 99, 106, 109, 110, 162, 164, 284, 289, 302, 311—328, 334, 363.
 Тауберт И. А., адъюнкт АН 207—210, 212, 282, 283.
 Теплов Г. Н., адъюнкт АН, писатель 106, 107, 109, 110, 115, 146, 222.
 Теренций (Теренциус), римский писатель 174.
 Тилезиус В. Г., академик, естествоиспытатель 284.
 Тимофеев А. И. 156, 157.
 Тихомиров И. А. 311.
 Тищенко А. В. 56.
 Толстой Д. А. 207, 227, 255.
 Томилевский Василий, переводчик 42.
 Тонкова Р. М. 147.
 Траверс В. (Travers V.), пфальцский резидент в Англии 129.
 Третьяковский В. К., академик, поэт 35, 36, 101, 104, 105, 111, 112, 165, 206, 207, 324.
 Треска, мореход 17.
 Третьяков Василий, студент АН 78, 159, 168.
 Трусокот И. Ф., адъюнкт АН, географ 122, 125, 135, 144, 145, 222, 223, 338.
 Тулишен, китайский посол к калмыкам 38, 149.
 Турчанинов И. А. (Абрамов Изман), ссыльный крещеный еврей, автор записки о злоупотреблениях на Камчатке и в Якутии 266, 267.
 Тырылака, камчадал 178, 179.

- Унгебауер И. И., копиист и переводчик при АН 92, 112.
- Унковский И. С., русский посланник к джунгарским калмыкам, автор журнала путешествия 323.
- Ушаков Моисей, геодезист 85.
- Фальк И. П., врач и ботаник, исследователь Сибири 363.
- Фархварсон Андрей, учитель Навигационной школы в Москве 12.
- Федоров Иван, подштурман 294.
- Федот Алексеев сын, житель Камчатки 174.
- Фель С. Е. 30.
- Феодосий (Theodosius) ошибочно, см. Нестор.
- Феофан Прокопович, архиепископ новгородский и великолуцкий, духовный писатель 231.
- Фик Генрих, вице-президент Коммерц-коллегии 50, 249.
- Филиппов, сержант 198.
- Филофей Лещинский, сибирский митрополит 34, 90.
- Фипс К. (Phips K. J.), командир английской экспедиции к Северному полюсу 127, 129.
- Фишер И. Э., академик, историк, исследователь Сибири 9, 35, 56, 64, 65, 67, 68, 72, 73, 88—90, 97, 98, 103, 104, 106, 111, 112, 115—118, 150, 151, 155, 162, 191, 198, 199, 202, 205, 207—209, 212, 239, 256, 261, 262, 268, 269, 271, 272, 282, 284, 285—293, 295—304, 306, 307, 319, 326, 327, 363.
- Флетчер Джилкс, английский посланник в Россию, автор описания Московского государства 74.
- Фонте де, Варфоломей, адмирал 118, 119.
- Фрауендорф К. Л., иркутский губернатор 309.
- Френ Х. Д., ориенталист и нумизмат 36.
- Фролов К. 144.
- Фурмон Мишель, французский ориенталист 100.
- Фурмон Этьен, французский ориенталист 100.
- Ханыков Иван, геодезист 51.
- Химков Алексей, промышленник, мореход 343.
- Хитрово С. Ф., лейтенант 47, 54, 55, 61, 65, 121.
- Хметевский В. А., штурман 50, 263.
- Хотунцевский Иоасаф см. Иоасаф Хотунцевский.
- Носч Н. 275.
- Худяков Е. 144.
- Хэмэляйнен А. (Hämäläinen A.) 34, 44.
- Чаплин Петр, мичман 48, 51.
- Чапышев Василий, служилый человек 300.
- Чарыков Н. В. 22.
- Чекин, спутник С. И. Челюскина 54.
- Челюскин С. И., штурман 48, 54, 336.
- Черкасов И. А., барон, кабинет-секретарь императрицы Елизаветы Петровны 96.
- Черкасский А. М., сибирский губернатор 40.
- Чернов С. Н. 56.
- Чириков А. И. (Tschirikof A.), капитан, мореплаватель 45, 47, 48, 50, 54, 55, 57—61, 63, 65, 70, 75, 119, 122—124, 160, 263, 285.
- Чичагов В. Я., адмирал 132, 133, 142, 335, 342.
- Чичагов Петр, геодезист 13, 19, 20, 22, 28.
- Чичерин Д. И., сибирский губернатор 132, 141.
- Чулков М. Д., писатель, историк, этнограф 18, 99, 154.
- Чуруксаев Василий, «закащик» 305.
- Шалауров Никита, устюжский купец, мореход 54, 139.
- Шамаев Алексей, якут 305.
- Шапот Е. Г. 314.
- Шапп д'Отерош Ж., аббат, астроном 139.
- Шардиус, владелец коллекции автографов 208, 238.
- Шегрен А. М., академик, филолог и лингвист 289.
- Шелгин, сборщик ясака 62.
- Шенстрем, шведский военнопленный в России 32, 34.
- Шерер И. Б., немецкий писатель, дипломат 128, 131, 136, 161, 209, 220, 247, 255—258, 275, 283—285.
- Шестаков А. Ф., якутский казачий голова, мореход 29, 30, 57, 121.
- Шетилов Василий, геодезист 28, 61, 85, 86.
- Шеховский Иван, геодезист 327.

- Шимаев Иван, комиссар Жиганского
 зимовья 50, 51.
 Шишков Василий, геодезист 325,
 327.
 Шишков Иван, геодезист 325.
 Шкадер, поручик 51, 296.
 Шлецер А. Л., академик, историк 163.
 Шмалев В. И., капитан 132, 141, 144,
 145.
 Шмалев Т. И., капитан 132, 137,
 141, 145.
 Шмидт Я. Ф., адъютант АН, карто-
 граф 137, 144, 145.
 Шмурло Е. Ф. 333.
 Шнитцер И. Х. (Schnitscher), швед-
 ский капитан 38.
 Шобер Готтлиб, доктор медицины
 149.
 Шокальский Ю. М. 335, 341, 344.
 Шпанберг М. П., капитан 47, 48, 50,
 54, 55, 57—63, 65, 66, 75, 119,
 184, 222, 242, 248, 260, 263.
 Штелин Я. Я., академик, писатель
 23, 107, 136, 137, 140, 154.
 Штеллер Г. В. см. Стеллер Г. В.
 Штраленберг Ф. И. см. Стрален-
 берг Ф. И.
 Strindberg А. 44.
 Штриттер И. Г. см. Стриттер И. Г.
 Штрубе де Пирмон Ф. Г., профессор
 права при АН 110—112.
 Шувалов И. И., генерал-прокурор
 326, 333, 335.
 Шуйский см. Василий Шуйский.
 Шульман К. Г. (Schulman К. С.),
 художник, племянник Ф. И. Стра-
 ленберга 40.
 Шульд И. А. (Schultz I. L.), немец-
 кий географ 130.
 Шумахер И. Д., конференц-секретарь
 АН 23, 24, 92, 93, 95, 103, 107—
 111, 115, 120, 146, 168, 202, 203,
 224, 231, 254, 261, 277, 282, 283,
 287, 288, 290, 315, 316, 319, 320,
 324.
 Шумилов В. Н. 18.
 Шхельтинг А. Е., мичман 61.
 Щербатов М. М., историк 138.
 Эвальд Б. 46, 53.
 Эйлер И. А., конференц-секретарь
 АН, математик и астроном 121,
 128, 137, 150—152.
 Эйлер Леонард, академик, физик и
 математик 228, 288, 315.
 Энгель Самуил (Engel S.), швейцар-
 ский географ 125—134, 136, 140,
 339, 341, 343, 344.
 Эннес, шведский военнопленный в
 России, дед Б. А. Эннеса 32.
 Эннес Б. А. (Ennes В. А.), шведский
 историк 32, 33.
 Эпинус Ф. Ф., профессор физики и
 математики при АН 324.
 Юшин Харлам, подштурман 47, 55.
 Яников Г. В. 45, 49.
 Яхонтов Илья, переводчик при АН
 78, 86, 87, 168, 170—173, 192.
 Яцунский В. К. 5.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абаканская степь 83.
Абашева гора 82.
Аблайкит (Аблайн-хит), калмыцкий монастырь на Иртыше 82, 85, 242.
Авача, р. 177—179, 183, 188, 245, 262.
Авачинская гавань см. Петропавловская гавань.
Авачинская губа (бухта, залив) 55, 62, 65, 196, 197, 245.
Авачинская сопка 178.
Азиатская Россия см. Россия Азиатская.
Азия 13, 14, 17, 23, 25, 32—34, 41, 48, 65, 122, 123, 125—127, 129, 133, 137, 141, 143, 153, 256, 285, 315.
Азия Северная 23, 35, 36, 339.
Азия Северо-Восточная 69, 121, 130, 140.
Азия Средняя 27.
Азов, г. 22.
Акланский острог 294.
Алазея, р. 294.
Алдан (Aldanstrom), р. 263, 264, 304, 305.
Алеутские острова 139—141, 229, 230.
Аляска (Большая земля), п-ов 29, 193, 229, 230, 294.
Амга, р. 305.
Америка Северная (Америка, America, Amerique Septentrionale) 3, 13, 17, 31, 32, 43, 45, 47, 48, 55, 57, 60, 61, 63, 65, 69, 70, 97, 119, 121—127, 129—133, 136—138, 141, 153, 196, 216, 222, 224, 230, 244, 247, 250, 254, 256, 264, 276, 277, 280, 281, 283—285, 339, 340, 344.
Америка Средняя 31.
Америка Южная 31.
Американские острова 140.
Амур (Амура, Amur), р. 14, 16, 28, 42, 52, 76, 87, 138, 139, 152, 154, 173, 211, 213, 235, 292, 307, 341.
Амурское (Омурское) устье 14.
Анадырск (Анадырский острог), г. 49, 138, 141, 187, 246, 294.
Анадырский край 138, 246.
Анадырь, р. 29, 49, 141, 293, 294.
Ангара, р. 84, 135, 200, 241.
Англия 14, 15, 119, 127, 129.
Аральское море 19.
Аргунь, р. 82, 135, 170.
Арман, р. 264.
Архангельск (Архангельский), г. 16, 21, 54, 60, 61, 134.
Астраханское царство 20.
Астрахань, г. 323.
«Атиним» тундра 303.
Атлантический океан 118, 119, 129.
Ашалга, р. 294.
Бааню см. Большая Бааню.
Базель, г. 130.
Байкал, оз. 16, 21, 42, 85, 135, 170, 236—238, 241, 307.
Балаганск, г. 290, 308, 309.
Балаганский дистрикт 308.
Балтийское море 342.
Барабинская, степь 40, 301.
Баргузин, р. 169, 170, 241.
Баргузинский (Баргузин) острог 169, 170, 192, 236, 237, 241.
Баунг, оз. 237.
Белая, р. 85.
Белогорская Троицкая волость см. Троицкая Белогорская волость.
Белое море 48, 135.

- Березов, г. 70, 71, 79, 83, 84, 90, 91, 287, 326.
 Березовский уезд 84.
 Беринга (Берингов) остров 47, 124, 254, 258, 265, 273.
 Берингов пролив 29, 343.
 Берлин, г. 34, 40, 231.
 Билир, р. 305.
 Благовещенская слобода 200.
 Бобровое море 262.
 Болдино, с. 326.
 Большая, р. 17, 176, 180, 181, 183, 184, 188, 198, 244, 251, 258.
 Большая Бааню, р. 178.
 Большая земля см. Аляска.
 Большерецкий острог (Большерецк) 17, 70, 173, 176—181, 183, 184, 188, 189, 195—198, 244, 246—248, 250—254, 260, 262, 263, 265, 266, 277.
 Большерецкое устье 184, 188, 244.
 Большой остров 296.
 Бухара (Bucharey) 18, 75, 148, 154.
 Быстрая, р. 184.
 Ваем-палка см. Ваянпалка.
 Вайгач (Вайгат), о. 15.
 Вах, р. 200.
 Ваянпалка (Ваем-палка), р. 253.
 Великий океан см. Тихий океан.
 Вена, г. 118.
 Верей, г. 143.
 Верхневиллойское зимовье 295.
 Верхнеколымск, острог 141.
 Верхний Камчатский (Верхний) острог 173, 177, 178, 181—185, 188, 195, 196, 246, 260, 262, 265.
 Верхоленский (Верхоленск) острог 169—171, 291, 297.
 Верхоленский уезд 326.
 Верхотурские горы 269.
 Верхотурский уезд 325.
 Верхотурье, г. 91, 94, 175, 200, 268, 270, 272.
 Верхоянское зимовье (Верхоянск) 246.
 Вест-Индия 31.
 Вестфалия, герцогство 74.
 Виллой, р. 169, 170, 265, 281.
 Винсгейм, г. 230.
 Витим, р. 169, 170.
 Витимская слобода 266.
 Виттенберг, г. 230.
 Волга, р. 20, 149.
 Вологда, г. 70.
 Воровская, р. 181, 196.
 Восточная Индия см. Ост-Индия.
 Восточная Сибирь см. Сибирь Восточная.
 Восточный океан (Восточное море) см. Тихий океан.
 Вятская губерния 320.
 Вятская провинция 18.
 Галле, г. 39, 70, 174, 229, 230.
 Гамбург, г. 316.
 Германия 9, 34, 67, 272, 275.
 Герфорд, г. 74.
 Гетео, о. 15.
 Геттинген, г. 51, 115.
 Голландия 15, 27, 34—37, 119, 225.
 Гренландский берег 134.
 Грибаново, с. 326, 327.
 Гулянткак см. Ипличи.
 Гыда, р. 61.
 Дальний Восток 294.
 Дания 153.
 Данциг, г. 231.
 Даурия 42.
 Двина Северная (Двина), р. 14, 15.
 Дежнева мыс 46, 53.
 Демьянский ям, селение 94, 200.
 Джунгария 38.
 Дон, р. 20.
 Европа 14, 22, 34, 37, 41, 42, 136, 275, 336, 344.
 Европа Восточная 315.
 Европа Западная 32, 34, 97, 167, 228, 276.
 Европа Северная 315.
 Eismeer см. Северный Ледовитый океан.
 Екатеринбург (Екатерининск, Свердловск), г. 313, 314.
 Екатеринбургский уезд 94, 325.
 Екатеринбург см. Екатеринбург.
 Енисей, р. 14, 25, 26, 42, 49, 61, 82, 135, 169, 200, 241.
 Енисейск, г. 40, 42, 48, 70, 77, 78, 82, 86—88, 171, 185, 191, 192, 200, 232, 233, 236, 239, 241, 242, 286, 299, 313.
 Енисейская провинция 19, 135.
 Енисейский уезд 84, 170, 299.
 Епон см. Япония.
 Еравнинский острог 237.
 Жиганское зимовье (Жиганы) 50, 51, 239.
 Жупанова река 188.
 Зашиверский острог 49.

- Иедзо, о. 29, 126.
 Иена, г. 174, 230.
 Иликт, р. 307.
 Илим, р. 200.
 Илимск, г. 87, 200.
 Илимский уезд 28, 326.
 Ингерманландия 225, 226.
 Ингода, р. 16.
 Индигирка, р. 294.
 Индия 13, 18—20, 27, 75, 125, 130—132, 134, 339, 340.
 Индия Восточная см. Ост-Индия.
 Ипличи (Гуленткак), о. 292.
 Ирбит, р. 82.
 Иркут, р. 85.
 Иркутск (Иркуцк), г. 56, 61, 72, 86, 87, 136, 168, 169, 172, 186, 190, 192, 196—200, 232, 234, 236—238, 240—242, 248—250, 260, 261, 263, 264, 266—268, 270—272, 278, 290, 291, 297—299, 306, 307, 309, 316, 326.
 Иркутская провинция 64, 85, 86, 135, 240, 241, 308.
 Иркутский уезд 28, 85.
 Иртыш, р. 13, 16, 18—20, 23, 26, 40, 42, 85, 148, 261, 288, 290, 300.
 Исетская (Исецкая) провинция 94.
 Исландия (Изландия) 211.
 Испания 31, 32, 119.
 Итанцинский острог 170.
 Ича, р. 17.
 Июс, р. 83, 268.
- Кадымская бухта 61.
 Каванская губерния 97, 98, 147, 315, 317, 320, 323.
 Казанское царство 20.
 Казань 18, 36, 81, 97, 148, 270, 271, 278, 279, 306, 307.
 Какенч, р. 187.
 Калбасунская башня 82.
 Калтай, дер. 300.
 Кама, р. 307.
 Камаков острожек см. Шваннолом.
 Каменный острожек 182.
 Камчатка (Камчатский край) 11—13, 16—18, 21, 26—31, 37, 42, 49, 50, 52, 55, 56, 60, 64, 65, 70, 75, 76, 78, 87, 88, 96, 119, 124, 126, 129—131, 136—138, 141, 144, 145, 147, 151, 153, 165, 168, 171—176, 178, 179, 181, 184—186, 189—193, 195, 197—201, 204, 205, 208—211, 213, 214, 216, 218—224, 228—232, 234—236, 239, 240, 242, 244—247, 249—257, 260—267, 275—277, 280, 283—287, 289, 291—294, 296, 298, 304, 314, 316, 334.
 Камчатка, р. 181—185.
 Камчатский острог 262.
 Камчатское море 21, 29, 61, 133, 341.
 Канский острог 234, 290.
 Карага, р. 187, 262.
 Карагинский остров 187.
 Каспийское море 11, 16, 20, 23, 28, 29.
 Качега, дер. 192, 290, 297, 307.
 Кептендей, р. 169, 170.
 Кетский острог 200.
 Киев, г. 152.
 Кинкиля, р. 187.
 Киренга, р. 306.
 Киренский (Киренск) острог 185, 200, 236, 240, 242, 243, 248.
 Китай (Китайское государство) 5, 14, 15, 27, 36, 41, 52, 93, 147—149, 267, 363.
 Китой, р. 85.
 Кова, р. 264.
 Кола, г. 134.
 Колотовка, р. 169, 170.
 Кольванская крепость 82.
 Колыма, р. 29, 48, 49, 54, 60, 136, 139, 294, 295.
 Колымское зимовье 246.
 Конпакова, р. 181.
 Конпаковский острожек 181.
 Кофай, о. 29.
 Копенгаген, г. 119.
 Корея 52.
 Косая степь 170, 307.
 Красное Село, поместье Г. А. Демидова близ Соликамска 269.
 Краснослободский округ 79.
 Краснослободский уезд 94.
 Красноярск, г. 40, 41, 81, 83, 181, 237, 267, 268, 290, 307, 319.
 Красноярский уезд 80, 83, 84, 170, 290.
 Крестовый остров см. Медвежий первый остров.
 Кроноцкое озеро 281.
 Кроунштадт, г. 231.
 Крутогорова, р. 181.
 Кузнецк, г. 81, 82.
 Кузнецкий уезд 84, 170, 314.
 Кунгурский уезд 325.

- Курильская Лопатка. (Лопатка), мыс 173, 177, 180, 247, 250, 251, 258, 262, 283—285.
- Курильские острова (Курилы, Курильская земля) 12, 17, 18, 54, 62, 66, 124, 145, 177, 179, 180, 188, 211, 248, 251, 255, 258, 262, 285.
- Кухтуй, р. 294.
- Кыкчик, р. 181.
- Кыкчинский острожек 195.
- Кыкчинский Нижний острожек 181.
- Кыртасская застава 84.
- Кяхта, р. 241.
- Кяхта, слобода 238, 241, 242.
- Ладога Старая, г. 225.
- Ладожский канал 225.
- Лашев, г. 307.
- Ледовитый океан (Ледовитое, Ледяное море) см. Северный Ледовитый океан.
- Лейден, г. 21, 26, 35.
- Лейпциг, г. 41, 230, 256.
- Лена, р. 14, 42, 43, 49, 54, 62, 82, 85, 86, 135, 145, 171, 190, 192, 198, 234, 235, 239, 279, 291, 306.
- Ленкеболь, р. 303.
- Ленское устье 235.
- Лесная, р. 187.
- Лондон, г. 130.
- Лопатка см. Курильская Лопатка.
- Мадагаскар, о. 27.
- Маковский острог 200.
- Малый Бурум, о. 343.
- Мангазейский уезд 84, 170, 314.
- Мангазея (Мангазейск), г. 48.
- Мангазея Старая 21.
- Маньчжурия 52.
- Матмай, г. 250.
- Мая, р. 61, 198, 263, 264, 297, 304.
- Медвежий первый (Крестовый) остров 29.
- Медвежья острова 139, 140, 306.
- Мекенема, острожек 187.
- Мексика 31.
- Mer Glaciale см. Северный Ледовитый океан.
- Монголия 93.
- Мороженая, р. 262.
- Москва 8, 12, 21, 22, 24, 28, 35, 38, 39, 51, 56, 66, 102, 106, 107, 135—137, 139, 141, 143, 144, 149, 150, 154, 156, 160—162, 166—168, 232, 233, 256, 270, 271, 274, 278, 279, 287, 301, 306, 307, 309.
- Московское государство см. Россия.
- Мылаша, острожек 179.
- Нарым, г. 90, 200, 288.
- Начилова, р. 188.
- Нерчинск, г. 85, 237.
- Нерчинский уезд 28, 84—87, 170, 237.
- Нижний Камчатский (Нижний) остров 173, 174, 177, 178, 180—185, 187, 188, 195, 196, 246, 248, 260—262.
- Нижний Кыкчинский острожек см. Кыкчинский Нижний острожек.
- Нижняя Тунгуска см. Тунгуска Нижняя.
- Новая Земля, о. 15, 21, 134, 340, 341.
- Новгород, г. 148, 225.
- Норд-Кап, мыс 46, 53.
- Nordsee см. Северный Ледовитый океан.
- Нор-Зайсан (Норзайсанское), оз. 19.
- Нюрнберг, г. 33, 316.
- Обдорск, г. 61.
- Обская губа 16, 22, 54.
- Обь, р. 14, 16, 20, 21, 24—26, 34, 42, 48, 54, 61, 71, 85, 122, 232, 288, 290, 300.
- Оглукомина, р. 196.
- Оглукоминский хребет 196.
- Озерная, р. 179, 187.
- Оcéan Oriental см. Тихий океан.
- Ола, р. 264.
- Олекминский острог 169, 170, 266.
- Оленек, р. 48, 235.
- Олой, р. 141.
- Ольхон, о. 169.
- Олютора, р. 182.
- Олюторский нос 182.
- Омолон, р. 141.
- Омурское устье см. Амурское устье.
- Онон, р. 169.
- Оренбург, г. 13.
- Оренбургская губерния 144, 320.
- Орскардская земля см. Сорикадская земля.
- Оса, р. 309.
- Ост-Индия (Восточная Индия) 15, 16, 20, 335, 337, 339, 340, 344.
- Оффенбах-на-Майне, г. 151.
- Охота, р. 61, 244.
- Охотск (Охотцк, Охоцк, Охотский острог, Охотский порт), г. 17, 37, 50, 56, 61, 62, 64, 70, 138, 139,

- 141, 144, 145, 173—176, 186, 188, 189, 191, 198, 234, 235, 239, 240, 243, 244, 248, 251, 253, 254, 256, 259—261, 263, 264, 291—295, 297, 298, 303, 304, 307, 316.
- Охотский край 50, 60.
- Охотское (Пенжинское) море 37, 49, 54, 55, 140, 177, 179, 182, 222, 252, 255, 262, 263, 293, 294, 339.
- Охотское устье 198.
- Паллан, р. 187.
- Паратун, острожек 179, 183.
- Париж, г. 19, 23, 27, 51, 69, 97, 100, 118, 124, 133, 302.
- Расific океан см. Тихий океан.
- Пекин, г. 28, 74, 93.
- Пельым, г. 78, 79, 91, 94.
- Пенжина, р. 173, 182, 211, 213.
- Пенжинская губа 138, 253, 339.
- Пенжинское море см. Охотское море.
- Первый Медвежий остров см. Медвежий первый (Крестовый) остров.
- Пермский край 269—271, 278, 279, 312.
- Пермь (Пермь Великая), г. 84, 314.
- Персия 19, 20, 202.
- Перу 119.
- Петербург (Санкт-Петербург, Ленинград), г. 8, 12, 16, 20, 21, 27, 29, 39, 41, 56, 58, 66, 69—72, 74, 76, 81, 84, 86, 87, 91, 92, 115, 119, 122, 137, 140, 141, 150, 156, 161, 162, 167, 168, 190, 191, 200, 206, 208, 225, 231—234, 237—239, 241—243, 250, 252, 256, 259, 261, 268, 270, 273, 275, 276, 278, 280, 286, 287, 299—301, 304, 306—308, 334, 339, 342.
- Петропавловск, г. 55.
- Петропавловская (Санкт-Петропавловская, Авачинская) гавань 55, 62, 65, 70, 197, 247—249, 251—253, 255, 262.
- Печора, р. 307.
- Повыча, р. 188.
- Подкагирная, р. 188.
- Подъяланная, дер. 299.
- Полтава, г. 267.
- Польша 153.
- Португалия 119, 337.
- Прибайкалье 42, 241, 250.
- Прииртышская степь 101.
- Пронобская степь 101.
- Пур, р. 21.
- Пурское озеро 21.
- Ратуга, р. 185.
- Рига, г. 343.
- Рим, г. 22.
- Рингельн, г. 74.
- Россия (Российское государство, Российская империя, Российская держава, Русское государство, Русь, Московское государство) 3, 4, 12, 13, 20, 22, 23, 25, 27, 28, 30, 32—34, 36, 37, 40, 41, 43, 52, 53, 62, 66, 69, 75, 84, 89, 93, 95—97, 102, 108, 109, 119—122, 126, 128, 130—132, 135—137, 142—144, 148, 149, 153, 154, 160, 162—164, 191, 198, 204, 228, 231, 256, 257, 272, 275, 284, 306, 311, 313—323, 325—328, 330, 332—334, 336, 337.
- Россия Азиатская 42, 51, 54, 148.
- Россия Малая 156.
- Русь (Русское государство) см. Россия.
- Самара, г. 42, 315.
- Самаровский ям, селение 94, 200, 287.
- Сандерсгаузен, г. 274.
- Санкт-Петербург см. Петербург.
- Сахалин, о. 28.
- Свердловск см. Екатеринбург.
- Святой Нос, мыс 14, 21, 29, 296.
- Северная Азия см. Азия Северная.
- Северная Америка см. Америка Северная.
- Северная Двина см. Двина Северная.
- Северное море см. Северный Ледовитый океан.
- Северный архипелаг 136, 140.
- Северный Ледовитый океан (Северный океан, Ледовитый океан, Сибирский океан, Северное море, Ледовитое море, Ледяное море, Eismeer, Nordsee, Mer Glaciale) 4, 12, 14, 16, 20, 26, 29, 38, 42, 44, 45—48, 53, 54, 60, 71, 87, 119, 121, 123, 125—127, 129—134, 137, 142, 144, 152, 284, 296, 302, 330, 335, 337—341, 343, 344.
- Северный полюс 34, 127, 129.
- Северо-Восточная Азия см. Азия Северо-Восточная.
- Селенга, р. 16, 26, 42, 135.
- Селенгинск, г. 81, 238.
- Селенгинский уезд 28, 84—87.
- Сенга, р. 305.

- Сибирская губерния 18, 23, 63, 86, 135, 147, 302, 308, 312, 317, 322.
 Сибирский берег 14.
 Сибирский океан см. Северный Ледовитый океан.
 Сибирское царство 144, 145, 153, 154, 325.
 Сибирь *rassim.*
 Сибирь Восточная 28, 56, 81, 85, 94, 141, 145, 169, 170, 230, 249, 267, 280.
 Сибирь Западная 19, 20, 32, 37, 81, 94, 101, 170, 315.
 Сибирь Северо-Восточная 29, 50, 52, 61, 294, 316.
 Сибирь Южная 37, 302.
 Сиглан, мыс 303.
 Сиктак, селение 239.
 Симбирская губерния 320.
 Сось, р. 82.
 Собская застава 83.
 Соликамск (Соликамский, Соль Камская), г. 81, 91, 269—273, 278, 301, 306, 307.
 Соликамский уезд 314, 325.
 Соль Камская см. Соликамск.
 Сорикадская (Орскордская) земля 300.
 Сосва, р. 84.
 Средняя Азия см. Азия Средняя.
 Старая Ладога см. Ладога Старая.
 Старая Мангазея см. Мангазея Старая.
 Стокгольм, г. 29, 30, 41, 51, 148.
 Страсбург, г. 256.
 Сургут, г. 88, 287, 288.
 Сургутский уезд 90, 288.
 Сыр-Дарья, р. 19.
- Табкачаулик, острожек 183.
 Тагил, р. 262.
 Тагильская слобода 200.
 Таз, р. 21.
 Тазовская губа 21, 22, 24—26, 61.
 Таймур (Таймура), р. 48, 54.
 Тара, г. 78, 79, 268, 272, 273, 301.
 Тара, р. 40.
 Тартария см. Татария.
 Тартарское море 119.
 Тасеевский острог 234.
 Tatarische Golf 28.
 Татария (Тартария) 19, 20, 37, 41, 52, 74, 93, 149, 154.
 Тауй, р. 264, 293, 303.
 Тауйский острог 173, 176, 264, 304.
 Тибет 100.
 Тигиль (Тигель), р. 182, 187, 252.
- Тигильская крепость 141.
 Тихий океан (Великий океан, Восточный океан, Осéан Oriental, Pacific осéан, Восточное море) 3, 12, 16, 30, 45, 47, 49, 54, 57, 70, 118, 119, 121—126, 129, 132—134, 137, 141, 142, 147, 182, 183, 187, 198, 247, 336, 337, 339, 341, 343.
 Тобол, р. 20, 61, 94.
 Тобольск, г. 19, 22, 23, 29, 33, 38—41, 46, 51—53, 56, 58, 61, 71, 72, 76—78, 81, 83, 86, 88, 90, 94, 139, 154, 198—200, 232, 237, 261, 267, 268, 272, 273, 287, 288, 290, 301, 313, 326.
 Тобольская губерния 16.
 Тобольская провинция 19, 20, 23, 135, 288.
 Тобольский уезд 23, 94, 314.
 Толбачин, р. 196.
 Толбачинская сопка 196.
 Томск, г. 34, 40, 41, 58, 70, 77, 81, 89, 90, 232, 233, 237, 261, 267, 268, 288—290, 296, 299—301, 307.
 Томский уезд 87, 170.
 Томь, р. 42, 82, 85, 290, 300.
 Тором, р. 307, 308.
 Троицкая Белогородская волость 90.
 Туба, р. 83.
 Тугур, р. 173.
 Тулуи, селение 290.
 Тунгуска, р. 241.
 Тунгуска Нижняя, р. 99.
 Туринск, г. 91, 94, 200, 249, 296.
 Туринский уезд 325.
 Тутура, р. 306.
 Тюмень, г. 79, 91, 94, 191, 200, 273, 279.
- Уда, р. 138, 173, 251, 305, 306, 308.
 Удинская провинция 135.
 Удинский острог 234, 290.
 Удский (Удкий, Уцкий) острог 173, 251, 259, 264, 266, 267, 304, 306, 309.
 Удь, р. 85.
 Ука, р. 182, 262.
 Улья, р. 61.
 Урак, р. 61.
 Урал, горный хребет 315.
 Урал, р. 42.
 Усть-Каменогорская крепость 82, 85, 261.
 Усть-Кутский острог 200.
 Уцкий острог см. Удский острог.
 Учтура, р. 305.

Финский залив 342.
Франкония 230.
Франкфурт-на-Майне, г. 256, 274.
Франция 69, 119, 122.

Хариузова, р. 182, 252.
Харчин острожек 187.
Хатанга, р. 42, 48, 61.

Чепанга, урочище 305.
Чердынский уезд 325.
Черкасская, дер. 299.
Чеусский острог 301.
Чечуйский острог 291.
Читинский острог 169, 170.
Чукотские горы 130.
Чукотский (Чукоцкий) мыс 51, 139, 140, 182, 296, 341.
Чукотский полуостров (Чукотка, Чукотская земля) 12, 29, 43, 141, 198, 251, 294, 339.
Чукотья, р. 29.
Чулым, р. 42, 299.
Чусовая, р. 269.

Шантарские острова 251, 306.
Шапин острожек 262.
Шваннолом (Шолоноки, Камаков), острожек 185.
Швеция 20, 39, 41, 44, 52, 153.
Шелагский (Шелацкий, Шелагинский) нос, мыс 139, 173.
Шемячик, р. 183.
Шлиссельбург (Шлюшенбург), г. 225.
Шолоноки см. Шваннолом.
Шпицберген, о. 127, 132—134, 340, 342, 343.

Штутгарт, г. 137.
Юдома, р. 61, 198, 263, 264, 295, 304.
Юдомский Крест (Юдом), волок 70, 191, 198, 259, 264, 291, 295, 297, 298, 303—305, 307.
Южная Америка см. Америка Южная.
Южная Сибирь см. Сибирь Южная.
Южное море 119, 121, 125, 129, 337.

Яик, р. 24, 26.
Якутия (Якутский край) 4, 5, 12, 30, 85, 86, 244, 266.
Якутск (Якуцк), г. 29, 37, 50, 55, 62, 70, 72, 77, 86, 87, 126, 141, 151, 155, 159, 168, 171, 172, 175, 176, 190—192, 194, 198—200, 234—236, 239, 240, 243, 248, 249, 253, 254, 256, 259, 261, 262, 264—267, 277, 281, 286, 291, 292, 295—299, 304—307, 309, 314, 316.
Якутская провинция 86, 135.
Якутский (Якуцкий) уезд 86, 135, 244, 291.
Яланская, дер. 299.
Ялуторовский уезд 94.
Яма, р. 264.
Ямской острог 264, 303, 304, 307.
Ямышевская (Ямышева) крепость 23, 85.
Япония (Японские острова, Епон) 14—17, 20, 21, 27, 47, 50, 54, 60, 61, 63, 96, 122, 223, 242, 253, 255, 337.
Японский пролив 21.
Японское море 21.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТЫРЕХ ВЫПУСКОВ «ОЧЕРКОВ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ СИБИРИ»

ВЫПУСК 1. XVII ВЕК. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ)¹ — 17 лл.

Обзор географических, картографических, этнографических и исторических источников (летописных повестей и летописцев) о Сибири XVII в. Три статьи посвящены С. У. Ремезову — географу, этнографу и историку Сибири (1665—1715 гг.).

ВЫПУСК 2. XVIII ВЕК (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА) — 22 лл.

Изучение Сибири в первой четверти XVIII в. (экспедиции в Сибирь, путешествия через Сибирь в Китай, деятельность в Сибири пленных шведов). Обзор материалов Первой и Второй Камчатских экспедиций. Труды и материалы о Сибири академического отряда Второй Камчатской экспедиции (Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера, И. Э. Фишера, Я. И. Линденау). Труды и материалы о Сибири В. Н. Татищева. Труд М. В. Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

ВЫПУСК 3. XVIII ВЕК (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА) — 20 лл.

Сибирь по третьей и четвертой ревизиям. Сенатская и Кабинетская анкеты о народах Сибири. Сибирские академические экспедиции И. И. Лепехина, И. Фалька, П. С. Палласа и И. Г. Георги. Труд И. Г. Георги о народах Сибири. Путешествие иностранцев в Сибирь. Топографические описания сибирских наместничеств. Карты Сибири второй половины XVIII в. Черепановская летопись, Иркутский летописец и другие исторические сочинения о Сибири, составленные во второй половине XVIII в. Обзор архивных источников о Сибири XVIII в.

ВЫПУСК 4. XIX ВЕК — 30 лл.

Описания сибирских губерний, составленные в XIX в. Экспедиции в Сибирь Академии наук и Русского географического общества. Образование сибирских отделов Русского географического общества и их научная деятельность. Обзор архивных фондов о Сибири XIX в., хранящихся в центральных и местных государственных архивах.

Ленинград, 17 марта 1959 г.

А. И. Андреев.

¹ Вышел из печати в 1960 г. — Прим. ред.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Список принятых сокращений	6
Предисловие	8
I. ИЗУЧЕНИЕ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.	11
1. Экспедиции на Восток до Беринга. И. Евреинов, Ф. Лужин, П. Меллер и др.	11
2. Деятельность в Сибири пленных шведов. Мессершмидт и Стра- ленберг	32
II. ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ КАМЧАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ	45
III. ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОТРЯДА ВТОРОЙ КАМ- ЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ	73
1. Г. Ф. Миллер	73
2. С. П. Крашенинников	164
3. Г. В. Стеллер	229
4. И. Э. Фишер, и Я. И. Линденау	286
IV. ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ О СИБИРИ В. Н. ТАТИЩЕВА	311
V. ТРУДЫ О СИБИРИ М. В. ЛОМОНОСОВА	329
Указатель имен	345
Указатель географических названий	356
Приложение	363

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
37	17 сверху	Молик	Молин
47	5 снизу	Berling's Voyages	Bering's Voyages
63	1 »	стр. 30 и 75.	стр. 75.
166	16 »	осуществленных	осуществленную
185	1 »	стр. 86.	стр. 87.
208	4 »	стр. 111	стр. 110
209	1 »	стр. 205	стр. 256
259	4 »	стр. 306.	стр. 304.
302	5 »	стр. 314—316.	стр. 314—319.
338	13 »	Кратского	Краткого
351	Левый столбец, 19 сверху	Молик	Молин
353	Левый столбец, 11 снизу	Stoller	Stoeller, Stöller